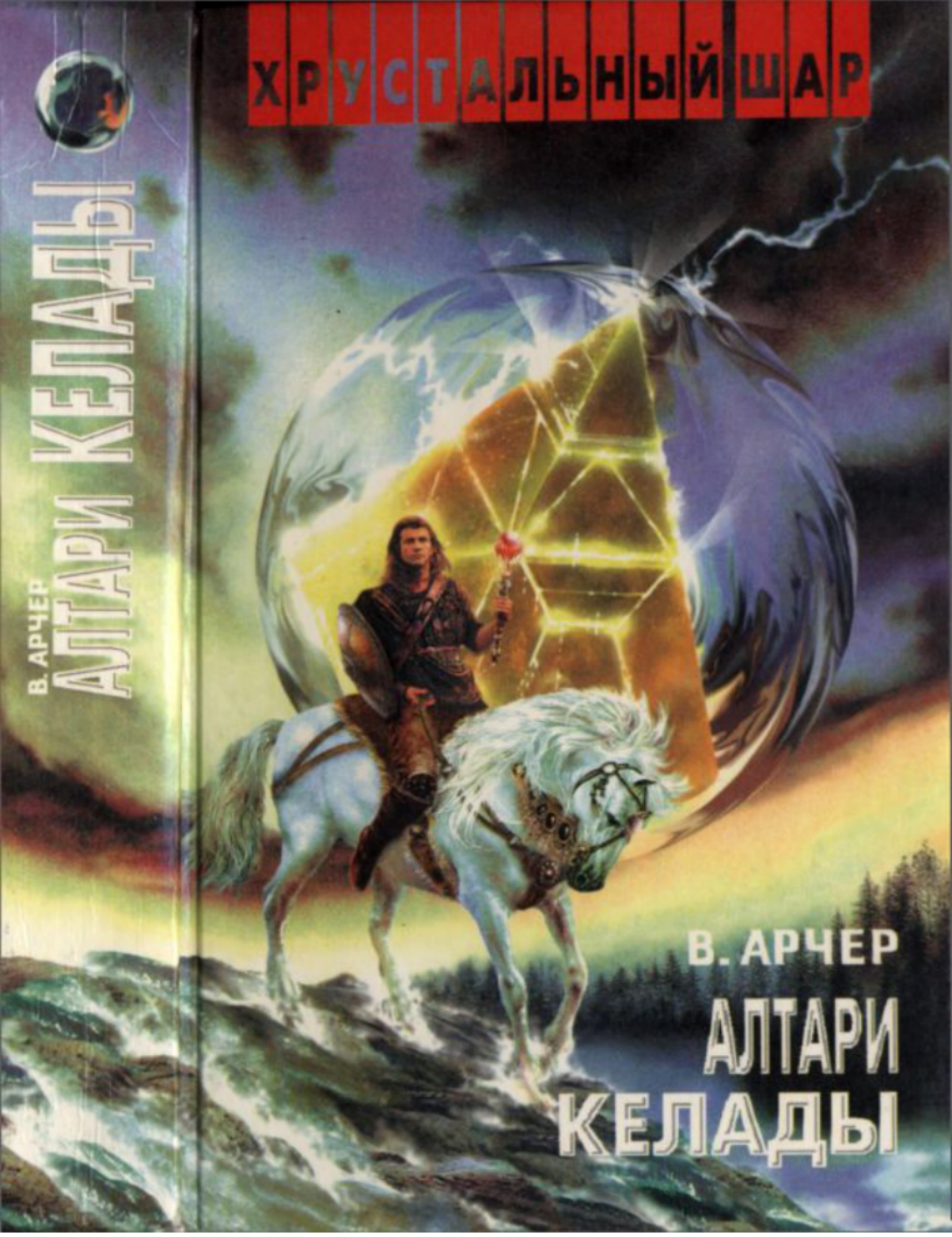

ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР
В. АРЧЕР
АЛТАРИ КЕЛАДЫ
В. АРЧЕР
АЛТАРИ КЕЛАДЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

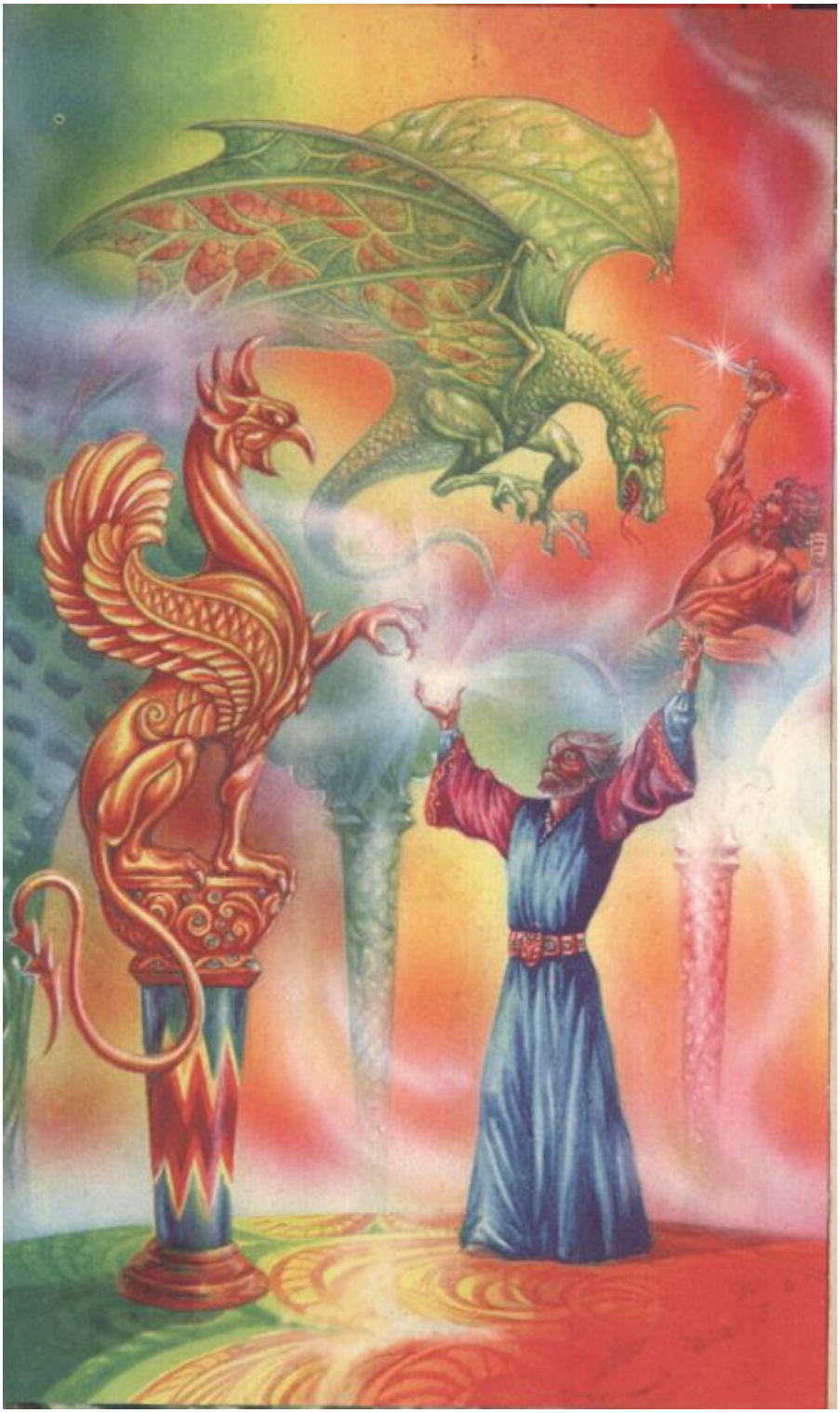
Вадим Арчер — новое имя в жанре героической фантастики, но для тех, кого привлекает яркий красочный вымысел, динамичный сюжет, захватывающие волшебные приключения, роман «Алтари Келады» станет настоящим открытием.

На острове Келада, где магия реальна и, к тому же, подчиняется строгим законам, вспыхивает война. Злой маг Каморра, опираясь на племена дикарей, рвется к верховной власти. Чтобы одолеть его, маги и воины Келады должны не только объединиться, но и отыскать таинственные камни Трех Братьев — мощный источник волшебных сил…

Сражения и придворные интриги, экзотические ритуалы и ужасные чудовища, загадочные храмы и сумрачные подземные лабиринты, борьба любви и благородства с корыстью и властолюбием — все это ждет читателя на страницах романа «Алтари Келады».

- Вадим Арчер
  -
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
  - XI
  - XII
  - XIII
  - XIV
  - XV
  - XVI
  - XVII
  - XVIII
  - XIX
  - XX
  - XXI
  - XXII
  - XXIII

- ○ XXIV
- ○ XXV
- ○ XXVI
- ○ XXVII
- ○ XXVIII
- ○ XXIX
- ○ XXX
- ○ XXXI
- ○ XXXII
- ○ XXXIII
- ○ XXXIV
- ○ XXXV
- ○ XXXVI
- ○ XXXVII
- ○ XXXIX
- ○ XL
- ○ XLI
- ○ XLII
- ○ XLIII
- ○ В. Черных



Вадим Арчер
Алтари Келады

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

В. АРЧЕР

АЛТАРИ КЕЛАДЫ

НПП «Параллель»
Нижний Новгород
1996

I

АЛТАРИ КЕЛАДЫ

Глядя на пылающее красками небо, Альмарен в который раз подумал, что нигде еще не видел таких изумительных закатов, как здесь, в Тире. Да и местные скалы, не розоватые, как в Оккаде, и не жемчужно-серые, как скалы Тионского нагорья, а тревожного красно-бурого оттенка, создавали особое, вечернее настроение, гармонирующее с оранжево-алой предзакатной тишиной. Альмарен опустил руку с куском цветного воска, только что прочертившим отметку на скале, в том месте, куда упал последний луч солнца, но, вспомнив, что сегодня — первая ночь

новолуния, еще раз провел воском по отметке, чтобы сделать ее ярче и длиннее предыдущих. Плавно загибающийся ряд насчитывал еще восемь длинных линий, я значит, три четверти года прошло с тех пор, как они с Магистром задумали проследить особенности годичного пути солнца.

Альмарен развернул коня и поехал назад, на Красный алтарь. Сейчас, в конце первой половины лета, поздний закат солнца вынуждал его ежедневно опаздывать к ужину. Молодой маг направился к выходу из крохотной лощины, окруженной отвесными скалами и потому удобной для наблюдений за передвижением дневного светила. Задержавшись взглядом на противоположной стене лощины, пестреющей утренними отметками, он вспомнил, что завтра нужно вновь вставать до рассвета, и шевельнул коня.

Наль пошел неторопливой рысью, вынося всадника на южный склон Тироканского хребта, откуда открывалась вся северная часть Тирской долины, отделенная хребтом от остальных земель Келады. Внизу, в излучине Тира, виднелось селеньице Тирон, а выше по склону, у самых скал — каменная ограда Красного алтаря.

Три года назад, когда Альмарен приехал в эти края, он не понимал, почему Трем Братьям вздумалось поставить Красный алтарь, ведающий силой огня, в таком удалении от обжитых мест острова. Даже Фиолетовый алтарь, располагавшийся в верхнем течении Каяна, по сравнению с Красным казался соседом многолюдного центра Келады. Еще бы, ведь оттуда — всего неделя пути до Тимая, степного города, славящегося конскими ярмарками. Альмарен купил там своего Наля, тогда еще трехлетку, по совету Магистра, которого вызвался сопровождать в поездке. Прекрасный жеребец редкой золотистой масти, стоивший дорого даже для коня тимайской породы, был не по карману молодому магу, но Магистр добавил своих, заметив, что не стоит мелочиться в таком деле, как покупка коня. Магистр же и разъяснил Альмарену, что в Тирских горах выходят на поверхность залежи руд, необходимых для изготовления магического оружия, которым издавна славится Красный алтарь.

С двенадцати лет, с тех пор, как отец, зажиточный цитионский купец, отвез Альмарена для обучения в Оккаду на Зеленый алтарь, молодой маг подолгу не появлялся в родном доме. За годы жизни среди магов ордена Феникса Альмарен изучил заклинания Зеленого алтаря и прочитал все книги, хранившиеся в ордене — самое полное собрание магических книг на острове. В книгах были не только заклинания для амулетов Феникса, но и многие другие, не действующие на Зеленом алтаре.

Альмарен перечитывал и те, и другие с одинаковым интересом. Лишь одну книгу ему не удалось прочесть, и она беспокоила его, как больной зуб. Это была толстая книга в обложке из обтянутых кожей металлических пластин, с двумя серебряными застежками сбоку, написанная на языке, не известном магам Феникса.

Получив жезл Феникса, Альмарен надумал совершить поездку на Оранжевый алтарь, чтобы узнать побольше о заклинаниях магов ордена Саламандры, известных на острове своим умением исцелять больных. Его учитель написал письмо к Шантору, магистру ордена Саламандры, с просьбой помочь молодому человеку. Благодаря письму Альмарена хорошо приняли на Оранжевом алтаре, где он за три месяца ознакомился с основами магического целительства. Книгу он взял с собой, но на Оранжевом алтаре не нашлось никого, кто мог бы ее прочесть. То ли поэтому, то ли по врожденной любознательности Альмарен не вернулся в Оккаду, а отправился дальше по острову, побывал в Келанге, навестил родных в Цитионе, выехал оттуда в Кертенк, а затем на Фиолетовый алтарь, нигде подолгу не задерживаясь. Наконец его занесло в такой отдаленный уголок острова, как Тирская долина.

Тирский, или Красный алтарь располагался у подножия южного склона Тироканского хребта — большого горного массива в юго-западной части Келады. В отрогах хребта зарождались две реки — Тир и Кан, орошавшие сухую долину южнее хребта и сливающиеся в единое русло у выхода в океан. Немногочисленные селения, прижившиеся на берегах, вели жизнь суровую и небогатую, так как здешние земли были скудными и давали мало средств к жизни. Несмотря на бедность и удаленность тирских земель, Красный алтарь был заложен здесь, и именно это место было указано Тремя Братьями первым магам, пожелавшим использовать силу огня.

Триста лет назад на Келаде жили трое братьев-магов, необычайное искусство которых породило массу легенд, передававшихся из поколения в поколение. В легендах утверждалось, что братья создали алтари острова для помощи остальным уроженцам Келады, наделенным способностью подчинять и использовать магические силы. Было известно только пять мест, излучающих силу магии, поэтому туда мало-помалу собирались маги, и, невзирая на трудные для жизни условия, заселяли и обживали ценную для них землю. В центре силы сооружалась алтарная площадка, вид которой зависел от вкуса и фантазии местных магов. Заклинания произносились в этой точке, хотя сила, постепенно убывая, чувствовалась на расстоянии тридцати-пятидесяти шагов от нее.

При четырех алтарях, в том числе и Тирском, в течение десятков лет действовали школы магов, называвшие себя орденами. Каждый орден имел свое название, свои знаки отличия, свой устав, свои области применения магии и своего главу — магистра ордена.

Способность применять магию не была редкостью среди келадских жителей. Желающий зарабатывать магией выбирал алтарь по своим талантам и склонностям, обучался на нем и, достигнув мастерства, проходил обряд посвящения, где получал амулет из эфилема — полудрагоценного камня, встречающегося в скалах Оккадского нагорья. Первое посвящение считалось малым, или ученическим, и давало право носить орденский перстень, на втором маг получал жезл и становился полноправным членом ордена. С помощью заклинания эфилемовый амулет связывался энергетической нитью с алтарем, приобретая свойство принимать силу этого алтаря. Обладатель амулета мог оставить алтарь и пользоваться его силой в любой точке острова, что и делали многие маги после получения жезла.

Свойства эфилема были известны так же давно, как и свойства алтарей. Маги отправлялись за ним на Оккадское нагорье, откуда возвращались, нагруженные кусками магического минерала всевозможных цветов и оттенков. Амулеты изготавливали в мастерских при алтарях — кольца и жезлы, браслеты и камеи, резные украшения для одежды и оружия. На амулетах, по давней традиции, изображался символ ордена, однако основным их различием была способность излучать свет, свой для каждого алтаря. Алтари носили названия по цвету свечения связанных с ними эфилемовых изделий.

Красный алтарь был обжит магами давно и основательно. И жилье, и мастерские, и кладовые, и даже конюшня — все было сложено из красноватого камня и казалось продолжением каменных россыпей, образующих южный склон хребта. На просторном дворе поселения размещалась круглая алтарная площадка с тремя ступенями по краю и крестообразной отметкой в центре, куда ставили рабочий стол магов. Поселение окружала каменная стена с воротами в ее южной части. Времена на острове бывали разные, бывали и такие, когда алтарь нуждался в надежной защите и охране, но сейчас эти ворота никогда не запирались.

Маги Красного алтаря основали орден Грифона, выбрав своим символом крупного и опасного хищника с крыльями, обитающего в скалах Ционского нагорья. Алтарю подчинялась сила огня, позволявшая использовать заклинания для работы с огнем и металлами. При алтаре имелась рудоплавильная печь, а

также кузница, где изготавливали оружие, доспехи, посуду и бытовую утварь. Готовые изделия клали на алтарь и с помощью заклинаний силы огня придавали им прочность, не достижимую при кузнечной обработке, поэтому металлические изделия с головой грифона высоко ценились во всей Келаде. Их продажей и кормились три десятка магов и ремесленников, живших в алтарном поселении.

Женщин здесь не было, хотя на пустынном дворе поселения раз в неделю появлялись разбитные тиронские бабы и застенчиво хихикающие молодки с товарами, принесенными на продажу. Мужское население алтаря составляли преимущественно юнцы из нищих тимайских семей, жаждущие скорее освоить магию и уйти устраивать жизнь в городах Келады, и пожилые немногословные одиночки, выброшенные водоворотом жизни в тихую заводь самой отдаленной из келадских окраин.

Языка книги не знали и здесь, и Альмарен так и не прочитал ее. Заинтересовавшись изготовлением магического оружия, он остался изучать технологию и заклинания, применяемые магами ордена. Прошлой весной он достиг первого уровня мастерства и принял малое посвящение ордена Грифона. Обряд был строг и прост, как и весь уклад местной жизни. Альмарена поставили в центр алтарной площадки, двое магов встали по бокам и направили на него жезлы, магистр ордена произнес заклинание посвящения и вручил эфилемовый перстень с головой грифона. Теперь Альмарен мог использовать силу и заклинания Тирского алтаря.

Альмарен, намеревавшийся задержаться в Тире на месяц, четвертый год оставался среди магов ордена Грифона. Течение времени не чувствовалось здесь, ежедневные обязанности не тяготили молодого мага, величественная, застывшая тишина тирских пейзажей навевала спокойствие духа и ясность мысли. Помимо этого, немалое влияние на привязанность Альмарена к здешним краям оказало общение с магистром ордена Грифона. Тот поселился в Тире лет десять назад, уже во взрослых годах взявшись за изучение магии, а после смерти прежнего магистра, глубокого старика, был единодушно избран главой ордена. О прошлой жизни Магистра никто на алтаре не знал и не беспокоился об этом — здесь было не принято интересоваться прошлым жителей поселения.

Слово за слово Альмарен сблизился с Магистром и, несмотря на разницу в возрасте, они стали друзьями. Они не скучали вместе, рассуждая о магии, об особенностях сил, подвластных алтарям, об устройстве мира, о солнце и звездах, проходящих по небу, а прошлой осенью надумали проследить небесный путь

солнца. Сейчас, спустя три четверти года, результаты наблюдений оказались так увлекательны, что Альмарен, был готов жертвовать сном, завтраком и ужином, лишь бы поставить на скале очередную отметку.

Уже пятую неделю Альмарен дважды в день навещал скалы в одиночестве. В начале лета на Красный алтарь прибыл гонец с письмом от магистра ордена Саламандры. В письме говорилось, что последние события на острове требуют немедленного созыва совета магов. Время и место сбора было назначено в ближайшее полнолуние на Каянском алтаре.

— Что там стряслось? — поинтересовался Магистр у гонца, так как в письме не было и намека на причины созыва совета. — Я не знаю события, достойного такого шума.

— Разве к вам не доходили новости? — удивился гонец. — Вы ничего не знаете о Каморре?

— Об этом негодяе, которого выгнали из ордена Саламандры? Почему же, слышал, — поморщился Магистр. — Говорят, он подался на север и поселился у уттаков. Самая подходящая для него компания.

— Ему удалось объединить уттаков, — гонец многозначительно замолчал, подчеркивая невероятность события.

— Уттаков не объединишь, — возразил Магистр. — Они слишком дики. Всем известно, что их численность не растет потому, что племена охотятся друг на друга.

— Спокойно вам тут живется, в Тире, — покачал головой гонец. — Численность уттаков не растет, но и не так мала, как хотелось бы. А Каморра, хоть и лишился права работать от Оранжевого алтаря, но пока не перестал быть магом. Шантор считает, что именно магия помогла этому босханцу повлиять на уттаков так, что они перестали поедать друг друга, надеясь закусить остальным населением острова. Приезжайте на совет, и все узнаете сами.

На следующий день Магистр оставил дела на Синатту, ведавшего доходами и хозяйством алтарного поселения, и выехал на Фиолетовый алтарь. Он звал Альмарена с собой, но тому стало жаль бросать начатые наблюдения. Молодой маг отказался от поездки, предпочтя изучение движения солнца обществу друга.

Оставшись один на один с тирскими буднями, Альмарен стал замечать однообразие местной жизни. Он с нетерпением ожидал своего друга с новостями. Впрочем, сегодня, вернувшись в поселение, молодой маг оставил мысли о далеких событиях и занялся насущными делами. Он расседлал Наля и взялся за скребницу, привычными движениями начищая золотистую шкуру. Конь пофыркивал и тянулся мордой к карману хозяина в поисках

хлебной корочки, но вдруг вскинул голову и, прислушавшись к чему-то, заржал.

Звук гонга заставил Альмарена отложить скребницу. Гонг возвещал все урочные и неурочные события в поселении. Время ужина давно прошло — следовательно, на алтаре случилось что-то, нарушающее обычный ход жизни.

Альмарен поставил коня в стойло и побежал к кузнице, где висел гонг — бронзовый щит с бронзовым молотком на цепочке. Звук ударов бронзы по бронзе проникал в отдаленные закоулки алтаря, созывая жителей на сбор. У кузницы росла толпа — все понимали, что случилось чрезвычайное событие.

— Магистр возвращается! — объявил маг, который бил в гонг. Это было, безусловно, событием. Жители поселения отправились к воротам встречать Магистра.

Альмарен вышел из ворот вместе с остальными. По дороге, ведущей от Тира к Красному алтарю, ехал одинокий всадник. Если бы местные жители имели привычку выставлять охрану, он был бы замечен еще у моста, поворачивающего на Тирон, так как окрестности хорошо просматривались. Из-за сухого климата склоны гор не были покрыты ни лесом, ни кустарником — все это росло в долине реки. Здесь же были камни и невысокая трава, а ровные участки были засеяны низкорослой выносливой пшеницей или служили пастбищами для горных антилоп.

Глава ордена Грифона был далеко не стар, несмотря на седину в волосах, спускающихся на плечи. Это был рослый, сильный мужчина, напоминавший скорее воина, чем мага. Его спину прикрывал плащ из шерсти горной антилопы, у пояса висел тяжелый и длинный меч с головой грифона на эфесе. Серый в яблоках конь, такой же рослый и мощный, как хозяин, без труда преодолевал подъем. Всадник сидел на коне прямо и уверенно, хотя проделал длинный путь, торопясь добраться до места.

Магистр подъехал, приветствовал собравшихся и соскочил с коня. Синатта, сухонький, седенький маг, подлетел к нему и обрушился с вопросами.

— Как дорога, Магистр? Что нового в Келанге? А что говорил Шантор? Кто там был из магов Феникса?

Синатта, несмотря на преклонный возраст, был подвижен, как юноша, неутомимо деятелен и неукротимо любопытен. Магистр хорошо знал старого мага, поэтому оставил вопросы без внимания.

— Подожди, Синатта, — сказал он, оглядывая собравшихся. — Все новости завтра. А сейчас баня и ужин.

Встретив взгляд Альмарена, Магистр кивком подозвал молодого мага.

— Как я рад, что вы вернулись, Магистр! — сказал Альмарен, подходя.

— И я. Ну как здесь жизнь, без меня?

— Спокойно, — улыбнулся Альмарен. — Скучновато, я бы сказал. Давайте вашего Тулана, я поставлю его.

— Не хочешь ли поужинать еще разок? — спросил Магистр, передавая Альмарену повод коня. — Составь мне компанию.

— С удовольствием, — согласился Альмарен. — Тем более, что я еще не ужинал.

— Тем лучше. Приходи ко мне. — Магистр повернулся к Синатте. — Ужин на двоих в мою комнату.

Воздух закипел вокруг Синатты — маг помчался выполнять распоряжение Магистра. Альмарен отвел Тулана в конюшню, расседлал и почистил, принес воды, засыпал в кормушку сена и пшеницы, а его старший друг отправился в баню, расположенную в пристройке у кузницы. Большой чан, в который с утра наливали воду, служил задней стенкой горна. От жара, идущего из горна, вода прогревалась и использовалась для мытья и хозяйственных нужд.

После бани Магистр вернулся в свою комнату, где давно стоял ужин. Дождавшись молодого мага, он указал ему на стул.

— Садись. — Магистр взял второй стул и уселся напротив. — Две недели не ел горячего, — сказал он, пододвигая поближе миску с кашей.

— Тулан ваш отощал, — заметил Альмарен. — Бока у него не те, что прежде.

— Не отощал, а согнал лишний жир. Он в прекрасном состоянии, поездка пошла ему на пользу.

— Надеюсь, и вам тоже, Магистр?

— Да как сказать… ты бывал на Фиолетовом алтаре?

— Я проезжал там три года назад.

— Тогда сам знаешь, — взглянул на него Магистр. — Пыль, песок, грязные комнаты для приезжих, вечно не хватает воды. Умыться — проблема. Коней пасти — опять проблема. Все вздохнули с облегчением, когда разъезжались.

— А кто был на совете? — поинтересовался Альмарен.

— Шантор, конечно, и с ним еще трое. Пятеро из Келанги, семеро из Цитиона, из других мест еще человек десять. С Зеленого алтаря — трое, в том числе и Суарен. Явился даже колдун с Синего алтаря, такой забавный старый гриб. Ты помнишь Синий алтарь, тот, что в Лоанской долине?

— Помню, — подтвердил Альмарен. — В той местности живут коренные обитатели Келады, лоанцы. Среди них почти нет магов.

— Да. На Синем алтаре нет своего ордена. Более ста лет назад совет магов острова принял решение не беспокоить лоанцев. — Магистр слегка улыбнулся. — Старичка, конечно, никто не позвал, но ему было видение, представь себе!

— Он настоящий маг, Магистр! — в тон ему ответил Альмарен.

— Наверное. Суарен расспрашивал о тебе и был рад узнать, что ты живешь у нас, но удивлялся, почему ты не приехал.

— Но, Магистр, мы потеряли бы целый год! — воскликнул Альмарен.

Магистр рассеянно кивнул.

— Может получиться так, что наблюдения придется отложить, — сказал он.

— Неужели дела на острове так плохи?

— Совет не собирают по пустякам. — Магистр отодвинул миску. — Говорилось много, я не могу решить, какие слова правдивы, а какие вызваны страхом, но в любом случае — положение угрожающее. Ты слышал о Каморре?

— Очень мало. О нем упоминали, когда приезжал гонец.

— Каморра — сын босханского оружейника. — Магистр с неприязнью выговорил имя. — Из мага ордена Саламандры он стал грабителем и был исключен из ордена. Несмотря на это, он был хорошо принят Берсереном, правителем Келанги, и помогал ему во всяких пакостях. Десять лет назад они поссорились, и Каморра ушел на север к уттакам.

— И уттаки не съели его?

— К сожалению, нет. Говорят, он отыскал в Иммарунских лесах еще один алтарь, Белый, поселился там и провозгласил себя магистром ордена Василиска. Кто бы еще взял символом ордена такую гнусную тварь?

— Откуда известно, что это не пустые слухи?

— Года полтора назад он появлялся в Келанге и подыскивал помощников. На совете были маги из Келанги, которым он предлагал присоединиться к ордену Василиска. Они видели у него амулеты ордена.

— Белый алтарь… — покрутил головой Альмарен.

— Туда собрались все негодяи острова, и не только маги. У них есть свой алтарь. Ты понимаешь, что это значит?

— Да, — подавленно произнес Альмарен. — Жаль, но энергия алтарей одинаково служит и добру, и злу. Значит, на Белом алтаре творятся черные дела?

— Чернее некуда, — согласился с ним Магистр. — А теперь выслушай худшее.

Он подошел к небольшому шкафчику, стоящему на подставке

у изголовья кровати, и извлек оттуда сложенный лист бумаги. Вернувшись, он сдвинул посуду и развернул на столе лист, оказавшийся картой Келады. Белого алтаря на ней не было. Магистр отчеркнул ногтем его расположение и показал Альмарену.

— Это Белый алтарь, — сказал он. — Шантор говорит, что вот здесь, в верховьях Иммы, с весны накапливаются отряды уттаков. Самое удивительное, что они из разных племен, но не враждуют между собой.

— Как он получил эти сведения? — полюбопытствовал Альмарен.

— И охотники, и разведчики из Бетлинка утверждают это. Правитель Бетлинка просил у Берсерена подкрепления, но тот отказал.

— Странно, — пожал плечами Альмарен. — В Бетлинке правит младший брат Берсерена. Мне рассказывали, что он получил замок благодаря какой-то грязной истории, и Берсерен играл в ней не последнюю роль. Неужели они поссорились?

— Прошлой осенью Кревирен умер от тяжелой простуды. Бетлинком правит его сын, Вальборн.

— Он таков же, как его отец?

— Нет, говорят, совсем не таков. И он — храбрый воин. Но скоро ему придется трудно. Шантор считает, что Каморра готовится к войне. Первый удар будет направлен на Бетлинк.

Альмарен углубился в карту.

— Да, это очевидно, — согласился он. — Каморра не оставит замок у себя в тылу.

— За Бетлинком последует Оранжевый алтарь, затем — Келанга. А там и Зеленый алтарь недалеко. Каморра честолюбив, он не успокоится, пока не приберет к рукам весь остров. Шантор рассказал на совете, что босханец несколько раз пытался перекрыть силу Оранжевого алтаря.

— Ему это удалось?

— Частично. Амулеты не теряли связи с алтарем, но работа прямо от алтаря становилась невозможной. Черные жрецы храма Мороб, великой Саламандры, не могли лечить больных.

— Разве такая магия возможна? Силы алтарей не могут влиять друг на друга.

— Видимо, могут, — предположил Магистр. — Но заклинание каждый раз удавалось снять.

— Как?! — подскочил Альмарен. — Я никогда не слышал ни о заклинании, запирающем силу алтаря, ни об обратном.

— Шантор не рассказывал этого на совете, но потом, когда передавал мне… — Магистр запнулся. — …с глазу на глаз он

проговорился, что их черная жрица сумела снять заклинание Каморры с помощью ритуального танца.

— Черная жрица, Магистр? — приподнял бровь Альмарен. — Впервые слышу, что среди черных жрецов есть женщина.

— Я тоже, — подтвердил Магистр. — Я начал расспрашивать Шантора, но тот больше ничего не сказал. Мне показалось, что он пожалел о своих словах. Должно быть, она сильная магиня.

— Ну, если она считается сильной среди черных жрецов храма Мороб, это кое-что, — отозвался Альмарен. — Что решили на совете?

— Нужно поторопить правителей тионских городов с подготовкой к обороне и убедить их действовать совместно. Здесь есть определенные трудности.

— Если даже уттаки могут действовать совместно, здесь-то какие трудности?

— Ты, я смотрю, плохо знаешь Берсерена. Старикашка упрям и самонадеян. Шантор разговаривал с ним по пути на совет, но ни в чем не убедил его. Правитель Келанги, города, важнейшего с точки зрения обороны, ведет себя так, будто уттаков и на свете нет.

— А другие?

— Как дела в Босхане, пока неизвестно. Донкар, правитель Кертенка, объявил сбор ополчения. Правитель Цитиона начал постройку новой городской стены, но вряд ли успеет ее закончить. Он просил подвезти в армию побольше магического оружия. Луки изготовит орден Феникса, они это умеют, мы — мечи и щиты. — Магистр задумался. — Если все пойдет, как намечено, объединенная армия через три месяца будет под Келангой. Наше оружие нужно доставить туда к этому сроку. — Он поднялся со стула и зашагал по комнате.

Все было сказано, время шло к полуночи, но Магистр не торопился с окончанием беседы. Он молча ходил из угла в угол, будто какая-то мысль не давала ему покоя. Альмарен в задумчивости сопровождал Магистра взглядом. Ему казалось, что тот хочет сказать ему еще нечто важное, но никак не может решиться.

— Послушай-ка, Альмарен, — вдруг повернулся к нему Магистр. — Ты помнишь легенду о Трех Братьях?

Альмарен ожидал любого вопроса, только не этого, но ответил довольно быстро.

— Которую? Про Трех Братьев ходит много легенд.

— Припомни ту, где говорится о трех камнях, — уточнил Магистр.

— Говорят, создавая магию, братья сделали три камня для

управления ею. Младший брат, Лилигрен, создал Синий камень, или камень воды. Считается, что ему подвластна сила холода. Средний брат, Оригрен, создал камень огня, или Красный камень. Ему подвластны тепло и жар. Старший брат, Гелигрен, создал Желтый камень, или камень жизни. Ему подвластна жизненная сила растений, животных и людей. — Альмарен отчеканил смысл легенды, как хорошо выученный урок, в глубине души недоумевая, зачем Магистру понадобилась старая сказка сейчас, когда реальность стала опасной и угрожающей. — Говорят, что каждый брат вложил в камень частицу души и назвал его своим именем. Красиво, правда?

— Вспомни, для чего эти камни. Что говорится в легенде?

— Это все. Для управления магией, и больше ни слова. О свойствах алтарей мы знаем многое, но о камнях нет никаких сведений.

— А как эти камни управляют магией? Тебе нигде не попадалось хотя бы намека?

— Нет, Магистр. Да и есть ли они вообще, эти камни? Их никто никогда не видел. В легенде говорится, что вместе камни составляют страшную силу. Говорится, что когда братья поняли это, они спрятали их в разных концах острова. Я думаю, это всего лишь попытка объяснить, почему камней нище нет.

Магистр, казалось, был разочарован. Он опустился на стул и вновь задумался, словно на что-то решаясь, затем вытащил из-за пазухи маленький сверток и аккуратно развернул его. На куске мягкой тряпки лежал синий кристалл.

Альмарен онемел от изумления. Вид кристалла был так необычен, что вывод напрашивался сам собой. Синий камень из легенды лежал перед ним, как ни в чем не бывало, как какой-нибудь осколок булыжника с мостовой, выбитый копытом резвого коня, или речной голыш, омываемый струями буйного Тира. Он был похож на дольку крупного яблока, разрезанного на три части. Две стороны дольки были плоскими, а третья, полукруглая, переливалась тысячами граней. Из глубины камня струился глубокий и мягкий синий свет, то мерцающий, то пульсирующий, словно камень жил и дышал в такт своей загадочной кристаллической жизни.

— Это Лилигрен, — сказал Магистр. — Младший Брат.

— Какая красота! — выдохнул Альмарен.

Оба долго смотрели на камень, будто завороженные.

— Шантор передал его мне на хранение, — нарушил молчание Магистр. — Камень был надежно спрятан в подземных помещениях храма Мороб, о нем знали только черные жрецы. Весной камень пытались украсть, поэтому Шантор решил увезти

его с алтаря. Он считает, что попытка кражи — дело Каморры. Босханец был магом Саламандры и мог слышать о камне.

— Зачем этот камень понадобился Каморре? — спросил Альмарен.

— Конечно, не как красивая безделушка. Видимо, он знает о камнях Трех Братьев больше, чем мы. Я надеялся, что ты читал про камни в книгах Зеленого алтаря. Там есть полная книга заклинаний. По слухам, она написана еще Тремя Братьями.

— Нет, о камнях там ничего не было. Описаны свойства всех трех сил, общеизвестные заклинания, особенности работы тех алтарей, которым подчиняется по две силы — Зеленого, Оранжевого и Фиолетового. И все.

— Жаль. — Магистр вновь загляделся на камень. — Посмотри, Альмарен, какой живой и теплый синий свет! В него можно глядеть до бесконечности, как в глаза любимой женщины. Одно это уже магия.

Непривычная мягкость в голосе Магистра удивила Альмарена не меньше, чем вид Синего камня. Чего-чего, а лишней чувствительности он за своим другом не замечал. Тот поднял голову, его лицо оставалось спокойным и суровым. Альмарен даже засомневался, не послышалась ли ему последняя фраза главы ордена Грифона.

— Ты можешь посмотреть энергетику камня и что-нибудь сказать о его свойствах? — обратился к нему Магистр.

Альмарен осторожно взял Синий камень в ладони и, прикрыв глаза, сосредоточился на его энергетических связях.

— От камня идут четыре нити, а не одна, как от обычных амулетов, — сообщил он, закончив осмотр. — Я пробовал принять энергию с нитей, но они не отзываются. Камень не поставляет магическую силу владельцу.

— Ты уверен?

— Безусловно. Может быть, нити камня проводят энергию в другую сторону?

— Но зачем? — пожал плечами Магистр. — В каком направлении они тянутся?

— Туда. — Альмарен махнул рукой.

— Там у нас центральная часть острова.

— Нити всегда идут к алтарям, — напомнил Альмарен. — Легенды говорят, что Синий камень управляет силой холода. Эта сила подчиняется Синему, Фиолетовому и Зеленому алтарю. Три нити могут вести к ним.

— А четвертая?

— Не знаю. — Альмарен отдал камень Магистру. У него кружилась голова. Исследование камня не было простым

заклинанием и отнимало много сил. Очевидная мысль возникла у молодого мага, и он тут же ее высказал. — Видимо, четвертая нить идет к Белому алтарю. Каморра знает, как это использовать.

— Знает? — взглянул на него Магистр. — Но откуда?

— Есть лишь один способ выяснить это, — подсказал Альмарен. — Нужно спросить у Каморры.

II

Этой ночью Альмарен спал беспокойно. Возбужденный новостями мозг порождал странные картины — то ли сновидения, то ли галлюцинации, — в которых причудливо переплеталось услышанное вечером. Молодой маг увидел себя на опушке сумрачного северного леса, откуда выходили бесчисленные отряды уттаков — оскаленные, почти звериные лица, короткие кривые ноги, жесткие узловатые пальцы, держащие тяжелые луки и огромные, грубо сделанные каменные секиры. Он стоял, прижимая к груди жезл Феникса, а они все шли и шли на него, мимо него и сквозь него.

Альмарен почувствовал небо — черное, грозовое. Облака шли низко и тяжело, гонимые быстрым ветром, на них проявилось призрачное белое видение, становившееся гуще и плотнее. Высоко в воздухе извивался и клубился исполинский рогатый ящер с кожистыми крыльями — василиск. Морда ящера карикатурно исказилась и перелилась в сухой, властный профиль. Несомненное предчувствие, что это — Каморра, заставило Альмарена напряженно всмотреться в проступившее перед ним лицо.

Мгновенный провал сознания стер видение. В полной тьме возникла синяя точка, и из глубины стал выдвигаться Синий камень, мерцающий таинственно и грустно. Камень медленно вращался, от него тянулись и пульсировали тонкие синие лучи. Вдруг он дрогнул, распался и превратился в глаза женщины, такие же синие, глубокие и грустные, пристально глядящие на Альмарена. Неожиданный вихрь стер картину. В его замедляющемся вращении Альмарен увидел продолговатый предмет, в котором узнал книгу, привезенную с Зеленого алтаря. Альмарен взял книгу и раскрыл ее. Теперь язык книги казался ему знакомым, но смысл текста ускользал. Молодой маг силился разглядеть отдельные слова, они расплывались перед глазами, страницы листались сами собой и не позволяли остановить внимание на фразах. Альмарен напрягся, чтобы уловить хоть что-то, но видение размылось и исчезло. Он вздрогнул и проснулся.

Светало. Альмарен успевал к скале до восхода солнца. Он торопливо оделся и пошел седлать коня, хотя чувствовал себя еще более разбитым и усталым, чем до сна. Свежий воздух вернул ему ясность мысли. Последнее видение — книга — не выходило из головы молодого мага. «Если бы я мог прочитать ее, — думал он, — нужно изучить ее внимательней». Решив посмотреть книгу по возвращении, он успокоился и доехал до скалы с легким

сердцем.

Гонг, раздавшийся после завтрака, объявил общее собрание жителей Красного алтаря. Было известно, что Магистр будет рассказывать о совете магов, поэтому никто не заставил себя ждать. Когда собравшиеся расселись на ступенях алтарной площадки, появился Магистр, одетый, как подобает главе ордена Грифона в важных и торжественных случаях. На нем был красный плащ с изображением грифона на спине, застегнутый на шее фигурной застежкой, голову стягивал темно-красный эфилемовый обруч. На груди Магистра, на цепочке, висел большой бронзовый диск с чеканкой, изображавшей грифона.

Магистр рассказал то, что уже знал Альмарен, ни слова не упомянув о Синем камне, затем обратился к сидевшим перед ним людям.

— Мы не можем ждать, пока война доберется до нас. Уже сейчас мы должны сделать все, что можем, и так быстро, как можем. Я хочу, чтобы все поняли это.

Синатта, ерзавший на ступенях, выскочил.

— Конечно, Магистр! Кузница будет работать днем и ночью, для кузнечных дел людей у нас достаточно. Верно, парни?! — обратился он к сидящим.

Все одобрительно загудели. Синатта заговорил еще быстрее, помогая себе энергичными жестами.

— За два месяца мы скуем сотню мечей, не меньше. Полсотни мечей и щитов уже готовы, мы собирались везти их на продажу осенью. Но запасов руды у нас мало. Нужно ехать в горы сейчас же, а для этого нет ни людей, ни лошадей.

— Отправляйся в Тирон, Синатта, — посоветовал Магистр. — Поговори с тамошними жителями и возьми у них людей и лошадей. Они не откажут, когда узнают, для чего это нужно. Выдели каждой группе одного из наших, на это у нас людей хватит. Чтобы отвезти оружие к Оранжевому алтарю, потребуется обоз. Договорись сразу и об обозе.

Обоз?! — вскинулся Синатта. — Я сам поведу его через Сехан.

— Не торопись, — остановил его Магистр. — В этом году на Келаде страшная засуха. Сеханская равнина выжжена солнцем. Ручьи исчезли, родники, текущие с гор, высыхают, не достигая равнины. Обоз не может идти по безводной местности, а магам Грифона не подчиняется вода. Вы отправитесь южным путем — вверх по Каяну, мимо Фиолетового алтаря, потом вдоль южного берега Келады до Кертенка, а оттуда вверх по Большому Тионскому тракту.

— Но этот путь вдвое длиннее! — подскочил Синатта. —

Война кончится, пока мы доберемся до Келанги.

— У нас нет выбора, Синатта. Возьми в обоз лучших лошадей, чтобы передвигаться быстрее.

Собрание закончилось. Альмарен вспомнил про книгу и пошел к себе в комнату. Последнее, что он заметил, был Синатта, который увязался за Магистром и что-то горячо говорил ему, размахивая руками и подпрыгивая от возбуждения.

Книга лежала в сундуке, на дне дорожного мешка. Альмарен расстегнул серебряные пряжки и начал просматривать плотные желтоватые страницы. В книге было семь глав, каждая глава начиналась цветной геометрической фигурой.

Альмарен хорошо различал абзацы, предложения и даже слова, но буквы текста были незнакомыми. До обеда он промучился с книгой впустую. В комнате было сумрачно и душно из-за крохотного окошка. Молодой маг почувствовал, что заснет, если не выйдет на воздух — сказывалась дурно проведенная ночь. Он взял книгу, вышел из укрепления и спустился по склону к ручью. Было уже за полдень, округа звенела кузнечиками, которые то и дело выскакивали из-под ног. Усевшись на камень у ручья, Альмарен вновь открыл книгу и стал изучать цветные фигуры, потому что уже глядеть не мог на буквы, эти бессмысленные черточки и закорючки.

В начале первой главы был нарисован треугольник. Краски давно выцвели, но было заметно, что когда-то он был синим. Вторая глава открывалась красным квадратом, затем следовал желтый круг. Перед четвертой главой тоже был изображен квадрат, грязно-бурый, но от середины его верхней стороны к нижним углам спускались две прямые линии. Следующие главы открывались кругами, в один из которых был вписан квадрат, в другой — треугольник. В круг перед последней главой был вписан квадрат с двумя линиями. Эта фигура не была раскрашена, или, может, краски полностью выцвели.

Альмарен долистал книгу до конца и тупо уставился в ее раскрытую обложку. Сколько он так просидел, трудно было сказать.

Вдруг большой кузнечик стукнулся Альмарену в лоб и упал на внутреннюю сторону обложки книги. Альмарен раздраженно хлопнул нахальное насекомое и тут же пожалел об этом — на желтоватой бумаге образовалось грязное пятно. Вытирая пятно, он почувствовал, что под бумагой есть что-то вроде плоского прямоугольника. Альмарен полез по карманам в поисках чего-нибудь, чем можно подковырнуть обложку, но ничего не нашел. Он закрыл глаза, протянул руки над обложкой и сосредоточился. Бумага отошла от серебряной пластины, служившей основой

обложки. Под ней лежал сложенный вдвое лист, а на нем чернели те же крючки и закорючки — буквы незнакомого языка. Альмарен развернул лист. Над текстом был нарисован круг, разделенный на три части линиями, идущими от центра. Одна треть круга была синей, вторая — красной, а третья — желтой.

Если бы Альмарен не видел Синего камня, то не понял бы значения картинки, но теперь он сразу же догадался, что здесь изображены три камня, о которых они вчера говорили с Магистром. Подумав, что листок нужно немедленно показать Магистру, он застегнул книгу и заспешил вверх по склону.

Магистр с большим интересом рассмотрел картинку, а затем и весь листок. Поглядев листок на просвет и не обнаружив ничего нового, он начал рассматривать геометрические рисунки в книге.

— А ты что об этом думаешь, Альмарен? — спросил он, просмотрев книгу.

— Все фигуры состоят из четырех основных — треугольника, круга, квадрата и квадрата с палочками. — Альмарен потер руками виски.

— Это не палочки, а треугольник внутри квадрата, — сообщил ему Магистр. — Есть три основные фигуры — треугольник, квадрат и круг. Все остальные фигуры — составные. Ты сегодня неважно соображаешь, Альмарен.

Альмарен оставил замечание Магистра без внимания. Тот вгляделся в него, потом положил руку на лоб молодого мага и приподнял его лицо кверху.

— Да на тебе лица нет, парень! Здоров ли ты? — забеспокоился он, но лоб Альмарена был холодным. Иди немедленно спать, а к горе я съезжу сам.

Альмарен и сам чувствовал, что выспаться — это именно то, что ему сейчас нужно. Он пошел к себе в комнату и, едва донеся голову до подушки, провалился в глубокий сон.

Звук гонга разбудил его.

«Ужин», — подумал Альмарен спросонья. Он чувствовал себя свежим и бодрым, совершенно выспавшимся, но очень голодным. Открыв глаза, он оказался в полной темноте и понял, что время ужина давно прошло, а сейчас уже за полночь. Теперь он слышал, что гонг бил часто и тревожно, а это означало, что в поселении что-то случилось. Альмарен нащупал в изголовье жезл Феникса, пробормотал в уме заклинание, чтобы засветить амулет, затем быстро оделся и выбежал на двор с зеленовато-сияющим жезлом в руке.

Из-за новолуния на дворе было не светлее, чем в комнате. Отовсюду приближались красные точки жезлов Грифона — маги сбегались на сигнал тревоги. У кузницы Альмарен увидел

Магистра, бившего в гонг. На его боку, на белой рубахе, расплывалось красное пятно.

— В укреплении воры! — крикнул Магистр. — Скорее к воротам!

Ворота немедленно закрыли и обшарили все уголки, но никого не нашли. Все в растерянности собрались на дворе у гонга. Синатта охал и суетился.

— Что пропало? — спросил он Магистра.

— Одна важная вещь, которую мне дали на хранение. Я поклялся Грифоном, что сберегу ее. Я должен вернуть ее назад, поэтому немедленно выезжаю. Запас еды и коня!

— И мне! — добавил Альмарен. Он без объяснения понял, что пропало у Магистра.

Синатта понесся выполнять приказ.

— И ты едешь, парень! — сказал Магистр. — Я рад. Собирай вещи, наш путь может оказаться долгим.

Альмарен забежал по пути в кухню, полез в котлы, проглотил миску холодной похлебки и, жуя на ходу кусок хлеба, побежал за вещами. Их было немного — смена одежды, теплый плащ и сапоги, меч с грифоном на эфесе. И, конечно, книга. Он завернул ее в плащ, сунул в мешок, подхватил его и выскочил на двор.

На дворе рассветало. Альмарен погасил жезл и добежал до конюшни. Там держали оседланных Тулана и Наля, рядом лежали мешки с провизией. Дорожный запас был обычным — немного хлеба, копченый бок антилопы, круг сухого соленого сыра и сушеные фрукты. Были и дорожные лепешки из жареной муки, незаменимая еда путников. Их не пекли, а прессовали, перемешав жареную муку с медом или с подсоленным жиром антилопы, и всегда брали в дорогу.

Альмарен сделал вьюк и перекинул через седло. Магистр отдавал Синатте последние распоряжения:

— Если не вернемся вовремя, отправляй обоз. Старшего в укреплении назначишь сам. Помни, обоз очень ждут.

Синатта мигал и кивал, распираемый чувством ответственности. Альмарен подошел попрощаться и внезапно, по какому-то наитию протянул Синатте жезл Феникса. Должно быть, запали ему в голову слова Магистра, что магам Грифона не подчиняется вода. Синатта не был посвящен на Зеленом алтаре, но Альмарен не сомневался, что такой сильный и опытный маг сумеет воспользоваться и его жезлом.

Передача жезла другому была серьезнейшим нарушением устава, за которое могли выгнать из ордена. Альмарен это знал, знал и Синатта, но взял жезл и поблагодарил.

Друзья выехали с восходом солнца и сразу пустили коней

крупной рысью. Сердце Альмарена сжалось — он понял, что не скоро поставит на скале очередную черту, но постепенно чувство отрыва от насиженного места заменилось чувством дороги. За горизонтом скрывалась неизвестность или даже опасность, но он манил и затягивал молодого мага, заставляя сердце биться чаще и быстрее, а мысль — лететь вперед, за Сеханскую равнину, звонкую от кузнечиков, вдоль соленого озера Тикли, кишащего аспидами, и, подобно гигантскому степному кондору, парить над полноводным Тионом и дальше, над Ционским нагорьем.

Вскоре они доехали до стада лохматых горных антилоп. Антилопы замерли при виде всадников, вытянув шеи и насторожив чуткие уши. Магистр подъехал к пастуху, спросить, кто проезжал мимо этой ночью, и давно ли.

— Вскоре после полуночи, — ответил ему пастух. — Их было пятеро, они гнали коней галопом. Сейчас они, наверное, уже на полпути к перевалу.

Магистр поблагодарил пастуха, и друзья поскакали дальше.

— Кони у них не хуже наших, — нарушил молчание Магистр. — Воры, видимо, выехали следом за мной. Они явились сюда всего на сутки позже, а я торопился и всю дорогу гнал Тулана. Нам предстоит долгая погоня.

— Кто это мог быть? — поинтересовался Альмарен.

— Те же, кто пытался украсть камень с Оранжевого алтаря. Приспешники Каморры.

— Что произошло ночью, Магистр? — Альмарен решился выспросить подробности ночного переполоха. — Вы были ранены, или это кровь врага?

— Моя. Пустяки, царапина, — поморщился Магистр. — Я положил камень в шкафчик у изголовья. Ночью я проснулся от чувства, что рядом кто-то есть, и услышал, как скрипит ящик шкафчика. Я приподнялся, и тут он нанес мне удар кинжалом. Он целил в грудь, но промахнулся и всего-навсего разрезал кожу на боку. Это мог быть только маг, — продолжил он. — Только маг может определить, где лежит амулет.

— Каким светом светился его жезл? — спросил Альмарен.

— Он не зажигал жезла. Должно быть, использовал заклинание для видения в темноте. Это неудобное заклинание — от него на время видения теряется слух, поэтому его мало кто применяет. Значит, он очень боялся себя выдать.

— Но выдал все-таки! Если бы он остался незамеченным, не скоро бы мы спохватились.

— Я чутко сплю. Он действовал очень осторожно. Я не разглядел его, хотя мне показалось, что это был человек среднего роста и тучный. Он сбежал удивительно быстро для своего

телосложения, но я догнал бы его, если бы не задержался посмотреть, остался ли в ящике камень. Оказалось, что вор успел его вытащить.

Мысли Альмарена вернулись к предстоящему пути.

— До перевала мы не собьемся со следа. Здесь всего одна дорога. Но куда они могут поехать потом?

— Трудно сказать, Альмарен. Если там сильные маги, они могут поехать прямо через Сехан. Скорее всего, так и будет. Но они могут отправиться и через Каянский алтарь. На берегу Каяна, на развилке, мы посмотрим, куда поведут следы, если не догоним их к тому времени. С какого расстояния ты можешь почувствовать камень? — Магистр давно убедился, что его младший приятель — куда более сильный маг, чем он сам, и в важных случаях всегда полагался на него.

— Если он не дальше, чем в ста шагах. Это предел для любого мага, — с сожалением сказал Альмарен.

Около полудня они доехали до родника и сделали привал. После еды Альмарен предложил Магистру:

— Давайте-ка займемся вашей раной. Кони еще не отдохнули, и у нас есть время.

— Сама заживет, — отмахнулся Магистр. — Не стоит из-за нее беспокоиться.

— Лучше не оставлять ее так, — не согласился с ним Альмарен. — Я понимаю, раны украшают мужчину, но у нас не все еще потеряно. Впереди пятеро всадников, и вряд ли они забыли оружие дома.

Доводы Альмарена убедили Магистра. Он расстелил на камнях плащ, закатал до подмышек рубаху и лег. По его левому боку тянулся поперечный разрез, длинный и довольно глубокий. Магистр, взволнованный пропажей камня, не обращал на него внимания, но лечение было необходимо. Края разреза разошлись, и он понемногу кровоточил.

Альмарен снял перстень Феникса и повел им вдоль разреза, шепча заклинания. Полоска раны становилась все тоньше, и, наконец, ее края сошлись.

— Люблю смотреть, как ты работаешь, парень, — заметил Магистр, внимательно наблюдавший за действиями Альмарена. — Действуешь одним перстнем, а рана закрылась почти мгновенно. Ты ведь используешь и собственную энергию тоже?

— Если меч не точить, он не будет острым. Конечно, я не во всем полагаюсь только на перстень. — Альмарен рассеянно улыбнулся. — Но это все чепуха, Магистр. Вы бы видели, как работают черные жрецы храма Мороб! Они буквально возвращают

людей с края могилы. Я видел это, когда был у них, и никогда не забуду.

— Да, мне рассказывали. У них есть оранжевые жрецы, которые на ритуалах надевают оранжевые накидки. Это обычные маги, таких большинство. Но есть и черные жрецы, вот они-то и лечат. Черный цвет они понимают, как отсутствие цвета, он у них символ того, что перед смертью все равны. Черным жрецом может быть только очень сильный маг. — Магистр взглянул на Альмарена. — А ведь и ты мог бы стать черным жрецом, силы у тебя достаточно.

— Не я решал, где мне учиться. Я был мальчиком, когда отец отдал меня на Зеленый алтарь. Но мне и там нравится. Заклинания разнообразнее, и маги не напускают тумана вокруг своих дел.

Магистр рассмеялся.

— Это ты про обряды храма? Что делать! Эти обряды не так нужны магам, как больным. Люди ничего не понимают ни в алтарях, ни в магии, а обряды вызывают у них доверие к целителям. — Заметив, что от раны почти ничего не осталось, он остановил Альмарена. — Ну, хватит, остальное заживет само. Иначе, как ты говоришь, если меч не точить…

Пятеро всадников приближались к дорожному домику, стоящему на полпути к верхней точке перевала. Жилистые степные кони спотыкались, давно выбившись из сил. Отряд возглавляли двое людей. Один из них, высокий и худой, ехал впереди, пришпоривая коня, другой, среднего роста и тучный, отставал на полкорпуса от первого.

Первым был Шиманга, бродячий маг. В молодости он входил в орден Саламандры, но давно покинул алтарь, и с тех пор никто не знал, чем он занимался. Он появлялся то тут, то там, как-то узнавал про советы магов и приезжал на них, внимательно слушал все, что говорилось, но не произносил ни слова. Его бесстрастное лицо, холодный взгляд поначалу вызывали некоторое недоумение, но постепенно к нему привыкли и перестали замечать. Его появление на последнем совете магов не вызвало ни у кого ни интереса, ни удивления.

Никто не знал, что Шиманга присоединился к Каморре. На совет он приехал не просто так, а имея несколько важных поручений от своего хозяина. Он должен был узнать, о чем говорили на совете, а главное — проследить и по возможности захватить Синий камень, который, как было известно, Шантор повез на совет. Шиманга выследил Шантора, когда тот передавал камень магистру ордена Грифона, и, не мешкая, решил получить этот камень. Он не бывал в юго-западной части острова, поэтому

не решился ехать без проводника. Нужен был человек неглупый, не обремененный порядочностью, но в то же время достаточно рассудительный, чтобы не становиться на пути у Каморры. Шиманга выбрал Мальдека, того самого, который сейчас ехал рядом.

Несколько лет назад на Фиолетовом алтаре умер магистр, не объявив преемника. Согласно уставу, маги устроили выборы нового магистра. На почетную должность претендовали двое — Теанор и Мальдек. На выборах с небольшим перевесом победил Теанор. Мальдек отошел в тень, но Шиманга был уверен, что тот захочет подставить подножку более удачливым, и не ошибся. Мальдек, узнав, от кого поручение и какое, согласился помочь.

За две недели пути Шиманга не раз пожалел, что обратился к Мальдеку. Тот, не предупредив его, взял с собой еще трех человек. «Верные люди, — сказал он. — Нам в пути нужна охрана и защита на случай погони». Шиманге это очень не понравилось — столько лишних свидетелей! Он отругал Мальдека, но людей уже нельзя было оставлять, чтобы не проболтались, и Шиманга взял всех.

Но больше всего Шиманге не понравилось, что Мальдек вызвался идти за камнем и настоял на этом. Тот сначала заявил, что хорошо знает расположение домов и комнат внутри Тирского поселения, потом пригрозил поднять тревогу. Пришлось согласиться. «Будет требовать еще денег для своей оравы», — подумал Шиманга, презрительно искривив губу. Ему был противен этот неудачник с опухшим, жабообразным лицом, сидящий на коне, как мешок с промокшими отрубями. — «Не мог взять камень без шума. Теперь погоня близко. Надо немедленно забрать у него камень — и прямиком через Сехан, в Иммарунские леса…» — Шиманга рассчитывал поехать обратным путем через Фиолетовый алтарь, но теперь и дня лишнего не хотел оставаться с Мальдеком. «Как я устал от этих дураков и ничтожеств! Каморра — настоящий стратег, он единственный, с кем можно иметь дело», — размышлял он, не удостаивая своего спутника даже косым взглядом.

Мальдек, напротив, то и дело косился на Шимангу. Страх и честолюбие ели его изнутри. Мальдек боялся Шиманги, боялся, что получив камень, тот избавится от него, как от опасного свидетеля, и поэтому не рискнул ехать с ним вдвоем, а взял с собой людей. Герреку, своему верному помощнику, он рассказал все, остальным пообещал деньги. Они оба с Герреком были из Тимая и давно знали друг друга. Недалекий Геррек был верен ему, как пес.

Теперь у Мальдека прибавился еще один повод для страха.

Он боялся, что магистр ордена Грифона узнал его. Он боялся, что Шиманга уйдет с камнем, а гнев магистра обрушится на него, Мальдека. «Нет, не видать Шиманге камня, — думал Мальдек. — Не для того я рисковал в Тирском поселении». Камень был нужен ему самому.

Мальдек вздохнул и завозился в седле. Он не сомневался, что разберется, как пользоваться камнем. Он обретет могущество и укажет место этому болвану Теанору. Когда он будет магистром ордена Аспида, сам Каморра будет считаться с ним. Если Тирский магистр приедет к нему, можно будет сказать, что Шиманга взял камень и исчез неизвестно куда. А вот Шиманга — Шиманга должен исчезнуть.

«Еще не время, — подумал Мальдек, вновь покосившись на Шимангу. — Здесь его найдут и узнают. Поближе к Фиолетовому алтарю — там пески. Можно будет зарыть тело. Геррек мне поможет, а остальным скажу, что Шиманга сбежал ночью».

Да, Шиманга ошибался, не удостаивая вниманием своего неуклюжего спутника. Может, он и задумался бы о том, что означают эти косые взгляды.

Было темно, когда они доехали до дорожного домика — небольшого каменного строения со скошенной односкатной крышей, служившего проезжим людям для защиты от непогоды и хищников. Пол в домике был выложен каменными плитами, у стены стояло несколько обтесанных камней, служивших столом и сиденьями. Кроватей не было, спали здесь прямо на полу. Пара каменных ступеней у двери могла считаться порогом.

Седла оставили снаружи у порога, чтобы быстрее взять, если появится погоня. Один из людей Мальдека повел коней на луг, Геррек вместе с другим пошел в домик готовить ужин. Оставшись наедине с Мальдеком, Шиманга решил не откладывать неприятное дело. Он отозвал каянского мага за избушку.

— Камень, — потребовал он безо всяких вступлений.

Мальдек замялся:

— Я думал, раз наше дело началось на Фиолетовом алтаре, то там оно и закончится. Доедем, а там — я тебе — камень, ты мне — деньги. Чего сейчас торопиться?

— Я не поеду туда. Я решил ехать через Сехан. Давай камень. — Шиманга ожидал, что Мальдек начнет торговаться, и был раздражен, но не подавал вида. — Если ты считаешь, что твои молодцы переработали, я добавлю.

— А как же Кеменер, твой помощник? — Мальдек был озадачен, он не ожидал такого поворота дел и теперь тянул время, — Он будет ждать.

— Скажешь ему, что я торопился и поехал прямым путем. Он

сам знает, что делать. Давай камень.

Тянуть время в разговоре с Шимангой было непросто. Мальдек предпринял еще попытку.

— Я отдам его на развилке. Куда торопиться? Впереди два дня пути.

— Сейчас. Я сам знаю, когда мне лучше его взять. Ну?! — лицо Шиманги оставалось бесстрастным, но взгляд стал жестким и неприятным.

Мальдек струсил. Он полез рукой за обширную пазуху, вынул жезл Аспида, хранившийся во внутреннем кармане куртки, потом засунул руку поглубже и вытащил тряпицу с камнем. Шиманга взял тряпицу и развернул. Камень был на месте. Маг вновь завернул его, положил за пазуху, вынул кошелек с деньгами и протянул Мальдеку. И тут Шиманга совершил свою последнюю, непростительную ошибку — уходя, он повернулся спиной к Мальдеку.

Злой и растерявшийся Мальдек остался без камня, а значит, и без своих честолюбивых надежд. Он нервно загреб руками воздух и вдруг увидел у себя жезл Аспида. Вложив весь свой страх и всю злость в магический посыл, он ударил Шимангу жезлом в затылок. Раздался треск и посыпались фиолетовые искры. Шиманга рухнул, как подкошенный, не успев ни крикнуть, ни вздохнуть.

Мальдек мог Считать, что ему повезло. Сознательно он вряд ли решился бы убить такого сильного и опасного человека, как Шиманга, хотя с первых дней поездки надеялся, что сможет это сделать. Он ошалело смотрел на мертвое тело, его била сильная дрожь. Придя в себя, он ухватил Шимангу за ноги и оттащил подальше от домика. Там он обыскал его и взял все, что нашел — Синий камень, перстень и жезл Василиска, еще один кошелек с деньгами. Закопать Шимангу было невозможно — вокруг были одни камни. Мальдек оставил его лежать за обломками скал.

Он вошел в домик на подгибающихся ногах. Двое внутри домика, взглянув на хозяина, сразу поняли — что-то случилось. Глаза Мальдека, и без того круглые и выпученные, выпучились еще больше, широкий рот сжался и губы побелели так, что их почти не было видно.

Мальдек заговорил, с трудом разжимая непослушные губы.

— Шиманга… тут… он ушел… он не будет ужинать… — и вдруг взвизгнул. — Ну что вы на меня так смотрите?! Он бы убил меня, понимаете, убил бы! Я был вынужден, понимаете, вынужден! Вот деньги. Это ваши деньги! Поделите на троих, мне ничего не нужно! — он сунул им кошельки.

И Геррек, и его напарник были уверены, что Мальдек мог

убить Шимангу, только застав его врасплох. Но они давно кое-что предполагали, поэтому отнеслись к случившемуся с неожиданным спокойствием. Напарник взял кошельки, высыпал деньги и стал деловито раскладывать их по кучкам, а Геррек подошел к хозяину, хлопнул его по плечу и подмигнул.

— Ну что, все в порядке? Теанор теперь у нас в руках, а?

Мальдек задышал спокойнее. Краски понемногу возвращались на его широкую, обвисшую физиономию. Он опустился на сиденье и не шевельнулся до самого ужина. За ужином он с трудом проглотил несколько кусков, а потом всю ночь ворочался на неровном каменном полу.

III

По дороге, ведущей через перевал, могли проехать не только всадники, но и тяжело нагруженные телеги. Этот путь, которым обозы проезжали в центральную часть острова, был расчищен от каменных завалов, а по обе стороны перевала были построены дорожные домики. Ближе к полудню Альмарен заметил впереди один из домиков — тот, в котором провели ночь Мальдек и его люди — и обратил на него внимание Магистра.

— Я ночевал в нем, когда возвращался в Тир, — сказал Магистр. — Нам нужно устроить здесь привал. Чуть пониже есть луг, где можно попасти коней.

Магистр отвел коней на высокогорную луговину, поросшую жесткой травой. Заметив свежий конский помет, он догадался, что в домике ночевали похитители Синего камня.

— Мы отстаем от них на полдня, — произнес Магистр за едой. — Если они доберутся до большого населенного пункта, мы потеряем их. Тогда придется ехать в Келангу, а там выбрать возможность и нанести Каморре ответный визит. — Он вдруг улыбнулся. — Вот ты и спросишь его, Альмарен, как действует камень.

— Да, Магистр, я такого случая не упущу, — поддержал шутку Альмарен. — Может быть, нам поехать прямо в Келангу, им наперерез?

— Я думаю, их еще можно догнать. Собирайся, я пойду за конями.

Магистр ушел, а Альмарен собрал мусор и понес выбрасывать. Зайдя за домик, он почувствовал то, чего не заметил бы в спокойном состоянии. Поблизости, за валунами, находился небольшой амулет.

Альмарен знал, что амулеты просто так не валяются, поэтому полез за валуны. Увидев лежащее там тело, он побежал к Магистру.

— Что случилось? — закричал издали Магистр, встревоженный видом Альмарена. Тот махал рукой, подзывая Магистра к себе.

— Там, за камнями… человек. Кажется, мертвый… — задыхаясь, сказал он.

Магистр оставил коней и пошел с Альмареном за домик. Молодой маг показал ему на валуны. Магистр перелез через камни и увидел тело.

Шиманга лежал на спине, его лицо было спокойным и бесстрастным, как при жизни. Открытые глаза смотрели в небо.

Было очевидно, что смерть наступила мгновенно.

Магистр почувствовал, что Альмарен стоит рядом, и повернулся к нему.

— Это Шиманга, я видел его на совете. Придется осмотреть его. — Магистр наклонился и перевернул тело. На нем не было ни ран, ни крови. — Странно. Не сам же он умер?

Он опустил тело на камни. Голова Шиманга свесилась с камня, волосы на затылке разошлись, и Магистр увидел рассеченную кожу. Он вновь перевернул тело на спину и еще раз внимательно осмотрел его. Других повреждений не было.

— Смотри, Альмарен, это сделано жезлом! Без магического разряда такая рана не смертельна. С ним был еще один маг, это ясно. Наша задача облегчается. Нужно узнать на Фиолетовом алтаре, с кем выехал Шиманга, — оживился Магистр. — Как ты обнаружил тело?

— Мне показалось, что здесь есть амулет.

— Ты нашел его?

— Нет, конечно.

— А сейчас ты чувствуешь, где он?

Альмарен показал пальцем на грудь мертвецу, стараясь не смотреть на него. Он родился в мирное время и не был привычен ни к крови, ни к смерти.

— Отойди-ка, парень, — сказал Магистр, взглянув на Альмарена. — А то придется еще и с тобой возиться. — Он распахнул куртку Шиманги и, пошарив в нагрудном кармане, вытащил небольшую камею из белого эфилема. На камее была вырезана голова василиска.

Магистр обшарил карманы мертвеца, но больше ничего не нашел. Он показал камею Альмарену.

— Смотри, это действительно амулет Каморры. Шиманга поехал за камнем по его приказу. Странное убийство, Альмарен, — он подбросил на руке камею. — Видимо, кому-то еще, кроме Каморры, нужен Синий камень. Да и ночью в укреплении был не Шиманга. Этот высокий и худой, я бы их не перепутал. — Магистр положил руку на плечо Альмарену. — Идем. Нужно ехать.

— Может быть, похороним его?

— Как? Копать нечем, да и времени нет. В конце-концов, он сам выбрал свой путь.

Они сели на коней и двинулись вверх к перевалу. Альмарен ехал молча, и долго на его лице не появлялось привычной, чуть рассеянной улыбки.

Магистра тоже не тянуло на разговор. Он перебирал в уме последние события и обдумывал предстоящие дела. «Сегодня

нужно ехать долго, иначе мы их не догоним. Выдержит ли Наль?» — в своем Тулане он был уверен. Конь будто бы понимал, что нужно спешить, и быстро взбирался в гору. Наль пока не отставал. — «Слишком молод под Альмареном конь, еще не та у него выносливость. — Магистр перевел взгляд с коня на всадника — сосредоточенное лицо, упорно сжатые губы. — А этот, пожалуй, выдержит».

Дорога шла на подъем, уводя все выше и круче. Трава давно исчезла, вокруг громоздились голые красновато-бурые скалы. Жгучее солнце и пронзительно синее небо усиливали впечатление пустоты и неуюта. Друзья дважды останавливались и подтягивали на конях слабеющие подпруга. Последний крутой отрезок они прошли пешком, ведя коней в поводу.

Так они и вышли на перевал Тироканского хребта. Солнце клонилось к закату, вокруг гулял свирепый горный ветер, вдали расстилалась плоская, как стол, Сеханская равнина. У горизонта виднелась тонкая ленточка Каяна.

— Поедем без привала до самого подножия хребта, — сказал Магистр, вскакивая в седло. Начался спуск, такой же длинный и извилистый, как и подъем. Солнце село, закат погас, а они все ехали вниз по склону сквозь кромешную тьму. Магистр вытащил и засветил жезл Грифона, чтобы видеть дорогу. Спуск потерял крутизну, стало теплее, в воздухе запахло ночной влагой и травами. Среди ночи, у очередного родника друзья остановились, расседлали коней и, наскоро перекусив, заснули.

Встав рано утром, Магистр и Альмарен ехали весь день. Прошел еще день, а они так и не увидели преследуемых. К вечеру друзья выехали к броду на берег Каяна, чуть выше слияния с речкой Ризой. Каян обмелел от летней засухи. Между водой и прибрежным кустарником виднелась полоска илистого дна. Следы копыт, отпечатавшиеся на мягком иле, вели в воду и вновь появлялись на другом берегу реки.

Путники перебрались через реку. Следы на том берегу, покружив, поднимались наверх и вели на равнину. Казалось, воры не сразу выбрали путь, но, наконец, решили отправиться в Тимай по южному берегу Ризы.

— Отсюда до Тимая три дня пути, — сказал Магистр Альмарену. — Нужно догнать их, пока они не достигли города.

Следующий день не принес ничего нового. Наль, как и опасался Магистр, начал отставать от Тулана. Альмарену все чаще приходилось пришпоривать своего скакуна. При переезде через неглубокую илистую лощинку выяснилось, что отпечатки копыт оставлены только тремя лошадьми. Магистр догадался, что означали запутанные следы на переправе.

— Они поехали в разные стороны у Каяна. Помнишь, они там топтались на месте.

Альмарен засомневался.

— Нет, они отделились позже, на развилке было больше следов. По пути много мест, где следы плохо заметны.

— Они прошли по воде вверх по течению Каяна, — объяснил ему Магистр. — Топтались остальные, чтобы оставить побольше следов. Я бы и сам так сделал. Детская уловка, и мы попались на нее, как дети. Теперь нужно догнать тех, кто впереди, а на откровенность мы их вызовем.

Около полудня на горизонте замаячили три черные точки. Магистр пустил Тулана в галоп, следом Альмарен пришпорил Наля. Они понеслись вдоль Ризы сквозь дрожащий от зноя воздух.

Впереди не сразу заметили погоню. Друзья успели приблизиться к преследуемым прежде, чем те пустились вскачь. Когда расстояние перестало сокращаться, Магистр гикнул и пришпорил коня. Тулан рванулся вперед, оставляя далеко за собой Наля с Альмареном.

Альмарен погонял коня и с бессильной досадой смотрел, как удаляется Магистр, как он поравнялся с конем Шиманги, брошенным беглецами, как приблизился к ним вплотную и вынул меч. Те поняли, что им не уйти, и кинулись на него с мечами, надеясь убить, пока он один. Магистр ловко действовал мечом, нападал и защищался, враги теснили его, но ничего не могли с ним сделать. Альмарен выхватил меч и с разгона налетел на одного из них.

В Тирском поселении Альмарен часто сражался на мечах ради тренировки и развлечения. Он был ловок и быстр, и считалось, что он хорошо владеет оружием, но сейчас перед ним был враг, и оба знали, что тот, кто ошибется первым, может расстаться с жизнью. Каждый держал меч наготове, следя за малейшим движением другого, отыскивая слабые места. Альмарен решился, сделал обманное движение и задел врагу руку. Тот осадил коня, шипя от боли. Альмарен увидел его потное, красное лицо, собравшееся в зверскую гримасу, и подумал, что и сам сейчас ничуть не лучше. Враг кинулся на него, он увернулся и они вновь закружили на конях, ожидая ошибки соперника.

Магистр прекратил этот странный конный танец, явившись откуда-то сбоку и приставив красный от крови меч к спине противника Альмарена. Враг опустил оружие и слез с коня, повинуясь знаку Магистра. Тот отобрал у него меч и тоже спешился. Противник Магистра неподвижно лежал неподалеку. Это был Геррек, верный пес Мальдека, погибший за своего

хозяина. Оставшийся в живых враг стоял безоружный, зажимая рукой рану.

— Не убивайте меня, — бормотал он. — У меня ничего нет, я просто так.

— Все зависит от того, что ты расскажешь, — угрожающе нахмурился Магистр. — Где камень?

— Какой камень?

— Сам знаешь, какой.

Враг испуганно съежился.

— Если бы я знал, разве бы я не сказал?! — проговорил он дрожащим голосом. — Зачем мне какие-то камни? Это Мальдек все знал, у него и спрашивайте. А мое дело простое.

— Это он убил Шиманго?

— Да.

— А ты помогал?

— Нет, что вы! — ужаснулся враг. — Мальдек нанял меня для охраны. Я был с лошадьми, когда это случилось.

— Ладно, — сказал Магистр. — Что ты знаешь об этой поездке?

— Шиманга попросил Мальдека проводить его в Тир, а Мальдек взял нас с собой. Сказал, что хорошо заплатит.

— Где Мальдек свернул и куда он поехал?

— У Каяна, — горестно вздохнул враг. — На Фиолетовый алтарь.

— А вы что должны были делать?

— Доехать до Тимая, а потом домой, на алтарь.

— Ясно. — Магистр потерял всякий интерес к перепуганному врагу. — Проваливай отсюда. И смотри… поедешь докладывать Мальдеку — язык отрежу.

Тот понял, что его не убьют, и спросил.

— А мои вещи? Я заберу?

— Забирай.

Магистр обернулся к Альмарену.

— Ну, что? Едем на Фиолетовый алтарь?

Они сели на коней и направились к берегу реки. Человек Мальдека подошел к трупу и вынул деньги, затем поймал лошадей и поехал в Тимай. Ему больше нечего было делать на Каянском алтаре.

На Каянском, или Фиолетовом алтаре не было строгой дисциплины с тех пор, как умер прежний магистр. Можно сказать, ее не было совсем. Теанор, и в молодости не блиставший талантами, был уже стар и являлся личностью откровенно заурядной. На выборах за него встали те, кто недолюбливал Мальдека, и те, кто недолюбливал дисциплину. И тех, и других

оказалось немало, и Теанор стал магистром.

После выборов сторонники Мальдека принципиально не подчинялись новому магистру, другие просто не обращали на него внимания. Теанор не был ни энергичен, ни честолюбив и не стремился командовать, довольствуясь почетом от занимаемой должности. В итоге каждый на алтаре жил сам по себе, ни за что не отвечая и ни в чем не отчитываясь. Кое-какие хозяйственные дела выполнялись, за этим магистр следил, а в остальном люди пользовались полной свободой, приезжая и уезжая кому и как вздумается. Поэтому возвращение Мальдека, как и отъезд, прошло незамеченным.

Впрочем, был на алтаре человек, который замечал все. Он был худощав, среднего роста, неопределенного возраста и незапоминающейся внешности. Незадолго до совета магов он приехал из Келанги с заказом от богатого горожанина, которому понадобился серебряный ларец с магическим замком, из тех, какие изготавливались только здесь, на Фиолетовом алтаре. Он привез с собой слиток серебра, отдал мастеру, снял комнату и стал ждать выполнения заказа.

Человек этот был незаметен и неназойлив, его присутствие на алтаре никак не ощущалось. Он ежедневно появлялся то здесь, то там, прислушивался к разговорам, заглядывал в кузницы, гончарные и стеклодувные мастерские и замечал все — оснащение и снабжение мастерских, распорядок дня, привычки и склонности обитателей алтаря. Его память, такая же острая и цепкая, как и его маленькие, зоркие глаза, легко удерживала каждую подмеченную мелочь. Он не был магом, но Каморра ценил его и всегда поручал только важную работу. Это был Кеменер, лучший шпион Каморры.

От Кеменера требовалось узнать решения совета магов, оценить опасность этих решений и определить способы противодействия. Ларец был предлогом для того, чтобы пожить на алтаре нужное время.

Выполнив поручение, Кеменер ждал возвращения Шиманги, чтобы сопровождать его. Мальдек, вернувшийся в поселение, был тут же встречен шпионом.

— А где Шиманга? — было первым вопросом Кеменера, удивленного отсутствием своего напарника.

— Он торопился и поехал прямо через Сехан. Сказал, что ты сам знаешь, что делать. — Мальдек хорошо запомнил слова Шиманги, ему ничего не нужно было выдумывать. — Остальные двое сопровождают его до Тимая.

Кеменер удовлетворенно кивнул. Он знал привычку Шиманги неожиданно менять планы. Любимец и доверенное лицо

Каморры, Шиманга мог себе это позволить и позволял неоднократно. Теперь Кеменер был свободен от договоренности с Шимангой. Он вспомнил об обозе с оружием, который через два месяца выйдет из Тира, и подумал, что не мешало бы посмотреть дорогу у Тироканского перевала, чтобы прикинуть скорость передвижения обоза. Кеменер любил точность и обстоятельность. Он также не любил терять времени зря, поэтому тут же пошел готовиться к небольшой прогулке до перевала.

Мальдек до конца дня не находил себе места. По пути к алтарю он выбросил в Каян все амулеты Шиманги — и Саламандры, которые нашлись в мешке убитого, и Василиска, которые Мальдек снял с его тела — но Синий камень, Лилигрен, был при нем. Камень лежал за пазухой, рядом с жезлом, и Мальдек боялся, что каждый маг в любой момент может почувствовать лишний амулет. Оставить камень у себя в комнате, без присмотра, Мальдек тем более боялся. Он не привык прятать краденое и был уверен, что кто-нибудь обязательно зайдет к нему и найдет камень случайно или умышленно.

Наконец маг вспомнил, что такой сильный источник магического излучения, как алтарь, мешает обнаружить мелкие амулеты, если они расположены рядом с ним. Алтарь казался надежным местом для укрытия камня, но стоял в центре поселка, у всех на виду. Спрятать там камень можно было только ночью, и Мальдек стал дожидаться ночи.

Закрывшись на крючок и задернув занавеску, он вытащил камень, чтобы испытать в деле. Мальдек помнил из легенды, что Синему камню подчиняется сила холода, поэтому начал пробовать холодные заклинания.

Он взял чашку и стал вращать над ней камнем, произнося заклинание вызова воды, но в чашке не показалось ни капли. Для проверки Мальдек повторил то же самое, но жезлом Аспида. На стенках чашки появились капли и потекли на дно. Постепенно вся чашка заполнилась чистой холодной водой. Мальдек выпил воду и задумался.

Жезл действовал, как обычно, а камень пока был красивой, но бесполезной игрушкой. Вспомнив, что способность амулета передавать магическую силу проверяется в зоне излучения алтаря, Мальдек подумал, что камень следовало бы испробовать на алтаре.

Убрав камень, он лег на кровать. Когда дворы и закоулки поселения опустели, маг осторожно вышел из дома и пробрался на центральную площадь, где была установлена алтарная площадка. В точке наибольшей силы лежала круглая каменная плита величиной около трех шагов в поперечнике. На плите

стояла резная каменная подставка. Мальдек положил камень на подставку и приготовился произнести водяное заклинание, но обнаружил, что не взял с собой чашку.

Он поискал взглядом, на чем еще можно испытать камень, и увидел алтарный колодец, который заполнялся водой только с помощью магии. Мальдек подошел к нему и заглянул внутрь. Воды не было видно. Если она и была в колодце, то стояла глубоко. Охваченный новой мыслью, Мальдек вернулся на площадку и произнес заклинание заполнения колодца. Поначалу ничего не произошло, но затем из колодца полилась вода… нет, не полилась, а ударила высоким фонтаном, заливая площадь.

Мальдек сгреб камень и заметался, не зная, как остановить фонтан. Он бормотал все обрывки водяных заклинаний, какие приходили в голову, но среди них не оказалось ни одного, останавливающего воду — в таких не было нужды на Фиолетовом алтаре.

Мало-помалу вода унялась сама, образовав изрядную лужу вокруг колодца. Лужа быстро впитывалась в песок. Мальдек перестал метаться, поняв, что к утру все высохнет. Он подрылся под плиту и спрятал камень в образовавшуюся дыру, затем засыпал дыру песком и тщательно разровнял место. Вода была большой ценностью на Фиолетовом алтаре. Возвращаясь к себе, Мальдек уже предвкушал почет и уважение к нему, магу, который может вызвать водяной фонтан из глубокого, вечно полупустого каянского колодца.

Новое утро началось, как обычно. Кеменер чуть свет выехал к Тироканскому перевалу, и Мальдек окончательно успокоился. Единственный человек, который мог что-то заподозрить, уехал с алтаря. Маг решил не трогать камня, пока не вернется Геррек — ему хотелось убедиться, что погоня сбита со следа.

Три дня прошли спокойно, а на четвертый случилось событие, взбудоражившее все поселение. Мальдек услышал крики на площади и поспешил туда.

Из колодца бил высокий фонтан. Люди сбегались со всех сторон, ахали и изумлялись, вбегали под струи холодной воды, не веря собственным глазам. Маг, стоявший на площадке, был изумлен не меньше других. Его позвали добавить воды в опустевший колодец. Он проделал все точно так же, как и прежде — и вдруг такой фонтан! Сила алтаря, неизвестно почему, возросла в несколько раз. Маг снова и снова рассказывал об этом подходившим людям.

Все взялись проверять работу алтаря. Площадь залило водой, кто-то пошустрее вызвал небольшую тучу, и на Фиолетовый алтарь вылился короткий, но бурный ливень. Досыта намокнув,

маги потащили из мастерских вещи и поделки, — заклинать стекло и фаянс, чтобы не разбивались, узорную керамику, чтобы светилась ночью, глиняные кувшины, чтобы вода в них оставалась холодной и не портилась. И, действительно, сила алтаря возросла — заклинания действовали эффективно, как никогда. До поздней ночи у алтаря толпились мага, радуясь свалившемуся на них счастью.

Мальдек запаниковал. Камень усиливал алтарь постоянно, а мага это ох как не устраивало. Убирать камень было опасно. Мальдек боялся, что когда алтарь вернется в прежнее состояние, раздосадованные мага захотят добраться до причины исчезновения новой силы, и укрыть Синий камень будет труднее, чем раньше. Он ходил вокруг алтаря, не смея взять камень, и лихорадочно думал, как выйти из положения.

Событие стоило Мальдеку двух бессонных ночей, а на третий день его осенило, как два амулета превратить в один. Нужно было сделать в жезле потайное углубление и спрятать туда камень. Мальдек осмотрел свой жезл. Его конец, изображающий голову аспида, был достаточно велик для того, чтобы высверлить в нем полость нужных размеров. Мальдек зауважал себя: — «Ай-да умник!» — и этой же ночью решил пойти на алтарь за камнем.

Магистр не рискнул ехать на Каянский алтарь прямым путем. Трое суток по пересохшей равнине с выжженной травой могли вконец обессилить или даже погубить коней. Синий камень был либо на алтаре, либо далеко на пути в Келангу. В любом случае лишние сутки ничего не значили, а коней следовало поберечь, поэтому Магистр выбрал путь вдоль Ризы до переправы, а затем вверх по Каяну.

Друзья отправлялись в путь рано утром и ехали до позднего вечера, сопровождаемые хором голосистых сеханских кузнечиков. Они не торопили коней, а в полуденное время делали длительные привалы на берегу реки. В дороге им не встретилось ни единой души. На исходе шестого дня впереди появились красно-бурые постройки Каянского поселения.

Магистр не спешил въезжать в поселение, чтобы не спугнуть Мальдека. Он рассчитывал ранним утром отправиться прямо к магу и как следует потрясти его, а пока они с Альмареном свернули на берег Каяна, чтобы устроиться на ночевку. Спустившись в лощинку у берега, они расседлали коней и занялись ужином. Пока Магистр разводил костер, Альмарен принес с реки воды и душистых трав для чая. Они надолго устроились у костра и неторопливо пили, ели и разговаривали, подкидывая в, огонь ветку-другую.

Дорога, с которой свернули Магистр и Альмарен, была не так

безлюдна, — как могло показаться. От перевала к алтарю торопился одинокий всадник. Несмотря на позднее время, он был бодр и доволен собой, и по привычке осматривал окрестности своими зоркими, цепкими глазами. Это был Кеменер, возвращавшийся с Тироканского перевала.

Нужно было быть Кеменером, чтобы заметить далеко впереди, в прибрежной лощине маленький костерок, и нужно было быть им же, чтобы заинтересоваться тем, что делается у этого костерка. Кеменер любил факты, мелочи, жесты, обрывки слов, оброненных мимоходом, любил их собирать и включать в картину совершающихся вокруг событий, словно кусочки смальты в мозаичное панно. Он любил быть незаметным и замечать все, любил быть внимательным и беспристрастным свидетелем разговоров, не предназначенных для чужих ушей, любил сливаться с фоном, превращаясь в чуткое око мира. Выследить костерок, понаблюдать естественную жизнь его ничего не подозревающих обитателей было для него не работой, а удовольствием, от которого трудно отказаться. Поэтому Кеменер, как ни спешил, все-таки привязал коня к кустам у реки и подобрался к лощинке.

Должно быть, есть в жизни правило, по которому идущее из души побуждение бывает полезнее для дела, чем холодный расчет. Примерно так и подумал Кеменер, рассудок которого советовал побыстрее ехать на алтарь, когда увидел, кто сидит у костра. Сдерживая дрожь от подступающего азарта, он подобрался поближе к костру и затаился, превратившись в глаза и уши.

Магистра ордена Грифона Кеменер запомнил еще на совете и поэтому узнал сразу. Тот сидел у костра вполоборота к Кеменеру и сосредоточенно смотрел на огонь, замкнув руки на коленях. В распахнутом вороте рубашки виднелась крепкая шея, волосы были отброшены за плечи. С ним был высокий молодой человек с правильными чертами лица. У Кеменера была прекрасная зрительная память. Он не сомневался, что никогда еще не видел этого парня, и постарался рассмотреть его и запомнить. Выражение лица юноши было мягким, даже ласковым, он в задумчивости накручивал на палец длинные, темные волосы и улыбался в ответ своим мыслям удивительно приятной, чуть рассеянной улыбкой. «Красавчик, — отметил Кеменер. — Этот никогда не будет незаметным, как он не старайся, — подумал он с чувством собственного превосходства. — Кто же это такой у них там, в Тире?»

Магистр, будто почувствовав желание Кеменера, обратился к своему спутнику.

— Что-то ты задумался, Альмарен, — в его голосе звучал полувопрос-полуутверждение. — Тебя беспокоит завтрашний день?

«Ах, вот это кто. — Кеменер припомнил, что говорили об Альмарене на совете и что сплетничали на Фиолетовом алтаре. — Никогда бы не подумал, что он так молод».

Кеменер недолюбливал магов. Своими действиями они вносили случайность, непредсказуемость в окружающий мир, а Кеменер любил четкость и точность. Маги были угрозой его скрытности и незаметности, они могли ощущать мир глубже и дальше, чем он, и Кеменер испытывал к ним профессиональную ревность. Но они были глухи и равнодушны к фактам и мелочам, так много говорившим Кеменеру. Это позволяло ему относиться к ним с превосходством и даже некоторым презрением.

— Нет, Магистр, — голос Альмарена оборвал мысли Кеменера. — Просто вся эта ночь, и костер… и воздух такой прозрачный. Давно мы так не сидели. Как будто и нет на свете ни зла, ни страстей…

— Откуда им взяться здесь, на берегу реки? — отозвался Магистр. — Окажись среди людей — и ни зло, ни страсти не пройдут мимо тебя. Беспокойное существо человек, всегда ему что-то нужно, и часто — то, что принадлежит другому. Мир полон голодных душ, таких, как Каморра.

— Но еще недавно на Келаде был мир и порядок, — напомнил Альмарен. — Я помню из истории, что со времен Кельварна на острове почти не было междоусобиц. Если бы не уттаки… — он шевельнул прутиком головешки костра.

— В течение пяти веков нашей истории, с тех пор, как на острове высадились корабли Кельварна, уттаки всегда оставались врагами пришельцев с моря. Правителей юродов Келады объединял страх перед общим врагом, поэтому дело не доходило до междоусобных войн. Но дворцовых интриг всегда хватало.

Магистр задумался, вспоминая историю.

— Каморра — первый случай, когда кто-то из людей выступает на стороне уттаков, — добавил он. — Опасность налицо.

— Почему же Берсерен не понимает, как важно действовать сообща?

— Старикашке не повезло с характером, — покачал головой Магистр. — Я не помню, чтобы он считался хоть с кем-то, кроме себя… да, и своей жены Варды, магини ордена Аспида. Когда она злилась, то грозила превратить его в гадюку, и кажется, он этому верил.

— Забавно, — улыбнулся Альмарен. — Среди людей ходит

столько суеверий, касающихся магии! Правда, в полкой книге заклинаний есть глава «Метаморфы», где описаны превращения, но не было случая, чтобы такое заклинание сработало. Кстати, а что с ней случилось, с Вардой?

— Она пропала около десяти лет назад. По слухам, сбежала с рабом. Берсерен так и не женился вторично.

У костра установилось молчание. Кеменер, терпеливо сидевший за кустами, начал подумывать о том, что пора возвращаться к коню, но следующая фраза Альмарена заставила его насторожиться.

— Как вы думаете, Магистр, зачем Мальдек присвоил Синий камень, если не известно, как им пользоваться?

— Завтра выясним. — Магистр выпрямил и вновь сжал пальцы сомкнутых рук. — Во всяком случае, из-за камня он убил Шимангу. Не понимаю, как он решился на это.

Кеменер замер. Вот это новость — Шиманга убит!

— Может быть, он взял камень на всякий случай? — предположил Альмарен. — Решил, что вещь ценная, и взял.

— Ах, Альмарен, Альмарен, — усмехнулся Магистр. — Думай, что говоришь. Мальдек, как мне известно, вовсе не из храбрецов. А убить на всякий случай — это слишком и для человека покрепче. Должна быть серьезная причина.

— Не обязательно. Вы говорили, Магистр, что это он был ночью в Тире, — напомнил ему Альмарен. — Там он не задумывался, для чего у него кинжал. Мне кажется, что трусу проще стать убийцей, чем храбрецу. Страх лишает его контроля над собой.

Значит, страх поможет нам заставить его отдать камень. — Магистр взял палку и подбросил ее в костер. — Он испугается, когда поймет, что нам известно об убийстве.

— Если Мальдек откажется отдать камень, мы отыщем его сами, — заметил Альмарен. — Ведь это амулет, он дает излучение.

Кеменер сообразил, что завтра утром эти двое явятся к Мальдеку и вытрясут из него камень вместе с душой, если понадобится. Конечно, не ему было поручено достать Синий камень, но Кеменеру было бы приятно успешно выполнить то, что стоило гордому Шиманге жизни. У него оставалась одна ночь. Он отполз от костерка, вскочил на коня и пустил его галопом, чтобы быстрее прибыть на алтарь.

Стук копыт услышали Тулан и Наль, пасущиеся у реки. Они, по своим правилам хорошего тона, заржали навстречу незнакомцу, а тот, подгоняемый шпорами Кеменера, только всхрапнул в ответ. Люди у костерка, услышав ржание, подняли

головы, и прислушались.

— Там кто-то есть, — сказал Магистр. — Где-то поблизости есть, лошади.

Осмотр окрестностей ничего не дал, но Магистр не успокоился. Друзья быстро потушили костер и перешли ночевать в другую лощину.

Кеменер тем временем скакал к алтарю и обдумывал услышанное. Мальдек, такой рыхлый и бесформенный, оказался опаснее, чем можно было предполагать. Кеменер понял и ошибку Шиманги, стоившую ему жизни. Шиманга недооценил Мальдека, посчитав его мельче и проще, чем тот был на самом деле. «Опять эта самоуверенность магов, их равнодушие к мелочам», — подумал Кеменер. Он весь подобрался, предчувствуя опасного противника. Кеменер умел учиться на чужих ошибках.

Подъехав к поселению, он привязал коня на окраине и прокрался к дому Мальдека, скрываясь от лунного света. Он знал и то, где живет Мальдек, и даже то, что ночью тот запирается на крючок изнутри. Оказавшись у дома, Кеменер внезапно увидел, что дверь открылась и оттуда, крадучись, вышел сам Мальдек. Бели бы события последних дней были известны Кеменеру, он сразу понял бы, что нужно делать, но шпион ничего не знал и потому заколебался, взвешивая, что лучше — обыскать комнату, пока в ней нет хозяина, или последовать за ним. Чутье прирожденного разведчика побудило Кеменера выбрать второе, и он оказался прав.

Скрываясь за домами, Кеменер проследовал за магом до алтаря. Мальдек начал копать песок под плитой, а Кеменер, воспользовавшись этим, пристроился за углом ближайшего дома. Мальдек вытащил из ямы что-то небольшое, завернутое в темную тряпицу, и положил на подставку, достал из-за пазухи жезл Аспида и положил рядом. Затем он развернул тряпицу, и Кеменер увидел Синий камень. Камень ярко светился, озаряя лицо и руки мага.

Мальдек стряхнул песок с тряпицы и снова завернул в нее камень, затем засунул сверток в головку жезла. Встряхнув жезлом, чтобы проверить прочность крышки, он спрятал амулет за пазуху. Движения мага стали свободнее и раскованнее. Он засыпал яму под плитой и вернулся к себе.

«Ну и хитер же этот Мальдек — додумался спрятать камень в жезл! — подивился Кеменер. — Это пригодится и мне, когда жезл будет у меня, — что жезл будет у него, он ничуть не сомневался. — Мальдек скоро заснет, и крепко заснет. А пока нужно собраться в путь».

Кеменер хорошо изучил Фиолетовый алтарь, он и с

закрытыми глазами мог найти все необходимое. Начав с конюшни, он принес охапку сена своему коню, потом пошел в кухню, отыскал там кое-какую еду, взял кожаный мешок и наполнил водой. Напоследок он побывал у себя в комнате и забрал свои вещи, остававшиеся здесь на время поездки к перевалу.

Перед рассветом он пошел к дому Мальдека, вынул тонкий и длинный кинжал, просунул в дверную щель и откинул крючок. Мальдек крепко спал. Кеменер сразу увидел куртку, лежащую на стуле, сунул руку в ее нагрудный карман и вытащил жезл Аспида. Вернувшись на окраину, он вскочил на коня и поскакал по южной дороге, к западному краю соленого озера Тикли.

IV

Летний вечер, тихий, ясный и душный, неспешно опускался на Лоанскую долину. Витри возвращался с рыбной ловли, волоча ноги, но не от тяжести улова, которого едва хватало на ужин. Лето выдалось жарким и засушливым, поэтому озеро, где рыбачил Витри, обмелело и перегрелось, а рыба ушла на дно и не попадалась в сети. Встречные сельчане, видя мрачное лицо паренька, сочувствовали неудачливому рыбаку и обвиняли во всем погоду, тот соглашался, не признаваясь, что причина его дурного настроения кроется не в плохом улове. Витри уже смирился с тем, что вторую неделю возвращается с рыбалки налегке.

Он только что, проходя по главной улице поселка, встретил свою подружку — веселую, подвижную и очень хорошенькую девушку с круглым озорным личиком, окруженным светлыми кудряшками.

— Эй, Лайя! — окликнул он. — Добрый вечер!

— Привет, Витри. — Лайя остановилась, ожидая, пока он подойдет к ней. — Опять у тебя нет рыбы?

— Жара, ты же знаешь. Ничего не ловится. А что ты делаешь вечером?

— Пойду на поляну за селом, где все гуляют. Там будут танцы, — она вздернула свой прелестный носик, лукаво глядя на Витри. — Опять будешь меня приглашать, да?

— Конечно, Лайя. Я ведь и дом построил весной. А дому нужна хозяйка.

— Ну, что у тебя за дом — четыре стены и стол. Что там хозяйке делать? — Лайя пренебрежительно сморщила носик. Она нравилась многим, отлично знала цену своей внешности и могла позволить себе покапризничать.

— Не все сразу, Лайя. Понемногу обживемся. Я все умею делать, и работать могу. А жара спадет — будет рыба, будут и деньги.

— Только вымойся как следует, когда пойдешь на танцы. Не люблю, когда от тебя пахнет рыбой. — Лайя чувствовала свою власть над юношей и распоряжалась им с удовольствием. — И вообще я еще ничего не решила. Мне рано быть хозяйкой. Так и знай!

— Но Лайя! Ведь все равно когда-нибудь придется. Куда ты от этого денешься!

Лучше бы Витри этого не говорил. Лайя не выносила никакого принуждения, тем более от верного и терпеливого

Витри, и сразу же возмутилась.

— Ах, так по-твоему, я должна с утра до вечера возиться с горшками и пеленками! И никогда больше не ходить на танцы? И вечно нюхать эту твою рыбу! — она сердилась и от своих слов заводилась еще больше. — Я не хочу такой жизни! А ты — ты просто тюфяк, вот и все. Мне с тобой скучно. Я не хочу такого мужа! Я выйду замуж только за героя, так и знай! — она резко повернулась к нему спиной, возмущенно встряхнув белокурой головкой, и пошла от него прочь.

— Но Лайя! — крикнул он вслед. — Подожди…

— И не смей больше приглашать меня! — бросила она через плечо. — Вот когда станешь героем, тогда и приглашай. Лайя заспешила вниз по улице, выражая всей спиной оскорбленное негодование.

Витри глядел ей вслед. Лайя была капризной, но такой хорошенькой, что не было сил на нее сердиться. Он боялся, что она из чистого упрямства сдержит слово, брошенное сгоряча. «Ну где я ей стану героем? — думал он. — Жизнь здесь тихая, ничего не случается». Самое яркое событие за последние два года произошло прошлым летом, когда Шемма, местный табунщик, спас жеребенка, увязшего в тине, и неделю ходил героем. «Чего доброго, она выйдет замуж за Шемму», — подумал Витри, уверенный, что со стороны Шеммы препятствий не будет. Эта мысль вконец испортила ему настроение.

Действительно, Лоанская долина не годилась для совершения геройских поступков. Небольшой поселок в долине реки Лоан, к югу от Ционского нагорья, был отделен от центра острова горной цепью, идущей на юг. Лоан пробил в ней глубокое ущелье, по которому к выходу из долины вела узкая и опасная горная тропа. Лоанцы, жившие в долине, были невысоки, круглолицы и белокуры, они казались подростками среди других жителей Келады. Жили они тихо и незаметно, имели поля, скот и кустарные промыслы, дающие все для жизни. Только крайняя необходимость заставляла лоанцев покидать село и отправляться в другие края, поэтому их мало знали на острове.

Витри ничем не выделялся среди других лоанцев. Он с детства любил рыбачить на озере, а став юношей, сделал небольшую долбленую лодку, сплел сети и превратил развлечение в промысел. В конце прошлого лета он заприметил на сельской гулянке веселую Лайю, и это побудило его поселиться отдельно от родителей. Той же осенью они с отцом начали постройку домика на краю поселка.

Все в поселке, и Лайя тоже, знали, для кого строится этот домик. Весной Витри переселился туда, но Лайя не торопилась

давать согласие на свадьбу. Слишком подвижная и ветреная для того, чтобы погрузиться в быт и жить как все, находя удовольствие в ежедневных домашних обязанностях, она цеплялась за свои юность и свободу, за право бегать на танцы, пленять лоанских парней и быть первой среди подружек. Капризы шли за капризами, причины за причинами, и вот, наконец, сегодняшняя вспышка.

Придя домой, Витри раздраженно толкнул ногой дверь и швырнул мешок на лавку. Несколько белых блестящих рыб выпали оттуда и застучали по полу. Витри нагнулся собирать их, кидая по одной в котел. Ему казалось, что у него звенит в ушах от обиды и усталости, но, когда он бросил в котел последнюю рыбу и разогнул спину, звон не исчез. Витри прислушался и понял, что это звук гонга с дальнего конца поселка, от Синего алтаря.

Среди лоанцев почти не рождалось магов. Старичок-колдун, долгие годы кое-как управляющийся с алтарем, до сих пор не мог найти себе помощника. У него не было ни книг, ни списков заклинаний. Все слова и приемы для работы на алтаре он выучил наизусть у предшественника и надеялся передать преемнику. Он умел вызывать дожди и разгонять тучи, смягчать зимние морозы и холодные ветры с Ционского нагорья. Большего от него и не требовали, хотя крохотный список его умений вызвал бы смех у магов Каяна и Оккады. Напротив, старичок был в большом почете среди своих односельчан.

Этим летом колдун надолго уезжал из долины по важным делам, касающимся магии, и вернулся в поселок совсем недавно, три дня назад. Лоанцы собрались на алтаре, где колдун рассказал о совете и о войне. Его послушали с любопытством и разошлись. И война, и уттаки были далеки от Лоана и потому безразличны его жителям.

Теперь, три дня спустя, гонг опять звал лоанцев на алтарь. Витри подумал не без радости, что танцев сегодня не будет, и Лайя не будет вертеться среди сельских парней, делая вид, что не замечает его. Он ополоснул лицо и руки, переоделся и пошел на другой конец поселка, откуда раздавался гонг.

Витри пришел на сборище последним. Здесь уже был и кузнец Тумма со своим многочисленным семейством, и мельник Денри, первый на селе богач. Отдельной группой стояли девушки, перешептываясь и хихикая, и среди них Лайя. Рядом с ними стоял табунщик Шемма, большой и плотный, и громко хохотал, уперев кулаки в круглые бока. «Смеется собственным шуткам», — хмуро подумал Витри. Дети, как всегда, лазили между взрослыми, безобразничали и гонялись друг за другом.

Вскоре к людям вышел колдун, маленький добродушный

старичок. Его лицо, обычно круглое и довольное, выражало озабоченность и беспокойство.

— Друзья мои! — обратился он к собравшимся. — Случилось большое несчастье. Алтарь потерял силу, — он покачал головой, как бы сокрушаясь и сочувствуя самому себе. — Пока меня не было, что-то случилось с нашим алтарем. Уже третий день я не могу вызвать дождя. Если к алтарю не вернется сила, урожай может погибнуть, и нас ждет голодная зима. — Колдун сделал паузу, чтобы все прочувствовали размер свалившегося на них бедствия, затем продолжил: — Я уже стар и мне тяжело разъезжать по острову. Я только что вернулся из дальнего путешествия и у меня нет сил отправляться в новое. Пусть кто-нибудь из вас поедет в Цитион, отыщет там магов и узнает, как исправить несчастье. Отправиться нужно завтра же. Кто согласен поехать и помочь селу?

В толпе установилось молчание, сменившееся тихим перешептыванием. Никто не хотел бросить дела, хозяйство, сорваться с места и уехать неизвестно куда и надолго ли, может быть, на целый месяц. Наконец, раздался чей-то голос.

— Может, Тумма, кузнец? Он сильный мужик.

Кузнец сердито обернулся на сказавшего.

— Куда я их всех оставлю! Вон у меня их сколько!

— Тогда Шемма, — не унимался голос. — Он у нас молодец!

Шемма растаял, как блин, и выпятил грудь вперед.

— А что? И поеду, — громко заявил он. — А кто коней пасти будет?

— Найдем, найдем! — загалдели в толпе.

— Найдете? — табунщик, считавший себя незаменимым, заволновался.

— Найдем. Поезжай, Шемма. Коня дадим и денег.

— Конь у меня свой есть. — Шемма уже жалел, что поторопился. — А чего это я один поеду? Дорога дальняя, мало ли что! Мне помощник нужен.

Витри успел позавидовать табунщику, его престижу и храбрости. Он представил, как Шемма проедется до Цитиона и через две недели вернется героем и путешественником. Лайя и сейчас не хочет глядеть на Витри, а тогда и совсем не захочет. И он решился.

— Я, я поеду! — выкрикнул он.

Все глаза обратились на него, и он почувствовал себя неловко. Но кто-то уже хлопнул его по плечу.

— Давай, парень… Все, что нужно, соберем, не сомневайся.

Они с Шеммой подошли к колдуну, окруженные толпой любопытных и сочувствующих.

Колдун обратился к толпе:

— Нужна еда, деньги и снаряжение. Принесите, кто что может.

— У меня нет коня, — напомнил колдуну Витри.

— Еще нужен конь. Кто может дать на время коня? — слова колдуна повисли в воздухе без ответа. Мельник Денри, видя, что все молчат, наконец, сказал:

— Ладно. Я дам. Есть у меня кобыла.

— Завтра с утра приведешь ее к Витри, — распорядился колдун. — Как прибудете в Цитион, поселитесь в гостинице на главной площади, — заговорил он, обняв обоих парней за плечи. — Отыщите кого-нибудь из магов ордена Аспида или Феникса. Они умеют работать с водой. Спросите у хозяина гостиницы, как их найти. А магам скажете, что у нас ослаб алтарь и мы не можем вызвать дождь. Если спросят, сильно ли ослаб, скажите, что там, где была чашка воды, теперь капля. Не отступайтесь. Один откажется, ищите другого. Все село на вас надеется. Поняли?

Юноши дружно кивнули. Шемма выпятил грудь и сказал:

— Не беспокойтесь, отец. Все будет в лучшем виде, раз я за дело взялся.

Уверенность Шеммы обнадежила и колдуна, и Витри. У Витри стало легче на душе от мысли, что он поедет вместе с таким сильным и отважным парнем, как Шемма.

Тем временем у алтаря стали появляться сельчане, неся кто что может. Деньги отдавали колдуну, остальное складывали у алтаря. Когда поток пожертвований закончился, Шемма взял у колдуна деньги, по-хозяйски пересчитал и сунул в карман, затем начал распоряжаться принесенным добром. Выбрав четыре мешка побольше, он два из них отдал Витри и велел ему взять посуду, муку и крупы. Сам Шемма попихал в мешок сыры, копчености и сухие колбасы, считая, что присмотрит за ценной снедью лучше, чем Витри. Они взяли еще кое-какое снаряжение и разошлись по домам, сгибаясь под тяжестью вещей.

Наутро мельник привел к дому Витри обещанного коня — пожилую рыже-пегую кобылу Мону. Витри завьючил ее и повел к дому колдуна, как договорились. Вскоре туда подъехал и Шемма на своем Буцеке. Несмотря на раннее утро, многие пришли их провожать — отъезд был редким и интересным событием для всего поселка. Среди провожающих Витри увидел и Лайю. Она глядела на нею удивленно и пристально. Первой его мыслью было подойти и попрощаться с ней, но обида оказалась сильнее. Он повернулся к кобыле и сделал вид, что поправляет стремена.

Они выехали из села солидно и не спеша, провожаемые

толпой. Шемма ехал первым, важно восседая на своем соловом, за ним — Витри. По бокам лошадей громоздились туго набитые дорожные мешки. Отъехав немного, посланцы колдуна обернулись и еще раз помахали сельчанам на прощание.

Шемма и Витри поехали вдоль берега вниз по течению Лоана. Широкая спина Шеммы и широкий зад Буцека, колыхающиеся перед Витри, создавали у него чувство безопасности, поэтому он не робел перед неизвестностью, ожидающей его впереди. Поездка начинала ему нравиться, он с интересом рассматривал встречные пейзажи, замечал каждую птицу или зверька, прошмыгнувшего в кустах. Шемма мало-помалу задремал в седле, обмяк и обвис, но не терял равновесия, давно привыкнув спать верхом на своем Буцеке. Буцек же, перестав ощущать руку всадника, плелся еле-еле, норовя перехватить пучок травы или листик кустарника.

Около полудня Шемма ожил и стал осматриваться вокруг. Вскоре он нашел то, что искал — удобную поляну у реки, и скомандовал Витри спешиться.

— Пора подкрепиться, — сказал он. — Я пойду посмотрю, все ли вокруг спокойно, а ты накрой поесть. И чайку приготовь.

Они сняли вьюки, расседлали лошадей и пустили их на поляну пастись. Табунщик взял охотничий нож, пошел вдоль поляны и вскоре исчез в кустах. Оставшись наедине с хозяйственными заботами, Витри собрал дров, разжег костер, принес в котелке воды и поставил на огонь. Пока вода закипала, он вынул кружки, хлеб, соль, достал круг колбасы из мешка Шеммы и разложил все на траве.

Когда чай вскипел, Шемма вернулся и сообщил, что вокруг все тихо. Витри удивился его предосторожности — они были не так далеко от села, чтобы кого-то опасаться. Шемма подсел к котелку, уверенной рукой взял круг колбасы, оторвал половину, отмахнул полкраюхи хлеба и углубился в еду, запивая ее горячим чаем.

Когда колбаса и хлеб подошли к концу, настроение Шеммы улучшилось, глаза заблестели. Он рассудительно заметил:

— Что главное в дороге? Это, конечно, еда. Так-то, парень. Если ты не поел, у тебя нет сил. — Шемма подобрал остаток колбасы и задумчиво дожевал его. — А если у тебя нет сил, какой ты воин? Любой возьмет тебя голыми руками.

Витри внимательно слушал и соглашался с Шеммой. Он еще больше зауважал табунщика, который так хорошо знал, что в дороге главное. Шемма, между тем, развалился на траве, разбросав мощные ноги и заложив руки за голову.

— Надо отдохнуть, — заявил он. — Убери все, а колбасу положи ко мне в мешок.

Витри посмотрел на остатки еды. Колбасы там не было. Шемма за разговором незаметно уписал весь круг.

— Колбасы нет, съели, — ответил он Шемме.

— Как нет? — изумился уже засыпающий Шемма. — Ну, ты, парень, и горазд лопать! Тебя, пожалуй, и не прокормишь! — Но он был добрым от хорошего обеда и тут же смилостивился: — Ладно уж, спи, отдыхай. Куда сейчас с тобой ехать! Ты и на кобылу-то не влезешь после того, как столько слопал. — Табунщик потянулся и, закрывая глаза, пробормотал: — Да смотри за кобылой, чтобы в село не ушла. Мой-то от меня никуда не денется…

Время перевалило далеко за полдень, а Шемма все спал богатырским сном. Кобыла Мона, судя по всему, не собиралась убегать в село. Ей пришлись по вкусу местная трава и общество Буцека. Витри устал сидеть, жестоко кусались слепни, маленькая горластая птаха в камышах выводила одну и ту же визгливую руладу, живописно дополняя храп Шеммы. Он потянул табунщика за ногу. Тот что-то пробормотал и перевернулся на бок. Витри начал будить его усерднее. Шемма мычал и отбивался, но все-таки проснулся и сел.

— Ехать пора. Вечер скоро, — напомнил ему Витри.

Шемма огляделся и широко зевнул.

— Да. Веди лошадей, парень, — он почесал в затылке и предложил: — Или уж поедим заодно?

Витри сделал вид, что не слышит, и пошел за лошадьми.

Шемма и Витри доехали до горного ущелья только на четвертые сутки пути. Все эти дни Шемма проявлял необыкновенную бдительность. Оставляя Витри наедине с вещами и кухней, он отправлялся бродить по окрестностям в поисках злоумышленников. Такая осторожность сначала понравилась Витри, потом начала раздражать его. Он догадался об ее причинах, но предпочел не связываться с Шеммой. Завтрак, само собой, тоже доставалось готовить Витри, потому что утром Шемму могли разбудить только слова «Завтрак готов». Витри привык вставать рано и не особенно тяготился делами. Он смекнул, что, чем раньше он скажет заветное «Завтрак готов», тем раньше они оседлают коней и отправятся в путь, и вовсю пользовался этой маленькой хитростью, чуть свет подымая Шемму.

Был полдень, когда они подъехали к крутым, жемчужно-серым скалам. Шемма, как обычно, пошел в дозор, а Витри занялся кухней. Оглядывая скалы, он думал, что потребуется целый день, чтобы перевалить через них, а оставаться на ночь в скалах наверняка опасно. За обедом он поделился этой мыслью с

Шеммой, и тот с радостью согласился посвятить остаток дня отдыху.

После обеда Шемма мгновенно уснул, а Витри задумался о предстоящем трудном дне. Завтра нужно было выйти на горную тропу, ведущую по скалам на другую сторону хребта. Витри вспомнил, что они не спросили у колдуна, где она проходит. Он встал и пошел искать тропу, чтобы не тратить впустую дорогое время завтрашнего дня.

Витри долго лазил по скалам, пока не нашел ее — тонкую ниточку, поднимающуюся вверх. Тропа шла не у воды, а на большой высоте вдоль склона ущелья. Там, где Витри проследил ее, она была достаточно широка, чтобы по ней могла пройти завьюченная лошадь. По правую руку подымались скалы, по левую — отвесный склон обрывался вниз, до самого Лоана. Сверху было слышно, как в порогах реки ревет вода. Между, скал то и дело шныряли крупные серые ящерицы, почти сливающиеся с фоном, стоило им замереть. «Как бы они не испугали лошадей, — забеспокоился Витри. — Нужно крепче держать уздечку. Верхом здесь ехать тоже нельзя». Он вернулся назад к стоянке.

Наутро они позавтракали, оседлали лошадей и тронулись в путь обычным порядком. Витри окликнул табунщика:

— Эй, Шемма!

— Что? — отозвался тот.

— Пропусти-ка меня вперед!

— Это еще почему? — удивленный Шемма не догадался даже возмутиться.

— Ты знаешь, куда ехать? — спросил его Витри. — Ты спросил у колдуна, где тропа?

— Нет.

— Может быть, ты вчера осматривал окрестности и нашел ее?

— Нет. — Шемма слегка растерялся.

— Раз ты не знаешь, куда ехать, тогда почему ты впереди? — напал на него Витри.

— А ты как-будто знаешь… — попробовал защититься Шемма.

— Я-то знаю, — заявил Витри. — Я вчера ходил в скалы и нашел тропу. Давай-ка посторонись, я поеду первым.

Шемма пропустил Витри вперед, и тот сразу же пришпорил Мону. Когда тропа пошла вдоль обрыва, они спешились и повели коней. Витри шел быстро, оглядываясь и проверяя, успевает ли за ним Шемма. Тот пыхтел, обливался потом, но не отставал.

Ближе к полудню Шемма окликнул Витри.

— Витри!

— В чем дело? — отозвался Витри.

— Давай поедим. Дорога тяжелая, пора бы уже подкрепиться.

Витри не собирался останавливаться на узкой тропе над обрывом.

— Дойдем до конца тропы, тогда и поедим, — откликнулся он.

— Мы только по кусочку, — настаивал Шемма. — Присядем, съедим и дальше пойдем.

Витри шел вперед, не отвечая на уговоры табунщика. Шемма, между тем, увидев на тропе большой валун, остановил Буцека и стал снимать с него мешки. Когда Витри оглянулся, табунщик уже отвязал мешок с провизией и направился к валуну.

— Шемма! — закричал Витри. — Ты что делаешь!

— Ем. Я не лошадь, чтобы целый день идти голодным. Ты можешь не есть, это твое дело, а я не могу. Жди тогда, пока я поем.

Шемма уселся на валун, поставив мешок между ног. По несчастью, он сел прямо на ящерицу, задремавшую на валуне. Ящерица, недолго думая, что есть силы впилась в его ляжку. Шемма взвыл, не столько от боли, сколько от неожиданности, и подскочил на валуне. Буцек в ужасе шарахнулся и чудом удержался на тропе. Мешок, бывший между ног Шеммы, подскочил вместе с ним, вырвался из рук и покатился к обрыву.

Витри издали оцепенело глядел на эту сцену. При виде катящегося мешка слова вернулись к нему.

— Шемма, мешок! Мешок! — закричал он.

Шемма кинулся за мешком, но было уже поздно. Крутые лоанские колбасы, душистое копченое сало, круглые желтые сыры в последний раз подпрыгнули в воздухе и рухнули под обрыв. Табунщик подбежал к краю обрыва как раз вовремя, чтобы проводить в последний путь мешок, лихо прыгающий со скалы на скалу. Под отчаянным взглядом Шеммы мешок еще раз метнулся с камня на камень и, кувыркаясь в лоанских порогах, скрылся под водой.

Шемма сидел на тропе, убитый горем. Если бы он хоть успел поесть! Теперь до самого Цитиона он не увидит и даже не понюхает прекрасных и полезных продуктов, подобных тем, что были в мешке. Все, что у них осталось — это мука, крупа и соль, которые вез Витри. Было от чего разбиться даже такому мужественному и отважному сердцу, каким Шемма считал свое.

Витри, хотя и был тронут горем товарища, не удержался от попрека:

— Не мог ты еще немного потерпеть! А теперь придется нам обоим терпеть до Цитиона.

Шемма молча нагрузил оставшийся мешок на Буцека. От огорчения у него пропал аппетит. Табунщик пошел за Витри, больше не упоминая о еде.

Витри вскоре почувствовал, что несчастье Шеммы пошло на пользу общему делу. Табунщик, до того никуда не спешивший, теперь заторопился в Цитион на встречу с сородичами колбас, безвременно канувших в лоанские воды. Утром Шемму не понадобилось будить. Он проснулся сам и, выхлебав мучную болтушку, приготовленную Витри, быстренько собрался и выехал первым, погоняя Буцека. Днем табунщику тоже не спалось — не давал покоя полупустой желудок, поэтому лоанцы отправились дальше, почти не задерживаясь.

Посланцы колдуна преодолели путь, оставшийся до Цитиона, за двое суток — срок, удивительный для низкорослых, коротконогих Буцека и Моны. Они заночевали на подъезде к городу, а утром выехали на мост через Лоан, ведущий в Цитион. Проехав мост, они поднялись на пригорок, с которого открылся белый город — жемчужина Келады, сияющая под утренним солнцем.

Ни Шемма, ни Витри до сих пор не видели ничего подобного. Даже полуголодный Шемма замер, глядя на ослепительные стены богатых городских домов, их ажурные каменные изгороди и белые остроконечные башенки, украшенные резьбой. Город был построен из ракушечника и мрамора, который привозили из единственного на Келаде месторождения, залегающего недалеко в Сехане. Дома попроще тоже были белы, чисты и изящны, мостовые из ционского гранита искрились голубизной. Зелень, фонтанчики и бассейны во дворах освежали Цитион и придавали ему веселый и уютный вид.

Витри, рассматривая город с возвышения, увидел, что по всей окружности Цитиона ведутся строительные работы. Жители обносили город гранитной стеной, перед ней копался ров. Жемчужина поспешно облекалась в раковину. Несмотря на раннее утро, на стене и во рву копошились люди с кирками и лопатами, лошади тянули гранитные блоки, передвигаемые с помощью катков и веревок. Витри вспомнил рассказ колдуна и понял, что дыхание предстоящей войны уже коснулось белого города.

Наглядевшись, Шемма и Витри стали спускаться по дороге к городу. Около строящейся стены они увидели господина средних лет, который стоял на дороге и, как бы от нечего делать, разглядывал возводимые сооружения. Его одежда, добротная и изготовленная по мерке, сидела на нем изящно и непринужденно, будто он в ней родился. Голову господина прикрывала шляпа с

короткими, поднимающимися кверху полями, украшенная пером. Его волосы, спускающиеся из-под шляпы, были уложены тщательно и аккуратно, а чистота сапог, сшитых из хорошей мягкой кожи, заставляла думать, что их хозяин вообще не ходит по земле. Поэтому Шемма, которому нужно было спросить, где гостиница, заговорил с ним в высшей степени уважительно, боясь промахнуться в обращении.

— Доброе утро, ваша милость! — произнес он как можно почтительней.

— Доброе утро, молодые люди, — приветливо и с достоинством ответил господин. — Чем могу быть вам полезен?

Молодые люди были польщены его обращением. Шемма, тот и вовсе расцвел.

— Мы издалека, — сказал он. — Из Лоана, ваша милость.

— Слышал, слышал, — охотно подтвердил господин. — В этих краях почти не видно лоанцев, оттуда так редко выезжают. У вас, наверное, важное дело, молодые люди, — предположил он.

— А как же! — Шемма сразу заважничал. — Мы — посланцы колдуна, у нас ответственное поручение. На нас все село надеется.

— Да что вы говорите! — изумился господин. — Все село! Хотя я и сам бы доверился таким молодцам, как вы.

Шемма расцвел еще больше, если это было возможно. Он сразу проникся доверием к такому любезному, понимающему человеку. Забыв о том, что хотел всего-навсего спросить, где гостиница, табунщик тут же рассказал ему все, что случилось с Синим алтарем. Господин выслушал его внимательно и сочувственно. На вопрос Шеммы, где площадь и гостиница, он охотно сообщил:

— Это гостиница Тоссена на базарной площади. Я сам в ней живу. Я здесь проездом, но задержался по делам на некоторое время. — Он изящным движением смахнул пушинку, севшую на рукав, и предложил: — Я могу проводить вас туда, молодые люди. Я как раз закончил утреннюю прогулку и собирался возвращаться. Вы не возражаете?

Шемма и Витри, конечно, не возражали. Они спешились, подумав, что было бы невежливо ехать верхом рядом с этим господином.

— Позвольте представиться, молодые люди, — любезно улыбнулся он. — Скампада. Меня зовут Скампада.

Они смутились, что не представились первыми, забормотали «Очень приятно» и назвали свои имена. Тот не заметил их смущения и еще раз любезно улыбнулся в ответ.

Скампада повел лоанцев через город к базарной площади.

— Вот рыбацкая улица… — показывал он им, знакомя с городом. — А там гончарная… а здесь живут камнерезы… а это прежняя городская стена. Город давно вырос за ее пределы…

Они едва успевали кивать, пытаясь запомнить его объяснения. По мере приближения к центру города постройки становились выше и богаче. Встречные жители, привычные к приезжим, не обращали на них внимания. Наконец Скампада вывел лоанцев на просторную улицу с большими каменными домами, отделанными резьбой и скульптурами.

— А это купеческая улица… — пояснил он. — Там, в конце — площадь, рынок и гостиница. А правитель и местная знать — они живут чуть подальше.

— А маги? — спросил Витри. — Где живут маги?

Скампада замялся с ответом, впервые за все время разговора.

— Трудно сказать, молодые люди. Я сам не маг, — ответил он наконец. — Я думаю, кто где — здесь ведь нет алтарей. Это зависит от их занятий.

— Как же нам быть? — забеспокоился Витри. — Нам нужны именно маги, ваша милость.

— Да-да, конечно, — согласился Скампада. — Вы можете спросить о магах у Тоссена, хозяина гостиницы. Он все здесь знает. Да не забудьте добавить «господин», когда обратитесь к нему. Он среди своих большая персона и очень себя уважает.

Они подошли к гостинице. Витри остался с лошадьми, а Шемма вошел со Скампадой в тяжелую резную дверь и оказался в трактире, занимавшем первый этаж гостиницы.

— Где хозяин? — обратился Скампада к парню за стойкой. Тот пошел на кухню и вернулся с хозяином, высоким и тучным пожилым мужчиной.

— Доброе утро, почтенный Тоссен! — приветствовал его Скампада.

— Доброе утро, любезный Скампада, — благожелательно ответил хозяин. — Как ваша утренняя прогулка?

— Спасибо, замечательно. Погода была превосходная. — Скампада чуть отступил, пропуская вперед Шемму. — По пути я встретил двух молодых людей из Лоана. Они мечтают поселиться у вас в гостинице.

— Да, — подтвердил хозяин, скользнув взглядом по Шемме. — Моя гостиница известна во всей Келаде. Вы останетесь довольны, молодой человек. Ваш приятель на улице?

— Да, с лошадьми, — подтвердил Шемма.

— Отведите лошадей во двор и отдайте слуге. Он поставит их в конюшню, а вещи принесет сюда. У нас прекрасная конюшня.

Когда Шемма и Витри вернулись, в трактир, Скампады уже не

было. Хозяин, ожидавший их, спросил:

— Вам каждому по комнате, молодые люди?

— Одну на двоих, — быстро сказал Витри.

— Хорошо, — хозяин повел лоанцев на второй этаж в левое крыло гостиницы, где размещались комнаты для постояльцев попроще. Он привел их в комнату на двё койки, отдал ключи и предложил:

— Не хотите ли закусить с дороги? У нас прекрасная кухня.

Повторять приглашение не потребовалось. Лоанцы спустились вниз, в трактир. Витри заказал хороший завтрак, но ему было далеко до Шеммы, который не успокоился, пока не перепробовал все блюда гостиничной кухни.

Накормив новых постояльцев, хозяин поинтересовался:

— За еду сейчас заплатите, или записать на счет?

— Запишите, — сказал ему Шемма. — Мы еще не распаковали вещи.

— Как вам будет угодно, — согласился Тоссен. — Здесь платят при выезде или раз в неделю, если остаются надолго. У нас гостиница не самая дешевая, но обслуживание того стоит.

— Нам посоветовал ее наш колдун, — пояснил Шемма.

— Помню, помню. Почтенный старец. Останавливался недели три назад. — Хозяин обвел вокруг рукой. — Располагайтесь, как вам удобнее. Если что потребуется, обращайтесь ко мне.

После завтрака лоанцы решили прогуляться по городу. Выйдя из гостиницы, они остановились, раздумывая, в какую сторону идти. Площадь окружали торговые дома с лавками на нижних этажах. По рисункам на вывесках можно было догадаться, о содержимом лавок. В дальнем конце площади виднелись столы и ларьки городского рынка.

Шемма и Витри пошли вокруг площади, заглядывая во все лавки подряд. Здесь было от чего разбежаться глазам — в своем поселке лоанцы не видели и десятой доли выставленных в лавках товаров.

Зайдя в колбасную лавку, они надолго застряли у витрин. Витри никак не мог увести оттуда Шемму. Тот ходил, осматривая колбасы, окорока и рулеты, как знаток искусства в дворцовой картинной галерее, любуясь их золотисто-розовым цветом и вдыхая аппетитные запахи. Хозяин лавки заметил Шемму, отозвал в сторону и сказал:

— Вы знаете, у нас есть чудесный паштет из дичи. Там, на погребе. Специально для тех, кто понимает…

Шемма кивнул, но, покосившись на Витри, сказал, что подумает.

На улице Шемма заявил своему товарищу:

— Я должен попробовать этот паштет. Я хочу узнать, что это такое, — в голосе табунщика звучала решимость, и Витри сразу понял — отговорить Шемму невозможно.

Еще бы — в погребе хранилось что-то особенное, что было лучше всех этих окороков и рулетов, сводивших Шемму с ума.

Шемма пошел в гостиницу за деньгами. Витри ничего не оставалось, как последовать за ним. Зайдя в комнату, Шемма взял свой мешок и долго копался в вещах, а затем вытряхнул их прямо на пол.

— Витри, — сказал он охрипшим голосом. — Ты не видишь здесь кошелька?

Витри пересмотрел нехитрое содержимое мешка, взглянул на Шемму и сказал:

— Нет, — он начал понимать, что случилось. Шемма на его глазах побледнел до зелени.

— Витри! — выдохнул табунщик. — Я вспомнил, кошелек был в другом мешке. Рядом с куском сала, который дала тетка Пейя.

Они молча глядели друг на друга. Положение было ужасное. У них не было ни монетки, а они уже задолжали хозяину гостиницы. Нужно было на что-то жить и что-то заплатить магам.

— Продать! Нужно продать что-нибудь! — догадался Витри.

Лоанцы вытряхнули из мешков все вещи, но не нашли ничего ценного. Пара потертых одеял, старая куртка Шеммы, топор, ножи… если бы это и удалось продать, вырученных денег не хватило бы и на сегодняшний завтрак. Обратиться за помощью в чужом городе было не к кому.

Шемма хлопнул себя по лбу. Он вспомнил про любезного, обходительного господина, который помог им сегодня утром.

— Слушай, Витри! А что, если нам обратиться к Скампаде?

Витри не был так уверен, что Скампада вновь захочет им помочь, но ничего другого предложить не мог. Они прибрали разбросанные вещи и пошли вниз искать Скампаду.

V

Магистр и Альмарен поднялись до рассвета. Они позавтракали дорожными лепешками, запив их оставшимся с вечера чаем, и поехали в Каянское поселение. Альмарен проезжал здесь три года назад, но мало что помнил. В поселении жило около сотни людей, раза в три больше, чем при Тирском алтаре. Так же, как и в Тире, здесь жили и обучались маги. Кроме них, в поселении обосновались мастера и подсобные работники, не владеющие магией, одни или с семьями. Жители пользовались общей кухней и кладовыми для продуктов, внося для их содержания ежемесячную сумму. Все продукты в поселении были привозными. Их покупали на деньги от продажи магической утвари и хранили в амбарах, построенных на главной площади рядом с алтарем.

Вокруг Каянского поселения не было стены. Богато здесь никто не жил, и даже воды нельзя было выпить без магии. Поселение, где единственной ценностью был алтарь, не интересовало любителей легкой наживы. Одноэтажные домики из обожженной глины, с высокими кровлями из красноватой черепицы, казались вросшими в бурую глинистую почву, словно грибы, и располагались так же беспорядочно.

Въехав в поселение, Магистр, знавший его расположение лучше Альмарена, направился прямо к коновязи. Кони двигались бесшумно, проваливаясь в песок по бабки, так как песчаный грунт был разбит до сыпучего состояния двумя сотнями ног, ежедневно проходящих по закоулкам поселения. Местные жители еще не проснулись, а охрану здесь не выставляли, поэтому никто не видел, как друзья оставили коней у коновязи и пошли к Мальдеку.

Мальдек жил далеко от центра поселка. Друзья прошли мимо колодца и амбаров, выстроившихся полукругом у алтарной площади, мимо гостиничных домиков, мимо мастерских и печей для обжига керамики, пока не вышли к дому Мальдека. Жилые дома строились на несколько комнат, причем каждая комната имела отдельный вход. Подходя к двери, Магистр шепнул Альмарену:

— Когда войдем, осмотри комнату и выясни, где у него лежат амулеты. А дверной запор — это моя забота.

Но, к удивлению обоих, дверь оказалась не запертой и даже полураспахнутой. Откуда им было знать, что Кеменер, чуть-чуть опередивший их, боялся наделать лишнего шума. Они вошли и осмотрелись. В комнате Мальдека не было ничего лишнего —

стол, шкаф, пара стульев, кровать, на которой объемистой глыбой возвышался сам хозяин, досматривающий очередной сон. Сон был, видимо, неплох, потому что с лица Мальдека не сходило спокойное, довольное выражение. На стуле у изголовья была сложена одежда Мальдека, на спинке стула висела брошенная куртка.

Альмарен кивнул Магистру. Поняв, что осмотр закончен, тот наклонился к Мальдеку и встряхнул его за плечо. Маг завозился, неохотно пробуждаясь, потом вздрогнул и вскочил на постели.

Испуг на лице Мальдека, увидевшего перед собой Магистра, явственно показал, что хозяин комнаты окончательно проснулся и оценил положение. Мальдек «мог только догадываться, что именно было известно его ранним посетителям, хотя то, что они пришли к нему, было уже достаточно скверно. Он постарался взять себя в руки и заговорил первым, пытаясь перехватить инициативу.

— Магистр, это вы? В такую рань! — он изобразил на лице изумление, не слишком удачно, но совсем неплохо для человека, которого застали сонным. — Что-нибудь случилось?

— Не притворяйся, Мальдек, — осадил его Магистр. — Ты знаешь, зачем мы здесь. Верни камень, если не хочешь неприятностей.

„Что же им известно?“ — терзался вопросом Мальдек. Вслух он спросил:

— Какой камень, какие неприятности? Я вас не понимаю, Магистр.

— Сейчас поймешь, — терпеливо сказал Магистр. — Я узнал тебя в Тире, когда ты брал камень. Ты хотел убить меня. Ты думаешь, что я оставлю это без внимания?

Мальдек содрогнулся, расставаясь с надеждой, что Магистр не узнал его.

— Если ты будешь упираться, я найду камень сам, — продолжил Магистр. — Но сначала я сделаю с тобой то, что ты чуть не сделал со мной.

— У меня нет камня, — попробовал защищаться Мальдек. — Я там был не один. Я должен был взять камень и отдать другому.

— Кому?

— Камень был нужен Каморре, — с жаром заговорил Мальдек. — Я отдал его Шиманге, помощнику Каморры. Камень у него.

— С тобой был Шиманга? — Магистр пристально изучал выражение лица Мальдека.

— Да, — поспешно кивнул тот. — Он рассказал мне о камне и попросил быть проводником.

— Значит, камень у него?

— Да.

— А где он сам?

— Он поехал прямо через Сехан. Он такой маг, что ему и в засуху это ничего не стоит. — Мальдек честно и убежденно глядел в глаза Магистру.

— А другие маги с вами были?

— Нет.

— Так. — Магистр рассматривал Мальдека, изумляясь про себя, как хорошо тот разыгрывает байку о Шиманге. — Значит, камень отправился к Каморре? Шиманга не говорил тебе, как пользоваться камнем?

— Нет, — уверенно ответил Мальдек. — Мы вообще не обсуждали свойств камня.

Магистр опустил руку в карман и вытащил небольшую эфилемовую камею с головой василиска.

— Ты знаешь, что это такое?

Мальдек открыл рот, но не выдавил оттуда ни звука.

— Я нашел это на теле Шиманги. Он лежит за избушкой на Тирокансхом перевале, убитый магическим жезлом в затылок. Ты сам сказал, что других магов там не было. Значит, это сделал ты, Мальдек. — Магистр замолчал, изучая гамму выражений, проходящую по физиономии Мальдека. Когда там прочно утвердилось выражение ужаса» он добавил: — Камня у Шиманги мы не нашли. Он может быть только у тебя.

Мальдек обмер, как козявка в момент опасности. В этот миг он выдал бы камень, но от страха у него отнялся язык. В следующее мгновение он вспомнил, что камень надежно скрыт за стенками жезла.

— Мне нечего выдавать, — сказал он. — Если не верите, можете обыскать комнату.

— Хорошо, — согласился Магистр. — Альмарен! Посмотри, где здесь хранятся амулеты.

Альмарен подошел к ящику шкафа и вынул оттуда кольцо Аспида.

— Вот, — он протянул кольцо Магистру, и, сосредоточившись, медленно обошел комнату. — Больше здесь ничего нет.

— Как нет! — подскочил на кровати Мальдек. Ему казалось невероятным, чтобы маг не нашел жезла в куртке.

— Ну, что ж, — Магистр вытащил Мальдека из кровати. — Значит, камень спрятан в другом месте. Тогда понятно, почему у тебя ночью дверь нараспашку. — Он взял куртку со стула и швырнул ее Мальдеку. — Одевайся. Я не отпущу тебя, пока не

получу камень, даже если для этого понадобится перерыть песок во всем поселении.

Мальдек надел куртку и ощупал карман, где лежал жезл. Жезла не было.

— Что там у тебя? — проворчал Магистр, увидев, что Мальдек задыхается и машет руками, выпучившись, как рыба, вынутая из воды. — Расшибло тебя, что-ли?

— Обокрали! Обокрали! — завизжал Мальдек. — И жезл, и камень — все было здесь, в куртке! Негодяи! — заорал он. — Я знаю, кто это сделал — этот негодяй Теанор!

Магистр и Альмарен переглянулись. Если Мальдек и притворялся, то очень искусно.

— Пойдемте скорее к Теанору! — Мальдек кинулся к ним и потянул их на улицу. — Возьмите у него камень, возьмите себе! Я не допущу, чтобы он достался такому ничтожеству! — дойдя до двери, он взглянул на крючок и вспомнил замечание Магистра. — Вы говорите, дверь была не заперта? Они выследили меня и залезли ко мне этой ночью. Сейчас я его разоблачу!

Мальдек понесся к дому Теанора с необыкновенной прытью. Магистр и Альмарен едва успевали за ним. Добежав, он яростно застучал в дверь, крича «Вор! Негодяй! Вор!».

Дверь открылась, оттуда выглянул заспанный и недоумевающий Теанор.

— Мальдек? Да как ты смеешь! — возмутился он, услышав, какими словами тот величает его на всю улицу.

— Верни мне мой жезл! Ты украл его у меня! — кинулся на него Мальдек.

— Я ничего у тебя не крал. Зачем мне твой жезл? — Теанор смотрел на Мальдека, как на сумасшедшего. — У меня свой есть.

— У меня взломали дверь и все вытащили! Это твои штучки! — кричал Мальдек. — Я этого так не оставлю!

Теанор поднял руку, пытаясь унять Мальдека.

— Мальдек, не затевай скандала, — сказал он. — Если у тебя что-то украли, будем искать. Сейчас я соберу всех и выясню, кто что об этом знает.

Дом магистра ордена Аспида стоял на алтарной площади. Он мало отличался от других построек, разве был чуть просторнее и имел несколько помещений. Кроме обычной жилой комнаты, здесь было помещение для приема посетителей и комната личного слуги магистра. Слуга, привлеченный шумом скандала, выглядывал из-за двери, не желая упустить ни единой подробности. Теанор подозвал его и приказал бить в гонг для общего сбора.

Время было раннее, поэтому каянцы, и без того не любившие

бывать на собраниях, тянулись на площадь вяло и неохотно. Магистр и Альмарен по-прежнему не доверяли Мальдеку и не спускали с него глаз, но постепенно убедились, что это ненужная предосторожность. Мальдек подбежал к одной из групп, стоящих на площади, и начал громко и возбужденно жаловаться на происки Теанора и его сторонников, лишивших его жезла. Голоса раздавались громче и громче, обстановка накалялась.

Когда у гонга собралось около половины жителей, Теанор вышел на алтарную площадку и призвал их ко вниманию. После нескольких попыток ему это частично удалось, шум стал тише, многие подошли поближе и прислушались.

— Уважаемый Мальдек заявил, что кто-то из нас стащил у него жезл, — начал говорить Теанор. — Он даже посмел обвинить в этом меня. Я призываю вас всех вспомнить, не видел ли кто чего-нибудь подозрительного этой ночью.

Уважаемый Мальдек выскочил на алтарную площадку.

— Теанор притворяется! — закричал он. — Он хочет лишить меня жезла, потому что боится за свое место! Он приказал украсть мой жезл, а теперь будет подбивать вас, чтобы мне не разрешили владеть новым. Это все подстроено, я уверен!

Теанор опешил. Сторонники Мальдека зашумели в толпе. Скандал зрел и развивался. Магистр, не привыкший к такому базару, вышел на площадку, взмахнул рукой и рявкнул:

— Тихо!

Толпа притихла. Как и любая толпа, она невольно подчинялась каждому, кто умел громко и уверенно командовать. Теанор благодарно взглянул на Магистра, собрался с духом и продолжил.

— Кто-то из вас дал повод очернить мое доброе имя. Если он признается сейчас, он будет прощен. Если его поймают потом, он будет наказан. Я жду, что вы скажете.

Все молчали. Ничего подозрительного ночью не было замечено.

— Парни! — выкрикнул, наконец, кто-то из сторонников Мальдека. — Эти Теаноровские бездельники украли у нашего Мальдека жезл! Пусть они отдадут нам свои жезлы, пока не отыщется его жезл!

— У меня тоже этой ночью украли, — крикнул повар. — Окорок из кухни. Пусть Мальдек отдаст мне свои окорока, пока он не отыщется!

— И у меня! — добавил конюх. — Охапку сена. Кто сожрал сено, парни?

Дружный хохот был им ответом. Скандал превращался в фарс. Все понимали, что в конце концов соберется совет каянских

магов и даст разрешение изготовить новый жезл. Через неделю амулет будет изготовлен, и Мальдек получит его. Никто не знал о тайной подоплеке скандала — о Синем камне. И Магистр, и Мальдек молчали о нем. Магистр не желал лишней огласки, а Мальдек не хотел выдавать свой тайник Магистру, надеясь свалить пропажу камня на Теанора.

Магистр, которому надоел и шум, и очевидная бесполезность собрания, выступил вперед. Он махнул рукой, и толпа смолкла.

— У вас нет ни охраны, ни порядка, — раздраженно начал он. — Утром мы въехали в селение незамеченными. Будь мы ворами, мы могли бы делать все, что угодно. — Магистр, разозленный общим беспорядком и беспомощностью Теанора, делал выговор окружающим, забыв, что совсем недавно в Тире случилось то же самое. Вспомнив ночной переполох на берегу Каяна, он продолжил. — Вчера, поздно ночью, кто-то проехал мимо нас с Тироканского перевала к алтарю. Уверен, никто из вас не заметил, что в поселении появился еще один человек. Вас скоро самих украдут, а вы и не заметите. Не то удивительно, что у вас пропадают жезлы, а то, что они до сих пор не пропадали…

— Парни! — перебил его голос, раздавшийся сзади. — Вода-то не идет!

Магистр резко повернулся к человеку, посмевшему его прервать. Сзади к алтарной подставке пробрался маг, молодой парень. Сейчас он удивленно уставился на подставку, не обращая ни малейшего внимания на обоих магистров.

— Какая еще вода? — спросил Магистр, с трудом удерживаясь от желания вышвырнуть нахального мальчишку с алтарной площадки.

— Я хотел добавить в колодец воды, пока тут все болтают, — сказал тот, посмотрев на него невинным взглядом. — Попробовать, как алтарь работает после того, как у него появилась новая сила. А он такой же, как прежде. Вчера еще тут были вот такие фонтаны!

— Новая сила?! — раздражение Магистра мгновенно выветрилось. — И давно она появилась?

— Дня три назад. Эх и шуму было! — парень с сожалением вздохнул. — Только все привыкли, а она куда-то подевалась. Ну-ка, я еще попробую… — он протянул руки над подставкой.

Теанор, голос которого совершенно потерялся в шуме, прокричал, что собрание закончено. Мага окружили подставку, каждый спешил что-нибудь попробовать. Вода все-таки перелилась через край колодца, но после такого множества попыток, что каждому стало ясно — алтарь вернулся в прежнее состояние.

Событие, положившее конец собранию, убедило Магистра, что камень действительно был украден у Мальдека. Подумав, что нужно разузнать побольше о необычном явлении, наверняка связанном с похищением Синего камня, он начал расспрашивать Теанора, но тот, огорченный выходкой Мальдека и потерей новой силы алтаря, отвечал кратко б невразумительно.

— Расскажите об этом подробнее, Теанор, — убеждал его Магистр. — Я даже в старинных книгах не читал ни о чем подобном.

— Давайте позавтракаем вместе, — предложил Теанор. — Я постараюсь рассказать все, что знаю.

Магистр поискал Альмарена. Тот тоже догадался, что явление связано с Синим камнем, и разговаривал с магами, выясняя особенности новых свойств алтаря, величину, на которую возросла сила, и другие тонкости. Услышав оклик Магистра, Альмарен выбрался из толпы и подошел к нему. Теанор привел их к себе в гости и распорядился подать завтрак.

Единственным, кого собрание навело на верный путь, был Мальдек. Сам он был готов использовать любые средства для прихода к власти и, естественно, подозревал в этом и своего удачливого соперника — безобидного Теанора. До начала собрания он не сомневался, что и возмущение Теанора, и обращение к магам — все притворно, но слова Магистра о ночном всаднике дали новый толчок его мыслям. Пропавшее сено и окорок, которые так развеселили собравшихся, дополнили догадку Мальдека. Вспомнив, что в поселение должен вот-вот вернуться Кеменер, уехавший к Тироканскому перевалу, Мальдек заподозрил, что, наверное, шпион возвратился этой ночью и выследил его на улице.

«Эта его гнусная привычка шпионить за всеми подряд, просто так, для души… — мысленно вскипел Мальдек, знавший, что от Кеменера не укроется никакое, даже самое пустяковое событие. — И кто знает, что он нашел там, на перевале, если даже Магистр сумел найти тело. Шпион, конечно, донесет хозяину, а если Каморра узнает, кто убил Шимангу…»

От этой мысли его забил озноб.

Мальдек вспомнил, что Кеменер оставил в своей комнате кое-какие вещи. Если их нет, значит, он был здесь и теперь спешит к Каморре с камнем и с новостями. К счастью, известие об алтаре отвлекло всех, и о Мальдеке забыли. Он мгновенно воспользовался этим и побежал прямо в комнату Кеменера. Дверь была не заперта, вещей не было.

«Он не должен попасть к Каморре!» — молнией пронеслось в голове Мальдека. Маг кинулся собираться в погоню. Еще не все

разошлись с собрания, а он с мечом и дорожным мешком уже бежал к конюшне седлать коня.

Магистр и Альмарен беседовали с Теанором, ожидая завтрака, а с Каянского алтаря по дороге к озеру Тикли во весь опор несся всадник.

Кеменер не ожидал скорой погони. Он поторапливал коня не потому, что чего-то боялся, а по привычке не терять попусту время. Его никто не видел этой ночью в Каянском поселении. Дело было сделано безукоризненно. Мальдек вряд ли сразу догадается, кто мог взять камень.

На пути от Фиолетового алтаря до южного побережья Келады было не так много мест, пригодных для привалов. Еще первыми поселенцами Фиолетового алтаря вдоль дороги были выкопаны колодцы, у которых и останавливались проезжие люди. Кеменер остановился на ночевку у колодца, напоил коня, поужинал и устроился спать, но не успел еще задремать, как услышал скрип колес и голоса людей. К колодцу приближался обоз с продовольствием, идущий на алтарь. После обычных дорожных приветствий обоз расположился здесь же, люди занялись ужином и ночлегом. Кеменер отметил про себя, что обоз через сутки будет на алтаре. Если Мальдек догадается расспросить приезжих, он будет знать, кто выехал с алтаря и где им встретился.

Трое суток разницы не беспокоили Кеменера, но, проснувшись наутро, он подумал, что выиграет еще полдня, если проедет вдоль озера Тикли. Ехать по сухой, глинистой почве было ничуть не хуже, чем по дороге. Кеменер свернул с дороги налево и взял направление к западному краю озера.

Целый день он ехал по безводной равнине. Ему не встретилось ни одного живого существа, кроме гигантского кондора, зависшего в небе. Ближе к вечеру Кеменер увидел впереди голубовато-серую поверхность воды и белую, искрящуюся на солнце полосу — берег озера Тикли, покрытый солью. Вскоре он почувствовал запах стоячей соленой воды, тяжелый и удушающий. «Гиблые места», — подумал Кеменер, поворачивая на юг вдоль берега озера. Проехав немного, он увидел заброшенные соляные копи. Небольшой залив, откуда брали соль, был отгорожен от озера и осушен. Невдалеке, во впадине, виднелись ветхие глиняные хижины, где прежде жили добытчики соли.

Кеменер подъехал к хижинам и увидел то, что рассчитывал здесь найти — колодец. Колодец хорошо сохранился и был закрыт крышкой. Кеменер достал из мешка моток веревки и котелок, привязал котелок к концу веревки и опустил в колодец. Плеск воды послышался, когда Кеменер размотал веревку

наполовину. Шпион вытащил котелок и попробовал воду. Она оказалась чуть солоноватой, но пригодной для питья. Кеменер напился сам, экономя воду в кожаном мешочке, потом долго таскал воду для коня, казалось, готового выпить целую бочку. Здесь, рядом с колодцем, он и устроился на ночь.

Утром Кеменер поехал на юг вдоль берега Тикли. Ближе к полудню, когда он дремал под ритмичное похрустывание соли под копытами, конь вдруг остановился. Кеменер открыл глаза и осмотрелся. Он доехал до южного края озера, откуда оставалось совсем немного до Южного тракта, но путь преграждала небольшая речка, впадающая в озеро. Кеменер внимательно осмотрел речку. Она казалась неглубокой, дно не выглядело вязким. Подумав, что эту лужу легко преодолеть вброд, Кеменер направил коня в воду. Конь занервничал и отказался повиноваться.

Кеменер посмотрел вдоль речки, далеко ли объезд. Она, извиваясь, скрывалась за горизонтом. Причуда упрямого животного заставляла Кеменера вернуться на дорогу и потерять время. Он прикрикнул на коня и снова послал его в воду.

Конь, почувствовав на боках каблуки Кеменера, нехотя пошел в речку. Когда вода достигла брюха коня, Кеменер вытащил ноги из стремян и подобрал на седло. Вдруг он почувствовал, что конь дрожит. Кеменер посмотрел в воду и увидел там длинные, лентообразные, отливающие голубизной змеиные тела, со всех сторон приближающиеся к ним. Это были аспиды, живущие в Тикли. Шпион не знал правила местных жителей — никогда не заходить в воды озера. Аспиды были всегда голодны и, случалось, ели друг друга. Любое существо, попавшее в воду, они считали своей добычей и немедленно кидались на него.

Аспиды один за другим подплывали к брюху коня. Вдруг конь издал ржание, похожее на визг или стон, и рванулся вперед. Кеменер, чтобы не упасть, бросил уздечку и вцепился в передок седла. Конь дикими прыжками преодолел речку и понесся по равнине. Кеменер трясся на нем, не имея возможности ни схватить уздечку, ни опустить ноги в стремена. На очередном прыжке подпруга лопнула, и Кеменер полетел на землю вместе с вещами и седлом.

Он успел подобраться и спружинить при ударе о землю. Толчок на мгновение оглушил Кеменера, но шпион быстро опомнился и вскочил на ноги. Конь мчался по равнине, мотая головой и хрипя, но вдруг остановился, покачнулся, свалился на бок, дергая копытами, и вскоре замер. Яд аспида действовал почти мгновенно.

Потрясенный Кеменер опустился на землю рядом с седлом,

постепенно приходя в себя. Обычный оптимизм возвращался к нему. Он был цел, а мог бы разбиться, сломать руку или ногу. Он мог бы упасть в воду и погибнуть от укуса аспида, но конь вынес его на берег. Можно было продолжать путь.

Кеменер рассчитывал завтра к обеду доехать до ближайшей из прибрежных деревень, встречающихся вдоль Южного тракта, а еще дней через пять оказаться в Кертенке. Происшествие разрушило его планы. Пешком до деревни было не меньше двух дней пути. «Конь пропал, седло тоже придется оставить, — прикидывал убытки Кеменер, — и время потеряно. В деревне, если повезет, можно купить нового коня». — Он открыл магический ларец и пересчитал оставшиеся деньги. Их не хватало даже на самого захудалого коня.

Ларец, который можно было продать, стоил не дешевле хорошего коня, но было бессмысленно пытаться получить за него нужную сумму в одной из деревень. Кеменеру стало очевидно, что до Кертенка он пойдет пешком. Он отвязал от седла мешок, поискал в нем что-нибудь липшее, чтобы выбросить, но не нашел. Тогда он закинул мешок за плечо и бодро зашагал на юг, оглядывая горизонт маленькими, зоркими глазами.

Магистр и Альмарен выслушивали сетования Теанора на «этого вздорного грубияна Мальдека». Вскоре принесли завтрак. Заметив, что Теанор отвлекся, Альмарен спросил Магистра:

— А как же Мальдек?

— Дойдет дело и до Мальдека, — ответил ему Магистр. — Я думаю, что теперь он никуда не побежит. Если камень действительно украли, ему просто незачем, убегать. Если это не так, то камень хорошо спрятан. Мальдек надеется, что нам его не найти, иначе отдал бы сразу. Бежать сейчас с камнем — значит, выдать и себя, и камень.

Подошедший Теанор пригласил их к столу, уставленному аппетитно дымящимися блюдами. Может быть, Теанор был неважным магистром, но он был добрым и гостеприимным хозяином. Он сам ел мало, зато с удовольствием угощал своих гостей, заодно рассказывая им о местных событиях. Магистр и Альмарен, от самого Тира питавшиеся кое-как, позавтракали от души, порадовав Теанора своим аппетитом. Они выслушали подробности об увеличении силы алтаря и о прочих событиях последних дней, о хозяйственных проблемах Каянского поселения и об «этом клеветнике Мальдеке». Теанор считал своим долгом занимать гостей разговором и делал это не без успеха. Наконец Магистр встал, сославшись на то, что отнял слишком много времени у главы ордена Аспида.

— У меня есть небольшое дело к Мальдеку, — сказал он.

— К Мальдеку? — в голосе Теанора прозвучало неудовольствие.

— Он мне кое-что должен, — объяснил Магистр, уловив интонацию Теанора. — Я добиваюсь возвращения долга, но пока безуспешно.

Теанор понимающе кивнул, всем видом показывая, что ничего другого от Мальдека и не ожидал.

— Вы останетесь здесь на ночь? — спросил он. Получив утвердительный ответ, Теанор подозвал слугу и приказал проводить Магистра и Альмарена в комнаты для приезжих. — Я уже распорядился, чтобы о ваших конях позаботились, — добавил он.

Друзья поблагодарили Теанора за гостеприимство и пошли за слугой. Тот привел их в гостиничный домик и пошел за вещами к конюшне. Магистр сел на стул, откинулся на спинку и расслабленно вздохнул.

— Как я каждый раз устаю от здешних порядков! — сказал он Альмарену. — Здесь голова опухнет, пока чего-нибудь добьешься или узнаешь. Одно собрание чего стоит! Все утро потеряно, говорили о чем угодно, только не о том, что нужно. А самое главное — камня нет, и неясно, куда он подевался.

— Кое-что мы все же узнали, — примирительно заметил Альмарен. — У них на несколько дней возросла сила алтаря. И, кажется, это совпало с пребыванием камня у Мальдека.

— Да, и я так думаю, — согласился с ним Магистр. — Мальдек умеет пользоваться камнем, хотя клянется, что ничего о нем не знает. Неужели Шиманга рассказал ему?

— Я бы на месте Шиманги этого не сделал. — Альмарен не знал Шиманги и не представлял, способен ли тот допустить такую неосторожность. — Именно это и могло погубить его. Но Мальдек утверждает, что камень украли. Неужели и эти воры знают, как его использовать?

— Я скоро начну думать, что только мы во всей Келаде не умеем им пользоваться, — усмехнулся Магистр. — Он усиливает алтарь, это понятно, но как он это делает? Используется заклинание, или он действует как-то иначе?

— Зачем нам ломать головы, если можно спросить у Мальдека, — ответил Альмарен на замечание Магистра. — Вы ведь сумеете вызвать его на откровенность?

— Нужно попробовать. Мальдек, наверное, понял, что сейчас не в его интересах молчать. — Магистр поднялся со стула. — Давай навестим его еще раз.

Дверь комнаты Мальдека оказалась запертой. Магистр постучал, затем заглянул в окно. В комнате было пусто.

— Он в мастерских или на алтарной площадке, — предположил Альмарен. — Не будет же он целый день сидеть дома.

В Каянском поселении было непросто отыскать кого-нибудь. Альмарен и Магистр сделали пару кругов по запутанной сети закоулков, следуя еще более запутанным советам встречных жителей, но так и не встретили Мальдека. Они пошли к Теанору, надеясь, что тот поможет им. Магистр довольно громко высказывал Альмарену все, что думает о Мальдеке и об этом месте, где его невозможно найти, и был услышан.

— Дяденьки, вы Мальдека ищете? — раздался тонкий детский голос.

Магистр остановился. В дорожной пыли строился песчаный город. Строители, местные мальчишки, выжидательно глядели на Магистра.

— Да, ребята, — сказал он. — А вы его видели?

— Он поехал на лошади. Вон туда, по южной дороге.

— И давно это было?

— Утром. Еще до завтрака. Когда собрание на площади закончилось.

— Спасибо, ребята. — Магистр повернулся к Альмарену. — Ты смотри, какие дела! Нужно немедленно отправляться за ним. Скорее к Теанору!

Теанора не было дома. Пока друзья искали его, раздался обеденный гонг. Люди оставили мастерские и потянулись к кухне. Магистр и Альмарен пошли туда же и узнали, что глава ордена Аспида обедает в своем доме. Вернувшись на площадь, они, наконец, встретились с Теанором.

— Я только что послал за вами, — увидев их, обрадовался тот. — Стол уже накрыт. Садитесь обедать, пока все не остыло.

Друзья переглянулись. Обижать хозяина отказом было неловко, да и обед был превосходен. За столом Магистр рассказал Теанору, что Мальдек сбежал, чтобы уйти от возврата долга.

— Теперь вам ясно, каков этот Мальдек? — спросил Теанор. — Не очень-то он любит отдавать долги.

— К сожалению, ясно, уважаемый Теанор, — ответил ему Магистр, потерявший надежду добром договориться с Мальдеком. — Мы будем преследовать его, пока он не вернет долг. Нам нужен запас провизии, чтобы догнать Мальдека. Помогите нам.

— Конечно! — воскликнул Теанор, у которого не было причин любить своего недруга. — Я сейчас же распоряжусь, чтобы вам дали все, что вы попросите.

Вскоре они выехали по южной дороге вслед за Мальдеком.

Альмарен был рад покинуть Фиолетовый алтарь, это пыльное, суматошное место. Перед путниками лежала ровная степь, покрытая жесткой невысокой травой. Горячий сухой ветер дул навстречу, развевая их волосы и гривы коней. Дорога, прямая, как меч Грифона, рассекала степь надвое и исчезала за горизонтом.

Магистр перебирал в уме события текущего дня, и в нем крепло убеждение, что в их развитии есть какая-то странность.

— Мальдеку незачем было уезжать, Альмарен, — высказался, наконец, он. — Это совершенно необъяснимый поступок.

— Да, — согласился Альмарен, думавший о том же. — Если он был один. Но у него мог быть сообщник.

Магистр обернулся к Альмарену.

— Мне это и в голову не приходило! — оживился он. — Почему ты так решил?

— Он мог устроить шум, чтобы подать сообщнику сигнал тревоги и дать возможность уйти, — докончил свою мысль Альмарен.

— Пожалуй. — Магистр задумался. — Значит, этот скандал он разыграл.

— И заметьте, Магистр, он требовал с Теанора не Синий камень, а только жезл.

— Хитрец, — покачал головой Магистр. — Он ошибся, если думал легко от меня отделаться. Если потребуется, я пойду за ним и до Белого алтаря. А ты как, Альмарен?

— Конечно, я буду с вами, Магистр.

VI

На четвертый день пути Магистр и Альмарен обогнули озеро Тикли и выехали на Южный торговый тракт, пролегающий вдоль берега океана от устья Тира до Кертенка. Друзья встретили обоз, идущий на алтарь, и там узнали, что перед ними едут два всадника, которых разделяет полдня пути. Вторым был Мальдек, который тоже расспрашивал, кто едет впереди. Предположение Альмарена о сообщнике как будто подтверждалось.

Местность вдоль южного берега Келады была не так засушлива, как в Каянском поселении. Ветры с океана приносили на побережье влагу и создавали климат, пригодный для разведения садов и огородов. Вдоль южного пути располагалась цепочка рыбацких деревень, где Магистр надеялся узнать что-либо о Мальдеке и его спутнике. Около полудня друзья догнали пешего путника, одиноко шагающего по пыльной дороге. Среднего роста, в простой, поношенной одежде, с мешком за спиной, он походил на обычного деревенского оборванца, идущего по своим нехитрым крестьянским делам. Именно так его и оценил Магистр, подъехав поближе.

— Эй, приятель! — окликнул он.

Тот повернулся к нему, не поднимая глаз.

— Что прикажете, ваша милость?

— Тебя не обгоняли всадники, один или двое?

— Нет, ваша милость, — смиренно ответил крестьянин.

— А давно ты идешь по этой дороге? — начал выспрашивать его Магистр.

— Недавно, ваша милость, — отвечал крестьянин, сгорбившись и опустив глаза в землю из уважения к важной особе, удостоившей его разговором. — Я иду с копей на озере. На заработках был.

Магистр понял, что этот деревенский простак ничего не видел, и тронул поводья. До ближайшей деревни было недалеко, а там наверняка заметили проезжающих.

Когда друзья отъехали, Кеменер поднял голову и посмотрел им вслед. Не крестьянское дело — любопытствовать, почему господа гоняются друг за другом, поэтому он удержался от вопроса, за кем гонятся эти двое. Теперь шпион мог только гадать, кто их цель — Мальдек или он сам. Кеменер не предполагал, что преследователи окажутся так близко, и даже порадовался гибели коня, позволившей ему выдать себя за крестьянина и пропустить погоню вперед.

Под вечер Кеменер дошел до деревни, где нашел себе еду и

ночлег. Разговорившись с местными жителями, он узнал, что днем здесь проезжали двое господ, которые расспрашивали о каком-то Мальдеке.

Мальдек и его преследователи с каждым днем удалялись от Кеменера. Они без отдыха скакали по Южному тракту мимо зеленых лугов, небольших светлых рощиц, засеянных дозревающей пшеницей полей. Конь Мальдека, превосходный тимайский жеребец, уступал в резвости Тулану и даже Налю, но хозяин не берег его и гнал немилосердно, надеясь увидеть впереди спину Кеменера, поэтому расстояние между ним и погоней почти не сокращалось.

Неделю назад по деревням проехал гонец из Кертенка, призывая людей в ополчение против уттаков. Тракт заполнился ополченцами с дубинами и самодельными пиками, и расспросы о проезжих не приносили никакой пользы. Мальдек ничего не слышал о Кеменере, но думал, что свойство быть незаметным помогает хитрому шпиону проскользнуть мимо посторонних глаз. Магистр и Альмарен то и дело обгоняли молодых крестьянских парней, едущих в Кертенк, и попусту расспрашивали в деревнях, не проезжал ли здесь человек среднего возраста и тучный, на коне, не похожем на сельскую трудовую клячу.

Вид ополченцев воодушевлял Магистра, выдавая в нем прирожденного воина, предчувствующего близость битвы. Его осанка приобретала силу и уверенность, глаза блестели молодо и ясно, устремляясь за горизонт, к невидимому врагу. Альмарен, привыкший видеть Магистра суровым и спокойным, отрешенным от обыденных забот, с удивлением разглядывал нового, не знакомого ему человека, совсем не равнодушного к жизни, как казалось прежде.

На подъезде к Кертенку дорога уклонилась на юг и потянулась вдоль берега океана. Друзья ехали под мерный плеск тяжелых, зеленовато-прозрачных волн. Душистый влажный ветер с юга прояснял мысли и уносил усталость. В полдень они добрались до устья Тиона, широким потоком вливающегося в океанские волны. Внезапно Магистр остановил коня и оглядел берег, затем перевел взгляд туда, где сливались вода и небо.

— Знаешь, здесь то самое место, где пять веков назад высадился флот Кельварна — первого правителя острова, — сказал он Альмарену, всматриваясь в океанскую даль, будто надеясь увидеть ту землю, откуда приплыли корабли Кельварна. — Ты слышал о том, что наши предки прибыли из-за океана?

— Да, конечно. Мне об этом рассказывала мать, когда я был ребенком. — Альмарен улыбнулся воспоминаниям, должно быть,

очень приятным. — Когда я просил ее рассказать мне на ночь про героев, она садилась рядом и начинала так: «Это было давным-давно, когда по всей Келаде бродили бесчисленные племена уттаков. Они истребляли зверей и нападали на мирных жителей. Тогда на остров пришел Кельварн, Первый Правитель, чтобы избавить эти земли от напасти. Он приплыл к устью Тиона на многих кораблях, с воинами, их женами и детьми и высадился на берег. Кельварн был красив и могуч. Выходя на берег, он был окружен сверкающим ореолом, солнце сияло у него в волосах и на доспехах. Волны лизали ему ноги, приветствуя его, он казался сыном океана, вышедшим из глубин…» И дальше примерно так же. Я очень любил эту сказку.

Магистр ничего не ответил. Альмарен увидел в его глазах веселые искры.

— Я сказал что-то смешное, Магистр? — спросил он, чувствуя себя задетым.

— Нет, что ты! — в голосе Магистра слышалась та же усмешка. — Эти народные легенды так забавны. Они звучат красиво, возвышенно, но смысл события в них не имеет ничего общего с реальностью.

— Почему же ничего общего? — возразил Альмарен. — Ведь все так и было — и наши предки из-за океана, и первый правитель.

— Было, но как? Сказание говорит, что прибыл герой и победитель. Чепуха. — Магистр перестал улыбаться и заговорил серьезно, будто бы отвечал самому себе на поставленные им же вопросы. — Кто же идет на уттаков с женами и детьми? Почему после победы пришельцы остались на острове? Конечно, они бежали со своей прежней родины и бились здесь за место для жилья. Я знаю, что Кельварн был молодым, когда приплыл сюда. Может быть, он с остатками армии бежал от более сильного врага, захватившего его страну, или оказался жертвой дворцового переворота. Наверное, он только что получил корону, и его власть была еще слаба. Но теперь это никому не известно — неприятные подробности имеют склонность исчезать не только из преданий, но и из более достоверных источников. А такая мелочь, как солнце в волосах — осталась. Если они причалили в полдень, то солнце было как раз за спиной Кельварна.

Альмарен недоверчиво покосился на Магистра.

— Не обижайся, я вовсе не смеюсь над твоим рассказом, — добавил тот, дружелюбно взглянув на молодого мага. — Меня позабавило, как в сознании людей остается сверкающая соломинка и исчезает портящее картину бревно.

Рассуждения Магистра заинтриговали Альмарена. Тот знал о

Кельварне явно не из народных преданий и говорил о нем, как о равном, в отличие от других, и в сказках глядящих на правителя снизу вверх.

— Кто вам рассказывал о первом правителе? — Альмарен не мог не задать вопрос, мгновенно завертевшийся на языке. — Ведь это не просто легенды, верно?

— Верно, — подтвердил Магистр. — Это история. И это, и многое другое мне рассказывал мой отец. И не просто рассказывал, а заставлял учить наизусть. Ведь я был беспечным, как и все мальчишки.

Магистр впервые упомянул свою семью, хотя они с Альмареном давно были в приятельских отношениях. Любопытство Альмарена разыгралось еще больше.

— А где сейчас ваш отец, Магистр?

— Мне было пятнадцать лет, когда он умер, — место, где совершалась древняя история, видимо, настроило Магистра на откровенность.

— Вы были младшим сыном у родителей? — предположил Альмарен.

— И младшим, и старшим. Мать умерла при родах, а отец больше не женился, хотя был человеком жизнерадостным и не чуждался женщин. Сейчас мне кажется, что он не хотел мне мачехи, а тогда я вообще не думал об этом.

— А как случилось, что отец так рано скончался? — продолжил расспросы Альмарен, но порыв откровенности его старшего друга иссяк. Магистр тронул поводья так же внезапно, как прежде остановился.

— Мы теряем время, парень, — сказал он вместо ответа. — Это пустые разговоры.

Дорога повернула вверх по течению Тиона. Скоро шум океанского прибоя затих, ветер постепенно угас в островках леса, разбросанных по берегам Тиона, и ничто больше не напоминало о мощной водной стихии, вынесшей когда-то к острову корабли Кельварна.

Альмарен ехал, задумавшись об услышанном. Слова Магистра о семье напомнили ему собственный дом и семью. Уже несколько лет он не был дома, в Цитионе, и его не тянуло навестить родных. Он вспомнил своего отца, потомственного купца, умножившего семейное достояние не мошенничеством, а умом и энергией, мать, женщину добрую и хлопотливую, двух сестер, славных девушек, похожих на мать, старшего брата, помощника в деле отца. Большая, дружная семья — он один оказался в ней оторванным листом, гуляющим по свету. Любопытство, жажда знаний, стремление увидеть новые места и

новых людей постоянно затмевали в его сознании семейные заботы и привязанности. Сейчас Альмарену думалось, что он добровольно выбрал участь Магистра, чье детство поневоле прошло без матери, а юность — без отца, и тот, наверное, в глубине души осуждает его за равнодушие к родным и близким. Наконец, Альмарен решил, что заедет домой после поимки Мальдека, и успокоился. Чтобы окончательно отвлечься, он заговорил с Магистром об истории острова.

— Магистр, а как оттесняли уттаков на север? Ведь их было много, а пришельцев мало.

Магистр ответил сразу, словно ждал этого вопроса или думал о том же.

— Еще при первом правителе были заняты земли до среднего течения Тиона, до тех мест, где расположен Цитион. Это совершилось на закате жизни, Кельварна, а он прожил долгую жизнь. Он основал замок Кертенк, у стен которого век спустя вырос город. Это самый древний город на Келаде. — Было заметно, что Магистру нравилось вспоминать знакомые исторические подробности. — Кельварн выстроил вокруг замка высокую гранитную стену, и можешь не сомневаться, без дела она не стояла. Кертенк не раз выдерживал нападения уттаков.

— Но так было поначалу, а потом?

— Затем людей стало больше, но еще век понадобился, чтобы оттеснить уттаков с берегов Тиона и с Сеханской равнины в Иммарунские леса, где они живут и сейчас. На острове обитали не одни уттаки, но и мирные жители, которые помогали войскам Кельварна и его потомков. Появление пришельцев спасло их от полного истребления. Они оставались только в Лоанской долине — их выручала труднодоступность места. Уттаки не любят лазить по горам.

Альмарен вспомнил, что завтра приедет в Кертенк и все увидит собственными глазами — и стену, и замок, и дома, построенные еще при первом правителе. Нынешний правитель Кертенка, Донкар, занимал огромный замок Кельварна. Представив себе десятки поколений, сменившихся в замке со времен Кельварна, Альмарен поделился этой мыслью с Магистром.

— Значит, род Донкара идет еще от первого правителя! Он прямой наследник чести и славы великого Кельварна и его потомков!

Магистр улыбнулся восклицанию молодого мага.

— Не совсем. Он в отдаленном родстве с прямыми наследниками Кельварна. Уттаки отступали на север, а за ними продвигались и войска, и двор очередного правителя,

устанавливая укрепления на отвоеванных местах. Так появился Цитион, затем Келанга, а затем и Бетлинк.

— Бетлинк?

— Какое-то время наследники чести и славы Кельварна жили в Бетлинке. — Магистр замолчал, припоминая династические тонкости. — Сейчас все перемешалось. Старшая ветвь рода первого правителя правит Цитионом, младшая — Келангой и Бетлинком.

Альмарену было лестно услышать, кто правит его родным городом.

— Норрен — старший в роду Кельварна? — восхитился он. — Вот здорово!

— Он принадлежит к старшей ветви, — поправил его Магистр.

— Разве это не одно и то же? — тут Альмарен вспомнил, что еще ничего не было сказано о Босхане. — А какая ветвь правит Босханом?

— Лет двести тому назад правитель Келанги отдал Босхан Саварре, своему военачальнику, за заслуги. Тогда это была небольшая крепость. Под управлением Саварры, затем его потомков там вырос крупный город. Сейчас наследник этого рода — мальчик лет тринадцати. Его отец погиб в горах на охоте пять лет назад. Мальчик еще слишком молод, чтобы быть правителем, поэтому городом управляет мать. Я услышал об этом недавно, на совете магов. Жить затворником — в этом есть свои достоинства, но и свои недостатки тоже.

Настроение обоих друзей улучшилось. Эта историко-династическая болтовня отвлекла каждого от воспоминаний о доме и близких. Альмарен предвкушал ни с чем не сравнимое ощущение города, его суетливых площадей, где не встретить знакомого лица, тяжелых каменных домов, в течение веков передающихся по наследству, обильных, пестрящих товарами лавок. Чувство, сходное с ожиданием праздника, вытеснило невеселые мысли Альмарена, и его легкая, чуть рассеянная улыбка вновь заняла привычное место.

День спустя Магистр и Альмарен миновали поросшую лесом возвышенность и с опушки леса увидели Кертенк. Древний город раскинулся на большом холме посреди обширного безлесного пространства. Тион делал здесь излучину, огибая холм, на вершине которого стоял тяжелый замок из темно-серого гранита, окруженный высокой и широкой крепостной стеной. На склоне холма располагались городские постройки, у его подножия проходила городская стена, такая же высокая и крепкая, как и стена замка.

Дорога подходила к городским воротам, у которых виднелись две неподвижные темные точки — стражники. Третья точка двигалась по дороге, приближаясь к воротам. Это был Мальдек, которого друзья почти догнали.

Ворота Кертенкского замка выходили на центральную площадь, вымощенную гранитом, окруженную лавками и трактирами. Перед воротами располагался колодец с деревянной поилкой для лошадей, а чуть подальше — коновязь, у которой теснились десятка полтора оседланных коней. Их владельцы, ополченцы, прибывшие в течение дня, дожидались приглашения в замок, сидя на собственных пожитках у стены. Из ворот замка иногда выходили воины Донкара, чтобы навестить полюбившийся трактир. Одетые в форму, выданную правителем Кертенка, они важничали и считали своим долгом не замечать вновь прибывших.

Магистр не остановился у переполненной коновязи, а подъехал прямо к воротам городской гостиницы. Они с Альмареном спешились и вошли вовнутрь. Хозяин встретил их, кланяясь, и спросил:

— Господа желают остановиться у нас?

— Нет. Нам нужно кое-что узнать, — ответил Магистр.

Лицо хозяина вытянулось. Магистр протянул ему серебряную монету. Тот взял монету, поклонился еще ниже и произнес:

— Я весь к вашим услугам, ваша милость. Спрашивайте все, что вам угодно.

— Не заходил ли к вам вчера или сегодня один человек? — Магистр начал описывать внешность Мальдека, но замолк на полуслове. Снаружи послышались крики и стук удаляющегося конского галопа.

— Что это? — машинально спросил Магистр.

— Наверное, гонец из замка, — ответил ему хозяин. — Их сейчас много выезжает, и всегда с большим шумом. Любят показать себя.

Магистр кивнул. Шум и крики на площади не прекращались. Все трое подошли к окну и увидели толпу ополченцев, собравшуюся у колодца. Те громко и оживленно разговаривали, кое-кто вскочил с коня и кружил по площади.

— Поссорились, — покачал головой хозяин. — Не поделили место у колодца, или кони погрызли друг друга. Тесно.

Они вернулись к прерванному разговору.

— У нас ни вчера, ни сегодня никто не останавливался, — сказал хозяин, когда Магистр закончил описывать внешность Мальдека. — Ополченцев размещают в замке, а других приезжих нет. Да! — вспомнил он. — Перед вами сюда заходил человек

похожей внешности. Он спрашивал о том же, о чем и вы.

— Когда? — живо спросил Магистр.

— Совсем недавно. Я только успел спуститься в подвал и обратно.

— И куда он пошел?

— Здесь есть еще гостиница, напротив. Вы там не были?

— Нет.

— Не останавливайтесь у них и не обедайте. Там берут дорого и столы в трактире всегда грязные, — хозяин торопился уничтожить конкурента. — Пообедайте у нас, вам понравится.

— Мы пообедаем у вас, но попозже, — успокоил хозяина Магистр.

— Ваших коней напоить? — хозяин старался не упустить постояльцев.

— Они еще не остыли. Благодарю вас. — Магистр кивнул Альмарену, приглашая выйти из гостиницы.

В гостинице напротив друзья получили точно такой же ответ.

— Итак, Мальдек здесь, он только что приехал, — подытожил услышанное Магистр. — В обеих гостиницах его нет. Давай пообедаем, а затем поищем его в окрестных трактирах, да и в замке тоже.

После обеда они повели коней к поилке. Какой-то ополченец, добродушный деревенский парень, таскал из колодца воду, наливая ее своему коню. Высокий, жилистый темно-гнедой жеребец жадно тянул воду.

— Во что ты его превратил, приятель! — не удержался от замечания Альмарен, взглянув на жеребца. — Война еще не началась, а он у тебя как скелет, и весь в мыле. Уттаки за тобой гонялись, что ли!

Парень широко улыбнулся.

— Через два дня будет, как новенький! — он ласково похлопал коня по сухой, узкой морде. — Тимайский! Какой-то мужик, чудак, угнал мою лошадь, а этого оставил. Разве их сравнить! Я за всю жизнь на такого не заработаю. Наши хотели догнать этого мужика, да навешать ему, как надо, а я их отговорил. Пусть едет!

— Какой мужик? — спросил Альмарен.

— Толстый такой, а морда вот такая, — за недостатком слов парень гримасами и жестами показал упомянутую морду. Не узнать Мальдека, метко изображенного деревенским шутником, было невозможно.

— Кажется, Мальдека можно не искать в Кертенке, — сказал Альмарену Магистр, прислушивавшийся к разговору. — Куда этот человек поехал? — спросил он у парня. — В каком направлении?

Парень махнул рукой на улицу, ведущую от замка на север.

— Ясно. — Магистр обернулся к Альмарену. — Он поехал к северным воротам. Оттуда идет дорога в Цитион. Поехали! — сказал он, вскакивая на коня. — Мальдек не терял времени, и мы не будем. На этой лошади он от нас далеко не уйдет.

Друзья оставили Кертенк и выехали на дорогу, ведущую в Цитион. Они были удачливее Мальдека, который ничего не слышал о Кеменере с тех пор, как встретил обоз. Сейчас он скакал к Цитиону, нахлестывая несчастную лошаденку. Поспешное бегство мага было вызвано тем, что он увидел из окна гостиницы своих преследователей, въезжающих на площадь. Мальдек начинал понимать, что Кеменеру удалось перехитрить его. Из-за этого он вдвойне боялся Магистра, который будет требовать камень и вряд ли поверит рассказу о жезле и Кеменере.

Впервые Мальдек жалел, что ввязался в историю с камнем, и был озабочен только собственным спасением от двойной угрозы. Гнаться за Кеменером было бесполезно, возвращаться назад, на Фиолетовый алтарь, тоже нельзя. Перебирая в уме, где можно укрыться, он вспомнил о Берсерене, которого ненавидел Каморра и, казалось, недолюбливал Магистр.

Наступил вечер, а Магистр и Альмарен так и не догнали Мальдека. Пора было подумать о ночлеге. Друзья встретили на пути один из постоялых дворов, располагающихся на тракте вдоль Тиона — темный, корявый, но просторный дом, обнесенный забором, с сараем и широким двором. Хозяин, увидевший их издалека, вышел из ворот.

— Не изволите ли переночевать, господа хорошие! — окликнул он путников. — Время позднее, а других жилищ здесь нет.

Альмарену сразу не понравился этот обрюзгший неряшливый мужик, чем-то напомнивший ему Мальдека.

— Поедем дальше, Магистр? — сказал он полувопросительно. — Еще не стемнело.

— Да уж вот-вот стемнеет, господа! — продолжал уговоры хозяин. — Далеко все равно не уедете.

Последняя фраза хозяина показалась Альмарену двусмысленной.

«Какие глупости! — подумал он. — От этой погони я становлюсь мнительным».

Магистр, казалось, тоже колебался, но все-таки сказал:

— Ладно. Веди нас к себе.

Хозяин впустил их на двор и закрыл за ними ворота. К ним подошел крупный хмурый парень, принял и привязал коней. Хозяин заговорил, как-то быстро и сбивчиво, показалось

Альмарену, которого опять охватила беспричинная тревога.

— В доме все койки заняты, господа хорошие. Но у меня есть еще комнатка, удобная. Идите поглядите, она вам понравится, — он повернулся к парню. — Принеси-ка быстро свечу.

Парень сбегал в дом, вернулся со свечой и понес ее перед ними, указывая путь. Магистр и Альмарен проследовали за ним мимо сарая к задней части дома. Там оказалась дверь, ведущая в небольшой коридор. В боковой стене коридора виднелись две полукруглые двери с тяжелыми засовами. Парень подошел к одной, отодвинул засов и посторонился, пропуская приезжих вперед. Друзья вошли внутрь и увидели узкую каморку с деревянной лавкой и сундуком. Они не успели удивиться, как свет исчез. Сзади послышался звук захлопнувшейся двери и задвигаемого засова.

В первое мгновение они не видели ничего, даже друг друга. Магистр в темноте нащупал и сжал руку Альмарена, призывая к спокойствию.

— Это те самые, о которых он говорил, отец? — послышался из-за двери голос парня. — Что-то они молчат!

— Сейчас зашумят, — ответил голос хозяина. — Пусть шумят, здесь их никто не услышит.

— С ними так просто не справишься, у них мечи, — вновь заговорил парень. — Надо было сначала мечи забрать.

— А как? Ничего, посидят взаперти, пока не ослабеют, а там и голыми руками их возьмем.

Магистр быстро шепнул Альмарену:

— Задержи их. Уговаривай, обещай что-нибудь. И держи меч наготове, а я займусь засовом.

Альмарен, не теряя времени, крикнул:

— Эй, вы! Пошутили, и хватит! Отпирайте немедленно дверь, а то пожалеете!

— Испугали, как же! — раздался из-за двери смешок хозяина. — Посидите там с недельку, не так запоете. Дверка крепкая, сам делал.

— Чего вы хотите, чтобы нас выпустить? — сменил интонацию Альмарен. — Сколько вам нужно?

— А ничего, господа хорошие! — сладким голосом сказал хозяин. — Все и так будет наше.

Глаза Альмарена привыкли к темноте. Он различал силуэт Магистра, который пристально смотрел на дверь, туда, где снаружи располагался засов, держа в руке обнаженный, чуть поблескивающий меч Грифона.

— Вы не думайте, что нас не будут искать! — снова заговорил он. — Вы все равно поплатитесь за это.

— О чем с ними разговаривать, отец! Идем отсюда! — подал голос парень.

В этот миг раздался хруст треснувшего засова. Магистр толкнул дверь ногой, да так, что стоявший за ней парень отлетел к стене. Магистр мгновенно оказался снаружи и приставил меч к груди хозяина. Альмарен выскочил вслед за ним и прижал упавшего парня мечом к полу. От наглости обоих злоумышленников ничего не осталось. Они замерли, не смея даже просить о пощаде.

— Когда он здесь был? — жестко спросил Магистр. — Тот, который говорил о нас?

Хозяин оцепенело молчал.

— Я не убийца, — сказал Магистр, — и зря меч марать не буду. Рассказывай.

— Перед закатом, незадолго до вас, — пробормотал хозяин.

— Что он тебе рассказал про нас?

— Сказал, что вы разбойники и хотите убить его, — хозяин помялся и добавил. — Сказал, что у вас целые мешки награбленного золота.

— Веди нас к коням. — Магистр оглянулся на Альмарена, прижимавшего парня к полу. — Подымай этого и веди так, чтобы не сбежал. Побежит — зарубишь.

Кони еще оставались на дворе. Друзья вскочили на них, не убирая мечей в ножны, и галопом выехали прочь. Проскакав немного по дороге в Цитион, Магистр свернул в придорожный лес и поехал обратно. Альмарен, недоумевая, последовал за ним.

— Куда мы едем? — спросил он.

— Сейчас увидишь.

Они поравнялись с постоялым двором и остановились в лесу. На дворе сновали люди, слышалось хлопанье дверей. Вскоре из открытых ворот выехали несколько всадников и поскакали к Цитиону.

— Видел? — спросил Магистр. — Хитрая рожа у этого хозяина. Мальдек предложил ему работу, которая ему самому по душе.

— Мне сразу показалось, что нам не следует здесь ночевать, — высказал свои предчувствия Альмарен. — Зачем вы пошли туда, Магистр?

— Хозяин мне тоже не понравился, — согласился с ним Магистр. — Дурацкая склонность — идти навстречу опасности, но мне не всегда удается преодолеть ее.

Проехав по дороге в обратном направлении, друзья устроились на ночлег на берегу Тиона. События прошедшего дня, особенно последнее, вертелись в голове Альмарена, не давая ему

заснуть. Он лежал под плащом, глядя в высокое черное небо, покрытое яркими звездами, и прислушивался к ночным шорохам. Вокруг стояла беззвучная, чуткая тишина, такая, что было слышно журчание тионских струй, огибавших погруженные в воду ветви. Альмарен услышал, как ворочается Магистр, и понял, что тот тоже не спит.

— Магистр! — шепотом спросил он.

— Я думал, ты давно спишь, парень, — откликнулся тот. — Лежишь так тихо, что не слышно ни шороха, ни дыхания.

— Как вам это удалось, Магистр?

— Что — это?

— Сломать засов с помощью магии. Вы знаете какие-то особые заклинания? Я не слабый маг, но в таких условиях, в считанные мгновения…

— Нужно было торопиться, они могли растащить вещи и увести коней. Пришлось бы тогда драться со всеми.

— Я бы так не смог. Как вы это делаете? Как научились?

Магистр молчал..

— Не завидуй, Альмарен, — сказал он наконец, почувствовав, что молодой маг ждет ответа. — Я никому бы не пожелал научиться этому так, как научился я.

— И все-таки, Магистр? — Альмарен приподнялся на локте.

— Ты родился магом, Альмарен, а я не всегда был им. Способность к магии проснулась во мне десять лет назад. — Магистр говорил медленно, подбирая каждое слово. — Смерть дорогого мне человека вызвала ее к жизни. Я и сейчас отказался бы от этой способности, лишь бы изменить то, что случилось тогда.

— Я знаю вашу силу. Но сломать засов — это совершенно другой уровень, — беспечно продолжал допытываться Альмарен, еще не терявший дорогих ему людей.

— Хорошо. Слушай, — нехотя заговорил Магистр. — Десять лет назад Берсерен посадил меня в темницу, а женщину, которую я любил, сжег на костре. Он приказал установить костер так, чтобы пламя было видно из окон темницы. Наверное, не следовало на это смотреть, но я смотрел до конца. Я видел, как она горела в огне, и ничем не мог ей помочь. Засовы были слишком крепки. Когда костер догорел, я подошел к запертой двери, которая удерживала меня, и стал глядеть на нее. И вот тогда… Альмарен, от моего взгляда засовы разлетелись на куски. С тех пор нет на Келаде запора, который мог бы удержать меня.

— Простите, Магистр, — пробормотал Альмарен. — Мне не нужно было спрашивать.

— Молчать не легче, чем рассказывать, парень, — ответил

ему Магистр. — Жаль, что я расстроил тебя.

— Но как он мог сжечь женщину заживо?! — у Альмарена не укладывалось в голове, что такое еще случается. — Это же преступление!

— Она была рабыней, одной из придворных танцовщиц. Их покупают маленькими девочками и обучают танцам с детства. У нее была большая и бедная семья. Родители продали ее в услужение правителю, а значит, по закону она — вещь Берсерена, и он мог делать с ней все что угодно. Ладно еще, он не смел трогать танцовщиц, оттого что боялся своей супруги, Варды. Та бы такого не потерпела.

— Но вы-то не были его рабом, Магистр! Он не мог вас посадить в темницу просто так!

— Он запер меня за то, что я посягнул на его вещь. По закону это можно расценить как воровство, особенно, когда обвинитель — правитель Келанги. — Магистр приподнялся и сел. — Все было бы иначе, если бы Берсерен сам не заглядывался на нее.

— Неужели он остался безнаказанным? — возмутился Альмарен. — Разве вы никогда не хотели отомстить, Магистр?

— Хотел, конечно. Но мне было тяжело оставаться в тех краях, даже для мести. Я уехал в Тир, на другой конец острова. Постепенно я понял, что месть — занятие злое и бесполезное, и оно никого еще не воскресило. Теперь я не думаю о мести, — твердый, жесткий голос Магистра не давал оснований считать, что тот все простил, — но не знаю, как я поступлю, когда окажусь лицом к лицу с Берсереном или с тем человеком, который донес на нас.

Альмарену казалось, что он слышит новую легенду, еще более удивительную, чем легенды о Кельварне — так эта история была далека от обыденной жизни. Присутствие Магистра, который сидел рядом, глубоко задумавшись, и которого невозможно было заподозрить в склонности к пустым фантазиям, напомнило ему, что действительность, достойная того, чтобы стать легендой, нелегко дается ее участникам.

— Вы с тех пор не возвращались в эти края, Магистр? — спросил он.

— Нет. Но сейчас на Келаде такое творится, что не до личных забот. — Магистр снова лег и укрылся плащом. — Спи, Альмарен, завтра нужно выехать в путь пораньше. Надеюсь, мы нагоним Мальдека еще до полудня.

Альмарен закинул руки за голову и долго, ни о чем не думая, смотрел на звезды. Он даже не почувствовал перехода от бодрствования ко сну.

VII

Господин, на помощь которого надеялись Шемма и Витри, прибыл в Цитион около двух месяцев назад. Он подъехал к гостинице Тоссена на хорошем коне, в добротной дорожной одежде, снял удобную комнату, распаковал багаж — два туго набитых кожаных мешка с бесчисленными карманами и застежками — и устроился с большим вкусом и уютом. В ближайший базарный день он продал своего коня, из чего следовало, что господин обосновался в городе надолго.

При гостинице, помимо трактира на первом этаже, был небольшой ресторанчик, в котором по вечерам любили бывать состоятельные жители Цитиона. Там они обменивались новостями, заводили и поддерживали знакомства, обсуждали дела и проводили свободное время. Господин, назвавшийся Скампадой, стал известен среди посетителей ресторанчика, как воспитанный, образованный и исключительно приятный собеседник. Не прошло и недели, как его появление стало сопровождаться приветственными возгласами и улыбками. Скампада умел составить компанию, красиво выпить рюмочку-другую, рассказать интересную историю, развлечь других и развлечься сам.

По рассказам Скампады о дворцовых порядках Келанги и Босхана чувствовалось, что ему привычна придворная жизнь, его обхождение говорило о том же. Скампаду расспрашивали, кто он, откуда и что делает в Цитионе. Он незаметно ушел от ответа на первые два вопроса, зато на третий отвечал много и охотно.

— Господа, любезные друзья мои! — начал Скампада, обведя собеседников взглядом. — Я одержим интересом к истории рода первого правителя Келады. Меня с детства восхищали подвиги великих предков доблестного Норрена, правителя Цитиона, старшего в роду Кельварна, — заметив, что внимание окружающих обратилось к нему, Скампада потупил глаза и выдержал паузу. — Я составляю полную родословную рода Кельварна, и был бы счастлив преподнести этот труд правителю Цитиона. Моя работа близка к завершению, но мне не хватает сведений, чтобы дополнить ее. Если бы я мог поискать их в дворцовой библиотеке Цитиона, мне удалось бы завершить свой многолетний труд, поэтому я оставил родные места и терплю лишения дорожной жизни. К счастью, уважаемый Тоссен делает все, чтобы я не чувствовал себя слишком неуютно.

Слова Скампады оказались настоящей находкой для цитионского зажиточного сословия, которому давно не

предоставлялось хорошего повода почесать языки. Они обсуждались в семьях, при встречах, в гостях, на придворной службе и, наконец, дошли до семьи правителя.

Норрен выслушал рассказ советника о добровольном летописце рода Кельварна, и, немного подумав, отдал распоряжение:

— Зайди сегодня вечером к Тоссену, отыщи этого человека, поговори с ним. Если сочтешь возможным, пригласи его во дворец.

Советник по своему положению не посещал ресторанчик Тоссена, поэтому его появление там вызвало новую волну разговоров. Пропустив со Скампадой по рюмочке, советник остался доволен его манерами, знанием этикета и умением поддерживать разговор. Скампада, конечно, понимал, что их встреча не случайна, но держался без малейшего подобострастия, просто и с достоинством, чем окончательно подкупил советника.

«Какой приятный, воспитанный человек», — думал советник, возвращаясь домой. Наутро он доложил Норрену, что Скампада приглашен.

Норрен принял Скампаду в своем рабочем кабинете. Скампада вошел и отвесил поклон по всем правилам дворцового этикета.

«Действительно, у него есть воспитание, — подумал Норрен. — Не какой-нибудь выскочка».

— Добрый день, ваше величество! — приветствовал его Скампада. — Буду счастлив, если окажусь вам полезен.

— Добрый день, — ответил Норрен. Это было признаком расположения правителя. По этикету он мог заговорить сразу о деле. — Я слышал, что ты составляешь генеалогическое дерево моего рода.

— Да, ваше величество, — глаза Скампады вспыхнули оживлением.

— Что ж, проверим, далеко ли ты в этом продвинулся. — Норрен не собирался пускать в свою библиотеку невежду. — Ты что-нибудь слышал о Тевилене?

— Как не знать о Тевилене? — Скампада даже смутился. — Реформатор, основатель Келанги, жил около трехсот лет назад, во времена Трех Братьев. От него идет вся последующая родословная.

— Да? — усмехнулся Норрен. — А я думал, Трое Братьев жили во времена Тевилена.

Скампада чуть порозовел, почувствовав свою промашку.

— Ну, это легкий вопрос, — продолжил Норрен. — А кто такой Эмбар?

— Основоположник Бетлинка. Гроза уттаков. Жил сто пятьдесят лет назад. Ваш прямой предок, ведет род от Муарена, старшего сына Тевилена.

— Хорошо. Что ты скажешь о Куррене?

Скампада замялся.

— Ваше величество, и в самом блестящем роду бывают несчастные исключения. Он любыми средствами хотел быть правителем Цитиона и добился этого ценой жизни Компатты, из старшей ветви. Но он недолго прожил после.

— Я вижу, ты кое-что знаешь. Откуда у тебя эти сведения?

— Из библиотек Келанги и Босхана. Мне недостает сведений о цитионской ветви за последние сто лет.

— Мне передали, что ты назвал меня старшим в роду Кельварна. Ты в этом уверен?

— Я не знаю, ваше величество, жив ли Ромбар, ваш двоюродный брат. Он — сын бывшего владельца Бетлинка, старшего брата вашего отца.

— Так. Ты даже это знаешь. Та история не получила широкой огласки.

— Да, ваше величество. Берсерен не был заинтересован в этом.

Норрен пристально посмотрел на Скампаду.

— Ты, я вижу, знаешь об этом больше, чем я. Мне рассказывали, что отец Ромбара сам напросился на спор, в котором потерял свой замок.

— Да, все было так, ваше величество. Он прекрасно стрелял из лука и поспорил с Берсереном на свой замок, что трижды поразит цель, но промахнулся трижды подряд. Однако, там были некоторые обстоятельства, мне не хотелось бы их пересказывать…

— Может быть, просьба правителя Цитиона позволит тебе быть более откровенным? — спросил Норрен, заинтригованный словами Скампады.

Скампада прикинул, не продешевит ли он и не подставит ли себя под удар, выдавая опасный секрет. Успех разговора с Норреном обещал ему многое.

— Жена Берсерена, Варда, была магиней ордена Аспида, — напомнил он правителю. — Она вызвала Палащара на спор и с помощью магии заставила промахнуться. Он покончил с собой, когда понял, что был одурачен.

— Вот оно что, — невольно произнес Норрен. Он задумался, принимая решение.

— В моей библиотеке ты найдешь нужные книги, — наконец, сказал он. — Пиши все как есть, не приукрашивая и не подвирая. Пусть потомки знают правду.

— Я приложу все усилия, ваше величество, — наклонил голову Скампада. — Если мне что-то потребуется для работы, я не поступлюсь и денежными затратами. Завершить мой труд — это моя давняя мечта.

— Значит, ради моей родословной ты готов пойти и на денежные затраты? Изумительно! — расхохотался Норрен. — Мне не нужны такие жертвы, Скампада. Я распоряжусь, чтобы тебе дали все, что потребуется. Когда ты закончишь работу, тогда, — если результат будет хорош, то и вознаграждение будет не хуже. Слово правителя!

Скампада не стал ломаться.

— Я буду счастлив, если мой труд будет оценен по достоинству, — сказал он, учтиво поклонившись. — Я человек бедный, ваше величество.

Норрен кивнул ему, показывая, что разговор закончен. Скампада еще раз поклонился и вышел.

Скампада был внебрачным сыном первого министра правителя Келанги и одной очаровательной, прелестной придворной дамы. У прелестницы имелся пожилой, угрюмый муж, предпочитавший хорошую выпивку радостям семейной жизни, но не было детей. Появление Скампады на свет вызвало скандал. Муж отказался признать мальчика своим сыном, чем вынудил даму отдать ребенка первому министру. Тот, пользуясь хорошим отношением правителя, устроил мальчика воспитываться во дворце.

Не прошло и года, как муж придворной дамы свел ее в могилу дурным обращением, а вскоре и сам умер от беспробудного пьянства. Имущество прибрали к рукам родственники покойного. Скампада остался полностью на попечении первого министра, который был привязан к мальчику, очень похожему на свою мать. Первый министр думал упомянуть сына прелестницы в завещании, но у него было трое взрослых сыновей, настырных и жадных до денег, и жена, женщина суровая и властная, которой он был обязан своей карьерой. Услуга могла оказаться слишком опасной для Скампады, и первый министр ограничился тем, что обеспечил его деньгами на первое время. «Я больше ничего не могу для тебя сделать, — сказал он Скампаде. — Надеюсь, когда ты станешь взрослым, то сумеешь позаботиться о себе».

В детстве Скампаду не дразнили и не попрекали происхождением — имя первого министра заставляло присохнуть и самые острые языки — но умный и наблюдательный мальчик быстро понял двусмысленность своего положения. У него появился жгучий интерес к генеалогии, к истории знатных родов

Келады. Он мог целыми днями пропадать в дворцовой библиотеке, с пристрастием изучая жизнь и происхождение чужих предков.

Вычитанного в летописях оказалось достаточно, чтобы Скампада мог чувствовать себя не хуже других. Он был беден по сравнению с законными наследниками знатных родов и понимал, что не может быть таким же беспечным, как они. Еще подростком он пробовал тянуть за веревочки, выступающие из очередного клубка интриг, и сначала изучал, а позднее и предугадывал результаты своего вмешательства. К двадцати годам он знал цену вовремя брошенному слову или взгляду, точной интонации, чужим тайнам и слабостям, и мог этим пользоваться, как искусный камнерез подобранным по руке резцом. Скампада никогда не выступал ни на чьей стороне, раз и навсегда присягнув на верность маленькой вотчине в лице самого себя, и умело манипулировал чужими интересами и страстями.

Когда Скампада стал взрослым, у него сложилось очень хорошее мнение о себе и своем происхождении. Он считал, что обязан обеспечивать себе существование, достойное сына первого министра и прелестницы, и не жалел на это усилий. В отличие от дворцовых сплетников, готовых впустую болтать о чем угодно, он понял, что информация тоже может быть товаром и стоить денег, и сделал ее источником доходов.

Весной Скампада получил заказ, обещавший немалую выгоду. Он взял у заказчика хороший задаток и выехал в Цитион. Заказчиком был Шиманга, действовавший по поручению Каморры, заказом — сведения о местонахождении магических камней, созданных Тремя Братьями. Скампада не был магом и потому не знал, как сложна поставленная перед ним задача. Он верил в свое умение войти в любые двери и работать с любыми книгами.

Первая часть задачи великолепно удалась Скампаде. Он не только проник в дворцовую библиотеку Цитиона, но и получил еще один заказ, который мог оказаться не менее выгодным. Скампада плотно уселся в библиотеке, разделяя время между оформлением родословной Норрена и поиском сведений о камнях. Норрен иногда заходил узнать, как идет работа, просматривал аккуратно начерченные куски генеалогического дерева, читал страницы комментариев, заполненные изящным, витиеватым почерком Скампады, удостаивал автора короткой беседой и, судя по всему, оставался доволен.

С камнями дела обстояли хуже. Тщетно Скампада перебирал тяжелые, покрытые пылью книги, перелистывал пожелтевшие страницы, разбирая завитушки древних летописцев.

Общеизвестные легенды кочевали из книги в книгу, нередко с одними и теми же ошибками, но нигде не встречалось даже намека на то, куда могли исчезнуть камни. Скампада начинал беспокоиться. Хотя он чуял хорошие деньги за родословную и надеялся не меньше, чем на год безбедной жизни, но Каморра был не из таких заказчиков, которым можно было просто вернуть задаток. Поэтому Скампада все дольше и дольше засиживался в библиотеке, нередко возвращаясь в гостиницу поздно вечером.

Шемма и Витри спустились вниз, в гостиничный трактир, но Скампада там не оказалось. Зато в трактире был сам Тоссен, который выбирал товар, принесенный владельцем овощной лавки. Тоссен подымал двумя пальцами то пучок зелени, то луковицу и снисходительно выговаривал лавочнику:

— Ну что ты принес, милейший? В ресторан этот товар не подашь, а в трактире за него много не возьмешь. Так что давай-ка скидывай цену раза в полтора. Я бесплатно торговать твоим товаром не собираюсь.

Лавочник клялся, что товар прекрасный, но понемногу уступал. Наконец торг подошел к концу и лавочник ушел с деньгами, а Тоссен остался с товаром. Витри, помня указания Скампады, робко обратился к Тоссену.

— Уважаемый Тоссен, вы не можете сказать, как нам найти господина Скампаду?

Тоссен, гордившийся своим постояльцем, сделал значительное лицо.

— Господин Скампада очень занят. Он выполняет работу для самого правителя и целыми днями пропадает во дворце. — Тоссен поднял глаза к потолку, будто и правитель, и Скампада находились там. — Он не жалеет ни сил, ни здоровья и возвращается к ужину позже всех. Если вы придете сюда после ужина, я помогу вам найти его.

— Большое спасибо, — сказал Витри. Время до ужина было для него целой вечностью. Лоанцу казалось, что на нем словно бы написано, что ему нечем расплатиться за съеденный завтрак, и он бы не удивился, если бы хозяин гостиницы взял его сейчас за шиворот и выкинул на улицу. Но Тоссен благожелательно смотрел на него, и Витри решился на дальнейший разговор.

— Мы здесь по важному делу. Господин Скампада советовал обратиться к вам.

— Обращайтесь, — благодушно кивнул Тоссен, уверенный, что никакое важное дело не может обойтись без него.

— Наш алтарь потерял силу. Нам нужно встретиться с магами и попросить их помочь вернуть ее. Нет ли у вас знакомых магов, которые могут делать такие дела?

— Алтарь… смотри-ка ты, — Тоссен задумался. — Я никогда не слышал о таком. Не знаю, кто бы мог помочь вам здесь, в Цитионе. Все сильные маги живут при алтарях. Хотя, впрочем… я знаю одного мага, который чинит амулеты и магическую утварь. Сходите-ка к нему. Это далеко, на гончарной улице.

— Скампада показал ее нам, когда мы шли сюда, — сказал Витри.

— Вот и прекрасно. А там спросите, где живет старик Сейен. Его там знают.

Витри поблагодарил Тоссена, кивнул Шемме, и они вышли.

— Идем на гончарную, к старику Сейену, — сказал он своему товарищу. — До вечера еще далеко.

Шемма пошел за ним, послушный, как Буцек. Витри хорошо запомнил утренний путь по городу, поэтому легко нашел гончарную улицу. Сейена здесь знали — первый же человек, к которому обратился Витри, кликнул сынишку и приказал.

— Отведи их Сейену, — тот стоял, не двигаясь с места. — Ну что ты стоишь?! — прикрикнул он на сына.

— Игрушку хочу… — заныл малец. — Там у Сейена, игрушки…

Отец смягчился. Он зашел в дом, вынес полкраюхи хлеба, кусок сала и подал сыну.

— Возьми. Дашь Сейену за игрушку.

Мальчишка привел лоанцев на другой конец улицы, к маленькому даже по местным меркам домику, прилепившемуся к булочной. Единственное окно домика, открытое настежь, было уставлено фигурками людей и животных, сделанных из глины и камня. В окно можно было увидеть и жильца — небольшого сгорбленного старика, который сидел за самодельным станочком, обтачивая камень.

Мальчишка прилип к окну.

— Дедушка Сейен, дай игрушку! — выкрикнул он, протягивая хлеб и сало.

Старик встал и бережно принял краюху.

— Что тебе, паренек? — спросил он. — Выбирай.

— Попрыгун! — обрадованно сказал мальчишка. — Хочу попрыгун! У всех есть, а у меня нет.

Старик снял с полки каменную продолговатую пластинку, похожую на ручку ножа, и подал ее мальчику. Вместо лезвия на конце ручки сверкал золотистый эфилемовый шарик. Ребенок сжал в руке пластинку, шарик тут же выстрелил и запрыгал, закачался в воздухе, а потом вернулся на место, прилипнув к пластинке.

— Здорово прыгает! Далеко! — восхищенно вскрикнул

малец. — А это к вам, дедушка Сейен! — он указал на лоанцев и мгновенно умчался, стреляя на бегу попрыгуном.

— Вы ко мне, молодые люди? — спросил старик.

— Да, отец, — ответил Витри. — Хозяин гостиницы, Тоссен, посоветовал обратиться к вам. Он сказал, что вы умеете чинить амулеты.

— Да, кое-что чиню, — старик засуетился. — Что ж мы через окно разговариваем? Заходите! — он открыл дверь и пригласил лоанцев войти. — Я в молодости учился у магов на Каянском алтаре. — Сейен показал на пальце перстень Аспида. — Я могу возвращать магию их изделиям. Ларцы, стекло, горшки… могу и магическую нить поправить на амулете, если она ослабела. Вот если оборвалась, то никак. Такой амулет нужно восстанавливать на алтаре.

Витри и Шемма вошли к магу. В комнате сразу стало тесно. На полках, на столе лежали заготовки для игрушек и обломки старых эфилемовых амулетов, которые Сейен вставлял в игрушки для придания магических свойств.

— Может, игрушками интересуетесь? — указал на полку Сейен. — Для деток. Работы у меня немного, вот и занимаюсь.

Он снял с полки глиняную собачку с круглыми эфилемовыми глазами, поставил перед ними и по-мальчишески свистнул. Собачка подскочила и кувыркнулась в воздухе. Шемма ахнул. Витри незаметно толкнул его в бок.

— Нет, отец, нам не до игрушек, — ответил он старику. — У нас важное дело.

— Понимаю, понимаю, — слегка разочарованно сказал Сейен. — Что у вас сломалось, молодые люди?

— Алтарь.

Глаза Сейена сделались большими и круглыми, как у магической собачки. Он нащупал сзади стул и сел.

— Вы сказали «алтарь», молодой человек? Я мог ослышаться по старости.

— Да, — подтвердил Витри. — Синий алтарь, в Лоане. Он потерял силу.

— Невероятно, — пробормотал старик. — Нет, мальчики, вам нужно не ко мне. У меня даже жезла нет, не дотянул. Вам нужен настоящий, сильный маг.

— Мы никого здесь не знаем, отец! — взмолился Витри. — Где нам найти такого мага?!

— Дайте подумать, мальчики, — старик надолго замолчал, затем поднял глаза на Витри и сказал: — В городе есть маги, но все они лечат людей. По амулетам и по магии здесь дел мало, этим сыт не будешь. Лучше бы вам пойти на алтарь Саламандры

или Феникса.

— Мы не можем идти так далеко, — вздохнул Витри. — Это слишком долго, и денег у нас не хватит.

— Тогда попробуйте сходить к Гуратте. Он берется за любое дело, если оно ему под силу, и никогда не станет водить за нос, если не может справиться. Его дела идут хорошо, у него большой дом в переулке у купеческой улицы. Если он вам и не поможет, то хотя бы посоветует, что делать.

Дом Гуратты был невелик по сравнению с возвышающимися вокруг купеческими домами, но все же это было двухэтажное каменное строение со всеми принадлежностями зажиточного цитионского дома — двором с фонтаном и ухоженным садиком, резной белой изгородью и декоративными башенками. Войдя в калитку, лоанцы увидели двоих людей, хлопочущих у лошади, понуро стоящей посреди двора. Один держал лошадь за уздечку, другой, высокий и смуглый, размашистыми движениями проводил вдоль боков лошади чем-то похожим на малярную кисть.

Витри и Шемма подошли поближе. Высокий мужчина медленно вел кистью над хребтом лошади, задерживаясь над выбранными точками. При каждой задержке кончик кисти вспыхивал ярко-оранжевым цветом, по которому Витри догадался, что принял за кисть жезл Саламандры. Некоторые точки на теле лошади привлекали особое внимание мужчины. Он убирал жезл и выполнял над точкой вращательные движения свободной рукой, большой и костистой, как у молотобойца. Увидев лоанцев, он коротко спросил:

— Вы ко мне? — и показал на входную дверь, не тратя времени на приветствия. — Идите туда.

Лоанцы вошли в просторную прихожую, служившую магу приемной. Несколько человек уже сидели там, дожидаясь очереди. Вскоре вошел маг, закончивший лечение лошади.

— Что у вас, хозяюшка? — обратился он к молодой женщине.

— Мы с мужем хотим знать, кто у нас будет, мальчик или девочка.

Гуратта направил на нее жезл, закрыл глаза на мгновение, затем сказал.

— Мальчик. Поздравляю, хозяюшка!

Женщина улыбнулась, протянула ему деньги и вышла.

— У вас что? — спросил он следующего.

Пожилой мужчина, с виду похожий на лавочника, развернул большой узел, который держал на коленях.

— Кубышку никак не открою. Магическое слово забыл.

— Идемте. — Гуратта повел его за собой в другую комнату.

Вскоре они вернулись в приемную.

— Если опять забудете, приходите, — напутствовал лавочника маг.

— У вас? — повернулся он к третьему.

— Топор вот. Из мягкого железа, аспид его заешь! Все время тупится, — мужчина показал зазубренное лезвие топора.

Гуратта взял топор и провел рукой по лезвию.

— Можно сделать. Но сначала мы его наточим, — маг вышел на двор, пробыл там недолго и вернулся с заточенным топором. — Все, порядок. Теперь ему и самое твердое дерево нипочем, — сказал он, возвращая топор хозяину.

Витри и Шемма остались наедине с магом.

— У вас что, парни? — спросил Гуратта.

— Видите ли, мы родом из Лоана… — начал Витри.

— Прекрасно. А я из Босхана. Какое у вас дело?

— Нас послал сюда колдун…

— Что нужно вашему колдуну?.

— Вы слышали о нашем алтаре? Синий алтарь…

— Разумеется, слышал. Энергия холода. Ближе к делу, ребята!

Витри кое-как приспособился к прямой, стремительной манере мага вести разговор.

— Наш алтарь потерял силу, — сказал он. — Что нам делать?

Гуратта приподнял бровь.

— Других дел у вас нет?

— Нет.

— Тогда выход вон там. Мне не до глупых шуток.

— Какие шутки?! — с обидой сказал Витри. — Вы думаете, что мы ехали в такую даль, через ущелье, в чужой город для того, чтобы вас разыгрывать?

— Ваш колдун просто забыл заклинания, — маг все еще не верил словам Витри.

— Нет, не забыл. Он велел передать, что там, где была чашка воды, теперь капля. Все наши посевы засохнут, если сила не вернется.

Гуратта встревожился. Алтари никогда не теряли силу, на этом и основывался труд магов. Он машинально взглянул на жезл Саламандры, который держал в руке. Если такое случится с Оранжевым алтарем, то его жезл станет обычным куском камня, а без жезла немыслимо зарабатывать на жизнь магией.

— Как это было, парни? — спросил он.

В рассказе Витри не оказалось ничего, что могло бы объяснить случившееся. Маг сосредоточенно задумался, вспоминая все, что узнал об алтарях за годы обучения при храме

Саламандры, но не мог припомнить ни слова о чем-нибудь подобном.

— Я не знаю, в чем дело, — нахмурился Гуратта. — Вам нужно рассказать это высшим магам. Идите в Оккаду или в храм Саламандры.

— А здесь, в Цитионе, нет высших магов? — спросил Витри.

— Есть один сильный маг, но он высокого рода и очень богат. Вам к нему не попасть. — Гуратта прошелся взглядом по крестьянской одежде лоанцев. — Без рекомендации.

— Вы можете дать ее нам?

— Конечно, нет. Кто я такой, чтобы давать вам рекомендацию к самому Равенору?

Витри и Шемма стояли молча, не зная, как быть. Гуратта, тоже заинтересованный в деле, предложил лоанцам.

— На базарной площади стоит дом купца Тифена. Тифена знают в городе и уважают не за то, что он богат, и не за то, что он снабжает товарами двор самого правителя. Это человек порядочный и неравнодушный к чужим бедам. Попробуйте обратиться к нему за помощью. Тифен не владеет магией, но хорошо знаком с магами. Феникса, и сын у него маг. Если вы сумеете уговорить Тифена, он даст вам рекомендацию и к Равенору, и к оккадским магам, — в ответ на благодарность Витри Гуратта только отмахнулся. — Пустяки! Я буду рад, если найдется маг, который умеет возвращать силу алтарям. Мало ли что еще может случиться!

Был уже вечер, когда лоанцы вышли от мага. Они возвращались в гостиницу усталые и голодные, начиная понимать, каким трудным оказалось порученное дело.

— Пора ехать назад, в Лоан, — сказал Шемма. — Мы ничего больше не сделаем. К Тифену, наверное, тоже не попадешь без рекомендации.

— Но ведь мы еще не пробовали встретиться с ним! — возразил Витри. — И где у тебя деньги, чтобы рассчитаться с Тоссеном, вернуть сельчанам? Ведь дело-то мы не сделали.

Шемма уныло вздохнул.

— Мы здесь всего один день, а ты хочешь бежать обратно, — продолжал Витри. — Дело твое, ты уже поступал по-своему, а я останусь здесь и добьюсь встречи и с Тифеном, и с Равенором. А если потребуется, поеду и туда, куда они посылают… в Оккаду эту или в храм. Я не могу вернуться назад с пустыми руками.

Шемма опять вздохнул. Дорожные заботы и лишения не нравились табунщику, но он чувствовал правоту своего спутника.

— Нет уж, вместе так вместе, — рассудил Шемма. — Как я появлюсь там один? — добавил он, побаиваясь, что Витри в

одиночку сделает дело и явится победителем после его бесславного возвращения.

— Хорошо, — сказал Витри. — Не будем больше говорить о возвращении, а лучше займемся нашим делом. Скампада, наверное, уже вернулся. Может быть, он поможет нам с деньгами.

Скампада, действительно, уже вернулся в гостиницу. Он ушел из дворца раньше обычного и в отличном настроении. Сегодня, как и всегда, он проводил послеобеденное время за поисками сведений о камнях Трех Братьев. Книги, в которых Скампада надеялся найти хоть что-нибудь, были давно прочитаны. Он начал просматривать полки подряд и обнаружил книгу, которая заинтересовала его. Книга была написана во времена Эмбара, одним из его военачальников, и называлась по-старинному длинно и вычурно: «Жизнеописание Сиркоттана, храброго воина, и его опасных и удивительных приключений в землях уттаков». Стиль книги был тяжеловат, но простая, естественная интонация очевидца увлекала и затягивала.

Сиркоттан повествовал о сражениях с уттаками, о дворцовых обычаях тех времен, о том, как попал к уттакам в плен и не был съеден, потому что племя воевало удачно и было достаточно убитых. Он описывал свою жизнь в плену, нравы и привычки уттаков. Зная, что его съедят, когда удача отвернется от племени, Сиркоттан решился на побег. Спасаясь от погони, он сбился с пути и был вынужден переправиться вплавь на остров Керн, расположенный к северу от Келады.

Начав читать книгу, Скампада не мог от нее оторваться. Ему нравились меткие характеристики, точные описания быта и нравов, мест и поселений, изложенные храбрым воином. Он с интересом прочитал описание острова Керн, о котором мало что было известно, рассказ про огнедышащую гору на острове и про племя мирных жителей у ее подножия, приютившее Сиркоттана.

Очередная фраза книги заставила Скампаду вздрогнуть. Сиркоттан, описывая быт кернского племени, рассказывал об идоле, стоящем посреди поселения. Огромный идол из серого камня был одноглазым. В глаз был вставлен большой пурпурно-красный драгоценный камень, переливающийся тысячами граней. Форма камня повторяла глаз, напоминая треть яблока, идущий от него свет был заметен не только по ночам, но и в пасмурные дни.

Скампада еще и еще раз перечитывал описание камня. Это был несомненно, Оригрен, Средний Брат. «Сто пятьдесят лет назад… — подумал Скампада. — Там ли он сейчас?» О том, как с ним расплатится Каморра, если отправится на Керн и не найдет там камня, Скампаде не хотелось и думать. В подтверждение слов следовало показать книгу, и тогда задаток, полученный от

Каморры, можно было бы считать отработанным. Чтобы книга не затерялась на полках, он положил ее отдельно, на маленький столик в углу, намереваясь унести после получения денег за родословную.

Когда Витри и Шемма вернулись в гостиницу, Скампада сидел в ресторанчике, заказав свои любимые блюда. В этот вечер он был особенно приятным собеседником, и у его стола не смолкали разговоры, смех и шутки. Настроение Скампады ничуть не омрачилось, когда подошедший Тоссен сообщил ему, что двое молодых людей, прибывших утром, хотят поговорить с ним. Это означало добавочные заботы, и больше ничего, но Скампада был в духе.

После ужина он зашел в комнату к лоанцам.

— У вас какое-то дело ко мне, молодые люди?

Витри строго взглянул на Шемму, и тот начал.

— Понимаете, ваша милость, у нас случилось несчастье. Когда мы ехали сюда по ущелью… очень опасное место… у нас оторвался один мешок и упал в пропасть. Там были все наши деньги. — Шемма стеснялся в открытую попросить денег и начал постепенно подводить разговор к цели. — Мы никого здесь не знаем, а вы такой добрый человек… вы нам сразу понравились. Не могли бы вы… подсказать, как быть…

Скампада все понял еще на слове «деньги». Лоанцы не ошиблись, в глубине души он был добрым человеком и никогда не отказывался помочь, если это не требовало денег. Хорошее отношение людей было для него ценностью, в которую стоило вкладывать труд, но не деньги, которые являлись конечной целью вложенного труда. Одному Скампаде было известно, как непросто заработать на жизнь, достойную сына первого министра.

Утром он с удовольствием вызвался проводить парней до гостиницы, думая, что сделает доброе дело и им, и Тоссену, чем заслужит хорошее отношение обеих сторон. Сейчас дело обернулось по-другому. Парни вот-вот попросят у него денег, а хозяин вряд ли будет благодарен ему за безденежных постояльцев. Шемма еще не кончил говорить, а мысль Скампады уже стремительно обрабатывала ситуацию, ища вариант, удобный для всех и, разумеется, бесплатный для него самого.

— Молодые люди, вы, наверное, думаете, что я богат, — сказал он вслух, удрученно опустив глаза. — Богатые люди не разъезжают поодиночке и не живут в гостиницах. Даже таких прекрасных, как эта, — добавил он по привычке.

Увидев, как вытянулись лица лоанцев, Скампада принялся утешать их:

— Не падайте духом, молодые люди. Выход всегда найдется.

А в будущем, как говорится, никогда не кладите все яйца в одну корзину.

— Это мы уже поняли, — ответил Шемма. — Где взять яйца, вот вопрос.

— Есть самый простой выход. Продайте коня, — вспомнил Скампада, сам поступавший так при нехватке денег. — Солового, конечно, за пегую вы ничего не получите.

— Буцека?! — ахнул Шемма.

— Хоть бы и Буцека. Базарный день наступит через два дня, а до тех пор живите у Тоссена в кредит. Если не продешевите, на месяц вам денег хватит.

Шемма протестующе замычал. Витри взглянул на него и сказал:

— А ты чего хотел? Это чужое терять легко.

— Тебе хорошо говорить, у тебя нет коня.

— Лучше бы он был. Я бы и связываться с тобой не стал, продал бы, и все. Ты что, забыл, что на нас все село надеется?

Скампада сочувственно слушал их перепалку, припоминая кое-какие разговоры в ресторанчике:

—. Послушайте, молодые люди, — вмешался он в разговор. Лоанцы замолчали и повернулись к нему. — Вы знаете купца Тифена? Говорят, он человек добрый и помогает тем, кто попал в беду. Попросите у него помощи. Я думаю, он выручит вас, если не деньгами, то еще чем-нибудь.

— Нам уже говорили про Тифена, — ожил Шемма.

— Тем более. — Скампада кивнул им на прощание. — Идите к Тифену.

Наутро лоанцы отыскали дом Тифена и постучались в дверь. Слуга позвал к ним мужчину лет тридцати, энергичного и подтянутого.

— Что вам нужно, мальчики? — спросил мужчина.

— Вы купец Тифен?

— Я его сын.

— Значит, это вы маг?

— Нет. Маг — мой младший брат, Альмарен. Он живет в Тире, при Красном алтаре.

— Мы бы хотели поговорить с Тифеном.

— Его сейчас нет в городе. Он уехал за товарами в Оккаду.

— А когда он вернется?

— Вот-вот должен быть. Ждем со дня на день.

— А не могли бы вы… — начал Шемма.

Витри, не хотевший, чтобы в этом доме их приняли за побирушек, дернул Шемму за рукав.

— Извините, — сказал он. — Мы придем попозже, когда он

появится.

— Делать нечего, Шемма, — подвел итог Витри, выйдя на улицу. — Придется тебе проститься со своим Буцеком.

VIII

Наступил базарный день. Гостиница Тоссена заполнилась до отказа торговцами, съехавшимися в Цитион накануне. Рано утром суета в гостинице разбудила Витри и Шемму. Окна их комнаты выходили на двор, поэтому лоанцы не видели площади, кишащей продавцами и покупателями, зато им была видна возня в гостиничном дворе, где с вечера стояли подводы с товарами. Сейчас подводы одна за другой покидали двор, выезжая на городской рынок.

Шемма, с утра глубоко несчастный, пошел почистить напоследок своего солового. Когда Витри пришел за ними в конюшню, шерсть Буцека блестела, грива и хвост были расчесаны. Шемма гладил коня по морде, скармливая ему припрятанные от ужина кусочки хлеба.

— Может, все-таки Мону продадим? — уныло предложил он Витри.

Витри окинул критическим взглядом вислопузую мельникову кобылу.

— Скампада прав, за нее ничего не дадут. У нас не будет ни кобылы, ни денег. А твой — вон какой красавец!

— Не трави душу, — пробурчал Шемма. — Сам знаю.

Выйдя на площадь, лоанцы поначалу растерялись. За три дня они привыкли к городу, но такое изобилие людей и вещей превосходило их воображение. Площадь, прежде просторная, была забита подводами, лотками, корзинами и кошелками, вокруг сновали толпы людей, осматривающих товары. Наконец, Шемма и Витри пришли на конский торг, ведя за собой Буцека.

На продажу было выставлено немало коней. Нервничали, вскидывая головы, чистокровные тимайские скакуны, обнюхивали друг друга упряжные лошади, продающиеся выездами, невозмутимо стояли ширококостные кони босханской породы, выведенной для перевозки гранита из каменоломен. Буцек был хорошим крестьянским конем и выглядел красавцем рядом с Моной, но совершенно потерялся среди великолепных животных, предназначенных для продажи в богатые дома.

Витри оставил Шемму и пошел по рядам узнать цены. К своему удивлению, он увидел там Скампаду, который тоже интересовался лошадьми.

— Добрый день, ваша милость! — окликнул он Скампаду.

— А, это вы, молодой человек! Добрый день, — вежливо поздоровался с ним Скампада.

— Разве вы покупаете коня? — спросил его Витри.

— Я заканчиваю свои дела и скоро покину Цитион, — ответил Скампада. — Коня я куплю через неделю, а сейчас вышел прицениться. Вы ведь продаете своего солового?

— Да, ваша милость. Не хотите ли купить его?

— Нет, — улыбнулся Скампада. — Мне нужен не такой конь.

— Здесь очень высокие цены на коней. Мы не знаем, сколько нам просить за своего.

— Просите за него раз в пять меньше, чем вот за такого. — Скампада показал на вороного жеребца, о котором только что спрашивал у торговца. — Когда будете торговаться, можете скинуть еще треть. И не считайте, что это дешево. Сюда приводят на продажу лучших коней Келады.

Витри поблагодарил Скампаду и вернулся к Шемме. Они простояли довольно долго, но соловым никто не интересовался. Витри начинал терять надежду продать коня, Шемма повеселел.

— Продаете, что ли? — послышался сзади голос.

Лоанцы обернулись. Крестьянин средних лет внимательно разглядывал Буцека.

— Продаем, — ответил Витри.

— Почем?

Витри назвал цену.

— Дороговато, — покачал головой крестьянин. — Разве если скинете треть…

Витри взглянул на Шемму.

— Скинем?

— Еще чего! — уперся Шемма. — Я своего Буцека за бесценок не отдам, Это же золото, а не конь! Не нужда бы, век бы не продал.

Крестьянин еще раз оглядел коня.

— Ну, хоть четверть скиньте.

Шемма стоял твердо.

— Не нравится, вон тех покупайте, господских. Я своему Буцеку цену знаю.

— Что те-то! Были бы и деньги, не купил бы. В хозяйстве от них забот много, а толку мало, — вздохнул крестьянин. — Таких-то, как ваш, сейчас никто не продает. Урожай скоро убирать. Поздней осенью я бы его за полцены купил, да конь сейчас нужен. Скинули бы хоть чуть-чуть. Седло еще покупать.

Витри вспомнил про седло, которое осталось в конюшне.

— Шемма, зачем тебе седло без коня? Отдадим его с седлом?! — он повернулся к крестьянину. — За эту цену, с седлом, пойдет?

— Ладно уж, пойдет, — согласился крестьянин. — Дороговато, однако.

Все трое пошли в гостиницу за седлом. Пока крестьянин отсчитывал деньги, Шемма вынес седло и в последний раз заседлал Буцека.

— Только уж вы не обижайте его, он послушный, — сказал Шемма, передавая повод крестьянину. — И хлебца, хлебца не забывайте давать.

— Зачем обижать, чай не чужой теперь, — крестьянин порылся в мешке, вынул кусок хлеба и угостил коня. Тот с удовольствием взял хлеб. — Буцеком, значит, зовут?

— Буцеком, — подтвердил Шемма.

— Ну, Буцек, пойдем. Счастливо, парни!

Шемма смотрел им вслед, пока они не скрылись в толпе. Витри, увидев, что табунщик чуть не плачет, решил отвлечь его чем-нибудь приятным.

— Ладно, Шемма. Идем-ка пообедаем.

Но тот только махнул рукой.

На другой день в город вернулся Тифен с товаром. Три тяжело нагруженные подводы проехали мимо гостиницы и остановились у ворот его дома. Тоссен, знавший, что лоанцы дожидаются купца, послал парня сообщить им об этом.

Витри и Шемма были рады. За прошедшие дни они побывали еще у нескольких магов и убедились, что никто из них не умеет возвращать силу алтарям. Все их надежды теперь были связаны с Равенором, на которого единодушно ссылались маги.

Лоанцы пошли к Тифену утром, сразу после завтрака. Слуга, открывший дверь, доложил о них купцу, а затем проводил в гостиную на втором этаже. Вскоре к ним вошел мужчина, очень похожий на того, с которым они разговаривали в прошлый раз, но выглядевший лет на двадцать старше.

— Эти? — спросил он слугу.

— Они.

Мужчина подошел к лоанцам.

— Я — Тифен. Говорите, мальчики.

— У вас найдется немного времени для нас? — обратился к нему Витри.

— Немного найдется. Рассказывайте о вашем деле. И покороче, если можно.

Витри, наученный разговором с Гураттой, оставил сельскую привычку начинать издалека и в двух словах рассказал купцу об алтаре. Тифен слушал его внимательно, но без малейшего выражения сочувствия. Почти потеряв надежду, Витри закончил рассказ просьбой о рекомендации к Равенору.

Тифен вовсе не был так бессердечен, как показалось Витри. Многолетняя купеческая жизнь приучила его скрывать свои

чувства и верно оценивать людей с первого взгляда. Глядя на двух оробевших, потерявшихся пареньков, он живо представил лоанское село, старенького колдуна и поля, нуждающиеся в поливе.

— Присядем-ка, мальчики, — сказал Тифен. До сих пор они разговаривали стоя. — А теперь еще раз расскажите все, подробнее.

Купец терпеливо выслушал про алтарь, затем про Буцека и мешок, про Скампаду и цитионских магов.

— Я лично не знаком с Равенором, хотя много слышал о нем, — сказал он лоанцам, когда рассказ был закончен. — Его слуги иногда покупают у меня. Равенор живет замкнуто, я не знаю никого, кто знаком с ним ближе.

— Что вы нам посоветуете? — спросил его Витри.

— Увы, ничего. Был бы здесь мой младший сын, Альмарен, он мог бы что-нибудь придумать. Но он далеко, в Тире.

— Мы должны встретиться с Равенором, — сказал Витри. — Нас могут не допустить к нему без вашего письма.

— С моим письмом вас тоже могут не допустить. Но, так и быть, я напишу его. Надеюсь, что оно поможет вам.

Купец сел за стол писать письмо. Закончив, он сложил лист бумаги текстом внутрь, запечатал перстнем и подал Витри.

— Может быть, вам нужны деньги? — спросил он. — Говорите, не стесняйтесь.

— Мы продали коня, — сказал Витри. — Нам хватит денег на еду и гостиницу, но мы не знаем, сколько потребует Равенор за восстановление алтаря.

— Равенору не нужны ваши медяки, мальчики. Он может купить полгорода, если захочет. Либо он ваше дело сделает, либо не сделает — одно из двух.

— Как же нам быть, если не сделает?

— Приходите ко мне, — Тифен в первый раз за все время разговора улыбнулся. — Вместе и решим, как быть.

Витри и Шемма вышли от Тифена окрыленные. Они отправились туда, где стоял дворец Равенора. Дворец был обнесен высокой стеной с наглухо закрытыми воротами. В воротах виднелось смотровое окошко, тоже закрытое наглухо. Ни колокольчика, ни дверного молотка на них не было.

Витри постучал кулаком в ворота. Окошко неожиданно быстро открылось, и в нем показалась длинная, чопорная физиономия слуги.

— Здесь подают один раз в день, после ужина. А сейчас уходите. Его светлость не любит шума.

— У нас есть дело к Равенору, — поспешно сказал Витри.

— К кому?! — слуга на мгновение потерял дар речи. — К его светлости, вы хотите сказать?

— Да, конечно, — торопливо поправился Витри.

— Это дело касается вас или его светлости?

Витри затруднился с ответом.

— Нас, пожалуй.

— Его светлость приказал не беспокоить его, — длинная физиономия слуги вытянулась еще больше. — Он слишком занят, чтобы возиться с делами всяких оборванцев.

— Вот письмо от господина Тифена. — Витри протянул в окошко запечатанное письмо.

Слуга долго изучал печать.

— Я передам письмо его светлости, — сказал он неуверенно. — Если это какой-нибудь пустяк, его светлость может разгневаться.

— Это очень важно, — заверил его Витри.

— Приходите завтра после полудня, я вам скажу решение его светлости.

Окошко захлопнулось. Витри и Шемма переглянулись. Им стало понятно, почему Тифен не был уверен в пользе своей рекомендации.

В назначенное время Витри и Шемма пришли ко дворцу Равенора. Вчерашний привратник сообщил им, что его светлость желает видеть их после обеда. Чуть позже ворота открылись и слуга впустил лоанцев внутрь.

Войдя и оглядевшись, лоанцы замерли от восхищения. Дворец из белого мрамора раскинулся перед ними застывшим напевом древней мелодии. Он неотразимо действовал даже на них, не имеющих понятия о законах архитектуры. Двор был выложен узорами из цветных каменных плиток, украшен горками и фонтанами, где идеально сочетались беспорядок и гармония. Стебли растений непринужденно вились по мраморным глыбам, журчала вода, пахло зеленью и свежестью. Все вместе производило неповторимо радостное впечатление.

Привратник потянул за веревки, свисавшие вдоль стены. Вскоре появился слуга с серебряным тазом и тряпкой, быстро и умело вымыл и вытер лоанцам обувь. Другой слуга вышел к ним из дворца навстречу. Все совершалось без единого звука, слуги обменивались между собой жестами. Было заметно, что теперь Витри и Шемма были для них не оборванцами, а людьми, которых желает видеть его светлость.

Подошедший слуга кивком головы пригласил лоанцев следовать за собой. По пути он сказал им вполголоса:

— Войдите, поклонитесь и не открывайте ртов, пока его

светлость не обратится к вам с вопросом.

Внутри дворец был не менее совершенен, чем снаружи. Просторные залы, широкие лестницы дышали светом и воздухом, не создавая ощущения ни пустоты, ни чрезмерной роскоши. Людей нище не было, но залы не казались нежилыми.

Проведя лоанцев через добрую половину дворца, слуга открыл перед ними двери и жестом пригласил войти. Витри и Шемма оказались в комнате, боковые стены которой от пола до потолка занимали полки с книгами. За столом сидел человек, одетый в темное. Бросалась в глаза бледность его кожи — это в середине-то лета — и высокий лоб с большими залысинами. Витри больше всего поразила не одежда и не бледность Равенора, а его взгляд, напряженный и в то же время отсутствующий, будто направленный внутрь, под высокий выпуклый череп.

Когда Равенор встал, оказалось, что он невысок и тощ, но маг держался прямо и не выглядел нездоровым. Он прошелся по комнате, не обращая внимания на лоанцев, глядя перед собой тем же странным взглядом.

— Я прочитал письмо Тифена, — заговорил он куда-то в стену. Витри только сейчас заметил на столе распечатанное письмо. — Он пишет, что Лоанский алтарь потерял силу, а вы ищете способ ее вернуть.

Вопроса в голосе Равенора не слышалось, лоанцы молчали. Он отнесся к этому, как к должному.

— Ваш колдун дал вам амулет, чтобы я мог проверить ваши слова? — маг задал вопрос то ли стене, то ли расписной вазе в углу комнаты.

— Нет, — ответил Витри.

— Да, колдун… — Равенор с упреком поглядел на вазу. — Впрочем, какой вам смысл лгать? Вы можете только ошибаться.

Шемма и Витри молчали.

— Но я не думаю, что вы ошибаетесь. Здесь трудно напутать. Я не знаю подобных случаев в прошлом. Но я давно занимаюсь теорией магии и знаю, что это возможно.

Равенор подошел к окну и зачем-то выглянул в сад.

— Я со вчерашнего дня думаю над этим, — сказал он в пространство. — Каждый алтарь питает сотни амулетов — жезлы, перстни, камни, — и его сила существенно не убывает. Но теория магии не исключает возможности существования амулетов, оттягивающих силу. Если на алтарь подействовать таким амулетом, тогда алтарь ослабеет.

Лоанцы слушали, не понимая, к чему клонит маг. Равенор отошел от окна и остановился прямо перед ними.

— На ваш алтарь действует мощная, не известная мне магия,

которая потребляет его силу. — Равенор выбрал почему-то Витри и теперь смотрел прямо на него. — Мои слуги докладывают мне об обстановке на острове. Вы слышали о Каморре?

— Да, — ответил Витри, вспомнив рассказ колдуна.

Равенор с удовлетворением кивнул.

— Это человек, запятнавший звание мага грязными делами, — сказал он, по-прежнему глядя прямо на Витри. — Каморра нашел Белый алтарь в Иммарунских лесах. Это старший алтарь на Келаде, я не буду вам объяснять, почему. Белому алтарю подчиняются все три силы — холода, тепла и жизни. Я полагаю, что оттуда можно применять магию, которая обессиливает другие алтари.

Наступила пауза. Хотя взгляд Равенора был направлен на Витри, чувствовалось, что маг не видит лоанца, сосредоточившись на каких-то одному ему известных образах.

— Я ничего не могу сделать, — неожиданно сказал маг. — Ваш алтарь — это только начало. Пока Белый алтарь у Каморры, никто на острове не может быть в безопасности. Чтобы помочь селу, идите на Оранжевый алтарь и передайте мои слова Шантору, магистру ордена Саламандры. Если черные жрецы храма Мороб сумеют защитить свой алтарь, то защитят и ваш.

Равенор взял со стола колокольчик и позвонил. Из-за двери тут же появился слуга.

— Проводите их, — маг указал на лоанцев и повернулся к столу.

Когда Витри и Шемма вышли из ворот дворца, Цитион показался им потускневшим и будничным. Шемма глубоко вздохнул, словно просыпаясь.

— Сказка… — ошалело пробормотал табунщик. — А что он говорил, Витри?

— Так ты ничего не понял? — уставился на него Витри. — Идем к Тифену, а там слушай внимательно, пока я буду рассказывать.

Витри показалось, что в доме Тифена их ждали. Слуга без доклада провел их прямо к купцу, заполнявшему учетные тетради у себя в кабинете. Тифен отложил дела и предложил лоанцам сесть.

— Вам удалось попасть к Равенору? — спросил он.

— Да, — сказал Витри. Визит к Равенору окончательно отбил у него сельскую привычку говорить неточно и не по делу.

— Он помог вам?

— И да, и нет. Равенор не может вернуть силу алтарю, но назвал причину ее потери.

— Какая это причина?

— Каморра. И Белый алтарь, с которого он насылает магию.

Лицо Тифена стало серьезным.

— Ваши беды — это беды всего острова, мальчики, — сказал купец. — В одиночку вам их не преодолеть. Равенор посоветовал что-нибудь?

— Нам нужно идти на Оранжевый алтарь и рассказать все магам Саламандры. Он надеется, что они сумеют защитить алтари.

— Вы пойдете туда?

— Пойдем.

— Конечно, пойдем! — вмешался Шемма. — Зря я, что ли, своего Буцека продал!

— Вы — отважные ребята, — это было не совсем то, что хотел выразить купец, но он не мог подобрать нужного слова. Может быть, и к лучшему, потому что слова Тифена подействовали на Шемму, как вода на растение в жаркий день. Табунщик расправился и расцвел, широко улыбаясь.

— Мы не какие нибудь трусы, ваша милость! Этот Каморра еще пожалеет, что связался с нами!

И Тифен, и Витри с большим трудом удержались от улыбки.

— А насчет коня — это поправимо, — продолжал Тифен. — Я дам вам денег. Вы выкупите своего коня или купите нового. — Он открыл ключом ящик и вынул мешочек с деньгами.

— Нам некогда искать Буцека или ждать базарного дня, — сказал Витри. — Мы выйдем завтра же. Буцека мы отыщем на обратном пути, — добавил он встрепенувшемуся Шемме.

— Ну, вам виднее, как действовать, ребята. А деньги возьмите. — Тифен отдал мешочек Витри. — Счастливого вам пути!

К полудню Магистр и Альмарен заметили впереди всадника, погонявшего лошадь хлыстом. Приблизившись, они узнали тучную спину Мальдека. Мальдек оглянулся назад и увидел своих преследователей. Не надеясь уйти от них, он повернул лошадь навстречу, вынул меч и стал ждать. Он слишком дорожил своей жизнью, чтобы расстаться с ней без сопротивления.

Магистр, с обнаженным мечом в руке, придержал коня в нескольких шагах от Мальдека. Круглые, выпученные глаза каянского мага горели отчаянием и решимостью, как у зверя, зажатого в угол.

— Мальдек, — начал Магистр. — Убери меч. Не думаешь ли ты, что одолеешь нас?

— Не думаете ли вы, что я сам подставлю грудь под меч? — огрызнулся в ответ Мальдек. — Что я дам себя зарезать, как ягненка?!

— Верни камень, и мы не тронем тебя.

— Я бы вернул его, если бы он был у меня! — в голосе Мальдека послышались визгливые нотки.

Магистр на мгновение опустил меч.

— У тебя нет камня?! Тогда какого же аспида ты бежишь от нас? И где камень?

— Проклятый шпион украл его, — с отчаянием сказал Мальдек. — Я погнался за ним, чтобы вернуть камень.

Отчаяние Мальдека выглядело искренним, но Магистр не забыл, как тот выкручивался на Каянском алтаре.

— Альмарен, осмотри его, — сказал он другу. — Проверь, что за магию он при себе носит.

Альмарен прикрыл глаза и сосредоточился. Магистр следил за каждым движением Мальдека, чтобы тот не воспользовался моментом.

— У него только перстень Аспида, — сообщил Альмарен, закончив осмотр. — На левой руке.

— Ты уверен? Ты все осмотрел — и седло, и вещи?

— Конечно, Магистр. Камня у него нет.

— Сообщник! — вспомнил Магистр. — Где твой сообщник?.

— Какой сообщник? — вытаращил глаза Мальдек.

— Который выехал перед тобой с Каянского алтаря. Мы узнали о нем во встречном обозе.

— Это и был проклятый шпион, я за ним и гнался! — гневно воскликнул Мальдек. — Он украл и камень, и жезл.

— Сообщник или шпион — нам все равно, если камень у него, — рассудил Магистр. — Где этот человек?

— Я сам больше всего хочу узнать, где он, — взволновался маг. — Его нужно прикончить, пока он не попал к Каморре, или я погиб!

— Ты погиб, если не расскажешь нам все, можешь не сомневаться, — одернул его Магистр.

— Конечно, все расскажу. Убейте его, если отыщете, — горестно скривился Мальдек. — Я почти загнал коня, но с самого озера Тикли даже и не слышал об этом шпионе. У него, наверное, крылья. Или он стал невидимым, это он умеет.

— Кто он?

— Кеменер, помощник Шиманги. Он долго жил на Каянском алтаре, а в тот вечер вернулся с Тироканского перевала. Вы же и сказали, что видели его. Он выследил меня той ночью и украл камень.

— Что ты делал той ночью?

— Я забрал камень из-под алтаря домой.

— Как он выглядит, этот Кеменер?

Мальдек замялся. Он раскрыл рот, чтобы описать Кеменера, и снова закрыл, потому что не мог вспомнить ни одной приметной черточки.

— Он никак не выглядит.

Магистр раздраженно шевельнул мечом.

— Мальдек, не дразни меня. Я изрублю тебя на кусочки прежде, чем ты меня оцарапаешь.

— Я бы его узнал, а вот как описывать? Среднего возраста, среднего роста, глаза маленькие. А цвет глаз — не помню. Зацепиться не за что. Ушел проклятый шпион.

— Куда же ты так спешил? — поинтересовался Магистр.

— От вас спасался. Я увидел вас в Кертенке. А камня у меня нет, вот и испугался, — глаза Мальдека яростно сверкнули. — Где бы ни был этот Кеменер, он обязательно пойдет к Каморре на Белый алтарь. Перехватите его на пути и убейте!

Магистр убрал меч в ножны. Он не слишком поверил рассказу мага, но подумал, что живой Мальдек рано или поздно встретится со своим сообщником и выведет на след. Альмарен последовал примеру Магистра. Мальдек понял, что опасность миновала.

— Вы ведь не бросите погоню? — спросил он. — Вы догоните его?

— Не знаю, стоит ли за ним гнаться. У нас есть и другие дела.

Магистр отвернулся от него, как от пустого места, и послал коня рысью. Альмарен, не меньше Мальдека удивленный решением Магистра, спросил:

— Разве у нас есть еще дела, Магистр?

— Я не хочу, чтобы он знал наши намерения. Оглянись-ка назад, где он там?

Альмарен оглянулся. Мальдек, оставшийся далеко позади, трусил вслед за ними на своей лошаденке.

— Видишь, он поехал не на Фиолетовый алтарь. А почему? — задумался вслух Магистр. — Утверждает, что камня у него нет, сообщника — тоже, а сам едет на север, как и мы. Очевидно, Мальдек что-то скрыл от нас. Пусть он думает, что мы перестали разыскивать камень. Со временем он забудет об осторожности, вот тогда мы его и выследим.

— Давайте заедем в Цитион, Магистр! — предложил Альмарен. — Я давно не был дома. У нас найдется несколько дней?

— Мы как раз и направляемся в Цитион. Я хочу побывать у человека, который, возможно, знает о камнях Трех Братьев больше, чем мы. Ты, конечно, слышал о Равеноре?

— Конечно. Он — маг ордена Феникса, как и я. Но на Зеленом алтаре он не мог узнать о них больше меня. Я прочитал все книги алтарной библиотеки.

— Равенор из тех людей, которые не только знают, но и познают. Он владеет теорией магии, как никто на Келаде, поэтому я хочу расспросить его о свойствах камней Трех Братьев, как Синего, так и двух других, — объяснил свое намерение Магистр. — Я уверен, что Каморра охотится и за ними.

Альмарен припомнил старинные легенды о Трех Братьях, внимательно вникая в каждое слово. Теперь у него были основания доверять легендам.

— Магистр! — позвал он. — В легендах говорится, что Трое Братьев ушли под землю и взяли с собой Гелигрен, Желтый камень. Не означает ли это, что он похоронен вместе с ними? Нам нужно отыскать могилы Трех Братьев.

— Никто не знает, где они похоронены, и в одном ли месте, — заметил Магистр, внимательно выслушав друга. — Непросто будет отыскать их могилы. Одно утешение, что и Каморре будет не легче. Да, кстати, — вспомнил он. — Твоя книга с тобой?

— Со мной.

— Нужно показать ее Равенору. Может быть, в ней есть ответы на многие вопросы.

Двое суток спустя друзья подъехали к окрестностям Цитиона. Впереди показались развалины заброшенного замка, стоящего на развилке Большого Тионского тракта и дороги, ведущей в Цитион. Альмарен оживился, узнавая знакомые места.

— Магистр, за тем холмом — замок Росвенк! Еще мальчишкой я лазил по его стенам. А напротив — мост через Тион, и на том берегу — Цитион! Мы скоро будем там!

— Да, парень. Я знаю там хорошую гостиницу на базарной площади. Думаю, в ней мы и остановимся.

— Зачем нам в гостиницу? — удивился Альмарен. — Мы можем остановиться у моего отца.

— Он не будет против?.

— Отец?! Вы его не знаете. Он будет очень рад нам.

— Хорошо. Нам это удобнее. У владельцев гостиниц, да и у слуг, есть общее свойство — они слишком любопытны и болтливы. Не уследишь, когда и что они подсмотрят или подслушают.

Поравнявшись с развалинами Росвенка, Магистр и Альмарен свернули направо, проехали по мосту, и вскоре копыта их коней уже стучали по жемчужно-серым мостовым города.

IX

Слуга, открывший дверь Альмарену, всплеснул руками.

— Молодой хозяин приехал! Сейчас, сейчас всех позову! — и заспешил вверх по лестнице.

Друзья вошли в просторную прихожую. Дом был обставлен без лишней роскоши, просто и удобно. Стены в прихожей были отделаны деревом, наверх вела лестница с массивными резными перилами. Альмарен с сияющими глазами вертел головой, глядя на полузабытое родное жилище.

Семья купца вышла встречать Альмарена. Магистр, забытый всеми, мог беспрепятственно наблюдать семейные ахи, охи и объятия. Тифена, если бы не седина в волосах, со спины можно было бы принять за ровесника своих сыновей. Альмарен, в отличие от старшего брата, был мало похож на отца — что-то общее можно было заметить в фигуре и посадке головы. Магистр решил, что его друг пошел внешностью в мать, но, когда в прихожую вбежала кругленькая, уютная женщина и кинулась на шею сыну, их единственной схожей чертой оказались разве что густые, мягкие волосы.

— А сестренки где? — спрашивал Альмарен. — Обе замужем? И младшенькая тоже? Давно же я здесь не был!

— Да, сын, забыл ты нас, — выговаривал ему отец. — Ты надолго сюда?

Альмарен вспомнил, что приехал не один.

— Отец! Мама! — сказал он, оборачиваясь к Магистру. — Это мой друг и учитель, магистр ордена Грифона.

— Очень рад, — приветствовал Магистра купец. Выражение его лица полностью подтверждало слова. — Я — Тифен.

— Зовите меня Магистром. Ко мне так все обращаются, я привык.

— Хорошо, Магистр, — согласился Тифен. — Надеюсь, вы остановитесь у нас? Мы устроим вас лучше, чем в любой гостинице.

— Если вас это не стеснит, с удовольствием, — ответил ему Магистр.

Тифен занялся расселением гостей. Когда дорожные мешки были внесены и распакованы, все собрались в гостиной, где прислуга уже накрывала на стол. Начался обмен новостями и впечатлениями. Альмарен расспрашивал родных без умолку и был рад узнать, что в семье все хорошо. Сам он говорил о себе мало и кратко — тирская жизнь была бедна событиями, а о причине, заставившей их покинуть Тир, он не упоминал. Тифен

почувствовал, что его младший что-то не договаривает.

— Ты так и не сказал, сын, надолго ли ты приехал?

Альмарен замялся, не зная, что ответить.

— Как дела пойдут, — он взглянул на Магистра. — Мы сюда надолго, Магистр?

— На несколько дней, я думаю. — Магистр повернулся к Тифену. — К сожалению, у нас неотложные дела. Альмарен, если хочет, может остаться, но я не могу задерживаться.

Альмарен даже привстал.

— Что вы, Магистр! В этом деле и двоих будет мало!

Тифен поглядел на обоих.

— Догадываюсь, что вы не на прогулке, — сказал он напрямик. — Я мог бы помочь вам, если бы узнал, какие у вас здесь дела.

— Наши дела касаются магии, — коротко объяснил Магистр. — Мы собираемся навестить Равенора и посоветоваться с ним.

Тифен удивленно поднял бровь, как это, бывало, делал Альмарен.

— На днях ко мне заходили двое мальчиков из Лоана, и им тоже был нужен совет Равенора. Оказывается, Синий алтарь почти полностью потерял силу. Я написал им рекомендацию к Равенору. Славные такие мальчики.

Магистр и Альмарен переглянулись.

— Когда это случилось? — быстро спросил Магистр.

— Кажется, они выехали из Лоана в прошлое полнолуние.

— Да, тогда было именно полнолуние… — припомнил Магистр. — Вы нам уже помогли, Тифен. Что им посоветовал Равенор?

— Равенор предложил им обратиться к магам Оранжевого алтаря. Он считает, что на алтарь влияет магия Каморры, и надеется, что черные жрецы найдут способ противостоять этой магии.

— Ну, посмотрим, что он скажет нам, — покачал головой Магистр. — Что нового в городе? Готовятся к войне, полагаю?

— Да, — кивнул Тифен. — Начали строить новую стену вокруг города, вы заметили? Шантор заезжал к правителю, месяца полтора назад. После его отъезда Норрен собирал деньги на военные нужды. Он попросил меня отправиться на Зеленый алтарь и скупить там все луки Феникса, готовые к продаже. На днях я привез их и отправил во дворец. Последних новостей не знаю — не прошло и недели, как я вернулся.

— А как дела в Келанге, на алтарях?

— Мне показалось, что там власти беспечнее, чем в Цитионе.

Шантор просил Берсерена помочь храму войском, но тот отказал. При самом храме нет войск, он не может сопротивляться уттакам.

— Не думал, что Берсерен так недальновиден, — нахмурился Магистр. — Это может дорого обойтись не только ему. Если еще и в Босхане зевают, враг быстро дойдет до Цитиона. Боюсь, тогда и Донкар не успеет подвести сюда войска.

— Если Каморра захватит Босхан, его уже не остановить, — заметил Тифен.

— Я не хотел говорить, но так оно и есть, — согласился с ним Магистр. — Основные события разыграются у стен Босхана.

На следующее утро друзья вышли в город. Магистр заглянул в гостиницу Тоссена спросить, не появлялся ли там Мальдек. Убедившись, что каянского мага в гостинице не было, Магистр предложил Альмарену прогуляться до дворца Равенора.

У ворот дворца их встретили ничуть не приветливее, чем лоанцев. Магистр постучал в окошко и вскоре имел удовольствие увидеть в нем длинную физиономию привратника.

— Открой-ка, любезный, — сказал ему Магистр. — И доложи обо мне хозяину. Мне нужно встретиться с ним.

— С его светлостью, вы хотите сказать? — сухо поправил его слуга.

Магистр хмыкнул.

— Ну, если тебе так больше нравится, тогда скажу, что у моей светлости есть дело к его светлости.

— Простите, о ком я должен доложить его светлости? — осведомился слуга.

— Передай, что магистр ордена Грифона желает разговаривать с ним.

— О каком деле вы желаете с ним разговаривать?

— Ты слишком любопытен, любезный. Мое дело касается меня и Равенора, но уж никак не его слуги.

— Здесь такой порядок, — веско сказал слуга. — Я обязан узнать дело, по которому пришли, и доложить о нем его светлости. Завтра после полудня я вам сообщу, желает ли его светлость с вами разговаривать.

— У меня срочное и важное дело, — нетерпеливо сказал Магистр.

— Я не помню случая, чтобы кто-то сказал, что его дело несрочное и неважное, — хладнокровно произнес слуга. — Вам придется подчиниться здешнему порядку. Месяц назад к его светлости приходил гонец от правителя, но и он был вынужден дождаться следующего дня. Говорите о вашем деле и приходите завтра.

— Мое дело касается магии, — сказал Магистр, подумав про

себя, что легче было бы договориться с самим Равенором, чем с его неуступчивым слугой. — Я скорее обойдусь без встречи с твоим хозяином, чем буду болтать о своих делах направо и налево. Можешь так ему и передать.

— Непременно передам. Вы будете один? — спросил привратник, покосившись на Альмарена.

— Вдвоем.

— Я должен знать и имя вашего спутника.

— Меня зовут Альмарен, сын Тифена, — вмешался Альмарен.

— Завтра после полудня я объявлю вам решение его светлости, — сказал слуга, и окошко захлопнулось.

— Однако, — сквозь зубы произнес Магистр. — Неужели и хозяин таков же? Тогда мы зря теряем время.

Он пошел от ворот, хмуро глядя перед собой. Вдруг пальцы Альмарена коснулись его локтя.

— Магистр! — позвал он друга. — По-моему, это не обидно, а смешно. Оставим Равенору его спесь. Мы и без его советов обойдемся, не так ли? «Его светлость, его светлость…» — передразнил он привратника.

Магистр усмехнулся, его нахмуренный лоб разгладился.

— Давайте зайдем в лавку к отцу, — предложил Альмарен. — Отец привез изделия магов Феникса и еще не успел распродать их. Там могут встретиться любопытные поделки.

В Магистре пробудился профессиональный интерес.

— Зайдем, пожалуй, — сказал он.

Лавка была просторной и, в отличие от неброской обстановки дома, богато украшенной. Тифен знал, как привлечь покупателей. У входа висели полированные зеркала, на полках и в нишах стояли светлячки Феникса — светящиеся шары из желтого и зеленого эфилема на серебряных подставках. Стены, отделанные декоративным деревом, были ярко расписаны узорами из цветов и пестрыми птицами.

Войдя в лавку, друзья увидели Тифена, раскладывавшего товары по полкам. Купец приветствовал их жестом, не отрываясь от дела.

— Отец, что у тебя здесь интересного? — спросил Альмарен, оглядывая полки. — Что ты привез с Зеленого алтаря?

— Не так много, сын, — разговорился купец. — Две подводы были с оружием. Я не взял ни посуды, ни одежды, а одни лишь украшения и ткани — их можно выгодно продать. Женщины всегда наряжаются, будь хоть буря, хоть война, хоть наводнение. Игрушки кое-какие, вон, смотри! — Тифен указал на верхнюю полку, где стояли пышноволосые куклы-дамы с широко открытыми глазами.

— А это что, отец? — Альмарен заметил желто-бурую фигурку величиной с ладонь, затерявшуюся среди кукол. — До чего же знакомая штучка! Можно посмотреть?

Тифен перенес лестницу и снял фигурку с полки. Это был человечек из светло-бурого эфилема, присевший на пол, опираясь на колени. Его небольшие ручки были скрещены на выпуклом брюшке, увесистая круглая голова с заостренными ушами лукаво склонялась на бок. Один глаз человечка смотрел прямо, другой, полуприкрытый опущенным веком, выглядывал вниз, придавая мордашке необычайно хитрое и многозначительное выражение.

— Смотрите, Магистр! — Альмарен радостно вертел в руках фигурку. — Это же сонный дух! Таких делает только один человек на Зеленом алтаре — мой друг Риссарн. Вот, видите? — он перевернул духа и показал маленькую, изящно вырезанную букву «Р» на его подошве. — Метка Риссарна.

Магистр с любопытством рассматривал необычную поделку.

— Для чего этот дух? — спросил он.

— Для сновидений. Риссарн умеет накладывать заклинания, которые вызывают прекрасные сны. А какая работа! — Альмарен указал на завитки шерстки на загривке духа.

— Сын, возьми его себе, если он так тебе понравился, — отозвался сверху Тифен.

— Возьму. Прелестная вещица, и память о друге. Ее здесь мало кто способен оценить. — Альмарен спрятал духа в нагрудный карман, где прежде хранился жезл Феникса.

Тифен слез с лестницы и отставил ее в угол.

— Побудьте здесь немного, пока я принесу товар, — попросил он. Прихватив пустой ящик, купец вышел из лавки.

Стук копыт и звук катящихся по мостовой колес приблизился и затих у самой двери.

— Карета, — поднял голову Магистр.

Оба друга уставились на дверь. Им не пришлось долго ждать — слуга, приехавший с каретой, распахнул дверь лавки, и на пороге появилась стройная дама с девочкой лет двенадцати. Платье дамы было почти без украшений, каштановые волосы, собранные в высокую прическу, открывали миловидное лицо. Дама держалась приветливо, но чинно, отчего казалась старше своих тридцати лет. Ее взгляд скользнул по полкам, по Альмарену и, наконец, остановился на Магистре.

Магистр отвесил поклон.

— К вашим услугам, ваша милость, — сказал он даме. Та приветливо улыбнулась.

— Вы тоже пришли что-нибудь выбрать? Я слышала, сюда на днях привезли новые товары.

— Нет. Я здесь в гостях.

— Странно. Я подумала, что вы… скажите, с кем я имею честь разговаривать?

— С магистром ордена Грифона, ваша милость. Можете звать меня Магистром.

— А меня зовут Алитея. Знаете, я в первый момент подумала, что вы — один из полководцев его величества. Мне показалось, что я видела вас во дворце.

— Я никогда не жил в Цитионе, любезная Алитея. Я и сейчас здесь проездом.

— Мне бы и в голову не пришло, что вы магистр. — Алитея заинтересованно смотрела на собеседника. — Недавно при дворе его величества я видела магистра ордена Саламандры, и с тех пор думала, что все они очень старые и очень суровые.

— А разве я не такой?

— Ох, нет, совсем нет! — глаза Алитеи просияли. — И вам знакомо светское обращение.

— Мне далеко до вас, любезная Алитея. — Магистр попытался уклониться от направления, которое приобретал разговор. — Ваша дочь так прелестна! — он перевел взгляд на девочку, пристально разглядывавшую цветы и птиц на стенах лавки.

Алитея чуть порозовела.

— Я не замужем, Магистр. Это — ее высочество Фирелла, принцесса Цитиона, а я — ее воспитательница.

— Дочь Норрена! — изумленно произнес Магистр. — Сама ездит в лавку?!

— Я отговаривала ее, но она настаивала, — смутилась Алитея. — Она хочет сама выбрать себе игрушки. Я спрашивала разрешения у его величества, он удивился, но не отказал.

— Хозяин лавки вышел за товаром. Надеюсь, вам не покажется неприятным, что он невольно заставил вас ждать. — Магистр указал на полки. — Ее высочество может пока посмотреть игрушки.

— Нет-нет, мы не торопимся, — поспешила заверить его Алитея. — Принцесса никогда не бывала в лавке. Ей будет интересно побыть здесь подольше.

Альмарен не прислушивался к разговору Магистра и дамы, хотя заметил, что она подошла поближе к Магистру и о чем-то бойко болтает, кокетливо поблескивая глазами, а его друг только смущенно усмехается. Внимание Альмарена поглотила эта белолицая высоколобая девочка в одежде придворной дамы, стоящая посреди лавки. Альмарен помнил сестер и их подружек, поэтому его поразило несходство их беспечных детских рожиц и

взрослого, сосредоточенного выражения ее лица. Ее светлые волосы, гладко зачесанные назад, были заколоты на затылке и спускались на спину длинными локонами. Эта прическа, резко выделяющая малейшие недостатки внешности, очень шла правильному, точеному лицу девочки.

В девочке не было обычной детской подвижности — она стояла замерев, как кукла, и только пристальный взгляд ее широких светлых глаз переходил с предмета на предмет, как бы впитывая в себя и цветы, и птиц, и зеркала, и полированные деревянные украшения. Даже плавный наклон или поворот ее головы казался Альмарену значительным событием в мирке ее отношения к окружающему. Альмарен с сочувствием замечал ее длинную шейку, тоненькое тельце, стянутое тяжелым придворным платьем, и думал: «Какой она еще ребенок! В этом платье, пожалуй, не порезвишься». Он увлекся наблюдением и не сразу почувствовал, что она смотрит прямо на него.

Ему стало не по себе от этого взгляда. Ее глаза будто бы изучали, впитывали его, как игрушку или цветной рисунок на стене. Чтобы сгладить неловкость, Альмарен дружелюбно улыбнулся ей. Девочка не ответила улыбкой, но ее глаза приняли иное, мягкое выражение, и Альмарен понял, что его признали как друга. Он подошел к девочке и спросил:

— Ты здесь, чтобы купить что-нибудь, да?

Ее ресницы чуть шевельнулись.

— Мне нужна игрушка. Самая лучшая, особенная игрушка, — тихо сказала она. — Они не знают, что мне нужно. Я сама пришла купить.

— Смотри, какие куклы! — улыбнулся ей Альмарен. — Лучшие куклы в К ел аде. Они моргают ресницами и… — он запнулся, потому что не разбирался в куклах, — мяукают, что ли.

— Не хочу. У нас много таких, и живых, и неживых. Я хочу настоящую игрушку.

— А украшения хочешь? — слегка растерялся Альмарен. — Бусы, браслеты…

— Нет. Они холодные и тяжелые. — Девочка выжидательно смотрела на него. Альмарен почувствовал необходимость что-то для нее сделать. Он осмотрел полки, но ничего не нашел.

— Сейчас придет мой отец и найдет тебе то, что нужно, — сказал он девочке. — Подождешь?

Она утвердительно опустила ресницы, снова подняла их и пристально взглянула на Альмарена.

— А кто ты? — спросила она.

Альмарен не сразу понял вопрос.

— Как кто? Я — это я. Альмарен.

— Нет. Что ты делаешь? Ты продаешь игрушки?

— Это мой отец их продает. А я не умею. У меня другие дела, я — маг.

— Маг? — глаза девочки раскрылись еще шире. — Маги не такие, маги старые.

— Почему старые? — засмеялся Альмарен. — А я вот — молодой. Я так много занимался магией, что забыл состариться.

Широкие светлые глаза выражали недоверие. Альмарен вспомнил про духа и вытащил его из кармана.

— Смотри, — он показал ей фигурку. — Это сонный дух. Бели поставить его рядом с изголовьем, погладить, вот так, и загадать сон — этот сон обязательно приснится ночью. А можно просто попросить его, чтобы показал во сне сказку — и он покажет.

— Он хитрый? — спросила девочка, внимательно рассмотрев духа.

— Да. Но он добрый. Как мой друг Риссарн, который его сделал. Риссарн не может сделать злую игрушку.

— Дай его мне, — она протянула ладошки. Альмарен бережно опустил духа ей в руки.

— Теплый, — сказала она, поднимая глаза на Альмарена.

— Да. Он был здесь, у сердца.

— Он мне нужен. Я куплю его, хорошо?

— Он не продается. Хочешь, я подарю его тебе?

— Хочу, — девочка благодарно глянула на Альмарена и прижала духа к себе.

Дверь, ведущая из дома в лавку, хлопнула и вошел Тифен с наполненным ящиком. Он сразу узнал старшую даму. Воспитательница дочери правителя нередко появлялась у него в лавке и подолгу выбирала украшения и безделушки. Купец догадался, кто эта девочка в одежде взрослой дамы, и немедленно подошел к ней.

— Что вы желаете купить, ваше высочество? — почтительно обратился он к девочке.

— Игрушки.

Тифен подставил лестницу и снял с полки двух самых больших и богато одетых кукол, мяукнувших у него в руках.

— Смотрите, ваше высочество, — он поставил кукол на прилавок. — Настоящие дамы, закрывают глаза и поют песни.

Девочка едва взглянула на кукол.

— Алитея! — сказала она высоким голосом. — Купите их.

Услышав голос девочки, Алитея оставила Магистра и подошла к купцу.

— Позовите нашего слугу, он на улице, — сказала она

Тифену.

Купец пригласил слугу и подал ему кукол. Алитея расплатилась и вышла с девочкой из лавки, так же плавно и чинно, как и вошла. Уходя, девочка обернулась и посмотрела еще раз на Альмарена. Он кивнул ей на прощанье.

— Забавная девчушка, — повернулся он к отцу. — Есть в ней что-то особенное.

— Это Фирелла, единственная дочь Норрена, — ответил Тифен.

— А-а… — только и сказал Альмарен.

Фирелла ехала в карете, по-прежнему прижимая к груди подаренного ей духа. Куклы болтались и подпрыгивали от тряски на сиденье напротив. Алитея, чему-то про себя улыбаясь, не обращала внимания ни на девочку, ни на кукол.

Оказавшись у себя в комнате, Фирелла спрятала подарок в столик для безделушек. Вечером она поставила духа в изголовье, погладила его по загривку, как ее учил Альмарен, и зашептала.

— Дух, дух, расскажи мне сказку, красивую и не страшную. И чтобы там были приключения, рыцари и василиски, и чтобы жили фениксы. И пусть там будет волшебник, и не старый, а такой, какого я видела сегодня.

Фирелле всю ночь снились удивительные приключения в сказочной стране, где она была принцессой. Из опасностей ее выручал волшебник — высокий, сероглазый молодой человек с темными, мягкими волосами, спускающимися на плечи, и ласковой, чуть рассеянной улыбкой.

На следующий день, несмотря на досаду, оставшуюся от вчерашнего приема, Магистр все-таки позвал Альмарена и пошел к Равенору. Привратник узнал их и сразу же впустил. Дворец с окружающим его садом произвел впечатление не только на Альмарена, но и на видавшего виды Магистра. Слуга, по заведенному здесь порядку, вымыл и вытер им обувь, другой слуга повел друзей по залам и лестницам в библиотеку Равенора.

— Красиво здесь, Магистр, — шепнул Альмарен, которому не терпелось поделиться впечатлением. — Уверен, что и во дворце правителя не лучше.

Слуга ввел их в библиотеку, и они увидели Равенора, сидящего за столом. Маг не поднял головы при их появлении, а все так же продолжал смотреть перед собой, положив руки на стол. Магистру показалось, что молчание затянулось.

— Добрый день, ваша светлость, — довольно холодно приветствовал он Равенора. Тот встал и, не глядя на друзей, прошелся по комнате. Равенор был невысок и тщедушен, и выглядел скорее замкнутым, чем надменным. Поравнявшись с

ними, он внезапно остановился и спросил Магистра.

— Это вы называете себя магистром ордена Грифона?

Альмарен смотрел на знаменитого мага и дивился, как малорослому Равенору удается глядеть сверху вниз на своего высокого и внушительного собеседника.

— Я и есть магистр ордена Грифона, — сухо сказал Магистр.

— Как знать, как знать… Покажите вашу камею.

— Вы не доверяете мне?

— Вы ведь тоже не из доверчивых. Слуга не мог мне объяснить, что вам здесь нужно, а я предпочитаю заранее обдумать дело, о котором буду говорить. Сначала я хочу убедиться, что вы тот, за кого себя выдаете.

Магистр порылся в нагрудном кармане, вынул свою камею и протянул Равенору. Тот взял камею и некоторое время молча глядел на нее.

— Да, вы магистр ордена Грифона. К сожалению, вам никогда не стать настоящим магом, несмотря на то, что два десятка оборванцев признают вас за старшего. Вы имеете третье посвящение, но оно для вас — ненужная роскошь. Вот вам хороший совет — никому не давайте свою камею в руки.

Магистр молчал. Было заметно, что он с трудом удерживается в рамках приличия. Равенор, между тем, вернул Магистру камею и указал ему пальцем на грудь.

— А почему вы не хотите показать мне ту камею, Магистр?

Магистр удивленно взглянул на Равенора и достал из кармана камею Шиманги.

— Я совсем забыл про нее, — объяснил он.

Равенор немедленно взял камею.

— Ее хозяин мертв? — спросил он Магистра.

— Да. Неужели вы узнали это по ней?

— По амулету можно многое узнать об его хозяине. Амулеты разных алтарей отличаются цветом нити. Нити перстня, жезла и камеи имеют разную энергетику. Как только вы вошли, я почувствовал, что у вас есть камея ордена Василиска. Так что у моего недоверия были веские основания.

Альмарен восхищенно взглянул на мага.

— Не смотрите на меня так, молодой человек, — сказал Равенор, не оборачиваясь. — И вы это можете, просто вас никто не учил. Впрочем, если захотите, со временем выучитесь сами. А вы не кипите, Магистр. Я сказал вам только правду, больше ничего. Лучше расскажите, как к вам попала эта камея.

— Я думал, вы определили это по ней, — заметил Магистр.

— По амулету легко определить характер человека, его магическую силу, желания и пристрастия. С событиями сложнее,

хотя невозможного и здесь нет.

— Давайте приступим к делу, ради которого мы пришли, — сказал Магистр, несколько поостыв.

Равенор положил камею на стол.

— Присаживайтесь, — сказал он. — Возьмите стулья у стены.

Когда все уселись вокруг стола, Равенор заговорил снова.

— Вчера, когда мне доложили о вас, я подумал, что Тирский алтарь потерял силу, и вы, Магистр, считаете это большим секретом. Поправьте меня, если я ошибся.

— Поправлю, — сказал Магистр. — Вы ошиблись. Когда мы уезжали, на Тирском алтаре было все в порядке.

— Тогда у меня нет готового ответа. Рассказывайте.

Магистр рассказал Равенору всю историю с Синим камнем, начавшуюся в Тире, и закончил повествование предположением о возможном влиянии камня на алтари.

— Я пришел узнать у вас, Равенор, что вам известно о камнях Трех Братьев? — задал он вопрос, ради которого пришел к знаменитому магу. — Может быть, нам удастся выяснить, почему их ищет Каморра?

— Так вы считаете, что есть связь между усилением Фиолетового алтаря и ослаблением Синего? — Равенор ухватился за предположение, высказанное Магистром. — И думаете, что причина — Синий камень? Я вас недооценил, Магистр. Вы слабый маг, но у вас, несомненно, есть другие достоинства. Я тоже считаю, что камень повлиял на оба алтаря, передав энергию Синего алтаря на Фиолетовый. Мне проще сделать такой вывод, потому что я знаю об алтарях то, о чем вы наверняка не подозреваете. Я хочу, чтобы вы тоже это знали. Тогда вы сразу поймете, для чего Каморре камни Трех Братьев, а я это уже понял. Вы дали мне недостающее звено.

Равенор вынул из ящика стада лист плотной бумаги, на котором были изображены семь цветных кругов, соединенных линиями.

— Нам известны три магические силы — холода, тепла я жизни. Можно назвать три алтаря, которые им соответствуют — Синий, Красный и Желтый, — Равенор указал на круги.

— Но Желтого алтаря нет на острове, — сказал Альмарен.

— Его еще предстоит отыскать. Он, несомненно, где-то есть, и вы сейчас поймете, почему я так думаю, — Равенор указал на другие три круга. — Вот Фиолетовый, Зеленый и Оранжевый алтари. Каждый может использовать по две силы — Фиолетовый, например, холод и тепло… продолжать?

— Нет, все понятно, — кивнули оба.

— Фиолетовый алтарь можно считать старшим,

главенствующим над Красным и Синим. Я догадывался об этом, а теперь вы принесли мне подтверждение. Если Синий камень поместить на Фиолетовый алтарь, энергия Синего алтаря перейдет к Фиолетовому. Вы понимаете?

— Да. Это мы и наблюдали, — отметил Магистр. — Синий алтарь потерял силу одновременно с усилением Фиолетового. Я запомнил, мы прибыли в Каянское поселение как раз в прошлое полнолуние.

— В ту ночь, когда камень был унесен с Фиолетового алтаря, Синий алтарь восстановил свою силу. Я в этом уверен. — Равенор поморщился, будто вспомнил что-то неприятное. — Я зря послал тех двоих лоанцев на Оранжевый алтарь. Они могли бы спокойно возвратиться домой.

— Если мы встретим их, то сообщим им это, — сказал Магистр.

— Хорошо. А теперь представьте, что на Фиолетовый алтарь вместе с Синим камнем помещен и Красный. Тогда сила этого алтаря возрастет еще больше, а Синий и Красный алтари почти полностью иссякнут. Это ясно?

— Куда уж яснее… — нахмурился Магистр.

— Никто не замечал влияния Синего камня ни на Красном, ни на Оранжевом алтаре. Он не действовал, потому что их энергия была чужой для него. Вы знаете свойства Оранжевого и Зеленого алтарей, поэтому легко догадаетесь, что Зеленому алтарю родственны Синий и Желтый камни, Оранжевому — Красный и Желтый.

Равенор поднял взгляд на собеседников. Оба внимательно слушали.

— Я считаю, раз существует Желтый камень, где-то должен быть Желтый алтарь, — продолжил он. — Тогда мы получим стройную систему взаимодействия магических энергий. Она создана Тремя Братьями, как и говорится в легендах. Алтари — это генераторы энергии, а камни — ее передатчики. Я предполагал, что алтари связаны между собой, но не знал о роли камней.

Равенор вновь обратился к схеме и указал на последний, белый круг.

— Белому алтарю подчиняются все три вида энергии, а значит, и все остальные алтари Келады. А теперь представьте, что будет, если все три камня окажутся на Белом алтаре… пусть даже один или два.

— Вот почему в легенде сказано, что вместе камни составляют страшную силу! — воскликнул Альмарен.

— Именно. Каморра это знает, поэтому и охотится за

камнями. Один из камней усилит его алтарь, два — дадут ему огромное преимущество, три — сделают его всемогущим и оставят остров без магии. Над Келадой нависла угроза, мне не нужно вам объяснять, какая. Сделайте все, чтобы камни не попали к Каморре.

— Тогда помогите нам, Равенор, — сказал Магистр. Маг уже не казался ему чужим и надменным.

— Чем я могу помочь?

— Вы знаете, где два другие камня? Мы могли бы найти их раньше Каморры.

— Я слышал те же легенды, что и вы. Упоминания о камнях могут быть в старинных книгах, но мне они не встречались. Такие книги можно отыскать в библиотеке Норрена — один из прежних правителей Цитиона, Фассен, был магом.

Альмарен вспомнил про книгу, которую принес с собой.

— У меня есть книга, — он достал книгу из сумки. — Кажется, о магии, но ее язык мне не знаком. Вы сумеете ее прочитать?

Равенор полистал книгу, рассмотрел рисунки, затем долго изучал листок.

— Я не знаю этого языка, — сказал он, — но рисунки подтверждают мою схему. Треугольник — синий, квадрат — красный, круг — желтый. Все остальные цвета — смешанные и соответствуют составным фигурам. Я не сомневаюсь, что в каждой главе — список заклинаний для одного из алтарей. На листке, вероятно, написано, как пользоваться камнями. Этот рисунок, — Равенор указал на трехцветный круг, — наводит меня на мысль, что камни для правильного употребления нужно соединить так, как изображено здесь.

— Действительно, по форме камень похож на треть шара, — согласился с ним Альмарен.

Равенор убрал схему алтарей в стол.

— Камею оставьте мне, — предложил он. — У меня нет амулетов, связанных с Белым алтарем. Я буду следить по ней о его состоянии.

— Возьмите, — сказал Магистр. — Мы не зря были у вас, Равенор.

— Мне тоже было полезно поговорить с вами. Успеха вам.

Равенор позвонил в колокольчик. Вошедший слуга проводил друзей до ворот дворца.

Они долго шли молча, обдумывая слова Равенора. Наконец, Альмарен нарушил молчание.

— Я давно слышал о таланте Равенора, Магистр, но сегодня, наконец, убедился, что эти слухи нисколько не преувеличены.

Какая изумительная, стройная система! Сейчас я удивляюсь, почему сам до неё не додумался. А сам он — не без странностей, но человек неплохой, ведь так?

— Да, то мнение, которое я составил о нем поначалу, оказалось не совсем верным, — нехотя признал Магистр. — К Равенору можно привыкнуть. Чего у него не отнимешь, так это способности видеть глубже, чем другие. Он оправдал мои надежды.

— Нам нужно искать не только Синий камень, но и остальные два. Мы как-нибудь можем попасть в библиотеку Норрена?

— Я подумаю, как это лучше сделать. Мне бы не хотелось встретить там такой же прием, как у Равенора.

— Слуги — это еще не хозяева, — сказал Альмарен, не признававший теперь за Равенором ни единого недостатка. — Я подумал, что Равенор не так плох, как могло показаться, когда увидел дворец изнутри. Такая красота способна изменить и отъявленного негодяя.

Внезапная мысль заставила Магистра остановиться.

— Слушай, Альмарен! Зачем Трем Братьям потребовались камни? Для чего нужно забирать энергию и обессиливать другие алтари? Какой в этом смысл? Ведь алтари и так достаточно сильны.

Альмарен на какой-то момент задумался и вдруг сказал:

— Я, кажется, понял, — пример Равенора, видимо, расшевелил его сообразительность. — Некоторые заклинания требуют дополнительной магической силы. Помните, я вам говорил, что в «Полной книге заклинаний» есть и те, которые никогда не выполняются? Глава «Метаморфы», например… их не так уж мало. Возможно, что для их выполнения нужно сконцентрировать энергию всех семи алтарей.

— Здорово, парень! — отозвался Магистр. — Сейчас тебе позавидовал бы и сам Равенор. Но ведь это означает, что их можно выполнить только с Белого алтаря, так?

— Так.

X

Окна гостиной Тифена выходили на площадь. Противоположную стену, у которой стоял обеденный стол, почти полностью занимал тканый ковер работы оккадских мастеров с пейзажем Тиона в гористых окрестностях Босхана. Вдоль боковых стен располагались шкафы с застекленными дверцами, переполненные фаянсовыми, серебряными и бронзовыми столовыми приборами — гордостью хозяйки дома, любившей красивую посуду.

Сейчас часть этой посуды была вынута и расставлена на столе для ужина. Тифен, как глава семьи, сидел у торцового края стола, Магистру было отведено место справа от Тифена, напротив жены купца. Последний молча наблюдал за слугой, раскладывавшим по плоским серебряным тарелкам дичь, жаренную на вертеле, и отдельно, по фаянсовым мисочкам, тушеные овощи.

— Надеюсь, визит к Равенору оправдал ваши ожидания, Магистр? — спросил он, когда слуга закончил разносить еду и вышел из гостиной.

— Оправдал, — подтвердил Магистр. — Но забот у нас от этого только прибавилось. Теперь нужно идти во дворец и договариваться с Норреном.

— Норрен — человек умный и понимающий. Думаю, вы легко договоритесь. — Тифен неожиданно улыбнулся. — Вами во дворце уже кое-кто интересуется, Магистр.

— Кто?

— После полудня ко мне в лавку заходила воспитательница дочери правителя. Долго выбирала, кое-что купила, кое-что попросила отложить до завтрашнего дня. Сказала, что подумает и придет еще раз.

— Не путаете ли вы интерес ко мне и интерес к тряпкам, любезный Тифен? — взглянул на купца Магистр.

— Нисколько не путаю, — уверенно ответил купец. — Она спрашивала о вас. Вы с Альмареном только что ушли к Равенору, но я не стал вдаваться в подробности. Тогда она сказала, что придет в лавку завтра в первой половине дня. И, уходя, напомнила. Я в лавке целый день, зачем бы мне это знать? Учтите, Магистр, она милая женщина.

— Что ж, учту, — внимание Магистра вернулось к тарелке.

— Простите, Магистр, — вмешалась в разговор жена Тифена. — По слухам, дворец Равенора удивительно красив. Это действительно так?

— Я плохой рассказчик, хозяюшка, — сдержанно ответил

Магистр. — Альмарен! — обратился он к своему другу, сидевшему радом. — Расскажи своим, что ты там видел.

Альмарена не потребовалось просить дважды. Оживившись, с блестящими глазами он начал описывать родным сад и дворец Равенора, скульптуры и росписи залов, внешность и манеры знаменитого мага. Магистр ужинал молча, изредка вставляя слово и дивясь, как и когда его друг успел все рассмотреть и запомнить.

Когда Альмарен закончил превозносить Равенора, подошел к концу и ужин. Несмотря на раскрытые настежь окна, в комнатах было душно, поэтому друзья вышли на прогулочный дворик за домом Тифена — типичный цитионский дворик, вымощенный гранитными плитами, с каменной изгородью, зеленью и фонтаном. Магистр сел на скамейку у фонтана и надолго замолчал, глядя куда-то вверх и вдаль. Альмарен проследил направление его взгляда, но там не было ничего, кроме быстро темнеющего неба с первыми звездами, отважно выступившими вдогонку исчезающему солнцу.

— Магистр, куда вы смотрите? — спросил он.

Магистр шевельнулся.

— На небо. Оно стоит того, чтобы на него смотреть. «Пленное небо города, вольное небо равнины…» — произнес он вполголоса, будто припоминая чьи-то слова. — Если долго смотреть на небо, оно войдет в тебя, и ты ощутишь ни с чем не сравнимую свободу.

— Как птица в небе?

— Как небо. Что птица? Что ее интересует в небе, кроме мух? Кто не способен почувствовать своей свободы, тот не свободен. — Магистр наклонился вперед и оперся локтями на колени. — Впрочем, это я так, к слову. Давай поговорим о делах.

Чудесный летний вечер навевал Альмарену отнюдь не деловые мысли. Последние слова Магистра отсеялись на пути к его сознанию, как ненужный сор. Альмарен и раньше удивлялся тому, что его старший друг одинок, но не задавал лишних вопросов, так как не видел в окрестностях Тира женщин, достойных внимания Магистра. На этот раз он не утерпел и высказал несколько неожиданное замечание:

— Магистр, а она действительно милая женщина.

— Кто — «она»?

— Алитея.

— А кто это? — Магистр вспомнил. — Ах, да… нянька дочки Норрена. Она тебе не по возрасту, Альмарен.

— Я не себя имел в виду, — смутился Альмарен. — Вы-то что теряетесь, Магистр? Мне кажется, что одиночество — не самая приятная вещь на свете.

— Странно, — взглянул на него Магистр. — Я же говорил тебе, что была женщина, которую я помню. Разве ты забыл?

— Нет. Но уже сколько лет прошло… у меня вон дом, родные. Было бы хорошо, если бы и у вас кто-то был. Ведь та женщина давно мертва.

— Эх, Альмарен, Альмарен… — добродушная интонация Магистра почему-то заставила Альмарена испытать неловкость. — Человек умирает дважды. Первый раз — когда прекращается его жизнь, а второй раз — когда он исчезает из памяти людей, знавших его. Она еще здесь, пока я помню ее привычки, взгляд, звук голоса. Я не могу допустить, чтобы она умерла второй раз.

— Но ведь ей это не нужно!

— Это нужно мне. Она любила смотреть в небо. В душе она никогда не была рабыней. Она улыбалась снисходительно, как королева, и протягивала мне руку — такие тонкие, теплые пальчики — и я был счастлив. Я перестану быть собой, если забуду это.

Магистр, увидев сочувствующее лицо Альмарена, встряхнул юношу за плечо.

— Не думай, что я несчастлив, Альмарен. Ты меня не понимаешь, и не берусь судить, плохо это или хорошо. Надеюсь, судьба будет милостива ко мне и, не свяжет меня с женщиной, которая никогда не поднимала глаз выше зеркала, — сознавая, что деловой разговор сегодня все равно не получится, он встал и потянул Альмарена за собой. — Идем спать, время позднее.

В жизни Альмарена еще не бывало серьезных увлечений. Несмотря на это, слова Магистра зацепили его, и он до утра проворочался в постели. На рассвете он подошел к окну, чтобы увидеть восход солнца, но городские постройки закрывали горизонт. «Пленное небо города…» — слова всплыли в его памяти, как собственные.

Завтрак прошел быстро, без лишних разговоров. Купец торопился в лавку, да и остальные с утра не были расположены к беседе. Альмарен сразу же после завтрака оделся для выхода в город, чтобы не задерживать Магистра, но тот не спешил идти на поиски Мальдека, а пристроился в кресле у окна гостиной, хотя тоже был одет, и тщательнее обычного. Воротник его рубашки, всегда распахнутый, был застегнут и расправлен, даже свободные, размашистые движения Магистра стали чинными и скованными.

Вскоре раздался стук колес, и к лавке подъехала карета. Альмарен высунулся в окошко и узнал женщину, выходящую из кареты. Это была Алитея.

Магистр, сказав: «Я скоро вернусь, парень», спустился в

лавку, а Альмарен остался размышлять о вопиющем противоречии между вчерашними словами и сегодняшним поведением своего старшего друга. Время тянулось, он не выдержал и спустился вслед за Магистром. Тот был в лавке и беседовал с Алитеей с видом заправского кавалера, она рдела и опускала глаза. До Альмарена донеслись его последние слова: «Так я на вас надеюсь. Вы пришлете мне слугу с запиской?» Алитея кивнула и выпорхнула из лавки.

Магистр повернул голову и наткнулся на осуждающий взгляд друга. Нисколько не смутившись, он подошел к Альмарену и спросил:

— Ну что тебе не нравится, парень? Ты же сам меня вчера уговаривал.

— Ничего. Конечно. Это я так, — сказал Альмарен, безуспешно пряча разочарование.

— Значит, тебе кажется, что я решил приволокнуться за этой дамой?

— Но, Магистр… а что тут еще может казаться? Я же слышал… слуга с запиской.

— Я попросил ее устроить мне встречу с Норреном. В записке она сообщит мне время этой встречи. Не мог же я быть неряшливым и нелюбезным, разговаривая с придворной дамой.

Альмарен взглянул на Магистра, все еще сомневаясь.

— У вас это так хорошо получилось, Магистр, что мог ошибиться не только я, но и Алитея…

— Ничего не поделаешь. Меня коробит от одной мысли, что мне придется стоять под воротами Норрена. Возможно, я сказал пару лишних комплиментов, но очень уж не хотелось остаться ни с чем. — Магистр встряхнул волосами и расстегнул воротник рубашки. — А теперь идем, куда собирались.

Весь остаток дня друзья скитались по гостиницам, а к вечеру вернулись впустую. Тифен, увидев Магистра, протянул ему записку. Тот немедленно прочитал ее.

— Алитея замечательно справилась с поручением, — сказал он вопросительно глядевшему на него Альмарену. — Норрен примет меня завтра утром. Если он разрешит нам доступ в дворцовую библиотеку, я приду за тобой.

Норрен заканчивал завтрак, когда ему доложили о приходе магистра ордена Грифона.

— Проводите магистра в мой кабинет, — сказал он, вставая из-за стола.

Из вчерашнего разговора с воспитательницей дочери правитель понял, что этот человек знает что-то важное о Каморре, и потому назначил встречу так срочно, как позволяли

обстоятельства. Каморра был опасным врагом, и никакими сведениями нельзя было пренебрегать. Норрен пошел в кабинет и сел в кресло, ожидая мага.

Вскоре слуга пропустил в кабинет рослого, мощного мужчину с сединой в волосах и прикрыл за ним дверь. Вошедший отвесил правителю короткий поклон, как равный равному. Это шло вразрез с этикетом, но Норрен и не ждал многого от человека, приехавшего из келадского захолустья.

— Мне сказали, что у вас есть важные сведения о Каморре, — сразу перешел он к делу.

— Да, ваше величество.

Твердый, резкий голос человека заставил правителя поднять голову и взглянуть внимательнее. Тот смотрел прямо на него, и вдруг Норрен вспомнил, где видел эту осанку и этот взгляд.

— Ромбар?! — произнес он изумленно.

Вошедший изменился в лице.

— Разве вы меня знаете, ваше величество? Мы никогда с вами не встречались.

Правитель встал с кресла и подошел поближе, чтобы лучше рассмотреть человека, когда-то так сильно занимавшего его воображение.

— Ромбар, брат, — сказал он.

— Двоюродный, — поправил его тот.

— Все равно брат. Как я рад тебя видеть! Я думал, ты давно умер.

— Я жив, ваше величество.

— Какое еще величество? — отмахнулся Норрен. — Обращайся ко мне, как к брату. Когда я был моложе, я часто вспоминал тебя.

— Хорошо, Норрен, — взгляд Ромбара смягчился. — Откуда ты меня знаешь?

— Я видел тебя однажды, когда в Цитионе правил еще мой отец. Тогда я гостил у Берсерена проездом, возвращаясь с Зеленого алтаря. Берсерен решил блеснуть и устроил для меня смотр своих войск. — Норрен чуть наклонил голову, заново переживая старое воспоминание. — Ты тогда возглавлял конный отряд. Мне было чуть-чуть за двадцать, а ты уже был зрелым воином, доблестным военачальником, во главе лихих рубак. Я спросил у Берсерена, кто ты такой.

— И он ответил?

— Да, он ответил, что ты — сын Паландара. С тех пор я мечтал стать таким же доблестным воином, как ты.

— Ты стал им?

— Не знаю, — в голосе правителя мелькнуло сожаление;. —

Время было мирное. Вскоре отец умер, я стал правителем, женился. Где тут проявлять доблесть? Нынешняя война покажет.

— Да, я тоже думаю, что войны не избежать, — покачал головой Ромбар. — Но я здесь не как полководец, а как маг. Я теперь магистр ордена Грифона. Десять лет назад я был вынужден уехать из Келанги.

— Сюда доходили слухи. Говорили, что ты испортил у Берсерена какую-то танцовщицу.

Ромбар вздрогнул и нахмурился, его руки сами собой сжались в кулаки. Норрен почувствовал, что сказал не то.

— Это наверняка сплетни, не стоящие внимания, — поправился он. — Почему ты тогда не обратился ко мне за помощью?

— Я не привык переваливать свои заботы на других. — Ромбар вскинул голову и расправил плечи, будто опасаясь ссутулиться. — Кто я был тогда? Правитель без замка, полководец без полка… смешно и жалко. Норрен, ты не должен никому раскрывать, кто я такой. Мне удобнее быть старшим у двух десятков оборванцев, как выразился Равенор, чем сыном правителя, проигравшего свой замок.

— Как хочешь, Ромбар, — согласился правитель. — Но как долго ты сможешь это скрывать? Не я один знаю тебя в лицо. И не торопись осуждать своего отца — его попросту обманули.

Ромбар насторожился.

— Что ты об этом слышал, Норрен?

— Во всем виновата жена Берсерена, Варда. Ты теперь маг и, конечно, знаешь, что нужно сделать, чтобы стрела не попала в цель.

— Ты в этом уверен?

— Мне это рассказывал человек, хорошо знавший придворную жизнь Келанги.

Ромбар какое-то время молчал, вникая в смысл сказанного.

— С этим я еще разберусь, — Сказал он наконец. — После войны. Сейчас положение трудное, нужно радоваться и такому союзнику, как Берсерен. А теперь выслушай, почему я пришел. — Ромбар коротко пересказал Норрену тирские события и разговор с Равенором.

— Равенор — своеобразная личность, — заметил Норрен. — Месяц назад я собирал деньги на армию и послал к нему гонца. Можешь себе представить, он согласился принять моего гонца только на следующий день. «Каков наглец!», подумал я, но на следующий день он сразу вручил гонцу ларец с драгоценностями и их описью, чтобы можно было проверить, все ли на месте. Я закупил все, что хотел, и еще осталось.

— Он посоветовал нам поискать сведения о камнях в дворцовой библиотеке Цитиона. Я здесь не один, со мной приятель, маг, каких мало. Могли бы мы с ним несколько дней попользоваться библиотекой?

— Конечно. Но мне хотелось бы, чтобы ты помог мне в другом деле. Нужно посмотреть армию, вооружение, постройку новой стены, подумать о плане обороны. Мне нужны твои советы, Ромбар. Ты не забыл свои навыки военачальника?

— Не забыл. Но у тебя же есть подданные.

Норрен поморщился, будто понюхал дрянь.

— Каждый, от гонца до военачальника, знает только свое дело, а до города в целом нет дела никому, кроме меня. Каждый считает, что его дело самое важное, и тянет одеяло на себя. Мне нужны советы человека, который мог бы посмотреть на все сверху, как и я. — Он шагнул к Ромбару и положил руку ему на плечо. — Нет, брат, как не крутись, а мое предложение ты примешь. Война — это не только магия. Твой приятель — талантливый маг, это хорошо. Пусть он и занимается в библиотеке. А ты — талантливый военачальник. Подумай, где ты нужнее.

Ромбар потер ладонью лоб.

— Да, брат, умеешь ты убеждать, — сказал он после некоторого размышления.

— Приходится. Положение такое. Когда я был помоложе, я своим приказывал. Повинуются, но результат ужасен. Оставайся обедать, а за твоим приятелем мы пошлем. Кто он такой?

— Альмарен, сын Тифена.

— Наверное, хороший парень, если пошел в отца.

— У них вся семья прекрасная. Я сейчас живу у Тифена.

— Переселяйся сюда, во дворец. Тебя устроят наилучшим образом.

— Незачем. Через несколько дней мы с Альмареном выедем в Келангу. Ты не маг, Норрен, и недооцениваешь опасность, связанную с камнями. Я не могу бросить их поиски.

— Жаль. Но пока ты здесь, мы займемся армией, Ромбар?

— Да, — согласился тот. — Альмарен покопается в книгах без меня. Но мне хотелось бы взглянуть на твою библиотеку.

— До обеда есть время. Слуга проводит тебя. — Норрен позвонил в колокольчик. — Но сначала я тебя кое-кому представлю. Ринч! Вайк!

Два огромных темно-серых пса бесшумно выросли рядом с Норреном. Они до сих пор лежали так тихо и неподвижно, что Ромбар не заметил их. Шерсть псов была короткой и гладкой, мощные ноги и грудь выдавали сильных бегунов и бойцов, мягкая

верхняя губа не прикрывала клыков, длинных и белых, как молнии. Это были отборные псы из породы клыканов — древних боевых собак, привезенных на остров на кораблях первого правителя.

— Это свой, — Норрен указал псам на Ромбара. — До чего же умны! Все понимают. Они не менее знатны, чем мы с тобой, можешь себе представить! Вот этот — Даринча Пятнадцатый — потомок любимого пса Эмбара. Я зову его Ринчем — так короче. А этот — Вайкаран Тридцать Девятый, или Вайк — ведет род от Вайкарана, сопровождавшего Тальварна в походах. Он у меня недавно — их меняют раз в полгода, чтобы не зажирели от дворцовой службы.

— Хороши! — с искренним восхищением сказал Ромбар. — В Келанге я не видел таких клыканов. Там порода мельче.

— У нас старинные традиции. — Норрен опустил руку на тяжелую голову пса. — Два таких песика без труда загрызут грифона. Теперь они тебя знают, и я за тебя спокоен.

Слуга повел Ромбара в правое крыло дворца, где располагалась библиотека. Проходя по залам, Ромбар невольно сравнивал их с залами дворца Равенора, в которых побывал позавчера. Дворец Норрена был построен раньше дворца Равенора, когда в Цитионе совершенству линий и пропорций еще предпочитали мощь и величие. Гранитные витые колонны, портреты предков, висящие на стенах, тяжелые пестрые шторы создавали ощущение давящей пышности, белые мраморные скульптуры в нишах казались неуместными и терялись на фоне буро-красной старинной мебели. «Здесь не живут, — подумал Ромбар. — Да и ходят редко. Наверняка у Норрена есть свои комнаты, и отделаны они не так». Он представил себе клыканов, бродящих вечерами по неосвещенным залам, и с приязнью вспомнил лёгкий и светлый дворец Равенора.

Подойдя к высокой двустворчатой двери, слуга распахнул ее перед Ромбаром. Тот вошел и оказался в длинной узкой комнате. Одна из ее стен, казалось, состояла из ряда высоких, закругленных сверху окон. Противоположная стена была занята полками, где стояли ряды толстых старинных книг в кожаных и серебряных переплетах, с застежками и без застежек, украшенных золотом и чеканкой. Ромбар, думавший, что в библиотеке никого нет, был несколько удивлен, увидев в дальнем конце комнаты большой стол, заваленный бумагами, и склонившегося над ним человека, аккуратно что-то чертившего на широком желтоватом листе.

Он дошел до середины комнаты, когда человек за столом услышал звук шагов и поднял голову. От неожиданности Ромбар

остановился.

— Скампада… — сдавленным голосом произнес он. — Какая встреча…

Скампада тоже узнал человека, идущего к нему, и внутренне содрогнулся, увидев, как сын Паландара бледнеет от гнева. Чутье мгновенно шепнуло Скампаде, что может случиться с почти законченной, выполненной без единой помарки родословной, если тот подойдет к столу. Сын первого министра вышел из-за стола и пошел навстречу Ромбару. Наконец, они оказались в нескольких шагах друг от друга.

— Добрый день, ваша светлость, — хладнокровно сказал Скампада, оставляя без внимания испепеляющий взгляд Ромбара.

— Когда-то я мечтал об этом моменте, — медленно сказал Ромбар, подходя вплотную к Скампаде. — Много раз я представлял, что ты стоишь передо мной, вот так. Я знаю — это ты донес на нас тогда, чтобы получить деньги за донос. Берсерен не счел нужным скрывать это от меня. Это ты виноват во всем.

Лицо Скампады приняло независимое выражение.

— Позвольте мне не согласиться с вами, — ваша светлость, — решительно возразил он. — Разве это я бегал за девчонкой, по которой Берсерен сходил с ума? Это вы дразнили судьбу, и незачем сваливать на меня вину за последствия.

— Так ты все эти годы спокойно жил, считая себя невиновным? — Ромбар схватил Скампаду за ворот рубашки. — Мысли о том, что ты сделал, не жгли тебя? Если бы не ты… если бы не твой донос… Твой донос стоил ей жизни, негодяй!

Скампада болтался в руках Ромбара, как клок паутины на ветру, но не терял самообладания.

— Мой, как вы сказали, донос ничего не решал, — невозмутимо ответил он. — Он лишь немного ускорил развязку. Вы оба были так неосторожны! — Скампада неодобрительно покрутил головой. — Берсерен уже догадывался. Самое позднее через неделю он все узнал бы сам, бесплатно. Я не мог не воспользоваться случаем. Я беден, деньги мне нужны. Я не кто-нибудь, а сын первого министра, и не могу жить, как нищий.

Ромбар в гневе встряхнул Скампаду. Тот испуганно охнул. Ромбар подумал, что сломал ему шею раньше времени, и разжал руки. Скампада высвободился и холодно взглянул на своего недруга, ощупывая и поправляя воротник.

— Вы чуть не порвали мою лучшую рубашку. Да, у меня хороший сон, и если я его когда-нибудь потеряю, то не из-за вашей… — сын первого министра благоразумно опустил слово. — Девчонка осталась жива, по крайней мере, тогда.

Слова Скампады постепенно доходили до Ромбара.

— Ты лжешь, — сказал он после долгой паузы.

Скампада ответил с достоинством, которое в другое время позабавило бы Ромбара.

— Я никогда не лгу, ваша светлость. Я — человек чести. Я либо говорю правду, либо молчу.

— Чем ты мне докажешь, что это правда? — голос выдал волнение Ромбара.

Скампада заметил, как изменился тон его противника, и почувствовал себя хозяином положения.

— Я ничего не собираюсь вам доказывать, — ответил он. — Мне совершенно безразлично, верите ли вы мне, или не верите. Я доказываю только те сведения, за которые беру деньги. Нравится вам или нет, но я этим живу.

Ромбар вновь побледнел от ярости, но на этот раз сдержался.

— Ты не стыдишься говорить мне, что живешь доносами, — процедил он сквозь зубы.

— Не доносами, а сведениями, — поправил его Скампада. — Нет дурных сведений, а есть люди, которые находят им дурное применение. Не вижу, чем я хуже тех, кто мне платит.

— Ты немедленно расскажешь мне все, или я найду способ заставить тебя говорить, — с угрозой в голосе сказал Ромбар.

— Ошибаетесь, ваша светлость, — вскинул голову Скампада. — Вы можете убить меня или отправить в темницу, но вы не заставите меня говорить, если я этого не хочу. Вы могли бы уже заметить, что я не трус.

Он выпрямился и, не дрогнув, выдержал бешеный взгляд Ромбара.

— И все-таки мне кажется, что мы договоримся, Скампада, — сказал Ромбар, внезапно успокоившись. — Что ты здесь делаешь?

Скампада мгновенно понял, куда тот клонит.

— По желанию его величества составляю генеалогическое дерево рода Кельварна, — нехотя ответил он.

Ромбар усмехнулся, увидев независимо-обиженное выражение лица сына первого министра.

— Я сюда пришел не тобой любоваться, — продолжил он. — Мне нужно кое-что поискать в библиотеке, и я не хочу, чтобы мне мешали. Я сейчас пойду к Норрену, и не успеют объявить обед, как тебя не будет во дворце. Естественно, я позабочусь о том, чтобы тебя сюда больше не пускали.

— Но, ваша светлость… — встревожился Скампада.

— Если ты расскажешь мне все, что ты знаешь об ее судьбе, я даю тебе сутки времени на то, чтобы ты закончил свои дела. И обещаю не говорить Норрену, кто ты такой и чем занимаешься. Подумай, может быть, это не менее ценно, чем деньги.

Скампада опустил глаза и задумался, прикидывая что-то в уме.

— Меня устроит, если его величество примет мою работу завтра с утра.

— Я попрошу его об этом.

— Договорились, — недовольно вздохнув, Скампада начал объяснения. — Вы, наверное, уже поняли, ваша светлость, что я не хотел причинить зла. Все само собой катилось к этому. Я пытался рассказать ему о вас поделикатнее, чтобы он не слишком разгневался, и не мог даже представить себе, что он придет в такую ярость. Я был еще молод тогда.

— Дальше, — нетерпеливо качнул головой Ромбар.

— Я не ожидал, что Берсерен посмеет посадить сына Паландара в темницу.

— Я тебя не об этом спрашиваю! — начал сердиться Ромбар.

— Но это имеет отношение к тому, что я хочу рассказать, — искоса глянул на него Скампада. — Берсерен не мог долго держать вас под замком, поэтому позаботился о том, чтобы вы не разыскивали ее, когда окажетесь на свободе. Он объявил, что казнит провинившуюся рабыню, но на костре была сожжена совсем другая женщина.

— Кто? — Скампада чуть запнулся, но ответил:

— Жена Берсерена, Варда. Он давно хотел от нее избавиться. Ей завязали рот и надели мешок на голову. В нем ее и повели на костер. Никто не заподозрил подмены.

— Никто, говоришь… а ты?

Скампада поджал губы и нахмурился.

— Мне неприятно это вспоминать, — сказал он, — но я был одним из тех двоих, кого Берсерен послал за ней. Я не знал тогда, для чего это нужно. Меня, сына первого министра, он заставил выполнять работу палача! Берсерен вовсе не человек чести, ваша светлость.

— Без тебя бы не догадался. Он удостоил тебя доверия, которое ты заслужил своим доносом.

— Может быть, — весь вид сына первого министра говорил, что издевка здесь неуместна, — потому что раб, который был со мной, расстался с жизнью. Его в тот же день тоже сожгли на костре.

Ромбару не нужно было напрягать память. Он помнил все до мельчайших подробностей — и тот костер, и женщину, горевшую в нем. Приготовившись поймать Скампаду на лжи, он впился взглядом в его лицо.

— Там, на костре была только одна женщина, — сказал он. — Я все видел из окна темницы.

— Был и второй костер. — Скампада медленно произнес, выделяя каждое слово. — Его установили по другую сторону дворца, против окон ее темницы. Как вы думаете, что сказал ей Берсерен про этот костер?

— Скампада… Ей сказали, что там был я?! — ужаснулся догадке Ромбар.

— Да. Но того, что за этим последовало, Берсерен не ожидал. Она свалилась в горячке и была неделю без памяти. Он не мог привести к ней лекаря — боялся разоблачения.

— Ты же сказал, что она осталась жива!

— Каморра вызвался лечить ее магией. Ее перенесли в комнату рядом с комнатой Каморры. Охрану, конечно, не поставили, чтобы не вызывать лишних пересудов. Было ясно, что она не скоро сможет вставать. Прошел день, другой, а на утро третьего дня ее не нашли в комнате. Исчезла бесследно.

Скампада замолчал. Ромбар подступил к нему вплотную.

— Это все?

— Не все. Скандал был ужасный. — Скампада повел головой, будто отмахиваясь от неприятного шума. — Берсерен вбил себе в голову, что Каморра украл девчонку и спрятал. Он не верил, что она могла обежать без посторонней помощи. Каморра был дико оскорблен. Насколько я знаю этого босханца, страсть к власти вытеснила в нем все, в том числе и страсть к женщинам, поэтому такое обвинение вдвойне взбесило его. Они расстались лютыми врагами. Каморре было некуда деться, и он пошел к уттакам.

— А дальше? Что было потом? — продолжал допытываться Ромбар.

— Я решил, что оставаться у Берсерена ниже моего достоинства, и покинул дворец, — вскинул голову Скампада.

— Счастлив слышать, — проворчал Ромбар. — Ты сообщил как раз то, что меня больше всего интересует. Неплохо бы тебе добавить к этому, куда подевалась она.

Скампада молчал, соображая, как лучше ответить.

— Я же сказал, что покинул дворец, — сказал он наконец, видимо, приняв решение. — Я знаю, что Берсерен поначалу ее разыскивал, но не нашел, — он стрельнул глазами в Ромбара. — Теперь ваш черед выполнять обещание, ваша светлость. Вы ведь тоже человек чести, как и я?

Ромбар усмехнулся.

— Завтра утром Норрен примет тебя. До тех пор, надеюсь, ты не успеешь ничего натворить. Ты понял?

Скампада кивнул. Ромбар отвернулся от него и вышел из библиотеки.

После обеда Альмарен слонялся по гостиной, ожидая

Магистра. Он давно беспокоился, не вышло ли у его друга какой-нибудь неприятности, и то и дело выглядывал в окно. Из-за полуденной жары площадь была малолюдной. Слышались крики детей, бегавших наперегонки с вертлявыми цитионскими собаками, изредка появлялся конник или проезжала подвода. Нетерпеливому Альмарену в каждом прохожем, показавшемся вдали, мерещилась высокая фигура Магистра. Но прохожий приближался, и Альмарен в который раз разочарованно отходил от окна.

Небольшая карета, выехавшая на площадь со стороны дворцовых построек, сразу же привлекла его внимание. Бело-голубая, хрупкая и округлая, как гусиное яйцо, запряженная парой белых лошадей, она напомнила Альмарену маленькую странную девочку-принцессу, которую он видел в лавке несколько дней назад. Белый и голубой были цветами Цитиона и его правителей со времен, основания города. Карета направлялась к лавке, и Альмарен уже мог рассмотреть на ее передней стенке герб Цитиона — парусник на фоне солнечного диска, рвущийся с герба навстречу его взгляду.

Когда карета остановилась у двери, Альмарен чуть не вывалился из окошка, стремясь увидеть, кто же из нее выйдет, но слуга направился в лавку, так и не открыв голубой дверцы с гербом правителя. Вскоре в гостиную вошел Тифен и с удивлением посмотрел на сына.

— Правитель приглашает тебя во дворец, — сообщил он. — Там, внизу, ждет карета.

Альмарен сбежал вниз по лестнице и поспешил сесть внутрь. Кони полетели по звонким мостовым Цитиона и, не успел он прийти в себя от неожиданности, как карета въехала в дворцовые ворота.

Выбравшись из кареты, Альмарен осмотрелся. Гранитное здание дворца, закругляясь, охватывало часть пространства перед главным входом, вдоль его фасада выстроились колонны, поддерживающие карниз с резным узором из листьев. По бокам парадной лестницы стояли статуи клыканов из темно-серого гранита. У низкого длинного здания в дальнем конце двора суетились слуги, выводя оседланных коней. Альмарен повернулся к слуге, но тот опередил его вопрос.

— Приказано ждать здесь, ваша милость.

Ждать пришлось недолго. По главной лестнице дворца спускались двое мужчин. Одним из них был Магистр. Второй мужчина, не менее высокий и плечистый, чем Магистр, был в светло-серой одежде с кожаным поясом, отделанным серебром, и длинном голубом плаще. Альмарен понял, что перед ним

правитель Цитиона. За Норреном, как тени, следовали два огромных темно-серых клыкана — точные копии гранитных статуй по бокам лестницы. Увидев Альмарена, Магистр что-то сказал правителю и пошел навстречу молодому магу.

— Альмарен, — сказал он, подойдя. — Я договорился с Норреном. Ты будешь искать книги, а у меня появились другие дела. Подробности расскажу потом, а пока выслушай то, что нельзя отложить до вечера. Сейчас тебя проводят в библиотеку. С завтрашнего дня тебе никто не будет мешать, но сегодня там есть еще один человек. Так вот, это не просьба, не совет, а требование — ни в коем случае не разговаривай с ним. Если он заговорит с тобой, не смей отвечать ему даже «да» или «нет». Только «не знаю» и «не мое дело». Ясно?

Альмарен кивнул.

— Я так беспокоился, Магистр.

— Все хорошо. Идем, я представлю тебя Норрену.

Магистр подвел Альмарена к правителю.

— Вот тот, о ком я говорил. Альмарен, сын Тифена.

Альмарен молча поклонился. Правитель доброжелательно смотрел на него.

— Я знаю вашего отца, юноша. Достойный человек. Вас проводят в библиотеку.

— Благодарю вас, ваше величество, — снова поклонился Альмарен.

Правитель спустился со ступеней и вскочил на коня. Другого коня подали Магистру. Они выехали со двора, сопровождаемые клыканами и свитой из нескольких всадников. Альмарен не сводил с них глаз, пока не услышал над ухом голос.

— Следуйте за мной, ваша милость.

Он пошел за слугой по залам. Дворец показался Альмарену роскошнее дворца Равенора, но тяжелее и грубее. Еще не дойдя до библиотеки, молодой маг успел утомиться от окружающей его пышности и пестроты. Библиотека оказалась спокойной и строгой, и это ему понравилось. Длинные ряды полок, знакомые запахи старинных книг напомнили Альмарену Оккаду и книжное хранилище Зеленого алтаря, где он изучал магию и заклинания. Человек, сидевший за столом, вежливо приветствовал его. Альмарен ответил сдержанно, недоумевая, что могло быть опасного в этом любезном, изящно одетом господине.

Напряженное бездействие, с утра не покидавшее Альмарена, обессилило его больше, чем любая работа. Он почувствовал потребность перевести дух и присел на широкий, низкий подоконник, как будто бы созданный для того, чтобы на нем читали книги.

Окно выходило на двор, куда Альмарена привезла прогулочная карета принцессы. Двор был пуст, но перед глазами Альмарена еще плыла картина — два плаща, голубой и бурый, развевающиеся за плечами всадников, бок о бок выезжающих из ворот. Альмарен не знал тонкостей дворцового этикета, но простой здравый смысл подсказывал ему, что в том, как Магистр ехал рядом с правителем, далеко впереди свиты, на великолепном коне с роскошной сбруей, была какая-то странность. Магистр опять казался ему новым и на этот раз чужим.

Альмарен прислонился к боковине окна и прикрыл глаза, чтобы отвлечься от беспокойного предчувствия. Действительно, вскоре ему удалось немного расслабиться. Когда он снова открыл глаза, то заметил книгу, лежащую поблизости на столике. Он взял книгу и начал просматривать страницы, сначала рассеянно, а затем все внимательнее. Похождения Сиркоттана, храброго воина, постепенно вытесняли из мыслей Альмарена сегодняшний день и его впечатления.

Книга затянула его, и он потерял ощущение времени, путешествуя вместе с храбрым воином вниз по Имме, через лес к северному берегу Келады, вдоль побережья до устья Руны, по скалистым массивам острова Керн. Описание идола мгновенно вернуло Альмарена в библиотеку и заставило вспомнить, зачем он здесь находится. Как и Скампада, он снова и снова перечитывал несколько строчек, все больше убеждаясь, что речь идет о Красном камне.

Солнце садилось. Альмарен увидел в окно, что всадники вернулись во дворец. Он наблюдал за ними, пока все не разошлись и коней не отвели в конюшню, затем перевел взгляд на Скампаду и подумал, что предупреждение Магистра было напрасным. Тот ни разу не поднял головы в его сторону, прилежно работая над бумагами. Немного спустя в библиотеку заглянул Магистр и жестом подозвал Альмарена к себе. Альмарен вернул книгу на столик и вышел к нему в коридор.

Скампада пробыл в библиотеке до поздней ночи. Он закончил работу, сложил листы в аккуратную стопку и оставил на столе, а затем взял «Жизнеописание Сиркоттана» и засунул книгу за пояс. Запахнувшись поплотнее, он вышел из дворца и вернулся в гостиницу.

XI

Близилась полночь, когда Скампада добрался до гостиницы. Слуга, ожидавший его по распоряжению Тоссена, отпер дверь, засветил свечи и проводил привилегированного постояльца до дверей комнаты. Войдя к себе, Скампада закрыл за собой задвижку и спрятал книгу на дно дорожного мешка. Не успел он уложить мешок в шкаф, как сзади послышался тихий стук. Скампада захлопнул шкаф и открыл дверь. За ней оказался человек неопределенного возраста и неприметной внешности, сверливший его маленькими, цепкими глазами.

— Вы позволите мне зайти, уважаемый Скампада? — вполголоса сказал он.

— Кеменер! — удивился Скампада. — Я вас здесь никак не ожидал.

Кеменер шагнул вперед и запер за собой дверь.

— Как у вас дела с заказом Каморры? — сразу начал он.

— Но почему пришли вы, и почему сюда, в Цитион? — ответил Скампада вопросом на вопрос. — Ведь мы договаривались с Шимангой, что он отыщет меня, когда я вернусь в Келангу.

— Он же сказал вам, что если не сможет прийти, то вместо него буду я, — напомнил Кеменер.

— Да, — замялся Скампада, — но странно, почему он не мог прийти сам.

— Ничего странного, — сухо сказал Кеменер. — Он убит. Я сейчас спешу к хозяину, и заодно заехал к вам. Советую вам воспользоваться случаем и передать то, что у вас есть. Хозяин умеет ценить расторопность.

— Кое-что я сумел найти, — сказал Скампада. — Но не все, что было заказано. Ваш хозяин дал мне очень трудное дело.

— Было бы оно легким, к вам никто бы не обратился, — буркнул Кеменер. — Где эти сведения?

— Здесь. — Скампада указал себе на лоб. — У меня хорошая память, поэтому я никогда ничего не записываю. Я все передам вам, как только мы договоримся о сумме и вы положите ее вот сюда, на стол.

— У меня нет денег, — сказал Кеменер после некоторой заминки. — Пришлось купить нового коня.

— Тогда нам не стоит продолжать разговор, любезный Кеменер.

— Ладно. Что мне передать хозяину?

— Передайте, что у меня есть сведения об одном из камней.

Дня через три я выеду в Келангу, потому что здесь дальнейшие поиски бесполезны. Он может найти меня там и получить эти сведения.

— О каком камне? — быстро спросил. Кеменер.

— Это важно?

— Может оказаться, что ваши сведения не стоят и медяка.

— О Красном.

— Ну, что ж… — Кеменер задумался, затем сказал. — Раз вам здесь больше нечего делать, поезжайте со мной. Имейте в виду, каждый потерянный день снижает ценность ваших сведений.

— Я с радостью покинул бы Цитион хоть завтра, но у меня нет коня, — ответил Скампада, и это было чистейшей правдой. Он опасался оставаться еще на несколько дней в одном городе с Ромбаром. — Я жду базарного дня, чтобы купить его.

— Постарайтесь, Скампада. Спросите у трактирщика, у местных, есть ли у кого конь на продажу. Одного дня вам на это хватит. Я подожду.

Скампада кивнул в знак согласия. Его интересы полностью совпадали с интересами Кеменера, хотя он не без сожаления расстался с мыслью купить коня, достойного сына первого министра.

— Я постучу вам в дверь, когда пойду завтракать, — сказал Кеменер, выходя. — Сядьте ко мне за стол, там обо всем договоримся.

Наутро, когда Скампада пришел во дворец, его сразу же провели к Норрену.

— Обстоятельства изменились, любезный Скампада, — сказал ему правитель. — Библиотека потребовалась для более важных дел, чем составление генеалогии. Человек, которому она нужна, сказал мне, что сегодня к утру у вас все будет готово.

— Да, ваше величество, — поклонился Скампада. — Рукопись закончена и лежит на столе в библиотеке.

— Идем. — Норрен встал и пошел в библиотеку. Скампада, все еще опасавшийся подвоха, заторопился за ним.

Рукопись лежала на столе, как он ее и оставил вечером. Норрен многое в ней уже видел, но внимательно просмотрел листы еще раз.

— Очень хорошо, — сказал он. — Я доволен. Ее сегодня же отдадут переплетать. Ваш труд, как я и обещал, не останется без награды.

Они вернулись в кабинет, и Норрен вынул из ящика стола увесистый кошелек.

— Возьмите, — он протянул кошелек Скампаде. — Здесь вам и за труд, и за неудобства вчерашнего дня. Мне доложили, что вы

ушли очень поздно.

Скампада раскланялся и вышел. Найдя укромный уголок и пересчитав деньги, он остался очень доволен. Про себя он отметил, что сын Паландара, несомненно, человек чести, как и он сам.

Пока Скампада жил в Цитионе, у него появилось немало знакомых. Он пошел по ним насчет своей покупки, и еще до полудня вернулся в гостиницу с конем, пусть и не с таким, о каком мечтал. Скампада довольно быстро уложил оба мешка, хотя вездесущий Кеменер дважды заглядывал к нему и бурчал: «Ну и копаетесь же вы, Скампада». Вскоре после полудня они выехали в Келангу.

Когда они миновали новую городскую стену и выехали на дорогу к Тионскому мосту, им встретился правитель со свитой. Скампада, раскланиваясь, сделал себе заметку, что сын Паландара здесь и, кажется, в прекрасных отношениях с Норреном. Кеменер, ехавший сзади, нахохлился и погрузился в воротник рубашки по самый нос. Отъехав немного, он проворчал:

— И этот здесь. Плохо, что он нас видел.

— Кто? — встрепенулся Скампада.

— Тот, который рядом с Норреном. Магистр ордена Грифона. Интересно, что от него нужно правителю?

Новое занятие Ромбара было неожиданностью для Скампады, но он не подал вида, а только спросил:

— Что ж тут плохого, что он нас видел?

— Лучше бы нам уехать незамеченными. — Кеменер высунул кончик носа из воротника рубашки. — Он как-то странно посмотрел на нас.

Скампада пожал плечами. Хотя он и сам был осторожным, опасения Кеменера показались ему непонятными.

Магистр между тем пытался оглянуться назад, на этих двоих, но ему мешала едущая позади свита. Он никак не мог еще раз увидеть ни светло-серого щегольского плаща Скампады, ни кожаного жилета второго человека, похожего на зажиточного крестьянина или мелкого лавочника, и потому не понимал, что его насторожило в этой паре. Норрен тоже оглянулся.

— Быстро же уехал мой летописец, — заметил он.

— Кто это с ним? — спросил его Магистр.

— Слуга, конечно. Кто же еще?

Магистр, и сам так подумавший, кивнул, и они поехали дальше. Много позже, почти у самого дворца, он вдруг понял, что именно показалось ему подозрительным. Конь слуги Скампады был намного лучше коня самого Скампады.

— Норрен! — спросил он возбужденно. — Где жил этот

человек?.

— Какой человек? — удивился Норрен, давно забывший дневную встречу.

— Скампада.

— У Тоссена, — машинально ответил правитель. — Зачем тебе это?

— Просто так.

Вечером Магистр пошел в гостиницу Тоссена. Хозяин, оказавшийся внизу, в трактире, встретил его обычным восклицанием.

— Что вам угодно, ваша милость?

— Мне угодно узнать, здесь ли жил господин Скампада? — сказал Магистр, протягивая Тоссену серебряную монету.

Тоссен взял ее двумя пальцами и подозвал парня из-за стойки.

— Господин жалует тебе вот это, — он отдал монету засиявшему парню и ответил Магистру: — Да, господин Скампада жил здесь. Прекрасный человек, очень воспитанный и платил исправно. Я не могу сказать о нем ничего дурного.

— Меня больше интересует его слуга. Кто он такой?

Хозяин гостиницы уставился на Магистра.

— Но у господина Скампады не было слуга, — он терпеть не мог этих слуг, приезжающих с господами и чувствующих себя хозяевами в его гостинице. — У нас прекрасное обслуживание. Господин Скампада не нуждался в слуге.

— С кем же он сегодня уехал? — спросил Магистр.

— Это просто попутчик. Утром они познакомились за завтраком, и оказалось, что им по пути. Господин Скампада любит компанию.

— Давно здесь появился этот человек? — продолжил расспросы Магистр.

Тоссену что-то не понравилось в голосе Магистра.

— А что, это дурной человек? — встревоженно спросил он. — Господину Скампаде угрожает опасность?

— Не знаю. Может быть. Расскажите мне все о нем.

— Он приехал вчера вечером, — торопливо заговорил хозяин. — Потребовал лучшую комнату и всего на одну ночь. Сказал, что три ночи не спал нормально. Конь его был весь в мыле.

— Он спрашивал о Скампаде?

— Нет. Он ничего не говорил. Только, когда я провел его в комнату, спросил, приличные ли соседи, не будут ли шуметь ночью. Я его заверил, что и господин Лоттен, и господин Скампада — оба очень воспитанные и спокойные люди.

— Скампада надумал уехать сегодня после разговора с ним?

— Нет. Он еще до завтрака спрашивал меня, где можно купить коня.

Все указывало на то, что со Скампадой ехал случайный попутчик.

— Вы не помните, как зовут этого человека? — спросил Магистр.

— Он не представился мне.

— Странно. А Скампада за завтраком называл его по имени? Ему-то он представился, раз они собрались ехать вместе?

— Припоминаю, как будто называл. Имя на языке вертится, а вспомнить не могу. — Тоссен, беспокоясь за господина Скампаду, морщил лоб, но нужное имя не приходило на язык.

— Жаль, — разочарованно произнес Магистр.

— Если я вспомню, я пришлю парня с запиской, — сказал Тоссен. — Куда ее прислать?

— К Тифену. Буду очень вам благодарен, — добавил Магистр, уходя.

Альмарен, придя наутро в библиотеку, устремился к столику, где вчера оставил книгу о Сиркоттане. Он успел похвалиться Магистру, что в первой же книге нашел сведения о Красном камне, и собирался просмотреть ее еще раз, а заодно и дочитать историю странствий храброго воина. Но книги на столе не было.

Он поискал ее на стульях и подоконниках, затем обвел взглядом бесконечные полки. Было очевидно, что книгу положили на место. Альмарен даже не запомнил, как она выглядит, поэтому мог отыскать ее только случайно. Книги были расставлены по размеру, а не по эпохам или темам, и это еще больше затрудняло поиски. Альмарен начал шарить по полкам наугад, надеясь найти что-нибудь по магии, но натыкался в основном на рукописи по военному искусству и описания бесконечных схваток с уттаками. Кое-как отобрав несколько книг, он перетащил их на подоконник и углубился в чтение.

Легкий стук двери заставил его вздрогнуть. Альмарен обернулся и увидел знакомую ему девочку — принцессу Цитиона. Вместо громоздкой выездной одежды на ней было легкое белое платье, в котором она казалась еще меньше и тоньше. Взгляд ее широких глаз был пристален и медлителен, как и тогда, в лавке.

Альмарен поспешно вскочил с подоконника и сказал:

— Добрый день, ваше высочество.

Он не ожидал появления принцессы и чувствовал себя неудобно оттого, что она застала его сидящим на подоконнике, как мальчишку. Девочка кивнула ему и подошла к окну. Она неторопливо рассмотрела серебряные переплеты выбранных

Альмареном книг, медленно перевела взгляд в окно, а затем так же неторопливо и плавно обернулась к Альмарену.

— Мне не разрешают сидеть на подоконниках, — махнула она ресницами. — Принцессам нельзя на них сидеть.

— Бедняжки, — сочувственно пробормотал Альмарен и, спохватившись, добавил: — Конечно, вы не должны брать с меня пример, ваше высочество.

— Фирелла, — сказала она. — Зови меня так. Я люблю, когда меня зовут по имени. Мне нравится, как оно звучит, но меня так зовут только отец и мать.

— Конечно, Фирелла, — согласился Альмарен. — Мне тоже нравится, как оно звучит.

Девочка одобрительно наклонила голову и уселась на подоконник, где только что сидел Альмарен.

— Альмарен, — обратилась она к нему. — Ты ищешь здесь что-то очень важное? Так отец говорил, я слышала.

Альмарен утвердительно кивнул, удивляясь тому, что она запомнила его имя.

— Но это большой секрет, особенно для маленьких девочек, — сказал он, опережая ее вопрос.

— Я не маленькая, — возразила принцесса. — И я умею хранить секреты. — Она извлекла из кармашка в складках юбки спрятанного там сонного духа и поставила рядом с собой. — Мы умеем хранить секреты.

Альмарен молчал, не находя в себе достаточно твердости, чтобы сказать ей «нет».

— Я пришла тебе помочь, — продолжила ежа, не сводя с него немигающего взгляда. — Скажи мне, что нужно искать.

Участие принцессы тронуло Альмарена. Он подумал, что не случится ничего плохого, если и она просмотрит пару-другую книг.

— Я ищу камни, Фирелла, — сказал он.

— Камни? — удивилась она. — Разве ты любишь камни?

— Это особенные камни, — улыбнулся Альмарен. — Их всего три на Келаде. От них зависит мир и счастье всего острова. Так сказал Равенор, — добавил он для убедительности.

Слова Альмарена произвели впечатление на девочку.

— Как их искать? — незамедлительно спросила она.

— В книгах может быть написано, где они находятся. — Альмарен рассказал Фирелле, как выглядят камни. — Возьми одну из этих книг и просматривай ее. Когда встретишь похожее описание, покажешь мне.

— А кто такой Равенор? Он такой же маг, как ты?

Альмарен упустил из вида то, что девочка могла никогда не

слышать о Равеноре.

— Я — никто по сравнению с Равенором, — воодушевленно сказал он. — Это лучший маг на острове. Только Трое Братьев превосходили его.

Принцесса внимательно выслушала Альмарена, затем обратилась к духу.

— Ты все слышал? Помогай тоже.

Она убрала духа в карман и взяла книгу с подоконника, чуть не выронив ее из рук. Альмарен подхватил книгу и донес ее до столика.

Так Альмарен обзавелся помощницей вместо Магистра, у которого были свои дела с Норреном. Фирелла оказалась разговорчивее, чем это можно было предполагать, но ее разговорчивость носила отпечаток, свойственный всему ее поведению. Найдя в книге непонятное или просто заинтересовавшее ее место, девочка задавала Альмарену короткий, но точный вопрос, а затем внимательно выслушивала ответ. Альмарен увлекался и пускался в длинные объяснения.

Рассказывая принцессе об отличиях холодной и горячей магии, он для примера снимал с пальцев перстень Грифона или Феникса и показывал простейшие заклинания. Он вращал перстнем Феникса над подоконником, вполголоса повторяя простое, как детский стишок, водяное заклинание, и с перстня начинала капать вода. Или, подхватывая длинную темную прядь своих волос, он выдергивал и поджигал один из них перстнем Грифона, чтобы показать, как действует заклинание огня. Фирелла умела слушать. Она не говорила ни слова, но так сосредоточенно следила за действиями Альмарена, что он незаметно переходил от ответов на ее вопросы к рассказам о том, что изучал когда-то сам.

Альмарен проводил во дворце целые дни, возвращаясь домой к ужину, и почти не виделся с Магистром. Тот коротко интересовался, как вдут поиски камней, и только качал головой, опять услышав, что ничего нового нет. Если бы Магистр узнал, сколько времени Альмарен незаметно для себя тратит на болтовню с принцессой, он, пожалуй, попросил бы Норрена отвлечь девочку чем-нибудь. Но у него были другие заботы, и он вполне доверял своему молодому другу.

Несколько дней спустя, когда Магистр и Альмарен остались после ужина в гостиной, с улицы послышался звук мчащейся по мостовой кареты. Они переглянулись и, не сговариваясь, кинулись к окну. У дома Тифена остановилась уже знакомая Альмарену бело-голубая карета.

— Что-то случилось во дворце, — сказал Альмарену

Магистр. — Идем вниз.

Они оказались в прихожей почти одновременно с человеком, приехавшим в карете.

— Мне нужен магистр ордена Грифона, — сказал вошедший.

— Это я, — шагнул к нему Магистр.

— Его величество предлагает вам прибыть к нему во дворец. Карета ждет.

— Что случилось? — спросил Магистр, накидывая плащ.

— Только что прибыл гонец из Босхана, — ответил посланец правителя. — Его величество прочитал письмо и немедленно распорядился послать за вами.

Магистр вышел вслед за ним и сел в карету. Во дворце его проводили в рабочий кабинет Норрена, туда, где они разговаривали при первой встрече. Магистр сразу заметил тревожное и озабоченное выражение лица правителя. Он еще не видел Норрена таким и понял, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Распечатанное письмо лежало на столе.

Увидев Магистра, Норрен заметно обрадовался.

— Ромбар, — сказал он, протягивая письмо. — Прочитай это. Оно от Дессы, правительницы Босхана.

Пробежав первые строки письма, Магистр поднял глаза на Норрена.

— Бетлинк взят, — повторил он прочитанное. — Значит, война больше не предположение, а реальность. Она началась раньше, чем мы ожидали.

— Мы еще не готовы к войне, — отметил Норрен. — Читай дальше.

Магистр углубился в письмо.

— Десса просит тебя послать свежего гонца к Донкару, чтобы поторопить его с выступлением. Просит сообщить, когда вы оба подойдете к Босхану. Что ты ей ответишь?

— Я могу выступить недели через три, не раньше, — напомнил ему правитель. — Нужно, чтобы она прислала карту окрестностей Босхана. Я должен знать заранее, где расположить армию. Я уже написал и ей, и Донкару. Когда получу ответ от Донкара, пошлю к ней еще одного гонца.

— Она просит помочь деньгами, — заметил Магистр, дочитав письмо. — У тебя есть лишние?

— Не лишние, но есть, — ответил Норрен. — У меня осталось кое-что из драгоценностей Равенора. Нужно немедленно переправить их в Босхан. Помогая Дессе, мы помогаем себе. Об этом я и хочу поговорить с тобой, Ромбар. Ты ведь собирался выезжать в Келангу?

— Да, — кивнул Магистр. — Альмарен нашел кое-что в твоих

книгах, но не все, на что мы надеялись. Я намеревался выехать через пару дней.

Норрен открыл потайной шкаф, вынул ларец и поставил на стол.

— Вот эти драгоценности, — сказал он, откидывая крышку ларца.

Магистр заглянул внутрь.

— Ценный подарок, — заметил он.

— Да, — подтвердил правитель. — Сам понимаешь, как важно, чтобы он дошел по назначению. Пока я ждал тебя, я думал, с кем бы его послать, и пришел к выводу, что самый надежный человек — это ты. Я, конечно, не могу приказать тебе отвезти ларец Дессе, я могу только просить об этом. Ты получишь все, что нужно — коня, меч, кольчугу…

— Мне ничего не нужно, — остановил его Магистр. — Неужели ты думаешь, что у меня нет ни коня, ни меча? Выезжать завтра утром, я тебя правильно понял?

— Чем скорее, тем лучше. Время отъезда выбирай сам.

— Значит, завтра, — подытожил Магистр. — Об этом никто не знает? Везти такую вещь без охраны лучше при соблюдении полной тайны.

— Конечно, никто. Но совсем без охраны я тебя не оставлю. — Норрен поискал глазами по полу и позвал. — Вайк!

Один из клыканов правителя мгновенно оказался рядом с ним.

— Вот твой новый хозяин. — Норрен подвел пса к Магистру. — Слушайся и охраняй.

Пес обнюхал Магистра и уселся рядом.

— Куда он нам? — попробовал возражать Магистр. — Лишние заботы в пути.

— Ты неправ, брат, — сказал ему Норрен. — Этот пес стоит нескольких вооруженных воинов. Если бы мне пришлось выбирать, я предпочел бы его.

— Если так, то возьму, — нехотя согласился Магистр.

— Он не быстр, но вынослив. Ведите коней средней рысью, и он не отстанет от вас в течение целого дня. — Норрен положил письмо для Дессы поверх драгоценностей, закрыл крышку и подал ларец Магистру. — Карета еще ждет во дворе. Счастливого пути!

Последнее время в Цитионе жили в предчувствии надвигающихся грозных событий. Было ясно, что из Босхана пришли дурные вести, поэтому у Тифена не ложились спать, дожидаясь возвращения Магистра. Когда Магистр вошел в гостиную, он увидел, что здесь собралась вся семья купца.

— Да, Тифен, — подтвердил он невысказанную догадку купца. — Каморра начал войну. Бетлинк захвачен уттаками.

Жена Тифена ахнула и схватилась за голову. Магистр подумал, что она принимает случившееся слишком близко к сердцу, но, проследив направление ее взгляда, невольно усмехнулся.

— Это клыкан, — сказал он успокаивающе. — Вайкаран Тридцать Девятый. Норрен дал мне его для охраны. — Магистр взглянул на Альмарена. — Завтра нужно отправляться в Босхан. Ты готов?

— Конечно, Магистр, — взволнованно сказал Альмарен.

— У меня к вам просьба, Тифен, — обратился Магистр к купцу. — Вы целый день в лавке, на людях. Может быть, вы что-нибудь услышите о человеке по имени Кеменер. Меня интересует о нем все — когда он появился в Цитионе, сколько пробыл, с кем встречался. Вы меня понимаете?

— Подождите! — Тифен, спохватившись, бегом направился к двери, ведущей в лавку. Спустя мгновение он возвратился оттуда с клочком бумаги в руке.

— Несколько дней назад мне принесли это в лавку, — объяснил он. — Я прочитал и ничего не понял. Слуга поклялся, что не перепутал, что записку велено передать мне. Я решил все выяснить при случае, сунул ее в стол и забыл про нее.

Магистр развернул записку. Там было всего несколько слов: «Его звали Кеменер. Тоссен».

— И вы все это время молчали, Тифен! — воскликнул он.

— Я не придал ей значения. Конечно, мне следовало показать ее вам.

— Впрочем, я и сам хорош, — вспомнил Магистр. — Я сказал, куда послать записку, но не объяснил, кому. Если бы я получил ее сразу же, я мог бы догнать его в пути. А сейчас… сейчас я даже не помню, как он выглядит. С ним был Скампада, вот кого надо найти. Тифен! — он поднял взгляд на купца. — Мы должны выехать рано утром. Вы поможете нам в сборах?

— Сейчас я разбужу слуг и отдам распоряжения, — ответил купец.

Все разошлись. По пути Магистр сказал своему приятелю.

— Зайди ко мне, Альмарен. На два слова.

Альмарен пошел за Магистром в комнату. Тот закрыл за собой дверь и показал ларец.

— Мы должны срочно доставить это в Босхан. Вот почему с нами эта милая собачка, — Магистр кивнул на клыкана. — Взгляни теперь на записку, — он подал клочок бумаги Альмарену. — Кеменер был в Цитионе и выехал в Келангу пять

дней назад. Он на одну ночь останавливался у Тоссена.

— Значит, Мальдек нас не обманывал? — предположил Альмарен.

— Кажется, так, — подтвердил Магистр. — В тот день, когда я повстречал Кеменера, Синий камень был в нескольких шагах от меня. Жаль, что тебя не было рядом, Альмарен. Ты мог бы заметить у него необычный амулет.

— У меня нет привычки просматривать каждого встречного, Магистр.

— Заведи ее. Сейчас война, ты понял?

Альмарен молча кивнул.

— Теперь ясно, что Синий камень вот-вот окажется у Каморры, — продолжил Магистр. — Кеменер сейчас подъезжает к Келанге и знает, что Бетлинк взят. Я уверен, что он повезет камень к Каморре в Бетлинк. Проникнуть в замок нам будет легче, чем добираться до Белого алтаря.

— А Красный камень, Магистр? — напомнил Альмарен.

— Это нам по пути. Побывав в Бетлинке, мы отправимся на север, к острову Керн. — Магистр убрал ларец. — Похоже, нам предстоят трудные дни.

Утром друзья миновали Тионский мост и, свернув у развалин Росвенка на север, направились к Босхану. Снова под копытами их коней текла дорога, а в волосах играл просторный келадский ветер. Кусок неба, съеденный городом, уменьшался, и, наконец, оно сомкнулось с буровато-зеленой травой и поблекшими кустами второй половины лета.

Фирелла, как обычно, пришла в библиотеку, но Альмарена там не оказалось. Она села читать книгу, думая, что маг скоро появится. Когда время подошло к обеду, девочка встревожилась. Не смея узнать у отца, куда мог исчезнуть ее волшебник, она отыскала Алитею и уговорила расспросить о нем.

Когда члены семьи правителя расселись за столом, Алитея, у которой тоже было о ком расспрашивать, поинтересовалась, почему за обедом нет ни Магистра, ни его приятеля-мага. Норрен коротко ответил, что оба друга срочно выехали из Цитиона.

После обеда принцесса вернулась в библиотеку и села на подоконник, где Альмарен обычно располагался со своими книгами. Она достала сонного духа, поставила перед собой и долго на него глядела.

— Уехал. И не попрощался, — пожаловалась она духу. — Но я не буду плакать. Я не маленькая.

Фирелла вздохнула и какое-то время молча смотрела в окно. Затем ее внимание снова обратилось к духу.

— Я не маленькая, — грустно сказала девочка. — Но ты

маленький. Ты можешь поплакать.

Она стала гладить духа по эфилемовому загривку, нашептывая короткое, как детский стишок, водяное заклинание, которое выучила у Альмарена. Вдруг она вздрогнула и отдернула руку. По щекам фигурки текли капли воды.

XII

Замок Бетлинк стоял на вершине холма в верховьях речки Руны, текущей через Иммарунские леса к северному побережью Келады. Построенный, как рубеж для защиты от уттаков, он являлся самым большим и хорошо укрепленным замком на острове. Подножие холма было обнесено высокой стеной с воротами, выходящими на юг, и четырьмя обзорными башнями, внутри располагался сам замок и другие хозяйственные и жилые постройки. Вокруг замка еще в годы его возведения была расчищена широкая поляна, не позволяющая неприятелю подобраться незаметно.

Близость к уттакам заставляла держать в замке гарнизон из полутора сотен хорошо обученных воинов, оплачиваемых из казны келадских правителей. Этого было достаточно, чтобы любое чересчур обнаглевшее племя уттаков вспомнило свое место. Пограничное положение вынуждало обитателей Бетлинка быть бдительными, поэтому на башнях и у ворот стояла стража.

В Бетлинке еще с весны знали о больших скоплениях уттаков между Иммой и Ционским нагорьем. В последние дни в замке было тревожно оттого, что уттаки подошли вплотную к истокам Руны. Разведчики ежедневно приносили известия о новых отрядах дикарей, прибывающих со стороны Белого алтаря.

Летний день был безоблачным и жарким. Двое стражников, охраняющих ворота замка, передвинули в тень ворот чурбачки, служившие сиденьями, и дремали от скуки, поглядывая на пустынную дорогу. Дорога извивалась по поляне, окружающей замок, а затем уходила в лес, к Оранжевому алтарю.

Вдруг на дороге показался всадник, галопом скачущий к замку. Стражники насторожились и привстали.

— Летит-то как! — заметил один. — Наш, что ли?

— Нет, не наш, — ответил другой. — Что-то уж очень он спешит. Это гонец из Келанги. Вальборн неделю назад послал письмо Берсерену с просьбой о подкреплении и ждет ответа.

Всадник приближался.

— Ну, что ты болтаешь? — опять заговорил первый. — Это же Тревинер! Это его кобыла, Чиана. Ишь, как пластается, будто по воздуху летит. Ее галоп ни с чьим не спутаешь.

Второй приложил руку к глазам.

— И правда, Тревинер, — согласился он. — Кто его там, в лесу, укусил? Да и не вовремя возвращается наш охотник.

Всадник подъезжал к воротам замка. Можно было легко различить его узкое, сильно загорелое лицо с выступающим

вперед орлиным носом, встрепанные прямые волосы, развевающиеся от быстрой скачки. У самых ворот он придержал свою Чиану — длинноногую, длинношеюю гнедую кобылу, снял воображаемую шляпу с непокрытой головы и раскланялся, весело оскалив большие, крепкие, как у зверя, зубы.

— Мое почтение, господа стражники! — выкрикнул охотник. — Не изволите ли пропустить меня в замок?!

Оба стражника расплылись в ухмылке. За Тревинером давно закрепилась репутация шутника и хохмача, поэтому любое его действие расценивалось, как приглашение посмеяться.

— Куда ты так Несешься, Тревинер? — спросил один из них. — Завтрак давно прошел, обед еще не скоро. За шляпой, что ли, вернулся?

— Угадал, приятель. Уттакские красавицы сегодня без шляп не принимают, — еще шире оскалился Тревинер. — Закрой-ка ворота, любезный, чтобы я к ним не убежал.

Стражники кисли от смеха. Незамысловатая шутка Тревинера после долгой скуки у ворот казалась им верхом остроумия. Охотник смотрел на них неподвижным взглядом, веселый оскал маской застыл на его лице.

— Все, парни, — прервал он стражников. — Время шуток прошло. Опускайте решетку и закрывайте ворота. Быстрее!

— Тебе голову напекло, Тревинер, — сказал один из стражников, все еще смеясь. — , Видишь, как вредно забывать шляпу дома.

— Она не дома. Она там, в лесу — не было времени поднять, — и на подвижной, мгновенно меняющейся физиономии Тревинера, и в его голосе читалась тревога. — Здесь скоро будут уттаки, много уттаков. Закрывайте ворота, или вечером Вальборн объяснит вам, как надо нести стражу… если еще будет кому объяснять.

Стражники почувствовали, что дело нешуточное, и бросились к рычагу, удерживавшему решетку ворот в поднятом положении. Вскоре она с грохотом опустилась. Тревинер уже не слышал этого — он скакал по мощеному двору к дверям замка. Там он спешился и побежал вверх по лестнице, хлопнул по заду подвернувшуюся служанку, взвизгнувшую от неожиданности и удовольствия, и крикнул ей в ухо:

— Эй, красавица, где сейчас наш правитель?!

Она махнула ему рукой вверх и направо. Тревинер побежал в большой зал правой башни замка, с разгона распахнул дверь и оказался внутри.

В круглом башенном зале с окнами на все стороны света, за огромным обеденным столом, в прошлые времена собиралась

семья прежнего правителя. Вальборн был одинок и предпочитал обедать у себя в комнате, поэтому старинный стол давно не использовался по назначению. Сейчас на нем были разложены бумаги и карты острова, а также кучки разноцветных камешков для отметок на карте. Над столом склонились двое людей. Один из них, мужчина лет тридцати, среднего роста и крепкого сложения, и был сам Вальборн, нынешний правитель Бетлинка. Второй, Лаункар, служил военачальником еще у отца Вальборна и остался на службе у молодого правителя.

Тревинер без лишних церемоний подошел к столу и взглянул на карту севера Келады, которой занимались Вальборн со своим полководцем. На ней черными камешками были отмечены расположения уттаков. Вальборн пытался привести их в соответствие с последними донесениями.

— Тревинер, это ты? — спросил правитель, не оборачиваясь. — Я всегда знаю, когда ты в замке — тебя слышно издали.

— Да, мой правитель, — подтвердил охотник. — Где и пошуметь, как не в замке? Я целыми днями в лесу, а там я тише падающего листа.

— Не очень-то ты в лесу, мой милый Тревинер, — пробормотал Вальборн, углубляясь в карту.

— Не трудитесь над ней, мой правитель. — .Тревинер сгреб со стола горсть черных камешков. — Ваши сведения устарели. Я сейчас прямо из леса, с южной стороны. Я спешил сюда, чтобы сообщить, что уттаки вот здесь… и вот здесь… и здесь тоже… — он быстро раскладывал черные камешки по карте.

И Вальборн, и Лаункар одновременно уставились на охотника.

— Надеюсь, ты не шутишь, Тревинер, — наконец выговорил Вальборн. — Сейчас не время для таких шуток.

— Мой правитель, я серьезен, как никогда, — взгляд Тревинера был тревожным. — Они сейчас грабят село Рунский Ключ, совсем рядом, за холмом. Каморра с ними, он рвет и мечет, но не может оторвать уттаков от любимого занятия. Как только он приведет их в порядок, они будут здесь. Я насчитал не меньше пяти племен, и это только передовые войска. Еще до обеда мы примем бой, мой правитель, и я боюсь, не оказался бы он последним.

— Что же мы медлим? — Вальборн мгновенно оценил положение. — Лаункар, всех на стены! Стрелы, камни, копья — все должно быть готово. Идем!

Все трое оставили зал и бегом спустились к выходу. Лаункар снял с пояса рог и затрубил, объявляя общий сбор.

И воины, и жители замка поспешили собраться на звук рога. Стражники, опустившие решетку по требованию Тревинера, кинулись закрывать на засовы дубовые створки ворот. Уттаки с зимы не появлялись около Бетлинка, несмотря на то, что их было неисчислимое множество в двух днях пути от замка. Каждый — и опытный воин, и новичок, не прослуживший и двух лет, чувствовал, что это — затишье перед бурей. Вальборн, ежедневно менявший камешки на карте, ощущал приближение опасности острее других. Оглядев собравшихся, он сделал шаг вперед и заговорил.

— Друзья мои, храбрые воины! День бури настал, — он выразил вслух то, что маяча переживали остальные. — Сюда идут уттаки во главе с Каморрой. Нам не на кого надеяться, только на себя и свою доблесть. Я уверен, что вы понимаете это, и не буду тратить лишних слов. Время дорого. Пусть каждый из вас займет свое место и выполнит свой долг. — Вальборн повернулся к полководцу. — Лаункар, расставьте воинов.

Лаункар вышел вперед и поднял руку. Воины собрались вокруг него и, выслушав приказания, разбежались к лестницам, ведущим на стену. Вальборн распорядился слугами, и они потащили из кладовых приготовленные заранее пучки стрел, рогатины и копья. Через какие-то мгновения у дверей замка остались только он и Тревинер.

— Ты здесь, Тревинер? Прекрасно, — обратил на него внимание правитель. — Пойдешь со мной.

Он зашагал к юго-восточной башне, поднялся на стену, перешел на южную сторону и остановился почти над самыми воротами. И поляна, и дорога были пустынны.

Вальборн огляделся. Суета на стене прекратилась — воины заняли места между каменными зубцами, держа луки наготове. Он открыл рот, но не успел задать охотнику вопрос. Опушка леса зашевелилась, и на поляну океанской волной выплеснулись полчища уттаков.

Привычные к лесу, они не нуждались в дороге и шли широкой полосой через чащу. Выйдя на поляну, уттаки останавливались у опушки и застывали в ожидании.

— Тревинер, они не кидаются сразу в бой. Это на них не похоже, — в голосе Вальборна звучало удивление, так как он хорошо знал повадки уттаков. — Уттаки и дисциплина — невероятно!

— С ними Каморра, мой правитель. Он каким-то образом влияет на них, а то бы они передрались прямо здесь, перед нами. Они ждут его приказов.

— Сколько же их тут? Я никогда еще не видел столько

уттаков сразу. Не меньше двух тысяч, мне кажется, — встревожился Вальборн.

— Больше, мой правитель. — Тревинер окинул взглядом поляну. — Я вижу здесь шесть племен, а не все еще вышли из леса. Вон там, у западного края, видите? В пятнистой шкуре? Это Шрум, старый негодяй. Он наш сосед, живет в среднем течении Руны. Вся эта орава с длинными секирами — его племя. С другой стороны, косматый, широкий такой — это Уссухак с восточной Рунки, притока Руны. С ним не меньше пятисот драчунов. А того крючка с узкой секирой я не знаю. Наверное, его племя издалека, с северо-восточной части.

— У каждого вождя на груди белый диск. — Вальборн прикрылся рукой от солнца, вглядываясь вдаль. — Что это, Тревинер? Ты видел их вблизи?

— Эти диски одинаковы. Там вырезана морда василиска — знак Каморры. Они считают его символом власти и очень им гордятся.

— Скорее это символ подчинения, раз за такую бляшку они слушаются Каморру, — заметил Вальборн.

В этот момент на дороге показалось несколько богато одетых всадников, резко выделяющихся по сравнению с грязными, оборванными толпами на поляне. Среди уттаков пронеслось легкое шевеление.

— Кто из них Каморра? — спросил Вальборн, хотя можно было не спрашивать. Человек на вороном коне, в черной одежде и ослепительно белом плаще, с белым диском на груди, выехал вперед и поднял руку, в которой сиял белизной жезл Василиска. С поднятым жезлом он проехал вдоль уттакских рядов, поочередно говоря что-то каждому из вождей.

— А что у него сзади, на плаще? — опять спросил Вальборн, указывая на огромную черную кляксу на спине Каморры.

— Там тоже морда василиска, — ответил Тревинер. — В натуральную величину, так сказать. Очень впечатляет уттаков. — Он легонько отстранил Вальборна от проема между зубцами. — Позвольте-ка, мой правитель, я приготовлюсь к бою. Они сейчас пойдут на штурм.

Тревинер снял с плеча лук Феникса, с которым не расставался, и передвинул поудобнее колчан со стрелами. Вальборн увидел, как Каморра поднял жезл. На конце жезла сверкнула белая вспышка, заметная издали даже в полдень. Уттаки зашевелились и густыми толпами потекли к замку. Теперь было видно, что они тащат грубо сработанные лестницы и веревки с крючьями. Уттаки никогда прежде не пользовались штурмовыми орудиями. Вальборн догадался, что это

нововведение Каморры.

В воздухе засвистели стрелы, пущенные со стен замка, и первые уттаки попадали на землю. Тревинер, оскалившись, как при хорошей шутке, пускал одну стрелу за другой. Когда задние ряды уттаков оказались на расстоянии полета стрелы, на замок посыпался встречный поток стрел. Вальборн увидел, что уттаки огибают замок, и заторопился на северную сторону, чтобы предупредить Лаункара.

— Возьмите щит, ваше величество, прикройтесь, — сказал ему вслед кто-то из воинов, но Вальборну было не до этого. Он бежал по стене, перепрыгивая через ноги воинов и кучи камней, припасенные для обороны.

— Лаункар! — замахал он рукой. — Они окружают замок! С этой стороны достаточно людей?!

— Недостаточно, но не больше, чем везде, — хладнокровно ответил полководец. — Какое-то время мы продержимся. Идите на южную сторону, Вальборн. — Он поймал слугу, подносившего стрелы, и крикнул ему: — Рогатины сюда, немедленно!

Бой набирал силу. Поляна вокруг замка напоминала гигантский кипящий котел. В воздухе висели рычащие, шипящие, гортанные звуки — боевые вопли на разных уттакских наречиях, одинаково скверных для человеческого уха. Уттаки с лестницами, несмотря на большие потери, добрались до подножия стен замка. Чтобы стрелять по ним, воинам приходилось высовываться из укрытий под дождем уттакских стрел. Вернувшись на южную стену, Вальборн увидел, что толпа уттаков волочет по дороге большое бревно с заостренным концом. «Будут ломать ворота», — понял он и приказал нескольким лучникам не подпускать к воротам эту группу.

В битве установилось подвижное, кипящее равновесие. Поток уттаков подкатывал к стенам, подымался вверх по лестницам и отливал назад, отброшенный рогатинами и камнями, сыплющимися сверху. В те короткие мгновения, когда Вальборн позволял себе отвлечься от хода боя, он не мог не восхищаться мужеством своих воинов и ловкостью, с какой они управлялись с рогатинами и копьями. Какое-то время он даже надеялся, что замок не будет взят.

Один Каморра оставался спокойным и неподвижным на бурлящей поляне. Удерживая коня на расстоянии, недосягаемом для стрел со стен замка, он следил за ходом битвы.

Когда маг замечал ослабление атаки на одном из участков боя, он подымал жезл Василиска и направлял в эту точку. Уттаки накапливались там и с новой силой кидались на стены. Вальборн наблюдал за действиями врага, все больше осознавая

безнадежность сопротивления, и хмурил брови, чтобы скрыть тревогу за суровостью.

Близился вечер, а напряжение боя не ослабевало. Поляна была усеяна трупами уттаков, но дикарей не становилось меньше. Запас стрел в замке давно кончился. Женщины и дети собирали уттакские стрелы и подносили лучникам. Потери среди защитников, хотя и не сравнимые с потерями уттаков, все же были ощутимы. Вальборн заметил, что в битве что-то изменилось. Часть уттаков отступила к опушке. Стрелы перестали сыпаться на головы защитникам замка, зато уттаки с лестницами ожесточенно кинулись на стены.

Вальборн шел по стене, перешагивая через тела убитых и лужи крови, и оценивал потери. Не меньше трети защитников погибло, отражать атаки становилось все труднее. Вдруг рядом с ним стукнул о камень и зацепился за стену штурмовой крюк. Один из оставшихся в живых защитников полоснул по веревке кинжалом, и крюк покатился Вальборну под ноги. Воин нагнулся и вышвырнул крюк во двор, затем поднял голову. Вальборн узнал Тревинера и обрадовался, что охотник еще жив.

— Это вы, мой правитель? — охрипшим голосом сказал Тревинер. Он выдернул стрелу из лежащего рядом убитого воина, наложил ее на лук и выпустил. — Еще один, — пробормотал он, опуская лук. — Стрелы кончились, мой правитель.

Вальборн только теперь понял уловку Каморры, запретившего стрелять по замку. С Тревинера слетела сосредоточенность, он улыбался правителю устало, но беззаботно.

— Нам осталось одно, мой милый Вальборн, — он никогда раньше не называл так своего правителя. — Открыть ворота, выйти в последний бой и умереть героями. Или они сами войдут сюда, видите? — и показал вниз, на дорогу, где уттаки подтащили бревно к воротам замка. Сейчас, в безопасности от стрел, они устанавливали у ворот столбы, чтобы подвесить бревно на веревках.

— Мы не победили только потому, что это было невозможно. Славная была потасовка, не так ли? — прищурился охотник.

— Тревинер, — сказал Вальборн, снимая с шеи диск с изображенным на нем гербом Бетлинка — натянутым луком на бело-зеленом поле. — Возьми это и от моего имени собери у юго-западной башни слуг с лошадьми, женщин и детей. Там есть потайной ход, мы уйдем через него. Я пройду по стене и извещу воинов, а вы зажгите огонь, приготовьте факелы и ждите у башни.

Тревинер взял диск и побежал к башне. Штурм стен прекратился, уттаки оставили лестницы и начали подтягиваться к воротам, не желая оставаться в задних рядах, когда начнется

грабеж замка. К воротам приблизился и Каморра со своими людьми. У Вальборна не было времени их разглядывать, он пошел вдоль стены, отправляя уцелевших воинов к месту сбора. Лаункара он нашел на северной стороне. Полководец стоял, опершись на рогатину, и наблюдал за уттаками, стекающимися к южной стене. Его седые волосы были испачканы кровью.

— Лаункар, ты ранен? — с беспокойством спросил Вальборн.

— Не знаю. Где-то испачкался. Куда они пошли?

— Там ломают ворота. Скорее, Лаункар, вниз. Пора уходить. Проследи за порядком у башни.

Вальборн сделал круг по стене и оказался на прежнем месте. Он выглянул вниз, где у ворот собралась почти вся армия Каморры. Уттаки подвесили бревно и начинали раскачивать, прицеливаясь в ворота. Нужно было торопиться. Он повернулся, чтобы спуститься вниз, и в этот миг почувствовал удар в спину и острую боль под правой лопаткой.

«Стрела… — мелькнуло у него в мозгу. — Как некстати…» — Вальборн машинально оглянулся назад и увидел, что один из всадников опускает лук. Сжав зубы, он заторопился вниз по лестнице, но, поскользнувшись в луже крови, упал на спину и покатился по ступеням.

Когда он пришел в себя, то обнаружил, что лежит у подножия лестницы. Надеясь, что потеря сознания была недолгой, он вскочил на ноги. Стрела, застрявшая в спине, сломалась при падении, ее наконечник остался внутри и не давал шевельнуть правой рукой. Вальборн, стараясь не замечать боли, побежал к юго-восточной башне. У башни его дожидались все, кто уцелел после битвы — остатки войска, слуги с узлами, тяжелораненые на лошадях, немногочисленные женщины и дети. Стояла необычная тишина, нарушаемая ударами бревна в ворота и воплями уттаков, доносившимися снаружи.

Вальборн подошел вплотную к стене и отыскал узкую щель между ней и башней, нащупал рычаг и с усилием опустил вниз. Часть башенной стены отошла, из открывшегося прохода потянуло холодом и плесенью.

— Лошади не пойдут в эту дыру, — сказал Лаункар, заглянув внутрь.

— Пустите меня вперед, — предложил Тревинер. — Моя Чи пойдет за мной, а за ней и остальные кони.

— Хорошо, — согласился Вальборн. — Ты пойдешь первым, за тобой поведут лошадей, затем женщины и дети, а за ними — войско. Я пойду последним и закрою ход.

— Куда идти, мой правитель? — спросил Тревинер. — Я не заблужусь в этой дыре?

— Вниз, потом первый поворот направо, а дальше все время прямо. Слева от выхода будет такая же щель, а в ней рычаг.

Охотник запалил факел и повел свою кобылу вниз по ступеням. За ним потянулись остальные, поочередно зажигая факелы и исчезая в темноте.

Толпа у потайной двери, таяла медленно. Вальборн стоял у рычага, чтобы перекрыть ход и спасти хотя бы тех, кто успел войти внутрь, если уттаки ворвутся в замок. Он забыл про рану и боль, моля судьбу только о том, чтобы ворота продержались как можно дольше. Когда последние воины скрылись в темной дыре, Вальборн зажег факел, пинками раскидал потухающий костер, а затем вошел в проем и повернул внутренний рычаг.

Подземный коридор был длинным, и это скорее обрадовало Тревинера, чем встревожило. Ходом давно не пользовались — на плитах пола лежал толстый слой пыли, со стен и потолка свисала плесень и паутина, вспыхивавшая от огня факела. Нище не было ни обвалов, ни промоин — добротная старинная постройка больше века выдержала без ухода. Тревинеру показалось, что он так и пойдет под землей через всю Келаду, с факелом в руке, чувствуя над ухом теплое дыхание Чианы, но внезапно коридор закончился тупиком. Охотник поискал слева, нашел щель, надавил рычаг — и стена, закрывающая путь, отошла в сторону. Подземный ход вывел беглецов на небольшую лесную поляну у ручья, к западу от Бетлинка.

В лесу, пропитанном золотистой предзакатной тишиной, ничто не напоминало о тяжелой битве, только со стороны замка доносились победные вопли уттаков. «Ворвались внутрь», — с горечью думал Тревинер, любивший замок, его прочные, бесхитростные постройки, полувоенный уклад жизни его обитателей. Тревинер родился в Келанге, но с детства любил лес и лесную жизнь, поэтому еще мальчишкой перебрался в Бетлинк и с тех пор считал замок своим настоящим, родным домом.

Вскоре на поляне стало тесно от людей. Последним появился Вальборн, закрыл ход и подошел к своему полководцу.

— Что теперь делать, Лаункар? — спросил он. — На Оранжевый алтарь нам не пройти — путь перекрыт уттаками.

— По краю Оккадского нагорья есть пешая тропа. Она ведет на Зеленый алтарь. Когда-то это был кратчайший путь в Оккаду, но сейчас им редко пользуются.

— Здесь нельзя оставаться. До темноты нужно увести людей как можно дальше. Сколько времени займет путь в Оккаду?

— Около недели. У нас раненые, женщины, дети — с ними быстро не пойдешь.

— Лаункар, ты будешь старшим в отряде. Ждите меня в

Оккаде. Если я задержусь, действуйте совместно с оккадским войском — Вальборн огляделся и спросил: — А где мой конь?

— Разве вы не пойдете с нами? — спросил полководец.

— Я поеду в Келангу, к Берсерену. Если он выслал войска для подкрепления, нужно перехватить их в пути.

— А если не выслал?

— Когда он узнает, что случилось, он будет сговорчивей.

Кто-то тронул Вальборна за плечо.

— Ваш конь, мой правитель, — сказал подошедший сзади Тревинер. — У вас кровь на спине. Вы ранены?

— Потом, — отмахнулся Вальборн и взял повод у охотника. — Со мной поедет несколько конников. И ты тоже, Тревинер. Выбери остальных.

Вальборн едва сдержал стон, вскакивая в седло. Рана болела все сильнее. Обычай уттаков окунать наконечники стрел в гниющие трупы животных или убитых врагов делал опасными даже легкие ранения. Превозмогая боль, правитель приказал всадникам, подъехавшим к нему с Тревинером:

— Мы должны как можно скорее попасть в Келангу. Поехали!

Он тронул поводья и направил коня через лес на юг. Группа из шести человек поскакала за ним. Остальные пошли вслед за Лаункаром на запад, туда, где виднелись розоватые вершины Оккадского нагорья.

Всадники скакали всю ночь, невзирая на кромешную тьму, стоявшую в лесу из-за новолуния. Сбавив ход, они продолжали путь, надеясь на свое чутье и везение. Вальборн начал отставать. Его рана воспалилась, каждый шаг коня отдавался болью с головы до ног. Когда на очередном скачке конь споткнулся об упавшее дерево, правитель Бетлинка не удержался в седле и слетел на землю.

Падение осталось в памяти Вальборна, но удара о землю он уже не помнил. Сознание вернулось к нему перед рассветом. В густо-серых сумерках едва виднелись стволы деревьев, на востоке светлел край неба. Вокруг не было ни людей, ни лошадей, ни своих, ни чужих.

Из-за жара Вальборн плохо воспринимал реальность. Он помнил одно — нужно дойти хотя бы до Оранжевого алтаря. Солнце поднялось высоко, затем спустилось к закату, а он все шел через лес, почти бессознательно придерживаясь направления. Ночь он провел в полузабытьи под деревом, а наутро вышел на дорогу, ведущую от Бетлинка к Оранжевому алтарю. Он шел по ней еще полдня, едва различая колею, ощущая себя факелом, плывущим по подземному коридору, пока не упал в очередной раз, чтобы больше не подняться.

На рассвете Тревинер, скакавший первым, заметил, что отряд за ночь сильно уклонился к западу, и подал сигнал остановиться. Всадники, серыми тенями возникающие из-за деревьев, собрались вокруг него. Тревинер поискал взглядом правителя, но увидел только его коня, который всю ночь, повинуясь стадному инстинкту, бежал за отрядом.

— Мы потеряли нашего правителя, господа рубаки! — удрученно воскликнул он. — Кто-нибудь слышал ночью крик или стон?

Все молчали. Можно было только предполагать, где и когда это случилось.

— Вот что, молодцы, — решил охотник. — Поезжайте-ка вы в Келангу, а я своего правителя не брошу. Я отыщу его и догоню вас.

Подъехав к коню Вальборна, Тревинер взялся за уздечку.

— Ну что ты наделал, дрянь! — принялся он отчитывать коня, будто бы тот мог понять его. — Бросил своего хозяина, грифоний ты обед! Моя бы Чи никогда себе такого бы не позволила!

Охотник махнул рукой оставшимся и поехал в обратный путь, прихватив с собой коня правителя.

Следы отряда были хорошо видны в лесу, но Тревинер ехал медленно, боясь пропустить место, где случилось несчастье. Около полудня он нашел это место — траву, примятую от удара тела о землю, и пеший след, ведущий на юг. Охотник ехал вдоль полоски примятой травы весь день, до позднего вечера, пока не был вынужден остановиться на ночлег, чтобы не потерять след.

Утром он снова отправился в путь и к полудню нашел место ночевки Вальборна, а вскоре выехал на дорогу. След был еле виден на утоптанной почве. Охотник напряг внимание до предела, чтобы не прозевать, если след вдруг свернет в лес. Но этого не случилось — к вечеру Тревинер нашел своего правителя лежащим у дороги, в жару и без сознания.

Короткого осмотра хватило, чтобы убедиться, что рана смертельно опасна. У Тревинера оставалась одна надежда — черные жрецы храма Саламандры, которые, по слухам, могли излечивать такие раны. Он поднял Вальборна — сам потом удивлялся, откуда взялись силы, — усадил на коня и привязал ремнями к седлу. Понимая, что не может тратить время на остановки, если хочет довезти своего правителя живым, он гнал коней добрую половину ночи, пока не добрался до Оранжевого алтаря. Дорога привела охотника прямо к воротам храма Мороб. Он соскочил с кобылы и что есть сил застучал в створки ворот.

XIII

Ранним утром, когда солнце еще не коснулось самого высокого из семи куполов храма Мороб, великой Саламандры, богини жизни и смерти, площадь у храма была безлюдна. Спали оранжевые жрецы — исполнители ритуалов храма, жившие в длинном двухэтажном доме, полукругом огибающем площадь, было тихо в доме черных жрецов, стоящем по другую сторону площади, еще не появились слуги и работники из соседнего поселка, не было больных и паломников, ежедневно толпившихся у храма. Две женщины в оранжевых накидках яркими пятнами выделялись на пустынной площади.

Обе были высоки, стройны и пышногруды, с яркими и броскими чертами лица, тяжелыми пучками волос, заколотыми перламутровыми гребнями по последней моде Келанги. Среди оранжевых жриц не встречалось некрасивых женщин. Каждая из них, в легкой пламенеющей накидке без рукавов, закрепленной на плечах драгоценными заколками, в плетеных сандалиях, завязанных у щиколоток, с браслетами в виде саламандры на запястьях, могла бы остановить взгляд любого мужчины. Женщины, еще неразговорчивые и сонные с утра, отдыхали, поставив на мостовую тяжелую корзину с продуктами для завтрака, которую несли из кладовой в кухню.

— Смотри! — одна из жриц дернула за руку другую. — Это она!

Женщина в черной накидке вышла из дома черных жрецов и направилась через площадь к дверям храма великой богини. Обе жрицы следили за ней немигающими взглядами аспидов до тех пор, пока та не скрылась за углом храма. Они одновременно взглянули друг на друга.

— Даже не оглянулась, — прошипела одна. — Она и замечать нас не хочет!

— Очень ей это нужно! — поддакнула другая. — Старик души в ней не чает.

— Да, ее никогда не пошлют на кухню. Ученица самого старика, как же! — фыркнула первая. — А ведь с ее ростом она никогда не стала бы даже оранжевой жрицей, если бы не старик. Ее давно бы выгнали или отослали на другой алтарь.

— Говорят, он передал ей всю свою силу и все умение, — шепнула вторая жрица, опасливо глядя на угол, за которым скрылась прошедшая мимо женщина.

— Чепуха, сила не передается. Это каждый жрец знает.

— А вдруг передается? Если бы старик со мной занимался

столько же, я бы владела магией ничуть не хуже, — жрица вскинула голову с видом, говорившим, что у нее, конечно, все получилось бы гораздо лучше. — Она просто опутала старика, вот и все!

Под стариком имелся в виду Шантор, магистр ордена Саламандры. Он, действительно, был очень стар. Даже пожилые жрецы помнили его таким же, как и сейчас — высоким, белым, худым и никогда не улыбающимся.

Первая жрица, лучше разбиравшаяся в магии, отрицательно покачала головой.

— У нее есть своя сила. Ее время не берет. Она сейчас точно такая же, как и десять лет назад, когда появилась здесь. У нас таким был только Авенар, помнишь? Его тоже время не брало.

— Вот он и умер, когда лечил тяжелого больного, — вторая жрица испуганно покосилась на первую. — Они все так умирают. Нет уж, обойдусь без этой силы!

Первая жрица снисходительно посмотрела на нее.

— Пока она здесь, ты никогда не будешь изображать богиню Мороб на ритуалах. Раньше великую Саламандру представляли оранжевые жрицы, по жребию. А теперь, с тех пор, как ей срезали волосы, кинжал подают только ей.

— Зато она и режет руку для жертвы себе, а не черному жрецу. Жуть! — передернула плечами вторая женщина. — Мой знакомый жрец говорил мне, что богиню должна представлять черная жрица, — сказала она, желая показаться осведомленной. — Сама богиня — она ведь тоже коротковолосая. Они одевали богиней оранжевую жрицу, пока у них не было черных. Ведь мужчина не может изобразить великую Мороб!

— Да она и есть Мороб! — выпалила первая жрица, разозлившись. — В ней нет ничего живого! Когда она режет свою руку для жертвы богине, она ничего не чувствует. Я следила за ее лицом. Она ни с кем не разговаривает, кроме старика, не встречается со жрецами, не наряжается! Самая настоящая богиня смерти!

— Скажи это старику, и ты до конца своих дней будешь мыть пол на кухне, — оглянулась вокруг ее собеседница, почувствовав, что та сказала слишком много. — Идем, солнце осветило уже три купола.

Две женщины, унизив третью и тем самым утвердив свое превосходство над ней, взялись за ручки корзины и понесли свою ношу в кухню. Но черная жрица не притворялась, что не замечает их. Она прошла через площадь, почти беззвучно ступая по камням деревянными подошвами сандалий, и оказалась у расписанной саламандрами двери храма. Ей не понадобилось класть руку на

медный круг магического замка и произносить заклинание, как большинству жрецов — короткого взгляда и мыслеприказа хватило, чтобы двустворчатые двери плавно раскрылись.

Внутри было тихо и пусто, малейший звук приобретал силу и четкость, наполняя собой легкое пространство храма. Благодаря двум ярусам узких, длинных окон, застекленных желто-оранжевой мозаикой, залы храма были наполнены радостным золотистым светом. Жрица миновала первый зал, где днем продавались лечебные амулеты, и оказалась в центральном зале. Дальняя часть зала, приподнятая над полом наподобие сцены, подковообразно изгибалась, переходя в узкие панели у стен. Вдоль панелей располагались двери, ведущие в боковые башни храма, где жрецы лечили больных. На каждой двери была картина с символическим изображением болезни, которую лечили за этой дверью. Из зала на площадку вел ряд широких ступеней.

В глубине площадки возвышалась гигантская статуя богини Мороб. Великая Саламандра сидела на круглой подставке, скрестив ноги и приподняв левую руку навстречу посетителям. Другая ее рука лежала на голове саламандры, символа возрождения к жизни, сидящей справа от богини. Одеяние богини состояло из золотого ожерелья-нагрудника, набедренной повязки, длинный конец которой спускался спереди до пола, и покрывающей голову золотой сетки. Выражение лица богини все время неуловимо менялось благодаря игре света и тени, становясь то грозным, то задумчивым, то благосклонным, то печальным.

Жрица прошла по залу и поднялась по ступеням на площадку перед богиней. Она остановилась, сосредотачиваясь, затем подняла взгляд к окнам верхнего яруса, куда проник ослепительно желтый луч утреннего солнца, и расстегнула на плече заколку, удерживающую накидку.

Легкая черная ткань заскользила вниз по хрупкому телу женщины. Под накидкой на жрице была одежда великой богини, если это можно было назвать одеждой. Зрителей не было, поэтому жрица не надела ни нагрудника, ни золотой сетки. В это утро на ней была только набедренная повязка, закрепленная серебряным поясом, с которого, наподобие короткой юбки, свисали цепочки из эфилемовых шариков. Грудь прикрывали две ажурные серебряные чаши с рубинами в центре, удерживающиеся на цепочках, перекинутых через шею и скрещенных сзади. Женщина нагнулась и распустила завязки сандалий, обвитые вокруг узких щиколоток, затем подобрала накидку и сандалии, чтобы отнести с площадки.

Положив одежду у ног богини, жрица вышла в центр

площадки и встала спиной к статуе. Лицом к великой Саламандре вставали просящие, а она не собиралась ничего просить. Шантор был хорошим учителем, поэтому она точно знала, что просить богиню бессмысленно. Она сама должна была вызвать в себе силу Мороб, чтобы восстановить доступ к магии алтаря.

Впервые магия Оранжевого алтаря стала недоступной в конце зимы, во время дневной хвалы богине. Прямое использование его энергии оказалось невозможным, хотя амулеты действовали, как и прежде. Жрецы объявили людям, что великая Мороб разгневалась, и закрыли двери храма для посетителей. С этого дня они стали лечить людей только с помощью амулетов Саламандры, одновременно отыскивая способ восстановления алтаря. Шантор склонялся к тому, что на алтарь наложено неизвестное ранее заклинание, и сделал это не кто иной, как Каморра. Как-то вечером, при обсуждении очередной неудачной попытки снять заклинание, жрица предложила:

— Я могу исполнить ритуальный танец перед богиней, чтобы попросить ее милости. Может быть, это поможет.

Все головы повернулись к ней. Выражение «просить милости богини» жрецы употребляли не только в разговорах с больными, но и между собой, по привычке заменяя им слово «лечить». В применении к алтарю оно звучало по меньшей мере нелепо.

— Моя ученица не может сказать такой глупости, Лила, — нахмурился Шантор, поняв ее буквально. — Всем нам известно, что статуя богини не имеет отношения к магии. Это украшение храма, больше ничего.

— Разве у кого-нибудь есть еще предложения? — жрица обвела окружающих взглядом.

— Делай, как хочешь, — недовольно сказал Шантор. — Хуже от этого не будет.

Магистр ордена Саламандры не ожидал, что в его ученице сохранилось народное суеверие, говорившее, что исход болезни зависит от милости великой богини. Лила появилась на алтаре около десяти лет назад. Он хорошо помнил, как увидел ее в первый раз — еще совсем девчонку, маленькую и хрупкую, исхудавшую так, что, казалось, ее тонкая шея не выдерживала тяжести узла темных волос, с огромными темно-синими глазами, чуть запавшими и казавшимися от этого еще больше. Девчонка добилась встречи с ним, магистром ордена, и потребовала, чтобы он уговорил великую Саламандру вернуть из мертвых ее друга, сожженного на костре.

Никогда еще магистр ордена Саламандры не чувствовал себя таким беспомощным. Он знал возможности магии, знал и ее пределы, куда меньшие, чем говорилось в народных легендах,

храбро отодвигавших в бесконечность границу возможного и невозможного. Что он мог ответить этой невежественной и суеверной девчонке, которая смотрела на него так, будто бы он был последним, что она видела в жизни? Шантор попытался убедить ее оставить надежду, но девчонка не уходила и не поддавалась ни на какие уговоры. «Какой характер!» — дивился он, с сочувствием глядя на нее. Упорства — качества, совершенно необходимого для мага — в ней было более, чем достаточно. Это навело Шантора на мысль проверить, нет ли у этой малышки магических способностей.

— Ты никак не хочешь понять, что просишь у меня невозможного, — сказал он. — Но мне кажется, что ты тоже можешь овладеть искусством применения магии. Постарайся сделать то, что я попрошу. Если у тебя что-нибудь получится, я сам выучу тебя. Тогда ты сама решишь, мог ли я выполнить твою просьбу.

Она согласилась. Шантор нашел лист бумаги, скомкал и положил перед ней на стол.

— Будь внимательна, дитя мое, — сказал он, усаживая девушку лицом к столу. — Ты должна сильно пожелать, чтобы этот лист бумаги загорелся, и представить себе, как он горит. Соберись и вложи в пожелание всю свою силу, все напряжение, на какое способна. Поняла?

Она ничего не ответила. Шантор зашел сзади и протянул руки так, чтобы они располагались у ее висков.

— Начинай, — скомандовал он.

Поначалу ничего не произошло. Шантор начал делать вращательные движения ладонями, чтобы пробудить магические способности девушки, и в этот момент бумага вспыхнула. Не с уголка, а сразу вся, каждой своей точкой, мгновенно превратившись в пепел.

Шантор удивился. Результат пробы был очень хорош.

— Считай, что ты наша, — сказал он девушке. — Как тебя зовут?

— Лила.

Лила осталась жить при Оранжевом алтаре. С первых дней она завела странную привычку танцевать перед богиней по утрам, когда храм был пуст. Шантору она объяснила, что надеется получить милость богини. Магистр не возражал, подумав, что она оставит это заблуждение, когда больше узнает о магии. Выполняя обещание, он начал обучать девушку магии и вскоре признал, что у него еще не было такой способной ученицы. Лила стремилась к выбранной цели легко и неуклонно, как стрела, выпущенная верной рукой, не отвлекаясь и не тратя времени ни на что другое.

Прошло всего три года, а она уже получила право на жезл Саламандры, а еще через год Шантор понял, что ему больше нечему ее учить.

Наступил день, когда он решил вернуться к разговору, не оконченному четыре года назад.

— Теперь у тебя есть все мои знания, дитя мое, — сказал он Лиле. — Ты умеешь лечить болезни и заживлять раны, вызывать огонь и рассекать камень. Что ты скажешь тому, кто попросит тебя воскресить мертвого?

— Я давно все поняла, отец мой, — ответила она. — Не будем больше говорить об этом.

— Ты хочешь и дальше оставаться у нас?

— Мне некуда идти.

— У тебя достаточно силы и знаний, чтобы быть черной жрицей. Ты согласна принять третье посвящение?

— Да.

Шантор задержал взгляд на роскошных волосах своей ученицы.

— Волосы придется срезать. Тебе не жаль их?

— Мне не жаль и жизни, отец мой.

На другой день в храме состоялся обряд посвящения Лилы в черные жрицы. Ей обрезали волосы и положили на круглую подставку, установленную перед богиней. Лила одним движением руки испепелила всю охапку. Шантор подал ей ритуальный кинжал. Она сделала на запястье косой надрез и протянула руку над подставкой, чтобы капли крови стекли на алтарь, затем провела над раной другой рукой, и рана закрылась. Еще один короткий жест пальцами — и капли крови на подставке исчезли. Испытание было выдержано. Один из жрецов накинул ей на плечи черную накидку.

Сменив предрассудки на знания, Лила не рассталась с привычкой танцевать перед богиней. Ее кровь — кровь прирожденной танцовщицы — требовала выражения в движении, в причудливом рисунке танца. Танцуя, она забывала все, даже несчастье, которое привело ее в храм великой Саламандры. Она вслушивалась в звучащий внутри ритм и выполняла движения и жесты, порождаемые этим ритмом, опустив ресницы, чтобы отгородиться от окружающего мира, лишь интуитивно чувствуя края пространства, в котором вился узор танца. Постепенно ритм и движения приводили ее в глубокое сосредоточение, она концентрировала внимание на источнике магической силы, бывшем здесь, близко, под ногами, и в ее сознании возникал образ лучащегося светом оранжевого шара.

Лила ощущала, как мощный поток струящейся из шара силы

пронзал каждую частицу ее тела, наподобие жара кузницы, или рудоплавильной печи, или костра… но это было уже слишком, и она с ужасом отшатывалась от воспоминания. Шар был большим, в половину человеческого роста, полупрозрачным, и почему-то казался очень тяжелым. Иногда она видела и пространство вокруг шара — темную пещеру, ее своды, освещенные оранжевым сиянием, и кольцеобразный пруд, окружающий шар. В пруду плавали сотни саламандр, гладких и черно-рыжих, как куски оплавленного металла.

Видение повторялось с удивительным постоянством и, несомненно, имело важный смысл. Шар притягивал ее к себе и завораживал, это было увлекательно и жутко. Каждый раз после встречи с шаром Лила чувствовала, что усиливается ее способность воспринимать и передавать магическую энергию, но ничего не рассказывала Шантору, зная, что учитель относится к ее танцам, как к нелепой причуде.

После перекрытия доступа к силе алтаря Лила перестала видеть шар и не могла отыскать видение, как ни старалась. Предлагая Шантору освободить алтарь при помощи танца, она знала, что вызовет недовольство своего учителя, но ей были нужны музыканты, чтобы выполнить задуманное — два флейтиста и два барабанщика, сопровождавшие ритуалы протяжной мелодией. Музыка оказывала стимулирующее действие на жрецов, поэтому Лила надеялась, что с ее помощью разыщет шар и использует для восстановления алтаря.

На следующее утро она надела полный наряд богини, позвала музыкантов в храм и начала танец. Тягучая мелодия помогла ей прочнее удерживать внимание на желаемом видении. Двигаясь под ритм барабанов, переставляя и фиксируя в пространстве ноги и руки, Лила вслушивалась вокруг, улавливая признаки шара, и, наконец, почувствовала, что он здесь. Шар был внизу, под ногами, заключенный в упругую невидимую оболочку. Лила приложила к ней волевое усилие, чтобы заставить исчезнуть. Оболочка поддалась ее усилию и растворилась, от шара пошел знакомый пронизывающий жар магического излучения.

Алтарь был восстановлен. Лила заметила, что отношение черных жрецов к ней переменилось. Раньше ее не принимал всерьез никто, кроме Шантора. Среди жрецов считалось, что женщине недоступно полное овладение магией. После этого случая с ней стали обращаться, как с равной. В сущности, признание мужчин означало, что она превзошла их всех, но Лила равнодушно приняла его, как и раньше была равнодушна к их пренебрежению.

Событие, доставившее столько волнений, жрецам,

повторялось еще несколько раз. Лила выучилась снимать вредное заклинание без помощи музыкантов, хотя поиски скрытого оболочкой шара по-прежнему полностью ее обессиливали. Вчера доступ к энергии алтаря прекратился вновь, его нужно было восстановить до прихода паломников.

Стоя у статуи, Лила сосредоточилась на предстоящем танце. Она закрыла глаза и согнула левую руку перед собой, а пальцы правой приложила ко лбу, приняв ритуальную позу размышляющей богини. Протяжная музыка зазвучала в ее мыслях. Магиня задвигалась в такт, выполняя то плавные, то хлесткие движения, символизирующие гнев и милость Мороб.

Шар, затянутый оболочкой, появился неожиданно быстро. Лила прикоснулась вниманием к оболочке, и в этот миг перед ней пронеслась яркая картина — большой серый замок в лесу, обнесенный стеной с четырьмя башнями. Ворота замка были выломаны, внутри виднелись следы разрушения и огня. Кусок стены стремительно приближался, на нем четко выделялся каждый камень. На стене стоял человек, которого она много раз видела прежде, во дворце Берсерена. Каморра! В следующее мгновение оболочка распалась и видение исчезло.

Лила остановилась и открыла глаза. Она вся дрожала, не от страха или холода, а от лихорадочного возбуждения при встрече с неизвестным. Нужно было немедленно поговорить с учителем, рассказать и о шаре, и о видении. Магиня застегнула пряжку накидки, схватила сандалии и побежала к дому черных жрецов.

— Учитель! — позвала она, остановившись у двери Шантора.

Шантор уже не спал. Он открыл дверь и увидел свою ученицу, трепещущую, с горящими, как у дикой кошки, глазами, с сандалиями, прижатыми к груди.

— Лила! — испугался магистр. — Что случилось?

Он разжал ее руки и заставил отпустить сандалии.

— Я видела что-то странное, отец мой! — задыхаясь, проговорила она.

Шантор ввел ее в комнату, усадил рядом с собой на кровать, обнял хрупкие плечики магини и долго слушал ее путаный рассказ. Она говорила и о шаре, и о пещере с саламандрами, оболочке и последнем видении. В описании замка Шантор узнал Бетлинк. Его ученица никогда не бывала там, но по рассказам наверняка знала, как выглядит замок. «Бедная девочка переутомилась, — с сочувствием думал Шантор. — Она целыми днями не выходит из комнаты для лечения, да и разговоры о войне слишком на нее действуют».

— Я подумаю, что это такое, — сказал он успокаивающе. — Ты освободила алтарь?

— Да.

— Это трудное дело. Ты сегодня достаточно поработала. Больными займутся другие, а тебе нужно отдохнуть. Не ходи сегодня в храм, отвлекись от магии.

Лила заметила, что Шантор не поверил ей, но не стала спорить, а послушно приняла предложение учителя. Она начинала понимать, что проникла за пределы известного жрецам, что нет человека, который объяснил бы это явление, поэтому ей хотелось побыть одной и самой поискать верный ответ.

После завтрака магиня ушла в скалы Ционского нагорья, у подножия которых располагался алтарь. За день она ни до чего особенного не додумалась, но сжилась с мыслью о реальности неведомого и к вечеру вернулась успокоившейся и уверенной в себе.

Ночью ее разбудил стук в дверь. Лила наспех оделась и открыла стучавшему. На пороге стоял Шантор.

— Хорошо, что ты сегодня отдохнула, дитя мое, — торопливо заговорил он. — Идем скорее. В комнате под алтарем есть человек, который нуждается в милости великой богини.

— Как? Прямо сейчас? Ночью? — удивилась Лила.

— Он не может ждать до утра. Все наши уже там, но никто не берется за лечение. Я не хотел тебя беспокоить, но они утверждают, что помочь раненому можешь либо ты, либо никто.

Комната под алтарем находилась глубоко под статуей Мороб, поближе к источнику магической силы. В ней лечили тяжелобольных, которых доставляли туда прямо из храма. У левой ноги великой Саламандры располагался потайной рычаг, поворот которого опускал вниз часть помоста перед богиней и отправлял безнадежно больных просить милости великой Мороб. Жрецы пользовались другим ходом, соединяющим эту комнату и дом черных жрецов. Сейчас проем подземного хода был открыт. Магиня заторопилась вслед за своим учителем, шагающим через ступеньку вниз по лестнице.

Раненый, обнаженный до пояса, лежал лицом вниз на столе посреди комнаты. У его ног стоял треножник с жаровней, где плавилась смола кинии — горной ели, растущей высоко на склонах Оккадского нагорья. Комната была пропитана ее дымом, сквозь который едва просматривались огни светлячков Саламандры и лица жрецов, ожидавших прихода магистра со своей ученицей. Дым обладал многими полезными свойствами и издавна использовался жрецами для возбуждения магических способностей.

Лила редко бывала в этой комнате. Войдя, она всей кожей ощутила близость источника магической силы, пронзавшей ее,

подобно жару огромного костра. В первое мгновение у магини перехватило дыхание от этого жара, но вид лежащего на столе человека заставил ее забыть остальное. На его правой лопатке возвышалась багровая опухоль, распространявшаяся на всю спину. Жар болезни, идущий от раненого, перекрывал излучение алтаря, свирепствуя в неподвижно лежащем теле. Лила подняла взгляд на своего учителя.

— Для него поздно просить милости богини, — сообщила она очевидное. — Жар не только в ране, а захватил его полностью. Я не могу сделать невозможное, отец мой.

Шантор схватил магиню за плечи и взглянул ей в глаза.

— Сегодня ты сделаешь невозможное, дитя мое! — сказал он, пытаясь внушить ей уверенность, которой не имел и сам. — Он должен жить! Это Вальборн, правитель Бетлинка.

— Хорошо, — согласилась она. — Я попробую.

Шантор подошел к стене и положил ладонь на диск магического замка. В стене открылось отверстие, он опустил туда обе руки и вынул золотую сетку. Это была не та сетка, которую Лила надевала на ритуалах, а настоящая, созданная Тремя Братьями. Золотые спирали сетки образовывали сложные переплетения, в центрах которых были закреплены отшлифованные куски желтого эфилема. Сетка снимала защитные барьеры в мозгу мага и позволяла в полную силу использовать магическую энергию. Это свойство было опасным, поэтому сеткой пользовались только в крайней необходимости. Лила знала, что ее не вынимали уже два года, с тех пор, как сняли с головы мертвого Авенара.

Шантор не позволял магине пользоваться сеткой, считая, что она и так не щадит себя. Теперь он сам надел сетку ей на голову — Лила заметила, что руки ее учителя дрожали, — а затем тонкой палочкой раздвинул ее волосы под сеткой, чтобы эфилемовые камни касались кожи. Лила поняла, почему черным жрецам срезают волосы, и тут же забыла эту мысль. Она несколько раз глубоко вдохнула дым кинии и подошла к раненому.

Магиня встала слева от раненого, закрыла глаза и приблизила ладони к середине опухоли. Она остановила внимание на руках и увидела под пальцами полоски ребер, движущихся в ритм дыханию, губчатую мякоть под ними и черное пятно внутри. Черное пятно было источником жара, его следовало убрать. Лила зашевелила пальцами, концентрируя силу, ее руки заискрились оранжевым.

Она не видела того, что видели остальные — как края раны разошлись и наконечник стрелы вышел наружу. Все ее внимание

было направлено на то, чтобы уничтожить жар в ране и затянуть ее. Она потеряла чувство времени, стоя с протянутыми над раной пальцами, с которых струились лучи, уходящие внутрь. Темное пятно постепенно растворялось, становясь все меньше и светлее, но Лила не ослабляла внимания, пока оно не исчезло полностью.

Наверху было утро, когда она откачнулась от стола. Двое жрецов усадили магиню на скамейку у стены, третий поднес жаровню со смолой к ее лицу. Шантор, осмотрев Вальборна, увидел, что рана затянулась полностью, оставив розовый шрам, но грязь с наконечника уттакской стрелы вызвала общее воспаление. Он подошел к своей ученице.

— Лила! — позвал он. — Ты слышишь меня?

Она открыла глаза.

— Ты сделала половину работы, — сказал ей Шантор. — Нужно уничтожить болезнь у него в крови, иначе все будет бесполезно.

— Я не знаю, как это делается, — прошептала магиня.

— Представь, что его кровь — это твоя кровь. Соединись с ней и выжги все лишнее.

Лила встала и снова подошла к столу. Жрецы перевернули раненого на спину, и теперь он лежал лицом вверх. Жар уменьшился, но не исчез полностью. Она протянула руки над грудью раненого, ощутила ток крови и что-то чужое, постороннее в ней, и интуитивно почувствовала, что должна сделать. Собрав воедино силу алтаря, она молнией пропустила ее по своей крови и через руки — по крови раненого.

Бывшие в комнате жрецы увидели, что она с головы до ног засветилась желтым светом, тут же перешедшим на тело, лежащее на столе. Миг спустя сияние погасло, и всем показалось, что наступила тьма.

Лила провела руками вдоль тела раненого, еще не веря, что ей это удалось. Болезни не было. До магини постепенно доходило, что этот человек будет жить, она наклонилась к его лицу, чтобы посмотреть, кого спасла. Раненый открыл глаза — они оказались серыми — и встретился с ней взглядом, в котором появилось возрастающее удивление. Лила отступила назад, чувствуя, что не может даже стоять от изнеможения. Она смутно помнила, как ее подхватили на руки, как кто-то снял с ее головы золотую сетку, как один из жрецов, Цивинга, кажется, нес ее на руках по подземному коридору, пока ее сознание не провалилось в пустоту.

Разбудив жрецов и передав им своего правителя, Тревинер уселся у храма на обломок булыжника и просидел до утра. О тех, кто нуждался в заботе — о раненом и о конях — здесь

позаботились, а его предоставили самому себе. Охотник поглядывал на дверь храма, куда ночью внесли Вальборна, но оттуда никто не появлялся. Вскоре ворота открылись для посетителей, и площадь перед храмом заполнилась людьми. От длинного двухэтажного здания к дверям храма прошла цепочка оранжевых жрецов, вслед за ними потянулись люди, ожидавшие начала утренней хвалы богине. Тревинер поднялся с камня и вошел в храм вместе со всеми. К его удивлению, ни правителя, ни черных жрецов там не оказалось.

У выхода он увидел мужчину в черной накидке. Догадавшись, что перед ним — один из черных жрецов, охотник наскочил на него с вопросами.

— Я отдал вашим моего правителя, они внесли его сюда. Но здесь никого нет! Куда они все пропали?! И где Шантор?

Жрец жестом остановил поток слов охотника.

— Не беспокойтесь, пожалуйста. Они все под землей, чтобы выпросить для раненого милость великой Мороб. Я только что оттуда.

— И долго они там будут?

— Пока богиня не проявит своей милости, — устало ответил жрец. — Или не откажет в милости.

— А она может отказать?! — взвился Тревинер. — Где эта аспидова баба?! Я с ней сам поговорю!

— Вы можете оказать нам всем большую услугу, — жрец повернул Тревинера к выходу. — Не мешайте нам. Поверьте, они делают для раненого все возможное.

Тревинер вышел из храма, слегка обескураженный ледяной вежливостью жреца. До его ноздрей донесся запах, идущий с алтарной кухни. Охотник вспомнил, что в последний раз хорошо поел трое суток назад — утром перед нападением Каморры на замок. Он пошел на запах и без труда отыскал кухонную дверь. В кухне было жарко, стоял густой аромат горячей каши и душистых трав. Две жрицы в оранжевом хлопотали у печи.

— Красавицы! — воззвал к ним Тревинер, обшаривая взглядом кастрюли и полки. — Сжальтесь над бедным охотником! Я три дня в рот ничего не брал, кроме лесных ягод.

Ввалившиеся глаза и запавшие щеки охотника говорили сами за себя. Одна из жриц наложила ему полную миску каши, другая отрезала хлеба и окорока. Каша исчезла с быстротой, удивившей и самого Тревинера. Он недоверчиво поглядел на дно миски и протянул ее за следующей порцией.

Охотник расправлялся с едой, как зверь, не знающий, когда будет есть в следующий раз. Он наелся, когда женщины уже начали терять надежду накормить его досыта, встал из-за стола,

покачиваясь от съеденного, расставил длинные руки и от избытка чувств сгреб их обеих.

— Спасительницы вы мои… как я вас люблю… обеих… — бормотал он в промежутках, чмокая и ту, и другую. — Ягодки вы мои наливные!

Ошеломленные жрицы не сопротивлялись. Лишь когда стукнула входная дверь, они запоздало взвизгнули и шарахнулись от охотника. Тревинер обеими руками послал им воздушные поцелуи и прокричал:

— У меня сейчас дела, красавицы! Но я еще вас найду! — он схватил за плечо вошедшего парня и потащил за собой. — Пойдем-ка со мной, малый, ты мне нужен.

Парень дергался и вырывался, пытаясь что-то сказать, но Тревинер, казалось, не замечал этого. Он извлек парня на площадь, повернул к себе лицом и сказал:

— Покажи, где живет Шантор, и ты свободен. Ясно?

Парень указал на дом черных жрецов. Тревинер выпустил его, отряхнул руки и пошел через площадь.

Наружная дверь дома была открыта. Тревинер пошел по коридору, заглядывая во все комнаты подряд. Людей не было. Сзади раздался звук шагов, и охотник обернулся. Следом за ним шел слуга, заметивший, что в дом черных жрецов проник чужой.

— Эй, ты, иди отсюда! — закричал слуга. — Тебе здесь нечего делать!

— Отстань, я ищу Шантора, — ответил Тревинер, по-прежнему заглядывая в комнаты. — Разве у вас тут никто не живет? Все комнаты пустые.

— Их всего семь человек. А ты убирайся, а то тебе достанется!

— Посмотрим, кому из нас достанется, — откликнулся Тревинер.

Потайная дверь в торцовой стене неожиданно раздвинулась и из проема вышел жрец, несущий на руках маленькую женщину в черной накидке. Ее голова и тонкая рука бессильно свешивались вниз. Увидев Тревинера, жрец нахмурился.

— Почему здесь чужие? — сказал он слуге. — Выставь его отсюда.

Слуга попытался вытащить Тревинера, но тот ухватил его за воротник и отшвырнул в конец коридора.

— Я сам знаю, когда мне уйти, дружище, — он стоял перед жрецом, загораживая дорогу. — А уйду я, когда поговорю с Шантором, не раньше. Где он?

— Пропусти, болван, — сказал жрец, перехватывая поудобнее свою ношу. — Не видишь, что ли?

Тревинер посторонился. Вслед за жрецом из проема вышел высокий белый старик, в котором охотник узнал магистра ордена Саламандры. Шантор грозно взглянул на охотника.

— Кто вы такой? — спросил он.

— Тревинер, к вашим услугам, — оскалился в улыбке охотник. — Я до сих пор ничего не знаю о моем правителе, Вальборне.

— Так это вы привезли его ночью?

— Именно. Надеюсь, я успел вовремя?

— Почти. Его жизнь в безопасности, успокойтесь.

Шантор выглядел усталым и встревоженным, и Тревинер не поверил ему.

— Я должен увидеться с ним… — охотник не успел договорить. Из подземного хода показались двое с носилками, на которых лежал его правитель. Тревинер пошел рядом с носилками и взял Вальборна за руку. Рука была теплой — не чувствовалось ни жара лихорадки, ни холода трупа.

— Мой правитель! Вы слышите меня? — позвал Тревинер.

— Оставьте его, он спит, — вмешался Шантор. — Он здоров, но очень ослаб. Через пару дней силы полностью вернутся к нему.

Носилки внесли в одну из пустующих комнат. Когда Вальборна перекладывали на кровать, он очнулся и открыл глаза. Тревинер метнулся к нему и заглянул в лицо.

— Это ты, Тревинер? — Вальборн чуть заметно улыбнулся.

— Я, мой правитель. Как вы себя чувствуете?

— Жив пока. Как ты здесь оказался?

— Шел мимо и зашел. Как же еще? И не выйду отсюда, пусть они не надеются, — он мотнул головой на жрецов. — Я останусь с вами, мой правитель, вы позволите?

— Позволю. Если не будешь шуметь, — подмигнул ему Вальборн.

— Я буду тише падающего листа, — клятвенно произнес Тревинер. — Слышали? — сказал он жрецам. — Мой правитель позволил мне сопровождать его особу. А вы можете быть свободны.

Оставшись вдвоем с Вальборном, Тревинер осмотрелся. Комната была небольшой и скудно обставленной, единственную кровать занимал его правитель. Охотник взял покрывало, висевшее на спинке кровати, расстелил на полу у окошка, улегся сверху и заснул.

К вечеру их разбудил стук двери. Вошел слуга с подносом, а за ним — Шантор. Слуга поставил поднос на столик и придвинул к изголовью Вальборна. Тревинер вскочил, жадно принюхиваясь.

— А мне?! — возмутился он, подбираясь поближе к

подносу. — Я тоже люблю есть.

Шантор окинул охотника взглядом.

— Кто вы такой, чтобы слуги носили вам еду? — сказал он не без веселья в голосе. — Разве это вы полдня назад были при смерти?

Глаза Тревинера заискрились в ответ.

— Кто я такой? — переспросил он, вытащив из-под ворота рубашки тяжелую цепь, полученную от Вальборна три дня назад, и помахал перед магистром гербом Бетлинка. — А вы как думаете?

Вальборн, чувствовавший себя лучше, приподнялся на локте.

— Отдай ее сюда, Тревинер. Это не игрушка.

Тревинер снял цепь и надел на шею своему правителю.

Шантор молча наблюдал за обоими.

— Идите на кухню, Тревинер, и поешьте там, — во взгляде магистра появилось что-то вроде усмешки. — Жрицы целый день шепчутся о каком-то лихом малом, который с утра был на кухне и чуть не оставил без завтрака весь алтарь. Это не о вас?

Тревинер хлопнул себя по лбу.

— Как же я мог забыть моих красоток?! Бегу! — и выскочил из комнаты. Шантор покачал головой ему вслед, затем повернулся к Вальборну.

— Это он привез вас ночью. Верный у вас слуга!

— Не слуга, — поправил магистра Вальборн. — Мы знакомы с детства. Еще мальчишками вместе безобразничали в окрестностях замка, — по интонации правителя Бетлинка все же было заметно, что он не забывал разницу в происхождении между собой и Тревинером. — Я привык к нему. Поставьте ему здесь кровать, он не будет мне мешать.

Вальборн принялся за еду. Магистр ордена Саламандры завел разговор, ради которого оставался в комнате.

— Вчера нашей жрице было видение — Каморра на стенах Бетлинка, — сказал он Вальборну. — Я не совсем поверил ей — она слишком впечатлительна. Но вот вы здесь, мой друг, и тяжело ранены. Это ведь не простая стычка с уттаками?

Лицо Вальборна исказилось от досады и печали.

— Да, магистр, — выдохнул он. — Какая была битва, сколько наших погибло! Но мы ничего не могли сделать — врагов было слишком много. Теперь уттаки хозяйничают в моем замке, грязные твари!

— Это большое несчастье не только для вас, Вальборн, — голос Шантора звучал устало. — Оранжевый алтарь остался без защиты — ведь мы не держим войск, а платим налог в Бетлинк. Нам нечем противостоять уттакам.

— Я знаю, магистр, — подтвердил Вальборн.

— Дело даже не в том, что я боюсь за жрецов и за соседний поселок, — продолжил Шантор. — Наш алтарь — мощный источник магической силы, и он нужен Каморре. Вы, правители, недооцениваете его значение. Вы забываете о том, что Каморра — сильный маг и сумеет воспользоваться алтарем для своих целей. Я заезжал в Келангу и просил у Берсерена войско для защиты храма, но он только рассмеялся, ответив, что вполне хватит и гарнизона в Бетлинке.

— Я тоже писал ему, чтобы он прислал помощь, но не получил ни ответа, ни войск.

— Есть еще кое-какие тревожные признаки. Пока алтарь снабжает нас магической силой, мы можем отогнать уттаков молниями и огнем. Но Каморра изобрел заклинание, которое делает силу алтаря недоступной.

— Когда я выздоровею, магистр? — встрепенулся Вальборн. — Я ехал в Келангу за подкреплением, но рана остановила меня.

— Через два дня вы будете на ногах, мой друг. Мы сделали все, чтобы исцелить вас, но восстанавливать силы вам предстоит самому. Такова природа, — пояснил Шантор.

— Как только я получу войско, я немедленно вернусь сюда и буду защищать алтарь, — заверил его Вальборн.

— Я надеюсь на вас, — взглянул на него Шантор. — Надеюсь, что вы не опоздаете.

— Послушайте, магистр! — вдруг вспомнил Вальборн. — А кто та женщина, которую я видел? Помню, я открыл глаза, а она склонилась надо мной.

— Как она выглядела?

— У нее были синие глаза, а на голове — золотая сетка. Клянусь фениксом, я не видел женщины прекраснее, чем она.

Шантор слишком хорошо знал свою ученицу, чтобы рассказать Вальборну правду.

— Это была сама богиня, Мороб. Она приходила, чтобы явить свою милость, — ответил он, надеясь на распространенное суеверие.

Вальборн мечтательно улыбнулся.

— Как это я сразу не догадался! Конечно, это была она. Значит, я обязан жизнью самой богине?

— Да, только ей.

— Тем больше у меня причин, чтобы выступить на защиту ее храма.

— Она тоже будет благодарна своему защитнику, как и мы все. — Шантор встал со стула и кивнул Вальборну на прощание.

Вальборн остался лежать в комнате. Вскоре внесли кровать для Тревинера и поставили у окна, и больше его никто не беспокоил. Он вспоминал события последних дней — бой в замке, рану, отступление, лицо женщины, склонившейся над ним. Постепенно его мысли перешли к предстоящей войне с уттаками. Вальборн не думал, что Берсерен откажет в войске, но на всякий случай готовил убедительные доводы для разговора с дядей. В Оккаду не было времени ехать — нужно было послать гонца к Лаункару, чтобы тот привел уцелевших воинов в Келангу. Затем он вспомнил, как Каморра управлял боем, и слова Тревинера о дисках на груди уттакских вождей.

За окном наступила полная темнота, а Тревинер все не появлялся. Вальборн долго лежал в полудреме и начал засыпать, как вдруг услышал грохот падающего стула, оставленного Шантором посреди комнаты, и голос охотника, шепотом вспоминавшего всех аспидов и василисков Келады.

— Кровать у окна, — вполголоса пробормотал Вальборн. Вскоре он услышал скрип кровати, затем опять наступила тишина. Поразмыслив немного, Вальборн решил посоветоваться с охотником.

— Тревинер! — окликнул он, но ответа не было. Охотник уже крепко спал.

XIV

Магистр и Альмарен доехали до Босхана без приключений. Возможно, не последнюю роль сыграло то, что друзья, наученные прежним опытом, не останавливались на ночь ни в деревнях, ни на постоялых дворах, а выбирали для ночлега укромные, безлюдные места на берегу Тиона.

Город ста ремесел, бывший когда-то военной крепостью, не вызывал восхищения своим видом. Он напоминал большой, небрежно застроенный пригород Кертенка с немощеными улицами, пыльными летом и грязными зимой. Сто лет жизни без войн вынудили потомков босханских вояк заняться мирными делами, но не привили им любви к уюту и опрятности. Здесь не были редкостью помои, вылитые в придорожную канаву, и грязные ручьи с текущими по ним ремесленными отходами.

Ни Магистру, ни Альмарену не приходилось до сих пор бывать в Босхане, поэтому они не знали пути ко дворцу правительницы. Они долго пробирались наугад по узким улицам мимо бесконечно тянущихся одинаковых, грубо сложенных каменных домов. Дворовые цепные псы заходились в истерике, учуяв поблизости клыкана, из придорожных канав подымалась вонь и тучи мух. Терпение Магистра истощилось. Он окликнул одного из мальчишек, бегающих по улице.

— Эй, малый, где здесь дворец правителя?

— Там, — парень махнул рукой под углом по направлению, в котором ехали друзья.

— Если хочешь заработать, проводи нас. — Магистр бросил ему медную монету.

Мальчишка пошел впереди, ведя друзей закоулками, еще худшими, чем те, по которым они только что ехали. Вскоре окрестности стали чище, появились более высокие и богатые постройки. Новая каменная мостовая не доходила до конца улицы.

— Трудно было достроить… — проворчал вполголоса Магистр.

— Хозяйкина работа, — отозвался мальчишка. — Ждут войну, потому и не строят.

— Хозяйкина? — переспросил Магистр.

— Да. Правитель у нас погиб, а наследник еще не вырос. А вдова правителя — это и есть хозяйка.

— Ее все так зовут?

— А как ее еще звать, правительницей, что ли? Одно слово — баба! — в голосе мальчишки звучала гордость за весь мужской

пол.

Эти слова раскрыли Магистру трудности Дессы. Женщина-правительница не пользовалась уважением в городе с давними военными традициями, полном потомков отчаянных рубак. Ее терпели до совершеннолетия наследника, и любой мальчишка с чувством превосходства повторял презрительные слова о ней, подслушанные у отца.

Мостовая привела друзей к каменной ограде с воротами, на которых красовался свежевыкрашенный герб Босхана — скрещенные мечи на желтом фоне с синей каймой, перехваченные в центре подковой. Магистр обратился к страже у ворот.

— Я магистр ордена Грифона, и прибыл засвидетельствовать почтение ее величеству. Доложите обо мне.

Один из стражников ушел и вскоре вернулся со слугами. Друзей проводили в приемный зал на втором этаже дворца, где их встретил тучный старик с просторной лысиной. Старик держался важно и с достоинством.

— Нувелан, первый министр ее величества, — представился он.

Друзья приветствовали первого министра Дессы. Тот взглянул на клыкана, следовавшего за Магистром, и сделал замечание.

— Собаку следовало оставить на дворе. Ей не место во дворцовых покоях.

— Он не приучен оставаться один, — возразил Магистр. — Я боюсь и подумать, что он натворит, если меня не будет рядом.

— Полагаюсь на ваше слово, — уступил министр. — Если у вас есть просьба, я готов выслушать вас.

— Вам, вероятно, неточно передали стражники, — сказал Магистр. — Мне хотелось бы встретиться с ее величеством.

— Ее величество сейчас занята, — сообщил Нувелан. — Если вы хотите разговаривать с ней, вам придется подождать.

Магистру плохо удавалась роль человека низшего положения. Он намеревался открыться только Дессе, но с досады пренебрег осторожностью.

— Надеюсь, ее величество не заставит меня дожидаться, пока у нее не появится настроение поговорить со мной. Как мне известно, она ждет вестей из Цитиона? — он многозначительно взглянул на Нувелана.

— Вы правы, — сказал первый министр. — Идемте за мной.

Они спустились к выходу, обогнули дворец и увидели за ним широкую утоптанную площадку. Там собралось окало двух десятков мужчин в шлемах, кольчугах и с мечами. В центре площадки двое вели тренировочный бой, остальные наблюдали за

боем. Нувелан остановился на краю площадки.

— Подождите немного, — сказал он Магистру.

Друзья, не очень понимая, чего здесь можно дождаться, присоединились к наблюдающим. Бой был жарким и вызывал интерес. Один из противников был мощнее и шире в плечах, он со свистом рассекал воздух тяжелым мечом. Другой был гибок и проворен. Его меч был легче, но воин уверенно владел им, легко уклоняясь и отражая удары своего противника. Трудно было сказать, на чьей стороне преимущество.

Вскоре на площадку вышла другая пара. Один из закончивших сражение воинов подошел к Нувелану и снял шлем. Из-под шлема хлынула волна вьющихся рыжих волос, которых хватило бы на три королевских прически. К друзьям повернулось очаровательное женское личико — узкое и смуглое, с легкой горбинкой у переносицы и яркими темно-карими глазами. Десса, правительница Босхана, смотрела на них не волевым взглядом человека, облеченного властью, а взглядом красивой женщины, уверенной, что ей ни в чем не будет отказа. Она была высокой, сильной и стройной, как юноша, и в то же время умудрялась оставаться женственной. Десса благосклонно кивнула друзьям в знак приветствия и обратилась к своему министру.

— Вы не пришли бы сюда без причины, Нувелан. Важное дело, я не ошибаюсь? — ее голос был таким же сильным и красивым, как и она.

— Они из Цитиона, ваше величество, — пояснил Нувелан.

В глазах Дессы мелькнуло понимание.

— О! — воскликнула она, безошибочно взглянув на Магистра. — Я рада!

— Вы прекрасно владеете мечом, ваше величество, — заметил Магистр.

— Правитель должен уметь повести войска в бой. Таков обычай, — ответила Десса. — Скоро мне на деле предстоит доказать, что я достойна править Босханом. Враг не будет делать мне скидок на женскую слабость, значит, и я не могу позволить ее себе.

Магистр не мог не почувствовать уважение к этой стойкой, решительной женщине. Приведя друзей во дворец, Десса сказала:

— Подождите в моем кабинете, пока я переоденусь. Нувелан проводит вас.

Отделка кабинета была подобрана со вкусом и напомнила Магистру Цитион. Вскоре дверь распахнулась, как от ветра, и в кабинет вошла Десса в синем, расшитом золотом парадном платье. Ее волосы были собраны в высокую прическу, заколотую золотыми гребнями. Даже в этом наряде Дессе удавалось быть

подвижной и стремительной. Она нетерпеливо глянула на министра.

— Нувелан, вы свободны.

Тот заметно удивился. Было, видно, что Нувелан тоже намеревался принять участие в беседе, но правительница смотрела на министра в упор, дожидаясь, пока он покинет кабинет, и тому ничего не осталось, кроме как удалиться.

Дверь за министром закрылась. Десса, чуть скользнув глазами по Альмарену, внимательно посмотрела на Магистра.

— У вас есть для меня вести от Норрена? — спросила она.

Магистр вынул из-за пазухи ларец и поставил на стол.

— Наконец-то я от него избавлюсь, — сказал он Дессе. — Трое суток не расставался с ним ни днем, ни ночью. Ларец открывается по магическому слову, в нем письмо и драгоценности.

Десса повторила за Магистром ключевое слово и приложила палец к замку. Ларец открылся. Глаза Дессы радостно блеснули при виде содержимого. Правительница внимательно прочитала письмо, затем погрузила пальцы в драгоценности, прикидывая стоимость.

— Как он щедр, этот Норрен! — произнесла она, но вдруг спохватилась. — Это подарок или в долг?

— Подарок, — успокоил ее Магистр. — Это драгоценности Равенора, он дал их Норрену на военные нужды. Вы знаете Равенора?

— Да, — блеснула глазами Десса. — Я ведь родилась в Цитионе. Я из рода Аллерна, это не последний род на Келаде.

— Один из первых, — подтвердил Магистр.

— Я не просила бы помощи у Норрена, если бы не оказалась в безвыходном положении, — сказала ему Десса. — Я не стала писать о причинах, бумага ненадежна. Норрен доверяет вам, я сделаю то же самое. Я прошу вас передать ему мои слова, и надеюсь на вашу скромность.

— Можете не сомневаться в нас, ваше величество, — заверил ее Магистр.

— У меня было достаточно денег на военные расходы, — начала рассказывать Десса. — Был собран дополнительный налог и пожертвования, но эти деньги были украдены у меня из шкафа. Я не знаю, кого мне подозревать — министров или слуг. Вор до сих пор не найден. Собирать новый налог или отбирать нужные товары бесплатно — это погубит меня как правительницу. Меня и так не любят здесь, поэтому я решилась обратиться за помощью в Цитион. Передайте Норрену, что он спас мое доброе имя правительницы. Скажите, что я бесконечно благодарна ему.

— Скорее всего, у вас эта возможность появится раньше, чем у меня, — ответил Магистр. — Наш путь лежит в Келангу, а не назад в Цитион.

— Разве вы не гонец Норрена?

— Он попросил меня оказать ему любезность и завезти сюда ларец.

— Ах да, вы магистр ордена Грифона, — вспомнила Десса. — Я распорядилась накрыть обед на троих в угловой столовой. Вы расскажете мне, как идут дела у Норрена. Нам лучше вести войну совместно, а не выступать поодиночке.

— Совершенно с вами согласен.

Десса открыла потайной шкаф в стене и уложила туда ларец.

— Простите, ваше величество, — встревожился Магистр. — Деньги пропали из этого шкафа?

— Нет. Я понимаю, что вы имеете в виду, — ответила Десса, закрывая шкаф. — Тот был у меня в спальне, и не был потайным. Он запирался на ключ, который был только У меня. Но ключ был подделан.

Десса повела друзей по коридорам дворца.

— Обычно я обедаю с сыном в главной столовой, — поясняла она на ходу. — Но сегодня мне хочется иметь возможность говорить свободно. Я так давно не слышала правильной речи! Этот ужасный босханский диалект — мне кажется, что скоро я тоже начну гнусавить, как местные жители.

Угловая столовая оказалась светлой и уютной комнатой, обставленной мебелью из светлого дерева, со стенами, обитыми кремовой тканью с вышитыми на ней редкими букетами цветов. Слуга стоял навытяжку у накрытого стола, ожидая распоряжений.

— Это одна из комнат, переделанных по моему вкусу, — Десса обвела комнату рукой, затем обратилась к слуге. — Принесите мяса собаке.

Слуга вышел. Десса села в свое кресло, указав на место справа от себя Магистру, слева — Альмарену. Клыкан устроился на полу между Магистром и правительницей. Она протянула руку, чтобы погладить голову пса, но тот обнажил верхние зубы и издал глухое, утробное рычание. Рука Дессы замерла на полпути.

— Он не любит нежностей, — сказал Магистр. — Он воин, как и мы. Вайк, ты невежлив, — упрекнул он пса.

— Владеть таким псом — привилегия рода Кельварна, — заметила Десса, у которой пропало желание погладить Вайка. — Откуда он у вас?

— Он из личной охраны правителя Цитиона, — ответил Магистр. — Норрен дал нам его в телохранители.

Вошел слуга с кусками сырого мяса на серебряном блюде и

поставил блюдо на пол в углу комнаты. Магистр отправил Вайка угощаться, слуга тем временем разнес еду по тарелкам. Все принялись за обед.

— Как вы узнали о падении Бетлинка? — спросил Магистр у правительницы. — Пришло известие от Берсерена?

— Да. В письме он ругает племянника и просит меня выступить с войсками под Келангу, — Десса слегка вздохнула. — Но я не могу этого сделать — армия еще не готова к выступлению. Мои подданные не простят мне, если я пошлю людей на верную смерть. Если Норрен будет здесь через месяц, как он пишет, мы можем двинуться к Келанге совместно.

Магистр полностью согласился с Дессой. Нельзя было дать Каморре перебить все армии одну за другой. Десса с интересом расспрашивала о подготовке цитионской армии, обсуждала с Магистром сложившееся положение. Она, безусловно, хорошо разбиралась в обстановке на острове.

— После обеда я соберу советников, — сказала она напоследок. — Я уже вызвала их. Вы оба, полагаю, тоже пойдете со мной на совет. Там я распоряжусь полученными драгоценностями. Вы сами услышите, на что пойдет помощь Норрена, и сможете подтвердить, что средства потрачены на дело. До начала совета вам покажут ваши комнаты на третьем этаже. Я приказала подготовить их.

Магистр про себя подивился, сколько же может дать распоряжений женщина, переодеваясь в парадное платье.

— Мы с удовольствием принимаем ваше предложение, — ответил он за себя и за своего спутника.

— Простите мне любопытство, Магистр, — Десса улыбнулась самой очаровательной из своих улыбок. — Вы ведь много разъезжаете в последнее время, бываете в разных местах. Может быть, вы где-нибудь встречали человека по имени Скампада?

Магистр от неожиданности чуть не выронил вилку.

— Он сделал вам что-нибудь дурное, ваше величество? — спросил он, придя в себя.

— Ах, что вы, конечно, нет! — поспешила ответить Десса. — Странно, что такое пришло вам в голову. Он прожил несколько лет у нас во дворце, и вдруг собрался и уехал. Это было еще при моем покойном муже. Такой приятный, воспитанный, утонченный человек!

— Какое совпадение… — пробормотал Магистр. — Я как раз недавно видел его в Цитионе.

— Вы его знаете?! — обрадовалась Десса. — И как он там, чем занимается?

— Он составлял летопись рода Кельварна для Норрена. За

несколько дней до моего отъезда он закончил работу и выехал в Келангу, — сдержанно ответил Магистр.

— Это занятие как раз для него. Какие у него знания, какая эрудиция! Я уверена, что он — замечательный летописец.

— Да, Норрен остался доволен его работой, — признал Магистр.

— Вы ведь едете в Келангу, Магистр? — вспомнила Десса. — Если вы встретите там Скампаду, можете вы ему передать, что ему всегда будут рады в Босхане?

Магистр нахмурился.

— Позвольте мне заметить, ваше величество, что этот человек не достоин вашей благосклонности! — довольно резко сказал он.

Лицо Дессы мгновенно переменилось, ее глаза гневно сверкнули.

— Не позволю! — пылко воскликнула она. — Я пока еще вправе сама распоряжаться своей благосклонностью!

Наступила неловкая пауза.

— Простите, — извинился Магистр, жалея о вырвавшихся словах. — Конечно, это не мое дело.

Десса, казалось, тоже жалела, что проявила излишнюю горячность. Ее взгляд снова стал кокетливо-просящим.

— Вы передадите ему мое приглашение? — продолжила она уговоры с таким видом, будто ничего не случилось. — Дайте мне слово, что передадите.

— Что ж. Если у меня появится возможность, то передам, — сказал Магистр, плохо представляя себе, как это будет выглядеть. — Даю вам слово.

Десса любезным кивком поблагодарила его.

Обед подошел к концу. Десса поручила друзей слугам и унеслась, словно подхваченная порывом ветра. Оставшись с Альмареном, Магистр поделился с ним свежим впечатлением.

— Мне казалось, что на свете не осталось ничего, что могло бы так меня позабавить, — покрутил он головой, прикусывая улыбку. — Она и Скампада — кто бы мог подумать?! — сам он, конечно, не подумал, что его собственная история тоже могла бы показаться Дессе забавной.

Друзей пригласили на совет, когда остальные уже собрались за столом в парадном зале. Во главе стола была сама правительница, справа от нее сидел нескладный подросток лет тринадцати — ее сын. Жидкие прямые волосы и квадратные челюсти мальчика наводили на мысль, что он — вылитый отец, до такой степени он не походил на свою мать. Кроме них, за столом заседали еще пятеро советников. Слева от Дессы сидел

уже известный друзьям Нувелан, за ним — невзрачный, оплывший старик, на лице которого странно выделялся маленький узкогубый рот скобочкой. Впрочем, все советники Дессы были преклонного возраста. Магистр подумал, что правительница не меняла их после гибели мужа.

Моложе других советников выглядел грузный, краснолицый мужчина со шрамом над левой бровью. К нему и обратилась Десса, когда друзей усадили в дальнем конце стола.

— Вы подготовили список необходимых затрат, Вастен?

Мужчина завозился, доставая из-за пазухи свернутую в несколько раз бумагу.

— Кавента помог мне, — сказал он. — Он подсчитал общую стоимость и написал этот список.

— Читайте, — коротко сказала Десса.

Вастен, потея от напряжения, стал читать по складам пункты списка. Он явно привык иметь дело с мечом и конем, а не с грамотой и арифметикой.

— Сто пятьдесят мечей для конников… двадцать телег с лошадьми для подвоза провизии… обмундирование для двух отрядов добровольцев… — бубнил он, — ежедневное содержание армии…

Альмарену, чувствовавшему себя лишним, показалось, что еще немного, и он задремлет прямо здесь, на совете. От скуки он решил проверить наличие амулетов у присутствующих, и для разминки начал с Магистра, сидевшего напротив. Обнаружив у него все, что ожидал — перстень, жезл и камею Грифона — молодой маг перешел к остальным.

После чтения и обсуждения списка Десса объявила советникам:

— С нами за столом сидят двое из Цитиона. Они привезли помощь от Норрена — ларец с драгоценными камнями. Камни нужно будет продать ювелирам. Вы, Нувелан, отыщете ювелиров и приведете завтра во дворец.

Нувелан наклонил голову, показывая, что принял приказание.

— Вы, Вастен, подыщете мечи для покупки, если вы этого еще не сделали. Завтра после обеда подойдете ко мне за деньгами.

Военачальник шумно выдохнул воздух.

— Кавента, вы займетесь обмундированием и лошадьми. Нам нельзя терять времени. Все вы знаете, что Берсерен прислал тревожное письмо из Келанги. — Десса быстро распределила остальные пункты списка между министрами, давая замечания и советы. — А список дайте мне, Вастен. Я проверю стоимость и расчеты.

Десса забрала список у своего военачальника и встала, показывая, что совет закончился. Когда советники разошлись, правительница подошла к Магистру.

— Вы все слышали, Магистр. Если у вас есть замечания, можете их высказать.

— Мне нечего добавить, ваше величество. И Норрен не распорядился бы лучше, — искренне сказал Магистр.

— Мне нужно к завтрашнему дню проверить этот список, — сказала Десса, указывая на бумагу, взятую у Вастена. — Я оставлю вас одних, отдыхайте. Весь дворец в вашем распоряжении.

Она ушла. Магистр и Альмарен переглянулись.

— Энергичная женщина, — заметил Магистр. — Жаль, что ее не любит народ.

— Магистр, помните, вы мне дали совет просматривать каждою на наличие амулетов? — сказал Альмарен, оставив без внимания замечание своего старшего друга. — Я только что применил его на деле, — он многозначительно замолчал.

Магистр, увидев взволнованное, почти торжественное лицо Альмарена, догадался, что тот что-то обнаружил.

— Выкладывай, парень, — сказал он. — Что ты нашел?

— У одного из советников Дессы есть амулет Василиска.

— Ты уверен?!

— Еще бы!

— У кого?

— Она назвала его Кавентой. Он сидел рядом с Нувеланом.

— Какой у него амулет? Камея?

— Нет.

— Жезл?

— Нет. Не гадайте, Магистр, я сам не знаю, что это такое. У амулета совершенно другая энергетика. Это эфилемовый диск. Судя по положению на теле, он висит на груди, на цепочке.

— Что же делать… — задумался Магистр. — Нужно бы предупредить Дессу, но, боюсь, спугнет она этого Кавенту. Слишком горяча. Я попробую поговорить с ней перед отъездом. Пока мы здесь, нужно быть настороже, Альмарен.

На следующее утро друзья начали собираться в путь. Магистр переодевался, как вдруг дверь в его комнату распахнулась, будто от порыва ветра, и на пороге появилась Десса. Увидев Магистра в одной рубашке, со штанами в руках, она замерла на мгновение, потом исчезла за дверью. Магистр натянул штаны и вышел в коридор.

Десса была там. Она стояла, нервно сжимая и разжимая пальцы, ее смуглое лицо было бледнее обычного.

— Вы могли бы послать за мной, ваше величество, — сказал Магистр, подходя к ней.

Какой-то момент ему казалось, что она не может выговорить ни слова.

— Ларец… — сказала она сквозь сжатые губы. — Ларец украден.

Магистр мгновенно посерьезнел.

— Из потайного шкафа? — спросил он.

Десса утвердительно затрясла головой.

— Это не могут быть слуги, — подумал вслух Магистр. — Этот человек хорошо знает, где во дворце могут храниться такие вещи, и знает, как в эти места проникнуть.

Десса вдруг обрела дар речи.

— Это кто-то из моих советников! — догадалась она. — Я чувствовала это! Они хотят выжить меня отсюда, воспользоваться тем, что народ не любит меня. Вот моего мужа народ любил, хотя он был глупец и ничтожество! Не потому, что он хорошо управлял, а потому, что он был так же груб и грязен, как они!

Магистр взял Дессу за локоть, чтобы как-то ее успокоить.

— Храните самообладание, ваше величество. Сейчас переживания — только помеха.

Десса опомнилась.

— Вот-вот должны прийти ювелиры, а ларец пропал! Предложить им свои драгоценности — но у меня почти ничего нет!

— Вспомните, когда вы в последний раз видели ларец? — спросил ее Магистр.

— Я допоздна пробыла у себя в кабинете. Я открывала ларец после ужина, чтобы оценить стоимость камней.

— Значит, это случилось ночью. Ваши министры живут во дворце?

— Конечно, нет. У них свои дома в городе. Они приходят сюда на службу, у каждого есть кабинет во дворце.

— Нужно допросить стражу, кто из министров поздно ушел из дворца.

— Сейчас это невозможно. Стража сменилась утром. Те, кто стоял у ворот вечером, разошлись по домам.

— Тогда придется действовать наудачу, — решился Магистр. — Возможно, вор спрятал драгоценности во дворце — ведь ларец не так мал, чтобы пронести его мимо стражи незаметно. Мой друг вчера обнаружил кое-что, позволяющее подозревать одного из ваших министров. Скажите, кто такой Кавента, что вы о нем знаете?

— Кавента?! — воскликнула Десса. — Он пожалеет об этом!

— Не спешите, ваше величество. Я хочу знать, есть ли у него причины быть недовольным вами.

— Он был казначеем у моего покойного мужа.

— Почему «был»?

— Мне показалось, что он слишком много тратит на содержание дворца. Я взяла казну в свои руки и стала сама решать, какие нужны расходы, а ему поручила выполнять мои решения. Денег сразу стало больше, я смогла начать постройку мостовых в городе. В нем необходимо навести хоть какую-то чистоту. — Десса некоторое время молчала, раздумывая. — Если Кавента прежде и подворовывал, у него не должно быть причин для недовольства — я хорошо плачу ему.

— Вы лишили его большой доли власти, а многим людям это обиднее, чем лишиться денег, — сказал ей Магистр. — Теперь понятно, почему при своем положении он выбрал такой путь. Подождите, я посоветуюсь с другом.

Он заглянул в соседнюю комнату и вызвал Альмарена.

— Ты можешь отыскать ларец с помощью магии? — спросил он молодого мага, посвятив в случившееся. Альмарен огорченно взглянул на Магистра.

— Боюсь, у меня ничего не получится. Ларец — не амулет и не дает магического излучения. А я, увы, не собака, чтобы искать его по запаху.

— Блестящая мысль! — вскинулся Магистр. — Конечно же, собака! Вайк, где ты!

Клыкан, бывший поблизости, вырос рядом с Магистром, как из-под земли. Магистр вынул из кармана тряпку, в которую прежде был завернут ларец, и протянул псу. Тот неторопливо обнюхал тряпку.

— Покажите нам кабинет Кавенты, ваше величество, — сказал Магистр.

Десса стремительно полетела по коридорам. Друзья еле успевали за ней.

— Здесь, — она подергала дверную ручку. — Дверь заперта. Я вызову стражу, будем ломать.

— Не нужно, — остановил ее Магистр: Он сосредоточился на замке, и вскоре запор лопнул. Все вошли внутрь.

— Давай, Вайк, ищи, — подтолкнул клыкана Магистр.

Пес зашнырял по комнате, обнюхивая все подряд. Магистр уже начал сомневаться, что ларец оставлен здесь, когда Вайк остановился в дальнем углу, прижимая нос к выступу стены, и издал звук, похожий на приглушенное уханье.

Магистр, а за ним и остальные подошли к Вайку. Клыкан пытался засунуть нос в тонкую, нитевидную щель на стыке

деревянных пластин, покрывавших стену.

— Что там? — спросила Десса.

— Сейчас узнаем, — Магистр медленно повел рукой по стене. Отыскав под доской потайной замок, он задержал над ним ладонь. Послышался хруст, и дверца потайного шкафа отошла.

Ларец стоял внутри. Десса схватила его и торопливо открыла.

— Все цело! — обрадованно воскликнула она. — Магистр, вы во второй раз спасли меня!

— Ну, допустим, за первый раз следует благодарить Норрена, — напомнил Магистр. — Возьмите Кавенту под стражу, как только он появится.

— Да! — воскликнула Десса. — Я немедленно дам распоряжение. — Она протянула ларец Магистру, интуитивно чувствуя надежность этого сурового с виду человека. — Пусть он побудет у вас, пока не придут ювелиры. Я теперь даже на миг боюсь оставлять его без присмотра.

Магистр взял ларец, завернул в тряпку и уложил за пазуху.

— Мне нужно увидеть Кавенту, когда его схватят, — сказал он Дессе.

Правительница унеслась давать распоряжения стражникам. Магистр и Альмарен вышли в коридор и увидели идущего навстречу Нувелана. С ним было еще несколько человек.

— Что вы здесь делаете? — нахмурился Нувелан.

— Дожидаемся вас, — ответил Магистр. — Ее величество занята, она поручила мне передать вам ларец.

Нувелан отпер дверь своего кабинета и проводил всех внутрь. Когда ювелиры расселись, Магистр открыл ларец и передал Нувелану. Начался торг.

Вскоре в кабинет вошла правительница.

— Вот вы где! — сказала она, увидев Магистра. — Кавента в коридоре.

Бывший казначей стоял связанный между двумя стражниками. Магистр расстегнул ворот его рубашки, нащупал цепь и потянул за нее. На свет показался широкий белый диск с изображением головы василиска. Магистр снял его с Кавенты и передал Альмарену.

— Что это? — спросила Десса.

— Это амулет Василиска, — объяснил Магистр. — Ваш министр служит Каморре куда усерднее, чем вам. Я уверен, что его главной целью было не нажиться, а ослабить вашу армию. Думаю, и прежняя кража — тоже его дело. Как казначей он мог владеть всеми ключами от потайных шкафов дворца.

— Он вернет украденное, — угрожающе сказала Десса. — В темницу его! — приказала она стражникам. — Имейте в виду,

если он убежит, лучше бы вам на свет не рождаться!

Кавенту увели.

— Нам пора ехать, ваше величество, — сказал Магистр.

— Может быть, останетесь здесь еще на несколько дней? — просительно улыбнулась ему Десса.

— Увы, неотложные дела. Счастлив был познакомиться с вами.

— Ах, как жаль, что вы уезжаете, — вздохнула Десса. — Помните, что я ваша должница. Если вам потребуется помощь, обращайтесь ко мне.

Попрощавшись с правительницей, друзья собрались в дорогу и выехали из Босхана. Они миновали мост через Тион и свернули на север, в Келангу.

— Как прав был Норрен, когда говорил, что Вайк будет полезнее десятка стражников! — сказал Магистр едущему сзади Альмарену. — Но и он, наверное, не мог представить, что это произойдет подобным образом.

— Да, конечно, — вяло подтвердил Альмарен. — Магистр, нужно немедленно уничтожить этот амулет. Я понял, для чего он предназначен.

Магистр обернулся к молодому магу и придержал своего Тулана.

— Что с тобой, Альмарен? — встревожился он. — Ты же совершенно зеленый!

Альмарен, как и все сильные маги, был необычайно чувствителен к магическим воздействиям.

— Позеленеешь тут, — ответил он. — От диска идет волевое внушение, направленное на то, чтобы подчинить меня силе, связанной с диском. Я уже устал сопротивляться этому внушению. С моей стороны энергетическая нить амулета не поддается управлению.

— Дай его сюда, — сказал Магистр.

— Это ни к чему, — отказался Альмарен. — Достаточно и того, что он побыл у меня. Понятно, как он влияет на тех, кто не владеет магией. Они не чувствуют его влияния и выполняют его приказы, думая, что действуют по собственной воле.

Он вынул диск из кармана и поднес к нему ладонь. Амулет засветился белым и потускнел, лишившись питавшей его энергетической нити. Альмарен щелкающим движением пальцев разбил диск на мелкие крошки. Осколки посыпались на шею Наля и ниже, на дорогу. Молодой маг облегченно вздохнул.

— Этот диск не мог подчинить тебя воле Каморры? — забеспокоился Магистр. — Не осталось каких-нибудь последствий?

— Конечно, нет, — ответил Альмарен, понемногу оживая. — Мысли, которые он внушает, глубоко чужды мне. Я еще могу получить от него головную боль, но подчиниться — никогда!

— Вот, значит, как Каморра управляет своими сообщниками! — сделал вывод Магистр.

— Да, — согласился с ним Альмарен. — Чем примитивнее человек, тем легче он поддается этому влиянию. Сильнее всего такая магия должна действовать на уттаков.

— Каморра изобрел ее для них, не иначе, — предположил Магистр.

— Если бы можно было разрушить эту магию! — задумчиво отозвался Альмарен. — Ведь без уттаков Каморра — ничто.

XV

Витри и Шемма шли вверх по Большому Тионскому тракту, тянущемуся от устья Тиона до самой Оккады. На тракте было людно. В обе стороны путешествовали пешие и конные, поодиночке и группами, везли товары и гнали скот. Чувство сиротства и бесприютности не покидало Витри — он не привык к постоянной смене невиданных прежде мест и обилию незнакомых людей. Лоанец начал понимать, как надежно его защищали от остального мира стены маленького домика, куда он возвращался с рыбалки, окрестности села, где не встречалось незнакомых лиц, луга и родное озеро. Теперь обжитое пространство сузилось до точки, где был он сам, его односельчанин Шемма, да вислопузая кобыла Мона, которую они с Шеммой по очереди вели в поводу.

За едой Шемма не забывал горестно воскликнуть: — «Буцека ведь моего едим, Буцека!» — От печали его аппетит усиливался, табунщик незаметно съедал свою долю, а за ней и немалую часть доли Витри, и откидывался на траву подремать, вяло отмахиваясь от кусачих насекомых, постоянно его преследовавших. Днем Шемму неутомимо ели слепни, вечером комары, неизвестно в каких щелях сохранившиеся до середины лета. Насекомые пренебрежительно облетали Витри, что весьма озадачивало его.

— Вкусный ты парень, Шемма, — как-то заметил Витри. — Всякая тварь так и норовит отхватить от тебя кусочек.

Шемма воспринял высказывание товарища, как лестное.

— Ем вкусно, потому и вкусный, — рассудительно ответил он. — Ох, и не люблю есть, что попало! Так и не попробовал того паштета в лавке… Небось, не хуже копченого сала тетки Пейи. — Шемма лениво повернул голову к Витри. — А ты, парень, хоть и ешь много, а тощий. Нельзя так.

Витри невольно взглянул на свою руку — сухую, жилистую руку много работающего деревенского паренька.

— Нельзя, думаешь?

— Нельзя. И комары тебя кусать не хотят, и вертихвостка твоя от тебя нос воротит.

— Лайя?! — Витри вдруг осознал, как давно не вспоминал свою кудрявую, веселую Лайю. — Она тебе не нравится?!

— Почему не нравится? Нравится. Видная девка. Но я бы на ней не женился. — Шемма сонно потянулся. — Беспокойства от нее много, а я беспокойства не люблю. Вон мельникова дочка подрастает — пышная, белая. Хозяйственная. Пироги печет — на всю улицу запах. Ее пирогов я бы поел.

Шемма замолчал, смакуя в уме пироги мельниковой дочки.

— В дороге нельзя много есть, ноги не будут легкими, — заметил Витри. — Нам ведь еще идти да идти.

— Разве это жизнь для табунщика — пешком да пешком, — откликнулся Шемма, не привыкший много ходить. — Когда вернемся, как я буду пасти коней без Буцека? Табунщик без коня — это же всему селу на смех!

— Чтобы пасти коней, нужна трава, а чтобы была трава, нужен дождик, — пустился в объяснения Витри. — А чтобы был дождик, сам знаешь, что нужно.

— Знаю, знаю… — пробормотал Шемма, засыпая. После обеда, в самую жару, он имел привычку поспать, и никакие силы не могли заставить табунщика от нее отказаться. Витри не возражал. В жару было трудно идти, да и Моне нужно было попастись.

Через неделю лоанцы поравнялись с Босханом, но не зашли в город, торопясь на Оранжевый алтарь. Они питались едой, купленной в деревнях, располагавшихся вдоль тракта, или заходили в придорожные трактиры. В трактирах было много проезжих людей и брали дорого, но Шемма наотрез отказывался пропустить хотя бы одно такое заведение. Его круглая физиономия млела при виде жирной, горячей пищи, он каждый раз добросовестно наедался в запас, а потом брел за Витри, еле передвигая ноги.

Лоанцы узнали о взятии Бетлинка день спустя, как миновали Босхан. Они обедали в трактире, сидя в душном, темноватом помещении среди других путешественников, жующих и запивающих еду, когда на пороге появился обветренный, запыленный человек в охотничьей куртке и быстрым шагом подошел к стойке. Он потребовал холодного кваса, нетерпеливо стуча монетой по доске. В том, как он вошел, как отрывисто приказывал хозяину, как пил холодный квас, было что-то настораживающее. Разговоры затихли, головы посетителей одна за другой повернулись к вошедшему.

Человек, заметив, что стал центром всеобщего внимания, не удивился. Он обвел глазами трактир и сказал:

— Война, люди. Уттаки в Бетлинке.

Гонец допил залпом остаток кваса и в полной тишине вышел из трактира.

Кто-то выругался, и это сработало как сигнал. Все заговорили разом, громко и разгоряченно, выплескивая тревогу и понося уттаков. Про Каморру никто не знал — все высказывания сводились к тому, что «уттаки в последнее время совсем обнаглели» и «слишком много их развелось — давно не били». Шемма понимающе переглянулся с Витри и промычал ему через

кусок тушеной баранины:

— Каморра… это все он, не иначе…

Упрямое, нахмуренное лицо табунщика говорило, что он занес Каморру в пустующий до сих пор список особо опасных личных врагов.

Вечером Шемма не оплакал, как обычно, своего Буцека, а уселся есть в полном молчании. Витри уже хорошо знал своего товарища и по его напряженному лицу догадывался, что в крепкой голове табунщика под кудрявыми волосами тяжело проворачиваются планы мести Каморре, один другого страшнее. Но, видимо, ни один из планов не оказался стоящим обсуждения, и Шемма улегся спать, ни слова не сказав Витри.

Прошло еще три дня, и лоанцы оказались в окрестностях Келанги. Места здесь были обжитые. Одна деревня сменяла другую, почти не оставалось незасеянных, неокультуренных участков земли. Леса и рощи вдоль берега Тиона сменились садами и огородами, у деревянных причалов теснились десятки лодок, привязанных цепями.

Несмотря на то, что лоанцы видели Цитион, после которого трудно восхищаться другими городами, Келанга все же произвела на них впечатление. Город, построенный из серого и светло-бурого гранита, выглядел просторным, прочным и основательным. Еще со времен Тевилена город застраивался только с разрешения правителя, поэтому его улицы были прямыми, площади широкими, а дома стояли ровными рядами, не выбиваясь из строя и не тесня друг друга.

У северных ворот, рядом с мостом через полноструйный Тион возвышалась смотровая башня, хорошо видимая из любой части Келанги. Через мост проходила дорога, ведущая на Оранжевый алтарь, а затем в Бетлинк. Дальше тянулись леса, называемые Иммарунскими по именам двух больших рек на севере — Иммы и Руны. В этих лесах обитали уттаки, которые прекрасно обходились без дорог.

Лоанцы вошли в город через восточные ворота, украшенные гербом — сеханским кондором, летящим по голубому фону, обведенному красной каймой. Девиз правителей Келанги — «Вижу сверху» — был известен далеко за пределами города. Келанга занимала ключевую позицию в затянувшемся на века противостоянии людей уттакам и успешно справлялась со своей ролью. Со времен Тевилена уттаки только дважды прорывались мимо Келанги в южную часть острова. Они еще появлялись у стен города в первые десятилетия его основания, пока оборона была слаба, но в ближайшем веке со смотровой башни Келанги ни разу не доводилось видеть блеска уттакских секир.

Улица привела Витри и Шемму прямо ко дворцу правителя Келанги. Дворцовые постройки, обнесенные чугунной оградой, были приземисты, но простирались вширь, занимая целый квартал. Главные ворота дворцового квартала выходили на центральную площадь города — просторную и людную, с лавками и гостиницами, трактирами и закусочными. Витри и глазом не успел моргнуть, как Шемма облюбовал трактир, расположенный в полуподвале напротив главных дворцовых ворот. Ему не осталось ничего, кроме как завести Мону во двор и последовать за Шеммой.

— Шемма! — догнал он табунщика у входа. — Подожди ты с едой хоть немного! Сначала нам нужно узнать дорогу на Оранжевый алтарь. Не убежит твоя еда!

Шемма не доверял еде, зная по опыту, что иногда она склонна убегать. Но слова Витри усовестили табунщика и дали иной ход его первоначальным намерениям.

— Не беспокойся, Витри, — заверил он товарища, осматривая трактир. — За этим я сюда и зашел. Я выберу кого-нибудь и разузнаю у него, что здесь говорят о Каморре. Заодно и дорогу расспрошу… ты ведь понимаешь, что разговор вести — здесь подход нужен.

— Представляю, что у тебя за подход, — вздохнул Витри, но Шемма уперся на своем.

— Вон в углу сидит мужик, один. С ним я и поговорю.

Мужик, уже в возрасте и тучный, одиноко приютился в углу, потягивая пиво. Его телосложение понравилось Шемме, который, если пока и не был тучным, то, несомненно, обещал стать им в зрелые годы. Табунщик почувствовал, что с этим-то он легко найдет общий язык, и устремился к его столу.

Витри отстал от Шеммы, подумав, что неплохо бы сначала узнать, с кем имеешь дело. Он обратился к трактирному слуге и спросил, что за человек сидит там, в углу.

— Это нездешний, — ответил слуга. — Я его раньше никогда не видел. Он с неделю, как ходит сюда. Садится один, ни с кем не разговаривает, а пьет себе пиво. Странный тип.

Витри кивнул слуге и пошел вдогонку за Шеммой.

Странный тип был не кто иной, как Мальдек, благополучно добравшийся до Келанги. Неделю назад он добился встречи с Берсереном и привел его в недоумение рассказами о Синем камне, о Каморре и его шпионах, о грозном магистре ордена Грифона, который хочет его, Мальдека, смерти. Правитель с гадливостью смотрел на жирную, трясущуюся от страха тушу каянского мага и пытался сообразить, может ли тот для чего-нибудь пригодиться. Не придя ни к какому выводу, Берсерен на

всякий случай оставил Мальдека во дворце.

Мальдеку выделили комнатенку среди помещений для прислуги, где он и жил все эти дни, съедаемый страхом, пиявкой присосавшимся к его сердцу, и в открытую презираемый слугами, чувствовавшими себя рядом с ним людьми нужными и значительными. Он опустился, его и без того провинциальная внешность стала невзрачной и потрепанной. Теперь его легко можно было принять за привратника в какой-нибудь келангской семье среднего достатка. Мальдек почти не выходил за дворцовые ворота. Его единственной отрадой стала возможность посидеть за кружкой пива в трактире напротив, где никто не обращал на него внимания. Мальдек подолгу просиживал там, неторопливо отпивая из кружки и посматривая по сторонам, нет ли рядом опасности, не появились ли поблизости его преследователи.

Появление в трактире двух новых посетителей не прошло мимо внимания, Мальдека. Он совсем было решил, что эти парни не представляют для него опасности, как вдруг заметил, что они перешептываются и смотрят на него. Мальдек насторожился. Один из парней направился к его столику, а другой о заговорил со слугой, кивая головой в сторону Мальдека.

Шемма между тем подошел к Мальдеку, усердно изображая непринужденное поведение городского жителя, привычного к застольным разговорам.

— Добрый день, почтенный! Хорошее здесь пивко?! — спросил он Мальдека, усиленно улыбаясь.

Мальдек с тревогой уставился на этого неестественно двигающегося и скалящегося крепкого парня. Ему стало не по себе, но он овладел собой и довольно спокойно ответил:

— Ничего пивко, хорошее.

Парень без приглашения уселся рядом, пристально глядя на Мальдека, невольно заерзавшего под его взглядом.

— Нам бы дорогу узнать на Оранжевый алтарь. Мы в этих краях впервые, — доверительно наклонился к нему парень.

— Идите по любой улице, ведущей на север. Когда выйдете к Каяну, отыщете мост. Через него и будет дорога на Оранжевый алтарь, — ответил Мальдек. То, что парень с таким пустяковым вопросом подошел именно к нему, не добавило ему спокойствия. В этот момент к столу подошел второй парень и громко шепнул первому: — «Нездешний он, понял!»

Мальдек тоже понял. Эти двое, несомненно, выслеживали его.

— Не морочьте мне голову своей дорогой, — сказал он, намекая, что его нелегко провести. — Что вам от меня нужно?

Шемма сделал значительное лицо и веско произнес:

— Вы человек с понятием, раз заметили, что мы здесь не

просто так. — Он нагнулся поближе к Мальдеку и понизил голос: — У нас важное поручение, вы понимаете?

— Понимаю, — пробормотал Мальдек. — Вас послали, да?

— Вот именно. — Шемма сделал страшные глаза. — Мы должны оправдать деньги, которые нам дали. Иначе как мы вернемся назад? А в этом деле заинтересованы такие люди!

У Мальдека упало сердце. Конечно, их послали убить его. Но кто — Каморра или Тирский магистр? Он спросил, не справляясь с дрожью в голосе:

— А что… тот, кто вас послал… человек влиятельный?

— Еще какой влиятельный! — живо ответил Шемма, вспомнив Равенора. — Его вся К ел ада знает. Второго такого мага днем с огнем не сыщешь! — он припомнил и чопорных слуг Равенора, своим молчанием поражавших бесхитростную душу табунщика. — А слуги-то у него, слуги — суровый народ, а перед ним рот боятся раскрыть, по ниточке ходят. Я, брат, такого нигде не видел!

Мальдек почувствовал тошноту и слабость. «Ну, конечно же, Каморра! — пронеслось у него в голове. — Шимангу он не простит, можно не надеяться». Он раза два беззвучно открыл рот, и, наконец, выговорил:

— И вас послали… искать человека, да?

Шемма был раздосадован такой непонятливостью. Он сморщился и сказал:

— Да нет же, кого надо мы уже нашли. Осталось только сделать дело. И мы его сделаем… — он замялся, подыскивая клятву пострашнее, и, наконец, извлек ее из обрывков подслушанных в пути разговоров. — Клянусь василиском!

Мальдек охнул. Шемма, довольный произведенным эффектом, наклонился к его уху и зашептал:

— Вы нам скажите, почтенный, нам очень важно знать. Что здесь, в городе, слышно о Каморре?

Мальдек взвизгнул от ужаса.

— Я?! Я сейчас… сейчас схожу разузнаю! — он затрясся и вскочил. — Подождите здесь! Сейчас разузнаю и вернусь!

Он выскочил из-за стола и с необыкновенным проворством понесся к выходу.

Шемма, сияющий и довольный, повернулся к Витри.

— Ну, теперь видишь? Умею я вести разговор?! Он понял, что у нас важное дело. Хоть и нездешний, а вызвался все разузнать.

Витри с сомнением покачал головой.

— Мне показалось, что он чем-то очень испуган. Странно это.

— Ничего странного, — уверенно ответил Шемма. — Каморра — это тебе не кто-нибудь!

Табунщик заказал кружечку пивка себе и Витри, чтобы было сподручнее дожидаться возвращения собеседника. На второй половине кружки дверь в трактир распахнулась и на пороге появился Мальдек, а с ним человек шесть стражников. Мальдек закричал, указывая стражникам на лоанцев.

— Вот они, хватайте их! Это шпионы Каморры! Они сами проговорились!

Растерявшиеся лоанцы не сопротивлялись. Они позволили схватить себя и вывести из трактира. Витри, надеясь, что ужасное недоразумение немедленно прояснится, пытался уговорить стражников.

— Что вы! Опомнитесь! Какие же мы шпионы?

В ответ ему только сильнее выкручивали руки. Шемма вопил сзади, характеризуя стражников словами, далекими от дипломатии. Лоанцев привели в комнату дворцовой охраны, где связали и обыскали. Мальдек, злорадно поглядывая в их сторону, рассказывал начальнику стражи, как опознал и задержал двух опасных шпионов. Витри еще раз попытался объясниться, но Мальдек закричал на него:

— Ты сейчас все, что угодно, придумаешь! Здесь нет таких дураков, чтобы тебе поверить!

Лоанцев отвели в темницу и закрыли за ними дверь на засов. Шемма забарабанил в дверь, отчаянно ругаясь и призывая на помощь. Витри стоял посреди камеры, постепенно осознавая, что случившееся — не кошмарный сон, что они действительно в тюрьме у правителя Келанги как шпионы Каморры. Шемма, наконец, выдохся и сел на койку, а к Витри вернулась способность воспринимать окружающее. Он осмотрелся.

И стены, и пол камеры были сложены из гранитных плит. Вдоль боковых стен размещались две деревянные койки, накрытые травяными циновками. У торцовой стены стоял стол, а на нем кувшин с водой. Другой сосуд, пока пустой, стоял в углу у двери. Небольшое окно под самым потолком было зарешечено чугунными прутьями. Не возникало сомнений, что ни через стены, ни через окно отсюда еще никто не выходил. Витри присел на пустую койку и попытался вспомнить несчастный разговор, который привел их в темницу. Шемма сидел напротив, обхватив голову руками и тяжело вздыхая.

— Не успели мы пообедать, — сказал он с сожалением. — А ты говорил, что еда не убежит! Поесть бы сначала, а потом разговаривать с этим чокнутым.

— Когда мы… если мы выйдем отсюда, я присмотрю, чтобы твой рот открывался только для еды, — ответил ему Витри и обещающе добавил. — Клянусь василиском.

Нельзя сказать, что Кеменер и Скампада получали удовольствие от совместной поездки. Если бы им вздумалось пооткровенничать, каждый мог бы узнать немало интересного. Кеменер был знатоком фактов и подробностей, Скампада лучше разбирался в тонкостях и мотивах человеческого поведения. Оба любителя информации прекрасно дополнили бы друг друга, но они всю дорогу молчали — умение молчать было первым и золотым правилом каждого.

Скампаду, любившего комфорт, нервировала привычка Кеменера ночевать в поле или останавливаться в самых захудалых гостиницах. Кеменера, в свою очередь, возмущала внешность Скампады, бывшего ниже всякой критики с точки зрения незаметности. Шпиона не меньше раздражало и то, что Скампада подолгу распаковывал и упаковывал свой багаж, в несколько раз больший, чем его собственный тощий мешок. Но взаимные интересы обоих были важнее бытовых мелочей, поэтому каждый терпеливо переносил присутствие другого.

Им понадобилось шесть суток, чтобы доехать до Келанги. Известие о взятии Бетлинка заставило Кеменера пересмотреть дальнейший путь. Как и предполагал Магистр, шпион принял решение ехать в Бетлинк, к Каморре. Кеменеру не впервые приходилось пробираться к своему хозяину через уттакские военные стоянки, поэтому он, еще раз критически осмотрев Скампаду с головы до ног, сказал своему попутчику:

— В таком виде, Скампада, вы будете слишком большим соблазном для уттаков. Боюсь, что даже имя Каморры не остановит их. Купите себе другую одежду.

Скампада с неудовольствием поглядел на Кеменера.

— По-вашему, я должен тратиться на всякую дрянь?

— Напрягите ваш здравый смысл, Скампада, — сухо сказал Кеменер. — Такая одежда не разорит вас.

Скампада и сам понимал, что совет Кеменера верен и необходим. Он ворчал из-за отвращения при мысли, что должен надеть на себя рвань. На городском рынке он купил куртку и штаны, которые, по его мнению, годились разве только на то, чтобы мыть полы в трактире, и увязал в скатку поверх одного из мешков. Не задерживаясь в Келанге, Кеменер и Скампада выехали по дороге, ведущей на Оранжевый алтарь, и ехали еще трое суток, пока впереди не показались крыши и сады алтарного поселка, раскинувшегося у подножия Ционского нагорья.

Проехав Оранжевый алтарь, Кеменер остановился и заставил Скампаду надеть обноски, купленные в Келанге.

— Не рано ли? — попытался сопротивляться Скампада.

— Лучше рано, чем поздно, — возразил Кеменер. — Отсюда

до Бетлинка всего полтора дня пути. По моим сведениям, уттаки на этом участке могут встретиться где угодно.

Скампада, содрогаясь от отвращения, натянул грязные крестьянские обноски, но уттаки не встретились ни на этот день, ни на следующий. Дорога шла по сухой местности, где не хватало воды для воинственных скопищ. Уттаки, не участвовавшие в нападении на Бетлинк, стояли правее, в верховьях Иммы, а остатки отрядов, бравших замок, разместились на берегу Руны севернее Бетлинка. Выехав на поляну перед Бетлинком, путники увидели у реки военную стоянку дикарей. Уттакский патруль, сторожи́вший замок, заметил их и отправился наперерез.

Сын первого министра был городским жителем и знал уттаков только понаслышке. Он много читал, в том числе и об уттаках, и хорошо представлял их нравы и обычаи. Описывая уттаков, ни один автор не забывал упомянуть, что им не свойственна ни чистота, ни порядок. Сейчас у Скампады появилась возможность убедиться в этом.

Уттаки злобными криками остановили обоих путников. Кеменер придержал коня и знаком велел Скампаде сделать то же самое.

— Эй, вы! — закричал он, не дожидаясь, пока патруль подойдет вплотную. — Мы к Каморре, к хозяину, поняли! Нас нельзя трогать, или он оторвет вам головы!

Уттаки не обратили ни малейшего внимания на слова Кеменера. Они приближались с наветренной стороны с секирами наготове. Скампада отчетливо почуял вонь, идущую от одежды из звериных шкур, и с содроганием разглядел злобные, дегенеративные физиономии, жадные взгляды, прощупывавшие его мешки.

— Стойте! — опять крикнул Кеменер. — Вы что, не боитесь гнева белого диска?!

На этот раз слова Кеменера подействовали. Уттаки боялись гнева белого диска. Они остановились. Старший шагнул вперед и заговорил, с трудом справляясь с келадской речью:

— Нам надо всех хватать. Чтоб не ходили здесь. И вести к хозяину. — «И сначала ограбить», — добавил его взгляд.

— Идите за нами, если не верите. Мы едем прямо к хозяину.

Кеменер направил коня к воротам замка. Скампада поспешил за ним, каждое мгновение опасаясь, что секира уттака вонзится ему в спину. Он инстинктивно ощутил разбойничью, неуправляемую сущность уттаков, и в глубине его души шевельнулась благодарность к своему спутнику, заставившему его надеть обноски. Всадники проехали через разбитые ворота и оказались во дворе.

Обоим бросилось в глаза, что уттаки изрядно похозяйничали в Бетлинке. В замке не осталось ни одного невыбитого стекла, ни одной несломанной двери. Двор, заваленный обломками и объедками, был невыносимо грязен. Каморра, получив замок, выставил оттуда уттаков, едва только удалось их унять, но вещи уже были разграблены и испорчены, запасы пожраны, и все, что поддавалось действию силы, переломано и испоганено. Повелитель уттаков и его сподвижники поселились в полуразрушенных комнатах замка. Кроме них и уттакских патрулей, в замке никого не было, поэтому территория Бетлинка казалась пустынной и нежилой.

Кеменер и Скампада, опасаясь оставить коней на дворе, завели их через разбитую дверь в просторный зал на первом этаже замка, затем поднялись по лестнице на верхние этажи, отыскивая Каморру. На стене вдоль лестницы висели фамильные портреты владельцев Бетлинка, начиная с Эмбара, основателя замка. Скампада обратил внимание, что лица на портретах нижнего ряда истыканы уттакскими пиками.

На втором этаже им встретился мужчина с белым диском на груди, который проводил их к Каморре. Маг сидел в бывшем кабинете Вальборна и складывал воедино обрывки карты Келады, найденные в замке.

Скампада, не видевший Каморры почти десять лет, отметил изменения во внешности мага, совершенные ходом времени. Маг был все таким же остролицым, сухим и узкоплечим, а его движения — так же резки и угловаты, но в жидких черных волосах появилась седина, напоминавшая потеки птичьего помета на городских крышах. Морщины на лице Каморры, залегающие между бровей и у глаз, идущие в стороны от основания ноздрей, стали глубже, а вокруг тонкогубого, плотно сжатого рта появилось множество мелких радиальных складок.

Заметив вошедших, Каморра поднял голову и выпрямился.

— Явились! — если он и обрадовался, увидев своего лучшего шпиона, то ничем не выдал радости. — А это ты, Скампада! Давно не виделись. Как там Берсерен поживает?

— Я покинул дворец вскоре после вас, — пожал плечом Скампада. — Этот человек давно не интересует меня.

— Ну ладно, Скампада. Приехал — так приехал. Что тебе здесь нужно?.

Скампада хладнокровно выдержал насмешливый взгляд мага. Он понял, что Каморра не знает об его договоренности с Шимангой и считает его человеком, явившимся в Бетлинк в поисках грязной работы.

— Шиманга говорил со мной от вашего имени, — сдержанно

сказал он. — Он поручил мне поиск сведений о магических камнях, известных, как камни Трех Братьев.

В глазах Каморры впервые засветился интерес.

— Раз ты здесь, значит, ты нашел их? — спросил он. — Выкладывай, что у тебя есть.

— Я не все нашел, а кое-что, — Скампада не торопился выкладывать сведения. — И я не привык делать дела в спешке. Мне нужно позаботиться о коне, разместить вещи в комнате, перекусить с дороги, договориться о цене. Если информация нужна, то у нее есть цена, — он вскинул глаза на Каморру.

— А ты все такой же гордец, как и в те времена, у Берсерена, — снисходительно заметил Каморра. — Я не собираюсь торопить вас обоих. Ставьте коней, занимайте любые комнаты. О своей еде позаботьтесь сами. Надеюсь, вы привезли с собой припасы. С едой здесь трудно, уттаки сожрали все запасы замка. Как устроитесь, приходите ко мне, — он отвернулся, переключив внимание на карту.

Кеменер и Скампада отыскали конюшню, сено, комнаты, внесли и распаковали дорожные мешки. Поужинав оставшимися с дороги припасами, они пошли к Каморре.

Комнату мага освещали два эфилемовых шара, похожие на светлячки Феникса, но лучащиеся белым светом. Каморра задержал взгляд на Кеменере, затем обратился к Скампаде.

— Начнем с тебя, Скампада. Что ты узнал о камнях?

— Не так много. — Скампада хладнокровно встретил испытующий взгляд мага. — Я потратил три месяца, чтобы найти хотя бы это.

— Что? — поинтересовался Каморра.

— Я нашел сведения о том, где Красный камень находился около ста пятидесяти лет назад.

— И все? — разочарованно спросил маг. — Где был этот камень?

— Мы еще не обговорили размер вознаграждения, — заметил Скампада.

— Вознаграждение… — проворчал Каморра. — За сведения, которым сто пятьдесят лет…

— За три месяца работы, — опять вставил замечание Скампада. — Мне еще повезло, что я нашел эти сведения.

Каморра неопределенно хмыкнул.

— Шиманга давал тебе задаток?

Скампада стрельнул глазами в стоящего рядом Кеменера. Тот мог знать от Шиманги о размере задатка, и сын первого министра решил не рисковать. Чуть замявшись, он назвал полученную сумму.

— И ты просишь что-то еще? — взглянул на него Каморра.

— Если даже эти сведения было трудно получить, они наверняка ценны, — ничуть не смутившись, ответил Скампада. — К тому же одежда… и уттаки эти. Путешествовать в этих краях — не удовольствие.

Каморра подошел к стене и, направив на нее ладонь, открыл недавно обнаруженный потайной шкаф. Маг не боялся выдать секрет шкафа, так как знал, что ни Скампада, ни Кеменер не владеют магической силой, без которой невозможно открыть защелку. Порывшись в шкафу, он выбрал небольшой мешочек и протянул Скампаде.

Сын первого министра взвесил мешочек на руке.

— Здесь золото? — спросил он.

— Серебро.

Выражение недовольства на мгновение посетило выразительную физиономию Скампады и тут же спряталось внутри, в уголках глаз. Норрен платил не так, совсем не так. Как было хорошо в дворцовой библиотеке правителя — чисто, культурно! А кухня… повара уважали Скампаду и подавали ему еду в красивой посуде, на маленький столик, накрытый белой салфеткой.

Скампада чуть заметно вздохнул. Здесь не следовало ломаться. Унести бы отсюда поскорее и себя, и вещи, и деньги…

— О чем ты задумался, Скампада? — вернул его к действительности Каморра. — Ты считаешь, что этого мало?!

— Достаточно. — Скампада опустил деньги в карман. — Камень был на острове Керн, у подножия вулкана, в глазу идола.

— Далековато, — неодобрительно отозвался маг. — Где доказательства?

Скампада вынул из-за пазухи книгу, украденную в библиотеке Норрена, открыл отмеченную закладкой страницу и показал Каморре.

Маг прочитал страницу, затем осмотрел всю книгу. Она, несомненно, была подлинной.

— Хорошо, — сказал он. — Место укромное. Возможно, камень все еще там.

Скампада вернул книгу за пазуху.

— Ты заберешь ее с собой? — нахмурился Каморра.

— Я не торгую книгами, — ответил Скампада. — Я получил деньги за сведения, а не за книгу.

Каморра хмыкнул. Он хорошо запомнил текст, поэтому не нуждался в книге.

— Я еще не надумал обзаводиться собственной библиотекой, — сказал он Скампаде. — Попробуй предложить ее

мне, когда я поселюсь в Келанге, во дворце Берсерена. Больше ты мне не нужен, Скампада. Можешь идти или ехать куда угодно.

— Мне бы хотелось иметь какой-нибудь знак или слово, чтобы уехать отсюда без риска быть ограбленным уттаками, — потребовал Скампада. — Мало получить деньги, важно их сохранить. Я выезжаю завтра утром.

— Я дам тебе знак, — согласился Каморра, поразмыслив. — У меня есть парочка в запасе. Зайди ко мне завтра, я наложу на него магию.

Скампада вышел. Кеменер спросил вполголоса:

— Почему вы отослали его, хозяин? Он мог бы быть полезен.

— Я знал его раньте. Пока я не у власти, с ним лучше не связываться. Он слишком строптив и независим, соблюдает только свои интересы. Если у него будет возможность выдать меня за деньги, он выдаст.

— Тогда почему вы отпускаете его живым?

— Когда я завоюю остров, он еще пригодится мне. А пока он больше меня заинтересован в том, чтобы никто не знал о наших с ним делах.

Маг выглянул в коридор проверить, не подслушивает ли их Скампада. В коридоре было темно, поэтому он использовал заклинание для видения в темноте. Скампады не было. Каморра применил другое заклинание, для усиления слуха, и услышал шаги Скампады, спускающегося вниз по лестнице. Успокоившись, он вернулся в комнату.

Скампада почти спустился с лестницы, как вдруг замер на полушаге. Внезапная мысль заставила его обернуться назад. Он больше не нужен Каморре, хотя нашел только один камень. Кто же нашел остальные? Кеменер? Скампада пошел обратно, бесшумно опуская на пол подошвы сапог из хорошей мягкой кожи.

Если бы он знал, как трудно остаться незамеченным, подслушивая мага, он отказался бы от своего намерения. Но Скампада не знал этого и встал у двери. Дверь была закрыта, но одна из досок, выбитая уттаками, неплотно прилегала к остальным, образовывая щель, в которую было слышно и видно все происходящее в комнате. По сказанным фразам Скампада понял, что двое в комнате только что начали разговор.

— Значит, Каянский алтарь безопасен, — Каморра, видимо, подытожил сообщение Кеменера. — Тогда почему совет магов собрался именно там?

— Это было желание Шантора и Суарена. Подальше от лесов, чтобы слухи не распространялись.

— Опять этот Шантор… — проворчал Каморра.

— Он влиятелен, — отметил Кеменер. — С Тирского алтаря скоро выйдет обоз с оружием, недели через три, по моим подсчетам. Я был на Тироканском перевале и осматривал дорогу. Вернее всего, обоз пойдет через перевал, а затем южным путем. Через Сехан ему не пройти из-за засухи.

— Значит, нужно ускорить нападение на Келангу, пока обоз еще в пути. Мечи Грифона — опасное оружие. — Каморра задумался. — Если бы у меня был хоть один камень Трех Братьев… Шиманга задерживается, а он должен достать Синий камень.

Кеменер замялся. Каморра нередко бывал несдержан, поэтому шпион опасался быть вестником несчастья.

— Шиманга не вернется, — сказал он, следя за Каморрой. — Он убит.

Каморра вздрогнул. Он шагнул к Кеменеру, шпион поспешно отступил назад. Губы мага сжались в ниточку, крючковатый нос стал еще острее. Каморра не считал Шиманга другом, потому что не признавал слова «дружба». Шиманга был единомышленником, полностью разделявшим его взгляды и планы, единственным, кому он доверял полностью. Большинство помощников Каморры носили белые диски для управления уттаками. О другом назначении дисков — подчинять Каморре волю и желания их обладателей — кроме Каморры, знал только Шиманга, тоже незаурядный маг, по собственным убеждениям проводивший в жизнь намерения своего лидера. Да, это была большая потеря.

Осознав гибель Шиманги, Каморра опустился на стул, стоявший у окна.

— Кто?! — сказал он сквозь зубы. — Кто это сделал?! Клянусь, этот человек будет покойником!

— Мальдек, каянский маг, — осторожно ответил Кеменер. — Он сделал это, чтобы завладеть Синим камнем.

— И завладел? — мысли Каморры вернулись к цели, ради которой погиб Шиманга.

— Завладел, — подтвердил Кеменер. — Сначала — он, а потом — я.

Глаза Каморры вспыхнули, он снова встал со стула.

— Ты привез Синий камень, Кеменер? Где он?

— Привез, — удовлетворенно сказал шпион, вынимая из-за пазухи жезл Аспида. — Он здесь, в головке жезла. Я сам видел, как Мальдек клал его сюда.

Каморра взял жезл и быстро проделал вращательные движения над его головкой, потом поднял верхнюю часть, служившую крышкой.

Синий камень лежал там. Скампада прильнул к щели, чтобы

получше разглядеть источник синего света, озарявшего лицо и руки Каморры. На его счастье, двое в комнате были увлечены разговором.

— Этот камень разыскивает магистр ордена Грифона, — продолжил доклад Кеменер. — Он знает, что камень взял Мальдек, и идет по его следам. Мальдек может догадаться, что камень у меня, и сообщить ему. Последний раз я видел магистра в Цитионе.

— Мальдека нужно немедленно устранить, — сказал Каморра. — А кто такой этот магистр? Ты его знаешь?

— Нет. Но по всему видно, что он — человек высокого происхождения. В нем есть врожденное достоинство, которого не бывает у черни. У меня на это глаз наметан.

Каморра нахмурился. Кеменер вспомнил, что его хозяин — всего-навсего сын оружейника из Босхана, но решил не произносить фразу: «Разумеется, это к вам не относится». Кеменер не любил лгать по пустякам. Болезненное самолюбие Каморры, его непомерно раздутое честолюбие было именно следствием низкого происхождения, и шпион это понимал.

— Нужно немедленно добыть Красный камень. Два камня сведут на нет всю их магию. — Каморра, выбитый из колеи потерей Шиманги, разоткровенничался со своим шпионом, чего не сделал бы при других обстоятельствах. — Не знаю, кого бы за ним послать.

— У вас много людей, хозяин, — заметил Кеменер.

— Много-то много… — раздумчиво произнес маг. — Кого не нужно, тех и много. Мало умных, еще меньше верных. Шиманге я мог бы довериться, но… Для надежности надо бы повлиять на посланца магией, причем с алтаря, родственного Красному камню. Подойдет Белый алтарь и Оранжевый… дело нельзя откладывать.

— У меня все, хозяин, — закончил доклад Кеменер.

Маг подошел к шкафу, вынул кошелек с деньгами и отдал Кеменеру. Скампада, само собой, отметил, что этот кошелек много увесистее полученного им.

— Это серебро? — спросил Кеменер, взвесив на руке кошелек.

— Золото. Я умею ценить хорошую работу.

Кеменер удовлетворенно кивнул.

— Теперь ты поедешь в Келангу, а затем в Босхан, — приказал ему Каморра. — При дворе Берсерена есть человек, который поддерживает меня. Он называет себя моим союзником из Келанги. Это Госсар из рода Лотварна. Поручи ему выследить и прикончить Мальдека. В Босхане узнаешь, что случилось с

Кавентой, казначеем правительницы. На днях я потерял связь с его диском. Сделаешь все и вернешься ко мне.

Скампада почуял, что разговор подходит к концу, и удалился, осторожно ощупывая пространство перед собой, чтобы не зацепить что-нибудь в темноте и не наделать шума. Полученные сведения были смертельно опасны, поэтому он перевел дух не раньше, чем оказался у себя в комнате.

Ночью Скампада долго не мог заснуть. Теперь он вполне осознавал, как опрометчиво было с его стороны заехать в Бетлинк. Поразмыслив, он понял, что ошибка была сделана еще три месяца назад — не следовало связываться с Каморрой. Если бы он так не нуждался тогда в деньгах…

Скампада снова вспомнил Норрена. Правитель, несомненно, благоволил к нему. Еще немного, и можно было бы навести Норрена на мысль, что библиотеке нужен присмотр и уход, что хорошо бы иметь во дворце человека, который постоянно занимался бы ею. Небольшая, уютная комната во дворце, спокойная жизнь на всем готовом — Скампада всегда мечтал об этом. Если бы не Ромбар, который одним словом мог разрушить его надежды, можно было бы вернуться во дворец.

Решение проблемы легко далось Скампаде. Нужно помириться с Ромба ром, заручиться его поддержкой или хотя бы снисходительностью — и желаемое будет достигнуто. Выполнить решение было куда сложнее. Как заслужить расположение Ромбара, человека непростого, принципиального, относящегося к нему, как к смертельному врагу? Помочь отыскать сыну Паландара его девчонку — этого могло оказаться мало. Сегодня случай подбросил Скампаде целую охапку ценных сведений, но воспользоваться ими, не выдав себя, ему пока не представлялось возможным. Неизбежно возникал вопрос — откуда взялись эти сведения, — на который у Скампады пока не было подходящего ответа.

Скампада вспомнил, что через три дня, в первое полнолуние последнего месяца лета, на Оранжевом алтаре состоится ежегодный праздник в честь великой богини Мороб. Сын первого министра и прежде бывал на этом празднике — красивый, торжественный ритуал был впечатляющим зрелищем, на которое съезжались люди со всего острова. В последний раз он приезжал на праздник три года назад и видел то, что утаил от Ромбара в той беседе в библиотеке.

Ритуальный танец исполняла черная жрица храма. Ее волосы прикрывала золотая сетка, лицо было густо загримировано и расписано священными знаками, но он узнал ее по глазам, огромным и глубоко-синим, по взгляду, пристально-твердому, как

у соколенка. Вторых таких глаз не было на Келаде, в этом Скампада был уверен. Если она все еще там, то, конечно, она снова выйдет танцевать перед богиней.

Подумав, что можно будет и полюбоваться ритуалом, и получить сведения, которые помогут смягчить неприязнь сына Паландара, Скампада решил задержаться на Оранжевом алтаре до окончания праздника великой Саламандры. Довольный собой, он успокоился и заснул.

Утром сын первого министра пришел к Каморре за знаком. Тот, странно усмехаясь, протянул Скампаде белый диск с вырезанной на нем мордой василиска, закрепленный на металлической цепи.

— Повесь его на шею, — сказал маг. — И не снимай, а то сила исчезнет. Если уттаки пристанут, покажешь.

Скампада повесил диск на шею, распрощался с магом и вышел. Не задерживаясь, он упаковал вещи, завьючил коня и выехал из Бетлинка.

Каморра с той же странной усмешкой глядел на дверь, за которой скрылся Скампада. Он не сообщил сыну первого министра то единственное заклинание, из-за которого уттаки боялись белого диска. Дикими ордами управляло не почтение к символу, а вполне реальный физический страх. Заклинание вызывало у уттаков корчи, не прекращающиеся, пока человек с диском находился вблизи.

Давать такую силу в руки Скампаде, человеку очень ненадежному, не входило в планы Каморры. Уттаки испугаются одного вида белого диска, а не испугаются — невелика потеря. Если Скампада благополучно минует уттаков, он подпадет под влияние магии белого диска и станет орудием мага, хорошим, орудием. Каморра снова усмехнулся. Приятно, что этот гордец Скампада сам попросил знак.

Скампада ехал лесной дорогой, на нем болтались предусмотрительно надетые крестьянские обноски, поверх которых покачивался белый диск. Уттакский патруль, встреченный у замка, со страхом расступился перед ним. Шло время, замок остался далеко позади, сквозь листву просвечивало теплое солнце, а на сердце у Скампада было тошно. Сын первого министра был человеком спокойным и доброжелательным, ему было свойственно довольство собой и жизнью, но после отъезда из Бетлинка оно не возвращалось к нему. Откуда-то изнутри вылезали черные, удушливые, злые мысли, непривычные Скампаде, грубо вторгавшиеся в его тонко сбалансированный мирок. Скампада не мог понять, откуда берется этот мутный поток, и напрягал волю, сопротивляясь ему, но поток возникал

снова и захлестывал, захлестывал…

Всю ночь ему снились дурные, отвратительные сны. Скампада начинал думать, что поездка в Бетлинк нехорошо сказалась на его нервах. На подъезде к Оранжевому алтарю он остановил коня, снял диск и начал стаскивать с себя обноски, чтобы надеть приличную одежду. В этот момент он заметил, что дурные мысли и чувства полностью исчезли.

Скампада переоделся и с опаской поднял диск. Ему следовало бы раньте догадаться, что в подарках Каморры нет ничего хорошего. Он несколько раз надел и снял диск, сравнивая ощущения, и уловил несомненную разницу. Вывод напрашивался сам собой — диск был носителем злобных, ненавистнических мыслей.

Отложив диск, Скампада огляделся вокруг и сразу же нашел то, что искал — пару увесистых булыжников. Он взял один булыжник, положил диск на другой и тщательно превратил знак Каморры в мелкие крошки, затем сгреб крошки с дороги и вышвырнул подальше в кусты. Вслед за обломками полетела цепь, а за ней — обноски.

Хорошее, безоблачное настроение вернулось к Скампаде. Любовно оглядев мешки, благополучно вывезенные из Иммарунских лесов, он сел на коня и вскоре уже ехал по улицам алтарного поселка в поисках гостиницы, чистой, удобной и недорогой. Скампада не торопился с выбором жилья. На дальнем краю поселка, у самых Ционских скал он отыскал небольшую, опрятную гостиницу с вывеской «Синие скалы» и завел коня во двор.

XVI

Шли третьи сутки заточения, а тюремные власти не беспокоили лоанцев. Витри был скорее рад этому, чем огорчен. В темнице у нею было время подумать, и он понял, что никто не будет им сочувствовать — простым, никому не нужным деревенским парням. Их допросят и, наверное, казнят независимо от того, что они скажут на допросе. Не такие они важные люди, чтобы тратиться на их содержание.

Витри перебрал в уме возможности побега и отклонил их все. Голыми руками не одолеть каменные стены, на подкуп — нет денег. Из темницы лоанцев не выводили, лишь трижды в день приносили еду и раз в день меняли воду. Витри часто вспоминал родное село и Лайю. Он больше не сердился на нее. Даже ее склонность к капризам теперь казалась ему милой и забавной. Сколько дней пройдет, когда их сочтут мертвыми? Когда она перестанет его ждать? За кого она выйдет замуж? Он представлял своих ровесников-сельчан женатыми на Лайе и ни к кому не чувствовал ревности, которую заменила печаль. Больше всего Витри сожалел, что не удалось дойти до Оранжевого алтаря и передать слова Равенора, которые могли помочь селу. Он вспоминал сборы, прощание, внимание и напутственные слова односельчан, и ему становилось куда более горько, чем при мысли о Лайе.

Шемма не догадывался, что им угрожает казнь, а Витри не делился с ним своими догадками. Табунщик шумно вздыхал и громко жаловался на количество и качество тюремной еды. Лишения в еде он приравнивал к лишению свободы и оттого вдвойне возмущался своим положением. Витри уговаривал его вести себя потише, чтобы не привлекать внимания стражи. Он надеялся, что про них забудут, а со временем положение изменится и найдется какой-нибудь выход.

Действительно, про лоанцев пока забыли. Начальник тюремной стражи ждал указаний Берсерена, а тот слишком пренебрегал Мальдеком, чтобы прислушиваться к словам мага. Мальдек, хотя и не мог чувствовать себя спокойно, пока лоанцев не казнят, опасался быть назойливым. Он ждал удобного случая, чтобы напомнить о шпионах, но тут во дворец явился племянник правителя, Вальборн. Берсерен, раздраженный падением Бетлинка, был слишком занят ссорами со своим племянником и снаряжением армии, предназначенной для посылки на Оранжевый алтарь. Расходы были большими, Берсерен был зол, поэтому Мальдек боялся не только о чем-то напоминать, но и

попадаться на глаза правителю.

Ночью Витри, спавший чутко, был разбужен осторожным стуком в дверь темницы. Он вскочил и подбежал к двери. Стук повторился.

— Кто там? — вполголоса спросил Витри, догадываясь, что это и есть та самая удача, на которую он втайне надеялся.

Послышался звук ключа, поворачиваемого в замке, и скрип медленно отодвигаемого засова. Витри кинулся к Шемме, затормошил его, зажал ему рот, чтобы табунщик не вскрикнул спросонья. Шемма приподнялся на койке, ничего не понимая.

— Молчи и слушайся меня, — прошептал ему Витри.

Дверь открылась. В темницу шагнул высокий человек в плаще. Его лица не было видно за накинутым капюшоном, но по осанке и движениям чувствовалось, что это человек сильный и привыкший командовать. Он прикрывал плащом крохотный светлячок Феникса, слабо освещавший пол темницы.

— Вы — люди Каморры? — спросил он, приглушая голос.

— Да, — ответил Витри.

— Но мы вовсе не… — вскинулся Шемма и осекся. Витри в темноте больно поддал ему кулаком в бок.

— Мы не надеялись, что найдется кто-то, кто может освободить нас, — закончил он за Шемму.

— Идите за мной, — сказал вошедший. — Не бойтесь, стража усыплена. Остальное объясню, когда выйдем отсюда.

Лоанцы пошли за своим провожатым, цепляясь друг за друга, нащупывая каждый шаг. Попетляв по коридорам, они вышли через наружную дверь тюрьмы и прошли по дворцовому парку к боковой калитке для слуг.

Калитка была открыта. Мужчина вывел их на улицу, прошел еще немного и свернул за угол. Там стоял человек, держащий двух оседланных и завьюченных коней.

— Вот кони, — сказал им мужчина. — Во вьюках есть все необходимое — одежда, деньги, вещи, припасы. Вы куда направлялись?

— На север, — ответил Витри. — Мы не здешние. Как нам найти дорогу из города?

— По этой улице вниз, к реке. Там свернете налево и вскоре встретите мост, — показал им рукой мужчина.

— Дальше мы знаем, — поторопился сказать Витри.

— Когда будете в Бетлинке, передайте Каморре, что Берсерен со дня на день отправит армию на Оранжевый алтарь.

— Как нам сказать ему, кто помог нам? — спросил Витри.

— Скажете — его союзник из Келанги. Он знает. — Человек в плаще сделал знак другому, и тот передал лоанцам поводья

коней. — На этих конях, если не зазеваетесь, можете не бояться погони. Однако, советую вам за ночь отъехать подальше.

Витри и сам был того же мнения. Он подтолкнул Шемму и вскочил на коня. Вскоре они проехали берегом реки, миновали мост и поскакали на север, по дороге, ведущей на Оранжевый алтарь.

Магистр и Альмарен въехали в Келангу около полудня. Город был хорошо знаком обоим, хотя они давно не бывали в нем. Новым было обилие стражников, то и дело проезжавших мимо, и беспокойное, суетливое поведение людей. Магистр не пожелал задерживаться в городе. Закупив во встречных лавчонках дорожных припасов, друзья направили коней на берег Тиона, к мосту, чтобы продолжить путь на север.

К удивлению обоих, мост был перекрыт группой конных стражников. Старший в группе, седой мужчина с хриплым голосом, подъехал к ним вплотную и сказал:

— Поворачивайте назад. Путь на север закрыт.

— Как это понимать — закрыт? — сухо спросил Магистр. — С каких это пор стало невозможно свободно разъезжать по острову?

— Приказ правителя. Этой ночью из тюрьмы убежали два опасных преступника — шпионы Каморры. Мы их ловим, поэтому путь закрыт.

— Нам нужно проехать. Мы должны быть на празднике великой Саламандры, который состоится через четыре дня.

— Какие еще праздники, когда такое время? — рассердился стражник. — Уттаки вот-вот захватят Оранжевый алтарь, а вам праздник подавай!

— Не вам о нас беспокоиться, — отрезал Магистр. — Мы сумеем сами о себе позаботиться.

На лице стражника промелькнуло подозрение.

— А кто вы такие? — спросил он, впившись в них взглядом.

— Я — магистр ордена Грифона, — сообщил ему Магистр. — А это мой помощник, маг ордена Феникса. А это клыкан Норрена — не советую вам с ним связываться.

— Это мы еще посмотрим… — хмуро сказал стражник, задетый высокомерным тоном Магистра. — Мы как раз ищем двоих — что-то вам уж очень понадобилось на север.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что мы шпионы Каморры, глупец! — рассердился Магистр. — Хорош стражник правителя — не может отличить приличного человека от шпиона. Пропусти-ка нас поскорее!

— Никуда мы вас не пропустим! — уперся стражник, чувствуя за собой право на власть. — Вы поедете с нами во дворец, а там разберутся, шпионы вы или нет. Отдайте оружие!

Магистра нисколько не обрадовала возможность оказаться перед Берсереном в роли обвиняемого в пособничестве Каморре. Зная Берсерена, он был уверен, что тот не упустит случая снова засадить его в темницу или даже казнить как шпиона Каморры. Четверо стражников, хотя и конных, не были неразрешимой проблемой, но оказаться вне закона, превратиться из преследователей в преследуемых в сложившейся ситуации было весьма некстати. Магистр обнажил меч и сделал последнюю попытку решить дело мирным путем.

— У вас есть только один способ завладеть моим мечом? — сказал он. — Но он не принесет вам успеха. Последний раз говорю — пропустите нас добром!

Старший стражник вынул свой меч, остальные проделали то же самое. Стычка казалась неотвратимой. Обе стороны так увлеклись спором, что не заметили двоих всадников, подъехавших с противоположной стороны моста.

— Остановитесь! — раздался сзади негромкий, но уверенный голос. Стражники обернулись. На них смотрел крепкий мужчина лет тридцати, одетый по-господски, и его взгляд был совсем неприветлив. — Что здесь происходит?

— Мы выполняем свой долг, ваша светлость, — поспешно сказал стражник. — Вот эти двое — шпионы Каморры, и оказывают сопротивление.

— Не говорите глупостей, — сердито сказал мужчина. — Неужели вы не можете отличить благородных людей от шпионов? Отпустите их и займитесь своими прямыми обязанностями.

— Простите, но я не знаю вас, ваша светлость, — возразил старший стражник. — Мое дело выполнять приказы, а если я ошибусь, меня накажут. Его величество — суровый хозяин. На кого мне сослаться в случае чего?

— Я Вальборн, племянник его величества, правитель Бетлинка, — холодно перечислил мужчина и приподнял старинную цепь с гербом Бетлинка — отличительный знак его правителей. — Узнаете герб?

— Слушаюсь, ваша светлость! Конечно, ваша светлость! — вытянулся в седле стражник. — Возьмите этих людей под стражу. Это подозрительные люди.

Вальборн грозно посмотрел на стражников и сделал движение головой, отсылая их. Те поторопились выполнить приказание. Когда они удалились, четверо оставшихся подъехали поближе друг к другу.

— Я не знаю, как мне благодарить вас, — сказал Магистр Вальборну. — Если бы не вы, у нас могли бы быть серьезные неприятности.

— Пустяки, — ответил тот. — Терпеть не могу это хамье — стражу моего дядюшки! У меня в Бетлинке не было таких людей и, надеюсь, не будет.

— Магистр ордена Грифона, к вашим услугам, — представился Магистр.

— Я слышал. Вы спешите на праздник, а они могли задержать вас. За оставшееся время вы едва успеваете туда.

— Дело не только в этом. По некоторым причинам я не хотел бы встречаться с вашим дядюшкой, — признался Магистр, почувствовавший симпатию к Вальборну. — Так что я вдвойне обязан вам.

— Охотно верю, — рассмеялся Вальборн. — Сам бы его век не видел. Я здесь три дня, а уже сыт им по горло.

Оба собеседника понимающе переглянулись. Каждый почувствовал в другом человека, близкого по духу, и по мере обмена фразами между ними устанавливалась все возрастающая приязнь. Магистр спешил, но не так, чтобы не пожелать узнать из первых рук о взятии Бетлинка.

— Как вы думаете, не заехать ли нам в какой-нибудь трактир по случаю знакомства? — предложил он. — Мне кажется, у нас будет о чем побеседовать.

— С удовольствием, если вы не боитесь опоздать на праздник, — отозвался Вальборн. — Впрочем, у вас хорошие кони. Это Тревинер, мой помощник, — он указал на своего поджарого, жизнерадостно скалящегося спутника.

Познакомившись, все четверо направились в город в поисках подходящего места для закрепления дружеских отношений. Тревинер, у которого был нюх на такие места, предложил податься на рыночную площадь. Там, среди множества питейных заведений, компания выбрала трактир, показавшийся приличнее других, оставила коней во дворе и разместилась за столом у окна. Альмарен оказался напротив Вальборна, севшего спиной к окну. Магистр, выбравший место у стены, справа от Альмарена, подозвал слугу и заказал вина, хлеба и жареную индейку.

— И кувшин воды, — попросил Альмарен. Он никогда не забывал слов Суарена о том, что вино пагубно действует на магические способности.

— Да ты не умываться ли собрался, парень! — восхищенно воскликнул Тревинер, в любой компании чувствовавший себя как дома. — Вдвоем с тобой, пожалуй, скучновато путешествовать!

Альмарен слегка улыбнулся, показывая, что понял шутку. Вскоре на стол были принесены кружки, тарелки и ножи, подано заказанное — несколько бутылок вина, большая овальная краюха хлеба, толстая румяная индейка на железном блюде, вода в

кувшине. Засветившийся от удовольствия Тревинер выбрал бутылку и наполнил кружки.

Вино оказалось хорошим. Вальборн и Магистр понемногу прихлебывали из кружек, нащупывая нить разговора. Магистр рассказывал новым знакомым о причинах и цели своей поездки. Альмарен запивал индейку водой и все внимательнее прислушивался к рассказу своего спутника, оказавшемуся новостью не только для Вальборна, но и для него.

— Я узнал о положении на острове от Шантора, — говорил Магистр Вальборну. — Он подробно рассказал все на каянском совете магов. Я когда-то владел военным искусством, поэтому решил, что не могу оставаться в стороне от событий.

— Я сразу подумал, что вы — опытный воин, — подтвердил Вальборн. — Этим четверым не поздоровилось бы, если бы они сцепились с вами.

— В такое время глупо расходовать силы на распри, — отозвался Магистр. — Так вот, я приехал в Цитион и был принят Норреном. Мы поговорили, и правитель предложил мне командовать войском конников, но тут пришло известие о нападении Каморры на Бетлинк.

Вальборн поморщился. Горечь поражения еще не остыла в нем.

— Армия Норрена еще не подготовлена к выступлению, — продолжил Магистр. — Каморра опередил всех нас. Мы с Норреном решили, что я съезжу к Шантору, чтобы узнать обстановку и события последних дней, а вернувшись, приступлю к командованию войском. Кроме того, Десса из Босхана попросила помощи. — Магистр в подробностях рассказал о посещении Дессы. Здесь он не боялся что-то выдать, потому что не сомневался, что энергичная Десса успела перевести ценности в деньги, а деньги — в военное снаряжение.

Вальборн слушал Магистра с возрастающим интересом.

— Да, я видел эти диски на уттакских вождях, — возбужденно подтвердил он, когда речь дошла до диска. — И не только на них. Такой диск есть и у самого Каморры, и у его приспешников.

Теперь собеседники поменялись ролями. Вальборн рассказывал о сражении в замке, Магистр внимательно слушал, иногда задавая вопросы. Альмарен тоже ловил каждое слово Вальборна, особенно, когда рассказ касался магии. Лишь Тревинер, для которого события в Бетлинке не были новыми, слушал вполуха, беззаботно опрокидывая кружку за кружкой, и заедал выпивку кусочками индейки, которые понемногу отковыривал от тушки охотничьим ножом. Его гораздо больше

занимало то, что радом с ним сидит человек, предпочитающий воду вину. Сделав еще один хороший глоток, Тревинер повернулся к молодому магу.

— Держу пари, Альмарен, что ты и девочек не трогаешь, — доверительно сказал охотник. — Скучно живешь, парень.

Альмарен подумал про себя, что охотник выиграл пари, но вслух ничего не сказал, а только опустил взгляд в стоявшую перед ним кружку с водой.

— Нужно, парень, чтобы в жизни бывали маленькие радости, — поделился с ним Тревинер, уверенный, что высказывает ценную мысль. — Иначе жизнь получается неинтересная. Я тебе дам хороший совет — ты ведь едешь на Оранжевый алтарь?

Альмарен кивнул.

— Какие там жрицы, приятель! — воодушевился охотник. — Все при них, и умеют ценить настоящих мужчин. Ведь там одни маги, ну, ты понимаешь… тьфу, забыл. Ты ведь тоже маг, — язык Тревинера заплетался. — Ты, парень, не теряйся там, выглядишь ты что надо. Понял?!

— У нас там дела… — извиняющимся тоном сказал Альмарен.

— Одно другому не мешает, — взмахнул рукой охотник. — Удовольствия должны присутствовать в любом деле, как соль в похлебке. Ты можешь себе представить похлебку без соли? Какая дрянь!

Тревинер, покачиваясь, приподнялся со стула и потянулся за бутылкой на другой конец стола. Присаживаясь обратно, он зацепил рукавом остаток индейки, скатившийся со стола вниз, прямо в зубы благодарному клыкану. Охотник щелкнул пальцами свободной руки и подозвал слугу.

— Почему у нас нет индейки? — возмущенно обратился он к слуге. — Разве ты не видишь, что благородным людям нечем закусывать?! Неси немедленно.

Слуга пошел на кухню выполнять заказ охотника. Тревинер перехватил бутылку поудобнее и начал разливать вино. Магистр и Вальборн, увлеченные разговором, машинально взяли кружки.

— А где индейка? — Вальборн, отхлебнув, пошарил взглядом по пустому блюду. — Тревинер?!

Охотник откинулся на спинку стула и оценивающе глянул меж расставленных ног под стол, где клыкан заканчивал свалившийся с неба обед.

— Какая вас интересует, мой правитель? — отозвался он. — Которая уже улетела или которая еще не прилетела? Эти птички такие подвижные, знаете ли!

К столу подошел слуга с дымящейся, только что снятой с вертела индейкой, и заменил пустое блюдо.

— Вот, пожалуйста. Птичка уже здесь. — Тревинер начал разделывать птицу собственным ножом, обжигаясь и дуя на пальцы. Он отковырнул ножку, затем вторую. — Это вам, мой правитель… Это вам, почтенный Магистр… Альмарен, тебе который кусочек?

Указанный кусок плюхнулся на тарелку Альмарену.

— А это что? Печеночка? Изумительно! — охотник затих, всецело занятый крестцовой частью индейки.

— Значит, вы убеждены, что Каморра использовал магию для руководства уттаками? — донеслись до Альмарена слова Магистра.

— Безусловно, — прозвучал ответ Вальборна. — Создается впечатление, что дикари не принадлежат сами себе. Они действуют организованно и не чувствуют страха. Их столько погибло около замка! Обычно они куда больше дорожат собственными жизнями.

— Альмарен, ты все слышал? — спросил Магистр.

— Почти. — Альмарен искоса глянул на охотника, чей рот пока был занят едой. — Можно надеяться, что снятие магического внушения сделает уттаков неуправляемыми.

— Дело за вами, друзья-маги, — сказал им Вальборн. — Уттаков слишком много, чтобы победить их, когда они действуют сообща. По сведениям моих разведчиков, около замка не было и трети всех уттаков. Ищите способ противостоять магии Каморры.

— Мы обсудим это с Шантором, — ответил Магистр.

— Я все рассказал ему, когда был на Оранжевом алтаре. Он ничего не ответил, но я понял, что он в затруднении. Больше всего его беспокоит, что Оранжевый алтарь может достаться Каморре, поэтому я тороплюсь с выступлением.

— Большое войско собрано? — поинтересовался Магистр.

— Две сотни пеших войск, полсотни конников. Берсерен больше не дает. Еще бы сотни две… — вздохнул Вальборн. — Сегодня из Оккады подошли остатки моего отряда, человек пятьдесят. Я послал за ними Тревинера, пока выздоравливал. Войско встало на том берегу реки — когда мы с вами встретились, я как раз ехал оттуда. Мы выступаем завтра, а на Оранжевый алтарь прибудем на другой день после праздника. Жаль, что вы спешите. Я был бы рад, если бы вы составили мне компанию.

Магистр поглядел в окно, за которым наступал вечер.

— Думаю, и нам удобнее ехать вместе с вами, — решил он. — Шантор будет слишком занят в день праздника, чтобы

разговаривать о военных делах.

— Прекрасно, — обрадовался Вальборн. — Вы где остановились?

— Нище. Мы не собирались ночевать в Келанге.

— Тогда поезжайте с Тревинером в наш лагерь. Там и переночуете. А я, к сожалению, должен остаться на ночь во дворце, у дядюшки. — Вальборн криво усмехнулся. — Старый мухомор, наверное, ночь спать не будет, если не отчитает меня за ужином, а сердить его нельзя. Он и так еле согласился выделить войско.

— Почему? — удивился Магистр.

— Он не понимает, как трудно воевать с уттаками, управляемыми магией, и считает, что я сдал замок из-за неумения руководить боем.

Магистр с сочувствием кивнул.

— Мне пора во дворец, — спохватился Вальборн. — Дядюшка взбесится, если я опоздаю к ужину.

Магистр подозвал слугу для расчета.

— Сколько-сколько?! — подскочил Тревинер, услышав названную сумму. — За эту кислятину? — он ткнул пальцем в пустые бутылки. — Моча моей Чианы и то лучше!

— Тревинер! — нахмурился Вальборн. Сумма была несправедливой, но не до такой степени, как слова охотника. — Трудновато тебе будет доказать это. Никто из нас не пробовал мочи твоей кобылы.

— Но, мой правитель, это бессовестная цена! — не унимался охотник. — У честных людей нет лишних денег, чтобы не глядя отдавать их жуликам. Даже вам, мой правитель, не всегда хватает на хорошую выпивку.

— Тревинер! — вспыхнул Вальборн. — Как насчет падающего листа?!

Рот охотника мгновенно захлопнулся. Магистр, которому до сих пор не удавалось вставить слово, сказал, отдавая слуге деньги.

— Я всех приглашал, мне и платить. — Он заметил взгляд, каким Вальборн наградил охотника, и добавил. — А вы не смущайтесь, Вальборн. Правители Бетлинка издавна славятся доблестью, а не богатством. Всем известно, что замок не приносит дохода, а содержится на средства других земель острова.

— Откуда взяться доходам? — уже спокойнее сказал Вальборн. — В моих землях было только одно село, а теперь и оно разграблено. Люди не хотят жить вблизи от уттаков, — слишком опасно. Стал бы я унижаться здесь, в Келанге, если бы у

меня были свои деньги!

— Если исход войны сложится в нашу пользу, нужно будет оттеснить уттаков подальше на север, — заметил Магистр. — Нельзя оставлять им прежние земли, иначе они опять расплодятся.

— Хорошенькое дело! — вмешался воспрянувший Тревинер. — Как это война может сложиться не в нашу пользу?!

Никто не стал спорить с охотником, отдавая должное его оптимизму. Выпивка сделала свое дело — все четверо вышли из трактира закадычными друзьями. Тревинер, несмотря на то, что один выпил больше, чем трое остальных, уверенно вскочил в седло и лихо развернул кобылу.

— Прошу за мной, дорогие друзья! — обратился он к Магистру и Альмарену. — Мой правитель, увы, должен оставить нас.

Друзья поехали за охотником в лагерь, где и устроились на ночлег. Утром они проснулись по звуку рога, поднявшему отряд к выступлению. Вскоре пришел Тревинер и позвал их на завтрак к своему костру.

В отсутствие Вальборна в лагере распоряжался седой немногословный человек. Как узнали друзья, это был Лаункар — военачальник правителя Бетлинка. По окончании дорожных сборов он выстроил воинов и повел к мосту. Войско Берсерена, возглавляемое Вальборном, вышло из северных ворот Келанги, прошло по Тионскому мосту и, приняв в себя отряд Лаункара, двинулось на север.

Витри и Шемма скакали всю ночь. Утром они свернули с дороги в небольшую рощицу, где укрылись на привал. Лоанцы, не расседлывая коней, пустили их пастись по луговине, а сами занялись просмотром содержимого дорожных мешков.

Тот, кто собирал мешки для беглецов, был, конечно, опытен в дорожных делах и предусмотрителен. Здесь лежали новые теплые шерстяные одеяла, простая, но добротная одежда и обувь, топоры, миски, ложки, котелок, огниво и трут. Еда была питательной и не скоропортящейся — неизменные дорожные лепешки на меду и на свином жире, крупы, хлеб, сало, соль. В каждый мешок был положен небольшой кошелек с серебром. Это было неплохо и по меркам среднего жителя Келады, а по лоанским понятиям в мешках лежало целое состояние.

Но самым дорогим подарком союзника из Келанги были кони, пасущиеся на лугу. Человек, с легким сердцем вручивший лоанцам поводья этих коней, без сомнения, придавал первоочередное значение средствам передвижения беглецов. Два прекрасных жеребца походной верховой породы — и этим все

было сказано. Простые, даже примитивные слова «походная верховая» заставляли вздрогнуть и замереть сердце каждого отъявленного лошадника. Кони этой породы не уступали тимайским в резвости и выносливости, но были крупнее и мощнее. Они могли, не выбиваясь из сил, в течение долгих дней везти на себе рослого воина с поклажей. Если тимайского коня еще мог купить процветающий ремесленник или удачливый лучник, взявший приз в состязаниях на меткость, то кони походной верховой породы были исключительно привилегией знати. Они выращивались в хозяйствах древних келадских родов, в конюшнях правителей и редко бывали выставляемы в свободную продажу на рынках. Даже богатые торговцы считали их чрезмерной роскошью, используя для деловых поездок злых и жилистых тимайцев.

Шемма, разобравший, какого коня ему посчастливилось получить, не сводил с него восхищенного взгляда. Он рассеянно рылся в мешке и под напором переполнявших его чувств то и дело обращался к Витри.

— Нет, ты посмотри, какая у него шкура! — вдруг вскидывался табунщик. — Бархат, а не шкура! Ты где нибудь видел такую?

— Не видел, — отвечал Витри, занимаясь костром.

— А ноги-то, ноги! Бабки-то какие!

— Такие-такие, — подтверждал Витри, не оборачиваясь. Ему не хотелось слишком задерживаться на стоянке.

— А грудь! А мышцы! — восклицал Шемма. — Камень, а не мышцы!

— Угу, — подтверждал Витри, помешивая крупу в котелке.

— Мы ведь не отдадим их обратно? — беспокойно спрашивал табунщик. — Он не сказал, что коней нужно вернуть.

— Не знаю, как у тебя, Шемма, а у меня не хватит смелости показаться ему на глаза. Ошибка рано или поздно выяснится. — Витри вспомнил, что без помощи Каморры ему попросту не сыскать этого человека. — Да и кому возвращать? Я не разглядел его.

— Назову-ка я его Буцеком… — замечтал Шемма. — Нет… Буцек — это Буцек. Он ведь тоже был неплохой конь… и добрый. Может быть, Ураган? Или — Грифон?

— Успеешь еще его назвать. Путь у нас неблизкий.

— Да… — согласился Шемма. — Ты только представь, Витри, как мы въедем в село на таких конях! Все упадут! Как ты думаешь, мы с тобой отважные парни? Говорил ведь Тифен…

— Рано об этом думать, Шемма, — остановил его Витри. — Мы еще не на Оранжевом алтаре. Вот поедем обратно, тогда

говори все, что хочешь.

— Да уж совсем немного осталось. На таких-то конях — два дня пути, и мы — на месте. А сколько было трудностей… нет, ты только посмотри, как он ест!

— Ест-ест, — подтвердил Витри. — Давай и мы поедим. Каша готова, а вот дорожные лепешки.

— Мясца бы… — завздыхал Шемма, наполняя миску кашей.

— Приедем на алтарь, поедим и мясца, — утешил его Витри. — Только уж ты не раскрывай там рот попусту, понял?

— Все я понял, — сказал Шемма, — кроме одного. Ну как тому мужику въехало в голову, что мы — шпионы?!

Поев, лоанцы сполоснули миски, засыпали костер и продолжили путь. Дорога была безлюдной, вдоль нее все реже тянулись луга, все чаще мелькали рощи, постепенно сливавшиеся в лесные массивы. Витри, чувствуя близость цели, выжимал все возможное и из себя, и из Шеммы, и из коней. Через день к вечеру лоанцы увидели постройки алтарного поселка.

Поселок состоял из трех длинных улиц, идущих вдоль хребта, плавно спускающегося вниз от скопления голубовато-искрящихся, беспорядочно торчавших ввысь скал Тионского нагорья. Главная площадь располагалась не в центре поселка, как можно было ожидать, а в его нижнем конце, удаленном от подножия скал. Ее окружали крупные дома, принадлежавшие зажиточным торговцам, и обычные в таких местах лавки и трактиры. В полусотне шагов от площади начиналась глубокая деревня с приусадебными участками, птицей и скотиной, разгуливающей по улицам. И все же мест и построек, рассчитанных на прием приезжих, здесь было больше, чем в обычной деревне. В поселке постоянно снимали жилье больные и паломники храма, прибывавшие в эти края для исцеления или поклонения богине.

Храм, обнесенный невысокой каменной оградой, стоял чуть поодаль, на пологом холме. Издали было видно, как много людей на дворе храма и на дороге, ведущей к нему из поселка. Прежде, чем идти к Шантору, лоанцы решили снять жилье, чтобы оставить там вещи и коней, но в гостинице на площади не оказалось свободных комнат.

— Вы слишком поздно приехали, — объяснил лоанцам хозяин. — Завтра праздник великой Саламандры. Съехалось много людей, поэтому гостиница переполнена.

— Что же нам делать? — спросил огорченный Витри.

— Поезжайте на другой конец поселка, — посоветовал хозяин. — Там есть еще одна гостиница — «Синие скалы». Если и там все занято, тогда проситесь в избу или ночуйте в лесу.

Витри и Шемма поспешили на другой конец поселка и вскоре

остановились у небольшой уютной гостиницы. Они спешились и завели коней во двор.

— Комнаты есть, но дорогие, — предупредил хозяин. — Другие все заняты.

— Мы заплатим, — заверил его Витри.

Лоанцы отнесли вещи в указанную комнату, просторную, чистую и хорошо обставленную. Бросив мешок на пол, Шемма потянул Витри с собой на конюшню, чтобы проверить, хорошо ли устроены кони, а заодно еще разок взглянуть на них. Вокруг животных уже хлопотал слуга-конюх, молодой парень.

— Хороши у вас лошадки, — заметил он. — Давно здесь таких не было.

— Мы по важному поручению, — пояснил Витри, пытаясь оправдать несоответствие коней их собственному виду. — Нам нужно повидать Шантора, магистра ордена Саламандры.

— Завтра он вас не примет, — сказал ему конюх. — Завтра праздник, магистру будет не до вас.

— Мы пойдем к нему сегодня, — ответил Витри, которого беспокоила малейшая задержка в деле.

— Сейчас закат — время вечерней хвалы богине. Ворота храма закроют после ее окончания.

— Мы попробуем уговорить жрецов, — высказал надежду Витри.

— А как вы пойдете обратно? — забеспокоился парень. — Здесь, в скалах, по ночам иногда появляются привидения.

— А что это такое? — спросили в один голос Витри и Шемма, никогда не слышавшие о призраках.

— Они ростом ниже людей, но пошире, и одеты в светящиеся балахоны, — начал рассказывать конюх. — Прямо на глазах то появляются, то исчезают. Говорят, это души умерших людей бродят по скалам.

— Они опасны? — спросили перепугавшиеся лоанцы.

— Говорят, если подойдешь к ним поближе, то исчезнешь навсегда. Они-то вновь появятся, а ты — нет! — страшным шепотом ответил конюх.

— Витри, нам лучше подождать конца праздника, — твердо сказал Шемма. — Сходим на праздник, выспимся, а с утречка и пойдем.

Это оказался один из тех редких случаев, когда Витри полностью одобрил предложение Шеммы. В самом деле, что значили какие-то сутки ожидания после недель долгого и трудного пути!

— Ладно, Шемма, — согласился он. — Так и сделаем. Сейчас поужинаем — и спать, а завтра — на праздник.

Шемма важно повернулся к конюху, в полной мере ощущая разницу между этим парнем и собой, хозяином такого великолепного коня.

— Ты травой их не корми! - начал он поучения. — Мерку овса и пшеницы пополам, ясно!

— Как же, конечно, — уважительно ответил парень.

— И воду давай не из колодца, а подогретую. Да почисти их как следует, чтобы шерсть блестела.

Парень принял все к исполнению, и успокоенный Шемма увел Витри из конюшни. Поужинав, лоанцы обсудили слова конюха, поглядели в окно, выходившее прямо на скалы — нет ли там привидений, и улеглись спать в ожидании завтрашнего праздника.

XVII

Витри и Шемма проспали допоздна в мягких удобных постелях. Слуга принес им полотенца, таз и кувшин с водой для умывания, затем подносы со свежеприготовленным, по-деревенски сытным завтраком. На подносах была горячая яичница с ветчиной, свежие круглые хлебцы, масло и плотный мягкий сыр, душистый чай из трав. Шемма блаженствовал, уминая завтрак. Такая жизнь нравилась ему.

— Эй, парень! — обратился он к слуге. — Мы еще не проспали праздник?

— Не волнуйтесь, мы бы подняли вас вовремя, — успокоил его слуга. — В день праздника не бывает утренней хвалы богине. Торжественный ритуал начнется в полдень и будет продолжаться до заката солнца. Вам некуда торопиться, господа.

Шемма просиял на слове «господа» и важно кивнул слуге. Позавтракав, лоанцы вынули из мешков одежду, полученную от союзника из Келанги, чтобы одеться на праздник. Это была обычная одежда человека среднего сословия, но им еще не приходилось носить ничего лучшего. Шемма бережно расправил куртку, огладил штаны, затем, поразмыслив, пригладил руками свои кудрявые светлые волосы, обычно стоявшие торчком. Одежда оказалась велика Витри, но он вышел из положения, подвернув рукава и штанины. Праздничное настроение постепенно овладевало обоими лоанцами.

В коридоре им встретился изящный господин, которого они хорошо помнили по Цитиону. Скампада был опрятен, как всегда, и одет изысканно и щеголевато. Для праздника он выбрал свой лучший костюм — светло-серый, отделанный серебром — тот самый, в котором появлялся во дворце правителя Цитиона. Шемма, на этот раз чувствовавший себя в некоторой степени равным Скампаде, все же ощутил в груди что-то вроде восхищенного трепета. Он расцвел и приветствовал Скампаду, как старого знакомого.

— Это вы, молодые люди? — слегка удивился Скампада. — Очень, очень рад, — он дружелюбно раскланялся с лоанцами. — Вам удалось выполнить свое дело?

— Нет еще, — ответил Шемма, — но мы у цели. Завтра, после праздника, мы будем разговаривать с магистром ордена Саламандры.

— Очень рад за вас, — вежливо кивнул Скампада. — Я вижу, ваши дела идут хорошо. Вы сейчас на праздник? Думаю, рановато еще идти в храм. Ритуал будет долгим.

— Мы здесь впервые, — широко улыбнулся табунщик. — Походим, посмотрим. Нам не в диковинку целый день быть на ногах.

— Приятного вам времяпровождения! — пожелал Скампада и скрылся за дверью соседней комнаты.

— Видел? — повернулся Шемма к Витри. — И он здесь. Идем скорее в храм. Конечно, сегодня там будут благородные господа со всего острова! — табунщик еще раз пригладил успевшие встать торчком кудри и бодро направился к выходу. Витри, во время разговора Шеммы со Скампадой так и не решивший, толкать ли в бок своего спутника, последовал за ним.

Лоанцы пошли вниз по улице мимо кур, коз и смирных, привычных к посторонним сельских собак. Вскоре они оказались у храма. Несмотря на то что праздник еще не начался, за оградой храма было людно. На площади шла оживленная торговля магическими поделками, изготовленными жрецами. Шемма и Витри углубились в беспорядочно двигающуюся толпу и быстро потеряли друг друга из вида.

Шемма, не купивший когда-то Сейенову собачку, сегодня был с деньгами и усердно наверстывал упущенное. Его в самое сердце поразило зрелище корзины, наполненной светлячками Саламандры, сияющими подобно осколкам заходящего солнца. Табунщик купил крупный ярко-оранжевый светлячок, затем его внимание было привлечено магическим огнивом, вспыхивающим по слову. Чуть подальше Шемма набрел на украшения, бывшие одновременно и амулетами, сохраняющими здоровье владельцу. Какая-то мысль, может быть, о скором и триумфальном возвращении в село, вызвала многозначительную улыбку на лице табунщика. Он выбрал круглые темно-красные бусы, расплатился и спрятал их за пазуху. Если бы Витри увидел эту покупку, он без труда догадался бы, какой восторг она вызовет у мельниковой дочки.

Но Витри не видел покупательского рвения своего товарища. Он ходил по рядам, рассматривая поделки с любопытством, но без жажды обладания. У стены храма Витри заметил жреца в черной накидке, с коротко обрезанными волосами, сидящего на чурбачке. Перед ним на крохотном столике лежали три или четыре небольшие вещички. Люди подходили, спрашивали что-то и отходили не задерживаясь. Витри подошел поближе и увидел черную фигурку саламандры, бронзовый ажурный браслет и небольшой кинжал с розовато-серой эфилемовой рукояткой. Лезвие кинжала скрывалось в серебряных ножнах, на которых была укреплена широкая и плоская цепочка из мелких причудливо перекрученных звеньев. Вдоль ножен тянулась

строчка иероглифов, которые Витри принял за неповторяющийся узор.

— Сколько это стоит? — спросил он жреца, указав на кинжал.

Жрец испытующе посмотрел на Витри, затем вынул кинжал из ножен, показывая лезвие. Оно оказалось серебристо-белым и матовым, от него шло ощущение остроты и легкости.

— Возьми его в руки, — сказал жрец.

Витри взял кинжал за рукоятку и подивился ее теплоте и удобству формы.

— Он будет твоим, если ты отдашь за него все деньги, которые у тебя с собой, — сказал жрец, глядя на лезвие. — И помни — им нельзя делать зла.

Витри заколебался. Он взял с собой все деньги, кроме отложенных для уплаты за гостиницу. Подумав немного, он отдал кинжал жрецу и пошел дальше, но вскоре чувство потери чего-то важного заставило его вернуться. Витри снова поглядел на кинжал и решился.

— Вот деньги, — он достал мешочек и подал жрецу. Тот протянул ему кинжал.

— Носи его на шее, на цепочке, — сказал жрец. — Он охраняет от болезней и дурной магии. Может быть, у него есть и другие, скрытые свойства. Этим кинжалом владел один из нас, но он умер и унес его тайны в могилу.

Витри надел цепочку на шею и спрятал кинжал под одежду, испытывая легкое недоумение перед собственной причудой. В это время на дальнем конце площади послышалось звонкое, полетное пение рожка и рокот барабанов. Через расступающуюся толпу шли пятеро музыкантов. Первый играл на рожке, за ним следовали двое барабанщиков. Позади шагали флейтисты, выводя тягучую мелодию.

За музыкантами медленным шагом выступали оранжевые жрецы, выстроившиеся цепочкой. Они шли с отрешенными лицами, глядя прямо перед собой. Процессия дошла до храма и втянулась в распахнувшиеся двери. Витри отыскал в толпе своего товарища и пробрался к нему. Лоанцы вошли в храм вместе с толпой, хлынувшей вслед за жрецами.

Войдя в центральный зал храма, сверкающий десятками светлячков Саламандры, они на мгновение застыли от восхищения при виде необыкновенного зрелища — статуи великой Мороб, над головой которой шатром сходились нити светящихся гирлянд, жрецов, выстроившихся перед ней полукругом, искусных росписей на стенах и потолке храма. Подступающая толпа чуть не свалила обоих с ног, оттеснив к боковой стене зала. Шемма и Витри оказались у панели, ведущей

к дверям с загадочными и привлекательными рисунками. Шемма сжал в кармане светлячок, чтобы убедиться, что это не сон.

Зал наполнился. Из-за статуи великой Саламандры вышли музыканты и уселись по бокам сцены, извлекая протяжную, переливчатую музыку. Двое черных жрецов показались из боковых дверей и направились навстречу друг другу, магическими разрядами поджигая содержимое расставленных по сцене курильниц. Воздух храма наполнился легким и терпким ароматом смолы кинии. Жрецы сошлись у статуи, вслед за ними появились жрицы в длинных черно-оранжевых накидках, символизирующие саламандр.

Женщины одна за другой прошли по боковым панелям, прекрасные и торжественные, блистающие украшениями, и встали в два симметричных ряда вдоль загибающихся полукругом краев сцены. Музыка стала громче и ритмичнее, жрицы запели вступительную хвалу богине. Праздник великой Саламандры начался.

Двести лет назад у подножия Ционских скал не было ни храма, ни поселка. На этом месте простиралась обширная проплешина в Иммарунском лесном массиве, поросшая густой луговой травой. Третий сын Тевилена, Альторн, возвращался из тяжелого похода на уттаков, потерпев поражение в случившейся накануне схватке. Воины угрюмо отступали, неся раненых, среди которых был и военачальник отряда, друг Альторна. Округлый зеленый холм показался подходящим местом для стоянки, и Альторн распорядился разбить здесь лагерь.

Ночью Альторну приснилось, что он оказался в просторной пещере, посреди которой сиял оранжевый шар. Вокруг шара поблескивала черная поверхность пруда, идущая кругами от шевеления в ней каких-то существ. Приглядевшись, Альторн увидел, что это саламандры — мифические подземные твари, о которых ходило много легенд, но никто не мог похвастаться тем, что когда-либо видел их.

Крупная саламандра вылезла из пруда по направлению к Алкорну. Оказавшись на суше, она превратилась в женщину небывалой, не виданной до сих пор внешности. Женщина была широка и приземиста, с короткими и толстыми ногами и мускулистыми, как у силача, руками. Волосы ей заменял короткий серый пух, крупные желтые глаза с кошачьими зрачками выпукло поблескивали на сероватом, без мимики, лице. Платье женщины, длинное и бесформенное, светилось в полутьме желто-розовым светом, осанка и взгляд выдавали привычку повелевать. Ее странный облик все же не казался уродливым, а, напротив, создавал впечатление мощи и целесообразности.

— Альторн! — сказала она. — Я, Мороб, владычица Лура, пришла сообщить тебе важную весть. Запомни, в этом холме скрыта магическая сила. Ты можешь и ты достоин ею владеть. Это сила огня и жизни — она может убить, а может и спасти от смерти. Когда ты проснешься, ты будешь знать, как ею пользоваться. Поселись здесь и употреби эту силу для помощи людям.

Альторн, проснувшись, был поражен красочностью и реальностью сна. Когда он пришел проведать своего друга, то понял, что знает, как вылечить рану. Альторн неожиданно-привычным жестом протянул руки над раной, и вскоре она закрылась. Он пошел от раненого к раненому и благодаря магической силе исцелил их всех.

Прошли годы. Уттаки были отброшены в глубь лесов, и Альторн поселился на холме. Он определил точку наибольшей силы и построил на ней алтарь, который назвал Оранжевым, а затем и храм в честь женщины-саламандры, научившей его магии. Обзаведясь учениками, он основал орден Саламандры и стал первым магистром первого ордена магов на К ел аде.

Первый магистр запомнил ту ночь, когда он видел чудесный сон. Тогда было полнолуние последнего месяца лета — и со времени основания алтаря оно отмечалось праздником, постепенно превратившимся в длительный и пышный ритуал. Появились оды и баллады, восхвалявшие женщину-саламандру, впоследствии объявленную богиней, и самого Альторна. Древнее событие обросло небывалыми подробностями, пышными, как хвост феникса. Забылся непривычный, страшноватый облик женщины и никому не известный Лур, который, по ее утверждению, принадлежал ей. Очередной магистр ордена Саламандры заменил неуклюжее изображение Мороб статуей безупречной красавицы с телом благородных пропорций и точеным лицом. Исчез из легенд оранжевый шар, мимоходом упомянутый Альторном, зато появилась история о том, что холм получил силу из капель крови Мороб. Ритуал ежегодно представлял эту историю, приукрашенную многими поколениями жрецов.

Подготовка к празднику началась несколько дней назад. Жрицы повторяли под музыку баллады и движения, чтобы в день праздника не было досадных заминок, готовили светящиеся гирлянды для украшения храма, доставали из сундуков ритуальную одежду. Накануне, после вечерней хвалы богини, жрецы занялись украшением храма. Центральный зал озарился множеством эфилемовых светлячков всех размеров и оттенков, от золотисто-желтого до густо-красного, подцепленных к гирляндам.

Стекла и настенные рисунки были протерты и выглядели яркими и свежими, вокруг статуи были расставлены серебряные треножники для курения ароматов, полные смолистых кусочков древесины кинии.

Утро праздника принесло приятные хлопоты жрицам, участвующим в ритуале. Женщины готовили и надевали праздничную одежду, создавали прически немыслимой сложности, наносили на лица яркий грим и примеряли лучшие украшения. Ближе к полудню они прошли по подземному ходу в храм и скрылись в комнатах для лечения, чтобы в положенное время во всей красе появиться перед богиней.

Лила не пошла в храм вместе с остальными женщинами. Ей предстояло изображать великую Саламандру, которая появлялась из-под пола перед статуей. Для этого использовалась подъемная площадка, встроенная в пол посреди сцены. В конце первой половины ритуала черные жрецы падали ниц перед богиней, умоляя ее появиться и дать алтарю силу. Один из жрецов незаметно поворачивал рычаг и площадка опускалась вниз. Лила должна была дождаться своего выхода в комнате под алтарем, встать на опустившуюся площадку и подняться на ней наверх.

Увидев процессию жрецов, потянувшуюся в храм, она пошла к себе в комнату одеваться в костюм богини. Сбросив накидку, Лила надела набедренную повязку и серебряный лиф, украшенный рубинами, пристегнула юбку из серебряных цепочек с нанизанными на них шариками красного эфилема. Удостоверившись, что все хорошо закреплено, она застегнула на шее ожерелье-нагрудник из золотого кружева и сделала несколько танцевальных движений, привыкая к наряду. Золотые подвески нагрудника вздрогнули и тоненько зазвенели, им отозвался низкий и глухой стук эфилемовых шариков юбки. В последнюю очередь Лила надела золотую сетку, тщательно спрятав под нее кончики коротко обрезанных волос, кое-где высунувшиеся наружу.

Еще оставалась тонкая работа по нанесению грима. Лила села перед небольшим зеркалом, у которого стояли баночки с красками, чашка с водой и кисти, и принялась наносить на лицо черную, синюю и оранжевую краски, смешивая их, чтобы добиться плавных переходов оттенков и выразительности лица. Критически осмотрев себя с разных ракурсов, она выбрала тонкую кисть и нарисовала на щеках символы, обозначающие жизнь и смерть, затем на лбу — символ огня.

Маленькая Мороб была готова появиться перед людьми. Чтобы отвлечься от ожидания, она затанцевала по комнате, то заставляя брызгами разлетаться звон цепочек, то фиксируя позы

до абсолютной неподвижности. Стук в дверь заставил ее прекратить танец.

— Войдите, учитель! — откликнулась она на стук. Вошел Шантор.

— Ты готова, дитя мое? — спросил он, осмотрев ее наряд.

— Да, — сказала она. — Что там сейчас происходит?

— Там спели вступительную хвалу богине, исполнили танец саламандр и балладу о сражении Альторна с уттаками. Сейчас Освен показывает свое искусство — из дыма кинии создает образы Альторна и уттаков. Тебе пора идти в комнату под алтарем.

— Конечно. — Лила вышла из комнаты вместе с Шантором. Они спустились в подземный ход и, пройдя пару развилок и поворотов, достигли комнаты, в которой недавно был исцелен Вальборн. Магиня присела на скамью у стены и, чуть вскинув голову, взглянула на своего учителя.

— Ты хорошо себя чувствуешь, дитя мое? — заботливо спросил он. — Ты тогда чудом осталась жива.

— Я живучая, — сказала она. — Да и прошло уже две недели. Я совершенно здорова.

— Тебе сегодня потребуется много сил. Ты должна излучать магию, чтобы люди видели, что перед ними — богиня.

— Я помню, отец мой. — Лила перевела взгляд на противоположную стену, где в потайном шкафу хранилась подлинная золотая сетка. — А почему в легенде нет ни слова о золотой сетке? Как она появилась на алтаре?

— Эта сетка хранилась у Тевилена вместе с Синим камнем. Гелигрен принес их правителю и поручил беречь, как бесценные талисманы. — Шантор присел на скамью рядом с магиней. — У Тевилена было трое сыновей и три города под управлением. Он намеревался отдать каждому сыну по городу, но Альторн нарушил его планы, основав Оранжевый алтарь. Тогда правитель отдал среднему сыну Кертенк, старшему — Цитион и Келангу, а Альторну он передал оба амулета, полученных от Гелигрена, рассудив, что никто не позаботится о магических изделиях лучше мага. Это было мудрое решение. Тевилен всегда поступал мудро.

— Я не понимаю, почему Каморра подсылал людей за Синим камнем, а не за сеткой? Сетка — очень сильная вещь, я в этом сама убедилась. А Синий камень — зачем он нужен?

— Гелигрен никому не раскрыл секрета Синего камня. Но Каморра — сильный маг, мы не должны забывать об этом. Он мог догадаться, для чего нужен камень, или узнать это неизвестными нам путями. Даже золотая сетка не имеет для Каморры ценности по сравнению с Синим камнем. Это насторожило меня, и я

передал камень в Тир, на Красный алтарь.

Лила задумалась. И она, и ее учитель сидели молча, пока наверху не послышался тихий шорох. В потолке комнаты появилась щель, сквозь которую проникал яркий свет из центрального зала храма. Площадка медленно опустилась на пол. Магиня встала на нее и повернула рычаг. Во время подъема она приняла позу статуи Мороб, усевшись на площадке со скрещенными ногами и приподняв левую руку в жесте внимания. Когда площадка достигла сцены, Лила услышала взволнованный вздох толпы, ожидающей чуда. Она застыла в позе богини, стараясь не жмуриться от яркого света.

Запели флейты. Лила начала танец с волнообразных движений рук, постепенно переходящих на все тело. Одновременно она сосредоточилась на магической силе алтаря — вдох — набор силы, выдох — излучение. Толпа завороженно покачивалась в такт ее движениям. Медленно вступили барабаны, затем ритм ускорился и поднял магиню с места.

Лила скользящим шагом задвигалась по сцене, все время оставаясь лицом к залу. Она помнила одно — руки и тело должны повторять мелодию флейт, ноги — переступать и ударять об пол в такт барабанному ритму. Барабаны рокотали, говоря о Мороб грозной, Мороб всемогущей, властительнице жизни и смерти, брови магини изогнулись, ноздри расширились, глаза раскрылись и смотрели вперед твердо и неподвижно, вселяя трепет в завороженный зал. Звук и ритм набрали силу и скорость, магиня стремительно и грациозно двигалась по сцене, излучая оранжевое сияние. Вдох — выдох, вдох — выдох… она вошла в транс и больше не видела ни толпы, ни жрецов, слившись воедино с потоком магической силы, хлещущей через нее с алтаря в зал.

Барабаны замедлили темп и уже не рокотали, а лепетали и нашептывали о Мороб милостивой, Мороб сострадательной, флейты смягчили напев, успокаивая и вселяя надежду. На лице магини появилась улыбка, печальная и нежная, движения замедлились и стали плавными и льющимися. Когда барабаны вздохнули в последний раз, Лила села на прежнее место, допевая руками стихающую мелодию. Наступила полная тишина. Зал не дышал. Жрецы на сцене замерли. Мертвая пауза показалась ей бесконечно долгой, но вот кто-то перевел дыхание, кто-то ахнул, а за ними и вся толпа задвигалась и зашелестела.

Вновь зазвучали флейты. Жрицы запели высокими голосами тихую и протяжную песню. Двое черных жрецов вынесли из-за статуи круглый жертвенный столик из белого камня, с ножкой в виде колонны, и поставили у переднего края сцены. Из боковой двери вышел магистр ордена Саламандры, держа перед собой на

ладонях ритуальный кинжал. Подчеркнуто торжественным шагом Шантор подошел к столику, положил на него кинжал и остановился рядом.

Наступил важный момент ритуала. Великая Саламандра должна была передать алтарю магическую, силу. По сложившемуся обычаю ей следовало разрезать себе руку и капнуть кровью на жертвенный столик, а затем превратить капли крови в пламя. Лила поднялась и встала у столика. Флейты смолкли, звук рожка воспарил и завибрировал под куполом храма. Магиня взяла кинжал и, четко выполняя каждое движение, чтобы было видно в зале, сделала надрез на запястье левой руки. Ее лицо не дрогнуло — острейший кинжал особой заточки резал почти безболезненно. Капли крови упали на белую поверхность столика. Проведя по ране плоскостью кинжала, Лила остановила кровь, потом протянула пальцы левой руки к темно-красным каплям. Над жертвенником вспыхнули языки пламени. Когда пламя исчезло, исчезла и кровь — столик вновь был чисто-белым.

Лила взглянула на стоявшего рядом Шантора, ища подтверждения, что все было выполнено верно, затем расставила ладони в стороны, направляя их на стоящие поблизости курильницы. Дым кинии повалил гуще и преобразовался в полупрозрачных буро-красных саламандр. Дымные создания потянулись к жертвенному столику и зависли над ним.

Внезапное отключение магической силы пронзило магиню. Лила чуть не вскрикнула — обрыв контакта с алтарем вызвал резкое и неприятное ощущение. Саламандры нелепо задергались, потеряли цвет и распались в то, из чего были созданы — в клубы голубого дыма. Магиня растерянно взглянула на Шантора — конечно же, и он почувствовал, что Каморра применил свое излюбленное заклинание, грозившее сорвать ритуал.

Магистр ордена Саламандры нахмурился, думая, как предотвратить заминку и довести ритуал до конца. Вдруг со стороны входа послышался громкий, визгливый вопль, идущий из десятков глоток — боевой клич уттаков, врывающихся в раскрытые двери храма. В считанные мгновения уттаки, вооруженные пиками и секирами, заполнили центральный зал, круша и рубя безоружных, празднично одетых людей. К воплям уттаков присоединились крики раненых и отчаянный визг женщин.

Зал превратился в настоящий кошмар. Люди метались по храму, ища и не находя спасения. Передовые уттаки добрались до сцены, хватали и тащили за собой жриц, срывая с них украшения. Часть нападающих пробралась прямо к сцене и накинулись на жрецов. Шантор не успел ничего ни сказать, ни предпринять. В

самом начале нападения уттак метнул в него копье с середины зала. Копье угодило точно в левую половину груди Шантора и сразило его насмерть. Магистр ордена Саламандры, не издав ни звука, упал к подножию жертвенника.

Потрясенная Лила смотрела на своего учителя. Ее чутье черной жрицы безошибочно установило смерть. Двойной шок — от обрыва магической связи и от гибели человека, которого она десять лет звала отцом, лишил ее способности соображать и двигаться. Уттак, метнувший копье, подбежал и вырвал его из тела, злорадно оскалившись. Заметив магиню, он с той же злорадной ухмылкой шагнул к ней и протянул корявые пальцы к золотому нагруднику.

Увидев перед собой черную пятерню с обломанными ногтями, Лила вздрогнула и, не успев подумать, молнией кинулась вперед и всадила ритуальный кинжал в оскаленную морду. Особой заточки лезвие легко пробило кость и так же легко вышло из раны. Уттак рухнул, уронив жертвенный столик, разбившийся на две части.

Жгучая ярость охватила магиню. Ее глаза запылали пламенем Синего камня, она встала спиной к статуе, держа кинжал наготове. Уттаки подбегали к ней, привлеченные блеском золота, и падали от ударов кинжала. В миг передышки магиня огляделась и увидела не менее десятка уттаков, спешивших к ней, чтобы завладеть драгоценностями. Если бы алтарь был свободен от заклятия Каморры, она могла бы испепелить их разом, но без магии это была верная гибель.

Бежать было некуда, разве только… Лила метнулась к статуе, взобралась ей на колено, на руку, на плечи. Уттаки полезли следом, но она уже дотянулась до гирлянд, сходящихся над головой великой Саламандры, ухватилась за них и подтянулась вверх, повиснув на веревках. Пока преследователи пытались поймать ее за ноги, она полоснула кинжалом по веревке сзади себя и пронеслась по воздуху к боковой стене храма.

Ударившись о стену, магиня вцепилась в выпуклые украшения и с ловкостью, вызванной потрясением, перебралась на окно второго яруса. Копье ударило в стекло у Лилы над головой и выбило витраж, облегчив ей работу. Она разбила остатки стекла рукояткой кинжала и выбралась наружу, оказавшись на узком карнизе, идущем по нижнему краю оконного ряда.

Площадь вокруг храма кишела уттаками, которые один за другим обращали внимание на магиню, слишком заметную в своем нагруднике и золотой сетке. Дикари, с воплями указывая на соблазнительную добычу, кинулись к стене храма и полезли

вверх по неровной фигурной кладке. У Лилы опять остался один путь — наверх. Она вскарабкалась выше, цепляясь за выступающие камни, перебралась через карниз крыши и по чешуйчатой черепице конического купола влезла на самую макушку храма. Отсюда пути уже не было.

Лила, задыхаясь от волнения, смотрела, как ее преследователи неуклюже перебираются через карниз и ползут к ней, поскальзываясь на черепице. В яростном отчаянии она обратилась к шару, пытаясь добраться до него сквозь заклятие Каморры. Невидимая оболочка разлетелась от напора ее воли, и прилив магической силы захлестнул магиню с головы до ног. Уже не задумываясь ни над чем, Лила сосредоточила всю бьющую из шара энергию в единый огненный взрыв и обрушила на уттаков, почти добравшихся до своей цели.

Страшной силы молния зародилась в чистом небе и грянула в кровлю главного купола храма, походя снеся и уттаков, и добрую часть черепицы, взметнувшейся в воздух. Маленькая магиня, оглушенная разрядом, покатилась вниз по полуразрушенной крыше.

XVIII

Витри и Шемма, как и остальные зрители праздника, не сводили глаз с вышедшей из-под земли Мороб, излучавшей оранжевое сияние, и с высокого сурового старика рядом с ней, на голове которого краснел обруч с саламандрой. Лоанцы догадались, что это и есть тот самый магистр ордена Саламандры, к которому у них было сообщение от Равенора. Богиня, воспламенив капли собственной крови, выманила из курильниц дымных диковинных тварей, подлетевших по ее зову к жертвеннику и закружившихся над ним. И тут лоанцы почувствовали, что в храме что-то изменилось. Сияние вокруг богини исчезло, на ее лице появилось растерянное выражение.

Дикие, злобные вопли со стороны входа в храм заставили их позабыть о происходящем на сцене. В первое мгновение лоанцы подумали, что странные звуки являются частью ритуала. Лишь когда уттаки показались в проеме центрального зала, рубя секирами направо и налево, стало ясно, что это не представление, а подлинное нападение.

Пока Витри оглядывался в поисках пути к бегству, Шемма проявил способности, неожиданные для его неизворотливых мозгов. Он нагнулся к основанию панели сцены и рванул деревянную обивку ее боковины. Нижние концы дощечек, служивших не опорой, а прикрытием пространства под сценой, не выдержали мощного рывка табунщика. Они оторвались от боковины и разошлись, образуя щель, как в заборе.

— Сюда, Витри! — прохрипел Шемма и с ловкостью ящерицы протиснулся в щель, на первый взгляд не соизмеримую с его внушительной комплекцией. Витри, отложив удивление талантами Шеммы до лучших времен, полез вслед за табунщиком. Доски сошлись за ним, и лоанцы оказались в полной темноте.

Пахло пылью, поднятой во время поспешного проползания в щель. Свербило в носу и хотелось чихать, но Витри сдерживался, хотя и понимал, что вряд ли его слышно сквозь шум и крики, наполняющие зал. Шемма пыхтел впереди, пробираясь на четвереньках подальше от дыры. Витри пополз за ним вслепую, пока не уткнулся лбом в широкий зад своего товарища.

— Постой, куда прешь! — громким шепотом откликнулся Шемма. — Надо узнать, куда мы ползем.

Витри сел на пол, стукнувшись затылком о помост сцены. Шемма тем временем достал купленный утром светлячок Саламандры. Окружающее пространство осветилось тусклым

оранжевым светом.

— Ишь ты, светит! — обрадовался Шемма. — Гляди давай, вдруг где-то тут выход.

Лоанцы осмотрелись. Они доползли до широкой части сцены. Здесь было пусто, пыльно, невдалеке виднелось что-то вроде квадратной колонны — обивка люка подъемной площадки, ведущего в комнату под алтарем. Лоанцы проползли вокруг колонны и, не обнаружив никаких отверстий, оказались на прежнем месте.

— Отсюда нет выхода, — сказал догадливый Шемма. — Сидеть нам здесь, пока все не кончится. Я тебе так скажу, Витри, лучше уж здесь быть, чем там, — он показал глазами наверх, откуда доносились вопли и стоны. В этот миг высоко вверху раздался оглушительный грохот и наступила тишина. Лоанцы, забыв дышать, прижались к полу. Через несколько мгновений шум и крики возобновились. Резня продолжалась.

— Я думал, храм рухнул, — поднял голову Шемма. Его щека была перемазана пылью. — Ну и праздничек…

Некоторое время лоанцы лежали, прислушиваясь к шуму побоища. На покрытии сцены, служившем им потолком, появились мокрые пятна, с которых капала густая темная жидкость. Шемма и Витри понимающе переглянулись и, не сговариваясь, придвинулись поближе друг к другу. Когда наверху все стихло, они поползли назад к дыре, кое-как нашли ее и выглянули наружу. В храме были только трупы, валяющиеся на полу и на сцене.

— Еще светло, — сказал Витри. — Будем ждать темноты.

Шемма согласно кивнул, и они вернулись на прежнее место. Вскоре табунщик завздыхал и беспокойно завозился.

— Витри! — зашептал он. — А ведь мы с утра не ели!

— Вспомнил, — недовольно отозвался Витри, не страдавший аппетитом после пережитого.

— А что тут забывать-то! — удивился Шемма. — Яичница с ветчиной, масло, сыр… вот что, Витри… хорошо у нас в селе, но сыр делать не умеют. Я это понял сегодня утром.

Витри промолчал.

— Пора нам выбираться отсюда, — продолжил мысль Шемма. — Стемнело уже. А то здесь недолго и с голоду Сдохнуть.

— Мы подождем, пока все уснут, — сказал Витри не допускающим возражений тоном.

Шемма даже подскочил от возмущения, стукнувшись головой о помост.

— Раз все уснули, значит, они все съели, парень! Мы тогда и куска хлеба для себя не сыщем! — повысил он голос. — Ты как

хочешь, Витри, а я должен вовремя позаботиться о еде.

— Я никуда не пойду, — твердо сказал Витри.

— Ладно, — согласился Шемма. — Я пойду один. На разведку. Да ты не бойся, не все я съем. Что-нибудь и тебе принесу, — он пополз к щели, освещая путь светлячком Саламандры.

Витри по опыту совместного путешествия знал, в каких случаях с Шеммой бесполезно спорить. Он молча проводил табунщика взглядом, наблюдая, как тот силится пролезть в узкую щель. Шемма выбил ногой еще одну дощечку и кое-как выбрался наружу. Вскоре шаги табунщика стихли. Витри задремал, поэтому не сумел определить, долго ли пролежал под полом в одиночестве, когда приближающиеся шаги заставили его насторожиться.

Послав Скампаде прощальную усмешку, Каморра остался в кабинете, чтобы обдумать предстоящие дела. Кеменер принес Синий камень — удачно, весьма удачно! Сведения Скампады о Красном камне также казались не безнадежными. Маг вспомнил о находке в окрестностях Белого алтаря, позволившей ему узнать о связи алтарей острова и о свойствах камней Трех Братьев. Еще один камень — и огромная доля магической силы, до сих пор распыленной по острову, будет сосредоточена на Белом алтаре.

Маг поймал себя на том, что позволил себе размечтаться, еще не имея Красного камня. Нужно было непременно получить этот камень до решающей битвы, чтобы лишить противников магического оружия. По сведениям Кеменера, начинать битву следовало не позже, чем через месяц-полтора, а камни еще требовалось доставить на Белый алтарь. Несложный расчет показывал, что за Красным камнем нужно отправляться немедленно. Каморра послал за Кеменером, но после долгих поисков выяснилось, что шпион чуть свет выехал выполнять новое поручение.

Каморра мысленно выругался. Кеменер не носил белого диска, через который можно было бы внушить ему мысль о возвращении в замок. Маг не раз предлагал Кеменеру диск, указывая на выгоды, связанные с его обладанием, но тот неизменно отказывался. Шпион полагался только на себя и свою незаметность, не без оснований опасаясь, что белый диск существенно ее снизит. Хотя Кеменер прилежно служил Каморре и без диска, его упрямство в очередной раз взбесило мага.

Припомнив своих помощников, живших в замке, Каморра не остановился ни на ком. Трусы и глупцы, люди, не стоящие доверия… Впрочем, можно обеспечить верность посыльного, сделав ему магическое внушение. Но как проверить, что камень

там, где указал Скампада, не тратя времени на поиски и ожидание?

Каморра знал заклинание связи с амулетом, которое можно было наложить только на алтаре с энергетической нитью, ведущей к этому амулету. При условии, что местонахождение Красного камня известно, заклинание, примененное на алтаре с родственной энергией, могло установить связь между камнем и человеком, образуя путеводную нить, с любого места показывающую направление на камень. В этом случае на роль посыльного подошел бы человек недалекий, драчливый и честолюбивый, легко поддающийся внушению. Тут Каморра вспомнил о Бовaрране.

Бовaрран родился от уттака и пленной крестьянки, заблудившейся в лесу. Он был по-уттакски широк и коренаст, но выше ростом и сильнее, к тому же не так глуп и дик, как чистокровные уттаки. Эти выдающиеся среди соплеменников качества заставляли его желать власти, но место вождя было занято свирепым и коварным Уссухаком, перед которым трепетало все племя. Бовaрран был достаточно хитер, чтобы понимать, что только Каморра может помочь ему в его притязаниях, поэтому проник в окружение мага и всячески старался выслужиться перед ним. Каморра насквозь видел честолюбивого полу уттака, но не торопился приближать его. Возможно, подумал маг, наступил момент и для Бовaррана.

План был намечен, человек выбран, не хватало только алтаря. Еще во время разговора с Кеменером Каморра предполагал, что без алтаря не обойтись, но без которого? До Белого — десять дней пути на хорошем коне, столько же и обратно, а каждый день на счету. Оранжевый… Берсерен, глупец, и не подумал защитить его. Для захвата алтаря достаточно уттаков, уцелевших после взятия Бетлинка, и нет нужды тратить время на вызов основных войск с верховьев Иммы. Три дня — и Бовaрран отправится на Керн.

Маг сосредоточился на диске, висевшем на груди, и вызвал уттакских вождей.

— Есть добыча, — заявил он вождям, когда те пришли на вызов. — Ваши храбрецы засиделись без хорошей драки.

Вожди одобрительно закивали. Жить лагерем в окрестностях Бетлинка становилось голодновато.

— Выступаем завтра, — в голосе Каморры прозвучал приказ. — Рано утром снимайтесь со стоянки, подходите к замку и ждите меня.

Вожди ушли. Каморра приказал помощникам обеспечить охрану замка до своего возвращения, а затем вызвал Бовaррана.

— У тебя появилась возможность заслужить мое одобрение. — Каморра взглянул на полууттака.

— Все, что прикажете, хозяин, — вытянулся от усердия дикарь. — Все сделаю.

— Если выполнишь поручение, получишь белый диск, — добавил Каморра. — Твои соплеменники будут уважать тебя, как вождя.

Боварран энергично закивал головой. «Этот будет верен, — подумал Каморра. — Нет смысла тратить силы на магическое внушение».

— Собирайся, — сказал он Боваррану. — И возьми любого коня, кроме моего, конечно. Скажешь, что я приказал.

Оставшись один, Каморра вынул жезл Аспида из потайного шкафа, повертел в руках и положил обратно, предпочтя не подвергать Синий камень превратностям походной жизни.

На следующее утро помощник доложил ему, что уттаки собрались перед замком. Каморра спустился во двор, где держали вороного, вскочил в седло и выехал к воротам замка. Уттаки отправились за ним по южной дороге, ведущей на Оранжевый алтарь.

Три дня спустя уттакское войско достигло окрестностей Оранжевого алтаря. Каморра выслал помощников на разведку. Те вернулись с сообщением, что сегодня на алтаре праздник великой Саламандры.

— Тем лучше, — заметил Каморра, для которого не существовало святынь. — Нападем ближе к вечеру, когда люди в храме устанут.

Маг расставил дикарей для нападения и приказал ждать сигнала, подкрепив приказ изрядной долей магического внушения. Принимать пищу он запретил, зная, что сытые уттаки ленивы в бою. Единственными, кто мог оказать сопротивление, были черные жрецы храма, умевшие вызывать молнии, которых панически боялись уттаки, поэтому Каморра потребовал в первую очередь уничтожить черных жрецов, чтобы те не обратили племена в бегство.

С начала весны Каморра несколько раз пробовал перекрыть энергию Оранжевого алтаря собственными силами, без помощи камней Трех Братьев, но не сумел добиться устойчивого результата. Кто-то из черных жрецов был сильнее его и с легкостью снимал заклинание. Несмотря на это, маг решил применить заклинание в первый момент атаки.

Выждав время, Каморра дал сигнал к нападению. В окрестностях Оранжевого алтаря было безлюдно. Все были в храме, на ритуале, поэтому дикарям удалось напасть

неожиданно. Когда первый отряд достиг дверей храма, маг напрягся и наложил на алтарь запирающее силу заклинание.

Нападение было коротким и сокрушительным, храм был захвачен почти без потерь. «Не то, что Бетлинк», — сравнил Каморра. Жители деревни пытались защищаться, но скоро были обращены в бегство. Голодные уттаки кинулись в кладовые храма и сельские погреба, тащили вещи, живность, женщин, хватая и опустошая все подряд.

Маг с помощниками въехал в раскрытые ворота ограды храма. На вымощенной камнем площади валялись тела убитых, со стороны жилых помещений доносились крики ссорящихся из-за добычи уттаков, визг и рыдания женщин. Каморра приказал выгнать уттаков из дома оранжевых жрецов, где намеревался поселиться сам, и спешился у его дверей.

Наступил вечер. Уттаки, наевшись и нахватавшись награбленного, повалились спать где попало. Каморра глядел на площадь в окно второго этажа дома оранжевых жрецов. Заклинание для Красного камня требовало усилий и полной тишины, поэтому маг дожидался, пока уттаки не угомонятся. В юности он жил в одной из комнат этого дома и обучался магическому искусству сначала у Освена, а затем и у самого Шантора, отдававшего должное способностям сына босханского оружейника.

Если бы не трупы на каменной мостовой и не разбитая крыша главного купола, вид из окна был бы точно таким же, как и тридцать лет назад… или уже сорок? Каморра вспомнил тот день, когда его отлучили от ордена Саламандры. Тогда он использовал магию, чтобы помочь ограбить богатый дом в Келанге, а Шантор каким-то образом узнал про это и вызвал его на алтарь. Он не посмел не явиться к магистру, хотя уже не был мальчишкой, и не посмел сказать неправду.

Каморра презрительно скривился, припоминая общее собрание и слова отлучения, произнесенные Шантором. Сейчас он — полный хозяин алтаря, а жрецы либо убиты, либо ушли через подземные ходы храма.

Когда совсем стемнело, маг отошел от окна и повернулся к Боваррану, которого не отпускал от себя с начала нападения. Полууттак, кротко перенесший неучастие в налете и последующем разграблении, преданно глядел на мага в ожидании приказа.

— Идем, — сказал ему Каморра, выходя из комнаты. Бовaрран, как тень, последовал за ним.

После уличной темноты в храме оказалось неожиданно светло. Обрывки светящихся гирлянд под куполом зала

напоминали о празднике, трупы на полу — о его трагическом завершении. Каморра подавил невольно возникшее волнение при виде полузабытого, а когда-то знакомого до мелочей внутреннего оформления храма, статуи Мороб, легко и грозно возвышающейся над залом. Он поднялся по ступеням к разбитому жертвеннику и узнал человека в черной накидке, лежащего рядом. Шантор…

«Так кто же из нас прав, старик? — думал Каморра, глядя в лицо лежащему. — Ты учил меня, как я должен жить, каким я должен быть. Откуда тебе было это знать, кто дал тебе такое право? А теперь… где ты и где я? Ты лежишь мертвый у моих ног и больше ничего не скажешь. Я победил тебя, поэтому прав я, а не ты. Жизнь еще не раз докажет это, потому что я буду побеждать еще и еще. Скоро вся Келада узнает мою правду».

Маг поднял голову, чтобы больше не замечать тела, и вспомнил, зачем он здесь. Он вынул обрывки карты Келады, взятые в Бетлинке, и отыскал среди них северную часть, ту, где изображен остров Керн.

— Пока я буду занят, молчи, — предупредил он Боваррана, и без того не дышавшего от почтения к своему покровителю. Держа перед собой карту, Каморра сосредоточился на оранжевом шаре, бывшем точно под ним, затем перевел взгляд на карту, на северную часть острова Керн, где был нарисован вулкан.

Отключив посторонние мысли, маг остановил внимание на южном подножии вулкана и закрыл глаза. Сначала была темнота, затем в сознании мага проступило видение — скалы, а в них котловина с отвесными стенами. В стенах виднелись отверстия многочисленных пещер, посреди котловины стоял грубо сработанный, выщербленный временем одноглазый идол. Во лбу идола сиял Красный камень.

Каморра открыл глаза и глубоко вздохнул, расслабляясь. Скампада не подвел — камень действительно был в указанном месте. И здесь удача сопутствовала планам мага. Оставалась еще одна, требующая большого расхода сил задача — установить магическую связь между посланцем и Красным камнем.

Каморра собрался с силами, восстанавливая в памяти слова редкого и сложного заклинания, и жестом указал Бовaррану место.

— Встань здесь и слушай внимательно, — сказал ему маг. — Завтра до восхода солнца ты отправишься в путь. Если ты попадешься мне на глаза, когда я проснусь, пеняй на себя.

Полууттак не мигая смотрел на Каморру.

— Твой путь будет лежать на север, на остров Керн, — продолжил Каморра. — Пойдешь мимо Бетлинка, потом вниз по Руне. Коня оставишь в Бетлинке — вдоль реки нельзя проехать

верхом. На северном берегу достанешь лодку. Мне все равно, как ты это сделаешь, но помни — чем быстрее ты вернешься, тем больше будет награда.

— С чем вернусь, хозяин? — спросил Боварран.

— У подножия огнедышащей горы ты найдешь идола. Вместо глаза у него Красный камень. Мне нужен этот камень целым и невредимым. Если ты утаишь его или разобьешь — ты от меня и на дне океана не скроешься.

— Я буду очень стараться.

— Постарайся. Сейчас я наложу на тебя заклинание, и ты будешь чувствовать, где находится камень. Это поможет тебе отыскать его. Закрой глаза и не шевелись.

Каморра дал кусок карты в руки Боваррану, чтобы лучше видеть местоположение камня во время заклинания. Как и в предыдущий раз, маг сосредоточил внимание на шаре, затем на клочке карты, закрыл глаза и дождался появления видения. Вскоре он четко различил камень во лбу идола и начал произносить первые строки заклинания.

— Пусть тот, кто меня слышит, слышит только меня. Пусть тот, кто меня слышит, видит только то, что я вижу… — маг выговаривал заклинание четко и громко, стараясь не пропустить ни слова. Он ни разу не запнулся при перечислении условий возникновения связи и ее свойств, и, наконец, договорил последние строки: —…пусть протянется связь между тем, кто меня слышит, и тем, что я вижу. Пусть будет так!

Маг ощутил, как энергия алтаря полыхнула на мгновение и опала. Заклинание сработало. Боварран стоял неподвижно, не смея открыть глаза.

— Посмотри на меня, — потребовал Каморра. — Что ты чувствуешь?

— Не знаю, — пробормотал полууттак.

Каморра раздраженно поморщился.

— Покажи мне, где находится то, что ты должен найти. Быстро!

Боварран вздрогнул и после некоторой заминки показал:

— Там?!

Палец полуутака, действительно, указывал на север. Вдруг поблизости раздался посторонний звук, произведенный каким-то живым существом.

— Что это?! — встревоженно спросил Каморра.

— Крыса?

— Крысы не чихают, — маг оглядывался по сторонам, больше всего опасаясь, что кто-то из черных жрецов подслушал его. — Ну, я сейчас ему устрою…

Шум произвел не жрец, а всего-навсего Витри, прятавшийся под полом рядом с местом, где стояли Боварран и Каморра. Он поневоле слышал все, что маг говорил своему спутнику. Смысл разговора остался непонятен лоанцу, не знавшему ни о каких камнях. Кто и с кем разговаривал, тоже было неясно. Единственное, что понял Витри — один человек посылал другого за каким-то камнем.

Первые слова заклинания — «тот, кто меня слышит» — произнесенные таким сильным магом, как Каморра, подействовали на Витри точно так же, как и на Бовaррана. Лоанец потерял контроль над собой, полностью подчинившись воле мага, ему показалось, что он задремал на мгновение, но тут же проснулся. Когда полууттак отвечал на вопрос Каморры, Витри поймал себя на том, что знает, в какую сторону тот показывает. В этот момент у него запершило в носу от пыли. Витри не до конца сдержал мгновенное чихание и замер от ужаса, но было поздно. Его услышали.

Каморра не стал искать, где прячется тот, кто мог оказаться свидетелем тайного поручения, данного Бовaррану. Тот слышал мага из своего убежища, и этого было достаточно.

— Уходи отсюда, — приказал маг Бовaррану. — А утром отправляйся в путь.

Полуутак закивал и вышел из храма, поначалу пятясь задом. Каморра, удостоверившись, что посланец ушел, подключился к энергии шара и заговорил:

— Пусть тот, кто меня слышит, навеки забудет все, что слышал. Пусть сила алтаря выжжет ему мозг! Пусть он станет идиотом до конца дней своих! Да будет так!

Магическое излучение полыхнуло, выполняя заклинание. Где-то совсем рядом послышался короткий сдавленный стон. Маг постоял немного, прислушиваясь, затем усмехнулся и пошел прочь.

Шемма выбрался из-под сцены и, сдерживая внутреннюю дрожь, возникшую при виде открывшегося перед ним зрелища, пошел к выходу. Дойдя до полуоткрытой двери, он осторожно выглянул наружу.

Солнце село, но было еще светло. Шемма понял, что поторопился с вылазкой, но не стал возвращаться назад. Было нечего и думать подобраться к хозяйственным помещениям алтаря по открытому пространству площади, окружающей храм, зато ворота ограды были совсем рядом. Шемма опустился на каменную мостовую и осторожно пополз к ним, то и дело прикидываясь одним из убитых. Охраны у ворот не было, поэтому он благополучно выбрался наружу, укрылся в кустарнике у стены

и вновь осмотрелся.

Дорога из Бетлинка в Келангу шла вдоль ограды храма, спускалась с холма и проходила краем западного конца деревни, располагавшейся между дорогой и Ционскими скалами. Храм и деревенские постройки были окружены луговиной, восточный край деревни поднимался вверх по склону, поэтому Шемма хорошо видел, что происходит в деревне и окрестностях. Сражений на деревенских улицах не было, зато на дороге в Келангу виднелись люди — последние из местных жителей, успевших спастись бегством. Уттаки, слишком нерасчетливые, чтобы пускаться за ними в погоню, вовсю громили лавки, шарили в избах и дворах.

Между храмом и деревней не росло ни единого куста, пригодного для укрытия, но Шемма, подгоняемый растущие аппетитом, не стал дожидаться полной темноты, а пополз вдоль дороги, замирая при каждом подозрительном звуке. Табунщик видел деревню всего два раза — вечером, когда они с Витри искали гостиницу, и утром, по пути в храм. Несмотря на это, он с математической точностью запомнил все торговые и питейные заведения, встреченные на пути. Добравшись до околицы, Шемма свернул с дороги прямо на ближайшее такое заведение — трактир на деревенской площади.

Пока табунщик пробирался в деревню, небо на западе потемнело. На востоке из-за Ционских скал показалась широкая круглая луна, светло-оранжевый оттенок которой постепенно сменился желтым, а затем и белым. При свете луны Шемма отыскал заднее крыльцо трактира и прислушался. Впереди, на площади, слышался гнусавый говор уттаков и виднелся свет костра, но в самом трактире было тихо. Чуть подождав, табунщик полез внутрь.

Света луны, попадающего в разбитые окна, не хватало, чтобы разглядеть внутреннюю обстановку трактира. Табунщик, споткнувшись об опрокинутый стул, вынул светлячок Саламандры, зажал в кулаке и выпустил из руки узкий луч света. Медленно продвигаясь среди перевернутой мебели, Шемма обыскал полки, стойку, затем пробрался в кухню и пошарил там. Его худшие подозрения оправдались — ничего съестного здесь не осталось. Уттаки, безусловно, были мастерами своего грабительского дела.

Подавив разочарованный вздох, Шемма еще раз с пристрастием обшарил кухню и нашел за плитой полурастоптанную краюху хлеба, отскочившую в угол. Он поднял краюху, обтер об штаны, перепачканные землей, и поднес было ко рту, но вспомнил о Витри и сунул ее за пазуху, а затем выглянул

в выходившее на площадь окно. Там десятка два уттаков сломали деревянный забор, развели из досок костер и жарили на нем куски мяса, насаженные на копья.

У Шеммы потекли слюнки. Он вылез из трактира и стал подбираться к уттакам, укрываясь в тени деревенских построек. Когда между табунщиком и дикарями не осталось никаких укрытий, он пополз по площади прямо к костру, используя испытанный прием — то и дело прикидываясь убитым. Оказавшись поближе, Шемма увидел, чье это мясо. У костра лежали останки убитого человека. Уттаки отрубали секирами куски мяса, накалывали на копья и обжаривали в костре.

Если бы желудок Шеммы не был совершенно пуст, табунщика бы стошнило. Он лежал ни жив ни мертв, боясь шевельнуться. В это время из глубины деревенской улицы вышли еще несколько уттаков, направляясь к костру. Они увидели неподвижно лежащего Шемму, оказавшегося на их пути, окружили его и что-то загалдели по-уттакски. Шемма не знал уттакского наречия — он, как и все жители острова, говорил на языке прибывших с моря. Но табунщик знал и древний лоанский язык, до сих пор употребляемый в его родном селении и имевший общие корни с уттакским. Поэтому, когда один из уттаков ткнул его пикой в зад и произнес слово, обозначающее одновременно «вкусный» и «жирный», Шемма безошибочно понял смысл ведущегося вокруг него разговора. Уттаки, несомненно, считали, что это тело будет вкуснее того, недоеденного, валяющегося у костра.

Шемма заорал громче любого уттака, вскочил и кинулся бежать вверх по улице. Дикари на мгновение обмерли, но тут же опомнились и бросились за ним. Толпа, окружавшая костер, побросала мясо и присоединилась к погоне. Табунщик не был хорошим бегуном, но смертельная угроза, казалось, придала ему крылья. Пыхтя и топая, как Буцек, он несся по улице прочь от своих нескладных, коротконогих преследователей. В конце деревни Шемма узнал гостиницу, в которой жил, и пронесся мимо нее в скалы. Разгоряченные погоней уттаки не прекращали преследования. Шемма бежал напрямик, пока не уткнулся в отвесную скалу.

Погоня приближалась. Табунщик с непостижимой ловкостью полез вверх, цепляясь за выступы и неровности. Когда уттаки подбежали к скале, недоумевая, куда же делась их жертва, он был уже высоко. Добравшись до верхушки скалы, Шемма перевалился через край и вдруг почувствовал, что скользит куда-то вниз по ровной наклонной поверхности. Скольжение ускорялось, затем скала ушла из-под Шеммы и он с воплем полетел в пустоту.

XIX

Скампада пришел к храму перед самым началом праздника. Он вошел внутрь вслед за процессией жрецов и оказался впереди, у ступеней, ведущих на площадку перед статуей. Отсюда было хорошо видно все происходящее на площадке. Когда из-под пола появилась жрица, изображающая Мороб, Скампада поздравил себя с удачей — это была она, Ромбарова девчонка. Танец жрицы полностью захватил Скампаду, как и остальных в зале. За годы жизни на Оранжевом алтаре маленькая танцовщица усовершенствовала свое искусство, удивительным образом сочетая его с магией. Выбор сына Паландара, подумалось Скампаде, был не так уж и нелеп.

Заминка в ритуале, немой диалог магини и Шантора насторожили Скампаду. Умение читать по лицам подсказало ему, что нужно быть готовым к любой неожиданности, поэтому, когда уттаки ворвались в храм, он быстрее других овладел собой и не поддался общей панике. Мечущиеся люди толкали и задевали Скампаду, но он удерживался на ногах, выбирая единственно верный путь к спасению. Он вспомнил, что Лила поднялась из-под пола, и взглянул на площадку, проверяя, можно ли скрыться этим путем. Вид упавшего Шантора, отчаянно отбивающейся магини убедил его, что здесь пути нет. Поведя глазами вбок и назад, Скампада вздрогнул от радости. Боковые двери!

Сын первого министра одним прыжком вскочил на боковую панель, подбежал к ближайшей двери и задергал ручку. Дверь не поддавалась его усилиям. Следующая дверь тоже была закрыта. Скампаду охватило отчаяние, он вновь огляделся вокруг, надеясь на чудо, и увидел пожилого жреца, ползущего к дверям по боковой панели. Черная накидка на груди жреца была насквозь мокрой от крови. Жрец дополз до двери, которую только что дергал Скампада, и приподнялся, пытаясь дотянуться до медного диска на ней, но у него не хватало сил. Он повторил попытку и в этот момент встретился взглядом со Скампадой.

— Помоги, друг… — прошептал он.

Скампада подбежал к жрецу, приподнял его и положил его левую руку на диск. Послышался тихий щелчок и дверь приоткрылась.

К чести Скампады, ему и в голову не пришла мысль бежать одному, бросив раненого. Он открыл дверь пошире, подхватил жреца под руки и потащил внутрь. Уттаки, до сих пор не обращавшие на них внимания, заметили, что жертвы уходят, и кинулись следом. Скампада рывком втянул жреца за собой,

опустил на пол и захлопнул дверь. Магическая защелка сработала, и вовремя, потому что в дверь тут же забарабанили уттакские секиры. После нескольких ударов посыпались щепки, в пробитых щелях засверкали лезвия секир. Скампада понял, что дверь долго не выдержит. Он нагнулся к жрецу. Тот был еще жив и в сознании.

— Туда… — жрец показал взглядом в угол.

Скампада подтащил его к стене и положил его руку на медный диск. Кусок каменной стены отошел вбок, открывая подземный ход. Когда оба оказались внутри и дверь за ними закрылась, сын первого министра с облегчением осознал, что по крайней мере сейчас его уттаки не убьют. Второй его мыслью было удивление, что в коридоре светло. Он пригляделся и увидел, что вдоль всего хода в нишах разложены светлячки Саламандры, дающие рассеянный оранжевый свет.

Жрец снова что-то зашептал. Скампада прислушался и разобрал, что нужно спускаться вниз. Он потащил жреца по лестнице и дальше, пока они не остановились у двери. Здесь жрец показал, что хочет открыть эту дверь. Скампада вновь помог ему, и они оказались в небольшой комнате с узким и длинным столом в ее ближней части — комнате под алтарем.

Раненый объяснил, что его нужно положить на стол.

Скампада приподнял его, помог взобраться и лечь. Он больше ничего не мог сделать для жреца, но тот ничего и не просил, а лежал тихо, закрыв глаза и тяжело дыша. У него была колотая рана под левой ключицей.

Сохранив свою жизнь, Скампада немедленно вспомнил то, что ценил наравне с ней — свое благосостояние, отличавшее его, сына первого министра, от какого-нибудь нищего или крестьянина. Оно заключалось в деньгах, коне и содержимом вещевых мешков, аккуратно разложенном по полкам гостиничного шкафа, и находилось далеко отсюда, но не так далеко, чтобы миновать загребущие лапы уттакских мародеров. Нужно было спасать имущество, и как можно скорее.

— Как мне отсюда выйти?! — спросил Скампада, наклоняясь к жрецу.

— Я провожу тебя, когда залечу рану, — чуть шевеля губами, ответил жрец. — Наберись терпения.

— Мне немедленно нужно в гостиницу! — занервничал Скампада. — У меня там деньги, вещи… я останусь нищим, если все пропадет!

— Если я умру, ты не выйдешь отсюда, — прошептал жрец. — Замки открываются только магией. Не мешай мне лечить рану.

Новость о замках подземного хода прояснила Скампаде его

положение. Без помощи жреца он не мог выйти даже из этой комнаты. Оставалось сидеть и ждать, и думать о том, успеют ли дикари добраться до «Синих скал» раньше него и утащить годами нажитое имущество. Скампада перевел взгляд со жреца на себя и увидел, что его лучший костюм испачкан кровью. Это доконало сына первого министра. Страдальчески сморщившись, он опустился на скамью.

Скампада долго сидел, мрачно глядя перед собой и подперев голову руками. Проклятые уттаки, проклятый Каморра! Сын первого министра содрогнулся, представив, что эта нечисть, пригретая босханским честолюбцем, расползется по острову. И где, как, какую жизнь придется ему влачить без коня, без денег, без вещей, в одном-единственном запачканном кровью костюме! Скампада призывал все свое самообладание, чтобы не сорваться и не броситься с кулаками на дверь. Со стола доносилось дыхание жреца, не подававшего других признаков жизни. Вдруг входная дверь открылась, и в комнату вошел еще один черный жрец, помоложе. Живой и невредимый, к радости Скампады.

— Освен?! — шагнул он к лежащему на столе жрецу, не заметив Скампаду. — Ты жив? Ранен?!

— Цивинга… — узнал вошедшего раненый.

— Сейчас я вылечу тебя. — Цивинга протянул руки над раной, с его пальцев заструились оранжевые лучи. — Я вижу, ты уже остановил кровотечение.

— Да, — ответил Освен. — Рана свежая, ее несложно закрыть. Оставь меня, я справлюсь сам. Здесь есть человек, который спас меня, — он указал взглядом на Скампаду, сидевшего у стены. — Проводи его, куда он просит, и помоги ему.

Скампада заметил, что Цивинга смотрит на него, и поспешно вскочил.

— Куда тебе нужно? — спросил Цивинга.

— «Синие скалы». Там все мое имущество.

— Идем! — Цивинга шагнул к двери.

— Один момент! — Скампада указал на пятна крови на своей одежде. — Начните вашу помощь вот с этого!

— Ты ранен? — забеспокоился жрец.

— Нет. Но это мой лучший костюм, — нервно пояснил Скампада.

Цивинга посмотрел на него, как на сумасшедшего, но, увидев выражение лица Скампады, хмыкнул и смягчился. Он протянул руку к пятнам, сделал несколько движений пальцами — и костюм Скампады восстановил прежнюю чистоту. Сын первого министра облегченно вздохнул.

— Вот теперь — идем, — сказал он. — И поскорее!

Цивинга вышел из комнаты и быстрыми шагами пошел по лабиринту ходов, выбирая нужные повороты. Обрадованный Скампада торопился за ним. Вскоре путаница ходов закончилась, жрец повел Скампаду по длинному, поднимающемуся вверх коридору.

— Этот путь ведет в скалы, — пояснил на ходу Цивинга. — Выход недалеко от гостиницы «Синие скалы». Гостиница на самом краю деревни — уттаки, возможно, и не добрались до нее.

Когда они вышли наверх, там давно стемнело. Жрец уверенно пробирался между скалами при свете полной луны, и вскоре Скампада увидел впереди крышу знакомой ему гостиницы. Здание казалось покинутым, вокруг никого не было.

— Люди ушли, — догадался жрец, — но уттаков, кажется, еще не было. Идем, я помогу тебе.

Они пошли в конюшню, где отыскали коня Скампады.

— Беги за вещами, — сказал Цивинга, взяв у Скампады седло и уздечку.

Скампада побежал в свою комнату укладывать мешки.

Впервые в жизни он хватал вещи с полок и вешалок и засовывал их, как попало, не задумываясь над тем, что они могут испачкаться или помяться. Когда сын первого министра появился с мешками на гостиничном дворе, Цивинга поспешно шагнул к нему с оседланным конем.

— Скорее через задние ворота! — сказал он. — Сюда бежит какая-то шайка!

Они протиснулись в заднюю калитку, поднялись повыше в скалы и притаились, наблюдая за бегущими. Десятка три уттаков гнались за молодым парнем, в котором Скампада узнал Шемму. Лоанец пронесся мимо и исчез в скалах, а за ним и вся толпа.

— Подождем здесь, — шепнул Цивинга. — Уттаки не любят скал, они скоро вернутся.

Пока он помогал Скампаде застегивать мешки и завьючивать коня, уттаки один за другим вернулись в деревню. Шеммы с ними не было. Поравнявшись с гостиницей, дикари налетели на нее и в полной мере утешили себя за неудачную погоню.

— Едва успели, — заметил Цивинга, глядя на буйствующих в гостинице уттаков.

— Едва успели, — подтвердил Скампада. Сегодня ему повезло дважды.

— Идем, я покажу, где можно заночевать. — Цивинга повел Скампаду через скалы до небольшой ровной поляны. — Здесь тебе ничего не грозит — уттаки не ходят в скалы. Чтобы попасть в Келангу, объезжай деревню с юга, по лесу. А мне пора возвращаться.

— Спасибо, друг! — сердечно поблагодарил жреца Скампада. — Ты сделал для меня все, что мог, и даже больше.

— Пустяки. Это недорогая цена за жизнь Освена, — сказал Цивинга и исчез в темноте.

Рано утром, в серых сумерках, Боварран выехал на север. Цокот копыт одинокого всадника, гулко раздававшийся в утренней тишине, окончательно привел в чувство маленькую магиню, лежавшую в полузабытьи на крыше храма. Удар молнии отбросил ее в щель между главным и боковыми куполами храма, где она и пробыла без сознания весь вечер и всю ночь. Магиня зашевелилась, прислушиваясь к стуку конских копыт, еще не понимая, где она находится. Все ее тело болело от ушибов, острая черепица впивалась в ребра и щеку. Воспоминание о случившемся всплыло в ее памяти, заставив застонать сквозь зубы.

Лила выбралась из щели и осмотрелась. Увидев, что внизу нет ни души, она стала осторожно спускаться по скользким от росы камням стыка стены центрального зала и боковой башни. Страха она не чувствовала — после пережитого у нее все онемело внутри. Может быть, поэтому магиня вскоре благополучно достигла земли. Не отдавая себе отчета в действиях, она сняла золотую сетку, нагрудник и взялась за лиф, но тут вспомнила, что ей нечего надеть вместо этих серебряных чашек. Тела убитых подсказали ей простое решение. Лила подошла к трупу деревенского подростка с проломленной головой, сняла с него обувь и верхнюю одежду, взяла валяющуюся рядом шляпу и сумку.

Вернувшись в свой угол, она открыла сумку, чтобы спрятать туда одежду Мороб. В сумке оказались нехитрые крестьянские пожитки — нож в чехле, огниво, трут и еще что-то, завернутое в чистую тряпицу. Лила развернула тряпицу и увидела полкраюхи хлеба и небольшой кусочек сала. При виде заботливо приготовленного ужина, так и оставшегося несъеденным, в ней будто бы рухнул барьер, сдерживавший плач, который не вызвала ни картина резни, ни гибель учителя. Слезы ручьем хлынули по ее лицу, размывая черную и оранжевую краску. Так, вздрагивая и задыхаясь от беззвучных рыданий, она переоделась в крестьянскую одежду, опустилась на колени и прислонилась лбом к холодной стене. Когда слезы кончились и к магине вернулась способность рассуждать, она поняла, что нужно немедленно уходить отсюда. И немедленно умыться, потому что растаявшая краска немилосердно ела глаза.

Лила вспомнила о ручье, текущем в овражке к северу от храма, и пошла к воротам. Человеческая фигура, появившаяся из-за угла, заставила ее вздрогнуть от неожиданности. В следующее

мгновение магиня увидела, что перед ней не уттак, а деревенский паренек, может быть, ровесник тому, чью одежду она надела на себя. Белокурые волосы, чистое белое лицо, ясный взгляд светло-серых глаз, спокойный и без выражения… «Какой странный взгляд», — подумалось магине.

Подросток заметил ее и шагнул к ней. Лила представила себе, как она выглядит — с расплывшимися по лицу черно-оранжевыми потеками — и впилась взглядом в подростка, ожидая его изумления. Но его лицо не дрогнуло, и это поразило ее больше всего. Паренек глядел на нее все тем же ясным, ничего не выражающим взглядом. «Он в шоке после вчерашнего, — догадалась магиня. — Нужно увести его отсюда». Она взяла парня за руку, чувствуя, что с ним бесполезно разговаривать, и потащила за собой. Он послушно пошел за ней.

Оказавшись у ручья, Лила умылась и напилась холодной воды, затем рассмотрела внимательнее своего спутника. Тот неподвижно стоял рядом, глядя, как она плещется в воде.

— Хочешь пить? — показала она на воду. Парень, будто бы по приказу, наклонился и начал пить из пригоршни. Его внешность была характерна для лоанских жителей, поэтому Лила спросила.

— Ты из Лоана?

Парень посмотрел на нее и ничего не ответил.

«У него помутился рассудок, — мелькнуло в голове у Лилы. — Я его вылечу, но сначала нужно уйти подальше».

Она повела его за собой в скалы, куда, как было известно, никогда не ходили уттаки. Там Лила присела на большой плоский камень и усадила лоанца рядом.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Парень молчал.

— Как тебя зовут? — уже настойчивее повторила магиня.

На лице парня отразилось какое-то движение, будто бы он что-то пытался вспомнить. Потом его губы зашевелились.

— Я… не знаю, — ответил он, с трудом выговаривая слова.

Лила озадаченно замолчала.

— Я… есть… хочу, — вновь зашевелил губами лоанец.

Лила порылась в сумке и отдала ему хлеб и сало. Пока он ел, магиня лихорадочно размышляла, что такое могло стрястись с его рассудком. Позабыть свое имя, почти все слова, едва-едва владеть человеческой речью… это, конечно, не простой шок.

Когда лоанец поел, Лила начала исследовать его голову известными ей приемами. Вскоре ей удалось установить, что он не ранен, но, по-видимому, подвергся сильному магическому воздействию.

«Почему? — задумалась она. — Кто h зачем обрушил такую

силу на эту бедную, ничем не выдающуюся крестьянскую голову? Зачем понадобилось полностью лишать его рассудка и памяти?» Движимая состраданием и любопытством, магиня попыталась восстановить его рассудок, надеясь, что изменения в мозгу паренька не были необратимыми.

— Как тебя зовут? — снова задала она вопрос, закончив лечение.

Ответ лоанца ошеломил ее.

— Оригрен, — радостно сказал он. — Меня зовут Оригрен.

— Что?! — переспросила она. — Какой Оригрен? Средний Брат?!

— Да.

— Но почему? Почему ты Оригрен? — удивилась Лила, не веря собственным ушам.

— Меня позвали, — ответил паренек, глядя на нее все тем же ясным, ничего не выражающим взглядом. — Чтобы я нашел себя.

— Почему ты должен найти себя?

— Так нужно.

— Кому?

— Ему. Каморре.

Часть загадки прояснилась. Случившееся с лоанцем было делом рук Каморры. Лила почувствовала, что за этим странным событием кроется что-то очень важное. Она накинулась с расспросами на своего спутника.

— Для чего это нужно Каморре?!

— Не знаю.

— А где ты должен искать себя?

— Там, — паренек указал пальцем на север. — Я знаю, что я там. На острове Керн, у подножия огнедышащей горы. Я глаз Дуава, я смотрю вокруг и не вижу моего народа. Все пещеры давно пусты.

Магине больше ничего не удалось добиться от лоанца, как она ни расспрашивала его. Она продолжила восстановительную магию, но все оказалось бесполезным. Лила провела руками вдоль его тела, чтобы проверить, нет ли дополнительных воздействий, и на уровне груди ощутила под пальцами сильный амулет. За воротом лоанца она обнаружила небольшой кинжал на цепочке.

Вытащив и рассмотрев кинжал, Лила почувствовала, что и удивлению есть предел. Перед ней был кинжал Авенара — личный амулет мага, еще два года назад бывшего сильнейшим из черных жрецов храма Мороб. Надпись иероглифами ордена Саламандры — «с любовью» — идущая вдоль ножен, как нельзя лучше выражала отношение Авенара к миру и жизни, поэтому

буква «А» на торце ручки лишь дополнила ее догадку, возникшую при первом взгляде на кинжал.

Лила вспомнила Авенара, всегда казавшегося юным и жизнерадостным, одаренного великолепным талантом в магии, щедрого и нерасчетливого в дружбе и сострадании. В свой последний день он так же нерасчетливо отдал все силы, чтобы спасти жизнь незнакомого ему человека. Проглотив комок в горле, Лила вынула кинжал из ножен и крепко сжала рукоять. На белом лезвии проступили те же иероглифы, засверкавшие синим блеском — «с любовью!». Кинжал подчинялся ей.

Дальше все оказалось легко. Лила приложила лезвие ко лбу лоанца и повторила лечебные заклинания. Паренек, словно проснувшись, осмысленно посмотрел на нее.

— Как тебя зовут? — вновь повторила магиня.

— Витри, — ответил он. — Как я здесь оказался?

Витри удивленно осматривался вокруг. Только что он сидел в полной темноте, дыша пылью и задевая головой дощатый помост сцены, и вдруг — ясное утро, голубовато-серые искрящиеся скалы, чудесный свежий воздух! Перед ним на корточках сидел подросток в крестьянской одежде, почти мальчишка, с темными разводами грязи по краям измученного, осунувшегося лица. Глаза подростка, ввалившиеся от усталости и казавшиеся от этого огромными, смотрели твердо и требовательно, в руке он держал обнаженный кинжал, купленный Витри в день праздника.

— Это мой кинжал, — заволновался Витри. — Я купил его у жреца за все свои деньги.

— Возьми, — мальчишка вложил кинжал в ножны и сунул лоанцу за рубашку. — Удачная покупка. Если бы не этот кинжал, не разговаривали бы мы сейчас.

— Почему?

— Он защищает от дурной магии. Расскажи, что с тобой случилось вчера, на празднике?

— Вчера? — спросил Витри. — Я не помню ни вечер, ни ночь. Но сейчас и в самом деле утро. Как я сюда попал?

— Это я и хочу узнать. Рассказывай.

В голосе мальчишки чувствовалась воля, заставлявшая Витри подчиняться ему, не задавая лишних вопросов. Лоанец рассказал все от начала нападения — как они с Шеммой залезли под помост, как его спутник ушел на разведку, как появились двое и говорили о каком-то камне. В этом месте мальчишка перебил Витри и начал выпытывать малейшие подробности.

— Они называли друг друга по имени?

— Нет. Один называл другого хозяином.

— Какой камень, они не говорили?

— Красный.

— Ты уверен? — переспросил мальчишка.

— Да, — подтвердил Витри. — Я чувствую, что это так. И еще… кажется, я знаю, где этот камень. Он вон там… — лоанец указал на север, — и он тянет меня к себе.

— А тот, которому приказывали, он пошел за камнем?

— Он должен был отправиться в путь рано утром, еще до зари, — сказал Витри.

— Им нужен Красный камень, это ясно, — вскинулся мальчишка. — Витри, этого нельзя допустить, понимаешь, нельзя! Мы должны успеть взять камень раньше этого человека!

— Мы?! — недоуменно спросил Витри.

— Я без тебя не смогу быстро отыскать камень. Ты ведь пойдешь со мной, Витри? — мальчишка взволнованно сжал руки, его глаза вспыхнули жестким синим огнем. — Ты видел, что вчера происходило в храме?! Так будет на всей К ел аде, если мы не помешаем Каморре!

— Но… — замялся Витри. — У меня ведь важное поручение…

— Сейчас нет ничего важнее Красного камня. Если Каморра получит его, все твои поручения будут никому не нужны, — горячо заговорил его собеседник. — Пока мы сидим здесь и болтаем, время уходит впустую. Решайся, Витри, скорее!

Витри был тверд в своем намерении выполнить поручение Равенора.

— Я здесь не один, а со своим односельчанином, — сказал он. — Мы должны встретиться с Шантором и передать ему важное известие.

— Вы никогда не встретитесь с ним, — голос подростка дрогнул. — Он был убит вчера, во время нападения.

— Убит?! — ужаснулся Витри. — Как же нам быть?!

— Расскажи все мне. Может быть, я смогу помочь.

Витри недоверчиво взглянул на мальчишку.

— Ты, малец… Что ты понимаешь в магии? Такие люди, как Равенор, не знают, что делать, а ты туда же!

Мальчишка скорбно усмехнулся.

— Кого ты собрался просить? Убит Шантор, и сколько еще там осталось наших, я не знаю. Оранжевый алтарь у Каморры. Кто тебе поможет, уттаки?! Ты слишком торопишься пренебречь тем, что имеешь.

Витри подумал, что его собеседник, наверное, был помощником жрецов на Оранжевом алтаре, и за неимением лучшего рассказал ему все.

— Шантор не помог бы тебе, Витри, — покачал головой мальчишка. — Никто у нас не знаком с такой магией. Есть только

один способ справиться с ней — остановить Каморру. Самый верный путь избавиться от напасти — убрать ее причину.

Витри почувствовал справедливость слов этого мальца, оказавшегося рассудительным не по годам, и всерьез задумался над его предложением.

— Я согласен, — сказал он наконец. — Мы пойдем на Керн, но пойдем втроем. Сначала мы отыщем Шемму. У нас в гостинице есть вещи, кони. Я посажу тебя с собой. Конь хороший, выдержит.

Мальчишка с готовностью кивнул.

— Какая у вас гостиница? — спросил он.

— «Синие скалы».

— Хорошо. Это рядом. Она на краю деревни, уттаки могли ее не заметить.

Мальчишка с легкостью козленка запрыгал с камня на камень, пробираясь между скалами. Витри с трудом успевал за ним, чувствуя себя неуклюжим, как Шемма. Лоанец отдышался, лишь когда они присели за большим камнем и его спутник сделал предупреждающий жест, показывая, что нужно притаиться. Они оба осторожно выглянули из-за камня и увидели то, что меньше всего ожидали увидеть. На улицах деревни шел ожесточенный бой.

— Если бы мы не остановились, в полночь мы были бы у цели, — сказал Вальборн Магистру. — Почему вы настаивали на привале?

Лагерь спал, но четверо друзей все еще сидели у костра за разговором, допивая чай. Тревинер подпихивал ногой в костер обгоревшие концы палок, прислушиваясь к беседе Вальборна и Магистра, Альмарен не отрывал глаз от текучей жизни огненных язычков. Он любил смотреть на огонь.

— Какой смысл изматывать людей, если в этом нет нужды? — раздался ответ Магистра. — Да и на алтаре устали после праздника. Ритуал тянется от полудня до заката. Вы это помните, Вальборн?

— Припоминаю. Я бывал на празднике подростком, а потом перестал его посещать. Каждый год одно и то же. Я бы на месте жрецов что-нибудь новенькое придумал.

— Традиции, — заметил Магистр. — Многие простые люди бывают на празднике один-два раза в жизни. Они не так привередливы, как мы с вами.

— А вы тоже давно не посещали праздник? — поинтересовался Вальборн.

— С тех пор, как поселился в Тире. Я и с Шантором познакомился только в этом году, на совете магов. Мудрый старик, не зря он столько лет — магистр первого на Келаде

ордена магов.

— А мы с ним хорошо знакомы, соседи все-таки. Я бываю у него проездом в Келангу и обратно. Мне приходится навещать своего дядюшку раз или два в год, для поддержания отношений.

— Вам нужно чаще бывать на Оранжевом алтаре, мой правитель, — подал голос Тревинер. — Таких красавиц, как там, на всей Келаде не сыщешь, а вам пора подумать о продолжении рода Кельварна.

— Я как раз и думаю об этом, дорогой мой Тревинер, потому и не интересуюсь твоими красавицами, — поглядел на него Вальборн. — Я не хочу ломать голову над тем, кто отец наследника рода Кельварна — я или какой-нибудь молодец вроде тебя.

Будь здесь Скампада, знаток келадской генеалогии, он мог бы объяснить правителю Бетлинка, для каких дел вовсе нет нужды быть оранжевой жрицей. Но и Тревинер не подкачал.

— А чем я плох для продолжения рода Кельварна? — весело оскалившись, спросил он. — Чтобы быть в чем-то уверенным, мой правитель, вы должны взять жену из этого рода.

Видимо, шутка Тревинера так устарела, что Вальборн и не рассмеялся, и не обиделся.

— А почему бы нет? — только и сказал он.

Магистр заинтересованно посмотрел на него.

— Где вы возьмете такую жену, Вальборн? — полюбопытствовал он. — На Келаде нет подходящих вам девушек. У Берсерена нет своих детей, к тому же он — ваш близкий родственник. Донкар — сами знаете, у него только трое сыновей.

— У Норрена есть дочь, насколько я знаю, — было видно, что правитель Бетлинка не шутил. Альмарен, оторвавшись от созерцания костра, поднял голову и внимательно посмотрел на Вальборна, будто бы увидел его впервые.

— Фирелла? — удивился Магистр. — Но ей всего двенадцать лет.

— Вы видели ее, Магистр? Она хороша собой?

— Да, — медленно ответил Магистр, потом еще раз повторил. — Да.

— Я так и думал, — обрадовался Вальборн. — Мы — дальняя родня, с этой стороны препятствий не будет.

— У любого дела есть по меньшей мере две стороны. Она еще ребенок.

— Ей двенадцать лет, а мне. — двадцать восемь, — начал объяснять Вальборн, — Через пять лет ей будет семнадцать, а мне — тридцать три. Я не тороплюсь. И вы верно заметили, Магистр, у Берсерена нет своих детей. Придет время, и я стану правителем

Келанги. Моя жена должна быть мне ровней, а не какой-нибудь девчонкой из-под забора.

Магистр не ответил. Взглянув на него, Альмарен увидел, как тот изменился в лице, и вмешался в разговор, чтобы сменить неприятную для друга тему.

— Скажите, Вальборн, — спросил он с неловкой поспешностью, — а где вы собираетесь размещать людей на Оранжевом алтаре? Поселок не приспособлен для содержания такого войска.

Вальборн не заметил мгновенной неловкости и не удивился любопытству Альмарена в вопросе, естественном для него самого.

— Я думал об этом, — ответил он. — К северу от храма есть просторная поляна, а рядом — овражек с питьевой водой. Конечно, я не собираюсь обременять постоем местных жителей. За провизией будем раз в неделю посылать обоз к Берсерену. Я договорился с ним… Что это?

Все четверо прислушались. Со стороны дороги донеслось что-то вроде отдаленного возгласа, затем звук повторился.

— Стража заснула, бездельники, — недовольно сказал Вальборн. — Мы здесь все слышим, а они ничего не замечают.

Но он ошибся. Вскоре стражники привели к костру нескольких несчастных с виду, усталых людей с наспех собранными узлами и мешками.

— Кто вы такие? — поднялся им навстречу Вальборн.

— Мы с Оранжевого алтаря, ваша светлость, — объяснил один из них. — Уттаки напали и захватили все — и поселок, и алтарь.

Беженцы все прибывали и прибывали. Они устраивались на ночлег в лагере Вальборна, чувствуя себя здесь в безопасности. Воины один за другим просыпались от шума, пересказывали и обсуждали дурную новость, которая в ближайшем будущем должна была коснуться непосредственно их самих.

Вальборн мерил шагами вытоптанную площадку перед костром. Он считал себя ответственным за случившееся, поэтому сознание собственной вины не давало ему покоя.

— Какие-то сутки, даже меньше, чем сутки… — проговорил он, резким движением сжав руку в кулак. — Если бы знать заранее… мы шли бы день и ночь.

— Каморра торопит события, — отозвался Магистр, стоявший по другую сторону костра. — Интересно, большое у него здесь войско?

Вальборн вскинул взгляд на Магистра.

— Действительно, интересно. Нужно узнать у этих, которые оттуда. Тревинер!

Охотник, который был рядом и все слышал, без лишних вопросов отправился к беженцам. Вернувшись, он доложил своему правителю.

— Уттаков примерно вдвое больше, чем наших. Их возглавляет Каморра.

— Прекрасно! Лаункара — ко мне! — проводив глазами охотника, Вальборн обратился к Магистру. — Если мы выйдем чуть свет, к восходу солнца мы будем на алтаре. Нужно застать их врасплох, тогда ни один уттак не уйдет от нас. И Каморра, надеюсь, тоже.

Войско чуть свет двинулось в путь. Дойдя до поляны, где располагался алтарный поселок, Вальборн остановил людей на опушке и выехал на край леса. Издали поселок выглядел, как обычно, ничто не говорило о вчерашнем нападении. Посмотрев внимательнее, Вальборн увидел на косогоре между поселком и алтарем острые вершины конических, крытых шкурами уттакских шалашей. Шалаши повыше и побогаче, как он знал, принадлежали вождям. Охраны не было видно.

Составив план нападения, Вальборн вернулся и поделил войско на три отряда. Один отряд он послал к восточному краю деревни, другой — к западному, туда, где располагалась центральная площадь. Последний, конный отряд он повел сам на храм Саламандру. Отряды разошлись по опушке леса и одновременно двинулись в атаку.

Хотя беспечные уттаки не выставили охраны, а Каморра, занятый подготовкой Боваррана, не обратил на это внимания, войскам Вальборна не удалось подойти незамеченными. Утро было не раннее, солнце поднималось выше скал. Кое-кто из уттаков уже проснулся и выбрался из шалашей на поиски еды. Войско было на полпути к деревне, когда раздались тревожные вопли уттаков, способные поднять и мертвого. И стоянка, и деревня, и храм в считанные мгновения ожили, как разворошенный муравейник. Дикари, оставив шалаши и деревенские избы, похватали оружие и подготовились к бою.

Шум на алтарной площади разбудил Каморру. Пока маг, выглянув из окна, пытался понять, чем вызвана тревога, прибежал помощник и доложил, что большое войско из Келанги атакует алтарь. Каморра знал, что уттакских сил недостаточно, чтобы оказать сопротивление. Он наспех оделся, выбежал из дома и вскочил на коня как раз в тот момент, когда отряд Вальборна входил в ворота ограды.

Единственный выход был закрыт, но Каморра, хорошо знавший расположение алтарных строений, и не собирался пробиваться на свободу этим путем. Приказав уттакам защищать

ворота, он сделал знак помощникам следовать за ним. К противоположной стене ограды примыкали сараи и амбары — невысокие каменные строения с плоскими крышами. Оказаться на крыше, а затем перемахнуть через ограду не составляло труда ни для хорошего коня, ни для опытного конника.

Удрав с алтаря и достигнув опушки, Каморра использовал белый диск, чтобы подать сигнал к отступлению все еще сражающимся уттакам, и увел помощников в лес. Он уже не видел, как уттаки бежали по поляне, преследуемые воинами. Основная часть войск Вальборна была пешей, поэтому многим дикарям удалось скрыться в лесу, где преследовать их было безнадежно. Вновь применив диск, Каморра собрал остатки уттаков и привел их подальше на север, по направлению к Бетлинку. Внутри у него все кипело — какой-то мальчишка, которого он выставил из собственного замка, как новорожденного котенка, внезапно вернулся и вынудил его сломя голову, почти что в одном исподнем спасаться бегством. Маг с досады забыл о быстро текущем времени, о том, что он сам давно не молод, а правитель Бетлинка вышел из детского возраста.

Из уттаков, ночевавших на территории алтаря, никому не удалось спастись. Правитель Бетлинка со своей командой знал толк в рукопашном бое. Часть воинов осталась у ворот, перекрывая выход, остальные мечами и копьями расчищали алтарную площадь от уттаков. Альмарен приотстал от первых рядов, не справившись с заупрямившимся Налем, поэтому ему не довелось вволю помахать мечом. Он замечал впереди то Вальборна, методично и без промаха наносящего удары, то Тревинера в самой гуще сражения, на своей длинноногой Чиане, злой и азартной в бою, как и ее хозяин. Восхищение шевельнулось в Альмарене, когда его взгляд выхватил среди уттаков сражающегося Магистра. Тот был далеко впереди и размахивал направо и налево длинным, сверкающим, голубизной мечом Грифона, мощными ударами срубая не только немытые уттакские головы, но и древки копий, и даже рукояти замахивающихся на него секир.

Когда Альмарен, наконец, заставил коня пойти в гущу схватки, дикари были уже перебиты. Всадники кружили по двору в поисках затаившегося или зазевавшегося в доме уттака. Вальборн остановился посреди площади, к нему подъехал Магистр. Альмарен направил коня к ним и услышал раздраженный голос правителя Бетлинка.

— Каморры нет как нет, — сердился Вальборн. — Как сквозь землю провалился.

— Он не был бы опасным врагом, если бы его так легко

можно было взять, — отвечал Магистр. — Здесь есть еще одни ворота?

— Здесь есть потайные ходы, через которые можно уйти, — сказал Альмарен, подъезжая.

— Ты знаешь, где они? — спросили оба разом.

— Нет. Я только слышал об этом. Каморра был магом Саламандры, он мог знать их.

— С лошадьми — через потайной ход? Вряд ли, — засомневался Магистр. — Ограда храма достаточно низкая.

— Как бы то ни было, он ушел, — подосадовал Вальборн. — Зато уттаки все побиты.

— Мы не знаем, как дела в деревне, — заметил Магистр.

— Сейчас узнаем. Должен сказать, что вы сражаетесь еще лучше, чем я думал, Магистр. — Вальборн с видом знатока посмотрел на оружие Магистра. — Мне до сих пор не случалось видеть такого прекрасного меча. Покажите лезвие… Даже не зазубрилось!

— Магистру ордена Грифона стыдно не иметь хорошего меча, — сказал Магистр. — Кстати, Вальборн, месяца через полтора в Келангу должен прийти обоз с оружием из Тира. Там будут мечи, достойные руки правителя.

— И мне бы такой же! — встрял только что подъехавший Тревинер, веселый от победы. — Мой босханский — им бы только скотину погонять.

Он выставил напоказ свой широкий, короткий меч, весь в крови.

— Тревинер, сколько раз я от тебя слышал, что лучший меч — это твой лук Феникса? — напомнил ему Вальборн.

— Увы, сегодня я так и не снял его с плеча. Битвы бывают всякие, есть и такие, где лучший лук — это меч, — охотник скорбно закатил глаза. — Так как насчет обоза?!

— Лучший меч — тебе, следующий — мне, — иронически сказал Вальборн. — Ты, надеюсь, доволен?

— Я в восторге, мой правитель, — радостно ухмыльнулся Тревинер. — Смотрите-ка туда! — он указал рукой куда-то за спину Магистра. — Великий феникс, это же мои красотки!

Из дома, стоящего в направлении, указанном Тревинером, вывели оранжевых жриц, запертых там в качестве добычи уттакских вождей. Охотник поскакал к ним, спешился и пошел обнимать зареванных, растрепанных алтарных красавиц, которые обрадованно висли на шее у своего спасителя.

Вальборн усмехнулся ему вслед и повернулся к своим собеседникам.

— Жрицы здесь, — сказал он. — А где могут быть жрецы?

Магистр обвел взглядом заваленную трупами площадь. Вальборн понял его без слов. Позвав людей, он приказал вынести трупы за ограду, алтаря и зарыть их все, кроме тел жрецов. Тела жрецов Вальборн велел положить в храме перед статуей богини.

— Что, наверное, творится в храме! — с горечью сказал он. — Зайдем?

Все трое оставили коней у дверей храма и вошли внутрь. Их встретил тяжелый запах крови. В храме почти не было убитых уттаков — на полу валялись трупы келадских жителей в нарядных одеждах. Ближе к сцене изредка встречались тела людей в оранжевых накидках — жрецов, участвовавших в ритуале. Перед статуей рядом с разбитым жертвенником лежал мертвый старик в черной накидке. Друзья узнали убитого и молча остановились над ним.

— Какое горе… — сказал, наконец, Магистр. — Какая потеря…

— Я никогда себе этого не прощу, — отозвался Вальборн.

— Я вас понимаю, Вальборн. Но вашей вины здесь нет. — Магистр сочувственно посмотрел на правителя Бетлинка. — Вы сделали все возможное.

— Мы похороним его с почестями. Тело перенесут в дом, где жрицы подготовят его для прощания. Завтра будет совершен погребальный обряд.

— День погребения магистра ордена Саламандры — это день скорби для всей Келады, — вздохнул Магистр. — А если это такой человек, как Шантор…

— Здесь еще двое, — дрогнувшим голосом сказал Альмарен. У скрещенных ног статуи Мороб лежали два трупа в черных накидках.

— Сколько же их осталось в живых? — с тревогой в голосе спросил Магистр.

— Их было семеро, — ответил Вальборн.

— Значит, осталось четверо. — Магистр подвел печальный итог. — Орден потерял почти половину своих искуснейших магов.

— Каморра расплатится за все, — холодно сказал Вальборн. — Идемте, друзья. Нужно позаботиться и о мертвых, и о живых.

Выйдя из храма, они встретили Лаункара, руководившего атакой на деревню. Военачальник, увидев правителя, спешился и подошел к нему.

— Как дела? — спросил у него Вальборн.

— Мы выгнали уттаков из деревни и заняли ее.

— Выгнали? Они что, ушли?! Вы должны были прикончить их всех!

— Нам не удалось застать их врасплох, но мы перебили бы всех, если бы они продолжали сражение. Но дикари вдруг все, как один, развернулись и побежали в лес. Кого-то мы догнали, конечно, но многие спаслись.

Вальборн сдержал подступивший гнев.

— Ладно, — сказал он. — Что-нибудь есть еще?

— Мы захватили их пожитки. Шалаши и прочую дрянь.

— Все сжечь. Деревня все равно пуста, разместите людей в домах. Подыщите и нам что-нибудь. И выставьте стражу — не будем повторять их глупостей.

Отослав Лаункара, Вальборн предложил пойти к жрицам и расспросить их, где могут скрываться остальные обитатели Оранжевого алтаря. Там выяснилось, что большинства оранжевых жрецов в этот момент не было в храме и, наверное, они спаслись через потайные ходы. О черных жрецах ничего не было известно. Сообщение о смерти Шантора вызвало новые потоки слез у измученных, перепуганных женщин. Тревинера здесь уже не было — он умчался куда-то по своим делам.

После разговора со жрицами Магистр и Альмарен расстались с Вальборном, оставшимся присмотреть за очисткой храма, и выехали в деревню. На центральной площади они увидели Тревинера, махавшего им рукой.

— Лаункар предлагает нам вот этот особнячок, — прокричал он издали, указывая на небольшой двухэтажный дом, принадлежавший, по-видимому, богатому деревенскому торговцу. — Я тут насчет обеда позаботился, милости просим!

Предложение Тревинера было кстати. Время шло к обеду, а никто еще не завтракал. Друзья заехали во двор, оставили коней и вошли вслед за охотником прямо к накрытому столу.

— Здесь и койки найдутся, — рассказывал Тревинер, уплетая за обе щеки. — Поедим, и все вам покажу. Правда, там побывали уттаки, но после бессонной ночи и это сойдет. Не поспишь — не повоюешь.

Альмарен был полностью согласен с охотником. Он чувствовал себя совершенно разбитым, не столько от бессонной ночи, сколько от вида ужасной бойни, устроенной уттаками. После еды они с Магистром пошли в указанную Тревинером комнату, где стояли две потрепанные кровати, улеглись на них и уснули мертвым сном.

XX

Витри наблюдал за боем из-за камня и выслушивал объяснения своего спутника.

— Ты был под влиянием магии Каморры, — говорил тот. — Он понял, что ты его подслушал, и лишил тебя памяти.

— Чего он хотел этим добиться? — спросил Витри. — Не прошло и суток, как я все вспомнил.

— Кинжал Авенара защитил тебя, — ответил ему мальчишка. — Твой рассудок не был разрушен, а только заснул, поэтому мне удалось разбудить его.

Витри подумал, что недооценил парнишку. Кажется, тот владел магическим искусством, несмотря на то, что был всего-навсего помощником жреца. Теперь лоанец больше доверял своему спутнику и яснее осознавал необходимость не отдавать Красный камень Каморре. Он постоянно ощущал в себе зов, притяжение, идущее из точки, где находился камень, и спросил мальчишку, откуда это могло взяться.

— То же самое чувствует и посланец Каморры, — ответил тот. — Это должно облегчить ему поиски камня. Ты был рядом, поэтому заклинание Каморры подействовало и на тебя.

— Понятно, — сказал Витри. — Мы должны пойти за камнем. Если Шемма не согласится, пойдем вдвоем. Это далеко?

— Около двух недель пути в один конец. И еще нужно как-то переправиться через пролив.

— Я рыбак и умею обращаться с лодкой. Там можно достать лодку?

— Не знаю.

— Что-нибудь придумаем. Если потребуется, я сумею сделать плот.

— Хорошо. Но ты ничего не сделаешь без топора и веревки. Чтобы дойти, нам нужно взять с собой хотя бы самое необходимое.

— Да. Я боюсь, что все наши вещи пропали. — Витри кивнул на гостиницу, во дворе которой воины теснили отчаянно отбивающихся уттаков. — Откуда могло взяться это войско?

— Это форма войск правителя Келанги. Неужели Берсерен здесь? — В голосе мальчишки не прозвучало особой радости.

— Смотри, смотри! — обрадованно зашептал Витри. — Уттаки побежали!

Уттаки разом оставили деревню и теперь бежали вниз по косогору, направляясь к лесу. Воины устремились за ними. Деревня, только что кишащая боем, пустела на глазах. Из ворот

гостиничного сарая показалась группа уттаков верхом на захваченных конях и поскакала вслед за уходящими.

— Кони! — охнул Витри. — Наши кони!

— Мы не догоним посланца Каморры, если пойдем пешком, — с досадой сказал мальчишка, провожая глазами скачущую группу. — Идем в гостиницу. Может быть, они угнали не всех коней.

Витри и его спутник спустились со скал в опустевшую гостиницу и заглянули в сарай, но коней там не нашли. Они вышли из сарая и поднялись на второй этаж в комнату лоанцев. В ней, как и везде, царил страшный разгром и не сохранилось в целости ни одного полезного предмета. Окинув взглядом открывшуюся картину, мальчишка сказал:

— Мне нужно пробраться к себе и взять кое-какие вещи. Я пойду туда в одиночку. Какие планы у тебя?

— Я должен отыскать Шемму, — сказал Витри.

— Узнай заодно, кто руководит войсками и где остановился. Встретимся здесь же, в этой комнате.

Они вышли из гостиницы. Витри пошел в деревню, а его спутник поспешил назад, в скалы.

Витри прошел по деревенским улицам, вглядываясь в убитых. Шеммы среди них не было. Закончив поиски в деревне, он пошел к храму. Там выносили трупы и смывали кровь с пола, выложенного пестрой каменной мозаикой. Витри сделал круг по площади, ища среди трупов Шемму, но того не оказалось ни среди живых, ни среди мертвых. Он начал расспрашивать окружающих, не видели ли они… и описывал Шемму. Наконец, кто-то из воинов ответил ему:

— Плотный, говоришь? Значит, они съели его. Уттаки любят жирную человечину.

Витри уставился на говорившего, но тот смотрел совершенно серьезно.

— Они вчера хорошо попировали, — добавил воин. — Мы нашли кучи человеческих костей.

Витри похолодел, но не принял этого предположения. Оставалась еще надежда, что Шемма тоже ищет его, но они разминулись по пути в гостиницу. Он вспомнил о просьбе своего нового знакомого и спросил, кто командует войском.

— Вальборн, племянник его величества, — услышал Витри в ответ. — А вон и он сам, если у тебя к нему дело.

Крепкий мужчина лет тридцати стоял неподалеку и что-то говорил группе собравшихся вокруг воинов. Но у Витри не было никаких дел к племяннику его величества. Он пошел назад в гостиницу.

Мальчишка уже был в комнате и смотрел в окно. Он поспешно повернулся навстречу лоанцу.

— Шемма… не приходил? — упавшим голосом спросил Витри.

— Нет.

У Витри перехватило горло. В этот момент он понял, как сроднился за время, проведенное в дороге, со своим шумным, прожорливым, бесхитростным товарищем, как до последнего надеялся, что Шемма спасся и встретит его здесь, в этой комнате. Слезы сами потекли по лицу лоанца. Он опустился на кровать и зарыдал, все громче и отчаяннее.

— Витри… Витри… — услышал он тихий голос своего спутника и почувствовал осторожное, утешающее прикосновение руки. — Подожди отчаиваться… может быть, он еще жив…

— Они съели его! — всхлипнул Витри. — Он ведь гордился тем, что он вкусный…

— Ты же не видел его мертвым. Не торопись, Витри… Он мог убежать отсюда.

— Он не бросил бы меня, он искал бы меня… мы обязательно нашли бы друг друга…

— Что делать, Витри… — в голосе, зазвучавшем совсем рядом с лоанцем, слышалась печаль. — Бывают и непоправимые утраты, но, пока твоя жизнь нужна кому-то, их еще можно перенести.

Витри, удивленный печальной нежностью голоса своего спутника, поднял голову и взглянул на него. Выражение мягкости и сострадания на тонком лице с глубокими синими глазами вызвало у лоанца мгновенную догадку.

— Ты… ты не мужчина? — от изумления Витри забыл о своем горе. — Кто же ты?!

— Ну кем я могу быть, если я не мужчина? Женщина, конечно.

Витри ошалело закивал головой. Сейчас, глядя на нее, он не мог понять, как сумел так обознаться.

— Я думал, что ты — ученик жрецов, — сказал он.

— Я — черная жрица храма, ученица Шантора. Его убили вчера у меня на глазах. Десять лет он был мне отцом и учителем, и вот теперь его нет. Мы с тобой родня по горю, Витри.

Она смотрела на лоанца немигающим взглядом.

— Мы можем почтить их память, но не слезами, — вновь заговорила она. — Человек, который погубил наших близких, еще ходит по земле и сколько еще принесет горя, если не остановить его. Если мы можем помешать ему, мы обязаны это сделать. Ты понимаешь?

— Да, — сказал Витри, ощутив, что боль и отчаяние сменились в нем спокойной сосредоточенностью. — Скорее на Керн, да?! Подожди, я ведь не спросил, как тебя зовут.

— Лила. А что касается снаряжения… Кто привел это войско?

— Племянник правителя Келанги.

— Вальборн?! Это хорошо, — она вскинула голову, и тут Витри понял, почему он обознался при первой встрече. Выражение, упорства и воли, проступившее в ее взгляде, казалось невозможным на лице женщины. — Мы попросим помощи у него. Идем, Витри!

И крестьян, и воинов хоронили в общей могиле. Поодаль выкопали большую яму, куда скидывали уттаков. Работы по очистке алтарной территории заканчивались. Вальборн, до сих пор превозмогавший усталость, вспомнил о еде и отдыхе. Он пошел в деревню, в дом, указанный Лаункаром, но задержался у места захоронения, чтобы оценить свои и чужие потери.

— Ваша светлость?! — раздался за его спиной голос, слишком высокий, чтобы быть мужским.

Обернувшись, Вальборн увидел двух подростков-крестьян, подошедших к нему с дороги. Один, чуть повыше, светловолосый, был без головного убора, на другом была мягкая крестьянская шляпа со свисающими полями. Из-под шляпы смотрели решительные синие глаза.

— Что вам нужно, мальчики? — спросил Вальборн.

— Нам нужна ваша помощь, — ответил синеглазый подросток, чуть приспуская ресницы.

— Какая помощь?

— У нас с вами есть общий враг — Каморра, — сказал синеглазый. — Мы знаем, как помешать некоторым его планам. Для этого нам нужны кони и снаряжение на месяц.

— Ничего себе — кони! — Вальборн удивился нахальству мальчишки. — Только треть моих воинов имеет коней. Если вам известны, как вы выразились, некоторые планы Каморры, расскажите мне о них и, соответственно, о своих планах. Вот тогда я подумаю, стоит ли вам оказывать помощь, и какую.

Подросток нахмурился, но, видимо, признал требование Вальборна справедливым.

— Вы когда-нибудь слышали о камнях Трех Братьев? — спросил он.

— Эти сказки? — переспросил Вальборн. — Что-то слышал.

— Камни существуют, и Каморра ищет их, — заявил синеглазый. — Мы узнали, что один из камней, Красный, находится на острове Керн. Сегодня утром за ним отправился посланец Каморры. Нам нужно опередить его, а без коней это

невозможно.

— Почему я должен верить вам? — Вальборн недоверчиво окинул его взглядом. — У меня в войске нет лишнего снаряжения, а тем более коней.

Подросток какое-то мгновение молчал, затем без смущения встретил оценивающий взгляд Вальборна и произнес, четко выделяя каждое слово:

— Ради той, которая спасла вам жизнь, сделайте это.

— Ради великой Мороб? — изумился Вальборн. — Допустим, я поверю, что вы пойдете на Керн, а не улизнете к себе в деревню. В лагере найдется снаряжение — среди воинов, к несчастью, есть потери. Провизия тоже найдется. Но дать коней я никак не могу, да это и бессмысленно. Вам все равно придется оставить их у Бетлинка. Дальше путь на Керн пойдет по берегу Руны, а там — одни валуны. Лошади попросту переломают себе ноги.

— Тот человек уехал верхом. Мы безнадежно отстанем от него еще до Бетлинка. Сейчас уже за полдень.

— Выбирайте, мальчики, — сказал Вальборн. — Либо вы берете то, что я согласен дать, либо не берете ничего. И благодарите богиню за мою снисходительность. Вы нисколько не похожи на людей, знающих планы Каморры, а тем более — на людей, способных помешать ему.

Подростки переглянулись.

— Вы делаете ошибку, ваша светлость, — в голосе синеглазого слышался упрек. — Вы о ней пожалеете, и хорошо, если только вы. Но, вы верно заметили, у нас нет выбора, поэтому мы согласны на ваши условия.

Вальборн подавил приступ внезапно подкатившего смеха. Нахальный щенок, кажется, отчитывал его, правителя Бетлинка. Это было так нелепо, что правитель даже не рассердился. Он отвел обоих подростков к обозным телегам и распорядился выдать снаряжение.

— Не боитесь промокнуть? — поинтересовался он, видя, что они не берут с собой ни запасной одежды, ни обуви.

— Коней нет, все придется нести на себе, — ответил синеглазый, затягивая веревку мешка.

— Ну что ж, удачи вам! — Вальборн не очень верил парнишке, но не мог не сказать ему в дорогу доброго слова. — Каморре несдобровать, раз за дело взялись такие удальцы, как вы, — не удержался он от шутки при виде этих мальчиков, почти детей, каждый из которых едва доставал ему до плеча.

— И вам удачи, — ответил подросток, не обращая внимания на шутку. — Она всем нам понадобится.

Они надели на плечи лямки мешков, собираясь выйти в путь.

— А кто вы такие? — спросил напоследок Вальборн. — Как вас зовут?

— Я — Ли… Лилигрен, — в синих глазах подростка сверкнула шальная искра. — А это — Оригрен, — кивнул он на своего спутника.

Вальборн не нашелся, что сказать. Странная пара, не дожидаясь его ответа, зашагала по дороге, ведущей в Бетлинк. Правитель пошел в противоположную сторону, в деревню. Когда он отыскал нужный дом, он уже не помнил о двоих мальчиках, вытесненных из его мыслей впечатлениями и заботами сегодняшнего дня.

Дом показался Вальборну совершенно пустым, лишь остатки обеда говорили о том, что его друзья побывали здесь. Пообедав, чем было, он пошел по комнатам в поисках дивана или койки, чтобы прилечь. В угловой комнате он увидел две кровати, на одной раскинулся Магистр, на другой по подушке рассыпались длинные волосы Альмарена. Оба даже не шевельнулись на скрип приоткрываемой двери.

«Спят, как ни в чем не бывало, — подумал Вальборн. — Бери и выноси».

В этот момент из-под кровати Магистра показалась клыкастая голова Вайка, а за ней и большое, гладкое, как у лошади, тело. Клыкан знал Вальборна, но, несмотря на это, пошел к двери, предупредительно оскалив клыки.

Вальборн прикрыл дверь. С таким сторожем эти двое могли спать спокойно. Он вспомнил, как Вайк сегодня в битве прикрывал Магистра сзади. Пес охранял хозяина и никакой боевой азарт не мог заставить его забыть эту обязанность.

«Что это — дрессировка или ум? Как кстати такие собачки были бы в Бетлинке…» — в очередной раз подумалось Вальборну.

В следующей комнате он обнаружил спящего Тревинера. Дверь открылась бесшумно, но охотник мгновенно проснулся и сел, уставившись на вошедшего. Многолетняя привычка ночевать в лесу развила в нем звериную чуткость.

— Это вы, мой правитель? — в голосе охотника не было сонной расслабленности. — Дело к вечеру, а вы все чем-то заняты. Вы нашли еду?

— Нашел. Лаункар приходил?

— Нет еще. Вы отдохните, пока есть возможность. — Тревинер кивком указал на кровать в переднем углу комнаты.

Вальборн сел и начал стаскивать обувь. В дверь постучали. На Тревинерово «Кто там?» в комнату вошел человек примерно одною возраста с охотником. Черная накидка и коротко подрезанные волосы указывали, что это — черный жрец храма

Саламандры. Приглядевшись, Вальборн узнал его.

— Цивинга, вы?! Рад видеть вас живым и невредимым.

— Я по поручению Осбена. Сам он ранен и не может прийти.

Вальборн понял, что отдых придется отложить. Он обулся и встал.

— Идемте в гостиную, там, кажется, есть несколько уцелевших стульев. И ты тоже, Тревинер. Твое знание уттаков может понадобиться.

Когда они уселись для разговора, Цивинга начал с рассказа о вчерашних событиях. Где-то на середине рассказа в гостиную вошли Магистр и Альмарен, поднявшиеся после отдыха.

— Альмарен, приятель, ты ли это?! — радостно воскликнул Цивинга при виде молодого мага. Сколько же лет прошло, как ты у нас гостил? Не меньше трех, клянусь богиней.

— Весной было три года, — улыбнулся ему в ответ Альмарен, подходя ближе. — Я сильно изменился?

— Да нет, не сказал бы. Все такой же, только еще длиннее, — жрец дружески хлопнул мага по плечу. — Если ты ехал на праздник, тебе повезло, что ты опоздал, — добавил он уже менее радостно.

— Я знаю, Цивинга. Мы были в храме.

— Вас не затруднит повторить ваш рассказ? — обратился к жрецу Магистр. — Я — магистр ордена Грифона, мне хотелось бы узнать подробности.

Цивинга с уважением посмотрел на него.

— Рад с вами познакомиться. Шантор хорошо отзывался о вас. Конечно, я расскажу все, что вас интересует. — Жрец повторил начало рассказа, затем продолжил его уже для четверых собеседников.

— Сейчас все, кто остался в живых, вернулись на алтарь, — закончил он. — Освен еще не встает, но его жизнь вне опасности. Скоро, к несчастью, нам предстоит выбирать нового магистра. То, что им будет Освен, хоть как-то уменьшит тяжесть потери.

— Что его интересует? — обратился Вальборн к жрецу. — Спрашивайте, Цивинга.

— Судьба алтаря сейчас зависит от ваших планов. Нам важно знать, остаетесь ли вы защищать алтарь, отступаете ли в Келангу или намереваетесь пойти дальше, на Бетлинк.

— Мы обсуждали это с Шантором, когда я был здесь в последний раз, — сказал Вальборн. — Я пришел сюда с войском, чтобы защищать алтарь. Мне очень жаль, Цивинга, что я прибыл на сутки позже, чем нужно. Войско останется здесь до тех пор, пока в состоянии сдерживать Каморру с его уттаками.

— Это радостное для нас известие, — напряженные складки

на лице жреца расправились.

Магистр, слушавший разговор Цивинги и Вальборна, наоборот, нахмурился. По рассказам Тревинера он составил представление о расположении и численности уттакских сил, и оно не было утешительным.

— Я должен разочаровать вас, Цивинга, — вмешался он в разговор. — Войск здесь недостаточно, чтобы помешать Каморре взять алтарь, если он всерьез захочет этого. Я не могу считать его вчерашнюю вылазку серьезной.

Настала очередь Вальборна нахмуриться. Они с Магистром еще не обсуждали итогов боя, поэтому правитель не понимал, откуда у того взялся такой пессимистический взгляд на сегодняшнюю победу.

— Объяснитесь, Магистр, — недовольно сказал он. — Как понимать ваши слова?

— В верховьях Иммы есть несколько уттакских военных стоянок, где счет идет на тысячи дикарей. Несмотря на это, Каморра явился сюда от силы с пятью сотнями уттаков и по меньшей мере легкомысленно отнесся к обороне захваченного. Я хотел бы знать, чем это вызвано, кроме желания набезобразничать на празднике. Очень странная вылазка.

— Откуда ему знать о военной тактике? — сказал Вальборн. — Вспомните, кто он. Нет ничего загадочного в том, что он делает такие ошибки.

— Конечно, Каморра не обучался теории ведения боя. Но мы-то с вами знаем, что в ней нет ничего сложного, — возразил Магистр. — Каморра не глуп, и нельзя объяснять его действия стремлением избавиться от лишних уттаков.

— У вас есть другие объяснения, Магистр? — спросил Вальборн.

— К сожалению, нет. Действия Каморры для меня необъяснимы. Поэтому предсказать, как он поведет себя дальше, труднее, чем с позиции здравого смысла. Он действует агрессивнее, чем предполагалось, а Оранжевый алтарь — первый пункт на его пути. Я бы советовал вам, Цивинга, немедленно отправить всех женщин в Келангу.

— Вы не верите, что нам удастся удержать алтарь? — с возрастающим недовольством спросил Вальборн.

— Вы же сами говорили, Вальборн, что Берсерен пожадничал на войско. Если Каморра, зная о войске на Оранжевом алтаре, задержится с наступлением — это хорошо. Это позволит нам собрать основные силы. Но если он все-таки нападет на алтарь, сопротивление приведет к ненужным жертвам. Я не боюсь смерти, но предпочел бы отдать свою жизнь с большей пользой.

— Значит, вы считаете, что Каморра выставит нас отсюда, — хмуро сказал Вальборн. — На меня все будут пальцами показывать, если я сдам алтарь без сопротивления.

— Это обычная участь тех, кто впереди — мало славы, много крови. Исключения редки. Я бы на вашем месте, Вальборн, не думал о том, что скажут другие, — заметил Магистр. — Но я только советую, а приказываете здесь вы. Принимать решение — ваше право.

— Я его принял. Цивинга, скажите Освену, что войско будет защищать алтарь.

— Тогда у меня к вам личная просьба, Вальборн, — сказал Магистр. — Сделайте все возможное, чтобы спасти жрецов ордена Саламандры. Древние знания о применении оранжевой силы — это нужно сберечь в первую очередь. Орден уже понес большие потери, — он обратился к жрецу. — Вы можете точно сказать, скольких людей вы потеряли?

— Наша самая тяжелая потеря — Шантор, — вздохнул Цивинга. — Погибли еще двое черных жрецов, те, которые были у статуи Мороб во время нападения. Чудом спасся Освен — ему помог один из людей, бывших в зале. Я таких, как этот, еще не видел — из всего случившегося для него не было ничего страшнее, чем пятно на собственном костюме. Пятеро оранжевых жрецов, четыре жрицы… уттаки предпочитают не убивать женщин, а брать в плен, но в общей свалке зарубили и их. Пропала наша маленькая Мороб. Ее нигде нет — наверное, уволокли уттаки.

— Статуя на месте, — сказал Вальборн. — Утром мы видели ее в храме.

— Я не о статуе, — невесело усмехнулся Цивинга. — Я о той, которая изображала богиню на празднике, нашей черной жрице. Она была в храме, когда уттаки напали на него.

— У вас есть черная жрица? — удивленно спросил Вальборн. — Я каждый год бываю на алтаре, но никогда не слышал о ней.

— Была. Она не показывалась посторонним, а Шантор запрещал говорить о ней. Среди нас нет человека, который посмел бы нарушить его приказ. Но сейчас Шантор мертв, а она исчезла.

— Это та самая, о которой вы рассказывали, Магистр! — воскликнул Альмарен.

Цивинга посмотрел на обоих.

— Откуда вы знаете о ней? Это строгая тайна. Даже ты, Альмарен, прожил тогда у нас три месяца, а ни разу ее не видел.

— И не слышал, — добавил Альмарен. — Вам можно

доверять тайны.

— Шантор нечаянно проговорился мне, — ответил Цивинге Магистр. — Он рассказывал, что Каморра весной применил магию против вашего алтаря, а она сумела ее снять. С помощью танца, кажется.

— Это была сильная магиня, — жрец перевел взгляд на Вальборна. — Две недели назад она спасла вас от верной смерти. Из наших никто другой не смог бы этого сделать. И сколько еще людей на Келаде обязаны ей исцелением!

— Значит, они видели ее? — спросил Альмарен.

— Не видели. У нас на алтаре, где все связано подземными переходами, совсем не трудно не попадаться на глаза чужим. А тем больным, которых лечила она, оранжевые жрецы завязывали глаза. Конечно, бывало, что ее замечали и спрашивали о ней. Для таких случаев Шантор подсказал ответ — в окрестностях храма иногда появляется сама богиня.

Вальборн не слышал последних слов жреца, поглощенный воспоминанием — склонившимся над ним лицом синеглазой женщины в золотой сетке. Как и все жители Келады, не знающие магии, он был немного суеверен. Ему требовалось время для осознания того, что тогда, в короткий миг прояснения, он видел не богиню, а ту самую черную жрицу, о которой рассказал Цивинга. Одновременно в его памяти всплыла фраза, произнесенная высоким, звучным голосом, который мог принадлежать и женщине — «ради той, которая спасла вам жизнь» — и твердый синий взгляд, будто бы пытающийся сказать или напомнить ему о чем-то. Два события сложились в одно и проявились на свет в виде изумленного восклицания:

— Так это была она!

Фраза прозвучала так, что все мгновенно замолчали и повернулись к Вальборну.

— Вы видели ее?! — с надеждой спросил Цивинга. — Когда? Где?

— Подождите, — отстранил его Вальборн, которому нужно было еще привыкнуть к неожиданному для него факту. Он обвел взглядом окружающих, не зная, с чего начать.

— Послушайте, маги, — наконец спросил он. — Камни Трех Братьев действительно существуют? До сих пор я был уверен, что есть великая Мороб, а камней нет. Теперь я ни в чем не уверен.

Магистр и Цивинга быстро переглянулись.

— Существуют, и она знала об этом, — ответил Цивинга Вальборну. — Без очень веской причины она не заговорила бы с вами о них. Мы, черные жрецы, даем клятву молчания.

— Это был Синий камень, Вальборн? — перебил Цивингу

Магистр, тоже догадавшийся, что Вальборн где-то встретил магиню и разговаривал с ней. — Она говорила о Синем камне?

Вальборн переводил взгляд с одного мага на другого.

— При чем тут Синий? — сказал он. — Она говорила о Красном.

Если бы Вальборн ставил целью добиться абсолютной тишины и внимания, он мог бы быть доволен.

— Расскажите все, — попросил его Магистр. — Это еще важнее, чем я думал.

Когда Вальборн рассказал о дневной встрече, ему пришлось узнать, сколько на свете существует вопросов, которые он не догадался задать магине.

— Как она узнала, от кого? — злился Магистр. — Почему именно сегодня утром, почему отсюда? И вы ничего не спросили у нее? Я удивляюсь вам, Вальборн.

Альмарен положил руку ему на плечо.

— Мы скоро все узнаем, Магистр. Если они ушли пешком, завтра к обеду мы догоним их.

— Верно, парень. — Магистр начал успокаиваться. — Вальборн, вы дадите нам запас еды на месяц? Мы поедем следом за ними.

В Бетлинк вела двухколейная лесная дорога, прорубленная в годы постройки замка. Использовалась она нечасто — несколько раз в месяц здесь проезжали обозы, да пешие или конные жители замка и окрестностей изредка отправлялись по делам в населенные районы Келады. Дорожные колеи были узки и слабо накатаны, между ними росла высокая трава. Лила и Витри шли рядом, по соседним колеям, прислушиваясь к лесным звукам. Где-то здесь, в этих местах укрылись уттаки, отступившие утром с алтаря, поэтому следовало постоянно быть начеку.

Лила вытащила из кармана крестьянской куртки кусок хлеба, припрятанный во время упаковки мешков, разломила и половину отдала Витри. Прожевав хлеб на ходу, они без отдыха шли до самого вечера. На закате они ненадолго присели отдохнуть, затем взвалили мешки на плечи и пошли дальше. Стемнело, наступила ночь, вышла полная луна, яркая и белая, такая, что на лесной дороге появились тени, отбрасываемые деревьями, но магиня, казалось, и не думала о ночлеге. Витри шел, стараясь не отставать, и вспоминал Шемму, вот так же, вприпрыжку пыхтевшего за ним на всем пути из Цитиона в Келангу.

Поздно ночью они встретили широкий ручей, пересекающий дорогу. Через ручей шел низкий деревянный мост. Лила остановилась и сделала Витри знак сбросить мешок. Место показалось ей подходящим для ночевки. Витри опустил мешок на

землю и расправил плечи. Из всех ощущений в нем осталось лишь одно — какая благодать не чувствовать на себе режущих лямок, а под ногами — булыжников и древесных корней. Путники перекусили хлебом и салом, умылись и напились воды из ручья. Поднявшись из низины повыше, на сухое место, они устроились ночевать прямо на голой земле.

Вдруг магиня насторожилась.

— Что там, Витри? — спросила она, указывая вниз по течению ручья.

Витри посмотрел в указанном направлении и заметил между деревьями едва различимый огонек.

— Костер? — полувопросительно сказал он.

— Нужно посмотреть, — сказала Лила. — Вдруг там тот самый посланец.

Витри согласился. Хотя бы для безопасности это следовало сделать. На рассвете, когда видимость улучшится, человек у костра может заметить их.

— Давай отнесем мешки под мост, иначе мы потеряем их в темноте, — предложила магиня.

Они спрятали мешки и начали пробираться к костру, укрываясь за стволами деревьев и шапками кустарников. Предосторожность оказалась полезной — костер горел посреди большой уттакской стоянки. Вдоль ручья расположилось на ночлег больше двух сотен уттаков. Вопреки обычаю, они заночевали не в шалашах, а спали вповалку на земле. У костра сидело несколько клюющих носом дозорных.

— Смотри… — Витри услышал над ухом шепот своей спутницы. — Там, у ручья…

Недалеко от костра, на берегу ручья было привязано несколько коней, среди которых лоанец узнал коня Шеммы и своего собственного.

— Вон те два — наши, — ответил он также шепотом. — Мы наткнулись на уттаков, убежавших с алтаря.

— Нам нужны эти кони, — прошептала магиня. — Видишь, на них уздечки. Уттаки не умеют присматривать за лошадьми.

— Мы не доберемся до них. Нас заметят.

— Нам нужны эти кони, — повторила Лила. — Думаю, мы сумеем подползти к ним незаметно. Вдоль берега есть кусты и высокая трава.

Лила и Витри пробрались краем стоянки к берегу ручья. Отсюда до коней было не меньше сотни шагов. Магиня поползла первой, то и дело припадая к земле, Витри — за ней. Костер с дозорными располагался не далее, чем в двух десятках шагов от коней, поэтому переполох был неминуем. Оба понимали, что

главное — успеть оказаться верхом прежде, чем уттаки опомнятся.

Наконец до коней осталось около десятка шагов, но эти шаги предстояло проделать по открытому пространству. Лила и Витри лежали за кустом, вжимаясь животами во влажную почву и переводили взгляды то на привязанных к тонким деревцам коней, то на уттаков, сидящих у костра.

— Ползи первым, Витри, — беззвучно сказала Лила, уткнувшись ему губами в самое ухо. — Когда вскочишь на коня, правь к мосту. Если что — помни о Красном камне.

Витри пополз. Кони, почувствовав чье-то приближение, забеспокоились, вскидывая головами и перебирая ногами. Он замер. К счастью, уттаки, мало что понимавшие в конях, не обратили внимания на поведение животных. Лоанец подполз к тонкому стволику и дрожащими от волнения пальцами стал отвязывать повод своего коня. Тот узнал хозяина и поэтому вел себя спокойно.

Отвязав повод, Витри лег на землю и оглянулся на свою спутницу. Она отцепила повод коня Шеммы и сделала лоанцу знак глазами: «Пора!». Оба вскочили на коней, вызвав ужас среди остальных животных, которые заржали и заметались, обрывая привязи. Дозорные уттаки завопили, и вся стоянка в единый миг оказалась на ногах, с секирами и копьями наготове. Витри, еле сдерживая коня, отыскал глазами магиню, скачущую мимо костра, и устремился за ней. Десятки уттаков, оказавшихся на пути, бежали к ним наперерез и навстречу, готовясь изрубить пришельцев.

Витри увидел, как его спутница мгновенным движением вскинула вверх руку, в которой было что-то продолговатое. Резкий взмах руки — пучок молний вырвался из этого предмета, оказавшегося жезлом Саламандры, и ударил в преграждающих ей путь уттаков. Она хлестала вокруг себя молниями, сея ужас и панику, и одновременно удерживала и направляла к лесу обезумевшего скакуна. Витри не справился бы со своим конем, если бы тот инстинктивно не устремился за конем Шеммы. Они почти пробились в лес, когда жезл в руке магини разлетелся на части, брызнув сотнями искр.

После короткой отчаянной скачки они вылетели на дорогу и оказались у моста. Лила остановила коня, соскочила с него и сунула повод Витри.

— Держи! — она метнулась под мост и мгновенно выбежала обратно, таща оба мешка. Один мешок она бросила лоанцу, другой вскинула на себя и тут же вновь оказалась на коне. Из леса доносились разъяренные вопли приближающихся уттаков.

Лила ударила коня пятками в бока и погнала его по дороге в Бетлинк.

Витри на всю жизнь запомнил этот бешеный ночной галоп по Иммарунскому лесу. Пронзительно-белый диск луны сиял ярким светом, подобно холодному солнцу в призрачной стране, расступающейся навстречу скачке. Седла не было, поэтому Витри изо всех сил сжимал колени, чтобы удержаться на коне и не повредить ему спину. Его собственную спину нещадно молотил проклятый мешок, не обладающий достаточным разумом, чтобы поберечь ее. В десятке шагов впереди Витри видел круп коня Шеммы и спину магини с прыгающим на ней мешком, по бокам проносились назад деревья, казавшиеся живыми и недобрыми, притаившимися для броска существами. Внизу стремительно, как поток в Лоанском ущелье, летела дорога. Стук копыт впечатывался в лесную тишину, задавая темп и ритм ее беззвучному, беспорядочному шепоту.

На рассвете исчезла призрачность окружающего мира, а с ней и власть скачки, сменившаяся безразличием и смертельной усталостью. Когда дорогу вновь пересек ручей, Лила придержала коня.

— Кони устали, нужен отдых, — сказала она.

«Кони!» — Витри сполз со своего скакуна и, пошатываясь, сделал несколько шагов к ближайшему дереву, где сбросил измотавший его мешок.

— Не подпускай коней к воде, — услышал он голос магини.

Лоанец достал из мешка веревки и топор, поставил коней на аркан пастись. Когда он вернулся, у ручья горел костер, рядом стояли котелки с водой. Витри срубил рогатины и забил их по бокам кострища.

— Отдыхай, я приготовлю завтрак, — сказала Лила. Витри свалился в нескольких шагах от костра и мгновенно заснул.

Его разбудил запах еды. Витри открыл глаза. Рядом с ним стояла миска с кашей и кружка с травяным чаем. Одновременно он почувствовал, что Лила тормошит его за плечо.

— Завтракай, — сказала она. — Потом напоим коней и отдохнем еще немного.

Витри дочиста съел кашу и досуха выпил чай. После завтрака он занялся конями, а его спутница — мытьем посуды. Закончив дела, они улеглись отдыхать под деревом.

Когда магиня вновь разбудила Витри, лоанцу показалось, что он едва успел сомкнуть глаза. Но солнце стояло уже высоко, а значит, прошло немало времени с тех пор, как они устроились на отдых.

Витри с трудом заставил себя сесть, а потом и встать. Он

дошел до ручья, там, кое-как согнувшись, поплескал на лицо воды. Когда он вернулся к мешкам, его спутница, зацепив поводья коней за ветку дерева, укладывала арканы. Она выглядела свежей и энергичной, будто бы и не было вчерашнего трудного дня и долгой ночной скачки.

— Неужели у тебя ничего не болит? — спросил Витри, думая, что дело здесь не обошлось без магии.

— Тяжеловато, — согласилась Лила. — Привыкнем. Разве легче от того, что хромаешь на обе ноги и хватаешься за бока? Я с детства, с тех пор, как меня обучали танцам, знаю, что лучше всего — не замечать боли или хотя бы не подавать вида, что ее чувствуешь. Боль наступает гораздо раньше настоящей усталости.

Сев на коней, они рысью поскакали на север. Витри попробовал представить, как же выглядит настоящая усталость, затем обернулся на ехавшую по соседней колее магнию. Она сидела на коне легко и прямо, чуть развернув плечи и устремив вперед отрешенный взгляд, уходящий куда-то вдаль и вглубь. Казалось, что не на него, а на нее было наложено заклятие Каморры, что не он, а она чувствовала где-то там, далеко на севере зовущую точку. В посадке ее головы, в линии твердо сжатых губ и круглого подбородка было нечто, исключающее самую мысль о поражении.

Это нечто передалось Витри, оттеснив ломоту в теле и инстинктивный страх слабого существа. Лоанец освободился от груза собственных страданий и разом ощутил упругую энергию солнечного летнего полдня, горячие и свежие лесные запахи, желто-зеленую пестроту трепещущей под ветром листвы, ритмичную рысь послушного ему сильного животного. И посланец, и Красный камень, и Каморра — все было далеко, а реальность — прекрасна. Лила повернула к нему голову, в ее взгляде читалось то же самое, что чувствовал Витри. Она улыбнулась одними глазами и поддала хода своему скакуну.

Солнце склонялось к закату, когда между деревьями показался широкий просвет.

— Поляна, — сказала Лила. — Наверное, Бетлинк. До него полтора дня хорошей езды.

Витри и Лила подъехали к краю леса, вглядываясь вперед. В дальнем конце просторной поляны стоял темно-серый замок, обнесенный стеной с четырьмя башнями, справа текла Руна — неширокая лесная речушка, на берегу которой виднелись конические шалаши уттаков, оставленных Каморрой для охраны Бетлинка.

— Поехали налево, — скомандовала магиня, увидев уттаков.

Они двинулись вдоль опушки, не углубляясь в лес, но и не

приближаясь к его краю, чтобы не быть замеченными. К западу от поляны местность пошла под уклон, постепенно переходя в длинный, пологий овраг. Лила направила коня наискось и вниз по склону, в просвет между кронами деревьев. Немного не доехав до дна оврага, Лила и Витри оказались на небольшой поляне. Внизу тек ручей.

— Здесь и остановимся, — магиня придержала коня и спрыгнула на землю, осматриваясь вокруг. В северной части поляны склон оврага резко поднимался вверх, образуя осыпь, почему-то укрепленную древней каменной кладкой. Лила и Витри не знали, что часть этой стены прикрывала подземный ход, по которому гарнизон Вальборна спасся из замка. Довольные укромным уголком, они вынули еду, не требующую приготовления. О том, чтобы развести костер на таком расстоянии от замка, не могло быть и речи.

— Где поставить коней? — спросил Витри, подумав, что ночевать предстоит здесь.

— Подожди. Сначала я осмотрю окрестности, — остановила его Лила. Она выбрала дерево повыше и полезла вверх по стволу. Витри, глядя снизу, как она карабкается от ствола к концам ветвей, ища удобное для обзора место, поймал себя на том, что совершенно не боится за свою спутницу, несмотря на ее рискованные передвижения по самой верхушке древесной кроны. Вскоре магиня спустилась с дерева и рассказала о своих наблюдениях.

— Этот ручей — приток Руны. Чуть севернее начинается горный массив — восточный край Оккадского нагорья. Руна течет по лесу мимо Бетлинка, а затем уходит в скалы. Вальборн был прав, на конях там не проедешь.

— Значит, мы так рисковали ночью только для того, чтобы ехать верхом один день?! — не выдержал Витри.

— Это немало, — взглянула на него магиня. — Посланец проезжал мимо замка в обеденное время. Сейчас нас разделяет полдня. Дальше он, как и мы, пойдет пешком, так что все зависит от наших ног — кто быстрее. Без коней мы были бы здесь не раньше, чем завтра к вечеру. Нам потребовались бы уже не ноги, а крылья, которых у нас нет. Как твои ноги, Витри?

— Кажется, ходят, — серьезно ответил лоанец.

— Мои тоже. Хуже всего то, что разлетелся мой жезл Саламандры. Он мог бы быть хорошим оружием.

— У меня есть кинжал. — Витри прикоснулся к груди, где под одеждой висел купленный у жреца кинжал.

— Разве тебя не предупредили? Он не для боя, это кинжал целителя. Им нельзя убивать. Если хочешь иметь орудие, я отдам

тебе свой. — Лила потянулась к мешку, где лежал ритуальный кинжал.

— Нет-нет, не надо, — отказался Витри. — Дело пока не дошло до драки.

Магиня слегка улыбнулась.

— Ужинать — и в путь, Витри, — она подошла к коням, сняла уздечки и повесила на дерево. — А коней оставим здесь, пусть себе пасутся. Повезет — попадутся людям.

— Не повезет — уттакам, — продолжил Витри.

— Кони — не люди, их не съедят. У нас другие заботы. — Лила присела на траву и взяла кусок хлеба с сыром. — Пока не стемнело, мы еще успеем выйти к Руне.

XXI

Выехав рано утром, Магистр и Альмарен к середине следующего дня оказались в окрестностях Бетлинка. Короткое путешествие прошло на удивление спокойно — им не встретилось ни единого уттака, будто бы этих дикарей и не было на свете. Друзья не удивлялись бы такому везению, если бы знали, что Каморра увел свой отряд на запад, к истокам Иммы, чтобы взять в поход основные войска и расквитаться с Вальборном за позорное бегство с Оранжевого алтаря.

Им не встретилась и черная жрица со своим спутником. Альмарен видел, что это сильно беспокоило Магистра. Тот и прежде бывал неразговорчив в пути, но тогда его молчание не было таким хмурым и напряженным. Альмарену хотелось расспросить своего старшего друга, чтобы узнать его намерения, но, видя выражение его лица, молодой маг не решался заговорить первым.

Магистр осмотрел сквозь кусты поляну и замок, затем повернул Тулана налево через лес. Вскоре путь пошел под уклон и привел друзей в неглубокий овраг. Двигаясь вдоль дна оврага, они выехали на поляну, в северной части которой виднелась крутая осыпь, закрепленная древней каменной кладкой. Клыкан, бежавший рядом с конем Магистра, внезапно нырнул в ближайшие кусты, откуда раздался шорох и потрескивание тонких сучьев. Магистр резко обернулся на шум, но тревога оказалась напрасной. За кустами паслись два великолепных коня без пут, без седел, без уздечек. Животные казались заблудившимися или отбившимися от табуна. Вайк забежал со стороны ручья и выгнал их на поляну.

— Однако, — сказал Магистр. Это было первое слово, произнесенное им после завтрака. — Откуда здесь взялись такие кони?

— А вон и уздечки! — зоркий Альмарен указал рукой на дерево у ручья. — Кто-то оставил их на виду.

Магистр спешился и подошел к дереву. Он мельком глянул на уздечки, затем внимательно изучил следы под деревом и на берегу ручья.

— Следов здесь двое, — сообщил он Альмарену. — Размер обуви один, но форма подошвы разная. Видимо, здесь были те, кого мы ищем.

Альмарен соскочил с Наля и присоединился к Магистру. Следы, хорошо заметные на влажной почве у воды, были меньше следов Магистра и его собственных.

— А не уттаки ли это? — засомневался он. — У них тоже маленькие ступни.

— Уттаки носят обувь, целиком сшитую из кожи, а здесь твердая подошва. Это крестьянская обувь. — Магистр покачал головой. — Не в отряде ли Вальборна они стянули таких скакунов?! Решительные мальчики!

— Один из них — девочка, — напомнил Альмарен.

— Ну да, конечно, — хмыкнул Магистр. — Тем более решительные. А я-то думал, почему мы их никак не догоним? Далеко забрались! — внезапная догадка мелькнула на его лице. Он быстрым шагом подошел к каменной кладке, удерживающей осыпь, где внимательно осмотрел и стену, и почву у ее подножия. — Нет, здесь никто не был, — сказал он сам себе вполголоса. — Они не знают…

Альмарен выжидательно смотрел на своего друга, копающегося у стены. Тот вскоре оставил свое занятие и подошел к Альмарену.

— Мы приехали, парень, — сказал он. — Привал.

Друзья уселись на стволе поваленного дерева и достали из мешков еду. Клыкан, получив разрешение Магистра, бесшумной темно-серой тенью скользнул в лес охотиться за мелкими зверюшками. В пути он сам добывал себе пищу.

— Время дорого, Альмарен, — сказал Магистр за едой. — Отправляйся немедленно вслед за этими двумя и догони их как можно скорее. У них — сведения о Красном камне, у тебя — меч. Вместе вы добьетесь успеха. Если посланник Каморры опередит вас, убей его и отбери камень.

— А вы, Магистр? — спросил Альмарен.

— Я дождусь темноты, проберусь в Бетлинк и попробую отыскать там Синий камень. Если Каморра не оставил его в замке, придется прекратить поиски и вернуться в Цитион. Я нужен в армии Норрена. Чутье подсказывает мне, что дни решающей битвы настанут очень скоро.

— Я пойду пешком? — Альмарен вспомнил слова Вальборна, что вдоль Руны не проехать на коне. — А как же Наль?!

— Я заберу его с собой и присмотрю за ним. Возьми только самое необходимое, ведь тебе придется идти быстро.

— Да, Магистр.

— Тебе предстоит длинный путь, Альмарен, — вновь заговорил Магистр. — Недели через две ты выйдешь на северный берег Келады, а там переправишься через пролив и дойдешь до вулкана. Если все пойдет хорошо, через месяц ты опять будешь у Бетлинка. К этому времени армия Норрена встанет у Босхана вместе с войсками Дессы и Донкара. Пробирайся туда, да будь

осторожен. Отряды Каморры могут оказаться там, где ты их вовсе не ждешь.

— Я обернусь как можно скорее, — заверил его Альмарен.

— Не так важна быстрота, как успех дела. В пути могут быть любые неожиданности. Прежде, чем действовать, думай и помни — ошибка может оказаться непоправимой.

После еды Альмарен занялся дорожными сборами. Магистр сидел на поваленном дереве и наблюдал, как тот перекладывает припасы и снаряжение из мешка в мешок, выбирая то, без чего нельзя обойтись в пути на Керн. Закончив сборы, Альмарен вскинул мешок на плечи и подошел к своему другу.

— Я готов, — сказал он. — Мне пора.

Магистр поднялся навстречу молодому магу и сделал движение, будто бы хотел обнять его, но ограничился тем, что положил руки ему на плечи.

— Привык я к тебе, парень, — сказал он, пристально вглядываясь в лицо Альмарена. — Постарайся вернуться живым.

У Альмарена на мгновение остановилось дыхание. Он не помнил случая, чтобы его старший друг так явно высказывал свое расположение к нему.

— Другим я просто не смогу вернуться, — пошутил он. — Все будет хорошо, Магистр, не сомневайтесь.

Тот сжал ему плечи и отпустил. Альмарен повернулся и зашагал вдоль ручья на север.

Магистр остался на поляне ждать ночи. Он еще раз обошел окрестности и осмотрел каждую подозрительную веточку и кочку, но не потому, что надеялся найти что-то особенное. До вечера было еще долго, и нужно было как-то скоротать время. Наконец, он расстелил плащ под большим деревом и улегся, заложив руки за голову.

Мысль об Альмарене была первой, пришедшей ему на ум. Около трех лет прошло с тех пор, как Альмарен, совсем еще юный, появился в Тире. Магистр вспомнил, как тот впервые вошел в ворота Тирского укрепления — высокий и стройный, безупречной внешности юноша с ласковой, чуть рассеянной улыбкой, никому конкретно не адресованной, а появляющейся просто так, от хорошего настроения. Тогда Магистр подумал, что этот парень, конечно, не задержится здесь долго, и полностью ошибся. Альмарен увлекся технологией изготовления оружия и остался изучать ее. Юный маг вникал не только в тонкости заклинаний, но и в секреты кузнечных мастеров, не считая для себя зазорным управляться с молотом и наковальней. Он естественным образом вписался в суровый и скудный, без женщин, Тирский быт, где три десятка обитателей без лишних

слов выполняли любую нужную для поселения работу.

Магистру не удалось вспомнить, когда и как они из знакомых стали друзьями. Видимо, это происходило постепенно, во время обмена короткими фразами, вопросами и ответами. Альмарен, несмотря на то, что в Тире ему исполнился двадцать один год — возраст взрослого мужчины, — во многих бытовых вопросах был на удивление наивен и ребячлив, причем Магистр замечал, что это происходило от полного незнания темной стороны жизни. «Жизнь любит тебя, парень, — говорил он юноше. — Слишком уж ты везуч». Альмарен пожимал плечами и рассеянно улыбался, отвечая: «Это потому, что я ее люблю». Он не совсем понимал, что имеет в виду Магистр, потому что ход собственной жизни казался ему обычным и естественным.

Но иногда юный маг, размышляя или рассуждая вслух, поражал Магистра глубоким, почти афористическим замечанием, и в эти моменты казался старше своего, в сущности, ещё зеленого возраста. Магистр невольно улыбнулся, вспомнив, как Альмарен расспрашивал его о звездах. В первые годы после выезда из Келанги сыну Паландара, тогда еще не бывшему магистром ордена Грифона, довелось провести много бессонных ночей, глядя в темное звездное небо. Тогда он пристрастился наблюдать за ходом по небу звезд и звездных скоплений, улавливать тайные закономерности и особенности их движения. Альмарен учуял новое увлекательное знание, о котором ничего не говорилось в прочитанных прежде книгах, и с азартом взялся за продолжение этих наблюдений, беззастенчиво вытаскивая магистра ордена Грифона по ночам глядеть на звезды.

Теперь Альмарен удалялся с каждым мгновением, совершая свой долгий и опасный путь за Красным камнем. Магистр стиснул пальцы рук, закинутых за голову. Порывшись в памяти, он нашел только двоих, с кем не чувствовал себя одиноким. Одним из них был Альмарен.

А другой или, точнее, другая… впрочем, неважно. Важно, что у него их было только двое за всю жизнь. Он и она. Она и он.

Впрочем, почему были? Альмарен еще где-то рядом, спешит вдоль ручья на север, перескакивая через гладкие и круглые камни, которыми усеяно дно оврага. А она… сказал ведь Скампада, что тогда она осталась жива.

В памяти Магистра всплыл солнечный, холодный и ветреный день ранней весны, так резко изменивший его жизнь. Магистра тогда еще звали Ромбаром, сыном Паландара. Правитель Келанги, отыграв в споре Бетлинк и поселив туда своего младшего брата, приютил у себя во дворце пятнадцатилетнего Ромбара, оставшегося сиротой и без крыши над головой. Ромбар

выбрал воинское дело и за двадцать лет дослужился до военачальника конницы правителя. Он не подозревал, что спор был выигран нечестным путем, поэтому в глубине души обвинял своего отца в легкомыслии и был благодарен Берсерену за попечение.

Ромбар не помнил, как в тот день он оказался на плоской крыше дворца, использовавшейся в качестве прогулочной площадки — ведь день, несмотря на яркое солнце, из-за ледяного северного ветра не располагал к прогулкам на продуваемой всеми ветрами высоте. Может быть, ему не захотелось петлять коридорами, идя из одного крыла дворца в другое, и он решил сократить путь. Так или иначе, он шел быстрым шагом по пустынной крыше, не ожидая никого здесь увидеть, поэтому фигура девушки или молодок женщины на одной из смотровых башенок, встречавшихся на пути, остановила его внимание.

Он решил, что это все-таки женщина — в ее лице не было девичьей наивности. Она стояла у резного каменного барьера, ограждавшего край башенки. Ее длинный синий плащ застегивался у шеи серебряной пряжкой, просторный капюшон был откинут с головы и свисал на плечи, открывая тонкие черты лица с маленьким круглым подбородком. Тяжелый узел темных волос заставлял женщину напрягать шею и придавал посадке ее головы величественную осанку. Но не внешность женщины заставила Ромбара остановиться.

Его приковало к месту выражение ее глаз, устремленных ввысь, в небо, на белые клубообразные облачка с плоским темным дном, будто бы влекомые диким ветром по поверхности невидимого купола. В этих глазах оживала глубина и бесконечность небесного пространства, запечатленная беспокойной, стремительной, как ветер, мыслью.

Ромбар поймал себя на том, что поднимается на башенку, лишь когда преодолел больше половины лестницы. Поворачивать назад было попросту глупо, поэтому он дошел до смотровой площадки и оказался в трех шагах от женщины. Она почувствовала чужое присутствие и повернулась к нему. В ее — теперь это было видно — темно-синих глазах еще отражалась бесконечность неба.

— Я тебя никогда здесь не видёл, — услышал он как бы издали свой голос. — Откуда ты?

— Я давно живу здесь, — ответила она. — Я тебя знаю — ты Ромбар, сын Паландара.

— Как же я не замечал тебя?

— Когда ты идешь, ты никогда не смотришь по сторонам, — чуть заметно улыбнулась она. — Только вперед.

— Кто ты?

— Я — танцовщица. Из девушек Маветана.

Ромбар вздрогнул. Маветан был организатором дворцовых праздников и развлечений. Он распоряжался группой девушек-рабынь, которых покупали еще детьми и учили музыке, танцам и пению. Девушки жили в небольшом домике на дворцовой территории. Их хорошо кормили и одевали, но содержали в строгости. Ромбар не любил праздников и веселых застолий. Он уходил с них раньше, чем в зале появлялись музыкантши и плясуньи, поэтому не помнил лиц рабынь-артисток. Сейчас, глядя на стоящую перед ним женщину, он не верил своим ушам — она, с ее утонченной, одухотворенной красотой, с королевской осанкой, была всего-навсего обученной для танцев рабыней.

— Рабыня! — протестующе воскликнул он.

Женщина поняла его мысли.

— А ты — свободен? — спросила она.

— Конечно, — ответил он, но тут же задумался. Всем, что он имел, он был обязан Берсерену, и состоял на службе у Берсерена.

— А была бы я свободнее у себя в деревне, за грязной работой от зари до зари? — задала она новый вопрос.

— Конечно, — снова ответил он, и вновь задумался, представляя, какой она была бы, оставаясь там, где родилась.

Женщина слегка пожала плечами в ответ.

— И свобода, и рабство — внутри нас, — мимоходом сказала она, отворачиваясь от него к перилам башенки. — Если говорить о моем месте и обязанностях — это еще не самое худшее.

— Тебя же могут высечь, продать, убить! — Ромбар вспылил от мысли, что эта женщина является собственностью Берсерена.

— От этого никто не защищен, — спокойно ответила она. — Я считаю себя свободной, потому что знаю, что могу сказать «нет», если это потребуется.

— Откуда тебе знать, что такое свобода?

— Посмотри в небо, и ты тоже узнаешь, что это такое.

Ромбар сделал последние три шага, разделявшие его и женщину, и встал рядом с ней.

Лиле было восемь лет, когда Маветан, проезжавший через ее родную деревню в поисках девочек для пополнения группы танцовщиц, остановился посмотреть, как деревенские дети играют в догонялки. Он сумел углядеть будущее украшение дворцовых праздников в этой тощей, вертлявой девчонке, стремительно зыркающей по сторонам огромными, как у совенка, глазами, отыскал ее родителей и предложил им такую цену, от которой у них не хватило духа отказаться. Лила не плакала, когда ее усаживали в огромную неуклюжую карету, как другие девочки,

купленные в этой поездке. Любопытство при мысли о новой судьбе, новых людях и землях пересиливало в ней страх.

Она была прирожденной танцовщицей и сразу же полюбила занятие, для которого ее купили. Хотя девушек заставляли много упражняться, а за провинности секли мягкой плеткой, чтобы не испортить тела, Лила никогда не жаловалась на это. «Маветан справедлив, — говорила она. — Он велит наказывать только грязнуль и лентяек». Трудно было не заметить ее свободолюбивый и упрямый характер, поэтому Ромбар не раз задумывался о том, как же она предана своему искусству, если ради него мирится с положением рабыни. Он стал оставаться на праздники, чтобы чаще видеть ее. Когда Лила выходила в центр полукруга, образованного остальными танцовщицами, и, метнув в него молнию взгляда, начинала главную партию…

Что-то большое и темное мелькнуло совсем рядом. Ромбар вздрогнул и приподнялся, но тут же узнал приблизившееся существо.

— Вайк, — сказал он, положив руку на тяжелую, как воинский башмак, голову клыкана, ткнувшуюся ему в плечо. — Ну как охота?

Вайк без лишних церемоний пристроился на плаще рядом с хозяином. Появление пса избавило Ромбара от воспоминаний об этом куске жизни длиной в полгода и вернуло его мысли к предстоящему делу.

День склонялся к закату, но нужно было дождаться полной темноты. Ромбар вновь откинулся на спину, припоминая расположение подземных ходов Бетлинка и его внутреннее устройство. Он в детстве излазил и замок, и окрестности, так что и теперь, наверное, мог бы с закрытыми глазами пробраться в любую его часть. Судя по рассказам Вальборна, с тех пор в замке мало что изменилось.

Подземный ход, скрываемый каменной стеной, вел с поляны в юго-западную башню, выводя из нее на просторный, вымощенный гранитом двор замка. На этом дворе Ромбар когда-то провел немало учебных боев, привыкая владеть мечом. Его учителем был Лаункар, молодой, но ловкий и отважный воин. Уже тогда было видно, что Лаункара ожидает блестящая воинская карьера, и, действительно, оказалось, что он теперь в военачальниках у Вальборна. Ромбар узнал своего бывшего наставника, лишь услышав его имя, а сам, к своей радости, остался неузнанным. Время немало поработало над внешностью обоих.

Пробираться в замок по двору, где наверняка патрулировала ночная стража, казалось слишком рискованным. Но был и другой

ход, который вел прямо в замок — через глубокое подземелье, через тайную усыпальницу правителей Бетлинка. Этот ход, являвшийся ответвлением первого, был известен только правителям замка.

Дождавшись ночи, Ромбар позвал клыкана и при свете луны подошел к каменной стене, укреплявшей крутой склон оврага. Там он отыскал щель с рычагом, открывающим ход, и с усилием опустил вниз массивный, холодный на ощупь стержень. Кусок стены пополз вбок, открывая широкое отверстие, встретившее Ромбара непроглядной тьмой.

Ромбар произнес заклинание для видения в темноте. Наступившая тишина заставила его почувствовать, что ночной лес только что был полон звуками и шорохами, зато его зрение обострилось. Черная темнота сменилась серым, будто в пасмурный вечер, освещением, в котором четко виделся каждый куст и камень, каждая трещина и неровность на полу и стенах подземного хода. Ромбар шагнул внутрь, клыкан последовал за ним.

Ход был прямым и шел под землей без подъемов и спусков. Ромбар высматривал на левой стене знак, указывавший начало ответвления, и вскоре нашел его — четыре небольших камня образовывали крестообразный рисунок. Ромбар отсчитал два блока вниз и нажал выступающий камень. В стене открылся ход, начинающийся лестницей, ведущей вниз.

Ромбар спустился по лестнице и пошел по узкому туннелю, заполненному густой нетронутой паутиной. Туннель заканчивался крохотным помещением. В нише у двери стояла серая из-за плотного слоя пыли, давно опустевшая лампада. Ромбар вновь нашел знак и надавил камень. Перед ним открылся потайной проход в подземную усыпальницу правителей Бетлинка.

Традиция хоронить правителей в подземелье замка возникла, начиная с Эмбара — основателя Бетлинка. В те времена уттаки были еще сильны, могло случиться всякое, поэтому Эмбар приказал построить подземную усыпальницу для себя и своих потомков, чтобы избежать осквернения собственной могилы в случае захвата замка. Когда отец был жив, Ромбар бывал здесь вместе с ним однажды в году, в день поминания предков. Главный вход в усыпальницу знали лишь доверенные слуги, а тайного хода, которым пришел Ромбар, не знал никто, кроме него.

Его взгляду открылся продолговатый зал с двумя рядами толстых колонн, которые расширялись кверху четырьмя гранями, образуя низкие полукруглые своды усыпальницы. Здесь не было ни росписей, ни картин — потолок и колонны были отделаны

геометрической резьбой, по стенам в одном ритме с колоннами шли барельефы, изображающие сцены охоты или битвы с уттаками. Проход между двумя рядами колонн вел к главному входу в усыпальницу. Правая половина зала пустовала, слева тянулся ряд гробниц, не слишком длинный — история Бетлинка насчитывала не более полутора веков. Ромбар шагнул к ближайшей гробнице и остановил взгляд на прикрывавшей ее плите с гербом Бетлинка. Он знал, кто лежит под ней, но прочитал надпись — Эмбар, сын Вескарна, из рода Кельварна.

Ромбар на мгновение задержался у гробницы, затем пошел вдоль траурного ряда, выхватывая взглядом надписи. У двух дальних гробниц он вновь остановился, вспоминая, как подростком сопровождал тело отца на его последнем пути в родовой замок, как участвовал в обряде опускания тела в могилу, последнюю в ряду. Время не стояло на месте — за могилой его отца появилась еще одна. Паландар, сын Канемара, и Кревирен, сын Эронара… его отец и отец Вальборна лежали рядом, будто бы подводя итог прихотливым изгибам судьбы, распорядившейся ими при жизни.

Постояв немного, как того требовало почтение к предкам, Ромбар вышел через дверь, ведущую в подвальные помещения замка. Он миновал выломанные двери подвальных кладовых и порадовался, что уловка Эмбара сработала. Уттаки, впервые за полтора века проникшие в Бетлинк, не нашли замаскированного входа в усыпальницу. Ромбар поднялся по лестнице на первый этаж замка и оказался у помещений для слуг. «Похоже, в замке не осталось ни одной целой двери», — подумал он, остановившись перед косо повисшей на полуоторванных петлях дверью, ранее закрывавшей путь в подвал.

Прежде, чем повернуть дверь, Ромбар снял заклинание видения в темноте, чтобы не прозевать скрип дверных петель, и тут же оказался в кромешной тьме. Отыскав дверь на ощупь, он поддержал ее плечом и подтолкнул от себя. К его удовлетворению, она открылась бесшумно. Ромбар вновь вызвал ночное зрение и по привычке прислушался, но ничего не услышал. Закон компенсации энергии, давно известный среди магов, наиболее устойчиво проявлялся в заклинаниях для органов чувств, хотя мог наблюдаться и в других областях применения магии, порой принимая очень странные формы.

Жилые комнаты находились на втором этаже замка. Ромбар пошел вверх по парадной лестнице, не слыша собственных шагов и надеясь, что ступает тихо. Прежде, чем углубиться в коридор второго этажа, он придирчиво осмотрел его и заметил приоткрытую дверь. Ромбар снял заклинание ночного зрения,

которое не позволяло отличать свет от тьмы, делая все вокруг бестеневым и однообразно-серым. После нескольких мгновений полной слепоты он увидел узкую полоску белого света, пробивающуюся через дверную щель. Несмотря на позднее время, в замке спали не все.

Ромбар осторожно подошел поближе к двери, слыша за собой еле уловимый стук лап пробирающегося следом клыкана. Щель была достаточной, чтобы разглядеть стол, уставленный длинными и пузатыми бутылками из погребов Бетлинка, и троих людей, сидевших у стола. Двое с увлечением играли в «семь фишек» — любимую игру воинов и пьяных. В любой лавке Келады можно было купить набор фишек — плоских квадратных бляшек из металла, дерева или камня, с семью различными фигурками, изображенными на обеих сторонах. Стороны были помечены, каждый из двух игроков выбирал одну по жребию или уговору, затем бляшки встряхивали в кружке и вываливали на стол. Выигравшим считался тот, чьей стороной кверху оказывалось больше половины фишек, размер выигрыша зависел от их количества, стоимости и способа покрытия фишек проигравшего игрока. Двое за столом как раз просматривали фишки, подсчитывая результаты очередного броска. Они вряд ли сразу заметили бы Ромбара, даже если бы он зашел к ним в комнату.

— «Правитель» — семь монет, «маг» — пять, «башня» — четыре… «воин» — одна, — вслух считал один из игроков. — «Маг» и «воин» кроют твоего «полководца», «правитель» — «коня» и «повозку». Остается «башня»… С тебя четыре медяшки, приятель!

Судя по выражению его раскрасневшегося, лоснящегося от выпивки и азарта лица, ему целый вечер везло больше, чем его сопернику. Тот хмуро пододвинул к себе кошелек и отсчитал проигрыш. Ромбар обратил внимание, что на всех троих висели белые диски, надетые поверх рубашек.

— Идемте-ка спать, парни, — сказал третий, наблюдавший за игрой. — Время за полночь.

— Еще чего! — отозвался хмурый. — Спать не лягу, пока не отыграюсь. Он у меня сегодня полкошелька выиграл. Никогда не видел, чтобы кому-нибудь так везло в фишку…

— Пей себе, не лезь! — добавил довольный. — Да не говори ничего под руку, а то везуху спугнешь!

— Хозяина здесь нет, — фыркнул третий, наливая себе из бутылки. — Вот уж кому везет в фишку! А вы что… пьяни, и все.

— Сам пьянь, — буркнул хмурый. — Дай-ка я брошу! — сказал он довольному и ссыпал фишки в кружку.

— Бросай, — согласился довольный. — Ты только что бросал,

а выигрыш был мой. Кстати… — обратился он к третьему. — Хозяин говорил тебе, когда вернется?

— Должен вот-вот быть. На Оранжевый алтарь и обратно — займет не больше недели, даже с этими разгильдяями-уттаками.

— Туда и обратно — забавно, — проговорил довольный, наблюдая, как его партнер встряхивает кружку. — Уттаков, что ли, пасти?

— Я думаю, что весь поход — из-за одного грязного полууттака, — заметил третий. — Хозяин велел выдать этому Боваррану любого коня. Дикарь важничал до самого отъезда… и взял моего коня, между прочим. Скотина!

— Все они скоты, — подтвердил хмурый и опрокинул кружку. Фишки со стуком высыпались на стол. — Опять твоя взяла, даббануф!

— Не слышат тебя уттаки, — хмыкнул третий. — А то бы их скрючило…

— Он неверно говорит, — довольный склонился над фишками, подсчитывая итоги вновь выпавшей ему удачи. — Нужно — дабба-нунф.

— И так, и эдак — все равно уттакский мат, — огрызнулся хмурый. — Жалко, что их тут нет. Поглядел бы я, как их крючит. Что же — раз хозяин сделал ихнюю ругань заклинанием для диска, мне лишний раз и не выругаться?!

— Ругайся на здоровье, — сказал довольный. — Гони семь медяшек и ругайся.

— Как семь? — хмурый кинулся проверять покрытие фишек. Вновь выругавшись, он выплатил проигрыш.

— Хватит, парни, — сказал третий. — Комната моя, я спать хочу. Идите к себе и доигрывайте, а то, чего доброго, передеретесь здесь.

Он взял подставку со светлячком Василиска, излучавшим белый свет, и перенес со стола в шкаф. Двое других встали и нетвердым шагом вышли в коридор. Ромбар отступил вниз по лестнице. Вскоре хлопанье дверей стихло, но он подождал, пока беспокойные собутыльники не уснут покрепче.

Было изрядно за полночь, когда Ромбар вернулся в коридор и начал поиск Синего камня. Из первой же комнаты шел слабый поток магического излучения. Вспомнив, что двери могут оказаться скрипучими, Ромбар осторожно потянул за ручку. Дверь бесшумно открылась. Он уже подумал, что напутал в заклинаниях, но раздающийся с кровати храп убедил его, что со слухом все в порядке. Излучение шло с груди спящего человека, и Ромбар понял, что это такое. Конечно же, белый диск!

Ромбар пошел от двери к двери, каждый раз добросовестно

чередуя зрение и слух, но находил лишь белые диски на спящих людях. Он был не так силен в магии, чтобы различать энергетику амулетов, и начинал жалеть, что поторопился отослать Альмарена. Одно утешение все же было — Ромбар убедился, что дверные петли ни разу не скрипнули. Он с одобрением отметил хозяйственность Вальборна, не забывавшего следить, чтобы слуги смазывали дверные петли, и перестал чередовать зрение и слух.

Следующая комната оказалась рабочим кабинетом, излучение шло из ящика стола, где обнаружилась пара неиспользованных белых дисков. Еще один сильный источник излучения находился прямо в стене. Ромбар сломал магический замок потайного шкафа, перерыл мешочки с золотом, ища между ними амулет, и вскоре нащупал в глубине теплую эфилемовую поверхность. Вытащив амулет, Ромбар не сдержал разочарованного вздоха. Перед ним был жезл Аспида.

Первый порыв — швырнуть дурацкую штуковину об пол — своевременно пресекся мыслью о шуме, который разбудит всех на этаже. У Ромбара вырвалось что-то вроде нервного смешка. Он вновь не мог понять Каморру — зачем такую чепуху, как жезл Аспида, понадобилось упрятывать в потайной шкаф под кошельки с золотом? Следующий порыв, продиктованный досадой, был почти ребяческим — раз Каморра так дорожит этим жезлом, он его больше не увидит! Ромбар вспомнил, что у Альмарена нет жезла с тех пор, как тот отдал Синатте свой жезл Феникса. «Подарю-ка я этот жезл Альмарену…» — он опустил амулет в карман куртки и продолжил рискованное путешествие по комнатам.

Наконец Ромбар закрыл за собой последнюю дверь. Полтора месяца погони закончились неудачей.

Разочарование охватило его, обессиливая больше, чем любая усталость. Каморра наверняка взял Синий камень с собой, как того и опасался Ромбар. Дальнейшая погоня была бессмысленна, следовало вспомнить советы и уговоры Норрена, который оказался прав — можно было бы потратить время с большей пользой, помогая в организации обороны.

Ромбар пошел вниз по лестнице, ощущая внутри пустоту, вызванную внезапной потерей цели. Из-за ночного зрения он не услышал ни звука шагов, поднимающихся навстречу, ни предупреждающего ворчания клыкана.

Они заметили друг друга, лишь столкнувшись лицом к лицу — ослабивший бдительность Ромбар и полусонный помощник Каморры, возвращавшийся с проверки уттакских патрулей. Оба почти одновременно опомнились и выхватили мечи, чтобы сойтись в поединке, но пес опередил их. Он прыгнул на грудь

противнику Ромбара и одним ударом острых и белых клыков перерубил ему шею.

Ромбар, увидев выкаченные глаза и раскрывшийся в — беззвучном крике рот, отключил заклинание ночного зрения как раз вовремя, чтобы услышать леденящий предсмертный вопль, гулким эхом раскатившийся по всему замку. Наверху захлопали двери, снизу послышались ответные вопли дозорных уттаков, ночевавших в зале первого этажа после смены патрулей. Лестница наполнилась топотом бегущих ног.

Вновь перейдя на ночное зрение, Ромбар перегнулся через перила и увидел толпу уттаков, заполнившую нижние пролеты лестницы. Их было слишком много, чтобы прорываться здесь, поэтому он развернулся и побежал наверх, отшвыривая мечом попадавшихся навстречу людей Каморры. Он помнил большое окно в конце коридора на третьем этаже, через которое можно было вылезти на крышу и добраться до окон одной из башен замка, а там спуститься по лестнице. Но план, мгновенно зародившийся в голове Ромбара, с той же быстротой и распался, когда они с Вайком добежали до конца коридора. Путь преграждала глухая стена.

Оказавшись в тупике, Ромбар успел понять, что за годы его отсутствия не все в замке сохранилось неизменным, но на переживания у него уже не осталось времени. Сзади подбегали люди Каморры, за ними накатывала волна уттаков. Первое нападение он отразил — один из нападавших упал, остальные отступили. Никто из людей не спешил расставаться с жизнью, поэтому они пропустили вперед озверевших от боевого возбуждения уттаков.

Вайк кинулся в толпу дикарей и заработал клыками, нанося удары и укусы попадавшимся навстречу уттакам. Уттаки, как и люди, плохо видели в темноте, и это спасало пса, темной белозубой молнией мечущегося в толпе. Ромбар устремился вперед и споткнулся о лежащее под ногами тело. Белый диск выкатился из-за пазухи убитого и стукнул об пол, вызвав у Ромбара внезапную вспышку мысли. Ромбар поднял диск, не замечая тяжести мертвого тела, повисшего на цепочке, и прокричал:

— Дабба-нунф!!!

Из-за ночного зрения он не слышал своего голоса, поэтому постарался выкрикнуть заклинание как можно громче. Это ему удалось. Каждая согласная уттакского матерного перла громыхнула в воздухе, заставив дикарей остолбенеть еще до начала действия заклинания. То, что случилось мгновение спустя, могло бы стать гвоздем любого кошмара — уттаки, все как один,

рухнули на пол и забились в судорогах. Ромбар, оставаясь в мире, лишенном звуков, огромными прыжками понесся через извивающиеся тела, оскаленные лица, дергающиеся руки и ноги, за ним летел клыкан. Люди, на которых не действовало заклинание диска, растерялись от неожиданности, и кинулись в погоню, когда Ромбар был уже на лестнице.

Он бежал вниз, прыгая разом через несколько ступенек, но у входа в подвал остановился. Дверь в усыпальницу открывалась медленно, за это время можно было трижды пробежать по лестнице, а погоня была рядом. Ромбар не слышал топота преследователей, но, обернувшись, увидел их самих, в верхней части последнего пролета.

— Охраняй! — приказал он клыкану и побежал в подвал.

Пока каменная плита отползала, Ромбар прислушивался к звукам, доносившимся со стороны входа. Они не приближались, значит, Вайк был жив и защищал вход. Шуршание плиты стихло. Ромбар свистнул пса и восстановил ночное зрение. Когда темно-серая тень вынырнула из-за поворота, он вошел в проход и нажал камень-ключ. Пес проскочил вслед за хозяином в закрывающуюся дверь, и проем в стене плавно сомкнулся за обоими.

XXII

Ручей выводил из леса к самому краю скалистого Оккадского нагорья, подпирающего небо острыми розовато-серыми пиками. Руна сливалась с ручьем и направлялась в широкую каменистую седловину, будто бы небрежно прокопанную между двумя хребтами сказочным великаном. Медлительная лесная речушка с прозрачной водой и берегами, поросшими темно-зеленой щеткой исселя, в своем стремлении к океану превращалась в быструю и порожистую, прихотливо вьющуюся, облизывающую валуны клочьями белой пены.

Лила и Витри заночевали у места слияния ручья и Руны, а наутро отправились вниз по течению. Наивно было думать, что вдоль реки есть дорога или хотя бы торная тропа, но встреченное нагромождение валунов и обломков скал, от боковых скатов седловины вплоть до самой воды, постоянно заставляло их опасаться за целость собственных ног. Каменные глыбы то исчезали под покровом широких и мясистых, приторно пахнущих листьев барвы, то оголенными россыпями и завалами искрились под солнцем.

Магиня быстро приспособилась к движению по каменным завалам. Она шла первой, легко и без заминок перепрыгивая с камня на камень, безошибочно находя верхушки обломков скал, скрытых в густых, порой доходящих до пояса, разлапистых травяных зарослях. Казалось, у нее есть глаза на ступнях, чего нельзя было сказать о Витри. Его ноги проваливались в щели между глыбами, и лишь по счастливой случайности дело обходилось без повреждений. Увидев, что Витри отстает, Лила остановилась.

— Давай переложим часть продуктов ко мне, — сказала она, когда Витри догнал ее.

— Мне не тяжело, — ответил он. Это была неполная правда. Месячный запас провизии изрядно оттягивал плечи обоим. — Я не вижу камней под листьями и все время поскальзываюсь.

— Смотри внимательно, — магиня встала рядом с ним. Они стояли посреди однообразного, густо-зеленого лиственного моря, широким поясом идущего вдоль Руны. Витри ничего не увидел, кроме зарослей барвы, разделенных надвое извилистой лентой — руслом речки.

— Листья, растущие между камнями, больше и темнее. Если смотреть поверх листвы, в этих местах как будто вмятины. — Лила говорила и одновременно указывала рукой, и Витри стал замечать разницу. — Шагай туда, где самые мелкие и светлые

листья. Тяжесть тела переноси на ногу сразу же, как только ощутишь опору. Движение будет равномерным, ты сбережешь силы.

Витри последовал ее советам и вскоре почувствовал, что идти стало легче. Довольно долго они шли молча. Береговые склоны, поросшие лесом, становились все выше и как бы сближались, оставляя все меньше места сочной низинной растительности. Поднявшись на очередной валун, Лила вновь остановилась, но причиной был не Витри. Она пристально рассматривала лежащие впереди травяные заросли.

— Смотри, Витри! Это след. — Она указала на удаленный от реки край зеленого покрова. Витри присмотрелся и увидел чуть заметную полосу, проходящую через заросли барвы. Некоторые листья были сломаны и начинали вянуть.

— Ты думаешь, это посланец Каморры? — спросил он.

— След вчерашний, — сказала Лила. — Он идет в нужном нам направлении. Обрати внимание, в какую сторону примяты листья. Мы движемся быстро, Витри, но и посланец — не медленней. Уж не уттак ли он?

— А если уттак, то что? — спросил Витри.

— Здесь он — у себя дома. Все эти валуны и коряги привычны ему, как мне — Оранжевый алтарь или тебе — Лоанская долина. Нам будет стоить большого труда хотя бы не отставать от него.

Витри погрустнел. От самого Оранжевого алтаря они двигались на пределе сил. Дополнительное усилие казалось ему невозможным.

— Не падай духом, Витри, — ободрила его магиня. — Мы сделаем все, что можем, а там — посмотрим. — Она поправила лямки мешка и вновь пошла через влажные заросли.

К вечеру склоны Оккадского нагорья, пропускающего сквозь себя Руну, стали выше и круче, долина реки превратилась в дно огромного оврага. Исчез плодородный слой, погребенный под обломками скал, а с ним и заросли барвы, но обувь и одежда путников еще несколько дней источала приторный запах ее сока. Камни оголились от растительности, идти стало легче, а вернее, стало бы, если бы не накопившаяся усталость. Витри то и дело спотыкался, даже Лила утратила свою легкую, танцующую походку, с трудом переступая по камням. В овраге темнело раньше, чем на равнине, поэтому они шли в полумраке, прислушиваясь к голосам леса. Дневное пение птиц сменилось криками и рявканьем ночных зверей, не все из которых были неопасными. Сначала Витри вздрагивал от каждого подозрительного звука, затем привычка и усталость взяли свое, и он следил лишь за тем, чтобы не сбиться с шага и дыхания.

Чувства Витри так притупились, что лесная пантера, выросшая перед ними из темноты, не вызвала в нем даже удивления. Если бы Лила не остановилась, он так и прошагал бы мимо грозного зверя, как мимо какой-нибудь скалы или коряги. Мгновение спустя он почувствовал ужас, такой, что мысли в его мозгу замерли, уступая место инстинктам. Лоанец на всю жизнь запомнил каждый волосок на морде зверя, его желтоватые зубы, растопыренные, чуть шевелящиеся усы, жесткие зеленые глаза. Пантера уставилась в глаза матине, та, в свою очередь, отвечала ей тем же жестким, немигающим взглядом. Вдруг зверь опустил голову, как бы отступая, развернулся и прыгнул в кусты. Лила, не сказав ни слова, пошла вперед, будто случившееся было обманом зрения.

Нервная дрожь била Витри до самого привала. Скидывая мешок, он постарался покрепче сжать зубы, чтобы его спутница не услышала их стука. Он еще мог различить ее лицо в наступавшей темноте. Оно оказалось неожиданно спокойным — приспущенные ресницы, чуть усталое, расслабленное выражение, в котором сквозило разве что удовлетворение прошедшим днем. Она не помнила о пантере.

— Лила! — спросил Витри, забыв про дрожь. — Эта пантера… она могла съесть нас!

— В лесу полно другой добычи, — ответила магиня, развязывая мешок, чтобы вынуть припасы. — Зачем ей есть нас?

— Но ведь она хотела… — запнулся Витри, обескураженный обыденным тоном своей спутницы.

— Мы померились силой, и она решила, что мы — плохая добыча. Она поняла, что я сильнее ее.

Витри с сомнением оглядел хрупкую фигурку магини.

— Ты бы не справилась с ней, — убежденно сказал он.

— Как ты думаешь, Витри, что такое для нее добыча? — спросила его Лила. — Добыча пугается и слабеет от страха, бежит прочь и не может сопротивляться нападению. Существо, которое готово к сопротивлению — не добыча. Хищник не будет рисковать жизнью из-за еды, если он не умирает с голоду.

Витри припомнил свои ощущения и понял, что был идеальной добычей для пантеры. Ему не верилось, что эта маленькая женщина могла не чувствовать страха, стоя безоружной перед лесным хищником.

— Скажи, — поинтересовался он. — Тебе помогла магия?

Лила молча обдумывала ответ, разрезая тем временем хлеб и сало. Тьма сгущалась. Витри не различал выражения лица своей спутницы, но еще мог следить за движениями ее рук.

— Не то, чтобы магия, — она заговорила, когда Витри уже не

надеялся услышать ответ. — Мне помогла не сама магия, а то, что делает человека магом. Умение желать, так назвал бы это Шантор.

— Желать умеет любой, — возразил Витри.

— Нет, — покачала головой Лила. — В желание нужно вложить силу. Тогда оно может овеществиться.

— Что?! — переспросил Витри.

— Сбыться, — поправилась магиня. — Мне нужно было пройти, а пантера мешала мне. Я рассердилась и почувствовала, что сила поднимается во мне и идет в голову, в глаза, на пантеру. Пантера поняла, что я хочу пройти, и уступила мне дорогу.

— Неужели тебе не было страшно? — начал допытываться Витри, стыдясь собственного испуга.

— Давай для начала, Витри, выясним, что такое страх. — Лила вновь ненадолго задумалась. — Обычно человек чувствует себя центром мироздания, ведь так? Весь мир вращается вокруг него, все события происходят вокруг него. Любую мелочь он примеряет на себя и проверяет, в каком отношении она находится к нему. Когда человек расстается с жизнью, вместе с ним гибнет и весь его мир. Это много, поэтому человеку свойственен страх за свою жизнь.

Витри промолчал. Он никогда не задумывался о причинах возникновения страха.

— Ты ведь проделал долгий путь, Витри, — продолжила магиня. — Вспомни свое село, дорогу в Цитион, в Келангу… А теперь представь, что ты — сеханский кондор и летишь над Келадой… и видишь ее всю… ее скалы, ее леса, ее реки… города внизу… а в городах, селениях — люди, и у каждого внутри свой, личный мир, и этот мир кажется ему единственным, который есть на свете. И каждый больше всего на свете боится потерять его. Если ты сумеешь представить это, как нужно, у тебя изменится отношение к жизни и смерти. Тогда и страх, и тревога, и прочие чувства, добрые и дурные, покажутся тебе совсем не такими, как прежде.

— И я больше не буду чувствовать ни страха, ни горя, ни любви?! — впечатлялся Витри.

— Почему не будешь? Будешь. Но эти чувства станут другими, — ответила магиня. — Есть и у меня страх — это страх уступить злу, оказаться слабее зла. Красный камень… ну, ты понимаешь. Все есть — и печаль, и любовь… пока человек живет на свете, он не может не испытывать чувств.

Они легли спать у подножия скального обрыва. Витри думал, что не заснет из-за пережитого, но уснул неожиданно быстро, едва положив голову на дорожный мешок. В эту ночь он увидел

сон, яркий и подробный. Витри приснилось, что он — сеханский кондор и парит над Лоанской долиной. Он увидел свое, село и начал спускаться к нему, ниже и ниже, пока не стал различать односельчан на улице. Там был и мельник Денри, и сапожник Ваппа, и кузнец Тумма со своим многочисленным семейством. И Шемма, живой Шемма! Они заметили его в небе и приветственно замахали руками, а он, качнув крыльями, сделал круг над селением и полетел дальше, оставляя внизу Лоанское озеро, зеленые долинные пастбища, жемчужно-серые хребты Ционского нагорья.

Наутро ощущение полета сохранилось в груди Витри, делая его тело сильным, а ноги — легкими. В нем что-то изменилось, он чувствовал, что никогда не будет прежним деревенским пареньком, живущим повседневными заботами. Огромный мир, лежащий за околицей родного села, больше не казался ему чужим и опасным. Витри приспособился к легкому и текучему ритму походки своей спутницы. Он шел за ней шаг в шаг, движение в движение, и лишь иногда улыбался при мысли о выражении на лице кузнеца Туммы или толстой и сварливой Нойи, жены сапожника Ваппы, в случае, если бы им было предложено: «Представь себе, что ты — сеханский кондор…»

День за днем Бовавран шел вниз по Руне. Полууттак был выносли в и неутомим, привычка гнать зверей и чужих уттаков по лесным чащобам выучила его быстро двигаться по любому бездорожью. Он шел от темноты до темноты, почти не теряя времени на еду, которую прожевывал на ходу, запивая глотком рунской воды. Полдня пути, поначалу разделявшие его и преследователей, постепенно увеличивались, превращаясь в полный дневной переход.

У Боваррана ни на миг не появлялась мысль о возможности погони. Каморра, уверенный, что никому не известно ни о Красном камне, ни о причинах и цели путешествия полууттака, не предостерег его, а сам Бовавран по человеческим меркам был недалек и не страдал излишней мнительностью. В пути он думал о куда более приятных вещах.

Последний вечер на Оранжевом алтаре оказался для него счастливым. Каморра, вернувшись из храма Саламандры, вызвал полууттака к себе и вручил ему белый диск.

— До сих пор ты был усерден и послушен мне, — сказал маг. — Я решил наградить тебя диском сейчас. Когда выполнишь поручение, можешь попросить меня о другой награде.

Каморра не слишком рисковал, давая возможность Бовавраву самому выбрать награду. Он наперечет знал немудреные запросы уттаков — кони, оружие, яркие и аляповатые побрякушки. Маг

был скуп на милости и подарки в силу своей натуры, хотя объяснял свою скупость нежеланием баловать прислужников. На этот раз он прикинулся щедрым, но в действительности ему было нужно следить через диск за перемещениями Боваррана и влиять на него, чтобы тот, оказавшись предоставленным самому себе, не бросил дела на полдороге.

Но Бовавран был не так прост, как думалось Каморре, и вершина его честолюбия не ограничивалась получением белого диска. Полууттак прекрасно понимал, что белый диск означает — власть, и хотел власти. Он ощупывал диск под уттакской телогрейкой из звериной шкуры, вспоминая вождя своего племени, грозного Уссухака, чувствовавшего в Бовавране соперника и потому постоянно притеснявшего его. Бовавран представлял, как Каморра скажет Уссухаку: «Ты больше не вождь. Вот вождь», — и тот не посмеет ослушаться мага. Ведь сила белого диска кое-что значит для любого знакомого с ней уттака.

Эта сила не понаслышке была известна Бовавррану. Ему случалось оказываться поблизости, когда кто-нибудь из помощников Каморры приводил в повиновение непослушных уттаков. Будучи уттаком лишь наполовину, Бовавран не падал на землю, как другие, и не бился в судорогах. Скрепя силы, он мог оставаться на ногах, но чувствовал, как дрожит и рвется каждая его жилочка. Важная мысль отложилась у него в мозгу — он может терпеть действие силы диска, а значит, и пользоваться им для смирения непокорных. Ни один уттакский вождь, с важностью носящий отличительный знак Каморры, не посмел бы произнести то самое, ходовое среди уттаков словцо. Бовавран сознавал свое преимущество перед любым уттаком и имел большое желание использовать это преимущество.

Племя Уссухака обитало в нижнем течении Восточной Рунки, притока Руны. В это время года — сезон ловли речных крабов, водившихся в Восточной Рунке — племя надолго останавливалось в месте ее слияния с Руной, где низменная часть речной поймы расширялась, образуя большую поляну. Чем ближе Бовавран подходил к знакомым местам, тем неотступнее ему хотелось показать в племени свою силу и заявить права на власть. Да и случай был удобный — Уссухак с лучшими воинами ушел по приказу Каморры к Бетлинку, где потерял в сражении больше половины отряда. Поэтому, когда поросшие лесом скалы, теснившие Руну, раздвинулись и впереди показалась пойма Восточной Рунки, полууттак перебрался через речку и свернул направо, на широкую поляну, где виднелись многочисленные конические верхушки уттакских шалашей.

Боваррана заметили сразу. Уттакские детеныши с визгом

понеслись сообщать взрослым потрясающую новость. Племя высыпало навстречу своему сородичу. Первыми выбежали дети и подростки — голые и скуластые, с выставленными вперед ноздрями плоских курносых носов и горящими недобрым любопытством глазами. Женщины, появившиеся за ними, были в грубо скроенной, сшитой полосками кожи одежде из звериных шкур. В племени оставалось около четверти всех взрослых мужчин-охотников, чтобы обеспечивать пропитанием остальное население. Обеспокоенные шумом, поднявшим на ноги племя, они тоже вылезли из шалашей, прихватив на всякий случай копья и дубины. Как и у всех коренных жителей Келады, на головах уттаков не было длинных волос. Их заменяла короткая поросль, нечто среднее между шерстью и волосами, встающая дыбом в гневе и при сильном возбуждении. Сейчас эта шерсть стояла торчком, что говорило о сильном интересе к появлению Боваррана.

Племя расступилось, пропуская вперед Укуммака, родственника Уссухака, оставленного вождем за старшего. Тот обратился к приближающемуся Боваррану первым, как и подобает вождю. Короткие, нескладные фразы уттакского наречия прозвучали неожиданно громко среди мгновенно создавшейся тишины, ловимые десятками настороженных торчащих ушей.

— Ты здесь, — сказал Боваррану Укуммак. — Где остальные?

— Бусмака нет, и Ушута нет, и Касутака нет… — заговорил Боварран. — И многих других нет. Был большой бой.

Женщины тихонько завыли, жалея погибших.

— Ты — сбежал?

— Нет, Укуммак, — ответил Боварран, выпячивая грудь. — Меня прислал вождь вождей.

В племени знали о Каморре, поэтому Укуммак не удивился словам Боваррана.

— Что говорит вождь вождей? — спросил он.

— Он говорит, что Уссухак — плохой вождь. Племени нужен новый вождь. Это я.

— Врешь! Уссухак — умный вождь. Уссухак — грозный воин, — шерсть на голове Укуммака встала дыбом. — Врешь!

Боварран вынул из-под телогрейки белый диск и прокричал.

— Смотрите все! Вождя вождей нельзя ослушаться! Старый Шрум служит ему. Гашкат с севера служит ему. Ширрак с Иммы служит ему. Вождь вождей не боится даже Вонючки. Смотрите все! Это знак вождя вождей! Здесь — голова Вонючки!

Укуммак шагнул вперед, чтобы лучше рассмотреть изображение василиска на диске. Уттаки называли гигантского скального ящера Вонючкой за невыносимый запах и боялись его

больше, чем всех остальных хищников. Копья и даже секиры были бессильны против толстой кожи василиска.

Упоминание о Вонючке напугало Укуммака больше, чем ссылка на других вождей, повинующихся Каморре. Он угрюмо отступил назад, пропуская гордого собой Боваррана. Полууттак вновь обратился к племени.

— Готовьте большой пир! Встречайте нового вождя!

Увидев, что все бросились выполнять его приказ, Бовавран занял лучший шалаш и улегся там на шкуре в ожидании пира.

Весь вечер уттакское племя ело, пило и гуляло. Два костра освещали поляну, где женщины ритмически двигались и приплясывали под стук барабанов и протяжное завывание участников пиршества. Бовавран сидел на почетном месте — большом камне посреди поселения, покрытом шкурами. Он наслаждался новым для него ощущением власти, проявлениями подобострастия со стороны давно знакомых ему соплеменников.

Когда все было съедено и племя устало веселиться, новоявленный вождь ушел спать в приглянувшийся шалаш, сознавая, что оказал честь его жильцам, которые в эту ночь спали под открытым небом. Племя накрепко уснуло от непривычной сытости, но были и те, кому не спалось — ведь заботы о месте у власти, о положении в собственном племени одинаково лишают сна и придворных правителя к ел адского города, и приближенных уттакского вождя. А Уссухак имел немало близких родственников, пользовался их поддержкой и платил им тем же.

Укуммак, поначалу притихший от напоминания о Вонючке, к концу дня прочувствовал, что падение Уссухака грозит опасностью ему самому. Он был уверен, что Бовавран начнет притеснять и постепенно изведет всех сторонников Уссухака. Это было естественно, общепринято и понятно любому уттаку. Родственник прежнего вождя пошел по его приближенным и разъяснил им нависшую над ними угрозу. Поэтому утром, когда нагулявшиеся уттаки пробудились от крепкого сна, нашлось немало таких, которых до костей возмущала измена Уссухаку, а заодно и традициям предков, запрещавшим распри за власть при живом вожде. В племени начались разговоры, число недовольных росло, как горный камнепад. К полудню толпа дикарей, подогретых рассуждениями о заветах предков, подвалила к шалашу, где отдыхал Бовавран.

Полууттак вылез на шум и увидел толпу соплеменников. Она смотрела на него десятками черных и блестящих глаз, в который читалась единая, общая враждебность, сливавшая толпу в одно целое. Укуммак, бывший ближе других, сверлил Боваррана взглядом, черная щетка его волос угрожающе торчала вперед, на

самозванца. Имя Укуммака означало по-уттакски «речной краб» и до смешного соответствовало внешнему виду защитника справедливости, еще более короткого и широкого, чем другие уттаки, раскорячившегося, как речной краб, почуявший угрозу.

— Что вам нужно? — сердито спросил Боварран.

— Ты не вождь, — свирепо сказал Укуммак. — Уссухак — вождь.

— Вчера был пир, — Боварран напомнил, что пир означал признание его вождем. — Я — вождь.

— Ты нарушил заветы предков. Ты будешь съеден.

— Вы нарушили волю вождя вождей. — Боварран чувствовал себя уверенно. — Уходите, или узнаете его гнев.

Из тех, кто находился здесь, никто не испытывал на себе гнева белого диска. Когда абстрактный гнев вождя вождей вступил в противоречие с не менее абстрактными заветами предков, практические соображения оказали решающее влияние на выбор.

— Ты — один, — заявил Укуммак. — Нас — много. Все будет по-нашему. — Он повернулся к толпе и скомандовал: — Хватайте его!

— Стойте! — рявкнул Боварран и поднял вверх белый диск. — Дабба-нунф!!!

Полуутак поначалу сам испугался своего могущества. Он один остался стоять на ногах — поляну перед шалашом усеяли корчащиеся тела. Выли и дергались уттачки, исходили пеной бьющиеся в судорогах детеныши, хрипели воины, натыкаясь на собственное оружие. Самого Боваррана тоже била дрожь, его мышцы были сведены спазмами, но он чувствовал не боль, а извращенное наслаждение, упиваясь всесильностью. Человеческая половина его сущности заставляла его презирать этих дикарей, уттакская — жаждала власти над ними и их подчинения.

Наглядевшись на жуткое зрелище, он сказал:

— Хватит.

Действие заклинания прекратилось. Очумевшие уттаки с мутными глазами один за другим поднимались с земли.

— Теперь вы знаете гнев белого диска, — обратился к ним Боварран. — Теперь вы поняли, кто вождь.

Толпа жалобно застонала в ответ.

— Это он вызвал гнев белого диска. — Боварран кивнул на Укуммака. — Съешьте его!

Укуммак побежал вниз по поляне. Мужчины похватали оружие и погнались за виновником общего несчастья. Тот вброд переправился через Руну и полез вверх по склону противоположного ската, все дальше углубляясь в скалы

Оккадского нагорья.

Погоня вернулась нескоро и с пустыми руками. Те, кто остался, построили Боваррану новый шалаш и натащили туда лучших шкур и утвари. Полууттак принимал как должное усердие и поклонение своих соплеменников. Он грозно обратился к охотникам, посмевшим упустить указанную им добычу.

— Где этот жабий сын? Вы дали ему убежать?!

— Его унес Вонючка, — ответили потрясенные охотники. — Гнев белого диска — ужасен!

Бовавран использовал подвернувшуюся случайность.

— Так будет с каждым, кто не чтит меня, — провозгласил он. — Того унесет Вонючка.

Испуганный ропот пронесся среди уттаков, слышавших слова охотников и вождя. Закрепив впечатление, Бовавран поинтересовался, как это произошло. Оказалось, что охотники не сразу выследили Укуммака в скалах. Они почти настигли его, когда прилетевший на шум ящер схватил беглеца, оказавшегося ближе всех, и утащил его наверх.

— Там были чужие. Двое, — один из охотников показал два пальца. — Не уттаки — люди.

— Люди? — насторожился Бовавран. — Откуда здесь люди? Вы их ловили?

— Да. Они ушли наверх, в скалы. Мы не пошли за ними. Опасно.

— Отыщите их! — потребовал Бовавран.

— Великий вождь! — взмолился один из охотников. — Прикажи Вонючке, и он съест их. Заветы предков не велят нам ходить в скалы!

Боваррану не хотелось показывать, как малы его возможности управления Вонючкой.

— Ладно, — разрешил он. — Не ходите.

Охотники разошлись, довольные милостью нового вождя. В конце дня Бовавран выбрал помощника и оставил за старшего, сказав, что скоро вернется в племя. Утром, чуть свет, он вышел на Керн.

В этот день речной краб вцепился Витри в палец. Лоанец споласкивал котелок, чтобы затем набрать в него воды, и вдруг почувствовал, как что-то небольшое, твердое и агрессивное словно щипцами защемило мизинец его левой руки. Витри вскрикнул и выдернул руку из воды. Существо, похожее на серый камень, оторвалось от пальца, мелькнуло в воздухе и стукнулось о прибрежную гальку.

Лила подбежала на крик лоанца.

— Что случилось? — спросила она.

Витри указал ей на жесткое и круглое существо, встопорщившееся навстречу его руке. Пара тяжелых и толстых клешней угрожающе раскрылась, готовая повторить нападение. Лила улыбнулась.

— Какой сердитый. Это укуммак, — сказала она Витри. — Они водятся в северных реках. Говорят, нет ничего на свете вкуснее укуммака.

— Его можно есть? — не поверил Витри.

— Еще как можно, — заверила его магиня. — Это мы и сделаем. Давно мы не ели ничего вкусненького. Сажай его в котелок, в воду, и ставь на огонь. Пока вода закипает, наловим остальных.

Она показала Витри, как безопасно брать укуммака, и, вооружившись прутиком, выудила из Руны еще полтора десятка речных крабов, таких же круглых, жестких и агрессивных, как первый. Затем, пока Витри подкладывал ветки в костер, Лила уселась на камень повыше и, пощелкивая пальцами, стала убирать дым костра с помощью заклинания собственного изобретения.

— Нам нужна маскировка, — весело повторяла она. — И… раз! И… два!

Клубы дыма исчезали, не поднимаясь выше кустарника, за которым было укрыто кострище.

Витри не сразу решился взять в рот покрасневшего от варки краба, но, попробовав кусочек, забыл о своем предубеждении. Единственное, о чем он вспомнил и пожалел во время еды, было то, что здесь нет Шеммы, подлинного ценителя лакомых вещей, Шеммы, который уже никогда не попробует вареного укуммака.

После обеда Лила и Витри ссыпали крабьи панцири в щель между валунами, закидали галькой погасший костер.

— Хлеб кончился, — сказал Витри. — Остались одни дорожные лепешки.

Хлеб был съеден в первую очередь — он занимал много места и быстро почерствел. Мешки обоих путников полегчали за неделю пути. Лила и Витри подняли их на спины и пошли дальше.

Вскоре склоны оврага расступились, впереди показался просвет. Вдруг оттуда раздался шум, крики, плеск воды и треск сучьев. Лила и Витри едва успели броситься на землю за камнями, как из кустов выбежала толпа уттаков и остановилась неподалеку, осматривая скалы и речной берег. Они возбужденно переговаривались по-уттакски, затем разом повернулись туда, где склон был не так крут, как в других местах, и устремились вверх по скалам. Лила и Витри лежали между камнями, опасаясь покидать укрытие.

— Что им тут нужно? — шепотом пробормотала магиня. — Знать бы, о чем они говорили…

— Я кое-что понял, — зашептал в ответ Витри.

— Разве ты знаешь их язык?

— Наш, лоанский язык, похож на уттакский. Они говорили, что ищут укуммака.

— Ловят речных крабов, — догадалась магиня. — Никогда бы не подумала, что для этого нужно столько шума!

Зачем же они полезли вверх? Мне не приходилось слышать о небесных укуммаках.

Витри пожал плечами в ответ. Путники выждали еще немного, затем Лила сделала знак подниматься. Но не успели они сделать нескольких шагов, как часть уттаков внезапно вернулась назад. Прятаться за камни было поздно. Лила шепнула: «Бежим!» и кинулась вверх по склону, выбирая на бегу наилучший путь через нагромождения скал. Витри, давно привыкший полагаться на ее чутье, шаг в шаг следовал за ней.

Уттаки, погнавшиеся за ними, не смогли сократить расстояние, оставаясь сзади в нескольких десятках шагов. Витри задыхался на крутом подъеме, но не отставал от магини. Он был уже не тем увальнем, каким начал путь.

По мере углубления в скалы крутизна подъема уменьшалась. Лила и Витри больше не карабкались вверх, а бежали вперед, по скалам и между скал. Вдруг магиня на мгновение замерла, прислушиваясь к звукам впереди, затем резко свернула вбок, но не сделав и трех десятков шагов, была вынуждена остановиться. Расщелина сужалась так, что пробираться дальше было невозможно.

Лила спустила с плеч мешок, вынула кинжал и вернулась назад по расщелине, собираясь встретить погоню. Витри пошел за ней, каждое мгновение ожидая начала схватки, но уттаки не появлялись. Их удалось сбить со следа.

Знакомый гнусавый говор раздался неподалеку от входа в расщелину. Группа, гнавшаяся за Лилой и Витри, встретила другую, возвращавшуюся ей навстречу. Уттаки были возбуждены и, кажется, чем-то испуганы.

— О чем они говорят, Витри? — спросила магиня.

— Я плохо понимаю, — ответил лоанец. — Их сородича унесла какая-то вонючка. Все этим страшно огорчены.

— Болезнь, наверное. От грязи еще и не то привяжется, — заметила Лила. — Главное, они больше не ищут нас.

Дикари ушли вниз по склону, но Лила и Витри не сразу покинули свое убежище.

— Странно ведут себя эти уттаки, — задумалась магиня. —

Мне всегда говорили, что они не ходят в скалы.

— Почему?

— Не знаю. Но не ходят.

— Может быть, они боятся привидений? — вспомнил Витри.

— Каких привидений?

— Как же? — Витри удивился, что Лила не поняла его. — У вас там, в Ционских скалах… в светящихся балахонах…

— Зачем их бояться? Они совершенно безвредны.

— Ты их знаешь? Видела?

— Никогда. Их видел Шантор, когда еще был не так стар, — взгляд Лилы погрустнел. — Он мне рассказывал, что они появляются на неприступных скалах. И никогда не подпускают к себе близко. Исчезают.

— Я думал, они уносят людей.

— Глупости. — Лила отважилась выглянуть из расщелины, прислушалась и осмотрелась.

— Уттаки ушли вниз, — сказала она Витри. — Наверное, они живут где-то рядом. Будет лучше, если мы пройдем мимо них поверху.

Лила и Витри пошли в глубь скал, откуда вернулись уттаки. День склонялся на убыль, но на вершинах нагорья было светлее, чем в овраге. Вокруг громоздились скалы, перемежающиеся пещерами, углублениями, запутанными проходами, от огромных до узких, вроде той расщелины, где путники скрывались от уттаков. Сердце Витри вздрагивало — ему не верилось, что пещеры необитаемы и из темноты не выскочит какая-нибудь злобная тварь. Но магиня шла вперед, и он следовал за ней, подавляя страхи.

Вскоре выяснилось, что страхи Витри были не напрасны. На ровной, свободной от торчащих выступов площадке обнаружились свежеобглоданные кости крупного животного, разбросанные посреди потеков не успевшей высохнуть крови. Лила нагнулась над костями, пытаясь определить, чьи они. Лоанец с тревогой огляделся по сторонам и заметил поблизости кое-что, не похожее на кости. Вблизи это оказалось кучей, в которой было не меньше полутора ведер хорошего садового удобрения. Витри содрогнулся при мысли о пасти зверя, другой конец которого был способен печь такие лепешки.

— Лила! — в ужасе позвал он. — Что это?!

— Я думаю, куча, — сказала подошедшая магиня.

— Я и сам вижу, — поправился лоанец. — Я хотел сказать… кто это? Кто это наделал?

— Василиск, — уверенно ответила Лила. — Самый крупный хищник на острове. Мне кажется, Витри, здесь опасно оставаться.

Это человеческие кости.

— Человеческие?!

— Уттакские. Василиски нередко едят уттаков. А вот мясо василиска не едят даже уттаки.

— Почему?

— Говорят, невкусное.

Шорох в воздухе заставил обоих поднять головы. В небе, медленно взмахивая кожистыми крыльями, летел огромный ящер.

— Он летит сюда! — вскрикнула Лила. — Скорее, Витри, в пещеру!

Они пролезли в одну из бесчисленных узких пещер и забились в дальний конец крохотной полости, где нельзя было даже выпрямиться во весь рост. Василиск опустился на площадку. Было слышно, как гигантский ящер ползает по ней, скребя когтями по камням. Скрежет приближался, затем свет, проникавший во входное отверстие пещеры, померк, закрытый головой ящера.

Василиск попытался просунуть голову в пещеру, но отверстие оказалось узким для уродливых роговых наростов по бокам и на затылке его головы. Луч света, пробивавшийся над затылком ящера, позволял видеть страшную бородавчатую морду, стеклянные глаза с ж вертикальными зрачками. Пасть василиска распахнулась, открывая два ряда острых конических зубов, изо рта вырвалось… нет, не дым и пламя, как в детских сказках, а невыносимое, ни с чем не сравнимое зловоние.

Витри взглянул на Лилу и увидел, как она, не отрывая глаз от ужасной морды, нашаривает в мешке оружие. Изо рта ящера показался черный и блестящий, раздвоенный на конце язык и, ощупывая камни, стал приближаться к ногам лоанца. Витри по инстинктивному побуждению вытащил кинжал Авенара и вонзил его в широкий, в руку толщиной, живой ремень. Кинжал сверкнул оранжевым и с шипением рассек язык надвое. Конец языка отвалился. Василиск выдохнул облако вони и задергал головой, застрявшей в отверстии, на Лилу и Витри посыпались каменные осколки. Рог василиска треснул и отломился, ящер вырвал голову из отверстия и с шумом улетел прочь.

Лила и Витри молча глядели друг на друга. В руке у магини был ритуальный кинжал. Она бессильно откинулась к стене пещеры.

— Да ты просто герой, Витри, — наконец сказала она. — Кто еще на К ел аде может похвалиться тем, что отрезал язык василиску!

Они оба захохотали, вытирая выступившие слезы, сначала истерически, затем все свободнее и расслабленнее. Насмеявшись

до полного изнеможения, они успокоились. Черный кончик языка лежал на дне пещеры. Лила поддела его ногой и вышвырнула вон.

— Я думаю, ты не захочешь взять его на память. Возьми лучше вот это, — она подняла обломок рога ящера и протянула лоанцу.

Витри машинально сунул обломок на дно мешка.

— Что же теперь делать? — спросил он магиню. — Как нам уйти отсюда?

— У этого василиска не скоро появится аппетит, — ответила она. — Разве что его друзья придут отомстить за него.

— Но как он нас здесь нашел? По запаху?

— Если бы у него, было обоняние, он за полдня умер бы от собственной вони, — заметила Лила. — Но он начисто его лишен. Шантор говорил, что василиски чувствуют тепло и находят по нему свои жертвы. Они никогда не едят мертвечины, хотя воняют хуже любой падали. Теперь я понимаю, про какую вонючку говорили уттаки!

— А я понял, почему они никогда не ходят в скалы, — сказал Витри. — Если бы можно было сейчас же, немедленно оказаться в овраге!

— Да, — согласилась Лила. — Когда будем выбираться отсюда, нужно держаться подальше от открытых мест. Но заночуем мы здесь. По крайней мере, мы убедились, что в эту пещеру не пролезет голова василиска.

Они разгребли каменную крошку на дне пещеры и устроились на ночлег.

XXIII

Шемма упал на четвереньки, больно стукнувшись локтями и коленями о дно ямы. Он ощупал себя и убедился, что цел. Неподалеку шуршало и шевелилось что-то мелкое. Под руками поскрипывала каменная крошка, перемешанная с землей, смягчившей удар при падении.

Некоторое время табунщик сидел тихо, вслушиваясь в темноту. Уттаки отстали, следовательно, с этой стороны опасность миновала. В яме было темно, как в погребе. Шемма вспомнил про светлячок Саламандры, купленный им утром — как же давно это было — и вытащил из кармана.

Яма оказалась круглой, с гладкими отвесными стенами. Вверху виднелся скат, по которому Шемма соскользнул в яму, противоположная сторона уходила ввысь, теряясь в темноте. Шемма обошел яму по кругу. В ней не оказалось ни выхода, ни подъема наверх — ничего, кроме десятка скальных ящериц, выскакивавших из-под ног табунщика.

Будь Шемма внимательней, он заметил бы, что здесь не было ни костей, ни дохлого зверья, и догадался бы, что яму кто-то посещает, и нередко. Но табунщика слитком беспокоила мысль, что он может навсегда остаться в этом каменном колодце.

Привыкнув к слабому излучению светлячка Саламандры, Шемма заметил чуть выше уровня своего роста отверстие, напоминающее вход в пещеру. Он подпрыгнул и зацепился кончиками пальцев за край, но не сумел подтянуться и сорвался на дно ямы. Несмотря на неудачу, табунщик воспрял духом. Он стал подгребать каменные обломки к стене под отверстием, надеясь насыпать холмик, достаточный, чтобы выбраться из ямы. За работой он не услышал приближения посторонних.

Когда Шемма выпрямился, чтобы перевести дух, ему показалось, что в яме стало светлее. Свет шел сверху. Шемма поднял голову и увидел на краю отверстия две широкие фигуры в светящихся балахонах. Они молча наблюдали за его работой.

«Привидения!!!» — пронеслось в голове Шеммы. Он завопил и заметался по яме, но вскоре затих. Привидения не шевелились. Вдруг одна фигура заговорила, но обратилась не к табунщику, а к своему спутнику. Шемма узнал язык — исковерканные, хрипло урчащие, но все же узнаваемые слова. Привидения говорили на местном наречии Келады, как лоанцы и уттаки.

— Смотри, — сказала одна светящаяся фигура. — Человек. Из тех, что сверху. Надо же, куда забрался!

— Что с ним делать? — спросила вторая фигура.

— К владычице. А там… у них один конец. Тайна — это главное.

Страх подсказал табунщику, что это за конец.

— Нет! — заорал Шемма на местном наречии. — Не хочу! Выпустите меня отсюда!

Фигуры переглянулись.

— Откуда ты знаешь наш язык? — спросила одна из них, нагнувшись к Шемме.

— Я всегда говорил на нем! С детства. Это мой родной язык. Выпустите меня.

— Как ты сюда попал?

— За мной гнались уттаки. Я влез на скалу и упал сюда.

— Уттаки?

Шемма почувствовал, что фигуры в балахонах знают уттаков и не любят их.

— Они хотели съесть меня! — жалобно воскликнул он. — Я еле унес ноги. Меня ждет товарищ, я должен вернуться к нему.

— Для вас, сверху, путь из этой ямы один — к владычице, — фигура оценивающе рассматривала табунщика. — Мы думали, никто наверху, кроме уттаков, не говорит на нашем языке. Вас таких много?

— Все наше село. Выньте меня из ямы.

Фигуры зашевелились. Шемма думал, что ему опустят лестницу, но все оказалось проще. Разговаривавший с табунщиком протянул ему руку и, как пушинку, вытащил из ямы.

Привидения оказались двумя существами человекоподобной внешности, ростом ниже Шеммы, но значительно шире в плечах, чуть ли не вдвое — показалось ему с испуга. На их головах рос короткий серый пух, под светящейся одеждой каменными глыбами бугрились суставы. Когда Шемму вытаскивали из ямы, он успел почувствовать силу ухватившей его руки, могущей с легкостью выдернуть его собственную руку или ногу. Короткие тумбообразные ноги подземных людей говорили о том, что их владельцы были плохими бегунами, но бежать было некуда, поэтому Шемма смирился с участью пленника.

— Убери, — один из подземных людей указал на светлячок Саламандры, судорожно зажатый в руке Шеммы. — Слишком ярко.

Шемма подчинился. Убрав светлячок, он увидел, что одежда его сопровождающих дает достаточно света, чтобы различать стены и пол туннеля.

— Кто вы? — спросил он.

— Монтарвы. Многие сотни лет мы живем под землей.

— Но почему? — удивился Шемма. — Наверху ведь так

хорошо!

— Наши предки жили наверху. Они ушли под землю, спасаясь от уттаков. Мы привыкли жить здесь и не можем выйти наверх. Мы слепнем от солнечного света.

Тут Шемма заметил, что крупные желтые глаза говорившего имели вертикальные, как у ночных зверей, зрачки.

— А как же я? — спросил он. — Что будет со мной?

— Наши вентиляционные шахты расположены в неприступных местах, поэтому к нам редко попадают люди сверху. Их судьбу решает владычица.

— Вы ведете меня к ней?

— Нет. К главе общины.

Подземный ход, поначалу выглядевший небрежным и заброшенным, становился чище и ровнее. Трещины исчезли, отшлифованные стены казались стеклянными.

— У вас есть глава общины? — заволновался Шемма. В его селе тоже был глава, пожилой Оти, выбранный сельчанами старшим за благоразумие и рассудительность.

— У нас несколько общин, и в каждой есть глава. Общины составляют город, а городом правит владычица.

— Город?! — восхитился Шемма, не предполагавший, что под землей бывают города.

— Да, — в голосе отвечавшего послышались нотки гордости. — Великий Лур, сердце гор, подобный рубину в куске породы.

Путь, которым вели Шемму, казалось, намеревался подтвердить слова гордого своим городом монтарва. Туннель слился с другим, широким, стены и потолок которого были идеально выровнены и украшены резным узором. На уровне половины роста в стенах были выдолблены желоба, заполненные землей. В желобах росли висячие и вьющиеся растения, светящиеся всеми оттенками голубоватого, зеленого и розового. Прежний туннель так же отличался от этого подземного проспекта, как заброшенный тупик на окраине Келанги от одной из ее центральных улиц. Навстречу попадались местные жители, с острым любопытством бросавшие взгляды на Шемму. Двое монтарвов свернули в боковой проход, ничем не отличавшийся от остальных ответвлений главного пути.

— Как вы отыскиваете дорогу? — не выдержал Шемма. — Здесь все коридоры одинаковые.

— На стенах есть надписи, — объяснил один из сопровождающих. — Ты умеешь читать?

— Нет, — признался табунщик. — У нас в селе никто не пишет и не читает. Городские — те умеют.

Коридор закончился небольшим овальным залом и распался на ответвления.

— Вот наша община, — сказал монтарв Шемме, затем обратился к своему напарнику. — Ждите здесь, я доложу старшему.

Он ушел, но вскоре вернулся и позвал их с собой. В конце коридора оказалось занавешенное куском тяжелой ткани помещение, в котором жила семья главы общины. Шемма с удивлением заметил, что вся мебель — стол, лежанки, низкие квадратные сиденья — была вырезана из камня и составляла единое целое с полом и стенами. Лежанки были покрыты досками, а сверху — такой же плотной и тяжелой тканью, как и входная занавеска.

В комнате было несколько монтарвов, мужчин и женщин. Одежда женщин почти не отличалась от мужской — те же светящиеся балахоны длиной ниже колена, но без широких мешковатых штанов, издали создающих впечатление длинной, до пола, юбки. Все уставились на человека сверху с тем же любопытством, что и встречные прохожие. Один из них, выглядевший еще суровее и кряжистее, чем те, кто привел табунщика, поднялся и подошел вплотную к пленнику. Более светлый пух на его голове, вероятно, соответствовал пожилому возрасту. Шемма догадался, что это глава общины.

— Вы говорите, он знает наш язык? — спросил старший у сопровождавших Шемму монтарвов.

— Да, — охрипшим голосом выговорил Шемма. — Не все слова, но понимаю.

— Удивительно, — покачал головой старший. — Откуда ты родом?

— Из Лоана.

Глава общины предложил Шемме сесть и долго выспрашивал его о Лоане, о жизни на острове, о причинах, приведших табунщика в шахту.

— Вы, лоанцы — такие же, как и мы, — заключил он. — У нас общие предки. Ты мне понравился, и я не хочу, чтобы с тобой обошлись обычным образом.

— Как это?! - похолодел Шемма.

— Всех попавших к нам сверху у нас казнят. Мы не держим на вас зла, это делается для нашей безопасности. Нас немного, куда меньше, чем вас наверху, поэтому мы должны быть осторожными.

— Я тоже не хочу вам зла! — воскликнул табунщик. — Зачем меня казнить?!

— Чтобы ты не проболтался.

— Но о вас знают наверху! Какой смысл меня убивать?!

— Знают?!

— Да. В поселке видят вас по ночам. Мне рассказывали о вас. Меня незачем, меня бесполезно убивать!

Глава общины задумался.

— Я скажу это владычице. Когда я буду говорить с ней о тебе, я объясню, что ты нам нужен, потому что знаешь оба языка, знаешь жизнь наверху и многое можешь рассказать о ней. Обещай, что не попытаешься бежать.

Шемма замялся.

— Это в твоих интересах, — уточнил старший. — Тебя немедленно убьют, когда догонят.

— Обещаю, — вздохнул Шемма. Он не собирался держать слово, но понял серьезность предупреждения.

— Я доложу о тебе владычице, — сказал глава общины и поднялся с сиденья.

Шемма сообразил, что чем позже о нем доложат владычице, тем лучше.

— А что у вас едят? — спросил он.

— Ты голоден? — забеспокоился монтарв. — Мы недавно завтракали, я не подумал, что ты хочешь есть.

— Но ведь сейчас давно за полночь! — удивился Шемма.

— Мы спим, когда наверху солнце, — ответил его собеседник. — Луна — наше ночное светило. Ведь мы выходим на поверхность за древесиной и травами. Сейчас тебе дадут поесть.

Жена главы общины поставила перед Шеммой две миски. В одной была мелко порубленная кашица, пахнущая грибами, в другой — ломтики, напоминающие тушеные корнеплоды. Шемма воодушевленно вдохнул запахи, струящиеся из мисок, взял ложку и спросил:

— А хлеба — нет?

— Что такое — «хлеб»?

Табунщик вспомнил про полурастоптанную краюху у себя за пазухой. Он достал ее и положил на стол.

— Вот это — хлеб.

Монтарвы склонились над краюхой, рассматривая незнакомую пищу.

— Пробуйте, — начал угощать их Шемма. — Вкусно.

Он оторвал большой ломоть, прикусил его и смачно зажевал грибную кашицу. Глядя на Шемму, монтарвы начали пробовать хлеб. Скоро от краюхи ничего не осталось. Шемма управился с едой и повел глазами по столу.

— Мясца бы… — сказал он:

— Здесь нет мяса, — послышался удручающий ответ. — Мы

едим то, что может расти под землей — грибы и овощи.

— Совсем нет мяса?! — в голосе табунщика послышался испуг, не меньший, чем при упоминании о казни. — Ни окороков, ни колбас, ни сала?!

— Эти слова нам незнакомы. Так называются блюда из мяса?

Шемма трагически кивнул.

— В колодцы при шахтах попадаются ящерицы, — пояснил один из монтарвов. — Они съедобны. Их собирают и подают на стол владычице. Другого мяса у нас нет.

— Скверно живете, люди, — подытожил Шемма. — Я здесь долго не протяну.

Добродушный табунщик забыл, что его жизнь в опасности.

— А еще есть паштет из дичи, — вспомнил он неудачный поход в цитионскую колбасную лавку. — Вот вкуснота-то! Я его даже и не пробовал… Как же вы тут живете, без настоящей еды?

— У нас есть плантации, где мы растим грибы и овощи, — начал рассказывать глава общины. — До недавнего времени еды хватало всем, но несколько полнолуний назад плантации владычицы стали чахнуть. Они у нее самые богатые, ни в одной общине таких нет. От урожая на них зависит питание всего Лура.

— И что же? — заинтересовался Шемма. Его интересовало все, связанное с едой.

— Теперь город не ест досыта, хоть и не голодает, — в голосе старшего прозвучали озабоченные нотки. — Начато строительство добавочных плантаций, но это займет годы.

— Ох и скверно! — проникся сочувствием Шемма.

— Данур, советник владычицы, объявил, что нет ничего угрожающего. Но слухи ходят, люди встревожены, — старший взглянул на Шемму и добавил. — Да, знаешь, твой «хлеб» очень вкусный.

— Это еще что! — воодушевился Шемма. — У нас его просто так едят, между делом.

Монтарвы внимательно слушали табунщика. Старший указал ему на одну из лежанок.

— У вас ночь, ложись сюда и поспи. А я пойду к владычице.

Тысячелетняя история Лура являлась историей правления женщин. Ограниченность пространства и средств к существованию требовала женских качеств — порядка и умения рационально распоряжаться хозяйством подземного города. Одна владычица сменяла другую, передавая управление своей дочери, а в случае бездетности назначая преемницей другую женщину. Муж владычицы обычно не имел никакой власти, называясь попросту отцом ее детей. Гораздо большей властью обладал советник, которого владычица выбирала среди талантливых и

энергичных жителей Лура.

Правящая владычица, Хэтоб, была красивой женщиной средних лет. Серый пух на ее голове был густым и пышным, крупные ярко-желтые глаза — блестящими и подвижными. Два года назад она получила власть по наследству от своей матери, великой Вароб. Хэтоб легко и естественно приняла дела и обязанности владычицы Лура, к которым готовилась в течение всей жизни. И мать, и лучшие ученые города передавали знания и опыт девочке, а потом девушке Хэтайе, чтобы она была готова к дню, знаменательному в ее жизни и в истории всего города, дню, когда она наденет корону владычицы и получит право называться Хэтоб — формой имени, выражающей высшее положение среди монтарвов.

Сегодняшний день в лице Данура, советника, принес владычице дурные новости. Данур пришел с докладом вскоре после завтрака и, не тратя времени на предисловия, сообщил:

— Этой ночью Оранжевый шар опять не согревал ваших плантаций.

Хэтоб, принимавшая советника сидя в кресле, встала и прошлась по комнате. Ее желто-розовое, редкого оттенка платье, заискрилось под мерцающим светом декоративных растений, в избытке украшавших покои владычицы.

— Велик ли вред? — спросила она советника. — Как долго это тянулось?

— Недолго. Куда меньше, чем в прошлый раз. Все посевы уцелели, кроме… — советник запнулся.

— Плантации масличных семян, — владычица догадалась, о чем не смел сказать ее советник. — Они не могут плодоносить без тепла Оранжевого шара. И это уже в который раз! В городе с весны нет масла, оттого что семена не вызревают.

— Да, урожая опять не будет. Все бутоны завяли и к вечеру опадут. Если ничего не случится, новые бутоны появятся через месяц. Могло бы быть и хуже, как весной.

Владычица кивнула.

— Наше подземное солнце остыло тогда на несколько дней. Все посевы пришлось пересадить, — вспомнила она убытки, понесенные плантациями с весны. — Месяц назад Оранжевый шар остыл на полдня. Пропали не только масличные посевы, но и плантации высокоурожайных бобов. — Она грозно глянула на советника. — Такого не было триста лет, с тех пор, как трое сверху принесли Оранжевый шар в дар великой Мороб. Я же приказала выяснить причины! И не говори мне о гневе высших сил. Это лишь повод оправдать собственное неумение.

— Владычица… — склонился перед ней советник. — Вы

требуете от меня слишком много…

— Я требую то, что нужно. И не столько мне, хотя это мои плантации, сколько всему Луру. Вспомни о людях, которые доверили нам свое благополучие.

— Я спрашивал об Оранжевом шаре всех наших ученых, великая, — начал оправдываться Данур. — Я не пропустил никого из тех, кто с рождения в вашей общине, и из тех, кому оказали честь жить в ней за заслуги перед Луром. Одни могут рассчитать направление нового подземного туннеля так, что он придет в нужную точку, не задев по пути остальные постройки, и провести водостоки так, что у каждого в городе будет вода, но ничего не будет затоплено. Другие знают, как ухаживать за растениями, чтобы добиться наивысшей урожайности или получить удивительные оттенки светящихся волокон, третьи знают все о свойствах горных пород и кристаллов, могут создавать шедевры геометрии, украшающие наши залы и переходы, да и ваши покои тоже, — он указал на полушария сложной огранки, из которых свисали плети светящихся растений. — Но никто не знает о свойствах Оранжевого шара. Триста лет наше подземное солнце было неизменным, а как изучать то, что не меняется?

— Это ты так считаешь?

— Так ответил Пантур. Кто поставит под сомнение слова Пантура? Того, чего не знает он, не знает никто.

Владычица задумалась.

— Я хочу видеть Пантура, — сказала она советнику. — Он склонен увлекаться исследованиями и забывать о насущных делах. Может быть, он не понимает, насколько мои плантации важны для Лура.

— Этого не может быть, великая, — ответил Данур. — В Луре не найти человека, который не понимал бы значения ваших плантаций. Все триста лет, с тех пор, как они заложены вокруг Оранжевого шара, в городе нет недостатка в одежде и питании.

— Я хочу слышать собственное мнение Пантура, — повторила владычица. — Приведи его ко мне.

Советник поклонился и ушел за Пантуром. Хэтоб села в кресло дожидаться его возвращения, но вскоре встала и подошла к растениям, украшавшим и освещавшим ее комнату. Она внимательно осмотрела их все, особенно кудрявый кустик, светящийся желто-розовым в тон ее платью, который был ее любимцем. Все было хорошо, растения были политы и пышно разрастались. Черная зеленоглазая кошка соскочила с лежанки и потерлась о ноги хозяйки, но была раздраженно отстранена прочь.

У входной двери постучали. В ответ на приглашение в

комнату вошел Данур, а с ним — седой, высохший от времени старик. Это был Пантур, которого дожидалась владычица. Он выделялся среди монтарвов высоким ростом и худобой, и держался прямо, несмотря на возраст. Войдя, Пантур приветствовал владычицу поклоном.

— Вы меня звали, великая? — спросил он с оттенком утверждения. — Чем могу служить вам?

— Разве Данур не рассказал тебе о том, что случилось на плантациях? Разве ты не знаешь, что с весны мы теряем урожаи самых ценных наших культур оттого, что Оранжевый шар перестает обогревать их?

— Что я могу сделать, владычица? — пожал плечами Пантур. — Растения привыкли к теплу Оранжевого шара. Они дают урожаи выше, чем на других плантациях, но не могут и нескольких дней обходиться без его тепла.

— Нужно, чтобы шар не прекращал обогревать плантации, — нахмурилась Хэтоб. — Разве это не понятно?

— Понятно-то понятно, — спокойно ответил ученый. — Но ведь шару не прикажешь.

Владычица подошла поближе к Пантуру и заглянула ему в лицо.

— Пантур, — сказала она ласково. — Неужели есть на свете такое, перед чем бессильны все твои знания?

Хэтоб верно нащупала ловушку, в которую можно было поймать старого ученого. По беспокойным движениям рук Пантура она догадалась, что он задет за живое, что ей и требовалось. Теперь делом его чести будет решить поставленную задачу. Но ученый не спешил заверять владычицу, что найдет решение проблемы.

— Великая… — осторожно сказал он. — Этот шар создали люди сверху. Может быть, причины его странного поведения нужно искать наверху. Наших знаний недостаточно, чтобы управлять им.

— Ты опять за свое, Пантур, — вновь нахмурилась владычица. — Эта твоя идея о сотрудничестве с теми, кто живет наверху… Ты же знаешь, что наши предки ушли под землю, спасаясь от их дикости и кровожадности.

— С тех пор прошли тысячелетия, великая. Все могло измениться. Жизнь не стоит на месте.

— Нам нельзя раскрывать себя, — с твердостью в голосе сказала Хэтоб. — Если они задумают дурное, мы окажемся беззащитны. Нам некуда спасаться бегством.

— Мы можем постоять за себя, — возразил Пантур. — Стоит нам засыпать несколько ходов, ведущих на поверхность, и до нас

никогда не доберутся. Там, наверху, живут не только уттаки, но и другие люди, не похожие на дикарей. Мы слишком мало о них знаем.

— Я не хотела бы знать о них слишком много. Это может оказаться опасным.

— А я бы хотел. Наши наблюдения говорят о том, что там живет развитый народ. Их жилища и одежда…

— Я должна заботиться не о своем любопытстве, — оборвала его Хэтоб. — На мне лежит ответственность за весь город. Это вы, ученые, так далеки от жизни, что обо всем готовы забыть ради нового факта!

— И все же, владычица, мы нужны в вашем хозяйстве, — чуть заметно улыбнулся Пантур. — Будем смотреть правде в глаза — городу угрожает голод. Вы послали за мной, потому что верите, что я могу предотвратить беду. Почему же вы считаете, что я интересуюсь людьми сверху из пустого любопытства?

Стук у входа прервал их разговор. Появился слуга владычицы и доложил, что к ней пришел глава Пятой общины.

— С важным делом, великая, — округлил глаза слуга.

Он мог бы не говорить этих слов. Только чрезвычайное событие могло заставить главу общины прийти к владычице Лура без приглашения. Хэтоб кивнула в знак согласия:

— Пусть войдет.

Глава Пятой общины отодвинул тяжелое тканое покрывало, служившее дверью, вошел в комнату владычицы и низко склонился перед ней.

— Простите, великая, — почтительно сказал он. — Дело требует вашего внимания.

— Что случилось, Масур? — взглянула на него владычица. — Докладывай.

— Двое из нашей общины, как обычно, совершали утренний обход вентиляционных шахт. В одной из них они нашли человека сверху. Поэтому я решился побеспокоить вас.

Хэтоб искоса глянула на Пантура.

— Где сейчас этот человек? — спросила она главу общины.

— У нас. Его охраняют.

— Ты исполнителен, Масур. Хорошо, что не замедлил с докладом. Проводи его сюда и передай Дануру для казни.

— Но, великая… — начал Масур.

Владычица удивленно уставилась на своего подданного, намеревающегося возражать ей.

— В чем дело?

— Это особенный человек. Он знает наш язык, — все смелее говорил глава общины. — Его предки были и нашими предками.

Он может рассказать все, что делается наверху. Может быть, не нужно торопиться с его казнью, великая?

— Ты уверен, что это не уттак? — засомневалась Хэтоб. — С уттаками не разговаривают, хоть они и знают кое-какие наши слова.

— Клянусь своей жизнью, он — человек.

Хэтоб молчала, размышляя. Масур позволил себе дерзость, оспаривая ее приказ, да и законы Лура требовали немедленной казни пленника. Но доводы Пантура все еще звучали в ее сознании, а этот человек сверху, так кстати попавший в шахту, знал язык монтарвов. Случай, безусловно, требовал особого подхода.

— Хорошо, — наконец сказала она. — Казни не будет. Ты слышал, Данур?

Советник наклонил голову в знак согласия. Владычица перевела взгляд на Пантура.

— Ты возьмешь к себе этого человека и узнаешь у него все, что можно, — сказала она ученому. — Мы успеем казнить его, когда он не будет нужен. Я надеюсь, что он не сбежит от тебя.

Пожелание владычицы было равносильно приказу, и наказание за оплошность могло быть суровым. Пантур поклонился, показывая, что понимает требования Хэтоб.

— Ты доволен, Пантур? — спросила владычица. — Я и сама вижу, что доволен. Я жду, что ты устранишь причину гибели урожая, и надеюсь, что человек сверху поможет тебе отыскать ее.

— Ты прав, интересы Лура требуют, чтобы этот пленник остался в живых, — обратилась она к главе общины. — Передай его Пантуру.

Шемма крепко спал, когда его потрясли за плечо. С трудом разлепив глаза, он увидел знакомого ему главу общины.

— Вставай, парень, — говорил тот. — Тебе повезло, владычица отложила твою казнь. Идем со мной.

— Что значит — «отложила»?! — заволновался Шемма, с которого сразу слетел сон. — Меня все еще хотят казнить? Я же ни в чем не виноват, это все уттаки…

— Сейчас я отведу тебя к человеку, у которого ты будешь жить, — объяснил ему глава общины. — Остальное зависит от тебя. Пока ты ему нужен, тебя не казнят. Так сказала владычица.

Шемма тяжко вздохнул и последовал за ним. Они вышли в овальный зал и направились к широкому туннелю.

— Смотри и запоминай, — сказал глава общины Шемме. — Это тебе пригодится. У нашего города четкая планировка. Всеми новыми застройками распоряжается владычица, а вернее, ее архитектор. Иначе нельзя — любая неточность может привести к

обвалу или затоплению части города. Все основные туннели делятся на кольцевые и радиальные. У каждого есть название, но главное — это номера, под которым они нанесены на плане города. По номерам ты всегда найдешь нужный путь.

— А как я узнаю номер туннеля? — спросил Шемма, ловя каждое слово своего провожатого. Мысль о побеге, конечно, была первоочередной в голове табунщика.

— Все написано на стенах, видишь? — глава общины указал на горизонтальные полоски регулярно чередующихся знаков, которые Шемма принимал за узоры. — Человек, который займется тобой — выдающийся ученый. Попроси его, и он выучит тебя нашим буквам и цифрам.

— А он согласится?

— Пантур — хороший человек. Вот Данур, советник владычицы, тот недобрый. Старайся не попадаться ему на глаза.

Шемма дал себе слово никогда не попадаться на глаза Дануру. Глава общины продолжал пояснения.

— Сейчас мы вышли из Пятого радиального туннеля, который ведет в нашу, Пятую общину. А это — Второй кольцевой туннель. Нам нужно пройти по нему до Первого радиального туннеля, который ведет в общину владычицы.

Шемма усиленно кивал.

— А что вон там? — спросил он, указывая в один из боковых туннелей.

— Это Третий радиальный. В том направлении он ведет к центру. Там у нас не живут, а гуляют, отдыхают, меняются вещами. В центре есть просторные залы, а в них сады изумительной красоты. Одно из наших любимых искусств — создание травяных картин.

— Что это такое? — не понял Шемма.

— Травяную картину начинают создавать с сосуда, стоячего или подвесного. Сосуд — это половина картины, — воодушевился монтарв, поясняя приятные для него подробности. — Его вырезают из камня, украшают огранкой, наполняют землей, затем подбирают растения так, чтобы было красиво, и высаживают в эту землю. Потом картину растят и формируют, пока не добьются желаемого вида. У нас часто устраивают выставки травяных картин.

— А это тоже картины? — Шемма указал на растения в боковых желобах туннеля.

— Конечно, нет. Они здесь для освещения. Такие посадки освещают всю центральную часть города. В удаленных туннелях их нет, потому что им нужен постоянный уход, который там трудно обеспечить. Но наша одежда дает достаточно света, чтобы

ходить везде.

— Почему ваша одежда светится? — спросил неугомонный табунщик. — Это краска?

— Нет. Некоторые сорта волокнистых растений дают светящиеся волокна, которые сохраняют свечение и после того, как растение засохнет. Подбирая сорта, можно получить разнообразные оттенки. Самые распространенные цвета — серо-голубые. Одежду такого цвета носят многие жители.

— А редкие?

— Желтые и розовые. Одежду из таких волокон выдают за заслуги перед городом.

— У вас ничего не покупают и не продают?

— В этом нет надобности. То, что нужно для жизни, мы вместе производим и вместе используем. Необходимое мы даем каждому.

— Значит, ваша владычица не богаче любого жителя города? — удивился Шемма.

— Я сказал — «необходимое». Владычице принадлежат лучшие плантации Лура, урожай с которых она распределяет, как считает нужным, — напомнил глава общины. — Это привилегия ее положения. Когда появится новая владычица, кто бы она ни была, она возглавит Первую общину и весь город, а также получит в личное пользование эти плантации.

— Понятно, — сказал Шемма. — Богатство у вас зависит от положения среди других людей.

— Не совсем так, — поправил его монтарв. — Это касается только владычицы. Меня, например, избрали старшим, поэтому я могу распоряжаться имуществом и людьми своей общины. Это не удовольствие, а труд. Если я устану и откажусь от своего положения, община выберет другого. Он возьмет на себя управление хозяйством, а у меня останется только то, что принадлежит лично мне. У нас не так ценится богатство, как почет и уважение жителей города.

— Там, наверху, все по-другому, — заметил Шемма. — Там что мое, то мое.

— Здесь не выжить в одиночку. Здесь живут общинами, и в каждой свое хозяйство и свой очаг. Чем богаче община, тем лучше живут все ее люди. Но, если где-то дела пошли неладно, там помогает владычица, а, если нужно, то и другие общины. Есть и городские работы — постройка туннелей, плантаций, поддержание чистоты в туннелях и шахтах. Каждая община обязана посылать людей на эти работы. Общегородскими делами распоряжается владычица. Она же решает и споры между общинами.

— А если людям не понравится, как ими распоряжаются? — спросил практичный Шемма. — Они могут выбрать другого?

— Люди могут заменить главу общины, но не владычицу. Ее правление является пожизненным и наследственным.

— А советника? — Шемма вспомнил опасного Данура.

— Он помогает владычице. Выбирать и отстранять его — ее право.

За разговором Шемма не заметил, как они оказались в просторном овальном зале, превосходившем по размерам зал Пятой общины. Здесь было светло от обилия растений, которые живописно размещались в каменных вазах, покрытых тончайшей геометрической резьбой, плоских, шаровидных, овальных, стоящих на полу и на подставках, подвешенных на цепочках вдоль украшенных барельефами стен. Кое-где на вьющихся плетях мерцали крупные цветы с полупрозрачными, радужно переливающимися лепестками. Шемма сразу понял, что перед ним — те самые травяные картины, о которых рассказывал его провожатый. Вдоль стен тянулись каменные диваны удобной формы, пол, покрытый толстым тканым ковром светлых оттенков, придавал залу уют и мягкость.

— Мы пришли, — услышал над ухом Шемма, заглядевшийся на окружающее его великолепие. — Это центральный зал Первой общины. Нам сюда.

Глава общины повел Шемму по одному из коридоров, ответвляющихся от овального зала. С обеих сторон коридора встречались короткие проходы, в глубине которых виднелись занавески, служившие здесь дверьми. Свернув в такой проход, провожатый Шеммы вынул из стенной ниши камень, похожий на пест от небольшой ступки, и постучал им в стену. Входная занавеска отодвинулась. Из глубины вышел монтарв, ростом и сложением походивший на Шемму. Но сходство было лишь поверхностным — вместо рыхлой упитанной плоти табунщика, не успевшего в скитаниях растерять накопленный жирок, в теле Пантура чувствовалась крепость гранита, в недрах которого он родился, вырос и прожил долгую жизнь. Да и волосы лурского ученого были не белокурыми, а седыми от времени, будто бы запорошенными древней пылью. Серо-желтые кошачьи глаза с вниманием остановились на человеке сверху.

— Спасибо, Масур, — сказал он главе общины.

Тот ушел. Шемма и Пантур остались вдвоем, молча разглядывая друг друга.

— Это ты знаешь наш язык? — нарушил молчание Пантур.

— Да, — сказал оробевший Шемма.

— Хорошо. Заходи сюда.

Табунщик прошел за дверную занавеску. Внутри не было роскоши центрального зала, к которой подсознательно готовился Шемма. Стол, диван, сиденья, пара лежанок и книги, книги, книги…

— Ты будешь жить здесь, — услышал он голос Пантура.

XXIV

Альмарен шел вдоль ручья на север. Длинные ноги легко переносили его через камни, поваленные деревья и кучи засохших ветвей, намытые весенними потоками. Поначалу он ощущал присутствие Магистра, оставшегося сзади, на лесной поляне у ручья, но постепенно в его подсознание стало внедряться чувство растущего одиночества, одиночества вдали от жилья, среди деревьев, камней и кустарников, среди шорохов, звуков и запахов бескрайнего лесного массива на севере Келады.

В лощине, по которой тек ручей, было влажно и прохладно. Зной засушливого лета не достигал ее дна. Лесной воздух, душистый и свежий, обострял восприятие окружающего мира и в то же время смягчал тревожную настороженность Альмарена, присущую любому живому существу в чужом месте. Альмарен чутко прислушивался к лесным звукам и голосам, но они не казались опасными. Попутный уклон лощины затягивал его и заставлял спешить вперед, возбуждая безотчетное стремление скорее достигнуть ровного места.

Вслед за ощущением одиночества к Альмарену приходило понимание того, что успех дела, жизненно важного для исхода войны, теперь зависит от него и только от него. До сих пор он во всем полагался на своего старшего друга, с которым не расставался со дня выезда из Тира и решения которого были естественными и неоспоримыми для молодого мага. Теперь на Альмарене лежала и необходимость самостоятельно принимать решения, и ответственность за эти решения. Он озабоченно хмурился, подбирая и пряча свою обычную, чуть рассеянную улыбку, и пытался предугадать, как развиваются события там, впереди, и как он должен действовать, чтобы посланник Каморры не доставил Красный камень хозяину. Он думал и о Магистре, о предстоящей тому, ночной вылазке в Бетлинк, и мысленно желал ему удачи.

В месте слияния ручья и Руны Альмарен перебрался через неглубокий поток и пошел вниз по вздыбившейся камнями седловине, тем же путем, которым сутки назад прошли Лила и Витри. Вечер застал его посреди темно-зеленых, бесконечно тянущихся вдоль реки зарослей барвы. Краешком сознания, занятого серьезными заботами, Альмарен отметил и улыбнулся тому, как, тесня друг дружку, тянутся к свету эти сочные и пахучие порождения сырости. К вечеру запах листьев сгустился и стал дурманящим, поэтому молодой маг поднялся повыше по склону, где воздух был не так тяжел, и устроился там на ночевку.

Сон не пришел сразу — непривычное чувство одиночества удерживало Альмарена в напряжении и заставляло вслушиваться в ночь. В его сознании медленно потекли мысли-воспоминания о сегодняшнем, бесконечно длинном дне, затем, уже в полусне, они устремились вперед, к тем двоим, кого ему предстояло догнать.

Как маг, он в первую очередь думал о черной жрице. Женщины-магини были большой редкостью на К ел аде. Суарен говорил, что способности к магии встречаются у женщин не реже, чем у мужчин, но на деле все эти женщины предпочитали жить обычной жизнью — иметь семью, очаг, хозяйство, растить детей. Оранжевые жрицы — а ими становились красивые девушки из бедных семей, — как правило, выходили замуж, лишь только им удавалось скопить на приданое, и забывали о магии. Женщина, которая сделала бы магию своим основным занятием, пока не встречалась Альмарену, поэтому существование черной жрицы удивляло его, как любое необычное явление, и удерживало его внимание на этой странности.

По пути к Бетлинку Альмарен пробовал обсудить с Магистром волнующую его тему, но каждый раз наталкивался на упорное молчание друга, равнодушного ко всем женщинам, в том числе и к жрицам. Сейчас, в полудреме, воображение молодого мага вырвалось на свободу, и он пытался представить со слов Вальборна, как она выглядит, кто она такая, что она такое, эта женщина в одежде крестьянского мальчика, о способностях которой с таким восхищением отзывался Цивинга. И кто с ней — этот белокурый подросток, ее спутник? Здесь крылась тайна, интригующая Альмарена. Эти двое сумели узнать о Красном камне на острове Керн и о посланце Каморры, отправились в полоню — храбрые ребята! И вновь Альмарен вспомнил, что один из них — женщина. Было далеко за полночь, когда, он заснул на склоне оврага, в маленьком углублении у корней корявого дерева, так и не разрешив загадки.

С первыми лучами солнца Альмарен продолжил путь. Утром он сразу увидел то, чего не замечал в вечерних сумерках — полоску примятых листьев барвы, тянущуюся вдоль подножия склона. Пойдя по следу, он вскоре нашел в вязкой почве отпечаток крестьянского башмака, точно такой же, как и у ручья на поляне, где остался Магистр. Находка окрылила Альмарена. Он был на верном пути и надеялся через день-другой догнать двоих путников, а, может быть, и самого посланца.

К полудню заросли барвы пошли на убыль. Окрестности все больше напоминали Альмарену Оккадские скалы неподалеку от Зеленого алтаря. В детстве, когда Альмарен обучался магии в Оккаде, он часто бывал там со своим другом Риссарном, несмотря

на запреты старших магов. Зачинщиком этих походов был не он, непоседливый мальчишка, а его спокойный и уравновешенный приятель.

Отец Риссарна был ремесленником из Келанги. Будучи искусным резчиком по дереву, он держал небольшую мастерскую, где вместе с несколькими помощниками изготавливал резную мебель для зажиточных горожан. Риссарна, как и Альмарена, отдали учиться в Оккаду, когда выяснилось, что он способен быть магом. Мальчики почти одновременно появились на Зеленом алтаре и быстро сдружились.

Они не были схожи, а скорее дополняли друг друга. Риссарн казался медлительным по сравнению с Альмареном и оттого выглядел старше, хотя оба были одногодками. Он с детства привык к ремеслу резчика, поэтому с первых дней жизни на Зеленом алтаре увлекся искусством изготовления эфилемовых изделий. Альмарен, забывая любимые книги, мог подолгу смотреть, как работает его друг. Тот брал приглянувшийся эфилемовый обломок, бережно ощупывал и разглядывал его, угадывая, какая вещь скрыта в бесформенном куске, затем подвязывал волосы узкой кожаной лентой, выкладывал на стол резцы всевозможных размеров и принимался за работу. Было что-то красивое, завораживающее в его точных, неторопливых движениях, в том, как он меняет резцы, открывая глаза или нанося завитки шерсти очередной фантастической зверушке.

Риссарн никогда не бывал доволен кусками эфилема, доставшимися ему от старших. Он без труда уговаривал Альмарена нарушить общеизвестные запреты и пойти с ним в скалы за эфилемом. Они тайком убегали с Зеленого алтаря: Альмарен — налегке, Риссарн — с котомочкой для камней. Путь до месторождений эфилема был неблизок, поэтому поход нередко затягивался на целый день. Риссарн подолгу выбирал камни, вертел их и рассматривал. Далеко не каждый кусок эфилема удостаивался чести быть опущенным в котомочку. Альмарен успевал слазить на все окрестные вершины и посмотреть оттуда на Оккаду, на Зеленый алтарь, на своего друга, неподвижно склоненного над очередным камнем и лишь изредка отбрасывающего назад длинные белокурые волосы, а тот все выбирал нужные куски, так же тщательно, как делал любое дело.

Друзьям редко удавалось вернуться незамеченными — они пропускали обед, да и куски эфилема были свидетельством их провинности. Суарен вызывал их к себе, журил и требовал обещания, что этого больше не повторится. Они давали обещание, но вскоре у Риссарна кончался эфилем, и все повторялось.

Теперь Альмарен понимал, что учитель закрывал глаза на их

эфилемовые вылазки, ограничиваясь формальным внушением. Совсем не безобидно кончался другой вид запрещенных вылазок — когда Альмарен зазывал Риссарна пойти искупаться в Тионе. Альмарен любил плавать. Завидев реку, он пускался бежать вниз по прибрежному лугу, далеко отрываясь от бегущего сзади Риссарна, который пользовался ногами для бега куда менее уверенно, чем резцами для изготовления поделок. Эти прогулки чаще оставались нераскрытыми, но, если Суарен узнавал о них, последствия в виде добавочных хозяйственных работ не заставляли себя ждать.

«Здесь должен быть эфилем», — думал Альмарен, оглядывая каменистые склоны оврага. Сочетания пород были теми же, какие он видел в горах, сопровождая Риссарна. Молодой маг стал внимательнее смотреть под ноги и, действительно, заметил среди обычной гальки обкатанные водой эфилемовые камни. Он поднял и взял с собой несколько особенно понравившихся эфилемовых галек, полупрозрачных и светло-золотистых, как свежий луговой мед.

В русле Руны оказалось много эфилема. В последующие дни Альмарен не раз встречал и эфилемовую гальку самых различных цветов и размеров, и валяющиеся среди других камней полупрозрачные эфилемовые глыбы. Преобладали светлые оттенки — жемчужно-серые, золотистые, зеленоватые, а иногда и молочно-белые. «Где-то здесь Каморра берет эфилем для своих дисков», — догадался Альмарен, которого прежде удивляло, откуда берется у босханского мага белый эфилем в таких количествах, и пожалел, что такие ценные для магов места стали обиталищем уттаков.

Летняя жара не утомляла здесь, во влажных северных лесах, поэтому Альмарен, почти не уставая, шел от темноты до темноты. Утром и вечером он съедал по куску дорожной лепешки, чтобы не выдавать себя светом костра. Впрочем, и днем он разводил огонь лишь для приготовления травяного чая, потому что поварские таланты Альмарена на этом и начинались, и заканчивались. Он выбирал укромные места для ночевок и засыпал прямо на камнях, без одеяла, которого не взял в расчете на жаркую погоду.

Чувства Альмарена обострились, он выучился угадывать и различать по голосам мелких и крупных зверей и птиц. Иногда он просыпался по ночам от присутствия поблизости крупного зверя, явственно ощущая его в темноте — скрытое напряжение мускулистого тела хищника, его неслышные шаги и осторожный поворот головы. Но зверь уходил, не смея в летнее сытое время напасть на незнакомую добычу, и Альмарен вновь откидывался на землю и выпускал из руки меч. В такие моменты он вспоминал

Тревинера, который во сне мог чувствовать приближение постороннего, и больше не удивлялся необычной способности охотника.

Тревинер предупреждал Альмарена, что в среднем течении Руны живут уттаки, поэтому молодой маг с каждым днем все внимательнее всматривался и вслушивался в лес. Прошла неделя пути, когда он, поднявшись с ночевки, заметил впереди, в расширении оврага, просвет поляны. Осторожно выглянув из-за кустов, Альмарен увидел на поляне конические шалаши из звериных шкур и снующих между ними уттаков. Он понял, что ночевал в опасной близости от дикарей, и порадовался, что не набрел на их поселение вчера, когда искал место для ночлега. Скрывшись в лесу, он обошел поляну по противоположному склону оврага и отправился дальше, не замеченный уттаками.

Лила и Витри еще до зари оставили свой неудобный ночлег. Они долго пробирались к оврагу, укрываясь в тени скал, чтобы не привлечь внимания проголодавшихся за ночь василисков. На поросшем лесом склоне они вздохнули свободнее, потому что огромные крылатые ящеры охотились только на открытых местах. Оставалась вторая забота — не наскочить на уттаков, спастись от преследования которых можно было лишь на скалах, в логове у ящеров. Со всеми предосторожностями Лила и Витри спустились к реке. Они попили воды и умылись, взяли по дорожной лепешке и пошли вниз по течению, торопясь покинуть опасные места.

Задержка в пути, пусть и небольшая, тревожила магиню. Лила прибавила шаг, и Витри с удивлением обнаружил, что вновь едва успевает за своей спутницей. Дневной привал был короче обычного — путники решили не тратить времени на приготовление горячей пищи. Они перекусили дорожными лепешками и почерствелым, съежившимся сыром, сполоснули в рунской воде уставшие ноги и продолжили погоню за посланцем Каморры.

Окрестности Руны постепенно менялись. Река текла в сплошном каменном русле, пенясь у береговых выступов и свалившихся в воду валунов. Западный берег становился выше и круче, зато восточный хирел и отступал, вырождаясь в плавно поднимающуюся каменную насыпь, поросшую тощим кустарником. Вдали за ней виднелся лес — там проходил восточный край Оккадского нагорья. Из-за нехватки плодородной почвы растительность иссякла — измельчали кусты, пропали прибрежные травы и водоросли. Древесное разнообразие сменилось изредка встречавшимися странными деревьями. Корявые и бесформенные, они, как чудовищные пауки, припадали толстыми, узловатыми стволами к питавшим их камням,

выставив к солнцу ветви, будто изломанные ураганом или обвалом.

— Что это за дерево? — спросил Витри магиню, когда они проходили мимо одного такого страшилища.

— Это уссухак — ползучий дуб, — ответила Лила, сорвав с дерева лист и показав лоанцу. Лист, действительно, по форме походил на дубовый, хоть и был вдвое мельче. — Он растет в скалах, среди ветров, на бедной почве, где не могут расти другие деревья.

— Здесь нет других деревьев? — взволновался Витри. — А там, на берегу, там так же? Из этого дерева не получится хороший плот.

— Не получится, — подтвердила магиня. — Если тебе удастся срубить такое дерево и не сломать топор, плот все равно потонет в воде. Будем надеяться, что там есть и другие деревья.

Витри отломил прутик дерева и опустил в воду. Прутик подержался на плаву, затем медленно, будто нехотя, пошел на дно.

Лила и Витри пробирались вдоль западного берега реки, то по голому гранитному берегу, то через завалы, образованные камнепадами, и мелкие ручьи, стекавшие с нагорья в Руну. На следующий день они дошли до слияния Руны с Нижней Рункой, ее восточным притоком. Руна, вдвое увеличив ток воды, перестала быть безобидной мелководной речушкой, которую можно было в любом месте перейти вброд. К океану стремилась бурная речка с быстрым течением, сбивавшим с ног, с крутыми и скользкими каменными берегами, случайно свалиться в которую было бы опасно. Теперь Лила и Витри, преодолевая препятствия, старались держаться подальше от мутно-зеленоватой бурлящей воды.

Они совсем не ждали встречи с посланцем Каморры, думая, что отстают от него на сутки. Когда, пройдя очередной поворот русла, они поравнялись со скалой, одиноко торчащей на восточном берегу реки, темное пятно в тени скалы зашевелилось и оказалось человеком в уттакской одежде, но с черными, достигающими плеч волосами. Для Боваррана эта встреча была еще большей неожиданностью, чем для Лилы и Витри. Какие-то мгновения полууттак и люди разглядывали друг друга, затем Бовaрран, догадавшийся, что перед ним те двое, о которых говорили охотники, снял с плеча лук. Лила рванула Витри вниз и бросилась рядом с ним на камни. Стрела просвистела над ними, ударилась о скалу и отскочила к воде. Почти вслед за ней просвистела вторая стрела. Витри вскрикнул.

Бовaрран издал злорадный вопль. Лила, затащив лоанца за

валуны, выглянула в щель между камнями и увидела полууттака у самого края воды, с луком наготове. Он боялся лезть в бурную воду Руны и теперь ждал, когда кто-нибудь неосторожно высунется из-за камней. Следующая стрела ударила в камень рядом с лицом магини, после чего Лила больше не решалась подглядывать.

— Витри! — шепнула она. — Что случилось?

— Стрела, — сдавленно ответил тот. — Попала в плечо.

— Терпи. Когда он уйдет, я вылечу тебя.

Боварран не торопился уходить. Он видел, что люди укрывались за камнями, но не мог достать их стрелой. Лишь расстреляв впустую еще пяток стрел, он оставил попытки убить этих двоих и пошел дальше. Лила проводила взглядом черную фигуру, удаляющуюся по противоположному берегу.

— Показывай, что у тебя, — обратилась она к лоанцу.

Витри сел и повернулся к ней левым плечом. Стрела рассекла одежду и мышцы на плечевом суставе. Лила резким движением выдернула стрелу. Витри вскрикнул и зажал рану рукой.

— Снимай мешок, — магиня помогла ему сбросить лямки с плеч. — Нам нужно уйти с этого места. Здесь, на берегу, мы как в ловушке.

— Куда? — Витри взглянул вверх, на отвесный склон.

— Правильно, туда, — Лила взвалила на себя мешок Витри. — Потерпи, пока мы не найдем место, где нас не видно с берега.

Они вскарабкались вверх по склону. Наверху, на скалах, Лила усадила лоанца поудобнее, оголила ему плечо и занялась раной. Витри, в полуобморочном состоянии от боли и испуга, привалился к мешкам, думая о том, как бесславно закончился поход за Красным камнем.

— Догнали, называется… — пробормотала магиня как бы в ответ его мыслям. Она потрясла пустые фляжки, но промывать рану было нечем. Ни ей, ни ее спутнику не пришло в голову тащить на себе воду, идя вдоль воды. Недовольно вздохнув, она протянула пальцы над раной.

Витри увидел, как на руке магини засветился перстень, и одновременно почувствовал тепло, почти жжение, идущее с ее пальцев. Очень скоро рана перестала болеть, а затем начала закрываться на глазах у лоанца. Когда на ране образовалась твердая корка, Лила опустила руки и сказала:

— Пока достаточно. Я долечу ее сегодня вечером… или нет… завтра, на дневном привале…

Ее голос звучал глухо, она не скрывала изнеможения. Вдали от алтаря, с одним перстнем, на лечение раны уходило немало

сил. Магиня прислонилась к мешку рядом с Витри, закрыла глаза и затихла, но вскоре подняла голову.

— Ты можешь идти, Витри? — спросила она.

— Я попробую.

Они поднялись и побрели по скалам на север. Остаток дня сохранился в памяти лоанца, как провал, заполненный зноем и сушью. Лишь под вечер, когда они нашли воду и смогли, наконец, напиться, он почувствовал облегчение. Магиня совершенно выбилась из сил — ей пришлось тащить на себе оба мешка. Она еле дошла до воды, чтобы ополоснуть покрытое потом и пылью лицо, и тут же опустилась на землю отдыхать.

Лила и Витри шли по скалам еще двое суток, пока не заметили впереди голубую дымку океана. Лила указала на нее лоанцу и улыбнулась, и тут он осознал, как давно не видел улыбки своей спутницы.

— Завтра, еще до полудня, мы будем на берегу, — радостно сказала она.

— У него лук и секира, — невпопад ответил Витри. — А мы безоружны.

— Раз мы не можем сражаться, нам нужно опередить его, — сказала магиня, ускоряя шаг. — И нам, и ему предстоит переправа, а уттаки не умеют плавать. Еще не все потеряно, Витри!

Ни Витри, ни Лила никогда не видели океана. На другой день, преодолев очередной подъем, Они замерли на месте, пораженные открывшимся видом. На лоанца нахлынули мысли о том, как мала К ел ада, через которую он то шел, то ехал верхом долгих полтора месяца, как отчетливо видно здесь, на краю земли, что она — всего лишь часть огромного, необъятного мира.

Скальный массив Оккадского нагорья круто обрывался к океану, оканчиваясь в воде узкой полоской пляжа. На океане стоял мертвый штиль, в зеленоватой воде отражалось знойное солнце. За проливом виднелся гористый, лесистый остров Керн. В дальнем конце острова, почти растворяясь у горизонта, маячил голубоватый конус вулкана, с вершины которого столбом поднимался дым.

Справившись с первым впечатлением, Лила вспомнила о посланце Каморры. Она пристально оглядела сверху и берег, и океанскую гладь, но нигде не было ни души. Путники начали спускаться по крутому, подмытому волнами обрыву, не думая ни о чем, кроме выскальзывающих из-под ног камней. Когда они оказались внизу, магиня сбросила мешок и обувь, побежала к океану и опустила руки в прозрачную зеленоватую воду.

— Океан, Витри! Соленая вода! — она пробовала на язык

капли и радовалась как ребенок. — Вот здорово!

Восторженное настроение не лишило лоанца практичности. Он вдыхал полной грудью влажный, пахнущий океаном воздух, но не забывал, что ему, рыбаку, нужно обеспечить переправу на Керн. Витри и представить себе не мог, что пролив между Келадой и островом окажется таким широким. Лоанское озеро, бывшее пределом его понятий о ширине водной глади, казалось мелкой лужей, жалким болотцем по сравнению с Кернским проливом. Витри прикинул размер плота, нужного для переправы, вынул топор, но так и остался стоять с ним в руке. Деревьев не было.

— Лила! — позвал он плещущуюся в океане магиню. — Здесь нет деревьев!

Лила вылезла из воды на берег и подошла к лоанцу.

— Вон деревья, — указала она в расщелину, где торчали два тощих ствола, укрытые выступом скалы от северных ветров.

— Какие же это деревья! — с досадой сказал Витри. — Их и на половину плота не хватит.

Магиня посмотрела вдоль берега. Его западный край был гол и пуст, но в восточном направлении, там, где кончались скалы Оккадского нагорья, край леса доходил почти до самой воды.

— Туда! — встрепенулась она, но тут же осеклась. — Ты умеешь плавать, Витри?

— Немножко.

— И я — немножко. Там же устье Руны! Нам через него не перебраться.

Лила и Витри все-таки дошли до устья реки, с ревом врывающейся в океан, и убедились, что в этом направлении путь закрыт. Было ясно, что несколько дней назад они пошли не тем берегом. Река, спасшая их от посланца Каморры, стала неодолимым препятствием.

— Там есть два дерева, — сказала опечаленная Лила. — Руби их, а я пойду по берегу и поищу другие.

Рана не мешала Витри держать топор. Она полностью зажила после того, как магиня еще дважды лечила ее на привалах. Он срубил и очистил от сучьев оба дерева, связал их в плот, а Лила все не появлялась. Лоанец присел дожидаться ее и вдруг увидел лодку, отчалившую с восточного края берега. Человек в лодке греб неумело, но размашисто.

— Витри! — услышал он голос Лилы, которую не заметил, увлекшись наблюдением. — Я прошла далеко по берегу. Там ничего нет, но у меня появилась мысль…

— Посмотри туда. — перебил ее Витри. — Это ведь он, посланец Каморры! Он нашел лодку, значит, на берегу живут

люди!

Действительно, Бовaрран нашел лодку, но не у людей, а в прибрежном племени уттаков. Племя встретило его враждебно, но «дабба-нунф» и здесь подействовало безотказно. Он взял лучшую лодку и поплыл на остров, а ограбленные дикари не посмели даже высунуться из леса, куда сбежали от страшного посетителя. Бовaрран заметил две фигурки на берегу океана и уверился, что они преследуют его. Он насторожился. Конечно, полууттак не боялся двоих людей, показавшихся ему слабыми и безоружными, но что-то, похожее на беспокойство, поселилось у него внутри.

— Опять мы отстали! — с досадой сказала Лила, не отрывая взгляда от полууттака. — Ты сделал плот, Витри?

Лоанец указал на собственное творение.

— Плот не выдержит и одного человека, — сказал он. — Нужно еще два бревна.

— Их нет. Но я попробую другое… — В голосе Лилы звучало необычное оживление. Она встала на широкий камень у самой воды и запела.

Это была старинная, протяжная песня, сохранившаяся еще со времен первого правителя. Легкий и чистый голос женщины взлетел и разлился над океаном, рассказывая о бездонных глубинах… о кораблях, скорлупками качающихся на волнах… о бесконечных расстояниях, о тяжелых зимних штормах, о гигантских волнах, одиноко бредущих по океану… о глубинном звере-дорфироне — спасителе моряков… о могучем и добром дорфироне, который приходит на помощь, когда нет надежды… Лила обращалась к дорфирону, просила его, уговаривала, повторяя и повторяя зовущий, взволнованный напев.

Зеркальная поверхность воды зашевелилась и разошлась кругами. Из глубины показался мокрый и блестящий панцирь водяного гиганта, затем клиновидная, покрытая щитками голова. Дорфирон остановился у самого берега, наполовину высунувшись из воды. Длинное тело водяного броненосца было прикрыто тремя округлыми роговыми пластинами, заходящими друг за друга, горизонтальный лопатовидный хвост загребал воду, удерживая зверя на плаву.

— Вот и лодка, — Лила кивнула Витри, чтобы он следовал за ней, и взобралась на мокрую спину дорфирона. Лоанец, не задумываясь, вскарабкался сзади магини и обхватил ее за пояс. Последние несколько дней перевернули его представления об опасности.

Витри почувствовал, как напряжена его спутница, и понял, что она силой магии удерживает зверя в подчинении. Она

развернула дорфирона и направила к острову, похлопывая его ладонями то справа, то слева. Дорфирон мощно плыл, загребая лапами-ластами против течения, остров Керн приближался, и вскоре жесткая морда водяного броненосца уткнулась в песчаный берег. Лила отпустила зверя и села выливать воду из башмаков.

— Получилось, — она подняла к лоанцу осунувшееся, но довольное лицо. — Мы обогнали его.

Витри не сразу понял, что она говорит о посланце Каморры — слишком заняты были его мысли диковинным зверем. Он посмотрел по направлению, указанному магиней. Человека в лодке сносило к восточному краю острова, он с трудом выгребал против течения.

— Невероятно, — сказал Витри, имея в виду дорфирона. — Как ты это сделала? Это песня-заклинание, да?

— Сама не знаю, — ответила Лила. — Шантор говорил мне, что любое слово может стать заклинанием, если сумеешь вжиться в него. Эта песня — мне всегда казалось, что в меня входит частица океана, когда я пою ее. А сейчас… я почувствовала себя океаном… это по мне, как морщины по лицу, проходили гигантские волны, это на моей поверхности качались корабли. Я отыскала в себе дорфирона — он был близко и щипал подводную траву. Они, оказывается, едят траву, Витри!

У Витри отлегло от сердца. Дорфирон был не опаснее Буцека. Магиня продолжала:

— А затем я стала дорфироном и поплыла наверх, к нам. Труднее всего оказалось действовать за себя, но не выпускать дорфирона из повиновения.

— Значит, теперь ты в любое время можешь вызвать дорфирона? — восхитился Витри.

— Не уверена. Такая магия забирает много сил, к тому же нужно особое внутреннее состояние. Я не так велика, чтобы в любое время вмещать в себя океан.

Последние слова Лилы не убавили восхищения у лоанца. Украдкой он придирчиво рассмотрел магиню, пытаясь увидеть в ней хоть какие-то признаки ее удивительной способности. Но сколько Витри ни глядел, он видел все ту же маленькую, уставшую женщину, похожую на деревенского подростка в своих промокших до колена крестьянских штанах и с растрепавшимися от ветра короткими волосами. Эти маги ничем не отличались от обычных людей — и все-таки отличались.

Альмарен миновал уттакскую стоянку и пошел западным берегом, чтобы держаться подальше от дикарей. Его беспокоило, что уже несколько дней ему не встречалось никаких человеческих следов. Жрица и ее спутник могли попасться уттакам — несмотря

на магию, она была всего-навсего женщиной, да и сопровождавший ее мальчик вряд ли был хорошим воином. Полусонный от жары, Альмарен шел вдоль подножия обрыва по голому каменистому берегу Руны. Вдруг уттакская стрела, лежащая на пути, мгновенно согнала с него всю дрему.

Ни охотников, ни жертв нище не было. Вокруг валялось еще несколько стрел. За камнями он увидел капли крови, они непостижимо ярко выделялись на однообразно-сером фоне. Альмарен понял, почему, когда провел пальцами по каплям — кровь была свежей, не успевшей засохнуть. Совсем недавно эта стрела попала… в кого?! Он заторопился вперед, будто там маячил ответ на поставленную загадку, но вскоре обрыв отвесной стеной вплотную подступил к реке. Следовать дальше этим путем было невозможно.

Альмарен растерялся, не понимая, куда исчез тот, чью кровь он видел на камнях. С места, где стоял маг, было два пути — либо назад, либо в Руну. Второй путь казался немыслимым, поэтому Альмарен пошел назад. Когда он вернулся к стрелам, то увидел, что редкие капли крови ведут вверх, на обрыв. Выругав себя за глупость, он полез следом, но и там никого не встретил.

Еще двое суток, до самого океана, Альмарен шел в одиночестве. В жаркий полдень, поднимаясь на затяжной подъем, он услышал песню, доносящуюся с берега. Голос женщины, легкий и чистый, струился, как горный родник по Оккадским скалам, взлетал и замирал, восторгался и тосковал, и умолял, умолял его о чем-то прекрасном. Альмарен замер на полушаге, боясь пропустить каждый звук, слетающий с губ невидимой певицы. Когда песня смолкла, он, забыв о жаре и усталости, бегом преодолел последний подъем, с которого открывалась бесконечная голубизна океана.

Нет, Альмарен остановился наверху не для того, чтобы полюбоваться видом на океан. Задыхаясь от бега и волнения, он искал глазами тех, за кем гнался от самого Бетлинка — черную жрицу и ее спутника. Он увидел их посреди пролива на спине огромного бочкообразного существа. А чуть дальше, к востоку — лодку, и в ней человека, изо всех сил выгребающего против течения.

Сломя голову Альмарен спустился вниз с обрыва, хотя было ясно, что он опоздал. На берегу лежал крохотный плот, аккуратно сработанный, но не способный поднять и одного человека. Решение мгновенно сложилось в голове молодого мага. Он разделся, уложил на плот меч и вещи, закрепил их веревками, спустил плот на воду и, толкая его перед собой, поплыл через пролив.

Альмарен едва не проскочил остров из-за сильного течения. Плот снесло далеко к востоку — еще немного, и он угодил бы в открытый океан. Когда вконец обессилевший маг вытащил свое суденышко на песок, на берегу давно никого не было. Превозмогая усталость, он оделся и пошел в глубь острова Керн, по направлению к вулкану.

XXV

Вернувшись на поляну у ручья, Ромбар увидел, что ночная тьма сменилась сизыми предрассветными сумерками. Он незаметно для себя пробыл в замке целую ночь. «Вернулся с пустыми руками, переполошил весь замок, и, кто знает, вышел ли бы оттуда живым, если бы не Вайк… — мысленно подытожил он ночные события. — А я-то его брать с собой не хотел, да Норрен уговорил, к счастью».

Ромбар поискал клыкана взглядом, чтобы поощрить его. Пес сидел у двери подземного хода и зализывал раны. Встревоженный Ромбар осмотрел пса. Обе раны — и на боку, и на лопатке — были нанесены уттакской секирой, и обе были неопасны.

— Хорошая собачка… — приласкал он клыкана, — прочная… Вояка ты мой храбрый…

Пес оскалился в собачьей улыбке, до корней обнажившей белые клыки.

— Надо уходить отсюда. Сдюжишь? — Ромбар заговорил с псом, как с человеком, почему-то чувствуя уверенность, что тот понимает его. Клыкан поднялся, всем видом выражая желание отправляться в путь.

Кони, вся четверка, паслись у ручья. Ромбар заседлал и завьючил своего Тулана, затем Наля. Чуть подумав, он взнуздал и остальных коней.

«Лучше уж вернуть таких красавцев хозяину, чем бросать их на произвол судьбы… Теперь я как тимайский торговец лошадьми, едущий на ярмарку в Цитион», — позабавился он собственным видом, вскакивая в седло и посылая Тулана вперед.

К следующему полудню Ромбар добрался до Оранжевого алтаря. На подходе его остановил патруль, выставленный на лесной дороге Вальборном, но, узнав друга правителя Бетлинка, так лихо расправлявшегося с уттаками в бою за алтарь, воины дружно приветствовали его и пропустили дальше.

В поселке он оставил коней на попечение воинов и отыскал Вальборна. Правитель Бетлинка, увидев Ромбара, с радостной улыбкой пошел навстречу.

— Это вы, Магистр?! Вернулись?! Надеюсь, ваша поездка была успешной?

Ромбар медлил с ответом. Он не привык рассказывать о своих неудачах. Взгляд Вальборна остановился на израненной шкуре клыкана.

— У вас была стычка, — понял он и спросил с тревогой в голосе. — Альмарен?!

— Нет-нет, с ним все в порядке, — поспешил ответить Ромбар. — То есть… когда мы расставались, он был жив и цел.

— Разве вы расстались? — изумился Вальборн.

— Вот об этом я и хочу с вами поговорить. Он отправился на Керн за Красным камнем.

— Один?

— Я обещал Норрену вернуться, когда его армия подойдет к Босхану. А это случится самое позднее через две недели. Я там действительно нужен, иначе я не послал бы парня одного.

Вальборн понимающе кивнул.

— Поверьте мне, Вальборн, от того, удастся ли Альмарену получить Красный камень, может зависеть исход всей войны. Поэтому я прошу вас — помогите ему!

— Конечно, помогу, в любом случае, зависит от этого что-то или не зависит, — просто сказал Вальборн. — Что я должен делать?

— Через месяц он пойдет обратно. Нужно помочь ему добраться до Босхана.

— Я понял. Не сомневайтесь, Магистр, мы встретим его и проводим до Босхана. Я пошлю Тревинера, это как раз для него.

— Вот и прекрасно, — с облегчением сказал Ромбар. — Теперь я могу ехать спокойно.

— Разве вы уезжаете сейчас, Магистр? Давайте хотя бы отобедаем вместе… — Вальборн выглянул в дверь и потребовал обед на двоих. — Да вы и не все мне рассказали, не так ли?

— Самое главное я уже сказал. Что вас еще интересует?

— Черная жрица. Вы ее догнали? Я чувствую себя виноватым, что не прислушался к ней.

— Нет. До Бетлинка мы их не видели. Они опередили нас.

— Но это невозможно! — встревожился Вальборн. — Либо они наскочили на уттаков и погибли, либо спрятались в лесу, приняв вас за врагов.

— Оказалось, есть и третья возможность, — усмехнулся Ромбар. — Они стянули у вас коней и преспокойно доскакали до замка верхом. Я привел коней назад. Пожалуй, это единственное, что мне удалось в поездке.

— Мне никто не говорил о пропаже коней, — недоуменно сказал Вальборн. — Впрочем, могли и не доложить. Кони — забота воинов, я не обязан следить за ними.

— Они внизу, во дворе. И, должен заметить, это прекрасные кони.

Внесли обед. Вальборн пригласил своего собеседника за стол.

— Присаживайтесь. Так какая у вас там была стычка?

— Стычка?

— Вайк ведь не о кусты оцарапался?

— Я был в замке, — нехотя сказал Ромбар. Ему показалось невежливым совсем не отвечать, на вопрос Вальборна. — Каморра присвоил мою вещь. Мне не удалось вернуть ее, но я присвоил кое-что из его вещей.

Вальборн внимательно посмотрел на Ромбара.

— Что это за вещь, за которой потребовалось ехать в Бетлинк?

— Она не имеет отношения к нашим совместным делам, — покривил душой Ромбар. — Зато я узнал там одно важное заклинание — «дабба-нунф».

Вальборн так и закатился хохотом.

— Я достаточно близко знаю уттаков, — сказал он, отсмеявшись, — и кое-что из их языка — тоже. Если бы мне пришло в голову, что это важное заклинание может заинтересовать вас, я давно научил бы вас ему.

— Не торопитесь с выводами, Вальборн, — остановил его веселье Ромбар. — Выслушайте меня, а там посмотрим, захотите ли вы смеяться. — Он рассказал то новое, что узнал о белых дисках.

— Если бы у нас были такие диски, мы подчинили бы себе уттаков, — заметил Вальборн, дослушав рассказ.

— Имея такие диски, мы сами оказались бы в подчинении у Каморры, — напомнил Ромбар. — Их ни в коем случае нельзя держать при себе, запомните это.

Вальборн задумчиво кивнул. Ромбар отодвинул пустую тарелку и встал.

— Мне пора ехать, — сказал он. — Идемте, я передам вам коней.

Они спустились во двор к коновязи.

— Вы ошиблись, Магистр, — покачал головой правитель Бетлинка, увидев указанную Ромбаром пару. — Таких коней нет ни у кого в моем войске, включая меня самого. Мой жеребец той же породы, но уступает этим.

— Оставьте их у себя, пока не отыщется хозяин. У меня и с Налем будет достаточно хлопот. — Ромбар отвязал Тулана и Нал я, готовясь выехать. — Да, вы уже отправили жрецов храма Мороб в Келангу? — вспомнил он заботивший его вопрос.

— Жрицы уехали два дня назад, с обозом, — ответил Вальборн, — а жрецы остались здесь.

— Отправьте их отсюда немедленно.

Нотка приказа, прозвучавшая в голосе Ромбара, не понравилась Вальборну.

— Вы по-прежнему считаете, Магистр, что мое войско не в

состоянии защитить алтарь? — спросил он с холодком в голосе.

— С тех пор не случилось ничего, что могло бы изменить мое мнение, — ответил Ромбар. — И я по-прежнему советую вам отступить без боя, если сюда вновь придут уттаки.

— Простите, Магистр! — резко сказал Вальборн. — Но ваш совет — это совет… — он запнулся, — совет человека, слишком уж осторожного!

Глаза Ромбара сузились и стали жесткими.

— Не вынуждайте меня напоминать вам, что только… — выдержав паузу, он с нажимом договорил: —…люди, слишком уж беспечные, учатся на своих ошибках, пренебрегая чужим опытом. Счастливо оставаться!

Он вскочил в седло и галопом выехал со двора.

Скампада провел ночь в скалах, на поляне, указанной Цивингой. Он просыпался от малейшего звука, но каждый раз тревога оказывалась ложной — то резкий крик ночной птицы, то фырканье коня, пасшегося поблизости. Чуть свет Скампада собрался и поехал лесом южнее деревни, чтобы попасть на дорогу, ведущую в Келангу. Он видел бой на деревенских улицах и узнал форму воинов Берсерена, но не испытал ни малейшего желания задержаться, чтобы выяснить подробности. Сыну первого министра было вполне достаточно того, чего он уже натерпелся в этой поездке. К концу дня Скампада догнал беженцев, бредущих с детьми и узлами в глубь острова, подальше от опасности. Какое-то время он обгонял усталые, запыленные группы людей, затем вновь поехал в одиночестве. На третий день пути он увидел за деревьями упирающуюся в небо верхушку смотровой башни Келанги.

Город еще не знал о налете на Оранжевый алтарь. Группа стражников, поставленная у Тионского моста, не обратила на Скампаду никакого внимания. По случаю полуденной жары стражники забрались в жидкую тень прибрежных кустов, где с увлечением играли в фишку. Скампада сам свернул с дороги и подъехал к веселой компании.

— Мое почтение, господа! — сказал он, приблизившись.

Стражники подняли головы.

— Подсаживайся, приятель, — сказал один из них. — Деньги есть — сыграем!

— Я с Оранжевого алтаря, — сказал Скампада, не ответив на приглашение. — Там побывали уттаки. Погибло много людей.

Наступила тишина. Стражники вникали в слова приезжего. Наконец один из них сказал.

— Туда выступил племянник его величества с тремя сотнями отборных воинов. Разве ты их не встретил по пути?

— Уттаки пришли на день раньше, — опустил глаза Скампада. — Я видел бой, но не стал дожидаться его окончания.

— Да ты, я смотрю, попросту наложил в штаны, приятель! — высказался стражник. — Смазал оттуда, что есть духу! Чтобы наши парни, да не навешали этим уттакам — быть того не может!

Скампада поджал губы. Он давно знал, что дураку и самая ценная информация не впрок, но как человек чести чувствовал себя обязанным сообщить о случившемся. Теперь эта обязанность была выполнена.

— Я не воин, я всего лишь паломник, — ответил он стражнику. — Завтра сюда придут беженцы с алтарного поселка. Его величеству будет удобнее позаботиться о них, если он узнает это заранее. Прощайте, господа!

Скампада прожил в Келанге последние пять лет, с тех пор, как обстоятельства вынудили его покинуть Босхан. Он обосновался в торговом доме Келанги, единственном на острове. Этот дом был построен на налоги с горожан и считался городской собственностью. Его длинное мрачноватое здание располагалось рядом с главным келангским рынком. В доме были гостиничные комнаты для приезжих купцов, комнаты для деловых переговоров, а также ресторан и трактир. Скампада, человек весьма компанейский, целые дни просиживал в комнатах для переговоров, высматривая возможность поболтать с тем или другим посетителем.

Из умело нацеленных бесед и обрывков чужих разговоров сын первого министра составлял полную картину текущего положения на рынке. Он обобщал полученную информацию, делал выводы и благодаря этому мог предсказывать, как пойдет торговля тем или иным товаром, советовать, где, когда и что выгоднее продавать в этом сезоне. Многие купцы прекрасно знали Скампаду и нередко пользовались его советами, чтобы улучшить торговлю.

Скампада не давал полезных советов бесплатно. Если купец был новичком и не догадывался, как себя вести, сын первого министра со скучающим видом говорил: «Ну, такие вопросы на голодный желудок не обсуждаются». Купец вел Скампаду в ресторан и за хорошим обедом начинал разговор о своем деле. Когда требовался особо ценный совет, Скампада качал головой, говоря: «Этот вопрос требует тонкого подхода». Собеседник догадывался и выкладывал на стол золотые монеты, одну за другой, пока сын первого министра не находил подход достаточно тонким и не брал монеты со стола. Серебра Скампада не брал никогда — он ведь был консультантом, а не каким-нибудь вульгарным осведомителем.

Несмотря на то что Скампада всегда имел заработок, этот заработок был не так велик, чтобы спокойно глядеть в будущее, да и постоянное проживание в гостинице обходилось недешево. Поэтому, когда Шиманга отыскал Скампаду в торговом доме и предложил ему работу, тот взялся за нее в надежде поправить свои денежные дела.

Оказавшись в Цитионе, Скампада увидел возможность устроиться куда лучше, чем ему удавалось до сих пор. О Берсерене он и вспоминать не хотел, зато поморщился, вспомнив бывшего правителя Босхана, грубую скотину, мужа красавицы и умницы Дессы. Там, в Босхане, сын первого министра впервые до конца прочувствовал, что значит — не иметь ни законного имени, ни собственной крыши над головой. Жизнь в торговом доме, обеспечивавшая ему и хлеб, и известность среди келадских торговцев, все же напоминала жизнь бездомной дворняжки, всегда готовой схватить брошенный кусок.

Правитель Цитиона, человек образованный и порядочный, показался Скампаде приятным исключением в этом испорченном мире. Скампада задумался над тем, в каком качестве может пригодиться во дворце Норрена, и нашел, что место придворного летописца, смотрителя дворцовой библиотеки — именно то, что нужно и Норрену, и ему самому. Сын первого министра при каждой возможности заводил с правителем разговоры о том, что библиотека содержится беспорядочно и небрежно, что без надлежащего ухода могут пропасть ценные рукописи, и добился полного понимания со стороны Норрена. Если бы не этот, так некстати подвернувшийся сын Паландара… но, может быть, и к лучшему, что так вышло. Задача рано или поздно потребовала бы решения.

На пути в Келангу Скампада думал о Ромбаре не менее напряженно, чем влюбленный о любимой женщине. Несомненно, сведения, подслушанные в Бетлинке, заинтересовали бы сына Паландара, но как преподнести их, не взвалив на себя новой вины? Рассказать о Синем камне в жезле Мальдека не представлялось возможным, хотя это было наиболее важным для Ромбара. Черная жрица… само собой, но чутье Скампады говорило, что этого мало. Этим можно искупить прежнюю вину и избежать преследования со стороны Ромбара, но для проживания у Норрена нужны заслуги. Нужно доказать свою ценность.

Мысли Скампады остановились на Госсаре, человеке знатного рода, вхожем во дворец Берсерена, почти как в собственный, и, как оказалось, способном заполонить Келаду уттаками ради удовлетворения своего честолюбия. «Не может быть, чтобы этот предатель ничем себя не выдал, — подумалось Скампаде. —

Нужно лишь найти факты, чтобы иметь доказательства его вины». Въезжая в город, сын первого министра уже твердо знал, на что именно он будет обращать внимание, выслушивая городские сплетни.

Скампада вновь поселился на прежнем месте, в торговом доме. Прием, оказанный ему по возвращении, приятно удивил его. Управляющий самолично проводил Скампаду в одну из лучших комнат и назвал весьма невысокую цену за жилье.

— Эта торговая братия с весны замучила меня, — пожаловался он. — Подавай им господина Скампаду, а где я возьму? Комнатка как раз по вашему вкусу, живите на здоровье.

В этот день Скампада никуда не пошел. Он потребовал воды, утюг, и занялся приведением в порядок себя и своих вещей. В гостиницах он сам гладил свою одежду, и не столько из экономии, сколько потому, что не доверял такое деликатное дело небрежным гостиничным служанкам. Весь остаток дня он чистил и разглаживал, укладывал и развешивал помятые в дороге вещи, и, лишь закончив все хозяйственные дела, улегся в свежую постель, усталый, но довольный.

Наутро Скампада, в идеально отглаженном сером костюме, в идеально начищенных сапогах из хорошей мягкой кожи, появился в комнате для деловых переговоров. Он направился на свое обычное место у окна, но сесть ему не удалось. Купцы узнали Скампаду и сразу же обступили его. Сын первого министра едва успевал отвечать на сыпавшиеся отовсюду приветствия. В этот день он не узнал ничего по интересующему его делу — торговцам было не до городских сплетен, они стремились не чесать языки попусту, а получить деловой совет. На Скампаду обрушился град предложений пообедать или даже заняться обсуждением тонких вопросов, но сын первого министра, с весны отошедший от торговых дел, сослался на дорожную усталость и уговорил своих клиентов подождать денек-другой. Лишь торговцам провизией и военным обмундированием он сразу же дал совет везти товары в Босхан.

В последующие дни. Скампада убедился, что многие купцы недооценивают грозящую опасность, несмотря на то, что знают о последних военных событиях. Он сделал для них все, что мог, посоветовав отправиться торговать в южные районы Келады. Толпа в торговом доме поредела — слова господина Скампады кое-что значили среди купцов. У него появилась возможность заняться сбором городских новостей. Скампада отсортировал полученные сведения и нашел среди них одно, заслуживающее внимания — из тюрьмы правителя Келанги, той самой, откуда невозможно убежать, недели две назад сбежали двое шпионов

Каморры, которых так и не поймали.

«Госсар!» — мгновенно почуял Скампада. — «Попался, голубчик!» Он постарался узнать все о подробностях поимки и побега шпионов, но выяснил лишь то, что их опознал некий приезжий по имени Мальдек, в то время проживавший у Берсерена. Скампада попытался, как бы случайно, встретиться с Мальдеком, чтобы взглянуть на него и, если получится, вызвать на приятельскую беседу, но оказалось, что Мальдека уже несколько дней нет в городе. Сопоставив сроки, сын первого министра установил, что тот исчез на другой день после побега шпионов. Это выглядело естественным — доносчик, конечно, опасался их мести.

Если во всем, что касалось поимки шпионов, Скампада получил полную ясность, то их побег был скрыт не менее полным мраком. Несомненно, это было делом Госсара — кто еще мог с легкостью проникнуть во дворцовую тюрьму и не вызвать подозрений? — но тот не оставил никаких следов. Сын первого министра сидел у окна в полупустой комнате для разговоров и размышлял, с какой еще стороны подобраться к твердому орешку, как вдруг его мысли оборвал прозвучавший над ухом голос:

— Господин Скампада?

Он вздрогнул от неожиданности и поднял голову. У стола стояли двое прилично одетых людей среднего возраста. Скампада, обычно с первого взгляда определявший общественное положение своих собеседников, почувствовал затруднение. Для придворных эти люди были простоваты, для слуг — держались слишком уж свободно.

— Я к вашим услугам, господа, — ответил он.

— Нам назвали вас как человека осведомленного, — начал один из них.

— Мне лестно это слышать, — сдержанно ответил Скампада.

— Нам нужна ваша помощь. Разумеется, не бескорыстная.

— В настоящее время я отошел от дел, — интонация Скампады давала понять, что разговор окончен. Ввязываться в сомнительные дела было слишком рискованно для его планов.

— Мы обращаемся к вам от лица человека, который имеет большие возможности для выражения своей благодарности, — многозначительно произнес его собеседник.

Скампада умело скрыл мгновенно вспыхнувший интерес. Неужели это был тот самый зверь, поимкой которого он так безуспешно занимался?

— Кто этот человек? — с невинным видом спросил он.

— Госсар из рода Лотварна, — произнес мужчина, отыскивая на лице Скампады впечатление, произведенное этим именем. Тот

не стал его разочаровывать и изобразил почтительное изумление.

— У такого человека не может быть пустяковых дел, — уважительно отозвался он.

— Вот-вот. Он ловит одного негодяя, но того и след простыл. Если бы вы указали местонахождение этого негодяя, благодарность его светлости была бы… немалой. Вы понимаете?

— Я могу сам определить вид и размеры этой благодарности?

— Ваше пожелание будет учтено.

— Хорошо, — Скампада дал понять, что удовлетворен названными условиями. — Но я действительно лишь недавно вернулся в Келангу. Возможно, я не сразу отвечу на ваш вопрос. Мне может понадобиться некоторое время и некоторые подробности. От вас.

— Спрашивайте.

— Имя негодяя, конечно. Я должен знать, кого искать.

— Мальдек.

— Давно вы его ищете?

— Три дня назад мы получили приказ. Мы обшарили всю Келангу, но негодяй как сквозь землю провалился.

Скампада мгновенно понял, что три дня назад у Госсара побывал Кеменер.

— Кто вам посоветовал обратиться ко мне? — спросил он.

— Управляющий торгового дома. Он сказал нам, что у вас обширные знакомства.

— Только в определенных кругах, — вздохнул Скампада. — Надеюсь, вы не подумали, что я знаюсь с негодяями?

— Ну что вы! Торговый дом — людное место, а вы постоянно бываете здесь. Вы могли видеть этого Мальдека.

— Увы, я не видел его, — Скампада мог бы добавить, что Мальдек исчез раньте, чем он появился в городе, но в данном случае излишняя осведомленность, была бы только во вред. — Я должен узнать, где прячется ваш Мальдек и сообщить вам? Я вас правильно понял?

— Абсолютно. Если мы поймаем Мальдека в указанном вами месте, благодарность его светлости — ваша.

— Где я могу найти вас?

Собеседники назвали дом и удалились. Скампада задумался. Полученных сведений хватало, чтобы представить Госсара как человека, гоняющегося за доносчиком на шпионов Каморры. В уме Скампады складывался разговор на эту тему с сыном Паландара… или даже с Норреном. Можно было бы сегодня же отправляться в Цитион, и человек менее осторожный так бы и поступил. Но Скампада не собирался поспешным отъездом навлекать на себя подозрения людей Госсара. Несколько дней

следовало провести как обычно, за столиком у окна, принимая приглашения пообедать и отвечая на тонкие вопросы, поэтому он остался на месте, ограничившись коротким взглядом в окно на удаляющуюся пару.

Ромбар ехал в Келангу с твердым намерением отыскать Скампаду. Несмотря на всю свою ненависть к этому человеку, он отдавал должное его наблюдательности и рассчитывал вытянуть из него сведения, касающиеся Кеменера. Скампада мог заметить, что шпион везет что-то ценное, или узнать, куда и зачем тот направлялся. Ромбар намеревался заставить Скампаду говорить, а если потребуется, и припугнуть бывшего придворного хитреца.

В Келанге Ромбар обратил внимание на то, как много воинов встречается и на улицах, и в трактирах, куда он заглядывал в поисках Скампады. Видимо, Берсерен все-таки собрал и вооружил ополчение для защиты города. Можно было надеяться, что не вся тяжесть удара придется на южные армии.

Объехав полгорода, он, наконец, догадался заглянуть в торговый дом и был поражен тем, как здесь хорошо знают господина Скампаду и как уважительно о нем отзываются. Ромбару сразу же назвали и комнату, и место, где можно найти господина Скампаду. Он отдал коней слугам и пошел в комнату для деловых переговоров.

Быстрый взгляд Скампады мгновенно зацепил высокую, мощную фигуру человека в запыленной одежде, с мечом Грифона у пояса. В следующее мгновение Скампада узнал его — сын Паландара собственной персоной явился в торговый дом, и, конечно, не для торговли. Легкий холодок шевельнулся в его груди, а вошедший, выпрямившись, уже смотрел на него в упор.

Ромбар решительным шагом подошел к месту, где сидел Скампада, и уселся напротив, положив перед собой на стол руки со сцепленными пальцами. Скампада исподлобья рассматривал человека, которого надеялся переиграть, переломить его давнюю ненависть, а тот молча сверлил своего недруга жестким, прямым взглядом.

— Ваша светлость? — начал Скампада. — Чему обязан таким вниманием?

Ромбар не мог и не хотел унизиться до просьбы, поэтому не знал, как начать разговор.

— Ты знаешь, что у меня нет причин любить тебя, — с угрозой в голосе сказал он. — Ты заслуживаешь смерти, но я не трону тебя, если ты ответишь на мои вопросы.

— Как у вас все просто, ваша светлость, — пожал плечом Скампада. — Убью… — не убью… Я, кажется, говорил вам, что я не трус. Надеюсь, что и вы — не убийца.

Он увидел, что его противник смешался. Простая и ясная логика меча во взгляде Ромбара, не получившего ожидаемого ответа, сменилась недоуменным интересом.

— Впрочем, если хотите, можете взять мою жизнь. Я не знаю, почему вы решили, что я за нее цепляюсь, — продолжил Скампада. — Только что вы будете с ней делать? Это не такая уж большая ценность.

— Мне нужна не твоя жизнь, — сдал позиции Ромбар. — Ты много разъезжал и много видел в последнее время, так?

— Допустим. — Скампада, чуть откинув голову, зорко глянул вперед из-под опущенных ресниц. — Но, раз мы с вами решили, что моя жизнь не ценна ни вам, ни мне, она не будет предметом нашего торга. Если вы не хотите взять ее просто так, оставим эту тему. Отбросьте предубеждения, ваша светлость, и, может быть, окажется, что у нас с вами гораздо больше причин для сотрудничества, чем для вражды.

Ромбар молчал. Рассматривая тонкое, холеное лицо Скампады, он пытался совместить его слова со сложившимся в мозгу образом старого врага. Совмещение не получалось, и это наводило на мысль, что прежний, ненавистный образ был не совсем верен.

— Чего ты хочешь? — наконец сказал он.

— Это зависит от того, чего хотите вы. Может оказаться, что некоторые наши желания совпадают.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Ромбар.

— Войну. Человек с моими привычками и воспитанием не может любить ни босханского выскочку, ни уттаков.

Ромбар будто бы впервые увидел своего собеседника. Только личная неприязнь до сих пор закрывала для него очевидное — конечно же, этот придворный хлыщ должен питать отвращение и к тому, и к другим.

— Прекрасно, Скампада, — сказал он с облегчением. — Значит, ты добровольно расскажешь мне то, чего я хотел добиться силой.

— Разумеется. — Скампада перевел взгляд с рук собеседника на его лицо. — В будущем, ваша светлость, советую вам не ломиться в дверь, не убедившись, действительно ли она закрыта.

— Ну, ладно, — Ромбар смущенно хмыкнул. — Я знаю, что ты выехал из Цитиона с человеком по имени Кеменер.

«Ах вот как!» — мелькнуло в голове Скампады. — «Что он еще может знать?!»

— Это был случайный попутчик, ваша светлость, — ответил он.

— Не заметил ли ты за ним чего-нибудь подозрительного?

— Я не знаю, что вы считаете подозрительным. Может быть, вы поставите вопрос более точно?

— Не было ли у него какой-нибудь вещи, которой он дорожил?

Скампада задумался. Конечно, он ничего не видел. Кеменер был предельно осторожен, но не пойдет ведь сын Паландара доискиваться у него правды.

— Вы имеете в виду жезл Аспида? — спросил он.

— Значит, ты видел жезл! — оживился Ромбар. Слова Мальдека подтверждались — Кеменер украл его жезл и доставил Каморре. Теперь было ясно, что в потайном шкафу лежал жезл Мальдека. — А еще что-нибудь было?

— Ничего. Только жезл. Странно, что Кеменер так дорожил им, — договорил Скампада, раздосадованный недогадливостью своего собеседника. Жезл он еще мог видеть, но камень внутри — увы! Намекать дальше было опасно.

Ромбар разочарованно вздохнул.

— Как долго вы ехали вместе? Где вы расстались?

— Я заработал денег в Цитионе и поехал на Оранжевый алтарь. Я давно хотел побывать на празднике Саламандры. Мы доехали вместе до алтаря, а там расстались.

— Куда он поехал дальше?

— Я устроился в гостиницу, прожил несколько дней, но не встречал его, — Скампада чуть задержал дыхание. — Не думаете ли вы, ваша светлость, что он заехал так далеко на север не для того, чтобы возвращаться обратно?

— Здесь я осведомлен лучше, чем ты. Я не думаю — я знаю, что Кеменер — человек Каморры, и советую тебе помнить об этом. Если ты что-нибудь услышишь о нем — будь внимателен.

Скампада медленно кивнул в знак согласия. В этом вопросе он не претендовал на первенство.

— Подожди! — вдруг догадался Ромбар. — Ты говоришь, что был на празднике Саламандры?!

— Да. Я понимаю, что вы имеете в виду. Я чудом остался жив.

— Каким чудом? — недоверчиво спросил Ромбар.

— Меня спасли жрецы. — Скампада рассказал всю историю, и Ромбар понял, что перед ним тот, о ком говорил Цивинга.

— Да, ты не лжешь, — согласился он.

— Я либо говорю правду, либо молчу, — напомнил Скампада. — Вы спрашивали меня о подозрительном, ваша светлость. Может быть, вас заинтересует, что неделю назад Кеменер проезжал через Келангу?

— Откуда ты знаешь? — вскинулся Ромбар.

— Посидите здесь денька два, — Скампада обвел глазами

комнату, — и вы будете знать все, что делается в городе. Вы слышали о двух шпионах, которые убежали из дворцовой тюрьмы недели три назад?

— Слышал, — хмыкнул Ромбар. — Меня тогда чуть не отправили в тюрьму вместо них.

— На них донес некий Мальдек, — продолжил Скампада, отметив, как насторожился при звуке этого имени Ромбар. — Он сбежал из города, когда шпионы оказались на свободе. Неделю назад Кеменер заезжал к Госсару из рода Лотварна. Три дня спустя ко мне подошли двое людей и от имени Госсара предложили мне оказать им помощь в поисках Мальдека. Что вы на это скажете, ваша светлость?

— Ты хочешь сказать, что Госсар — пособник Каморры?! — повысил голос Ромбар. — Это невозможно. Он высокого рода, он никогда не забудется до такой степени!

— Как вы думаете, почему у меня хорошие отношения с фактами? — ответил вопросом Скампада. — Я никогда не насилую их, а принимаю такими, как есть. Запомните, я сказал больше, чем вы услышали.

— Клевета на человека, такого, как Госсар — это не пустячная оговорка, — нахмурился Ромбар. — Я мог бы заставить себя поверить тебе, но кто поверит мне? Как я повторю это Норрену?

— Я готов повторить свои слова перед Норреном, — твердо сказал Скампада.

Ромбар оценивающе посмотрел на Скампаду.

— Я предоставлю тебе эту возможность, — сказал он. — Ты поедешь со мной и повторишь Норрену все, о чем рассказал мне. У тебя есть возражения?

— Я счастлив быть полезным его величеству. — Скампада действительно был счастлив. Первая часть его плана удалась блестяще.

— Мы выезжаем сейчас же. И кстати… — Скампада увидел понимающую усмешку на лице сына Паландара. — Десса из Босхана просила меня передать тебе, что всегда будет рада тебя видеть. Я, со своей стороны, рад исполнить ее просьбу.

В лице Скампады, к разочарованию Ромбара, не дрогнул ни один мускул.

— Вы так любезны, ваша светлость, — голос сына первого министра остался все тем же, светски-холодноватым. — Я просто обязан ответить вам той же любезностью. Вы слышали о черной жрице храма Мороб?

Ромбар поднял голову.

— Откуда ты знаешь о ней? Жрецы хранят ее существование в

тайне.

— Почему это вас удивляет? Я живу тем, что знаю больше других, — Скампада рассеянно отвернулся в окно. — Может быть, вам будет интересно узнать, что это и есть ваша подружка?

Раздался грохот упавшего стула. Повернувшись, Скампада совсем рядом увидел лицо вскочившего Ромбара, его требовательный взгляд.

— Что ты сказал?! Повтори, что ты сказал?!

— Это она.

— Ты уверен?

— Я узнал ее.

— Скампада… — начал Ромбар и тут же осекся.

Сын первого министра вспомнил, как он видел Лилу в последний раз — спиной к статуе, отбивающейся от наступавших уттаков.

— Она прекрасно владеет кинжалом… — пробормотал он. — Я не видел ее мертвой, ваша светлость…

Ромбар оборвал его на полуслове.

— Собирайся, едем! — скомандовал он Скампаде.

Келанга давно осталась позади, исчезли городские окраины, знаменитый Тионский тракт потихоньку пылил под копытами коней. Ромбар ехал молча, с бесстрастным, ничего не выражающим лицом. Проницательность Скампады беспокойно заерзала, пытаясь угадать, о чем думает сын Паландара, и неуверенно отступила.

XXVI

Вальборн задумчиво ходил по комнате. Неприятный осадок, оставшийся внутри после разговора с Магистром, не давал ему покоя. Конечно, не следовало так резко говорить с человеком старше себя и, по всей видимости, знатного рода, с человеком, вызывавшим у него безотчетное уважение. Но отступать!? Вальборн жаждал расплатиться с Каморрой за потерю замка, да и легкая победа на Оранжевом алтаре придавала ему уверенности. Он вышел из дома и в который раз окинул взглядом местность, мысленно расставляя войска для обороны храма, затем кликнул воина и велел ему отыскать Лаункара.

— Мне нужен твой совет, — сказал он военачальнику, когда тот явился на приглашение. — Магистр перед отъездом предложил мне отступить без боя. Что ты на это скажешь?

— Он кажется мне человеком, сведущим в военном деле, — сдержанно ответил Лаункар. — Вы помните, как он сказал — если наше присутствие на алтаре задержит наступление войск Каморры, то наша задача может считаться выполненной?

— Но почему, но почему я должен отступать?! — вырвалось у Вальборна. — Принимать на себя новый позор?!

— Тревинер вернулся вчера из разведки, — напомнил военачальник. — Весь уттакский лагерь в верховьях Иммы — а это десятки тысяч дикарей — снялся с прежней стоянки и двигается в нашу сторону. Если они нападут все сразу, от нас и костей не останется — вы же знаете их привычки.

Вальборн тяжело вздохнул.

— Что ты предлагаешь, Лаункар?

— Будет лучше, если мы примем участие в обороне Келанги вместе с остальными войсками. Одну большую армию труднее разбить, чем две малых. Если Каморра разобьет нас здесь, мы облегчим ему дальнейшую задачу. Оранжевый алтарь важен, но не важнее Келанги.

Рассудком Вальборн понимал, что должен принять решение, столь неприятное для себя, но все его чувства сопротивлялись этому.

— Ты считаешь, что может пасть и Келанга? — спросил он военачальника.

— Южные войска не успевают дойти до нее. Берсерен тянул с гонцами до последнего, думая, что справится с Каморрой один. Если Келанга будет взята, Зеленый алтарь останется незащищенным. Я недавно оттуда и знаю — там нет войск.

— Как это неприятно, Лаункар, — встряхнул головой

Вальборн. — Как я покажусь в Келанге?

— Война не удовольствие. Наша ошибка подставит под удар не только нас.

— Хорошо, — решился Вальборн. — Усильте разведку. Мы отступим, но лишь тогда, когда будет ясно, что нападения не избежать.

— Не жалейте о своем решении, ваша светлость! — во взгляде Лаункара мелькнуло что-то вроде улыбки. — Славен правитель отважный, но мудрый славен вдвое.

Вальборн криво улыбнулся в ответ, прожевывая собственную мудрость, как горькую траву от глист. Совсем недавно он не поверил двоим подросткам, самонадеянно решив, что лучше их знает, что важно, а что — нет. От мысли, что такая ошибка не повторится, ему стало легче.

Неделю или две все было спокойно. Разведка, выезжавшая каждое утро, докладывала, что движение уттаков прекратилось. Огромная армия дикарей остановилась в полудне пути от алтаря и, казалось, чего-то выжидала. Напряжение в лагере схлынуло, люди все чаще перекидывались шуточками по поводу застрявших в лесу дикарей, как вдруг однажды выехавшие утром разведчики сразу же вернулись назад. Вся многотысячная уттакская толпа на исходе ночи снялась с места и теперь подходила к алтарю, едва не застав врасплох войско Вальборна.

Каморра окружил алтарь и наложил на него перекрывающее силу заклинание, затем выпустил в бой уттаков, но оказалось, что и храм, и поселок пусты. Дикари кинулись шарить по домам и сараям, растаскивая уцелевшее от предыдущего налета имущество. Когда их удалось унять, пускаться в погоню было уже бессмысленно. Маг проглотил досаду, вспомнив, что уж в Келанге-то этот щенок от него не уйдет. И не один он.

Войско Вальборна тем временем спешило назад в Келангу. Зеленовато-серой толпой шагали пешие воины, поскрипывали на ухабах телеги с войсковым добром, последними ехали конники из Бетлинка, готовые прикрыть войско в случае погони. Вальборн подозвал к себе скачущего поблизости охотника.

— Тревинер!

— Да, мой правитель! — развернул кобылу охотник.

— Есть важное дело.

— Я весь внимание, — оскалился в улыбке Тревинер.

— Ты еще не забыл, что наш молодой приятель Альмарен ушел на Керн?

— Припоминаю.

— Когда, по-твоему, он должен вернуться?

Тревинер задумался, вскинув взгляд куда-то к верхушкам

деревьев.

— Он не привычен к лесу, мой правитель. Но, если парень еще жив, примерно в эти дни он дошел до вулкана. Недели две — и он будет у Бетлинка.

— Магистр просил встретить его. В лесу полно уттаков.

— О чем речь, мой правитель! Я знаю окрестности замка, как свой походный мешок, — весело ответил охотник. — Кстати, о мешке… надо бы наполнить его — я могу там долгонько прооколачиваться.

— Иди в обоз и возьми все, что нужно. И перестань скалиться — это тебе не увеселительная прогулка.

— Лучше меня этого не понимает никто! — еще шире улыбнулся Тревинер и направил свою Чиану к обозу.

По прибытии в Келангу Вальборн разместил войско на большой поляне к западу от города и отправился во дворец. Он знал, что в любом случае не угодит своему дядюшке, и заранее настраивался быть терпеливым и сдержанным. Вальборн чувствовал свою правоту — он не погубил отряд в заведомо проигрышной схватке, а привел в город, где, конечно, понадобятся люди для обороны крепостной стены — и надеялся, что Берсерен не так глуп, чтобы прокричавшись, не понять очевидного.

Он подождал, пока стражники разведут узорчатые чугунные створки ворот, оставил коня и пошел в глубь дворцового парка. Посыпанная битым камнем дорожка привела его к двухэтажному зданию, длинной лентой вытянувшемуся посреди невысоких парковых посадок. Вальборн прошел вдоль веранды первого этажа дворца к широкой и низкой, в несколько ступенек, лестнице парадного входа. Оказавшись внутри, он сразу ощутил суету и напряжение, создаваемое многочисленными слугами, снующими по коридору. Из-за двери обеденной комнаты Берсерена раздался гулкий металлический стук упавшего блюда, а вслед за звуком оттуда выскочила перепуганная служанка с серебряным подносом в руке. Берсерен обедал.

— Ваша светлость?

Вальборн обернулся на голос и увидел приближавшегося бочком слугу.

— Не ходите туда. Его величество не в духе.

— Что, зол?

— Ох и лют! — слуга болезненно съежился, покосившись на дверь. — Гонец был с юга. Прямо перед обедом.

— Плохие новости?

— Откуда нам знать, ваша светлость! Его величество гневается, хоть из дворца беги.

Дверь обеденной комнаты резко распахнулась. Слуга незаметно растворился в глубине коридора. Старикашка, как его звали втихую и слуги, и придворные, изволил оставить обеденную комнату. Берсерену было немногим за пятьдесят, но его щуплая, засохшая фигура, сморщенное, как вяленая груша, лицо, а главное, мелочный и въедливый старческий нрав создавали ощущение, что правитель оставался неизменным по меньшей мере последние сорок лет.

Берсерен был, определенно, не в настроении. Он нервно теребил пряжку на своем тесном, черном с золотом камзоле, будто бы силясь оторвать ее. Острые, горящие нескрываемым раздражением глазки правителя впились в Вальборна.

— Племянничек явился! — Берсерен, сделав брезгливую гримасу, окинул Вальборна презрительно-оценивающим взглядом, будто кобылу с пороком, выставленную на продажу. — И что это мы здесь делаем, а? Чего мы еще не выпросили у доброго дяди?

Кровь бросилась Вальборну в лицо, но он сдержался.

— Позвольте мне выразить вам почтение, ваше величество, — сказал он обычную приветственную фразу.

— Конечно-конечно… — с ядом произнес Берсерен. — Еще бы тебе не выражать мне почтение! Кем бы ты был, если бы не я, после того, как тебя выкинули из Бетлинка? Что там у тебя — повозки, еда, оружие?

— Ваше величество…

— Ничего ты не получишь, — Берсерен яростно глянул куда-то в сторону и пробормотал сквозь зубы. — Они предали меня, никто из них и не думает идти под Келангу…

— Дурные новости с юга? — догадался Вальборн, на мгновение забыв обиду.

— Дурные?!! — взвился Берсерен. — Ужасные, отвратительные новости!!! Эта дура Десса, этот мужлан Донкар — они все у Норрена вот здесь, в кулаке! — он шагнул вперед и помахал сухим, костлявым кулаком под носом Вальборна. — Ставят укрепления под Босханом, видите ли! Не успеваю сюда, видите ли!

— Я слышал, вы слишком поздно попросили поддержки, — вспомнил Вальборн брошенную Лаункаром фразу.

— Сплетни! Месяца им было мало, подумайте!

Вальборн подумал. Конечно, месяца было мало. Берсерен неистощимо бушевал.

— Я справлюсь один с этим босханцем! Я покажу им, что они все — трусы и ничтожества. Вон и Госсар говорит, что у нас сильная армия, что уттаки — это так, возня одна, — он перевел

дух, шагнул вплотную к Вальборну и испепелил его бешеным взглядом снизу вверх. — А ты, племянничек, справляйся сам. Я дал тебе все, что мог, остальное — для города. Моя казна — не бездонная бочка.

— Я ничего не прошу, — воспользовавшись паузой, сказал Вальборн. — Я увел войско с Оранжевого алтаря и готов вместе с вами защищать Келангу.

Берсерен молча воззрился на племянника. Вальборну никогда и не думалось, что молчание может быть таким напряженным, таким насыщенно ядовитым.

— Как это понимать, милый племянник? — обрел дар речи Берсерен. — Ты неделю клянчил у меня войско, чтобы защитить храм… ты уверял меня, что чуть ли не вся война зависит от этого, а теперь? Ушел?

— Триста воинов не могут противостоять десяти тысячам уттаков. Я сохранил и людей, и снаряжение.

— Сохранил?! — голос Берсерена прорезался в полную силу. — Может быть, нам с тобой и остальную армию сохранить, уйти из Келанги? Ты оставил алтарь без боя, трус?!

— Ваше величество! — повысил голос Вальборн. — Сюда идут десять тысяч уттаков. Очень скоро я докажу вам, что вы ошибаетесь!

— Вы совершенно правы, ваше величество, — раздался рядом властный мужской голос. Оба спорщика вздрогнули и повернулись на его звук.

— Простите, ваше величество, я шел мимо и услышал ваш спор, — продолжал Госсар, не удостаивая Вальборна взглядом. — Я не мог не вмешаться, услышав, как этот молодой человек разговаривает с вами. Прискорбно, но вынужден признать вашу правоту.

— Ты тоже так считаешь, Госсар! — принял поддержку Берсерен. — Мне стыдно говорить с тобой об этом, но из моего племянника не вышел ни правитель, ни воин.

— Вы не имеете права так говорить, не узнав всех обстоятельств! — разгорячился Вальборн. — Я готов дать слово чести, что иначе было нельзя. Когда силы были равны, мои воины захватили алтарь почти без потерь!

— Слово чести, слово чести… — отечески снисходительно сказал Госсар. — А дела? Вы сдали замок Каморре и потеряли при этом две трети гарнизона. Вы неизвестно зачем прогулялись с чужим войском на алтарь, затем приняли пятьсот уттаков за десять тысяч и прибежали обратно. Где это вы видели сразу столько уттаков?

— Верно, — выдохнул Берсерен. — Мальчишка струсил.

— Ваш дядя слишком добр к вам, — продолжил Госсар. — Меня всегда удивляла его доброта. Я бы вам и стадом овец не доверил командовать.

— Дядюшка! — выкрикнул ошеломленный Вальборн. — Как вы ему это позволяете!?

— Молчи, щенок! — огрызнулся Берсерен. — Госсар прав, не то сейчас время, чтобы доверять войска трусам. Завтра же передашь ему командование войском.

— Я?! — задохнулся Вальборн. — Ему?!

— Да, ты, — подтвердил Берсерен. — Да, ему. Ты свободен, Госсар. Завтра примешь у него руководство.

Вальборн бросил ненавидящий взгляд на Госсара и вдруг почувствовал ледяной озноб. Тот смотрел на него с издевательски-разумной, торжествующей усмешечкой, как на побежденного врага. Через долю мгновения, показавшуюся Вальборну вечностью, Госсар отвернулся и ушел.

—. Что вы наделали, дядюшка! — выкрикнул Вальборн, повернувшись к Берсерену. — Вы не можете не понимать, что это ложь, клевета!

— Я тебе не дядюшка! — крикнул в ответ Берсерен. — Я для всех, и для тебя тоже — ваше величество! Судьба наказала меня слюнтяем-братом, а теперь тобой! Я-то старался, пристраивал его, чтобы он не сидел у меня на шее, замок для него выманил у этого хвастуна Паландара — и для чего? Чтобы ты этот замок спустил при первой же возможности?! Иди куда хочешь, хоть к Госсару коней чистить, а мне на глаза больше не показывайся! Я устал от этого срама!

— Вы лжете, ваше величество! — возмутился Вальборн. — Замок был выигран в честном споре.

— В честном? — ехидно спросил Берсерен. — Паландар трижды не попал в шапку с двенадцати шагов. Говорили, ему помешал ветер. Да нужен ураган, чтобы на таком расстоянии сдуть с пути стрелу, пущенную его рукой!

— И как же все было? — сдавленным голосом спросил Вальборн.

— Ураганом была моя жена Варда, магиня ордена Аспида. Настоящий аспид, светлая ей память, и выгоду сквозь землю чуяла. Вы оба ее должники — и твой отец, и ты.

Вальборн ответил не сразу.

— Я подумаю над тем, чей я должник, — сказал он, глядя в лицо Берсерену. — Прощайте, ваше величество.

Вскочив в седло, Вальборн дрожащими от гнева руками натянул уздечку и погнал коня галопом по улицам Келанги. В лагере он отыскал своего военачальника.

— Лаункар! — скомандовал он. — Объявляй сбор, мы выходим немедленно. В Оккаду!

Вальборн ехал, не видя дороги. Его гнев, вызванный не столько незаслуженными оскорблениями, сколько полной глухотой Берсерена в таком важном военном вопросе, постепенно сменялся внутренней тревогой. Издевательски-разумная усмешечка Госсара, плясавшая в голове, вызывала предчувствие, требующее немедленного осмысления. Невнимание к данным разведки, небрежное преуменьшение грозящей опасности, раздор накануне сражения — все это, вместе взятое, настораживало и казалось тревожным предупреждением. Поведение, естественное для вздорного и самонадеянного Берсерена, было невероятным для Госсара, его лучшего военачальника, человека умного и проницательного. Вальборн пока не мог додуматься до слова «предательство», поставившего бы все на свои места, но ощущение чего-то темного, зыбкого, грозящего неотвратимой бедой давило на его сознание.

Перебирая все возможности, Вальборн неожиданно понял, что в случае боя на Оранжевом алтаре исход разговора с Берсереном был бы тем же, если не считать погубленного войска. Настроение правителя Келанги было подготовлено так, чтобы любое действие его племянника расценивалось как неудача. И вновь Вальборн вспомнил усмешечку Госсара, и почувствовал, что первый, гневный порыв увести войско в Оккаду был правилен.

Вальборн взглянул на своего военачальника. Тот, конечно, считает, что они выполняют приказ Берсерена, и, пожалуй, не следует разубеждать его. Продуктовый обоз, встреченный на пути в Келангу, позволит продержаться первое время, а там события не заставят себя ждать. Движение всей огромной уттакской армии, несомненно, имело целью не Оранжевый алтарь.

Вслед за Лаункаром Вальборн вспомнил Магистра. С этим человеком он мог бы поделиться грызущими рассудок вопросами, но Магистра не было рядом. Впервые в жизни, сам того не зная, правитель Бетлинка поднялся на вершину ответственности, где не с кем разделить взятую на себя ношу. Он с тяжелым сердцем окинул взглядом своих людей — Лаункара, возглавлявшего отряд, конных и пеших воинов, ничего не подозревающих о дворцовых интригах, неторопливые, тяжело груженые повозки, жрецов с Оранжевого алтаря, едущих здесь же, в отряде.

«Нелегко быть правителем», — всерьез подумал он и вдруг вспомнил, что Бетлинк был мошеннически отнят у законного владельца. Вальборн хорошо знал историю, стоившую замка прежнему хозяину и закончившуюся его самоубийством, но считал, что одно лишь легкомыслие довело Паландара до

печального конца. Слова, вырвавшиеся у Берсерена в приступе раздражения, раскрыли ему подлинную причину чужого несчастья. По слухам, у Паландара оставался сын, но Вальборн не был в этом уверен. В его семье никогда не обсуждали неудобную тему. Он вспомнил, что Лаункар давно служил в Бетлинке, и шевельнул поводьями, направляя коня вперед.

— Лаункар! — окликнул он, поравнявшись с военачальником. — Ты, кажется, давно в Бетлинке?

Тот медлил, подсчитывая прожитые годы.

— Весной было тридцать восемь лет, как я поступил туда на службу, — выдал он точный ответ.

— Значит, ты служил у Паландара?

— Служил.

— Скажи, что это был за человек?

— Человек как человек, — скупо ответил Лаункар. — Вспыльчивый, увлекающийся, но это ваша фамильная черта.

— Наша?

— Рода Кельварна.

— А как он владел оружием?

— Превосходно. Тогда ценилось искусство боя. С мечом он выходил один на четверых. А стрельбе из лука он мог бы и самого Тревинера поучить.

— У него были дети?

Во взгляде военачальника мелькнуло понимание.

— Сын, — коротка ответил он.

— Расскажи мне о сыне, — попросил Вальборн.

— Ему было пятнадцать лет, когда он оставил Бетлинк. Мне говорили, что он служил у Берсерена. Десять лет назад они поссорились, и он уехал.

— Куда?!

Лаункар молча пожал плечами.

— Я хочу отыскать его, Лаункар. Ты поможешь мне?

Военачальник внимательно поглядел на Вальборна.

— Зачем он вам?

— Поговорить с ним, помочь ему, если он нуждается. Разве мы не родня, разве у нас не одна кровь — первого правителя?!

— Вряд ли Ромбар нуждается в вас, ваша светлость.

Вальборн заглянул в непроницаемое лицо своего военачальника. Тот явно не намеревался помогать ему в поисках.

— Берсерен проговорился кое о чем, поэтому я должен отыскать сына Паландара, — намекнул он. Заметив, что Лаункар колеблется, он добавил: — Это вопрос чести.

— Вы знаете его, — медленно выговорил Лаункар. — Он сейчас — магистр ордена Грифона.

Конь завертелся под Вальборном — тот от неожиданности резко натянул поводья.

— Но вы вели себя так, будто вы не знакомы! — воскликнул Вальборн, опомнившись от изумления.

— Я не узнал его сразу. Последний раз я видел его подростком, на похоронах отца.

— Может быть, ты ошибся?

— Нет, — твердо ответил Лаункар. — Я узнал Ромбара в бою с уттаками, когда увидел, как он действует мечом. Когда-то я учил его владеть оружием. Внешность изменилась, но рука — все та же.

— И ты это скрыл… — укоризненно заметил Вальборн.

— Я подумал… если бы Ромбар хотел, чтобы вы знали, кто он, то рассказал бы вам это сам.

Вальборн надолго замолчал. Уклончивость Лаункара, явная поддержка, оказанная им сыну Паландара, говорили о многом. Видимо, в честности злополучного спора не сомневался лишь тот, кто не хотел в ней сомневаться. До сих пор Вальборн считал себя незапятнанным, живущим в согласии с понятиями о чести. Теперь он чувствовал, что поступок Берсерена, обманом получившего Бетлинк, и отца, не постыдившегося принять замок, грязным пятном лег на его жизнь.

Пять дней добирался отряд Вальборна до Оккады. Большой Тионский тракт выродился в проселочную дорогу, плавно огибающую холмы и лощины прибрежного рельефа. Древесные массивы и рощи сменились островками невысокого леса, обросшими по опушке непролазным кустарником, южный ветер свободно гулял между ними, волнуя и раскачивая высокую луговую траву, неся на север знойное дыхание Сехана. На четвертый день впереди замаячили сизые вершины Оккадского нагорья, а еще через сутки отряд вошел в Оккадскую долину, с трех сторон укрытую скалами от ветров.

Вальборна, впервые оказавшегося в Оккаде, поразила неправдоподобная, игрушечная красота местного селения. Дома здесь не вытягивались в улицы, а рассыпались по склонам, окруженные садами, пристройками, подсобными помещениями, и каждая мелочь, от фасада до столба изгороди, казалась тщательно продуманной, уместной, создающей единое впечатление. Дорога вилась между домами отпущенной на свободу змеей, соединяя живописно разбросанные постройки.

Лаункар указал Вальборну на пологий куполообразный холм, щедро усыпанный различного вида постройками; Высокий забор, творение местных резчиков по дереву, окружал верхнюю часть холма, включая двухэтажное, крытое красновато-серой

чешуйчатой черепицей здание, явно не принадлежащее сельской семье.

— Зеленый алтарь.

Вальборн оставил отряд на подходе к селению, позвал с собой Лаункара, жрецов и поехал к Зеленому алтарю, провожаемый взглядами местных жителей, второй раз за лето видевших войска у себя в долине. Въехав в ворота, он подозвал одного из попавшихся на глаза людей и спросил.

— Как мне найти магистра ордена Феникса?

— Я провожу вас, — ответил тот. Когда приезжие спешились, он повел их на второй этаж крытого черепицей здания и оставил в гостиной, попросив подождать. Вскоре в гостиную вошел Суарен.

Вальборн сразу узнал магистра, хотя первый и последний раз видел его несколько лет назад, на празднике великой Саламандры. Высокий рост и высокий с залысинами лоб Су арена, его плавная, экономная манера двигаться откладывались в памяти так же однозначно, как и чуть отрешенный, идущий сквозь собеседника взгляд. Сейчас его лоб, казалось, стал еще выше — магистр лысел, так и не удосужившись поседеть.

— Рад приветствовать вас здесь, в Оккаде, — произнес Суарен.

— Я — Вальборн, — представился Вальборн после ответного приветствия.

— Я узнал вас, — подтвердил магистр, сопровождая слова мягким кивком. — Чем могу помочь вам?

— Я пришел защищать Оккаду. Где удобнее поставить отряд?

— Значит, Оккада нуждается в защите, — полуутвердительно сказал Суарен. — В северо-восточном углу долины есть удобный спуск к Тиону. Лаункар знает, они в прошлый раз стояли там же.

Вальборн взглянул на военачальника. Тот понял, попрощался и вышел размещать войско.

— Оранжевый алтарь у Каморры, — задумчиво произнес Суарен. — Не так ли, Освен?

— Шантора нет, — ответил Освен. — Сюда доходили известия?

— Две недели назад. Был гонец из Келанги. Тогда не было речи о войске. События развиваются, да?

Вальборн кивнул.

— Сколько у вас людей?

— Триста человек.

— Триста… — задумался вслух Суарен. — Это немалое подспорье в обороне Келанги. Если Берсерен прислал их сюда, значит, он не надеется удержать город… дела действительно так плохи?

— Я бы хотел поговорить с вами с глазу на глаз, магистр. — Вальборн с облегчением почувствовал, что Суарен, с его способностью видеть суть за мелочами, может помочь разобраться в странностях, произошедших в Келанге.

— Давайте пройдем ко мне в комнату, — предложил Суарен.

Они вышли. Комната Суарена оказалась угловой в левом крыле здания. Из просторных окон открывался вид на всю долину. Магистр усадил Вальборна в глубокое кресло, сам сел рядом во второе.

— Я слушаю вас, — сказал он.

Вальборн рассказал все, начиная с боя в Бетлинке, до выезда из Келанги, не забыв и про усмешку Госсара. Он умолчал лишь о том, кем оказался магистр ордена Грифона. Суарен слушал внимательно, глядя перед собой чуть отстраненным взглядом, иногда кивая в знак подтверждения. Когда Вальборн замолчал, Суарен не сразу зашевелился, углубившись в мысли, затем поднял взгляд на правителя Бетлинка.

— Вся наша надежда — на южные армии, — сказал он. — А Госсар… я не хочу недоказанных домыслов…

Суарен поднялся и вышел в коридор. Вальборн услышал его просьбу позвать кого-то, затем магистр вернулся в свое кресло. Какое-то время прошло в молчании. Молчать с Суареном было, пожалуй, еще приятнее, чем разговаривать, поэтому Вальборн был даже слегка раздосадован, когда в дверь постучали.

— Входи, Риссарн, — отозвался на стук Суарен.

Молодой человек, вошедший в комнату, по сложению вполне мог бы оказаться местным кузнецом. Узкий кожаный ободок охватывал его голову, удерживая волосы цвета льняной пряжи, в руке был небольшой, но тяжелый круглый предмет, завернутый в мягкую тряпку.

— Ты можешь по имени человека что-нибудь узнать о нем? — спросил Суарен.

— Можно попробовать. Но это всего лишь первые опыты, учитель. Я не уверен в результате.

— Пробуй.

Риссарн развернул тряпку и вынул оттуда идеально круглый хрустальный шар размером с большое яблоко. Он выложил на стол кружок, сплетенный из полосок кожи, и осторожно поместил на него шар. Сев перед шаром, он положил руки на стол по его сторонам, ладонями к шару.

— Я готов, — сказал он.

— Госсар, — назвал имя Суарен.

Вальборн наблюдал, как молодой человек, наклонив набок голову и расслабив мускулы лица, пристально вглядывается в

шар, как хрусталь чуть поблескивает сквозь его подрагивающие пальцы. Риссарн долго смотрел в шар, затем откинулся на спинку стула, переводя дух.

— Ничего не вижу, — с сожалением объявил он. — Настрой, самочувствие — все это так влияет… бывает, что и несколько дней — ничего, а потом вдруг будто дверь в голове открывается… может быть, Кера попробует, она чувствительней.

Что-то неуловимое, будто бы тень тени, мелькнуло на лице магистра.

— Зови Керу, — сказал он после долгой паузы.

Риссарн ушел и вскоре вернулся с очень юной, но вполне сформировавшейся девушкой. Ее темно-карие, с отливающими голубизной белками глаза смело уставились на гостя. Вальборн, ощутив некоторое неудобство, подумал, что ей не помешало бы немного девичьей робости.

— Кера, — начал Суарен. — Риссарн утверждает, что ты умеешь глядеть в шар.

— Я пробовала, — сверкнула она белыми зубами. — Я просила Риссарна, и он давал мне посмотреть.

— Нашего гостя интересует человек по имени Госсар. Погляди в шар и расскажи про Госсара все, что увидишь.

Глаза девушки забегали по Вальборну, будто бы прощупывая его с головы до ног.

— Чтобы мне было легче, я должна держать его за руку, — кивнула она на Вальборна. — Пусть он вспоминает Госсара, мысленно представляет его внешность.

Суарен согласно кивнул. Кера села у шара, Вальборн встал рядом и протянул ей руку. Он с невольным изумлением взглянул на руку Керы, стиснувшую его пальцы. Крепость пожатия показалась ему неожиданной для такой юной, стройной девушки. Кера еще раз скользнула взглядом по Вальборну, затем поднесла вторую руку к шару, как будто закрывая его от солнца, и начала вглядываться в бесконечную, темно-прозрачную глубину. Ее глаза прищурились, затем раскрылись, кровь прилила к лицу, придавая смуглой коже густо-розовый оттенок.

— Вижу, — сказала она. — Он человек властный, в годах, черные с сединой волосы… густые брови, постоянно нахмурены… одет в черное…

Суарен вопросительно взглянул на Вальборна. Тот утвердительно кивнул. Девушка продолжала:

— …с ним другой — маленький, старый… противный. Одет в черное с золотом… этот улыбается ему, но внутри — ненавидит.

Вальборн узнал Берсерена. В словах Керы не было ничего нового — Берсерена не любил никто.

— Что это?! — в голосе девушки прозвучало удивление. — Он — не маг, но держит при себе магию… особенную какую-то… на груди, белое, с резьбой… Белый диск.

Вальборн вздрогнул. Суарен встал и подошел к столу. Кера, будто очнувшись, оторвалась от шара.

— Ты видела диск? — спросил Суарен. — На Госсаре?

Кера кивнула.

— Что это, магистр? — спросила она. — Это какая-то новая магия?

— Вроде того. Спасибо, Кера, можешь идти.

Девушка медлила, надеясь что-то услышать, но все молчали, ожидая ее ухода. Когда она вышла, Суарен взглянул на Вальборна.

— Вы поняли, что это значит?

— Госсар — предатель. Он служит Каморре.

— Я понял это из вашего рассказа, — подтвердил Суарен. — Это видно и без магии, из его поступков. Поэтому я поверил Кере. Она не всегда бывает правдивой.

— Теперь мне все стало ясно, — проговорил Вальборн. — Нужно предупредить дядюшку, иначе городу грозит беда.

— Здесь мы опоздали. — Суарен задумался. — Бессмысленно посылать гонца на гибель — Берсерен не поверит нам. Но мы можем послать предупреждение Норрену, хотя вряд ли опередим события.

— Да, — обрадовался Вальборн. — И сообщим ему, что здесь войско в триста человек, чтобы он мог планировать действия. Пишите письмо, я снаряжу гонца.

— Я хотел бы послать человека, в котором уверен, — остановил его Суарен.

Он повернулся к молодому человеку, остававшемуся в комнате.

— Риссарн!

— Да, учитель.

— Поедешь в Босхан, отыщешь Норрена и передашь ему мое письмо. Вопросы есть?

— Я все понял.

— Собирайся в дорогу, потом приходи сюда.

— Но как я поеду, учитель? У меня нет коня.

— Я дам коня, — вмешался в разговор Вальборн. — У меня есть два подходящих.

Риссарн и Вальборн ушли, а магистр сел писать письмо. Закончив, он запечатал лист перстнем с головой феникса и вышел из дома. Там подошедший Вальборн вручал молодому человеку поводья одного из коней, приведенных Ромбаром. Взяв письмо,

Риссарн махнул обоим на прощание и поскакал на юг.

XXVII

Пошла вторая неделя с тех пор, как Шемма поселился у Пантура. Табунщик понемногу привыкал к подземной жизни. В первый же день Пантур сменил прежнюю одежду Шеммы на обычную одежду монтарвов — балахон до коленей, просторные штаны и плетеные сандалии с деревянной подошвой. По голубовато-серому свечению полученной одежды Шемма понял, что его здесь держат не за важную персону. Теперь табунщика вполне можно было принять за монтарва, высокого и худого, как Пантур, хотя вблизи становилось заметным различие его белокурой кудрявой головы и серых, пушистых, как одуванчики, голов монтарвов.

Поначалу все монтарвы казались Шемме на одно лицо, но вскоре он пригляделся и стал различать мужчин и женщин, стариков и молодых, даже красивых и некрасивых. Общей для местных жителей была спокойная, неторопливая манера держаться и говорить. Дверные занавески не были преградой для звуков, но табунщику ни разу не довелось услышать ни криков, ни шума ссоры, ни громкой речи. Видимо, длительная жизнь в ограниченном пространстве наложила отпечаток на поведение подземных жителей.

Особенно Шемму удивляло необыкновенно точное чувство времени, присущее обитателям подземного города. Когда наступало предзакатное время, называемое здесь утром, весь город поднимался, как по неслышному сигналу, и принимался за ежедневные дела. Другой чертой, не столько удивившей, сколько восхитившей Шемму, было беспримерное трудолюбие монтарвов. Каждый знал и помнил свое дело, и каждый принимался за это дело без понукания, выполняя его так же естественно и неторопливо, как двигался и дышал.

Огромное внимание монтарвы уделяли поддержанию чистоты в городе. Каждое утро начиналось с протирания как жилых помещений, так и коридоров. В городские туннели выходили группы от каждой общины, чистили их до блеска и ухаживали за светящимися растениями и мхами. Когда Шемма спросил об этом Пантура, тот ответил, что каменная пыль вызывает массовые болезни.

— Пока мы не понимали этого, в Луре постоянно возникали эпидемии грудной гнили, — пояснил он. — Мы усовершенствовали вентиляцию и следим за чистотой, поэтому в настоящее время болезни редки.

Действительно, воздух Лура был чистым и сухим, здесь легко

дышалось, несмотря на то, что город располагался глубоко под землей. Монтарвы выдалбливали свои жилища в массивах из цельного гранита, куда более безопасных, чем крошащиеся, потрескавшиеся участки горных пород. Население города увеличивалось медленно, и так же медленно, изо дня в день, местные каменотесы долбили в граните новые комнаты и коридоры. Застройки проводились по плану, созданному учеными Первой общины, отклонение от которого не допускалось, потому что малейшая неточность могла привести к обвалу или затоплению части города.

Несмотря на то, что зрение монтарвов не выносило открытого огня, они использовали огонь для хозяйственных и ремесленных нужд. В каждой общине имелась печь, называемая очагом. Печь горела круглые сутки, потому что разжигание огня было трудным, доступным далеко не каждому искусством. У очага располагались комнаты для мытья и стирки, а также кухня, где готовилась еда для всей общины. Трижды в день жители общины, повинуясь неслышному сигналу времени, приходили на кухню, где в больших котлах стояла горячая пища.

Кухня монтарвов оказалась просторным помещением с широкой плитой, где стояли вместительные котлы, со столами для разделки продуктов и полками для посуды. Вдоль боковой стены проходил желоб с проточной водой, струйкой падавшей в него из отверстия в стене и уходившей в отверстие на противоположном конце. Плита была каменной с чугунным верхом, без единой щели, в которую мог бы просочиться отблеск огня. У ее стенок грелись несколько обычных здесь черных и темно-серых кошек.

Шемма удивился, не найдя у плиты привычной дверки, но Пантур объяснил ему, что сама топка не здесь, а внизу. После еды ученый провел Шемму вниз по лестнице и показал комнату, где находилась топка. Часть комнаты занимало хранилище для черного блестящего камня, который Пантур назвал горючим камнем. В дальнюю стену была встроена чугунная дверь топки, у которой, опираясь на лопаты, стояли двое монтарвов в наглухо прилегающих к лицам очках с рубиновыми стеклами. Шемма узнал от Пантура, что, кроме очагов, в трех общинах есть еще и кузницы, и понял, откуда в подземном городе столько металлической утвари.

Пантур почти не оставлял Шемму в одиночестве. С первых дней он засыпал табунщика вопросами о жизни наверху. Первым, что заинтересовало Пантура, была жизнь лоанцев и их история. По истории Шемма не дал толкового ответа: «Ну что сказать — жили и жили, так всегда и жили…», зато с увлечением пускался в

воспоминания о своих сельчанах, их привычках и занятиях.

— Вон Тумма, кузнец — здоровый парень, как я… — Шемма сгибал руки в локтях и с удовольствием озирал свою грудь и плечи. — Как неженатый был, так целый день мог в кузне простоять, а вечером еще и на танцах первый! И теперь здоровяк… жена у него в год по ребенку приносит. А Денри, мельник? Богатый мужик, все у него в доме есть, четырех коней держит… а дочка-то у него какая, дочка! — табунщик замолкал и вздыхал от избытка чувств.

— Конь — это животное? — поинтересовался Пантур, когда Шемма упомянул незнакомое слово.

Пораженный табунщик вмиг позабыл о мельниковой дочке. По простоте душевной ему не приходило в голову, что подземные жители знать не знают ни о каких конях.

— Конь?! Конь — это… — воскликнул он и задохнулся, не находя слов. — …это… сказка это, и только, чего там говорить! Ну вот что ты без коня?! Идешь по земле и идешь, как дурак. А на коне… сидишь высоко, все видишь… а трава-то внизу — летит! А деревья-то мимо — плывут! А он-то, конь-то — послушный-то какой, умница-то какой! Эх, был у меня Буцек, вот это был конь… Я ведь табунщиком был, коней пас. — Шемма шумно вздохнул. — Выведешь их на луг, лошадок-то, и под кустик… лежишь, солнце греет, травка шелестит, а воздух-то какой, и небо синее…

— Как он выглядит, этот конь? — деликатно спросил Пантур.

Шемма поскучнел. Где им было, этим подземным, понять его чувства!.

— Голова у него… четыре ноги… — начал он описывать коня. — Большой такой… а на спину ему садишься. Вот такой он конь, — глубокомысленно завершил описание табунщик.

Красноречие Шеммы не иссякло, пока он не вспомнил чуть ли не всех обитателей лоанского села. Табунщик скучал по дому, по привычной обстановке и любимому делу. Пантур задал ему множество вопросов о быте и хозяйстве, ответы на которые казались Шемме очевидными, таких, как изготовление хлеба или использование мяса и шерсти животных. Хвалебное слово табунщика окорокам и колбасам было не менее прочувствованным, чем описание коня.

— А уттаки вас не беспокоят? — спросил Пантур, заметивший, что в многословных описаниях Шеммы нет и упоминания об уттаках.

— Чего им нас беспокоить? — изумился табунщик. — Они — вон где, а мы — вон где. Мы в селе и не видали никогда этих уттаков.

Настала очередь Пантура удивляться.

— Разве ты не убегал от уттаков, когда свалился к нам? — спросил он.

— Было дело, — сразу опечалился Шемма. — Так село-то мое — вон где, а я — вон где! Я ведь уехал из села по просьбе колдуна.

Слово за слово Пантур вытянул из Шеммы подлинное представление о наземном населении Келады. Уттаки, оказывается, давным-давно не господствовали на острове, вытесненные на север пришельцами с моря. Помимо этого ученый понял, что в настоящее время наверху творится что-то неладное, сорвавшее деревенского парня с места на приключения и опасности.

Рассказы Шеммы изобиловали эмоциями и рассуждениями в той же мере, в какой страдали отсутствием ясности и последовательности. Пантур приложил немало усилий прежде, чем воссоздал полную картину путешествия табунщика. Получив представление о той или иной подробности жизни наверху, ученый заглядывал на полку, где, прижатая книгой, лежала стопка бумаги собственного изготовления, брал лист, разводил водой подсохшие чернила, пододвигал поближе вазу с золотисто-светящимся плющевидным растением, присаживался за стол и аккуратно записывал услышанное.

Шемма скучал рядом — ходил по комнате, зевал, садился и вновь вставал, разглядывая через плечо Пантура ложащиеся на бумагу крючочки и закорючки. По его просьбе Пантур показал ему, как выглядят и как объединяются в числа монтарвские цифры. Табунщик на время позабыл скуку, представляя в уме, как могут выглядеть надписи «Третий кольцевой», «Шестой радиальный», а Пантур записывал и записывал, и на серую монтарвскую бумагу ложились незнакомые прежде слова — «Цитион», «Босхан», «Келанга»… «магия».

Слово «магия», постоянно встречавшееся в рассказах Шеммы, неизменно повергало лурского ученого в недоумение. Он вновь и вновь задавал вопросы о магии, но получал лишь невразумительные ответы, дополняемые жестикуляцией и пожиманием плечами. Наконец, терпение Шеммы иссякло раньше терпения Пантура. Табунщик вытащил магические поделки, купленные на Оранжевом алтаре, и заявил:

— Вот! Это — магия.

Пантур, щурясь, рассматривал светлячок Саламандры, огниво и бусы.

— Без магии это просто камни, и больше ничего, — сказал табунщик. — Свет камня получается от магии.

Пантур отложил светлячок в сторону.

— А эта штука чем замечательна? — спросил он, указывая на огниво.

Шемма чиркнул по огниву, произнеся магическое слово. На стол посыпался сноп искр, одна из них, попав на лист бумаги, прожгла дырку.

— Им разводят огонь, — пояснил Шемма.

Пантур знал свойства порождающих огонь камней. Сила удара Шеммы была недостаточной для такого количества искр. Он взял огниво и попробовал высечь искры. Две крохотных искорки растаяли в воздухе, не долетев до стола.

— Не так, — поправил его Шемма. — Надо сказать заклинание.

Ученый выполнил все, как сказал Шемма, и получил сноп искр. Слово совершило то, что не могли сделать руки.

— Внутрь камня кладут магию, — объяснил Шемма в меру своего понимания. — Это делают на алтарях, а пользуются везде.

Пантур медленно кивнул.

— У вас в селе испортился такой алтарь? — начал понимать он.

— Он самый. — Шемма обрадовался, что его, наконец, поняли. — Наш алтарь вызывал дожди, а теперь не может. Вот мы и поехали… — и он вновь начал рассказывать уже известную Пантуру историю.

— А почему вы поехали именно сюда? — перебил ученый Шемму.

— На здешнем алтаре есть сильные маги, — ответил тот. — Вдруг они помогут!

— Разве и здесь есть алтарь? — спросил Пантур.

— Храм богини Мороб — это же и есть Оранжевый алтарь! — Шемма пояснил очевидный для себя факт.

Все стало на место в голове Пантура. По прежним рассказам Шеммы он счел здание над Оранжевым шаром храмом, который люди сверху неизвестно почему воздвигли в честь владычицы Мороб, правившей Луром около трехсот лет назад. Это здание оказалось алтарем, выполняющим магию.

— А этот, Оранжевый алтарь, не испортился? — спросил он Шемму.

— Кто ж его знает… — ответил табунщик. — Я так и не поговорил с ихним главным — уттаки помешали.

Пантур в задумчивости вертел палочку для письма.

— Тебе никто не говорил, почему испортился ваш алтарь?

— Это все главарь уттакский, Каморра, — убежденно сказал Шемма. — Равенор так считает, а он — маг, каких поищешь. И Тифен так считает.

— Каморра тоже уттак? — взглянул на него Пантур.

— Нет. Он — маг, из здешних. Конечно, не Равенор, но сильный маг. Все так говорят.

В этот день Пантур больше не задавал Шемме вопросов.

Он осмысливал факт существования не известной в Луре силы, широко используемой людьми сверху и называемой магией. Шемма давно спал, раскинувшись на жесткой лежанке и похрапывая во сне, а кошачьи глаза Пантура все глядели в потолок, не замечая знакомых гранитных узоров. Старый ученый думал, что хорошо бы побывать в храме Мороб, поговорить о таинственном явлении — магии, узнать от сведущих людей, что это такое. Думал он и о тревожных событиях, разоривших храм, о напасти с севера, грозящей жителям удивительных городов, описанных Шеммой.

Судьба табунщика, лоанского посланца, вызывала беспокойство у Пантура. Ведь лучшее, чего мог ожидать Шемма — навсегда остаться в Луре, и даже на это нужно было уговорить владычицу и, еще хуже, ее советника. А где-то там, в Лоанской долине, такие же крестьяне, как Шемма, дожидались помощи от своего гонца. Пантур сочувствовал Шемме — угораздило же этого парня свалиться в шахту! — но не знал, как ему помочь, не нарушив законов Лура.

Следующий день начался, как всегда, с мытья коридоров и завтрака, но вскоре Шемма заметил, что привычный распорядок дня монтарвов нарушился. Казалось, никто не пошел работать — коридоры Лура и центральный зал общины заполнились гуляющими без дела монтарвами. Табунщик, привыкший к тому, что жизнь Лура текла так же размеренно, как вращалось водяное колесо на мельнице Денри, не замедлил узнать у Пантура, что произошло в городе.

— Кошки ушли к пруду, — объяснил ученый. — Праздник новолуния начался.

— К пруду? — изумился Шемма. — Что им там делать?

— В каждой общине есть пруд, где разводят рыбу, — начал рассказывать Пантур. — Три дня новолуния — это наш праздник. В эти дни у нас никто не работает, кроме тех, кто поддерживает огонь в очагах и готовит еду. Праздник начинается рыбной ловлей и всеобщим пиром, затем — еще два дня отдыха и веселья.

— Можно будет поесть рыбки?! — обрадовался вечно голодный от растительной пищи табунщик.

— Да, раз в месяц здесь все едят рыбу. Чаще нельзя, иначе количество рыбы в пруду не восстановится. Тебе интересно посмотреть, как ее ловят?

Шемма охотно согласился. Когда они с Пантуром пришли к пруду, там никого не было, кроме кошек. Зато кошек было невероятно много — черные и серые, с гибкими хвостами, с блестящими зелеными глазами, они лежали на берегу, крутились у пруда, заглядывали в спокойную черную воду.

— Здесь все кошки Лура? — спросил Шемма.

— Кошки нашей общины, — ответил Пантур, нагибаясь и гладя вертевшихся у ног кошек. — Мы их называем лунными, потому что они безошибочно чуют день новолуния.

— Как их много! — покачал головой табунщик. — Каждому жителю хватит по кошке.

— Нет, их меньше, примерно одна кошка на шесть жителей. Они нужны и полезны, потому что уничтожают всеедов. На плантациях и в заброшенных коридорах полно всеедов.

— Эти всееды — они и людей едят? — спросил обеспокоенный Шемма. Про себя он подумал, как было бы ужасно, убегая тайком из Лура, наткнуться в темном коридоре на всееда.

— Они опасны, когда их много, — ответил Пантур. — Это небольшие зверьки, слепые, с длинными голыми хвостами. Едят все, что можно съесть.

Поняв, что всеед выглядит наподобие слепой подземной крысы, Шемма успокоился. Пантур подвел его к краю пруда и указал на воду. В темной глубине мелькали сотни, тысячи голубых огоньков, передвигающихся группами по три штуки.

— А вот и наши трехглазки, — сказал ученый. — Конечно, у каждой рыбины два глаза. Их так называют за три огонька на голове.

Шемма пощупал воду, ожидая пещерного холода, но она оказалась теплой.

— В холодной воде трехглазки плохо растут, поэтому мы ее греем, — заметил Пантур. — Струи, наполняющие пруд, протекают вдоль стенок очага.

В коридоре показалась группа монтарвов, несших котлы и сеть. Здесь были только мужчины, одни из них разделись и пошли с сетью в воду, другие с котлами дожидались улова на берегу. Рыбаки обходили пруд и вытаскивали на берег сеть, полную трехглазок, их помощники помогали выбирать улов, бросая крупную рыбу в котлы, мелкую — назад в воду, третьи отгоняли обезумевших от возбуждения кошек. Шемма забыл, что перед ним монтарвы, он видел просто людей, весело выполняющих работу, бывшую и ритуалом, и развлечением.

Рыбу понесли к разделочным столам на берегу пруда. Здесь ей рубили головы, которые заботливо складывали в отдельный

котел, внутренности вынимали и бросали кошкам, так, чтобы досталось каждой. Когда разделка рыбы закончилась, котлы унесли в кухню, а на освободившиеся столы хлынула кошачья толпа, подлизывающая, подчищающая остатки. Вскоре и берег, и столы засверкали чистотой, а кошки разбрелись по общине до следующего новолуния.

Пантур и Шемма вернулись в комнату. Вскоре по общине распространился густой и аппетитный запах готовящейся в кухне рыбы. Шемма, едва поддерживая разговор, нетерпеливо принюхивался к заполняющему коридоры запаху. Наконец Пантур поднялся и пригласил табунщика следовать за ним.

В кухне разливали похлебку из рыбы. Монтарвы забирали дымящиеся миски и отправлялись в обеденный зал, туда же пошли Пантур и Шемма. Там за столами сидели празднично одетые жители общины. На женщинах, и даже на некоторых мужчинах поблескивали украшения из драгоценных камней.

Шемма начал было хлебать горячую жидкость, но Пантур остановил его. Лишь тогда табунщик заметил, что все сидят, — не притрагиваясь к пище. Когда община расселась за столами, в зал вошла владычица Хэтоб в сверкающем драгоценностями платье, сопровождаемая советником. Она встала на возвышение и четким голосом произнесла нечто среднее между молитвой и торжественной речью, пожелав общине здоровья и достатка, затем села за свой стол и первой попробовала похлебку. Вслед за ней принялась за еду и вся община, и вконец истекший слюною Шемма.

Когда первое было съедено, из кухни появились женщины с противнями и положили каждому на блюдо по большой печеной трехглазке. Шемма никогда еще не ел более сочной, жирной и нежной рыбки. Он мгновенно умял свою порцию и огляделся по сторонам, но добавки не предвиделось. Монтарвы пировали, как и жили, экономно и без излишеств.

В конце дня Пантур повел Шемму в центр города. Вскоре они пришли в великолепный лабиринт из лестниц, колонн и залов, цветущий гранитным кружевом узоров и каскадами разноцветных вьющихся растений. Повсюду гуляли монтарвы, слышалась негромкая речь и смех, звучала музыка, создаваемая флейтами, свистульками и губными гармошками.

Шемма вспомнил поляну за родным селом, где по вечерам бывали танцы, и понурился, чувствуя себя одиноким среди чужой радости. Пантур привел его в зал, куда с утра принесли из общин лучшие травяные картины. В зале было тесно от монтарвов, сюда пришла и сама владычица со слугой и служанкой. Беззаботное, праздничное настроение жителей Лура, веселящихся у себя дома,

нагнало тоску на табунщика. Он с облегчением вздохнул, вернувшись в комнату Пантура.

Праздник новолуния тянулся еще два дня. Пантур, соблюдая традиции, почти не задавал Шемме вопросов и не записывал его рассказов, а водил табунщика на прогулки в центр и в соседние общины. Лур не зря назывался великим — за эти дни Шемма не увидел и половины города. Ему стало ясно, что еще немало дней потребуется, чтобы разобраться в разветвленной, многоярусной структуре Лура. Шемма вспомнил о плане города, где, конечно, должны быть пути на поверхность, и предпринял попытку разузнать о нем у Пантура.

— Здесь столько всего из дерева! — начал он. — Неужели деревья растут под землей?

— Нет. Мы приносим их сверху, — ответил Пантур. — Эти выходы охраняются, — добавил он, заметив просиявшую физиономию табунщика.

Шемма поспешно сменил тему разговора.

— А там, в храме, все еще уттаки? — спросил он.

— Уттаки ушли, — сказал Пантур. — Там стоит войско, которое, наверное, их и выгнало.

— Откуда вы это знаете?

— С тех пор, как ты рассказал нам об уттаках, наши наблюдатели следят за тем, что творится в поселке наверху. Уттаки пробыли там не больше суток.

Шемма обрадовался. Он не забывал оставшегося в храме Витри, а сообщение позволяло надеяться, что его товарищ спасся.

— Поглядеть бы и мне… — намекнул он. — У меня там товарищ…

— Завтра, как проснемся, я покажу тебе поселок, — пообещал Пантур.

На следующее утро Пантур повел Шемму поглядеть на поселок. Они долго шли лабиринтом коридоров. Шемма поначалу запоминал цифры на стенах туннелей, но вскоре безнадежно сбился. Травяное освещение исчезло, гладкие, отделанные резьбой коридоры сменились грубо обработанными проходами. Потянуло свежим воздухом, путь вильнул в последний раз, и они оказались на смотровой площадке Лура.

Шемма с жадностью смотрел на простор, которого не видел больше двух недель. Солнце давно село, лишь светлая полоска неба у горизонта указывала, что здесь поздний вечер. Табунщик шагнул вперед, но Пантур удержал его. В нескольких шагах перед ними была пропасть. По сторонам, снизу и сверху простиралась отвесная стена, на срез которой наискось выходил коридор, замаскированный под расщелину. Шемма понял, почему Пантур

так легко согласился на его просьбу — бежать отсюда было невозможно.

Ученый, между тем, всматривался туда, где виднелось село и храм. Густые сумерки не были препятствием для зорких кошачьих глаз Пантура. Поляна пестрела кострами, горящими у конических шалашей, огромное множество не людей — уттаков заполняло и село, и поляну, и территорию храма.

— Шемма! — воскликнул Пантур. — Здесь опять уттаки!

— Где! Не вижу… — встрепенулся табунщик, — …вижу… костры, шалаши… — докончил он упавшим голосом.

— Не нравится мне это, — пробормотал ученый. — Как их много! Погибло и село, и храм.

Рядом шумно вздохнул Шемма.

— Витри-то, Витри-то… — запричитал он. — Неужто не догадался уйти? Ох, никто тут в живых не остался…

— Пойдем отсюда. — Пантур увел Шемму назад в коридор. — Дурные дела творятся наверху!

Они вернулись в Первую общину. Слуга владычицы, сидевший на диване в центральном зале, увидев их, поспешил навстречу Пантуру.

— Владычица ждет вас, — сказал он ученому.

Владычица дожидалась Пантура у себя в покоях, здесь же был Данур. Увидев ученого, она нетерпеливо шагнула навстречу.

— Где ты ходишь, Пантур? — повысила она голос. — Ты заставил меня ждать.

— Простите, великая, я не знал, что понадоблюсь вам, — склонил голову Пантур. — Я был на западной смотровой площадке. Наверху происходят важные события…

— Важные события! — перебила его Хэтоб. — Что может быть важнее того, что мои плантации гибнут! Данур сообщил, что этой ночью Оранжевый шар снова остыл.

— Я ничего не слышал об этом.

— Я немедленно послала за тобой, но тебя не было. Ты узнал, в чем причина порчи шара?

— Но, великая…

— Какие еще «но»! — вспылила владычица. — Еще в середине прошлого месяца я поручила тебе разобраться в этом. Я пощадила человека сверху и отдала его тебе для помощи. Объясни же нам, в чем причина нашего несчастья?!

— Я лишь на пути к истине, — начал объяснения Пантур. — Там, наверху, люди используют силу, называемую магией. У меня есть основания думать, что ту же самую силу излучает наш шар, только мы называем ее по-другому — теплом шара.

— Значит, люди сверху испортили наш шар! — Хэтоб

мгновенно ухватилась за слова Пантура. — Этот поселок наверху, прямо над шаром, становится опасным!

— Подождите! — Пантур предупреждающе поднял руку. — Нам нужна настоящая причина, а не выдуманная. Поселок двести лет стоял здесь, и вреда от него не было. Теперь там одни развалины — уттаки разорили его.

— Вчера там не было уттаков, — вмешался в разговор Данур. — Мне бы доложили.

— Я только что оттуда и видел это собственными глазами. Видимо, они напали на поселок, когда мы спали.

— В прошлый раз, когда шар остывал, уттаки тоже были в поселке, — неожиданно вспомнила владычица. — Это все из-за них! Мы нападем на них, когда они спят, и уничтожим всех!

Опрометчивое решение Хэтоб яснее прочего говорило об ее волнении. Советник, в отличие от нее, сохранил хладнокровие и понимал всю опасность предлагаемой ею вылазки.

— Не нужно торопиться, — сказал он. — Может быть, пока мы здесь спорим, к шару уже вернулась сила… как ты сказал, Пантур? Магии?

Пантур не ответил, поглощенный внезапно возникшей мыслью. Практичный ум владычицы ухватил закономерность слишком поверхностную, чтобы прийти в голову ученому, но эта закономерность заслуживала внимания. Магия была значимой силой наверху, и конечно, нападающим было важно устранить ее.

— Пантур!

Ученый вздрогнул и поднял голову.

— Как они используют магию там, наверху? - советник смотрел на него в упор, дожидаясь ответа.

— Как угодно, — ответил Пантур. — Жаль, что этот парень сверху — не маг, от него не добьешься подробностей.

— Маг?

— Человек, который умеет работать с магией, — пояснил ученый. — Такой человек больше бы рассказал нам о ней… и, может быть, мог бы разобраться, что произошло с нашим шаром. Этот парень, Шемма, как раз ехал к магам по такому же делу, как наше. У них в селе испортился источник магии.

— Значит, такое происходит не только у нас, — отметила Хэтоб. — Он не говорил, почему?

— Вероятно, это связано с войной, которая началась у них с месяц назад, — сказал ученый. — Вы верно заметили, великая, те, кто стоит за уттаками, могли испортить местную магию, а заодно и наш шар.

— До сих пор Оранжевый шар восстанавливался сам, — заметил Данур. — Война началась месяц назад, а неприятности с

шаром у нас с весны.

— Что вы предлагаете? — владычица посмотрела на обоих.

— Шар должен скоро восстановиться, — сказал Данур. — А наш мудрец пусть продолжает выяснять, что нужно, чтобы этого не случалось впредь, — советник с легкой усмешкой взглянул на Пантура.

— А я считаю, что мы не обойдемся без помощи магов, — ответил ученый. — Мы слишком мало знаем о силе, которую излучает шар.

— Как ты представляешь себе эту помощь? — спросила у него владычица.

— Мы можем поручить Шемме отыскать магов и попросить их помочь нам, — неожиданно для самого себя сказал Пантур.

И Хэтоб, и Данур уставились на него, как на безумца.

— Но тогда он должен покинуть Лур и выйти наверх, — сухо сказала владычица. — Наши законы не позволяют этого.

— Законы нужны, пока они полезны, — напомнил Пантур. — Вы это знаете, великая.

— Нам нельзя выдавать своего присутствия людям сверху. Тем более, когда там — война! — заволновалась Хэтоб.

— Это невозможно, Пантур, — отрезал советник. — Вместо того, чтобы выполнять поручение владычицы, ты спешишь заявить о своем бессилии, даешь заведомо недопустимые советы!

— Этого не будет, — подтвердила владычица. — Пантур, поторопись отыскать причину своими силами. Проси все, что нужно, и ты это получишь, но не проси отпустить наверх нашего пленника, — она жестом показала, что разговор закончен.

Пантур не стал настаивать на просьбе, потому что еще не был уверен в ее необходимости. Вернувшись к себе, он застал Шемму спящим — табунщик обычным способом заполнял выдавшийся досуг. Пантур посмотрел на него, затем взял из шкафа очки с рубиновыми стеклами, такие же, какие использовались в комнатах-топках, и вышел наружу.

К Оранжевому шару, располагавшемуся вдали от центра Лура, вели два туннеля — с верхнего и среднего ярусов города. Пантур пошел коротким путем через верхний ярус. Он расспросил о шаре попавшихся навстречу рабочих с плантаций владычицы. Оказалось, что шар остыл этой ночью и все еще не восстановился. Ученый долго шел прямым, без ответвлений туннелем, пока не вышел в просторный подземный зал, необработанные своды которого, казалось, имели естественное происхождение.

Яркий свет ослепил его. В дальнем конце зала, ни на что не опираясь, невысоко над землей висел Оранжевый шар, окруженный кольцеобразным прудом. Пантур надел рубиновые

очки и подошел поближе. В пруду жили сотни саламандр — черно-рыжих тварей, похожих на ящериц, но с влажной лягушачьей кожей, с золотистыми выпуклыми глазами на плоских головах. Сейчас саламандры лежали неподвижно, уткнувшись головами в берег, корм остался не съеденным. Признаки неблагополучия были налицо. Не было и знакомого щекочущего, пронзающего ощущения, усиливающегося по мере приближения к шару, того самого, которое называли теплом шара.

Плантации располагались вокруг Оранжевого шара и имели по два выхода, как и все хозяйственные помещения. Туннелями, ведущими к шару, никто не пользовался, так как его свет был слишком ярок для глаз подземных жителей. Пантур свернул на масличные плантации, чувствительные к ослаблению излучения шара. Кусты, ровными рядами высаженные в плодородную землю, принесенную с поверхности, выглядели свежими и здоровыми, но бутоны потеряли упругость и поникли.

Пантур уже знал, что разные культуры по-разному отвечают на отсутствие излучения. Некоторые, такие, как грибы и древесные плодовые растения, останавливались в росте и развитии, другие увядали и вскоре засыхали. Он обошел плантации одну за другой. Пока не было явных признаков упадка, но все же чувствовалось, что растения поблекли и обессилели. Лишь лунные кошки, которых здесь было немало, так же бодро выбегали навстречу ученому и с громким мурлыканьем терлись об его ноги.

«Возможно, Данур прав… — думал ученый. — Скорее всего, к концу дня шар восстановится. Но сколько можно оставаться беспомощными перед непонятным явлением? А если шар остыл не на сутки, а на двое, трое суток? Вновь пропадет впустую долгий, кропотливый труд на плантациях, вновь на кухне будут бояться положить лишнюю ложку еды в протянутую миску… Нужно изучать Оранжевый шар, и если есть те, кто знает больше…»

Закончив осмотр плантаций, Пантур пошел в Лур через туннель среднего яруса. Он выбрал длинную дорогу, чтобы в пути обдумать, как лучше выполнить принятое решение — через Шемму встретиться с живущими наверху магами. Было неясно, каким образом отправить табунщика на поверхность, но Пантур уже прикидывал, что и как рассказать Шемме о Луре, чтобы тот передал его слова магам.

XXVIII

— Еще немного, Витри! — Лила натянула на ноги мокрые башмаки и ободряюще улыбнулась лоанцу. — Показывай, где Красный камень!

Витри прислушался к внутреннему ощущению, усилившемуся здесь, рядом с Красным камнем, и указал на маячившую вдали точку. Лила встала вплотную к лоанцу, вгляделась по направлению его вытянутой руки. Палец Витри указывал на вулкан, чуть левее вершины, туда, где в нижней части конусообразного склона виднелось что-то вроде вмятины.

— Вижу, — сказала она. — Поторопимся, Витри!

Магиня вновь пошла впереди, непостижимым чутьем придерживаясь указанного Витри направления. Теперь она по-настоящему спешила, то с ловкостью проныривая через заросли кустарников, то проваливаясь по щиколотку в мягкую низинную землю, то с напряжением взбираясь на подъемы и почти переходя на бег на спусках. Витри, озабоченный только тем, чтобы выдерживать взятый ею темп, не видел ничего, кроме мелькающих впереди ног магини, удаляющихся при его малейшей заминке, и не чувствовал ничего, кроме собственного тяжелого дыхания, взмокшей рубашки и струек пота, текущих вдоль лица за шиворот.

Они шли без привалов, лишь дважды остановившись, чтобы глотнуть воды из ручья и проверить направление.

Конус вулкана приближался, заполняя собой все большую часть неба. К вечеру стало видно, что столб дыма над вулканом пульсирует, то исчезая, то с грохотом вырываясь из направленного в небо жерла. Вместе с дымом взлетали каменные обломки, тут же падавшие вниз и скатывавшиеся по склонам горы, вслед им угрожающе вспыхивали красные языки огня. В эти мгновения Витри казалось, что земля дрожит у него под ногами. Когда стемнело так, что он едва мог различать спину Лилы в двух шагах впереди, магиня остановилась.

— Здесь и заночуем, — сказала она, спуская мешок с плеч.

Витри достал пару дорожных лепешек и подал ей одну. От усталости ему не хотелось есть, но, помня о том, что нужно подкрепить силы, он кое-как прожевал свой кусок. Очередная вспышка вулкана осветила осунувшееся лицо магини.

— Земля дрожит, — усталым голосом сказала Лила. — Это дыхание вулкана.

— Когда мы шли, она тоже дрожала, — подтвердил Витри, — но я думал, что мне показалось.

— В старых книгах написано, что дыхание вулкана несет смерть, — с безразличной интонацией заметила магиня. — Придется нам проверить, можно ли доверять старым книгам.

— Угу, — с тем же безразличием отозвался Витри. Сейчас смерть казалась ему теплым одеялом, под которым нет ни изнуряющего пути, ни василисков, ни уттаков со стрелами, и никуда не нужно спешить. Он опустил голову на мягкую землю и в следующее мгновение забылся сном, глубоким, как смерть.

Сон Лилы, напротив, был поверхностным и беспокойным. Дрожь земли отзывалась в ней безотчетной тревогой, создающей стремление немедленно покинуть опасное место. Лила вновь и вновь усилием воли подавляла тревогу, вспыхивавшую в ней, как язык огня в жерле вулкана, после каждого подземного толчка. На исходе ночи магине удалось задремать, но раздавшийся над ухом крик Витри заставил ее вздрогнуть и вскочить.

— Что случилось? — спросила она спросонок, озираясь вокруг.

Витри сидел в напряженной позе, глядя на Лилу широко раскрытыми глазами.

— Скорее, скорее… — забормотал он магине, будто бы еще оставаясь во сне, — …мы можем опоздать.

Лоанец вскочил и схватился за мешок. Лила машинально сделала то же самое.

— Он зовет меня, — пояснил Витри. — Еще чуть-чуть, и будет поздно.

— Кто?!

— Оригрен. Скорее!

Они побежали к вулкану, Витри — первым, Лила — за ним. Путь пошел на подъем, куски леса чередовались с обширными проплешинами, поросшими диким кустарником — следами давних пожаров. Громада вулкана закрывала полнеба. В утреннем сумраке было видно, что по ее склону стекает огненный ручей, направляясь в котловину у подножия, туда, куда спешил Витри.

С первыми лучами солнца Витри и Лила выбежали на край котловины у подножия вулкана. В ее стенах виднелось несколько ярусов заброшенных пещер, к которым вели давно осыпавшиеся каменные ступени. В центре котловины, на выпуклом холме, возвышался огромный каменный идол, названный Витри Дуавом, во лбу которого горел единственный пурпурно-красный глаз. Ручей лавы, достигнув котловины, падал на ее дно с противоположной стены и двумя потоками огибал холм с идолом.

— Жди здесь, Витри! — Лила скатилась по склону и пробежала на холм между двумя готовыми сомкнуться потоками лавы. Жар черно-красного вязкого месива наполнял котловину

дрожащим, струящимся воздухом, размывающим очертания и идола, и бегущей к нему маленькой женщины. Лила остановилась у ног Дуава и вскинула голову вверх, туда, где на высоте в три человеческих роста сиял Оригрен, Средний Брат.

Витри не отрываясь смотрел, как его спутница подтаскивает камни к ногам идола, затем, взобравшись на них, подтягивается вверх, на скрещенные на груди руки идола, а с них — на широкое каменное плечо. Усевшись верхом на плече Дуава, она потянулась к глазнице и вытащила оттуда Красный камень.

Спрятав камень за пазухой, Лила соскользнула с идола и побежала назад по склону, но остановилась на полдороге. Потоки лавы, огибающие холм, сомкнулись и закрыли ей путь назад. Магиня оказалась на острове посреди озера лавы, уровень которого, питаемый вытекающим из жерла потоком, постепенно поднимался.

— Витри! — окликнула она лоанца. — Мне не выйти отсюда!

Витри корил себя, что, заглядевшись, не заметил опасности и не предупредил магиню. Он спустился вниз, но из-за жара не смог подойти к самому краю лавы.

— Иди туда! — услышал он голос Лилы. — Там узкое место, я переброшу тебе камень.

Витри побежал вдоль края лавы налево, куда указывала его спутница. Она шла вслед за Витри по внутреннему краю огненного кольца, пока они оба не оказались у узкого места.

— Лови камень! — Лила, подойдя как можно ближе к огненной границе, достала Красный камень и приготовилась перебросить его через лаву. — Ты должен прийти на берег океана раньше посланца Каморры. Там его лодка, уплывешь на ней. Когда вернешься в Келангу, передай камень в верные руки. Я верю, что ты не ошибешься, Витри!

— А как же ты?! — закричал Витри.

— Сам видишь, как… — она повела вокруг взглядом. — Не думай обо мне, думай о деле. Лови!

Ее бросок был точным. Камень красной искрой сверкнул в воздухе, перелетел через лаву и приземлился прямо в руки лоанцу. Витри коснулся камня, мгновенный укол пронзил его с головы до пят. Заклятие Каморры потеряло силу. В ладонях лоанца лежал дивной красоты кристалл, в котором, если верить легендам, заключалась душа Оригрена, Среднего Брата, разбудившего его этой ночью. Витри поднял глаза на Лилу, глядящую на него сквозь зыблющийся воздух.

— Сохрани его, Витри, — повторила она. — И поторопись назад.

— Я не оставлю тебя! — чуть не плача, крикнул Витри.

Она ничего не успела ответить. С южного края котловины раздался яростный вопль, похожий на рычание. Лила и Витри увидели на краю обрыва знакомого им полуутака, в бешенстве потрясавшего секирой. Посланец Каморры сорвал с плеча лук и выстрелил в магиню, но промахнулся. Стрела упала в лаву и мгновенно вспыхнула, превратившись в узкую полоску белого пепла. Лила, еще не смирившаяся с неизбежной гибелью, побежала за спину идола, прячась от стрел.

— Беги, Витри! — закричала она.

Боварран уставился на лоанца, стоявшего неподвижно в нескольких шагах от лавового потока. Почувствовав на себе взгляд врага, Витри опомнился и полез вверх по склону. Полууттак, не надеясь на стрелы, кинулся ему наперерез по верхнему краю обрыва, но Витри успел выбраться из котловины и скрыться в лесу.

Лоанец помчался через лес, прочь от вулкана, через кусты, камни, поваленные деревья, чувствуя за собой близкую погоню. Выбившись из сил, он остановился и прислушался. Треск ломаемых сучьев убедил его в том, что полуутак все еще гонится за ним. Витри собрался с силами и вновь побежал, петляя по лесу, чтобы скрыть след, но каждый раз, останавливаясь, слышал позади погоню. Внезапно он догадался, почему полууттак не сбивается со следа — Красный камень благодаря заклинанию Каморры был верным указателем для его посланца.

Витри понял всю безнадежность бегства, но не сдался. Можно было бы выбросить камень и спастись, но мысль о магине, погибающей в лавовом кольце ради этого камня, добавила лоанцу сил. Решив, что преследователь получит Красный камень только вместе с его жизнью, Витри побежал на юг. Преодолевая широкую прогалину, казалось, состоявшую из цепких кустарников и горелых пней, он оглянулся и увидел сзади бегущего за ним полууттака. Витри в отчаянии закричал и бросился налево, в лес, чтобы укрыться среди деревьев. У опушки ему показалось, что из леса раздался ответный крик. Повернувшись на голос, он споткнулся на полном бегу и, падая, ударился головой о пень.

Витри пришел в себя от ощущения холода на лбу. Приоткрыв глаза, он увидел склонившееся к нему лицо молодого человека, придерживавшего рукой свешивающиеся вперед длинные волосы. В его другой руке была фляжка, из которой он тонкой струйкой лил воду на лоб лоанцу. В серых глазах молодого человека светилась доброта, сострадание и что-то еще, заставившее Витри сказать:

— Вы — маг?

Альмарен от неожиданности опустил фляжку.

— А я-то боялся, что ты сильно расшибся, — дружелюбно сказал он. — Теперь вижу, что мозги у тебя уцелели. Как ты догадался?

Витри и сам не знал, как. В человеке, склонившемся над ним, он бессознательно ощутил внутреннее сходство с двоими магами, которых знал — Лилой и Равенором.

— Вы, маги, смотрите как-то по-другому, не так, как обычные люди, — попробовал он объяснить.

— Разве? — удивился Альмарен. — Впервые слышу. А в чем разница?

— Вы, каждый по-своему… — замялся Витри. — …будто бы помимо обычной жизни видите еще какую-то неизвестную остальным глубину… или вечность, что ли… — он замолк, не зная, какими словами выразить это ощущение.

— Мы, маги, гладим в вечность? — словно пробуя слова на вкус, повторил Альмарен. — Как красиво!

Витри приподнялся на локте. Память о погоне постепенно возвращалась к нему.

— А где полууттак? — с тревогой спросил он.

— Вон там. — Альмарен кивнул куда-то вбок. — Кстати, ты мне напомнил об одном деле, — он поднялся с колен и пошел к убитому Боваррану. Вытащив белый диск с груди посланца Каморры, он легким щелчком рассыпал амулет в крошки.

Витри тем временем сел и ощупал свой лоб, где вырастала огромная шишка. Он окончательно пришел в себя и вдруг вспомнил — Лила!

— Послушайте! — закричал он магу, вскакивая. — Идемте скорее к идолу! Может быть, она еще жива! Мы должны спасти ее!

Альмарен поспешно вернулся к Витри.

— Где она? — спросил он.

— Там, — Витри потащил Альмарена за собой. — Она у идола и не может выбраться. Мы ведь придумаем что-нибудь? Вместе, да?

— Конечно, придумаем, — успокаивал его Альмарен, а Витри все бежал вперед, будто бы не истратил последние силы, спасаясь от Боваррана. Вскоре он вывел мага на край котловины и застыл на месте.

На дне котловины дышало жаром лавовое озеро, доходящее идолу до колен. Дуав равнодушно возвышался над ним, сложив каменные руки на груди и озирая окрестности единственной пустой глазницей. Силы разом оставили Витри, он упал на землю лицом вниз и горько зарыдал, во второй раз оплакивая гибель близкого человека. Ему казалось невозможным, невероятным, что его спутницы больше нет, что из мира исчезли ее упорство и воля,

ее терпение и чуткость, ее удивительное умение вмещать в себя океанскую стихию и видеть Келаду с высоты полета сеханского кондора.

Альмарен, потрясенный взрывом отчаяния лоанского парнишки, опустился рядом с ним на колени.

— Ладно, не горюй, — попытался он найти слова утешения. — Время такое, что делать… Посланец Каморры мертв, а мы с тобой живы… в войне без жертв не бывает…

— Ты не знал ее… — прорыдал безутешный Витри. — Она была такая… такая… как этот проклятый камень, из-за которого… но она была живая, понимаешь, живая!

Альмарен замолчал, дожидаясь, пока парнишка успокоится. Наконец тот оторвал от земли опухшее лицо, затем сел, опустошенно глядя перед собой.

— Камень у меня, — сказал он Альмарену.

— Я знаю, — подтвердил маг. — Я чувствую его здесь, — он указал на грудь лоанцу.

— Она просила передать его в верные руки, — сказал Витри.

— Передай его мне, — предложил Альмарен. — Ты достаточно из-за него натерпелся.

Витри взглянул на молодого мага, на его руки — подвижные кисти, узкие, но сильные ладони, крепкие, длинные пальцы. Видимо, эти руки показались лоанцу верными, потому что он полез за пазуху, вынул сверкающий кристалл и вложил в ладонь Альмарену.

— Вот какой он, Оригрен, — залюбовался камнем маг. — Знаешь, я видел такой же, только синий. Лилигрен.

— Ее звали Лила, — сказал Витри.

— А тебя? — спросил Альмарен. — Ори?

— Витри.

— А меня — Альмарен. Вот и познакомились. Пора нам, Витри, в обратный путь.

Лоанец послушно кивнул и поднялся на ноги. Они пошли прочь от вулкана, туда, где за горизонтом оставалась Келада. Альмарен приноравливался к шагу обессиленного Витри, чувствуя внутри пустоту оттого, что никогда не увидит женщины с удивительным голосом, маленькой и хрупкой, но все-таки опередившей посланца Каморры на пути за Красным камнем. Витри с каждым шагом шел все медленнее, хотя и не жаловался. Достигнутая цель освободила всю его усталость, накопившуюся за долгие дни пути.

— Привал, парень, — сжалился над ним Альмарен. — Без отдыха ты далеко не уйдешь.

Они сели под деревом, глотнули воды из фляжки Альмарена,

вынули еду.

— У меня одни дорожные лепешки, — извиняющимся тоном сказал маг.

— У меня тоже.

— Ничего не поделаешь. Вернемся — отъедимся. — Альмарен протянул кусок лепешки Витри. — Эта с медом.

Витри взял кусок.

— Ты ведь из Лоана, да? — продолжил разговор Альмарен. — Ты всех своих односельчан знаешь?

— Да.

— Скажи, кто те двое, которые были в Цитионе по поручению колдуна?

— Это я.

— А другой?

Витри не ответил. Альмарен, увидев его лицо, не стал уточнять вопрос.

— Я знаю, в чем причина потери силы Синею алтаря, — сказал он.

Витри поднял голову. Альмарен рассказал ему все, что знал о роли камней Трех Братьев в управлении магией и о перемещениях Синего камня.

— Сила вернулась к вашему алтарю через три дня после того, как вы ушли из села, — заметил он в конце рассказа. — Жаль, что ты зря преодолел такой дальний путь.

Витри ответил не сразу. Он вспомнил долгую дорогу в Келангу, тюрьму и побег, нападение уттаков, опасный, изнурительный путь на Керн. Было о чем рассказать, но слова не шли наружу.

— Не зря, — только и сказал он, затем повторил, уже тверже. — Не зря.

Альмарен понял. Он коснулся рукой места на куртке, где в нагрудном кармане лежал Красный камень.

— Этот не причинит зла, пока он с нами. Да ты ешь, и не раскисай, — сказал он, заметив, что Витри сидит с нетронутым куском в руке. — Силы нам еще ой как понадобятся!

Витри, поймав ласковый взгляд мага, чуть улыбнулся в ответ и стал есть лепешку. Отдохнув немного, они поднялись и пошли дальше.

Альмарен и Витри пересекали обширную лесную поляну, бывшее пожарище, когда их остановил окрик:

— Эй!

Оба замерли, как вкопанные, и обернулись на голос, неожиданный на этом безлюдном острове. Сзади и справа от опушки отделилась человеческая фигурка и направилась к ним.

— Эй, Витри! — позвала она лоанца.

Витри узнал ее. Лила, которую он считал погибшей, пробиралась к нему через покрытую пнями и колючкой поляну. Он остолбенел от радости и облегчения, не догадавшись даже побежать навстречу. Альмарен с любопытством уставился на черную жрицу, с самого Оранжевого алтаря занимавшую его воображение. Она спешила к ним, легко перескакивая через пни и разводя руками дикий малинник, но за несколько шагов остановилась.

Такой и увидел ее впервые Альмарен — исхудавшую и обветренную, в драной крестьянской одежде, с хлопьями вулканического пепла на плечах и коротких, встрепанных волосах. Но на дне ее синих глаз тлел неукротимый огонек еще живой, еще готовой принять борьбу пантеры. Она замерла в нескольких шагах, рассматривая чужака, ее испытующий взгляд встретился со взглядом молодого мага, будто бы стараясь проникнуть в самую глубину его сознания, ухватить его суть и смысл. Внутри Альмарена что-то дрогнуло и оборвалось, проваливаясь в свободном падении навстречу ее глазам. Когда он справился со мгновенным головокружением, взгляд магини, успокоенной результатом исследования, уже был обыкновенным и приветливым. Она улыбнулась. Альмарену показалось, что когда-то он хорошо знал и это лицо, и эту улыбку, но забыл в бесконечно долгой разлуке.

— Я вижу, ты друг, — сказала она. — Камень здесь?

— Здесь, — он положил руку на левую половину груди.

— А посланец Каморры?

— Я убил его.

Она медленно кивнула, затем взглянула на лоб Витри, на красовавшуюся там огромную шишку.

— Откуда это у тебя?

— Упал, когда убегал, — Витри обрадованно рассматривал ее. — Я думал, что тебя больше нет. Всю котловину залило огнем.

— Смерти не везет со мной, — отшутилась магиня. — Знать бы, для чего. Глоток воды у вас найдется?

Альмарен подал ей свою фляжку. Она пила не отрываясь, мелкими глотками, чуть опустив ресницы, такие длинные и темные, затем вернула ему фляжку и поблагодарила кивком.

— Как же ты спаслась? — спросил Витри. — Неужели магия?

— Никакой магии, — ресницы Лилы взлетели вверх, как крылья бабочки, в глазах заискрился смех. — Обыкновенный подземный ход в задней части идола, которым, наверное, пользовались местные жрецы. А то досталась бы я Дуаву на жаркое… Впрочем, и под землей были свои неприятности,

поэтому я не сразу выбралась наверх. Ход кое-где обвалился от ветхости. Когда я вылезла, я сначала разыскивала тебя, Витри, а потом пошла к лодке. Туда пришел бы или ты, или посланец Каморры. Но остров оказался более людным, чем я думала. — Она кинула на Альмарена быстрый взгляд и спросила: — Ты как сюда попал?

— Долгая история, — ответил Альмарен. — Мой друг, магистр ордена Грифона, и я два месяца назад выехали из Тира в погоне за похитителями Синего камня…

— Он допустил, чтобы Синий камень украли?! — гневно воскликнула Лила.

— Наверное, сейчас Синий камень уже у него, — поспешил сказать Альмарен, почувствовав свой промах. — Не думай о Магистре плохо, это замечательный человек. Мы разделились у Бетлинка. Он остался, чтобы пойти в замок за Синим камнем, а я отправился сюда. Вальборн рассказал о вас и о посланце, поэтому я спешил.

— Ты успел очень вовремя, — вставил слово воспрявший духом Витри. — Полууттак почти догнал меня.

— Когда я выбежал на поляну, он был в нескольких шагах от тебя, — сказал ему Альмарен. — Я подумал, что он подстрелил тебя из лука. Мы схватились в бою, и я оказался удачливей.

— Да, удача пока с нами, — подтвердила Лила, таким образом признав молодого мага членом компании. — Не будем же ее разочаровывать и поспешим на берег.

Альмарен пропустил вперед Лилу и Витри, замкнув маленькую группу. Он убил врага и спас друга, поэтому чувствовал себя взрослым мужчиной, воином, защитником своих слабых и безоружных спутников. Меч у пояса, до встречи с посланцем Каморры бывший лишь помехой, цепляющейся за кусты, больше не раздражал его.

К вечеру лес расступился. Перед путниками открылся Кернский пролив, а за ним — берег Келады, круто обрывающийся в океан. Лодка нашлась на берегу невдалеке от кромки воды. Полууттак бросил ее на виду, в спешке или по небрежности не позаботившись спрятать. Это была узкая долбленка с двухлопастным веслом на дне. Витри, окинув ее взглядом знатока, выразил сомнение.

— Выдержит ли она всех нас?

Лила потрогала лодку ногой.

— Выдержит. Груза почти нет, да и мы с тобой — не тяжесть.

— Здесь сильное течение, — сказал Альмарен. — А лодку уже снесло к востоку. Когда мы поплывем обратно, ее снесет еще дальше.

— Там кто-то живет, иначе откуда бы взялась лодка? — сделала вывод магиня. — Я не уверена, что нас там хорошо встретят.

— Нужно перетащить лодку вдоль берега на запад, и только после этого переправляться.

— Верно, — одобрил Витри. — А я сделаю рулевое весло.

Втроем они спустили лодку в воду. Лила и Альмарен, разувшись и закатав штаны, потащили ее вдоль берега, а Витри с топором пошел в лес выбирать дерево для весла. Отбуксировав лодку на западный край берега, они подыскали место для ночлега.

Костер разложили в лесу, за прибрежными кустами, первый ночной костер с начала похода. Лила занялась ужином, Витри сел тесать весло, а Альмарен заготавливал дрова для костра.

— Как хорошо — ничего не опасаться, никуда не спешить… — приговаривала Лила, помешивая кашу с салом. Она расслабилась и оживилась, оставив все заботы позади. Витри глядел, как магиня пританцовывает у костра, с довольным видом слизывая капли каши с ложки, и не понимал, почему считал ее намного старше себя.

Лила, между тем, объявила, что ужин готов, и разложила кашу по мискам. Альмарен и Витри оставили дела и принялись за еду. После нескольких дней на одних дорожных лепешках горячая, разваристая каша с салом показалась им невероятно вкусной.

— Каким простым, оказывается, бывает счастье, — сказал Альмарен, вычищая миску. — Костер, и миска каши, и никаких посланцев. — Он устроился полулежа у огня, но не загляделся, как прежде, на язычки пламени. Внимание молодого мага устремилось к полузнакомым лицам его новых спутников.

Витри, поначалу показавшийся ему мальчиком, был, по-видимому, старше, чем выглядел. Невзирая на расшибленную голову, лоанец весь вечер трудился над веслом, умелыми, точными движениями обтесывая обрубок дерева. Альмарен вспомнил, что лоанцы более малорослы и моложавы, чем другие жители Келады.

— Витри! — позвал он. — Сколько тебе лет?

— Двадцать.

— Это у вас много или мало? — поинтересовался Альмарен.

Витри перестал тесать весло.

— У меня свой дом. Мы с отцом построили его весной.

— Ты собираешься жениться? — догадался маг.

— Я? — Витри задумался. За время путешествия на Керн он впервые вспомнил, что оставил родное село из-за Лайи, которая

была его невестой. Он сроднился с дорогой, с ее тягостями и опасностями, с мельканием новых мест и новых людей, в него вселилось убеждение, что он отправился в путь, чтобы посмотреть большой мир и пожить его жизнью. — Я собирался жениться. Но вот — ушел.

— Ничего, она дождется, — подбодрил его Альмарен. — Вернешься в село великим героем, — шутливо добавил он.

— А он и есть герой, — отозвалась через костер Лила. — Представь себе, Альмарен, он отрезал язык василиску!

— Как?! — подскочил на месте маг. — Расскажите!

Оба его спутника наконец разговорились. Примечательным было то, что каждый наперебой говорил о заслугах и достоинствах другого. Альмарен восхищенно слушал, стыдясь чувства превосходства, сложившегося было у него по отношению к ним. И тихий, серьезный Витри, и маленькая магиня оказались вовсе не беспомощными, как он думал поначалу.

— Давай, Витри, уберем твою шишку, — предложила Лила, когда разговор иссяк. — Укладывайся поудобнее.

Витри откинулся на мешок, магиня присела рядом, разминая и встряхивая руки. Альмарен вскочил и подсел к ней — его всегда интересовало, как работают черные жрецы храма Саламандры.

— Покажи, как ты это делаешь! — потребовал он.

Лила улыбнулась нетерпеливому любопытству Альмарена. Он невольно засмотрелся на эту улыбку, берущую начало в глубине глаз магини — и каких глаз! — и постепенно освещавшую все ее лицо, вызвавшую у него уже знакомое чувство падения с высоты.

— Смотри сюда, — сказала она, протянув пальцы над лбом Витри. — Перстень Саламандры, если он есть, добавляет магическую силу, — она шевельнула средним пальцем с надетым на него перстнем. — С каждого пальца ты можешь послать один луч. Внимания должно хватать на все десять.

Пока Альмарен все знал, но энергично кивнул, изображая предельное внимание.

— Для каждой болезни есть свой набор и своя интенсивность лучей, — продолжала Лила. — Мы, черные жрецы, разучиваем основные сочетания.

— Но ведь был первый, кто нашел эти сочетания! — горячо сказал Альмарен.

Магиня шевельнула ресницами в знак согласия.

— Хороший целитель отличается от посредственного тем, что всегда чувствует ответ на свое воздействие. Этот ответ подсказывает, что и как делать дальше. Настоящий целитель должен быть чутким. Так говорил Шантор.

— А ты?! Цивинга говорил, что, как ты, у вас не лечит никто.

Как ты вылечила Вальборна?

— В легких случаях, как этот… — магиня указала на лоб Витри, — мы все лечим одинаково. Когда случай тяжелый, как с Вальборном, у нас у каждого свой подход. Я, например, использую лучи с пальцев для того, чтобы найти контакт с болезнью, увидеть ее изнутри. Когда я мысленно сливаюсь с болезнью, то напрягаю все силы, чтобы бороться с ней.

— Как с собственной?

— Примерно так. Нашему алтарю подчиняются две силы — жизни и огня. Я могу разделять их и использовать в разных сочетаниях. Это нельзя заучить, это нужно чувствовать.

— Ты в первую очередь используешь силу жизни? — уточнил Альмарен.

— Нет. Силу огня.

— Странно, — удивился маг. — Я считал, что в исцелении главное — сила жизни.

— Шантор говорил мне, что способности к магии — врожденные, но умение использовать их зависит от умения желать, Сила, направляемая в желание — это сила огня. — Лила пристально взглянула на Альмарена. — Кто твой учитель?

— Суарен. Я — маг Феникса.

— Разве он не говорил тебе этого?

— Нет.

— Зеленому алтарю не подчиняется сила огня. Наверное, поэтому Суарен не придает ей такого значения, как Шантор, — магиня загляделась куда-то вдаль особым, отрешенным взглядом, напомнившим Альмарену слова Витри о вечности. — Я много думала о силах, которыми владею. Жизнь и огонь. Огонь и жизнь. Огонь жизни.

— Главное для жизни — вода, — Альмарен вспомнил слова своего учителя. — Без воды нет жизни.

— Я думала и о том, почему лечат на Оранжевом алтаре, а не на Зеленом, хотя им обоим подчиняется сила жизни, — ответила ему Лила. — Да, ты прав — сила воды дает жизнь, но только сила огня может вернуть жизнь другому.

— Так говорил Шантор?

— Так говорю я! — с жаром произнесла она. — Я знаю эту силу! Она нужна не больному, а мне, чтобы преодолеть его болезнь. Смотри!

Она устремила вспыхнувший синим огнем взгляд на свои руки, тотчас же отозвавшиеся оранжевой вспышкой. Альмарен завороженно смотрел на ее пальцы, чуть шевелящиеся, будто вдохновенно играющие на невидимом инструменте. Ушиб Витри уменьшался, таял под их излучением.

— Дай! Дай, я попробую! — Альмарен протянул руки и, столкнувшись с руками магини, засмеялся коротким, звенящим смехом.

— Какой ты быстрый! Попробуй. — Лила посторонилась и поправила его руки в нужную позицию.

— А перстень? — попросил он.

Альмарен надел перстень Саламандры на мизинец, чуть помедлил, привыкая к новому амулету, затем продолжил лечение, начатое Лилой. Несколько простых приемов он помнил еще с прошлого посещения Оранжевого алтаря. Шишка на лбу Витри исчезала, хотя и не так быстро, как под руками магини.

— Неплохо для новичка, — одобрила Лила и осторожно отодвинулась от задремавшего лоанца.

Она свернулась клубочком у костра и закрыла глаза. Альмарен улегся на спину, устремив взгляд в ночное небо. В его сознании плыли то по-уттакски торчащие вперед ноздри на свирепо искаженной физиономии посланца Каморры, то белое лицо лежащего на поляне Витри, то мелькающие в воде тонкие щиколотки магини, придерживающей нос буксируемой долбленки. Видения менялись, перемешивались и растворялись в новом чувстве, заполнившем Альмарена — беспричинной, окрыляющей радости.

XXIX

Войско Норрена уже стояло у Босхана. С Большого Тионского тракта был виден военный лагерь, разместившийся на противоположном берегу — ряды серых походных палаток, сшитых из грубой льняной ткани, кострища, воины в форме с бело-голубыми нашивками, табун, пасущийся на прибрежном лугу. У просторного шатра с гербом Цитиона, принадлежащего правителю, на тонком флагштоке реял флаг с тем же гербом.

Чуть поодаль, под самым городом, виднелось еще одно скопление палаток, над которым развевался сине-желтый флаг Босхана — там стояли войска Дессы. Ромбар поискал взглядом герб Кертенка — желтый ключ на фоне красных крепостных ворот — но войско Донкара, должно быть, еще не подошло к городу. Проехав по Тионскому мосту, Ромбар со Скампадой свернули вдоль берега реки к лагерю Норрена. У лагеря их остановил сторожевой отряд из пяти человек. Начальник отряда сделал знак своим воинам, они обнажили мечи и окружили приезжих.

— Вы задержаны, — сказал он, стараясь выглядеть значительнее, чем был на самом деле. — Следуйте с нами.

— Спокойно, Вайк, — Ромбар удержал оскалившегося клыкана. — Почему нас встречают, как врагов, даже не спросив, кто мы такие? — поинтересовался он. — Я — магистр ордена Грифона, а этот человек — со мной.

— Мне все равно, кто вы. Я обязан задерживать всех чужих, околачивающихся у лагеря.

— В Цитионе я помогал Норрену в формировании войск и разработке плана обороны, а затем уехал по своим делам, — терпеливо сказал Ромбар. — Мы договорились, что я вернусь к нему, когда его войска подойдут к Босхану, и вот — я здесь. Норрен ждет меня, я должен немедленно встретиться с ним. У моего спутника есть сообщение, которое заинтересует правителя.

— Кто вы такой, объясняйте там, куда мы вас отведем. Я не вправе решать, что с вами делать, — ответил начальник отряда. — А пока следуйте за мной.

Ромбар нехотя подчинился. Скампада с невозмутимым видом поехал за ним. Их повели по лагерю, но не к шатру Норрена, как ожидал Ромбар. Войдя в одну из палаток, начальник сторожевого отряда появился оттуда вместе с коренастым, приземистым человеком лет сорока, в котором Ромбар узнал Шегрена, одного из военачальников Норрена. Тот тоже узнал приезжего, его хмурое лицо прояснилось.

— А, это вы, Магистр… я помню вас по Цитиону, — он

перевел взгляд на охрану. — Спасибо, вы свободны.

Начальник отряда увел своих людей. Ромбар обратился к Шегрену.

— Раз этому недоразумению пришел конец, могу я немедленно повидаться с правителем?

— Это невозможно, — мрачное выражение вернулось на широкое лицо Шегрена. — Правитель тяжело ранен.

— Как?! — вздрогнул Ромбар. — Когда это случилось?!

— Вчера, когда правитель осматривал укрепления. Он ехал вдоль северной линии, там везде жуткий кустарник. Оттуда в него и выстрелили из лука. Врагов ловили, но не поймали.

— Рана опасная?

— В грудь, на ширину ладони выше левого соска. Вечером начался сильный жар, — военачальник неодобрительно покачал головой. — Личный лекарь правителя, маг Саламандры, всю ночь не отходил от него. Я недавно был там — Норрен в бреду и никого не узнает.

— А что говорит лекарь?

— Надеется на лучшее. Но мне показалось, что он сам себе не верит.

— Это удар не только по нам, знавшим Норрена… — сказал потрясенный Ромбар. — Весь план обороны лишился своего стратега. Враг точно рассчитал, куда бить…

— Норрен ждал вас со дня на день. Он говорил, что намерен поручить вам конников.

— Да. У нас была договоренность.

— Хорошо. У конников пока нет полководца. Завтра я представлю вас отряду. У вас есть своя палатка?

— Нет.

— Идемте в обоз, вы ее получите. — Шегрен кинул взгляд на Скампаду. — Ваш друг поселится с вами?

— Кто?! Ах, да… — Ромбар повернулся к сыну первого министра. — Я полагаю, Скампада, у тебя нет возражений.

— Для меня большая честь делить с вами жилье, ваша светлость, — светски учтиво ответил Скампада. Шегрен удивленно взглянул на обоих. Обращение Скампады ясно указывало на высокое происхождение магистра ордена Грифона.

— Замечательно, — холодно сказал Ромбар, оглядывая Скампаду. — И впредь, пока мы здесь, носи воинскую форму.

— У меня нет воинской формы, ваша светлость, — в голосе Скампады прозвучало вежливое сожаление.

— Вас не обременит обеспечить его формой? — спросил Ромбар у военачальника. — Я не хочу, чтобы его вид давал пищу для сплетен и шуточек.

— Обеспечим.

Шегрен повел их в обоз, распорядился выдать палатку и одежду, затем указал место для палатки.

— Располагайтесь, Магистр, — сказал он, уходя. — Вы запомнили, где я живу? Приходите ко мне ужинать.

Обозная палатка оказалась просторной, рассчитанной на четверых воинов. Ромбар мысленно уже смирился с тем, что ему придется ставить ее без участия Скампады, но тот, вопреки ожиданиям, оказался неплохим помощником. Оставив бережно свернутый плащ на дорожном мешке, Скампада ловко и аккуратно оттягивал и выравнивал льняную ткань, пока Ромбар загонял колышки в землю. Вскоре палатка уже была поставлена, ровная, как игрушечка, чем-то схожая со стоявшим рядом Скампадой, на котором не растрепался ни один волосок.

Сын первого министра дождался, пока Ромбар первым внесет и разместит багаж, затем потащил внутрь свои мешки. Когда он закончил разбирать и раскладывать их содержимое, заглянувшему внутрь Ромбару представился порядок, какой встретишь не у каждой женщины. Широкая не по размеру воинская форма, в которую переоделся Скампада, мало что оставила от его щегольской подтянутости, чем вызвала одобрительное хмыканье Ромбара.

Собравшись к Шегрену, Ромбар нехотя позвал и Скампаду. Он предпочел бы, чтобы тот не слышал разговоров за ужином, но оставлять голодным своего спутника было неловко.

— Скампада! — предупредил он. Я не хочу говорить Шегрену, что при тебе лучше не обсуждать военные дела. Но ты поклянись мне…

— Ваша светлость! — перебил его Скампада. — Мои интересы — на вашей стороне, а это сильнее любой клятвы. Я кровно заинтересован в поражении Каморры с его дикарской шайкой. Моя осведомленность будет только на пользу делу.

Шегрен, желая поскорее ввести нового полководца в дела, рассказал за ужином о численности, вооружении и размещении войск, о событиях прошедшего месяца, о дальнейших планах и ожиданиях. Ромбар то и дело поглядывал на Скампаду. Тот с безразличным видом кушал поставленное перед ним угощение, но Ромбар не сомневался, что хитрец слышит и запоминает каждое произнесенное слово. Возвращаясь в палатку, он напомнил:

— Держать язык за зубами — в твоих интересах, Скампада.

— Не менее, чем в ваших, — согласился тот.

Рано утром их разбудил голос, раздавшийся у входа в палатку:

— Здесь живет магистр ордена Грифона?

— Да, — откликнулся Ромбар.

— Правитель ждет вас.

Ромбар поспешно оделся. Увидев, что Скампада надевает форму, он спросил:

— А ты куда собрался?

— С вами. Разве я не для этого сюда приехал?

— Тебя там сейчас не хватало… а впрочем, ладно, — согласился Ромбар, подумав, что Скампаду лучше не оставлять без присмотра. — Идем.

Слуга правителя проводил их до шатра и впустил внутрь. Норрен лежал на широкой и низкой кровати посреди шатра. Рядом стоял стол, заставленный склянками с отварами и питьем, заваленный полосами белого полотна, служившего перевязочным материалом. Круглый толстяк средних лет — придворный лекарь, — склонившись над столом, размешивал содержимое склянки. Клыкан, в течение долгого пути неотступно следовавший за Ромбаром, кинулся к Норрену и лизнул его руку, неподвижно лежавшую поверх одеяла, а затем улегся на своем обычном месте у изголовья кровати правителя.

Ромбар остановился у кровати, с состраданием глядя на осунувшееся, воспаленное лицо Норрена.

— Присаживайся, брат, — чуть слышно сказал тот. — Я рад, что ты здесь.

Ромбар присел на край кровати.

— Как твои дела? — спросил его Норрен.

— Так себе, — ответил Ромбар, вспомнив неудачное посещение Бетлинка.

— Мои тоже, — слабо усмехнулся Норрен. — Я говорил тебе, что магия — не твое призвание. Ты готов принять командование войском?

— Да. Шегрен обещал сегодня представить меня конникам.

— Не только это. Пока я нездоров, ты заменишь меня в армии. Шегрен подготовит и зачитает мой указ. — Норрен помолчал, собираясь с силами. — В указе будет объявлено, что ты — мой двоюродный брат. Это необходимо, чтобы не возникало разговоров, почему ты, а не другой. Сейчас, как никогда, в армии нужна дисциплина и единое руководство… и не спорь со мной… — добавил он, заметив выражение лица Ромбара. — У меня слишком мало сил, чтобы тебя уговаривать.

Норрен устало закрыл глаза. В шатре установилось молчание. Вскоре вошел Шегрен со свитком бумаги в руках.

— Ваше величество, — позвал он, подойдя к кровати. Указ, как вы просили, готов. Чье имя я должен вписать?

— Пиши… — приоткрыл глаза Норрен. — Ромбар, сын Паландара, двоюродный брат правителя Цитиона… это он, правитель указал взглядом на Ромбара. А сейчас оставьте меня. Объявляйте указ и действуйте.

Выходя, Ромбар окликнул Вайка. Тот вежливо шевельнул гладким, как палка, хвостом, но не двинулся с места. Пес вернулся к прежнему хозяину.

— А где же псы правителя? — спросил Ромбар у Шегрена, только сейчас заметив, что рядом с Норреном нет обычной темно-серой пары клыканов.

Их увели в собачье войско, когда он был без сознания. Эти псы обучены так, что никого не слушаются, кроме правителя и псаря-воспитателя, поэтому они не подпускали лекаря к раненому.

Ромбар и Шегрен вышли из шатра. Забытый всеми Скампада выбрался следом.

— Что говорит лекарь? — немедленно спросил Ромбар.

— Сейчас я позову его, — Шегрен вернулся в шатер и вызвал лекаря.

— Как здоровье правителя? — спросил у него Ромбар. — Говорите все, как есть.

Толстяк нервно потер круглую и розовую лысину — продолжение круглого и розового лица.

— Со вчерашнего вечера у меня появилась надежда, — его тонкий голос чуть вздрагивал. — На стреле был трупный яд, как это водится у уттаков, началось общее воспаление. Правитель крепок здоровьем, но еще два-три дня я не могу быть уверен в благополучном исходе.

— Разве стрела была уттакская? — высунулся с вопросом Скампада.

— Откуда мне знать? — недоуменно сказал лекарь. — Мне было не до стрелы, уважаемый.

— Скампада, замолчи, — приказал Ромбар и вновь заговорил с лекарем. — Когда правитель сможет вновь приступить к своим обязанностям?

— Недели через три, не раньше… при благополучном исходе.

— Надеюсь, вы делаете все, чтобы вылечить его.

Толстяк торопливо закивал в ответ.

— Дважды в день докладывайте мне о здоровье правителя. Если что — зовите немедленно. Идите.

Ромбар ушел с Шегреном. Оставшись один, Скампада огляделся. Шатер правителя стоял в центре лагеря, здесь же были палатки для слуг. Около наспех сооруженной печки хлопотали повара, поблизости расхаживало не менее десятка стражников.

Скампада понаблюдал за слугами, затем пошел в направлении, куда от кухни вела свежепротоптанная тропинка. Тропинка выводила на край лагеря и заканчивалась мусорной ямой.

Он с брезгливой гримасой поковырялся прутом в мусоре и вскоре увидел то, ради чего занимался делом, унизительным для достоинства сына первого министра. Под кухонными отходами лежали окровавленные тряпки, а в них — стрела, вынутая лекарем из раны правителя. Скампада рассмотрел ее до мельчайших подробностей. И бронзовый, остро заточенный наконечник с зазубринами вдоль боковых граней, и способ крепления оперения, и шишечка для захвата пальцами — все указывало на то, что стрелу изготовили в одной из оружейных мастерских Келанги.

Вернувшись к шатру, он покрутился среди слуг и стражников, слово за слово напросился на завтрак, а заодно разузнал подробности покушения. По лагерю читали указ. Имя Ромбара, сына Паландара, двоюродного брата Норрена, переходило с языка на язык, воодушевляя войска, встревоженные ранением правителя. Чуткое ухо Скампады уловило перемену в общем настроении — голоса воинов зазвучали бодрее, нервная заботливость слуг сменилась привычным, чуть небрежным отношением к делам, естественным, когда все хорошо.

После завтрака Скампада отправился взглянуть на место покушения. Форма пехотинцев Цитиона, примелькавшаяся в лагере, позволяла ему ходить где угодно, не привлекая ничьего внимания. Он прошел вдоль северных укреплений и внимательно осмотрел окрестности, пытаясь угадать действия злоумышленников. Заросли кустарника, откуда вылетела стрела, были окружены открытым пространством, по которому и собаке не убежать незамеченной.

Скампада возвращался в задумчивости. При тщательном поиске враги, несомненно, были бы найдены. Он задавал себе вопрос, один-единственный — как бы действовал он сам, чтобы незаметно засесть в кустарнике и так же незаметно выбраться оттуда. Необходимая догадка внезапно всплыла у него в голове: «Ну конечно же! Форма войск Цитиона!» В нем росло убеждение, что догадка верна. Заходящий в кусты воин ни у кого не вызовет подозрений, а после выстрела при достаточной ловкости можно смешаться с бросившимися на поиски стражниками. Но это означало, что враги здесь, в лагере.

Мысли Скампады вспугнутыми стрижами запорхали вокруг зловещего вывода. Он в считанные мгновения сделал важное умозаключение — нового покушения не будет, пока не известно, выздоровеет ли правитель. Значит, ближайшие два-три дня враги

будут выжидать. Второе умозаключение появилось почти одновременно с первым — они, конечно, прячутся среди лучников. Скампада вспомнил вчерашние слова Шегрена о том, что в армии есть три отряда лучников по сто человек, размещенные в северной части лагеря. Он замедлил шаг, затем неторопливо побрел по лагерю, изучая попадавшихся на глаза воинов.

Пешие воины были преимущественно из ополченцев.

Скампада безошибочно распознавал неуклюжую походку бывших крестьян, разбитные манеры сыновей городских лавочников и ремесленников. По потникам и седлам, разложенным у следующей группы палаток, он понял, что оказался в отряде конников. Конь, меч, шлем и кольчуга, обязательные для конника, были далеко не каждому по карману, поэтому отряд формировался из людей высшего и среднего сословия.

За палатками конников размещались лучники. Как сказал Шегрен, лишь полсотни лучников прежде входило в постоянную армию правителя. Остальных набирали в течение последних трех месяцев из жителей Цитиона, умеющих стрелять из лука. Наметанный глаз Скампады различал гордую выправку лучников правителя, веселые, обветренные физиономии бывших охотников, юные лица недавних мальчишек, зачисленных в лучники за верный глаз и твердую руку. Сын первого министра со скучающим видом прогуливался от палатки к палатке, присматриваясь к обитателям. Вдруг мимо прошли двое, чьи спины напомнили Скампаде Келангу, торговый дом и окно, в которое он провожал взглядом людей Госсара. Здесь была та же неопределенность происхождения, те же крепкие затылки, те же мощные ляжки, самоуверенно попирающие землю, те же виляющие нагловатые зады.

Скампада прикрыл зоркую настороженность сонным, вялым выражением лица и как бы невзначай последовал за ними. Запомнив палатку, где скрылись подозрительные личности, он оглядел окрестности и нашел удобную для наблюдения позицию. Поблизости, около палаток пеших войск, рос крохотный островок кустарника, прекрасное местечко для собравшегося подремать бездельника-воина. Скампада улегся в тень под кусты и прикинулся спящим, следя за палаткой из-под шляпы, надвинутой на лицо.

После объявления указа Ромбар объехал окрестности лагеря, чтобы ознакомиться с расположением отрядов и посмотреть, как продвигается строительство укреплений. Предполагалось, что уттаки переправятся через Тион выше Босхана и подойдут с

севера по восточному берегу реки, поэтому по северному краю лагеря копался ров и возводились укрытия для лучников. Убедившись, что через несколько дней копка рва будет закончена, Ромбар отправил к Дессе гонца с письмом, в котором предлагал договориться о встрече для обсуждения военных планов. Остаток дня он потратил на изучение докладов полководцев.

Он освободился лишь к вечеру, заглянул в шатер Норрена узнать о его здоровье, затем приказал подать ужин. Подчиняясь ритму переполненного событиями дня, Ромбар торопливо проглотил еду, хотя спешить было незачем, и пошел к Шегрену, чтобы обсудить планы на завтрашний день. Звук копыт приближающегося отряда заставил его остановиться и прислушаться.

По лагерю ехал отряд из десятка конников, сопровождаемый встретившей его охраной. На форме приезжих выделялись сине-желтые цвета Босхана, впереди ехали двое в серебристо-блестящих шлемах и кольчугах. Догадавшись, что это посланники от Дессы, Ромбар вернулся к шатру правителя, куда направлялся отряд. Всадники в кольчугах спешились, один из них снял шлем и откинул назад волну густых ярко-рыжих волос, рассыпавшихся по плечам. Десса, правительница Босхана, самолично явилась на переговоры.

Ромбар почтительно приветствовал Дессу и ее спутника, в котором узнал Нувелана, первого министра правительницы.

— Рада вас видеть, Магистр! — с сияющей улыбкой сказала Десса. — Как здоровье правителя?

— Я только что был у него. К сожалению, улучшения пока нет.

На подвижном лице Дессы отразилось сочувствие.

— Мне сообщили, что рана тяжелая. Есть надежда, что все обойдется?

— Надежда есть, но уверенности пока нет, — ответил Ромбар. — Он еще не скоро встанет с постели.

— Я получила письмо от его наместника.

— Там было предложение договориться о встрече.

— Вы это знаете? — оживилась Десса. — Я решила сразу приехать. Договариваться через гонцов — это так долго! Нувелан заставил меня надеть вот это, — она указала на шлем и кольчугу, — хотя здесь так близко, что от моего шатра виден флаг над вашим лагерем.

— Он прав, ваше величество. Враги могут не остановиться на том, что уже сделали.

Десса передала шлем одному из сопровождающих и вновь обратилась к Ромбару.

— Я приехала для встречи с наместником. Где он?

— Перед вами. Я — Ромбар, сын Паландара.

— О! — взгляд Дессы с живым любопытством устремился на Ромбара. — Как это приятно, ваша светлость!

Ромбар проводил Дессу и Нувелана под навес, где стояли стол и кресла, купленные для правителя в Босхане.

Усадив гостей, он начал разговор с события, произошедшего при нем в босханском дворце.

— Как дела с вашим бывшим казначеем? — поинтересовался он у Дессы. — Вам удалось что-нибудь у него выяснить?

— Кавента признался во всем — и в этой краже, и в предыдущей, — ответила она. — Деньги возвращены и пущены на содержание войск. О его поступке объявлено в городе. Сам он — в темнице.

— Измена правителю — преступление, заслуживающее казни.

— Я не казню его. До нашей победы он посидит в темнице, а потом я его помилую и выпущу на свободу. — Десса досадливо повела головой. — Конечно, ни ему, ни его детям не будет места у меня на службе.

— Вы добры, ваше величество, — заметил Ромбар.

— Дело не в моей доброте. Кавента стар и не так умен, чтобы я боялась его. Удобнее оставить его живым, потому что у него влиятельная родня в городе. Я не хочу наживать себе лишних врагов.

— Он рассказал, кто уговорил его примкнуть к Каморре?

— Какой-то Шиманга, маг. Я объявила его розыск, но безуспешно.

— Не ищите его, он мертв. Значит, у вас было достаточно средств на армию?

— Да, — кивнула Десса. — Куплено всего с запасом — и обмундирования, и оружия. В южную часть острова посланы обозы за провизией. Войска и жители строят вторую линию укреплений — на подступах к Босхану. На днях я получила письмо от Берсерена. Он требует, чтобы мои войска выступили к Келанге.

— Норрен знал об этом письме?

— Да, и посоветовал остаться здесь. Он не такой человек, чтобы не прислушиваться к его советам. Вы ведь вернулись из Келанги, Магистр? Что там нового? И что известно о численности врага?

— Берсерен готовится к обороне, но его силы недостаточны, — ответил Ромбар, вспомнив виденное проездом в Келанге. — Сюда придет армия уттаков, втрое или вчетверо превышающая нашу. Это зависит от потерь, которые Каморра

понесет в Келанге.

— Скоро здесь будет войско Донкара, — напомнила Десса. — Вчера из Кертенка приехал гонец с известием, что оно выступило.

— Я знаю, — подтвердил Ромбар. — Сюда было доставлено такое же письмо. Я учел и войско Донкара, когда говорил о соотношении сил.

Он достал карту окрестностей города и разложил на столе.

— Я думаю, что нужно построить добавочные укрепления вот здесь, у моста, на случай, если часть уттаков придет по западному берегу… — он указал точку на карте, — …и в местах, удобных для переправы. Вы можете сказать, где здесь такие места?

— Нувелан! — позвала Десса.

Все трое склонились над картой, обсуждая планировку береговых укреплений.

— Значит, договорились, — сказала наконец Десса. — Вы строите укрепления здесь, я посылаю людей сюда. А здесь встанут войска Донкара. Нувелан, когда вернемся, сделаете отметки на нашей карте. Мы обсудили все, Маги… ваша светлость?

— Да.

— Тогда — до встречи! Извещайте меня, как пойдут дела.

Десса и Нувелан, сопровождаемые Ромбаром, пошли к своему отряду. Вдруг правительница свернула навстречу проходившему поблизости человеку, одетому в форму пеших войск.

— Скампада! — радостно воскликнула она. — Это ты?!

Это был действительно Скампада, намеревавшийся навестить кухню правителя. Сын первого министра сделал движение, выдавшее стремление спрятаться, но поняв, что встречи не избежать, остановился. Десса стремительным шагом подлетела к нему.

— Ты здесь?!

— Счастлив приветствовать вас, ваше величество, — вежливо произнес Скампада., пытаясь принять светскую осанку в своей широкой не по размеру воинской форме.

— Как я рада тебя видеть! Как ты здесь оказался?

— Я не мог оставаться в стороне от военных событий, и поэтому принял предложение его светлости приехать сюда.

— Я никогда не сомневалась, что ты поступишь так, Скампада! — воскликнула просиявшая Десса. — Он передал тебе мои слова?

— Наилучшим образом, — мягко сказал Скампада. — Я был тронут тем, что вы помните меня, ваше величество.

— Конечно, помню! Я не забываю друзей. За пять лет ты не нашел дня, чтобы заехать в гости… — с укоризной сказала Десса.

— Ваш уважаемый супруг не одобрял моего присутствия

здесь, — напомнил Скампада.

— Прошло пять лет, как его загрыз грифон! Разве ты не слышал?

— Слышал, — нехотя подтвердил Скампада. — Вынужден напомнить вам, ваше величество, что приближенные правителя обычно разделяют его одобрение и неодобрение.

— Чепуха! — энергично воскликнула Десса и добавила, уже тише: — Теперь я — правительница. Я вправе принимать у себя прежних друзей. Я буду рада видеть тебя в своем лагере, Скампада.

Скампада стрельнул взглядом поверх Дессы, на нахмурившееся лицо Ромбара.

— Сейчас время военное… — сказал он извиняющимся тоном,— Я не могу располагать собой, как мне хочется. Дела требуют, чтобы я безотлучно находился при его светлости.

— Понимаю… — сочувственно кивнула Десса, по-видимому, не сомневавшаяся, что его светлость и шага не ступит без совета Скампады.

— Ваше величество! — позвал подошедший сзади Нувелан. — Скоро совсем стемнеет, возвращаться будет опасно. Нам пора ехать.

— Да-да, едем, — отозвалась Десса, не сводя глаз со Скампады. — Мы ведь еще увидимся, Скампада?

— Если позволят дела, ваше величество, — подтвердил тот.

Десса пошла с Нувеланом к отряду. Провожавший их Ромбар услышал, как министр вполголоса выговаривает своей правительнице.

— Опять этот хлыщ, из-за которого вы чуть не вошли в немилость к супругу, ваше величество… Вам не следует оказывать ему такое внимание…

— Нувелан, замолчи! — отрезала она.

Поздно вечером, когда Ромбар вернулся от Шегрена, Скампада уже был в палатке.

— Скампада! — позвал его Ромбар.

— Ваша светлость?! — откликнулся тот.

— Мне, да и Нувелану, показалось, что правительница Босхана в разговоре с тобой вела себя неосторожно. Поэтому я хочу напомнить тебе, что уважение к правителю — основа боевого духа войск. Продолжать?

— Забавно, что это вы учите меня беречь доброе имя женщины, — в раздраженном голосе Скампады слышался прямой намек на прошлое. — Я высоко чту и уважаю ее величество, поэтому никогда не допущу ничего, что повредило бы ей. Вы думаете, за пять лет я не мог бы выбрать время для поездки в

Босхан?

Несмотря на обидный тон собеседника, Ромбар почувствовал себя не оскорбленным, а пристыженным.

— Ладно, — пробормотал он после некоторой заминки. — Извини, Скампада…

Скампада не ответил. Он не ожидал за сыном Паландара способности извиняться, и теперь молча переваривал это открытие.

— Да, она неосторожна, — внезапно сказал он. — Она умница, но нередко бывает так горяча и непосредственна… очаровательно непосредственна… Она забывает, что у нее есть сын — вылитый отец, который через четыре года будет правителем Босхана. Если я хочу ей добра, я должен быть вдвойне осторожен. К тому же, ваша светлость, я бездетен, но это не значит, что я не способен любить своих детей. Я не хочу им такой же судьбы, как моя.

— Ладно, чего там… — вновь пробормотал Ромбар. — Мир, Скампада?

— Я не ссорился с вами, ваша светлость. Я буду признателен вам, если вы поможете мне быть занятым, когда она вновь надумает пригласить меня в гости.

— Разумеется.

Засыпая, Ромбар подумал, что в этом хитреце, пожалуй, есть кое-что, заслуживающее уважения. Он был далек от того, чтобы полностью доверять Скампаде, но в последующие дни, погрузившись в военные дела, отказался от прежнего намерения установить надзор за ненадежным соседом по палатке.

Скампада также не бездельничал. Он выслеживал людей, показавшихся ему подозрительными. Эти двое держались особняком, не вступая в приятельские отношения с другими воинами отряда, и, судя по одежде и манере говорить, были из Келанги. Пристроившись поболтать к лучникам во время обязательной в отряде тренировочной стрельбы, Скампада выбрал момент и рассмотрел стрелы, которыми пользовались подозреваемые. Стрелы были точно такими же, как та, которую он отыскал в мусорной яме. Подозрения Скампады крепли. Он пытался догадаться, когда и что эти люди намереваются предпринять, но их поведение не давало ему ни малейшего намека.

Спустя три дня в лагере объявили, что жизнь правителя вне опасности. После полудня, когда Скампада лежал на своем наблюдательном пункте, у палаток лучников появился человек в форме пехотинца. За прошедшие дни Скампада запомнил наперечет всех посторонних, захаживавших к лучникам, но этого

человека он видел впервые. Приподнявшись и сдвинув лежащую на лице шляпу, он вгляделся и узнал пришедшего. Это был Кеменер.

Сердце Скампады бешено застучало. Он имел представление о наблюдательности своего прежнего попутчика, поэтому поспешно лег в траву и опустил шляпу на лицо, изображая спящего. В оставленную щелочку он увидел, как Кеменер остановился у знакомой палатки. Видимо, у входа состоялся какой-то разговор, потому что дверь приоткрылась и Кеменер залез внутрь. Скампада моментально вскочил и подобрался к палатке. Когда он оказался у ее задней стенки и прислушался, разговор был уже в разгаре.

— Вы не заработали награду, парни, — послышался неторопливый, глуховатый голос Кеменера. — Хозяин будет недоволен такими горе-лучниками.

— Прицел был точный, — возразил другой голос. — Кто ж знал, что он вдруг наклонится?

— Дело нужно закончить, — в голосе Кеменера слышалась нелюбовь к небрежной работе.

— Жизнь дороже денег, — с раздраженным упрямством отозвался голос. — Там сейчас каждый второй — охрана.

— Хозяин бывает и очень строгим, — напомнил Кеменер.

— Там верная смерть. — упорствовал голос. — Сделай сам, раз такой умный.

В палатке установилась тишина. Скампада напряженно вслушивался, но изнутри не доносилось ни звука, ни шороха.

— Ладно, оставим это, — неожиданно сказал Кеменер. — Он, я думаю, не встанет раньше, чем нужно. Есть еще один. Он резво взялся за дела и потому мешает.

— Кто это? — спросил голос.

— Ты болван, что ли? — вмешался третий. — Ясно кто.

— Вот и хорошо, раз ясно, — тихо, невыразительно сказал Кеменер. — Уберите его и на том сочтемся.

— Сделаем, — чуть помешкав, согласился третий голос. — Днем вокруг него люди, но спит-то он без охраны.

Чутье шепнуло Скампаде, что пора уходить, и он поспешил прочь от палатки. Меньше всего ему сейчас хотелось бы попасться на глаза Кеменеру. Он отыскал Ромбара, чтобы при возможности перекинуться с ним парой слов, но тот упорно не замечал навязчивого присутствия Скампады. Только ночью, в палатке, они оказались с глазу на глаз.

— Ваша светлость? — обратился Скампада к укладывавшемуся спать Ромбару.

— Что?

— Рана его величества — это повод не только для скорби, но и для размышления. Размышление указывает, что враг где-то поблизости. Такому человеку, как вы, небезопасно ночевать без охраны.

— Ты боишься спать без охраны, Скампада? — в голосе Ромбара прозвучала усмешка. — Не ты ли мне говорил, что ты не трус?

— Я не трус, — невозмутимо сказал Скампада. — Но я осторожен. Ваша жизнь сейчас нужна друзьям и союзникам. Именно поэтому она может понадобиться и врагам.

— Постоянная охрана — это привилегия правителя. Если я потребую ее для себя, в войсках подумают, что я или чванлив, или труслив.

— Тот клыкан был бы здесь кстати, — намекнул Скампада.

Ромбара задело упоминание о Вайке, так бесповоротно отвернувшемся от него после долгих совместных странствий.

— Запомни на будущее, Скампада, моя безопасность — это не твоя забота, — он повернулся спиной к своему соседу, показывая, что разговор закончен.

Скампада уставился бессонным взглядом в непроглядную тьму палатки. Он догадывался, что люди Госсара не будут тянуть с порученным делом, и сожалел, что понадеялся на благоразумие Ромбара и не пошел после ужина взглянуть, что делается у лучников. Этой ночью они нападут или следующей? Не будучи трусом, он все же считал, что глупо погибать за компанию с кем-то, и подумывал, не выбраться ли из палатки в местечко поспокойнее, но понял, что будет первым на подозрении, если преступление совершится. С досадливым вздохом Скампада вынул из ножен свой тонкий и легкий, сделанный на заказ меч, и положил рядом с собой, острием к выходу. Сын первого министра не был ни сильным, ни искусным бойцом, поэтому без большого удовольствия ожидал наступления событий.

Сначала до его ушей доносились отдаленные голоса и звуки, затем лагерь стих. Было за полночь, когда Скампада скорее почувствовал, чем услышал, что к палатке приближаются осторожные шаги. У входа раздался легкий шорох и звук перерезаемой веревки, потянуло свежим воздухом. В образовавшейся щели блеснуло лезвие меча, мелькнул кусок звездного неба, тут же закрытый темным силуэтом. Человек у входа разрезал донизу веревки, скрепляющие дверные створки, и бесшумно шагнул внутрь.

Скампада нащупал рукоять меча и, вскочив на колени, наугад нанес колющий удар в грудь вошедшему. Короткий, захлебнувшийся вскрик показал, что удар попал в цель. Колени

врага подогнулись, он свалился вперед, на Скампаду. Тот отшвырнул его на Ромбара, выдернул меч и выскочил из палатки.

Второй враг был здесь. Увидев, что перед ним не сообщник, он кинулся с мечом на Скампаду. Сын первого министра кое-как сдерживал натиск куда более сильного воина, чем он сам, и, наверное, был бы убит, если бы не подоспел Ромбар. Оттеснив Скампаду, тот мгновенным движением выбил оружие у врага и приставил свой меч к его груди, принуждая сдаться.

— Свяжите этого парня покрепче, — приказал он, передавая задержанного подъехавшему на шум сторожевому отряду. — И разведите костер. Я хочу посмотреть, кош мы поймали.

Когда оставшегося в палатке человека вытащили наружу, тот уже не дышал. Стражники ушли, забрав злоумышленников, с ними пошел и Ромбар. Скампада выкинул из палатки окровавленные одеяла и улегся спать.

Он проспал допоздна и едва не опоздал на завтрак. Здесь его и нашел Ромбар, по-видимому, не ложившийся спать после происшествия.

— Мне кажется, что ты кое-что знаешь об этом, Скампада, — сказал он, изучающе оглядывая сына первого министра.

— Я всего лишь выразил свои опасения, ваша светлость, — ответил тот. — Пленный знает об этом больше.

— Он ничего не говорит, как мы его не допрашивали.

— Это означает, что своего хозяина он боится больше, чем вас.

Ромбар хмыкнул.

— Ты знаешь, кто его хозяин?

— Один из наших врагов.

— Я не верю, что твои опасения ни на что не опирались, — сказал Ромбар, поняв, что Скампада не собирается уточнять ответ. — Вчера вечером тебе следовало объясниться менее расплывчато. Если бы ты привел доказательства, я бы прислушался.

— В жизни нет ничего вечного, и даже ничего постоянного, — кротко взглянул на него Скампада. — Я не раз видел, как лучшие друзья становились врагами, и наоборот, заклятые враги — друзьями, поэтому предпочитаю не разглашать источники своей информированности. Когда я о чем-то предупреждаю, то никогда не говорю пустых слов, ваша светлость. Если мне не верят, это не моя забота.

— Мне нужно знать, кто и зачем это сделал.

— У вас есть все сведения.

— Какие?

— Проще всего ответить — зачем. Покушались на Норрена, а

потом на вас. Кому-то нужно ослабить руководство обороной. Найдите, кому это нужно, и вы найдете, кто это сделал.

— Каморра?

— Каморра может распоряжаться уттаками и десятком магов. Для воина он — не авторитет. В Келанге я называл вам это имя.

Догадка мелькнула во взгляде Ромбара, но осталась невысказанной.

— У тебя есть еще какие-нибудь предупреждения? — спросил он. — Без разглашения источников.

— Ничего конкретного, если вы имеете в виду возможность следующего покушения, — ответил Скампада. — Если я что-то узнаю, я сообщу.

— А если я имею в виду не только это? — поинтересовался Ромбар, догадавшись, что тот намекает на другие дела; — Что тебя еще беспокоит, Скампада?

— Давно ли у вас этот жезл Аспида, который валяется в палатке рядом с запасными башмаками? Вы ведь маг ордена Грифона.

— Недели три… — машинально ответил Ромбар и тут же насторожился. — А в чем дело?

— Я не маг, но мне кажется, что амулеты следует беречь, а не разбрасывать как попало. Что вы собираетесь с ним делать?

— Подарить своему другу, магу.

— Прекрасное намерение, — одобрил Скампада. — Постарайтесь, чтобы подарок попал по назначению. Может быть, он ценнее, чем вы думаете.

Позже, в палатке, Ромбар озадаченно рассмотрел жезл Аспида. Не найдя в амулете ничего особенного, он все же завернул его в чистую рубашку и засунул поглубже в дорожный мешок.

XXX

Наступило новое утро, безветренное, свежее и ясное. Лила разбудила своих спутников, все трое наскоро позавтракали и пошли к лодке. После того, как тощий багаж был уложен, долбленку спустили на воду. Альмарен сел на место гребца, вслед за ним в лодку влезла магиня. Витри оттолкнулся от берега, вскочил на корму и погрузил в воду рулевое весло, разворачивая долбленку по направлению к западному краю устья Руны. Альмарен замахал веслом, Витри помогал ему, то подгребая слева, то выравнивая нос лодки вверх и наискось по течению пролива.

Лила сидела с котелком на коленях, приготовленным на случай, если лодку захлестнет водой, но поверхность океана была гладкой, как стекло, Альмарен и Витри гребли ловко и умело, поэтому маленькая женщина оказалась не у дел. Пользуясь короткой передышкой, она оставила все будничные мысли и вслушивалась в равномерный, скользящий ход лодки по водной глади, в затягивающий холод океанских глубин, отделенный от ее ног тонкой деревянной преградой. Взгляд магини рассеянно переходил с океанской воды на медленно приближающийся берег, повторял его очертания и так же рассеянно, отрешенно устремлялся вверх, в бескрайнее, прозрачно-синее небо.

Альмарен видел, как меняется выражение ее глаз, приобретая глубину и спокойствие небесной и водной бесконечности, сквозь которую стремилась крохотная игла долбленки. До сих пор он не размышлял над проявлениями окружающего мира, но сейчас, увидев его отражение в других глазах, вдруг почувствовал мощь, скрытую в спокойствии воды и неба, и ощутил величие стихий яснее, чем при виде бури или урагана. И в прозрачной небесной выси, и в непроницаемо-темной водной глубине дремала всемирная сила холода, одна из двух, подвластных Зеленому алтарю, с которой он так беспечно обращался, используя в заклинаниях.

Путники давно ступили на твердую землю и поднялись вверх на скалы Оккадского нагорья, вокруг простирался однообразный каменистый пейзаж с изредка встречающимися по склонам ползучими дубами, а Альмарена все не отпускало чувство слияния с одной из мировых тайн, постижения сути одной из трех великих сил. На вечернем привале, когда каша была съедена, а котелки вымыты и прибраны, он решился поделиться впечатлением с магиней.

— Послушай, Лила, — сказал он. — Там, на лодке, мне

показалось, что мы во власти силы холода, как песчинки в воде или пылинки в небе. Я никогда не задумывался над тем, какая она, а она тиха и грандиозна, как ничто на свете.

— Да, — откликнулась магиня. — Я так и чувствую ее здесь, у океана. Но она мне ближе, когда она другая — легкая, подвижная и стремительная, как мысль. Это ее второе лицо — лицо неба. Я недавно впервые увидела океан и не скоро увижу его вновь, а небо всегда со мной, — она устремила взгляд на розовато-сиреневый закат.

И Альмарен, и Витри засмотрелись вместе с ней на гаснущее вечернее небо, на широкое оранжевое солнце, уходящее за скалы.

— Вольное небо равнины… — полушепотом пробормотал Альмарен. Он никак не мог вспомнить, откуда в его памяти взялись эти слова.

— И ты так чувствуешь! — обрадовалась Лила. — Оно всегда одно, и всегда — разное. Посмотри, как безотрадны были бы эти скалы — голые, безжизненные, днем обжигающие, ночью ледяные — если бы не легкое дыхание неба. Так и в жизни, несмотря на всю ее жесткость, стоит вытянуть руку — и вот оно, высокое и прекрасное. Но оно прозрачно, неосязаемо как воздух, нужно уметь его увидеть…

— Откуда ты все это знаешь? — заволновался Альмарен. — Тебе рассказал Шантор?

— Причем тут Шантор… слушай, и мир сам заговорит с тобой. Когда тебе не с кем разговаривать, нет собеседника лучше, чем вот это все… — она развела руками, показывая вокруг.

Альмарен замолчал, осмысливая слова магини. Она провела рукой по голове, приглаживая и пропуская сквозь пальцы свои короткие темные волосы, и надолго остановила взгляд на угасающем костре. Под отсветами колеблющегося пламени выражение ее лица менялось, как у статуи великой Саламандры, от детски-доверчивого до печально-умудренного. Альмарен, глядя на этот прихотливый диалог огня и жизни, никак не мог убедить себя, что перед ним такая же женщина, как его мать и сестренки, как те девушки, которых он видел на Зеленом алтаре. Он был высоким и красивым юношей, поэтому рано почувствовал острое внимание ровесниц — их быстрые взгляды и перешептывания, мгновенное охорашивание волос, выжидательное, требующее, намекающее поведение — и инстинктивно сторонился его, как любого навязчивого давления. Эта женщина, казалось, вообще не заботилась о том, чтобы нравиться, она держалась естественно и просто, разговаривать с ней было легко, а главное, так увлекательно.

— Лила! — позвал он магиню.

Она вздрогнула и, оторвавшись от созерцания костра, выжидательно посмотрела на Альмарена.

— Ты так хорошо понимаешь силу холода, а ведь ты обучалась на Оранжевом алтаре. Там нет этой силы.

— Нет? — насмешливое изумление в голосе магини окатило Альмарена жаром смущения. — Как ее может где-то не быть? Разве ты сегодня не чувствовал, как ею пропитаны и вода, и воздух? А где их нет?

— Я не так выразился, — попытался оправдаться Альмарен. — Я хотел сказать, что Оранжевому алтарю не подчиняется сила холода.

— Оранжевый алтарь концентрирует две силы, но это не значит, что я должна невежественно закрывать глаза на третью. В мире сосуществуют все три силы, они взаимодействуют, перекликаются и перекрываются. Деление на алтари это деление искусственное, оно для помощи тем, кто не может освоить все три энергии, тем, чьи способности к магии невелики и не могут развиваться всесторонне. Вспомни, ведь триста лет назад на острове не было алтарей, но маги рождались, и работали с энергиями.

— Я тоже всегда интересовался силой огня, хоть и учился у магов Феникса, — поспешил сказать Альмарен. — Три года я изучал ее на Красном алтаре, но почему-то думал о ней обособленно, без связи с остальными двумя.

— Не переживай об этом, — сказала Лила, заметив смущение молодого мага. — Труднее всего увидеть очевидное. Из наших только Авенар учитывал взаимосвязь всех сил. Я помню, он говорил мне, что Трое Братьев не сумели бы разделить силы, если бы не знали об их единстве.

— Ты была дружна с Авенаром?

— Мы понимали друг друга. Он был выдающимся магом и кое в чем превосходил самого Шантора. Он умер до несправедливого рано. Впрочем, жизнь не обязана быть справедливой. — Лила посмотрела сквозь Альмарена взглядом опечаленной девочки, вызвавшим у него странную внутреннюю тревогу.

— Отчего он умер? — решился спросить маг.

— От напряжения, когда лечил больного. А знаешь, у Витри есть магический кинжал, сделанный Авенаром.

— Где?! — загорелся любопытством Альмарен. — Витри, покажи!

Лоанец снял с шеи серебряную цепочку с прицепленным к ней кинжалом и протянул Альмарену. Тот вынул кинжал из ножен, провел пальцами по серо-розовой рукоятке, по белому

лезвию.

— Как им пользуются? — спросил он Лилу.

— Сожми рукоять, посылай энергию в руку. Когда она соединится с силой амулета, он ответит.

Альмарен сжал рукоять. На белом лезвии проступили непонятные синеватые знаки.

— Что здесь написано? — спросил он. — На каком языке?

— Это тайные иероглифы ордена Саламандры. Здесь написано — «с любовью».

— «С любовью»?! — недоуменно повторил Альмарен, переводя взгляд со знаков на магиню. Она пожала плечами в ответ на его невысказанный вопрос. Знаки напомнили Альмарену книгу, которую он носил с собой.

— У меня есть книга на неизвестном языке, — сказал он магине. — Может быть, это ваши иероглифы?

— Давай посмотрим, — согласилась Лила.

Он достал книгу и подбросил дров в костер, чтобы добавить света. Лила отстегнула старинные пряжки и начала перелистывать страницы, затем рассмотрела листок с изображением трехцветного круга.

— Это не наш язык. Книга о магии, это понятно. Списки заклинаний, я думаю, — подвела она итог. Альмарен присел рядом и рассказал ей содержание беседы у Равенора.

— Видишь этот рисунок? — указал он. — Равенор говорит, что камни нужно соединить так.

— И что тогда произойдет?

— Не знаю. Когда мы разыщем Магистра, можно будет попробовать соединить наш камень с Синим.

Лила вновь открыла первую страницу.

— Смотри-ка сюда, — сказала она.

Альмарен взглянул туда, куда указывал ее палец. Там было не начало первой главы, а короткое, в полстраницы, предисловие. В конце текста, одно под другим, стояли три похожих слова.

— Тебе не кажется, что это подписи Трех Братьев? — спросила его Лила. — И количество букв, и сходные буквы — все совпадает. Это не чужой язык, а тайнопись.

Они взялись расшифровывать текст. Витри, хоть и не умел читать, но, глядя, с каким воодушевлением оба мага копаются в непонятных значках, пристроился рядом. Альмарен и Лила занимались расшифровкой, пока не кончились дрова. До понимания смысла текста было пока далеко, но кое-какие слова им все же удалось прочитать.

Через два дня голые скалы кончились. На склонах все чаще встречалась древесная поросль, грунт, нанесенный с верховьев и

осевший в извилинах береговой кромки, прорастал темно-зеленой щеткой исселя. Продукты приходилось экономить, но это не портило настроения троих путников, с каждым шагом приближавшихся к местам, заселенным людьми.

Молодой маг сдружился со своими новыми знакомыми. Он оценил по достоинству ответственность Витри и его умение справляться с любым хозяйственным делом, неутомимую энергию Лилы, которая ложилась спать последней и поднималась по утрам раньше всех. Альмарен, как и его спутники, добросовестно брал на себя часть хозяйственных забот. Однако, Лила и Витри, попробовав его стряпню, ограничили его кухонные обязанности заготовкой дров и разведением костра.

Альмарен быстро потерял интерес к общению с Витри, но с магиней, казалось, мог разговаривать до бесконечности. По вечерам он отыскивал повод завязать с ней беседу, начинавшуюся обычно с расспросов о магии ордена Саламандры и продолжавшуюся чем угодно. С Лилой можно было говорить обо всем, не боясь быть непонятым, поэтому Альмарен неожиданно для себя сделался разговорчивым, будто бы торопился высказать все, о чем был вынужден молчать прежде. Он то размышлял вслух о свойствах магических сил и способах их подчинения, то перескакивал с серьезных тем на пустяки, когда-то зацепившие его сознание, на воспоминания о прошлом и дорожные впечатления. Витри сидел молча и ловил каждое слово, сказанное магами, открывая для себя диковинный мир, проникнутый властвующими в нем невидимыми силами.

На послеобеденном отдыхе Альмарен и Лила занимались расшифровкой книги. В первую очередь они деялись за листок с текстами о камнях Трех Братьев. Лила увлеченно сравнивала и сопоставляла значки, разгадывая слово за словом. Альмарен вслушивался в звук ее голоса и незаметно для себя переводил взгляд с закорючек текста на руки магини, на ее лицо, склоненное над книгой, полубессознательно отмечая чуткую тонкость пальцев под царапинами и загаром, совершенную линию овала лица, идущую от уха к подбородку. Он забывал вникать в смысл слов своей собеседницы, и лишь когда ее голос становился требовательным, спохватывался и выслушивал укоризненный упрек.

— Ну о чем ты думаешь, Альмарен! Я третий раз спрашиваю тебя одно и то же!

Он с извиняющейся улыбкой отвечал:

— Да ни о чем… — и это было правдой.

Выговаривая себе за рассеянность, Альмарен с удвоенным вниманием обращался к значкам. Расшифровка текста

продвигалась. Из прочитанного выяснилось, что при соединении камней меняется их способность привлекать силу алтарей. Синий и Красный камни на Белом алтаре, будучи порознь, могли привлекать туда энергию Синего и Красного алтаря, а соединенные вместе — подключали дополнительно и энергию Фиолетового алтаря. Кроме этого, в листке не оказалось ничего, что Альмарен не услышал бы от Равенора, гениально проникнувшего в суть системы управления магией алтарей. Но вопрос, уже возникавший у молодого мага, — зачем нужно перегруппировывать силу алтарей — так и остался без ответа.

— Значит, этот камень привлечет силу Красного алтаря на другой? — сказала как-то Лила, рассматривая Красный камень.

— Если другому алтарю подчиняется сила огня, — уточнил Альмарен.

— Мощность магии возрастет вдвое?

— По слухам, больше, чем вдвое. Я сам не пробовал, но маги Фиолетового алтаря говорили, что его сила выросла в несколько раз.

— А Синий алтарь при этом полностью обессилел. Так, Витри? — повернулась она к лоанцу.

— Колдун говорил, что там, где чашка воды, теперь капля, — вспомнил Витри.

— Неудивительно, что Каморра ищет камни. — Лила взглянула на Альмарена. — Синий камень, говоришь, у твоего друга?

— Я надеюсь, что это так.

— Где твой друг сейчас?

— Наверное, в Босхане, в армии Норрена, ответил маг.

— Я думала над тем, что ты рассказывал о белых дисках, Альмарен. Эту магию можно разрушить только с Белого алтаря, потому что остальным алтарям не подчиняется хотя бы одна из сил.

— Я не знаю заклинания, которое лишило бы силы сразу все амулеты алтаря, — заметил Альмарен.

— Я тоже, — подтвердила Лила, — но у нас есть книга, а в ней глава о заклинаниях Белого алтаря. Если там найдется нужное заклинание, достаточно применить его на Белом алтаре — и власть Каморры над уттаками исчезнет.

Взгляд Альмарена загорелся воодушевлением. Идея была проста до очевидности и в случае успеха решала все.

— Нам нужно пробраться на Белый алтарь? — воскликнул он.

— Сначала нужно прочитать седьмую главу твоей книги и отыскать заклинание.

— А если его там нет?

— Тогда его нужно разработать, — сказала Лила.

— Как ты собираешься его разрабатывать? — недоверчиво спросил ее Альмарен.

— Шантор говорил, что любое слово может стать заклинанием. Это ключ. Основное правило ты знаешь — заклинание должно точно и полно описывать явление, для которого применяется. Здесь все зависит от нас с тобой. Второе правило — мощность магической силы должна быть достаточной для выполнения заклинания. Возможно, для уничтожения всей магии Каморры будет мало мощности Белого алтаря, поэтому нам понадобятся оба камня — Красный и Синий.

— Понятно, — кивнул Альмарен. — Значит, сначала в Босхан, к Магистру?

— Да. — Лила вернула ему Красный камень. — Спрячь его. Когда у нас будет и Синий, мы проберемся на Белый алтарь. Вряд ли Каморра оставил там сильную охрану. Мы пойдем туда вдоль скал Ционского нагорья, так безопаснее. Уттаки не любят скал.

— И я с вами! — подал голос Витри.

— Путь будет нелегким, Витри, — напомнила ему Лила.

— Я привык к опасностям, — уверил ее Витри. Ему не хотелось расставаться с новыми друзьями, не хотелось оставлять на полпути начатое дело. Он уже не мыслил себя без дороги, без маячившей впереди цели. — Я все умею, я не буду обузой.

— Я знаю, Витри, — Лила дружески улыбнулась лоанцу. — С тобой я пойду куда угодно.

Ее слова прозвучали для Витри как награда. С этого дня он не чувствовал себя игрушкой судьбы, бросавшей его по Келаде.

День за днем путники продвигались к Бетлинку. Они обошли уттакскую стоянку со всей осторожностью, по верхней кромке скал, затем вновь спустились со склона и отправились дальше берегом Руны. Чтение книги требовало длительных дневных привалов, поэтому они двигались медленнее, чем на Керн. Впрочем, Альмарен не торопил наступление конца пути. В его крови — крови прирожденного мага — развилось сродство с силой огня, вызывавшее безотчетное притяжение энергии Красного алтаря, заставлявшее накаляться перстень Грифона на левой руке. Альмарен снял перстень, чтобы тот не жег руку, но избыток огненной силы по-прежнему захлестывал его, обостряя чувства, делая сон коротким и легким, а мысли — стремительными и волнующими.

Вначале магу казалось, что перемена вызвана Красным камнем, лежащим у сердца, в нагрудном кармане, но мало-помалу до его сознания дошла истинная причина. Эта причина, имевшая синие глаза и короткие темные волосы, танцующей

походкой пробиралась впереди него по прибрежным камням, с увлечением расшифровывала магические тексты и, похоже, беспокоилась только о том, как бы скорее и вернее уничтожить магию Каморры.

Наконец, наступил день, когда путники вышли на край нагорья, в точку, где Руна, сливаясь с ручьем, начинала свой путь через Оккадские скалы. Вдруг легкий шорох заставил их насторожиться. Альмарен выступил вперед с мечом наготове, но тут же опустил оружие, узнав выехавшего навстречу всадника.

— Тревинер! — с облегчением воскликнул он. — Как ты здесь оказался? Неужели Вальборн вернулся в Бетлинк? Вот здорово!

— Альмарен, приятель, ты цел и невредим! — оскалился в улыбке охотник. — И эти двое с тобой — замечательно! — он соскочил со своей Чианы и подошел ближе, с интересом рассматривая лоанца и магиню. — Все, как говорил Вальборн — мальчик и девочка! Значит, вы и есть те самые храбрецы, которые погнались за посланцем Каморры?

— Вроде того, — ответил ему Витри.

— Я третий день сомневаюсь, выберетесь ли вы оттуда. По моим подсчетам, вы должны были появиться здесь дня четыре назад.

— Задержались, — ответил Альмарен. — Разве ты нас ждал?

— Еще как ждал! Я кручусь здесь вторую неделю ради удовольствия встретить тебя, парень! Ты мне скажи, сделали вы то, ради чего пошли на Керн?

— Сделали. — Альмарен прикоснулся к нагрудному карману. — Камень здесь.

— Твой друг Магистр будет рад это услышать. Это он просил процвети вас через леса на юг, — охотник повернулся к своей кобыле и хлопнул по дорожным мешкам. — Когда я выезжал, мне почему-то подумалось, что у вас будет туговато с припасами. Я не ошибся?

— Ты попал в самую точку. Туговато — это мягко сказано.

— Да… — Тревинер кинул на них оценивающий взгляд. — Вас, пожалуй, и уттаки жрать не станут. Ничего, вы у меня через неделю вот такие физиономии наедите… — он надул щеки, весело поблескивая глазами.

— Ну, не так уж мы плохи…, — ответил за всех Альмарен. — Значит, Вальборн не в Бетлинке?

— Какое там в Бетлинке! — воскликнул Тревинер, перестав улыбаться. — Мой правитель давно в Келанге. А уттаки, парень, давно на Оранжевом алтаре. Такие вот дела. Я боялся, что мы разминемся и вы пойдете на алтарь, прямо в лапы Каморре, поэтому сидел здесь безвылазно, — он махнул рукой на заросли.

— Мы и направлялись на алтарь, — сказал Альмарен.

— Туда нельзя.

— Да и незачем теперь, раз ты собрался нас кормить. Проводи нас прямо в Келангу. Мы должны как можно быстрее отыскать Магистра.

— Понимаю, — блеснул глазами охотник. — Кратчайший путь в Босхан лежит не через Келангу, как вы думаете.

— Где же он?

— Нужно идти через лес на юг, не заходя на Оранжевый алтарь. Дня через четыре встретится дорога на Келангу. Нужно пересечь ее и двигаться вдоль подножия Ционского нагорья до самого Босхана, не переправляясь через Тион.

— Сколько времени займет дорога? — вмешалась в разговор Лила.

— Пешком — недели три, не меньше, — ответил ей Тревинер. — Пока мы не окажемся у скал, есть риск нарваться на уттаков. Вся армия Каморры подошла к Оранжевому алтарю, а сейчас, наверное, выступила дальше, на Келангу. Бетлинк мы обойдем с запада, так безопаснее. Кладите-ка мешки на Чиану — и вперед.

Мешки укрепили на седле, и группа отправилась в путь вдоль ручья. Охотник шел первым, плавно и бесшумно обтекая ветви и камни. Альмарен убедился в справедливости любимого выражения охотника — Тревинер двигался тише падающего листа. Кобыла, видимо, прошедшая хорошую выучку, осторожно ступала за своим хозяином, несмотря на брошенную уздечку. Лила и Витри шли вслед за кобылой, Альмарен, как и прежде, замыкал группу.

Обогнув Бетлинк, ручей вильнул вправо. Путники поднялись по склону лощины и углубились в лес. Охотник, руководствуясь одному ему известными приметами, повел группу напрямик через густую однообразную зелень. Пробираясь мимо лесной полянки, он внезапно поднял руку в предостерегающем жесте. Кобыла замерла на месте, остальные, недоумевая, тоже. Тревинер снял с плеча лук и, почти не целясь, выпустил стрелу, а затем тихо и без спешки пошел в направлении выстрела. Альмарен встал рядом с Лилой и Витри, пытаясь разглядеть, куда и зачем ушел охотник. Тот возвращался назад, неся за уши крупного зайца.

=— А вот и наш обед, — Тревинер похлопал зайца по спине. — Осень скоро — ишь какой тяжелый! Славная будет похлебочка… — достав из кармана кусок веревки, он привязал добычу к седлу. — Теперь можно и местечко для привала подыскивать.

Лес пошел под уклон, травяной покров сделался густым и

сочным. Тревинер повернул чуть правее, спускаясь в низину, и вскоре вышел к лесному ручью.

— Здесь, — сказал он, выбрав ровное место на берегу ручья. — Альмарен, помоги-ка скинуть вещи.

Вдвоем с Альмареном он снял с кобылы груз, расседлал ее и пустил пастись. Отпустив Чиану, охотник посмотрел на Альмарена и Витри.

— А вы, парни — живо, костер! Посмотрю я, чему вы научились в пути.

Альмарен и Витри переглянулись и пошли за дровами. Лила взяла зайца, собираясь готовить обед.

— Уйди, женщина! — сказал ей Тревинер с величественно-шутовской интонацией. — И навеки оставь надежду приготовить зайца лучше, чем я. Принеси-ка лучше воды.

Он вынул охотничий нож и ловко разделал зайца, кидая куски мяса в котелок с водой. Витри тем временем наломал хвороста для костра, а Альмарен, сконцентрировав в ладони бродящую в нем огненную силу, махнул рукой на уложенные пирамидкой ветви. Сухая растопка полыхнула факелом.

— О-о-о… — уважительно протянул наблюдавший за ними Тревинер.

Повесив котелок над огнем, он прошелся вдоль ручья и вернулся к костру с пучком трав.

— Вот эти — в похлебку, а эти — в чай… впрочем, все равно перепутаете. Сам положу.

Охотник не хвастал — похлебка получилась душистой и вкусной. После обеда Лила и Альмарен взялись за книгу. До конца седьмой главы оставалось несколько страниц, а нужного заклинания пока не попадалось.

— Что это? — заглянул им за плечо Тревинер. Лила объяснила ему, что они ищут в этой книге.

— Значит, мы из Босхана пойдем на Белый алтарь? — воодушевился Тревинер. — Замечательная будет прогулка!

— Разве ты идешь с нами? — спросил его Альмарен.

— Отпускать вас одних — это провалить все дело, — снисходительно глянул на них охотник. — Если вы не попадетесь уттакам, то непременно умрете с голода, хотя вокруг столько еды. Мне будет спокойнее, если с вами будет такой парень, как я. Вот ты, Альмарен, умеешь стрелять из лука? Или ты за зайцами будешь с мечом гоняться?

— Я, между прочим, маг ордена Феникса. — Альмарен, задетый интонацией Тревинера, оторвался от книги и встал. — Правда, я три года не держал в руках лук, но, думающие разучился натягивать тетиву. Где твой лук?

Охотник кивком указал на приставленный к дереву лук Феникса. Альмарен взял лук в боевую позицию, уже чувствуя, что погорячился. После трехлетнего перерыва только чудо могло помочь ему положить стрелу в цель.

— Видишь тот сучок? — не вставая с земли, показал ему Тревинер. — Это несложно, парень.

Альмарен внутренне согласился с ним, понимая, что охотник мог дать цель и посложнее. Он долго прицеливался и, выпуская стрелу, неловко дернул тетиву. Мгновенно поняв, что выстрел не удался, он мысленным взором ухватил стрелу и отчаянным усилием направил ее в цель. Стрела ударила в основание сучка и, задрожав, осталась торчать в стволе.

Тревинер с нескрываемым любопытством посмотрел на мага.

— Интересная у тебя техника, Альмарен. Впервые вижу, чтобы стрела поворачивала в воздухе. Но в цель ты попал, признаю…

Альмарен вернулся на место, пряча взгляд в землю. Магия помогла ему привести стрелу в цель, но ощущение промаха, сделанного в порыве запальчивости, осталось. Тревинер, скучавший в ожидании конца привала, обратился к лоанцу:

— А ты, Витри, такой же стрелок?

— Я никогда не держал в руках лука, — признался тот.

— А мечом ты владеешь? Нет? — охотник покачал головой. — Зря. Настоящий мужчина должен владеть оружием.

— Я рыбак, — объяснил ему Витри. — У нас в селе никто не сражается на мечах.

— Но из лука-то нужно уметь стрелять. Это охотничье оружие, а не военное. Давай, пока наши маги возятся со своими заклинаниями, я поучу тебя.

— Давай, — обрадовался Витри.

Охотник вскочил, взял лук и подал лоанцу.

— Лук берется вот так… локоть сюда… — Тревинер повернул руку Витри. — Пальцы не здесь, а то стрелой зацепить. Держи на уровне глаз, цельсь, а другой рукой натягивай… И, главное, не дергай, а отпускай легонько, будто красавицу в щечку — чмок!

Стрела вылетела и вонзилась в дерево.

— Понял?! — спросил лоанца Тревинер. — Сбегай за стрелой и еще раз — сам.

Витри принес стрелу и вновь наложил ее на лук, стараясь следовать указаниям Тревинера. После нескольких неудачных попыток стрела стукнулась в дерево и упала к его корням.

— Уже успехи, — похвалил лоанца Тревинер.

Витри, ободренный похвалой охотника, усердно обстреливал дерево, все чаще попадая в ствол.

— А у тебя верный глаз, парень, — заметил Тревинер. — Рука слабовата, но ничего, привыкнешь. Работай каждый день, и из тебя выйдет лучник.

— Мне можно брать этот лук для учебы? — спросил просиявший Витри.

— Конечно, — кивнул Тревинер. — А будем в Босхане — я сам выберу тебе лук. Если у тебя есть дар быть лучником, он не должен пропадать. Не каждый рождается с таким даром.

К охотнику подошел Альмарен, закрывая на ходу книгу.

— Пора в путь, Тревинер, — сказал он.

— Давно пора, — отозвался тот. — Делая такие привалы, мы и за месяц не дойдем до Босхана.

— Это последний. Мы дочитали седьмую главу.

— Вы отыскали нужное заклинание?

— Нет. В книге есть много интересного, но нет того, что мы рассчитывали найти.

Охотник скорчил печальную гримасу.

— Что же теперь? — спросил он.

— Мы обязательно придумаем, как лишить силы амулеты Каморры. По законам магии это возможно, значит, такое заклинание должно существовать. А пока — в Босхан.

XXXI

— Шемма! — Пантур потряс за плечо табунщика. — Шемма, проснись!

Шемма замычал, отбиваясь, затем открыл глаза и сел на лежанке.

— Пантур… — узнал он ученого. — Какой мне сон приснился… возвращаюсь я в Лоан, а мне — все село навстречу! Слезаю я с Буцека, а колдун и говорит…

— Ты хочешь попасть домой, Шемма? — спросил его Пантур.

И голос, и выражение лица ученого ясно указывали, что вопрос не пустой.

— Еще бы! — мгновенно встрепенулся Шемма. — А что, владычица разрешила?!

— Не так все просто… — остудил его Пантур. — Я надеюсь убедить ее. За это от тебя потребуется услуга…

— Пантур! — умоляюще воскликнул Шемма. — Если меня отпустят, я все для тебя сделаю! Я ведь табунщик, понимаешь? Что мне здесь делать, сам подумай!

— Да-да, — кивнул Пантур. — Я понимаю, но ни владычице, ни Дануру до этого и дела нет. Ради тебя они тебя не отпустят. Но ты можешь оказать услугу, не мне, а всему городу. Очень важную услугу.

— А это опасно? — встревожился Шемма.

— Для тебя — нет. Ты уйдешь наверх под честное слово и выполнишь мое поручение. Если ты обманешь нас, неприятности будут у меня.

— Какие?

— Казнят, наверное. Но не в этом дело. Городу угрожает голод. Я вижу только одну возможность предотвратить беду — попросить помощи у ваших магов.

— Я должен их найти? — догадался табунщик.

— Да, — подтвердил ученый. — Приведи их на встречу со мной.

Шемма задумался. Ничто не могло вернее вызвать его сочувствие, чем упоминание о голоде.

— Приведу, — твердо сказал он. — А вы нас не задержите?

— Это бессмысленно. Вы можете предупредить других людей. Мы наживем себе врагов, если вы не вернетесь.

— А если маги спросят, зачем их зовут? Что сказать?

— Я все тебе объясню и назначу место встречи, — заверил табунщика Пантур. — Если они откажутся помочь, вернись и сообщи об этом, чтобы мы не ждали напрасно. Договорились?

— Договорились, — согласился Шемма.

— Тогда вставай и иди за мной.

Шемма спустил ноги с лежанки, нащупал башмаки и обулся. Пантур повел его к Оранжевому шару, выбирая малолюдные коридоры. Хотя ученому не запретили показывать шар человеку сверху, он догадывался, что Данур будет недоволен, узнав об этом.

— Я покажу тебе наше подземное солнце, — сказал он Шемме в пути.

— Солнце? — не поверил ушам табунщик. — Под землей?!

— Это светящийся шар, похожий на закатное солнце. Кроме света, он дает излучение, которое мы называем теплом, а вы, как я понял, магией. В этом году, начиная с весны, с ним происходит нечто странное.

Пантур замедлил шаг перед развилкой, затем свернул налево.

— Сюда. Так вот, Шемма, в последнее время нередки случаи, когда шар по нескольку дней не излучает тепла. Это губительно для плантаций владычицы, расположенных вблизи от него.

— Почему? — удивился Шемма.

— Посевы питаются его излучением, — ответил Пантур. — Сейчас ты увидишь шар и плантации. Там я все объясню подробнее, а ты запоминай, чтобы потом пересказать магам.

— Все запомню, — пообещал табунщик. — Разве такое забудешь!

У очередного поворота Пантур остановился, чтобы надеть рубиновые очки, затем ввел табунщика в просторную пещеру. Шемма, насмотревшийся подземных чудес, не слишком удивился при виде полупрозрачного, мерцающего оранжевым светом шара, но, подойдя поближе, воскликнул:

— Под ним же нет опоры!.

— Он висит в воздухе, — подтвердил Пантур. — Не спрашивай, почему, я тоже не знаю. Сейчас он не излучает магию, иначе ты почувствовал бы что-то вроде внутреннего жара.

— А это саламандры? — Шемма указал на плоские черно-рыжие головы скользких тварей, уткнувшихся носами в берег.

— Да. Они заснули. Когда к шару вернется способность излучать тепло, они оживут.

— В храме Мороб они считаются священными, — заметил Шемма.

— У нас тоже. Мы бережем их. Трое сверху сказали, что по саламандрам можно судить о состоянии шара. В нашей истории не было упоминаний о спячке саламандр… до недавней весны. Идем, я покажу тебе плантации.

Пантур и Шемма вышли боковым коридором на плантацию масличных семян. За короткое время, прошедшее с утра, бутоны на растениях съежились и поникли.

— Видишь? — указал Пантур. — У них все есть — и вода, и земля, но они вянут.

— Но другие плантации обходятся без шара, — вспомнил Шемма.

— Они не так урожайны. Растения на плантациях владычицы приспособились использовать тепло шара для роста и плодоношения. Они быстрее растут и развиваются, поэтому нехватка излучения истощает их.

— Ясно, — сказал Шемма. — Разве у вас так мало плантаций, что пропади одна — и сразу голод?

— Здесь не одна плантация, — объяснил ему Пантур. — Все пространство вокруг шара занято под посевы. Это немалая доля в питании Лура. Урожай у нас гибнет редко, поэтому пища производится с небольшим запасом на случай, если на отдельных участках недород, но сейчас потери слишком велики. Положение можно выправить, лишь восстановив шар.

— Ты думаешь, Пантур, что наши маги это сделают?

— Я надеюсь, что сделают. Те трое, которые создали шар, видимо, тоже были магами.

— Кто эти трое? — полюбопытствовал Шемма.

— Это долгая история, — задумчиво сказал Пантур. — Здесь ты все видел, идем назад в общину.

Они вновь углубились в коридоры Лура. Пантур поначалу шел молча, затем заговорил.

— Наш Лур — не единственный подземный город, — начал он рассказ. — Триста лет назад ни архитектура, ни резные украшения туннелей и залов Лура не могли сравниться с великолепием Фаура, подобного кристаллу горного хрусталя в струе водопада. Скольких поэтов вдохновляли его спиральные лестницы, кружевные арки, лабиринты коридоров, порождающих поющее эхо! Я читал старинные стихи о Фауре, они прекрасны.

— Здесь есть еще один подземный город?

— Был. Его население вдвое превышало число жителей Лура. Лур и Фаур связывала сеть туннелей, по которым за неделю можно было добраться из города в город.

— За неделю? — переспросил Шемма. — Это далеко.

— Не близко. Но люди все равно ходили этими путями — для обмена товарами, в гости, на праздники. Вести о событиях в одном городе быстро доходили до другого.

— Наверное, просторнее было жить-то, — заметил табунщик.

— Сейчас трудно об этом судить. Я с удовольствием

перечитываю летописи тех времен. Нам с тобой важны события трехсотлетней давности. Пишут, что в те времена в Фауре появились трое людей сверху, знавших наш язык. Владычица Фаура, Сихроб, благосклонно отнеслась к ним. Эти трое остались в городе как гости, чтобы изучать культуру монтарвов, а в благодарность за добрый прием создали Белый шар и подарили владычице.

Пантур замолчал, вдумываясь в собственные слова.

— В летописях сказано — Белый, а не Оранжевый. Это не описка, я встречал это слово несколько раз, — отметил он. — У нас в те годы правила владычица Мороб. Она узнала о Белом шаре и направила к людям сверху гонцов с приглашением погостить в Луре.

— Трое сверху приняли приглашение, — понял Шемма.

— Мороб хорошо встретила их, позволила бывать в мастерских, читать законы и летописи. Оказалось, что все трое — братья, хоть и не похожи друг на друга. Они были высокими, на две головы выше любого из наших. Старшего, светловолосого, звали Гелигреном. Остальные двое слушались его, как отца. Средний, рыжекудрый весельчак, звался Оригреном. Он был всеобщим любимцем, душой любой компании. Младший, Лилигрен, был темноволос и молчалив. Братья недолго прожили в Луре. Познакомившись с жизнью города, они вернулись в Фаур, а на прощание создали для нас Оранжевый шар.

— Тот, который я сейчас видел, — уточнил табунщик.

— Он самый. Это был дорогой подарок. Триста лет, пока шар питал наши плантации, город жил в достатке и благополучии. Мы отвыкли от бедствий, поэтому нынешнее несчастье вдвойне тяжело нам.

Они свернули во Второй кольцевой туннель и вскоре пришли в общину. Шемма ждал продолжения разговора, но Пантур не добавил ни слова к сказанному. Подставив к стене небольшую деревянную лесенку, ученый начал рыться в стопке бумаг, лежавших на одной из верхних полок.

— А еще что, Пантур? — спросил Шемма.

— Я все сказал, — ответил сверху ученый. — Ты знаешь достаточно, чтобы объяснить магам, чего мы от них хотим.

— А Фаур, трое братьев? — не успокаивался табунщик. — Что с ними случилось дальше? Где город?

— Любопытный ты парень, — с добродушной усмешкой отозвался Пантур. — Ну, слушай…

Он спустился вниз и сел на лежанку.

— Как я уже сказал, братья вернулись в Фаур, — продолжил рассказ ученый. — Вскоре в Лур пришло известие — в Фауре

страшное наводнение.

— Это из-за Белого шара? — заволновался Шемма.

— Нет. У нас в Луре постоянно ведутся строительные работы. Городу нужны новые жилища, плантации, туннели. Каменотесы Фаура, конечно, занимались тем же. Сейчас неизвестно, то ли ошибка была допущена учеными, то ли строители отклонились от плана, то ли повлияли какие-то непредвиденные обстоятельства. Один из вновь прорытых туннелей был проложен поблизости от огромного подземного озера, и наступил день, когда порода не выдержала. Воды озера хлынули в Фаур.

— Ужас-то какой… — у прошептал Шемма.

— Да, катастрофа была ужасной. Вода мгновенно затопила нижние ярусы города, многие люди погибли, не успев покинуть собственных жилищ, многие оказались погребены заживо, отрезанные водой от верхних ярусов. Потоки воды устремились по соединительным туннелям, угрожая Луру. Владычица Мороб отдала приказ засыпать эти туннели, чтобы наш город не разделил участь Фаура.

— И с тех пор вы ничего не знаете о Фауре?

— Несколько новолуний спустя Мороб приказала отрыть верхний туннель, чтобы проникнуть по нему в Фаур. Это удалось не сразу. Часть туннелей была завалена, часть размыта и затоплена водой, появились пещеры естественного происхождения, промытые потоками воды. Понадобилось немало поисков и раскопок, пока посланная владычицей группа добралась до Фаура.

Отвлекшись от рассказа, ученый взглянул на полку, где только что рылся в бумагах.

— Там, на полке, лежат планы соединительных туннелей, сделанные этой группой, — сказал он. — Наши люди вернулись с зарисовками туннелей и с докладом о положении дел в Фауре. Вся нижняя половина города осталась под водой, в живых сохранилась лишь десятая часть его обитателей.

— Так мало! — сочувственно вздохнул табунщик.

— По рассказам, после наводнения выжила четверть населения, но затем от сырости в городе вспыхнула эпидемия грудной гнили. Умерла и Сихроб, и ее молоденькая дочь. Город остался без владычицы. Ее советник передал в Лур просьбу приютить оставшихся жителей Фаура. Мороб дала согласие, и вскоре Фаур опустел.

— А что там сейчас? — заинтересовался Шемма. — Там так и не жили с тех пор?

— Для нас нет ничего опаснее сырого воздуха, поэтому дальнейшая жизнь в Фауре оказалась невозможной. Когда его

жители перебрались в Лур, соединительные туннели были вновь засыпаны, чтобы сырость и гниль не проникли к нам.

Пантур, углубившийся в воспоминания о катастрофе, постигшей его народ, забыл сказать о судьбе тех троих, с которых начался разговор.

— А трое братьев? — напомнил ему Шемма.

— Все трое погибли, пытаясь остановить катастрофу, — ответил ученый. — Если бы не их вмешательство, Фаур могло бы полностью залить водой. Оставшиеся в живых похоронили их с почестями. Я читал, что в одном из залов Фаура остались их гробницы.

— Погибли, — жалостно выдохнул Шемма, страдая от того, что такие люди оказались не всесильными и не бессмертными.

— Память об их судьбе поддерживает меня в намерении наладить дружбу между нами и людьми сверху. — Пантур поделился с табунщиком давними мыслями, вызывавшими неприязнь владычицы, и пояснил их причину. — Ведь были среди вас и те, кто не пожалел жизни ради спасения нашего народа.

— Маги — они отзывчивые. — Шемма припомнил свой небольшой опыт общения с магами. — Как речь пойдет о магии, сразу берутся помочь. Что наш колдун — старик безотказный, что Равенор — богач-богачом, а принял нас, выслушал…

— Это хорошо, — одобрил Пантур. — Это увеличивает мои надежды. Ты понял, что им рассказать?

— Все понял. А теперь — пора и в путь?

— Нет, Шемма. Сначала я добьюсь согласия владычицы. Без него переговоры с магами бесполезны.

— А долго ждать?

— Недолго, если шар не восстановится. Владычица любит свой народ, а Лур отчаянно нуждается в урожае с ее плантаций. Конечно, ей будет трудно пересилить себя и дать начало смене традиций, но я верю, что ради города она пойдет и на это.

Шемма нахохлился на своем сиденье, подперев руками полные щеки.

— Наберись терпения, Шемма, не наделай глупостей, — напомнил ему Пантур. — Твой побег погубит и нас, и наши планы. Обещай, что подождешь, а я, со своей стороны, обещаю, что сам устрою тебе побег, если владычица заупрямится.

— Ладно, подожду, — вздохнул Шемма.

Предположение Данура не оправдалось — шар не восстановился ни к вечеру, ни в следующие дни. Пантур, постоянно посещавший плантации, видел, как они хиреют с каждым днем. Следовало опасаться уже не потери очередного урожая, а полной гибели всех растений.

Хэтоб почти ежедневно требовала к себе ученого. Шемма с нетерпением ожидал Пантура, каждый раз надеясь, что тот вернется с заветным разрешением, но ученый возвращался мрачным и не отвечал на расспросы табунщика. Шемма, помня о данном слове, удрученно вздыхал и укладывался вздремнуть с расстройства.

Страже было приказано наблюдать за поселком наверху и немедленно докладывать о любых замеченных событиях. И владычица, и Пантур по-прежнему предполагали, что исчезновение тепла шара связано с присутствием в поселке уттаков.

Догадка Хэтоб была верна — Каморра перед нападением перекрыл силу Оранжевого алтаря, чтобы жрецы храма не разогнали уттаков молниями. Заняв храм и поселок, маг решил вернуть алтарь в первоначальное состояние, но его попытка снять собственную магию оказалась неудачной. Он не упорствовал, оставив эту заботу до окончания войны, а сосредоточился на сборе и подготовке уттакских войск для дальнейшего нападения. Через несколько дней, когда у Оранжевого алтаря собрались основные силы с верховьев Иммы, он поднял их и повел на Келангу.

Рано утром стража доложила владычице, что уттаки покинули поселок. Вызвав Пантура, она послала его проверить, не восстановился ли Оранжевый шар.

— Нет, великая, способность излучать тепло не вернулась к нашему подземному солнцу, — сказал ей ученый, побывав у шара.

— А мои плантации? Что с ними? — спросила Хэтоб.

— Масличные и бобовые плантации погибли. Кусты унесены и сожжены, земля вскопана. Люди ждут ваших приказов.

— Другие плантации могут уцелеть?

— Пока могут, если шар восстановится. В противном случае к следующему новолунию там не останется ни одного куста.

— Ох, Пантур, что же делать? — с отчаянием в голосе сказала Хэтоб. — Даже если шар восстановится, я боюсь отдавать приказ вновь засевать плантации, потому что запас семян кончается. Еще одна такая беда — и мы потеряем наши высокоурожайные сорта.

— Нужно посеять там обычные семена, — посоветовал Пантур. — Даже небольшая прибыль в пище необходима Луру. А что касается шара — я не раз говорил вам…

— Знаю! — перебила его Хэтоб. — Даже если бы я уступила тебе, Пантур, я не получила бы согласия моего советника. Данур против этого, а я не могу поступать не по закону без его согласия.

— Разве вы забыли, великая, что в этом случае вы имеете

право собрать совет глав общин? — напомнил ей Пантур. — Если на вашей стороне окажется большинство членов совета, ваше решение будет принято.

— Я не хочу, чтобы в городе стало известно, что я не могу договориться с собственным советником. Это крайняя мера, после которой я обязана заменить его, если совет поддержит меня.

— Вы ничего не теряете, — сказал ей Пантур. — Если совет предпочтет решение Данура, вы не отпустите Шемму наверх, и только.

— В городе будут говорить, что мой советник умнее меня, — нехотя объяснила Хэтоб.

— Это не беда, — успокоил ее Пантур. — Для того и советник, чтобы поправлять вас в случае ошибки. Худшей ошибкой будет не попытаться принять решение, которое спасет Лур от голода.

Владычица не ответила, размышляя. Пантур не мешал ей, дожидаясь, пока она заговорит вновь.

— Я попробую уговорить Данура, — наконец сказала она. — Если не получится, тогда… там посмотрим. Иди, Пантур.

Пантур вышел. Сейчас, когда ему удалось добиться согласия Хэтоб, он чувствовал всю важность одержанной победы. С этими новостями ученый заторопился к Шемме, чтобы порадовать табунщика.

Прошло два дня. Владычица не вызывала к себе Пантура, а прийти к ней первым он не мог. Ему оставалось только гадать, как складываются события. Нужно было заручиться поддержкой людей, поэтому Пантур навещал глав общин, многие из которых были его хорошими знакомыми. Разговоры, начинавшиеся издалека, постепенно сводились к гибели плантаций, к порче Оранжевого шара, о которой уже знали все, и к возможному голоду. Пантур напоминал собеседникам, что шар создан людьми сверху, и ненавязчиво наводил их на мысль, что и помощи следует искать именно там.

На третий день, вскоре после завтрака, у двери раздался стук. Пантур и Шемма вскочили. Оба с нетерпением дожидались вызова ученого к Хэтоб.

— Войдите! — откликнулся Пантур.

Дверная занавеска откинулась, но в комнату шагнул не слуга владычицы, как ожидали оба. Это был Данур. На лице советника явственно проступали раздражение и злость — чувства, редкие для монтарва. Он скользнул взглядом по табунщику и сказал.

— Выйдем, Пантур.

Оба вышли в коридор. Данур повел ученого в пустовавший обеденный зал.

— Я знаю, это твое влияние, Пантур, — начал советник. — Владычица потеряла благоразумие, она требует от меня согласия на встречу с людьми сверху.

— Она не потеряла, а проявила благоразумие, — возразил ученый. — Она — женщина редкого ума и воли, раз решилась для спасения города отменись тысячелетние запреты.

— Не отменить, а нарушить, Пантур, — одернул его советник.

— Ты забываешь, что она владычица, — напомнил ему ученый. — Это другие нарушают законы, а она отменяет. У нее есть такое право.

— У нее нет такого права! — повысил голос Данур. — Любой закон может быть отменен либо с согласия советника, либо на совете глав общин. А моего согласия на эту безумную затею она никогда не получит!

— Твое мнение — еще не мнение совета глав общин, — спокойно ответил Пантур. — Она собирает совет, я не ошибся?

— Этим вечером, — в голосе Данура слышалась сдержанная ярость. — Одумайся, Пантур, останови ее! Чужаки сверху залезут в нашу жизнь, будут расхаживать по нашим залам и коридорам — даже и мысль об этом противна каждому в Луре!

— Тогда чего же ты боишься, Данур? — внимательно взглянул на него ученый. — Если это так, то совет не поддержит ее решение. Может быть, ты сам догадываешься, что не получишь одобрения большинства?

— Люди глупеют, когда речь заходит о миске еды. Пообещай ее — и они согласятся на все, что угодно.

— Обеспечь им миску еды, сделай их умными. Если ты этого не можешь, какое у тебя право требовать от них разделять твои предубеждения? Или ты боишься, что люди поддержат владычицу, а ты навеки перестанешь быть ее советником?

Данур вздрогнул. Ученый понял, что попал в цель.

— Вечером выяснится, кто из нас прав, — сказал он советнику. — Ты зря надеялся, что я изменю свои взгляды.

— Чем бы не кончился совет, Пантур, с этого дня мы больше не друзья, — во взгляде советника читалась угроза.

— Мы и не были друзьями. — Пантур выдержал взгляд собеседника. Тот резко повернулся и вышел из зала.

Когда ученый вернулся, Шемма встретил его словами:

— Приходил слуга владычицы. Вечером в обеденном зале соберется совет.

— Она хочет, чтобы я присутствовал на совете? — спросил Пантур.

— Мы оба! — выпалил табунщик.

После ужина Пантур и Шемма остались в обеденном зале. Женщины с кухни протерли опустевшие столы, а затем и пол. Вскоре в зале стали появляться главы общин, чем-то похожие друг на друга — пожилые, уверенные, неторопливые. Узнав среди них Масура, Шемма радостно приветствовал его. Табунщик не забыл угощение и заступничество главы Пятой общины.

Когда собралось десятка полтора монтарвов, появился Данур. Он прошел к сиденью, одиноко стоящему у правого края небольшой площадки в конце обеденного зала, и уселся там, подчеркнуто не замечая ни Шемму, ни Пантура. На нем была одежда, переливающаяся красно-розовым, голову покрывала серебряная корона советника, отделанная драгоценностями.

— Чего это он вырядился? — шепнул Шемма Пантуру.

— Так полагается на совете, — ответил тот. — На нем парадная одежда советника. Видишь — главы общин тоже в своей лучшей одежде…

В этот момент в зал вошла Хэтоб. В соответствии с традициями она была в торжественном наряде, том самом, в котором выходила к людям на празднике новолуния. В пушистых волосах владычицы поблескивала золотом корона, надетая впервые со дня торжественной коронации. Ее украшал один-единственный драгоценный камень, наполнявший комнату золотым сиянием. Ажурная оправа позволяла видеть плоские боковые стороны камня, делавшие его похожим на треть яблока, третья сторона, обращенная вперед, закруглялась, переливаясь тысячами граней. Табунщик восхищенно вытаращился на невиданное украшение.

— Что это за штука? — подтолкнул он Пантура, кивая на камень.

— Это символ власти правительницы, — шепнул в ответ ученый. — Им владела Сихроб, а после катастрофы, постигшей Фаур, его передали владычице Лура. С тех пор он украшает лурскую корону.

Владычица прошла по залу, туда, где на левой стороне площадки было установлено точно такое же сиденье, как под советником. Остановившись у сиденья, она повернулась к залу и заговорила.

— Над Луром нависла беда, поэтому я собрала вас здесь, — она четко и коротко изложила последние события. — От этого человека… — Хэтоб указала на Шемму, — мы узнали, что наверху идет война. И причину порчи Оранжевого шара, и помощь следует искать именно там. Наверху есть люди, которые, как и мы, используют тепло нашего шара, но есть и такие, которым он мешает. Я намереваюсь отпустить наверх этого человека, с

условием, чтобы он отыскал там тех, кто может помочь нам. Мой советник не поддерживает это намерение, поэтому я хочу, чтобы окончательное решение приняли люди, которые разделяют со мной ответственность за благополучие Лура. Кто хочет высказаться, говорите.

Хэтоб села, дожидаясь высказываний собравшихся. С места поднялся Данур.

— Вы хорошо знаете наши законы, — начал он. — Не думаете ли вы, что их устанавливали люди глупые и недальновидные? Запрет на общение с людьми сверху появился не на пустом месте. Они неуловимы на своих просторах, а нам некуда уходить, если они нападут на нас. Подумайте об этом!

— Но почему он считает, что мы обязательно нападем на вас? — спросил Шемма у Пантура. — Неужели я похож на грабителя?

— Этот закон появился потому, что наши предки знали только уттаков, — ответил тот. — Я не позволю Дануру играть на наших старых предрассудках.

Ученый встал и вышел на площадку.

— Не пугай нас, Данур, — сказал он. — Среди нас есть человек сверху, каждый может поговорить с ним. Ни он, ни его односельчане вовсе не кровожадны. Они, как и мы, хотят спокойной и мирной жизни. А нам всем нужно помнить, что Оранжевый шар — творение людей сверху. Нам нужна дружба с ними. У них может найтись многое, что улучшит нашу жизнь и облегчит наш труд.

— Там, наверху, сейчас война, — выступил советник. — Мы мирно живем под землей, где так мало места, а они не могут поделить своих обширных пространств. Разве это не указывает, что они опасны? Открываться им — это идти навстречу собственной гибели.

— Да, там есть человек, который повел уттаков на своих же ближних, — ученый, как и советник, обращался к залу. — Но вы не думайте, что эта война нас не касается. Если он победит, уттаки вновь заполонят остров и наступит день, когда они выследят и нас. Это еще один довод в пользу союза с людьми сверху. Те, кто помогает друг другу, становятся сильнее.

Зал зашумел, обсуждая необычную проблему.

— Дайте мне высказаться, — поднялся Масур. — Я разговаривал с человеком сверху. Он хороший, добрый парень. Он угощал нас хлебом — мы ничего не пробовали вкуснее, а он утверждает, что это самая обычная пища. Если бы мы могли обменивать свои изделия на хлеб, мы не боялись бы недорода на плантациях.

— Нарушать закон — дурной пример для жителей Лура, — выступил его сосед, глава Двенадцатой общины. — Если можно нарушить один закон, можно нарушить и другой. Когда люди перестанут уважать законы, порядок и достаток сменится грязью и нищетой. На щепотку выгоды добавится пригоршня убытков.

— Наши люди трудолюбивы и прилежны, — возразил ему глава Восьмой общины, монтарв средних лет, выделявшийся крепким сложением даже среди подземных жителей. — Не нужно думать о них хуже, чем они заслуживают. Они тяжко работают, чтобы быть сытыми и одетыми, и только, а теперь у них не будет даже этого. Вы говорите, что случится беда, а она уже случилась. Недоедают взрослые, а пройдет два новолуния — будут голодать и дети. Вот о чем нужно помнить в первую очередь.

— Благодарю тебя, Лангур, ты высказал мои мысли, — вмешалась в разговор владычица, внимательно слушавшая кипящие споры. — Все прочие несчастья — воображаемые несчастья. У нас будет время подумать, как предотвратить их.

Она не останавливала расшумевшееся собрание. Лишь заметив, что разговоры свелись к повторениям, Хэтоб поднялась с места. Все замолчали.

— Я выслушала вас, — сказала она. — Мои намерения не изменились. Сейчас я прошу вас подумать и выразить свое решение. Пусть те, кто согласен с Дануром, перейдут на правую сторону зала, а те, кто поддерживает меня — налево.

После некоторого замешательства главы общин разошлись на две группы. Шемма и Пантур, не будучи членами совета, остались сидеть на своих местах.

— Пантур, посчитай, сколько людей в каждой группе, — попросила его владычица.

— Не каждой стороне по семь человек, великая, — ответил ученый. — Мнения разошлись поровну.

— Как же теперь? — тихо спросил его Шемма.

— Владычица является главой Первой общины, — так же тихо ответил Пантур. — Поэтому предпочтение отдается ей.

Хэтоб подошла к краю площадки.

— Мое решение принято советом, — объявила она. — Половина из вас поддержали меня. Я не считаю, что это мало. Это очень много. Я понимаю, как трудно даются такие решения, и благодарю вас всех, на чьей бы стороне вы ни были. Подумайте, кого бы вы хотели видеть моим новым советником. С завтрашнего дня я готова выслушать ваши пожелания.

Она вышла из зала. Остальные разошлись не сразу, все еще обсуждая решенный вопрос. Пантур увел Шемму домой, сказав ему на ходу:

— Вот теперь — пора и в путь! Завтра я провожу тебя.

Вернувшись в комнату, он отыскал прежнюю одежду Шеммы, принес откуда-то вместительный мешок и немного еды, затем пошарил на полках и взял с них несколько золотых и серебряных поделок.

— Возьми и это, — он высыпал их в руки Шемме. — Обменяешь где-нибудь на еду. У нас легче найти лишнюю драгоценность, чем лишнюю миску бобов.

Наутро Пантур и Шемма побывали у владычицы и получили ее разрешение. Вернувшись в комнату, Шемма скинул светящийся балахон, чтобы надеть свою родную куртку, брошенную вчера на сиденье.

— Пантур, где моя одежда? — спросил он ученого, не найдя ни куртки, ни штанов.

— Здесь… Разве тут ничего нет?

Они обыскали комнату, но одежда так и не нашлась.

— Украли! — догадался Шемма. — Это Данур!

Ученый покачал головой.

— Не обязательно. Половина людей была против того, чтобы ты возвращался наверх. Я немедленно доложу владычице.

Весь день прошел в бесполезных поисках одежды. Пантур предположил, что, скорее всего, ее сожгли в печи.

— Я все равно уйду! — громко возмущался Шемма. — Уйду так, в этом балахоне!

— Мы можем сшить тебе несветящуюся одежду из травяных волокон, но не раньше следующего новолуния, — уговаривал его ученый.

— Я проберусь в поселок. Какие-нибудь тряпки там остались, их и надену, — уперся табунщик. — Выведи меня отсюда, Пантур!

— Выведу, — согласился тот, — но не сейчас. Наверху солнце, мои глаза не выносят его лучей, а я должен указать тебе место встречи.

Ранним утром ученый повел Шемму наверх. Путь по коридорам показался табунщику бесконечно долгим.

— Куда мы идем? — затревожился он. — Я думал, до поселка ближе.

— Рядом с поселком у нас только смотровые площадки, — пояснил Пантур. — Есть, правда, выходы и поближе, но я выбрал именно этот. Там приметное место, ты легко запомнишь и найдешь его. Кроме того, этот выход можно и засыпать, если потребуется. Он далеко от Лура, и не из самых важных.

Стража у выхода расступилась и пропустила их. Привыкшему к темноте Шемме поздний закат показался необычно ярким, поэтому он не удивился, когда Пантур надел рубиновые очки.

— Видишь три скалы? — ученый указал на три сцепившихся вместе пика. — По ним ты издали найдешь это место. В том направлении, на закат, поблизости течет большая река. С ее берега видно эти скалы. Если идти от изгиба реки на скалы, встретится эта поляна. На ней ты найдешь вон тот камень.

Шемма увидел на поляне плоский, закругляющийся с боков валун, на котором мог разместиться небольшой домик.

— Когда вернешься, ляжешь спать на этом камне. Стража будет наблюдать за ним и немедленно позовет меня, когда ты появишься. Ясно?

— Ясно.

— Ваш храм в том направлении. За полдня ты дойдешь до него.

— Далеко-то как! — ахнул табунщик.

— Так нужно. Когда мне ждать тебя обратно?

Шемма задумался.

— Если в Келангу идти, то к новолунию буду. — Увидев огорченное лицо Пантура, он добавил: — Может, в храм кто вернулся… Тогда дня через два придем.

— Хорошо бы… — взгляд Пантура прояснился. — Ну, иди, Шемма, да не подведи меня.

— Разобьюсь, а приведу магов, — пообещал Шемма и зашагал в направлении, указанном Пантуром.

XXXII

После скандала во дворце Госсар послал человека узнать, где стоит войско Вальборна, чтобы явиться туда для приема командования. Когда выяснилось, что войско ушло в Оккаду, он в раздражении отправился к правителю Келанги.

— Ваш племянник не подчинился ни мне, ни вам, — заявил он Берсерену. — Нужно немедленно вернуть его и наказать.

— Как ты это представляешь, Госсар? — скривился Берсерен.

— Отправьте за ним войско и схватите его. Пусть его приведут в цепях, как преступника!

— Не будь глупцом, Госсар, — одернул его Берсерен. — Там триста человек. Значит, и я должен послать в погоню отряд не меньше. Я не могу вывести из города такое войско, когда уттаки на подходе.

— Вы поверили этому трусу, что сюда идут уттаки?

— Я хорошо знаю своего племянника. Труслив он или не труслив, он никогда не расстанется с идиотской привычкой быть честным. Пусть там не десять тысяч дикарей, как ему показалось, но они идут сюда, и идут с войной. Сейчас не время заниматься воспитанием глупых мальчишек.

— Я бы на вашем месте…

— Ты не на моем месте! Изволь выполнить мои приказания! — свирепо глянул на него Берсерен. — Усиль охрану у моста и выставь людей на смотровую башню. Когда появятся уттаки, немедленно доложишь мне и известишь все войска, чтобы были наготове. А моего племянника оставь мне! Ты слишком любишь соваться в мои семейные дела!

Госсар промолчал. Берсерен подступил к нему вплотную.

— Ты что, не слышишь моих приказов? Вон!!! Я не нуждаюсь в твоих дурацких советах!

Госсар отступил на шаг, будто желая получше рассмотреть Берсерена, затем поспешно повернулся и вышел. Его поспешность была вызвана не испугом и не услужливостью, а боязнью сорваться и погубить замысел, до исполнения которого оставались считанные дни. «Орать на главу рода Лотварна, как на какую-нибудь кухарку! — думал он, в ярости вышагивая по дворцовым коврам, не замечая испуганных взглядов попадавшихся навстречу слуг. — Нет, я никому не уступлю удовольствия выпустить тебе кишки!»

Лишь у дворцовых ворот к нему вернулось хладнокровие. Он вскочил на коня и нехотя отправился выполнять приказы Берсерена. Потакая вздорному нраву старикашки, Госсар заставил

его наделать немало ошибок, но на этот раз Берсерен проявил неожиданное благоразумие. Надежды на внезапное нападение, на легкую победу таяли. Госсар знал численность армии Каморры — она была больше, много больше, чем ожидал Берсерен — и знал защитные силы Келанги. «Город, конечно, будет взят, но с потерями, — думал он, — а впереди еще сражение под Босханом». Донесения шпионов, засланных в армию Норрена, показывали, что там идет основательная подготовка к обороне.

Он ехал по людным улицам, предоставляя встречным прохожим самим заботиться о том, чтобы не попасть под копыта его коня. Госсару было безразлично, чем может обернуться ближайшее будущее для этой торговки рыбой, жаждущей выручить лишний медяк, для этого мальчишки, от безделья скачущего по камням мостовой так, чтобы не наступать на щели, да и для любого жителя Келанги, не подозревающего об истинном положении дел. Горожане волновали его не больше, чем муравьи на мостовой — ничтожества, существующие лишь затем, чтобы быть перемолотыми в мельнице событий, раскрученной его честолюбием. Пока его беспокоило одно — как сохранить побольше уттаков для сражения с армией Норрена.

Госсар помнил босханского мага еще с тех пор, когда тот жил при дворце Берсерена. Тогда они не перекинулись и словом — глава рода Лотварна не снисходил до того, чтобы замечать выскочку из низов, пусть даже и пользующегося особым расположением правителя. Поэтому он был в недоумении, когда прошлой весной Каморра явился к нему и начал разговор с утверждения, что такие люди, как они оба, заслуживают лучшей доли.

Госсар в глубине души был согласен с той частью утверждения, которая касалась его собственного положения. Подчиняться Берсерену, любившему унижать людей независимо от их родовитости, всегда оскорбляло его гордость. Ничего не обещая, он все же выслушал Каморру до конца, но ничем не выдал интереса к словам босханца, пока не убедился, что тот располагает достаточными возможностями для подкрепления своих претензий.

— Я маг, а вы воин… — рассуждал Каморра, добавляя «ваша светлость» без малейшего почтения, просто как обращение. — Это хороший союз. Кусков хватит обоим — вам Цитион, мне Келанга и прочие. Остров давно нуждается в сильной власти. Если вы поддержите Берсерена, я все равно своего добьюсь. Мне будет труднее, но я добьюсь. Но я предпочитаю иметь вас союзником, а не врагом. Это и вам выгоднее. Можете не спешить с ответом, подумайте.

Госсар взял время на размышление и тщательно обдумал предложение мага. Его смешила уверенность Каморры в том, что захвата келадских городов достаточно для того, чтобы стать признанным правителем всего острова. Лучший военачальник правителя Келанги был знаком с властью не понаслышке и знал, что ее гораздо труднее удержать, чем получить.

Он не сомневался, что в Келанге не сыскать человека, который был бы хорошего мнения о своем правителе. Здесь могли с радостью встретить того, кто избавит людей от самодурства Берсерена. В Босхане пока не было настоящей власти — ведь не признавать же правительницей рыжую Дессу со своим мальчишкой. Мать Донкара, по сплетням, не была женщиной строгих правил, поэтому и при дворе, и в народе упорно ходили слухи, что нынешний правитель Кертенка не имеет ничего общего с младшей ветвью рода Кельварна. Трое сыновей Донкара, краснолицые и горластые, как и их отец, не пользовались уважением келадской знати. Лишь Норрен, законный обладатель власти в Цитионе, мог оказаться препятствием.

Положение, безусловно, было подходящим для установления на острове единой власти. Это встревожило Госсара, не видевшего, чем Каморра, с его гадкой привычкой ковырять пальцем в зубах во время разговора, мог оказаться лучше Берсерена. Но, поразмыслив, он пришел к выводу, что сын босханского оружейника не удержится на месте правителя острова, требующем не только умения наводить корчи на уттаков. А если позаботиться о том, чтобы Каморра на этом месте и не появлялся… конечно, острову нужна сильная власть, нужен правитель энергичный и принадлежащий к высокому роду, внушающий не только страх, но и уважение.

Госсар принял предложение Каморры. Сообщив о своем согласии через Шимангу, помощника Каморры, он получил белый диск, который носил не снимая, хоть и не представлял, для чего этот диск может понадобиться в Келанге.

В течение года Каморра не давал о себе знать. Госсар начал подумывать, не посмеялся ли над ним маг, но в конце зимы к нему пришел человек, назвавшийся Кеменером, и от имени Каморры потребовал сведений о придворной жизни Келанги. Шпион оказался весьма неглуп. Он расспросил о военных силах келадских городов, затем посоветовал Госсару поссорить Берсерена с правителями и в первую очередь с племянником. Узнав, что Каморра собирает войска, Госсар попытался выяснить, как маг управляет уттаками, но Кеменер либо не знал этого, либо не пожелал сообщить. Госсар дал ему несколько важных советов по формированию армии и взятию укрепленных сооружений, а

про себя отметил, что такой человек был бы незаменим и у него на службе.

Хотя Госсар, влияя на Берсерена, оставил без поддержки защитников северных земель острова, Каморра не оценил его трудов и, взбешенный огромными потерями у Бетлинка, прислал со шпионом раздраженное письмо. Госсар не выразил возмущения — потери Каморры были и его потерями. Он подробно рассказал Кеменеру о своих усилиях по ослаблению защиты острова от уттаков, не для оправданий, а для того, чтобы перетянуть шпиона к себе. Вслух ничего не было предложено, но маленькие, цепкие глаза Кеменера с полным пониманием встретились со взглядом главы рода Лотварна. Умный слуга нуждался в умном хозяине.

Госсар познакомил Кеменера с донесениями из Босхана и Цитиона, а затем намекнул, что Норрен является главной помехой на пути… употребив вместо прямолинейного «к захвату власти» обтекаемое «к изменению текущего положения». Кеменер понял намёк, но уточнил, подстраховываясь.

— Вы хотите сказать, что такие помехи следует устранять?

— Именно, — подчеркнул интонацией Госсар.

— Непростая задача. Опасная, — шпион не набивал цену, он сообщил свое мнение о порученном деле.

— Вы справитесь в ней, Кеменер. Вот деньги. — Госсар протянул шпиону кошелек с золотом.

Шла третья неделя с тех пор, как уехал Кеменер, но известий с юга пока не было. В случае неудачи следовало ожидать ожесточенного сопротивления под Босханом. Поглощенный этими мыслями, Госсар объехал войска защитников Келанги, передавая распоряжения Берсерена, поставил добавочную стражу на башне и у моста. Вернувшись к себе, он вызвал своих людей и отдал им приказы, соответствующие его собственным планам.

Через три дня со смотровой башни Келанги были замечены первые уттаки. Они шли по северной дороге беспорядочными толпами по две-пять сотен, отличавшимися друг от друга одеждой и вооружением. Толпы одна за другой подходили к северному берегу Тиона и, не выходя из леса, растекались по береговой границе в обе стороны от моста.

Берсерен, получив сообщение о появлении врага, сам отправился на смотровую башню. Он с Госсаром ехал в сопровождении отряда стражников по охваченным паникой улицам Келанги. Жители города, каждый по-своему, пытались спасти себя и свое добро. Одни укрепляли ставни и приколачивали к дверям добавочные засовы, другие выносили вещи и грузили на повозки, стоящие в ожидании у подъездов. К городским воротам потянулись вереницы подвод, переполненных

домашней утварью, с сидящими поверх тюков с одеждой женщинами и детьми, навстречу им двигался поток беженцев из пригородных поселений, считавших городские стены надежным укрытием.

— Люди разбегаются, ваше величество, — заметил Госсар. — Прикажете остановить их?

Заботы о предотвращении опасности, грозящей городу, вытеснили самодурство Берсерена.

— Кому они нужны! — отмахнулся он. — Пусть идут, куда хотят, лишь бы не путались под ногами у воинов. Войска заняли свои места?

— Все сделано в точности по вашим приказам, — подтвердил Госсар.

— Когда ждать нападения на город?

— Кто их знает, этих уттаков…

Поднявшись на смотровую башню, Берсерен долго изучал северный берег Тиона и скапливающиеся на нем вражеские силы. Весь прибрежный лес кишел уттаками, а дикари все подходили и подходили.

— А Вальборн-то не ошибся, здесь не меньше десяти тысяч… — Берсерен гневно уставился на Госсара. — Ты говорил, не бывает столько уттаков сразу? Вот, смотри!! — он сделал резкое движение по направлению к уттакам и чуть не вывалился за ограждение. — Мой лучший военачальник — глупая баба!!! Вон отсюда, ты отстранен от командования! Я сам буду руководить обороной!

Госсар спустился вниз, рванул коня в галоп и исчез среди улиц Келанги. Берсерен потребовал к себе военачальников и с башни указал расстановку войск для обороны. Все знали, что уттаки не умеют плавать, поэтому основные силы были поставлены у моста, чтобы как можно дольше не подпускать дикарей к городу. Когда распоряжения были сделаны, правитель вспомнил про Госсара и, вылив поток брани на голову бывшего любимца, отдал заключительный приказ.

— В темницу его, раззяву!

Стражники отправились за Госсаром. Узнав, что хозяин с утра не появлялся дома, они остались ждать его возвращения. Но тот и не собирался возвращаться домой. Он долго петлял по Келанге, пока не подъехал к каменному двухэтажному дому, располагавшемуся на удаленной от центра города улице. Там он спешился и постучал в дверь условным стуком.

— Ваша светлость! — ошалел от удивления слуга, открывший дверь.

— Заткнись! — Госсар поспешно шагнул внутрь. — Уведи

коня во двор, чтобы не видели. Хозяин здесь?

Хозяин, кряжистый человек средних лет, уже спускался к нему по внутренней лестнице. Он был не из людей Каморры, а из семьи, издавна и мечом, и трудом служившей роду Лотварна.

— Ваша светлость, вы! — его квадратная челюсть возбужденно двигалась на каждом слове. — Честь-то какая…

Госсар отмахнулся от фанатичного восторга человека, которым с юных лет привык распоряжаться, как своей рукой.

— Сейчас не время болтать, время действовать. У тебя все готово?

— Готово, — понимающе кивнул хозяин. — И подвода ваши, и кони, и груз — все здесь. Лодочники ждут приказа.

— Этой ночью, в условленном месте, — приказал Госсар. — Подводы отправляй прямо сейчас. И оккадская, и босханская дороги переполнены бегущими, вы проедете незаметно. И позаботься о семье — оставаться в городе опасно.

Хозяин, растроганный заботливостью своего владыки, подобострастно поклонился.

— Наше войско завтра к вечеру должно собраться на купеческой, ты знаешь, где, — продолжил Госсар.

Хозяин вновь поклонился.

— Я останусь здесь до вечера, затем мы оба выедем к реке. Отправь ко мне домой слугу, пусть позовет сюда моих людей, — Госсар назвал имена.

Хозяин проводил его в гостиную, кликнул слуг, чтобы позаботились о важном госте, а сам пошел выполнять порученное. Вскоре несколько подвод, просевших от тяжелого груза, укрытого мешковиной, выехали с улицы, направляясь к оккадским воротам.

Ближе к вечеру в дверь постучали. Хозяин узнал людей Госсара и проводил их наверх.

— Вы заставили меня ждать, — сухо сказал Госсар, оглядев собравшихся. — Надеюсь, это в последний раз.

— Ваша светлость, в доме стража, — сказал один из прибывших. — Ждут вас и никого не выпускают, чтобы не предупредили.

Госсар нахмурился.

— Что им нужно у меня в доме?

— Боюсь, что вы попали в немилость к правителю.

— Вот как? Что ж, это на него похоже. Как вы выбрались из дома?

— Уследили момент и приставили лестницу к стене заднего дворика. И вот мы перед вами.

— Хорошо, — Госсар остановил внимание на одном из них. — Ты вернешься назад и позаботишься о доме. Вещи

получше снесите в подвал и укройте, на случай, если ворвутся уттаки. Но постарайся предотвратить это любыми средствами. Белый диск на тебе?

— Да.

— Если дикари будут ломиться в дом, пользуйся диском без стеснения. Завтра в это же время, если стражники останутся в доме, скажешь им, что после полудня меня видели в гостинице у южного рынка. Задвиньте все засовы и ночью будьте настороже. Иди.

Слуга ушел. Госсар подозвал остальных поближе и вполголоса заговорил о чем-то. Все сосредоточенно слушали.

— …сигнал подадите светлячками с берега реки, — закончил он. — Трое ворот — три огня. Увидите ответный огонь — пойдете на купеческую.

Когда все ушли, Госсар чуть выждал и потребовал к себе хозяина.

— Нам пора, — сказал он, когда тот появился в гостиной. — Пусть седлают коней.

На закате солнца двое всадников галопом миновали городские ворота, от которых начиналась дорога в Оккаду. Не успели они скрыться за холмом, как решетка ворот опустилась, лязгнули бронзовые створки, загремели задвигаемые засовы. По приказу правителя город закрылся на ночь.

Перевалив через холм, Госсар и его спутник свернули в лес и поехали напрямик к берегу Тиона. Чуть выше по течению, на небольшой поляне теснились знакомые подводы, у берега застыли пять лодок. Люди и кони затаились в лесу, ожидая сигнала.

— Лодки нагружены, ваша светлость, — встретил Госсара старший. — Потребуется сплавать трижды, чтобы перевезти все.

— Сплаваете трижды, — бросил на ходу Госсар. — Ты не забыл о свете? — обратился он к своему спутнику.

Тот подал ему светлячок Василиска из белого эфилема. Госсар взял шарик в ладонь, направил луч света на дальний берег Тиона и начал подавать сигналы, ритмично перекрывая луч другой ладонью. С противоположного берега в ответ замигал белый огонек.

— Все в порядке, — сказал Госсар. — Поплыли.

Он вскочил в лодку, оставив помощника наблюдать за переправой. Лодки отчалили и устремились через Тион к белому огоньку. Высадившись на другом берегу, Госсар подошел к человеку, подававшему ответные сигналы. Свет растущей луны позволял различить сухие, острые черты лица Каморры, явившегося на встречу.

— Это ты, Госсар… груз здесь? — без лишних церемоний

спросил маг.

— Все, как обещано, и топоры, и веревки, — ответил тот.

— Мне понравился твой план. Надеюсь, он удастся. Если потери будут такими же, как в Бетлинке, нам не с кем будет идти дальше.

— Эти дикари могут провалить любой план. Малейший шум — и все откроется раньше времени.

— Я знаю, как сделать их тихими и послушными. Твоя задача — обеспечить им путь в город.

Госсар поморщился. Хоть маг и обращался к нему по-свойски, видимо, считая ровней, такое равенство не казалось лестным главе рода Лотварна.

— Послушайте меня внимательно, Каморра, — с подчеркнутой вежливостью сказал он магу. — У моста будет стоять большое войско. Когда увидите сигнал, переправляйтесь выше и ниже моста, и держитесь от него подальше. Часть уттаков пойдет в городские ворота, часть должна напасть на войско у моста, чтобы расчистить путь остальным. Если они не будут действовать тихо и одновременно, я не могу обещать, что план удастся.

— Уттаки сделают все так, как захочу я! — Каморра похлопал себя по груди, где под курткой висел белый диск. — От моей магии они становятся послушными, как овцы. Я подавляю волю этих дикарей, они становятся моим продолжением. Моя сила, моя воля вытесняет их собственные коротенькие мысли.

Госсар не перебивал мага, надеясь, что тот выболтает лишнее, но Каморра оборвал речь так же резко, как и начал.

— Завтрашней ночью я жду сигнала, — напомнил маг. — А ты, Госсар, своими силами захвати дворец и не пускай туда уттаков. Ты бы видел, что эти дикари натворили в Бетлинке! Я не хочу, чтобы они испоганили мое будущее жилье.

— Сигнал будет подан после полуночи, — сдержанно сказал Госсар. — Мне пора возвращаться.

— Езжай! — разрешил Каморра. — До встречи в Келанге!.

Госсар сел в лодку и переправился назад, где его встретил помощник.

— Все идет как надо? — спросил тот.

— Думаю, что да, — сквозь зубы ответил Госсар.

Они переночевали в опустевших подводах, завернувшись в мешковину. Утром помощник поехал в Келангу, чтобы разузнать обстановку и обеспечить безопасное возвращение Госсара. Около полудня он вернулся к подводам.

— Вас ищут, ваша светлость, — было его первыми словами. — Стража у ворот извещена и схватит вас, если вы там

появитесь. Я дал знать кое-кому из наших, они будут ждать у оккадских ворот.

— Вооруженный отряд будет маячить перед воротами?

— Нет, они поодиночке выедут из города и соберутся за холмом.

— Мне нужно прикрыть одежду, чтобы меня не узнали издали.

Помощник отдал Госсару свой плащ, взял крестьянскую шапку у одного из людей, прибывших с подводами. Госсар прикрыл плащом камзол с известным всему городу гербом рода Лотварна, надел шапку и, дав знак помощнику следовать за ним, выехал со стоянки.

За холмом их ждал десяток вооруженных людей в форме войск правителя Келанги. Увидев их, Госсар изменил первоначальный план.

— Вы поведете меня в город, как пленника. Страже у ворот скажете, что схватили меня и направляетесь к Берсерену.

Он вернул шапку и плащ, сложил руки за спиной и потребовал замотать их ремешком, не связывая. Один из воинов взял повод его коня, и вскоре группа благополучно миновала оккадские ворота.

Госсар без помех добрался до дома помощника и остался там ждать событий наступающей ночи. Поздно вечером, когда темнота позволила не бояться быть узнанным, он выехал на купеческую улицу, где жил один из его приверженцев, богатый торговец. Просторный внутренний двор купеческого дома был заполнен пешими и конными воинами, примкнувшими к главе рода Лотварна. Госсар приветствовал их и объявил, чтобы все были готовы к выступлению.

После полуночи в доме торговца один за другим появились вчерашние посетители Госсара. Обменявшись с ними парой фраз, он скомандовал воинам следовать за ним и повел войско ко дворцу Берсерена.

В городе было тихо. Госсар напряженно вслушивался в темноту, ловя отдаленные звуки, но стук копыт двигающегося по улице отряда был единственным, что нарушало ночную тишину. Это было хорошим признаком — ведь последний из пришедших сказал, что своими глазами видел, как с противоположного берега Тиона отделились сотни плотов, заполненных корявыми темно-серыми тенями, гребущими ритмично и бесшумно, как в кошмарном сне наяву. Лишь в конце пути, на дворцовой площади, Госсар услышал отдаленный шум битвы и крики тревоги, раздающиеся со сторожевой башни. Он, не таясь, подвел отряд к главным воротам дворцовой ограды и потребовал стучать в них

как можно громче.

— Где начальник стражи?! — напустился он на появившегося за воротами воина. Тот, увидев перед собой одного из первых людей города, испуганно дернулся и замер в почтительной позе.

— Что ты стоишь, как болван! — грозно нахмурился Госсар. — Начальника стражи сюда, и немедленно!

Начальник дворцовой стражи, подошедший на шум, был встречен Госсаром еще неласковее.

— Где вы шляетесь!? — крикнул на него Госсар. — Город в опасности, а вы спите?! Я думал, что мне до утра не разбудить вас!

— Ваша светлость… — запинаясь, пробормотал тот. — Но ведь вас же… Берсерен приказал…

— Он передумал, — резко сказал Госсар. — Вы слышите тревогу? Уттаки напали на город. Мой отряд будет защищать дворец, а вы с людьми немедленно отправляйтесь к мосту.

Противоречивые приказы не были редкостью во дворце, поэтому начальник стражи принял требование первого военачальника как должное. Он собрал свой отряд и увел по направлению к тионским воротам. Госсар, удостоверившись, что вся наружная охрана заменена его людьми, застучал в парадную дверь дворцового здания.

Правитель Келанги не держал внутренней охраны. Он не доверял вооруженным людям, предпочитая им прочные засовы на дверях и оконных ставнях. Когда в дверном окошечке показалась сонная и встревоженная физиономия привратника. Госсар обратился к нему в привычно приказном тоне:

— Уттаки в городе. Я должен немедленно сообщить его величеству.

Первый военачальник Берсерена имел во дворце сильное влияние, которого не могли затенить слухи о немилости правителя. Привратник впустил Госсара и повел по коридорам, слабо освещенным светлячками Феникса на фигурных бронзовых подставках.

— Пошел вон, — отослал его Госсар, когда они остановились у двери в спальню правителя. Слуга поспешно исчез в глубине коридора.

Госсар постучал, не слишком громко, но настойчиво. Вскоре из-за двери раздался привычно-раздраженный, хриплый со сна голос Берсерена.

— Кто смеет будить меня?!

— Уттаки в городе, ваше величество, — ответил Госсар, изменяя голос, чтобы не быть узнанным.

Фраза подействовала магически. Послышался звук

отодвигаемого засова, и в раскрывшейся двери показался Берсерен в ночном халате. Приглядевшись, правитель узнал разбудившего его человека.

— Госсар?

Тот, с мечом в руке, оттеснил Берсерена в спальню и задвинул за собой засов.

— Что это значит, Госсар? — взгляд Берсерена заметался между лицом военачальника и его обнаженным мечом. — Что ты здесь делаешь?

Госсар молча разглядывал старикашку, казавшегося еще мельче и противнее в ночном халате и шлепанцах. Сейчас, зная исход встречи, он не чувствовал ни давней ненависти к своему правителю, ни жажды мести. Одно лишь холодное любопытство заставляло его медлить с ударом.

— Ты солгал, что уттаки в городе, чтобы пробраться ко мне и захватить меня?! — ярость Берсерена выглядела несовместимой с халатом и шлепанцами.

— Нет, не захватить. Убить, — спокойно, почти буднично ответил Госсар. — Я не солгал, уттаки в городе. Это я впустил их. Род Кельварна измельчал, Берсерен. Ему нечего делать у власти, есть более достойные.

— Это ты, что ли?! — ощерился Берсерен. — Скажи это Норрену, я посмотрю, что он тебе ответит! Ты годишься только на то, чтобы грозить мечом безоружному! Дай мне сразиться с тобой в честном бою, и посмотрим, чья возьмет!

— Не дам. Я пришел не сражаться, а уничтожить тебя, как обнаглевшего уттака. А про Норрена ты поздновато вспомнил, Берсерен. И его, и твоя судьба решена. Ты сейчас умрешь, но, может быть, ты уже пережил его.

Госсар приподнял меч, направляя острие в грудь Берсерену. Правитель попятился, отступая, пока его не остановила оказавшаяся сзади спинка кровати. В этот момент Госсар нанес ему резкий удар в грудь. Берсерен свалился на кровать, короткая агония стерла негодующее изумление, не покидавшее его лицо с самого начала разговора. Госсар вытер меч о халат правителя Келанги и вышел из спальни.

Уттаки, руководимые Каморрой, с утра разобрали топоры и веревки. Отойдя по берегу на расстояние, достаточное, чтобы скрыть военные приготовления, они в течение всего дня рубили и вязали плоты. Вечером Каморра с помощниками притаился в чаще у моста, ожидая сигнала Госсара.

Заметив три белых огня, говорившие, что городские ворота открыты, маг выехал на своем вороном к краю леса и послал через диск приказы спящим дикарям. Кончик его жезла

поворачивался то вправо, то влево, выбирая получателей очередного приказа, и вспыхивал, закрепляя нужные действия в уттакских мозгах.

Отряды уттаков поднимались, как завороженные, под действием одновременно принятого приказа. Они единой массой подходили к берегу, спускали в реку плоты и, забыв обычный страх перед водой, загребали шестами. Слаженности их действий позавидовал бы и Маветан, долгими трудами добивавшийся ее от дворцовых танцовщиц.

Каморра не видел, как его дикари переправляются через Тион, но благодаря диску знал об их перемещениях. Когда обе группы оказались на другом берегу, он разделил каждую на части, посылая одних в городские ворота, других — на войска Берсерена, стоявшие лагерем у моста. Потоки уттаков потянулись и к босханским, и к тионским, и к оккадским воротам, и в тыл береговой защите города.

В Келанге не ждали ночного нападения, поэтому, несмотря на выставленную стражу, тревога поднялась, когда первые уттаки уже достигли ворот. Дикари хлынули на улицы Келанги, сминая беспорядочно выбегающие навстречу войска. Они разом обрели голоса и завопили, завизжали, заулюлюкали, ошеломляя застигнутых врасплох горожан.

Бой за мост был бурным и недолгим. Когда защита была снесена, через мост потекла основная масса уттаков, накрывая Келангу опустошающей, сеющей смерть волной. Город наполнился стуком секир, воплями, стонами и криками ужаса, треском разрушаемых дверей и окон. В каждом переулке текла кровь и валялись убитые, горели костры, сложенные из дорогой мебели, на которых оголодавшие уттаки жарили еще теплое мясо.

К утру бой закончился. Восход осветил разоренный город, казавшийся одним огромным, растерзанным трупом. Дикари занялись грабежом, оставшиеся в живых люди тайком выбирались за городские ворота, спасаясь бегством. Каморра со свитой победителем проехал по улицам Келанги до дворцовых ворот и потребовал открыть их. Стражники отправились к Госсару, оставив завоевателя на площади.

— Какого аспида, Госсар! — раздраженно высказался Каморра, когда тот подошел и ворота наконец открыли. — Из-за тебя я торчу перед воротами собственного дворца, как нищий!

— Ночь была трудной, я лишь недавно прилег отдохнуть, — пояснил Госсар. — Я пришел сразу же, как мне доложили о вас.

— Тебе нужно было предупредить стражников, чтобы встретили меня как должно, а не выставляли на смех перед моими людьми, — проворчал Каморра.

— Верность моих людей и без того подверглась испытанию при виде этой резни, — ответил Госсар. — Неужели нельзя было придержать своих уттаков?

—. Ты дерзок, Госсар, — нахмурился маг. — Здесь нет твоих людей, здесь есть только мои люди. Советую тебе помнить, кто ты и кто я.

— Я ни на миг не забываю этого.

Маг истолковал ответ главы рода Лотварна в свою пользу.

— Ладно. И впредь не учи меня, как распоряжаться уттаками.

— Если вы собираетесь править в городе, следовало пощадить его жителей. Ведь не хотите же вы быть правителем без подданных?

Каморра на мгновение задумался.

— Когда уттаки заняты грабежом, их тупые головы делаются недоступными для моей магии, — признался он. — Что делать, дикари есть дикари.

Госсар принял к сведению, что, оказывается, и Каморра не имеет полной власти над уттаками, но вслух ничего не сказал. Опыт придворной жизни точно указывал ему, в каких случаях лучше промолчать.

— Где Берсерен? — спросил его Каморра.

— Он мертв.

— Как мертв?! — вскипел маг. — Он должен был стать моим пленником. Старикашка дешево отделался, и это по твоему недосмотру, Госсар!

— Я не знал, что он нужен вам живым.

— Лжешь! Я говорил тебе это!

— Ночью у меня было немало дел поважнее. Обратите внимание, здесь уцелел каждый кустик, каждая скамейка. — Госсар обвел рукой вокруг. — Где в Келанге найдется еще одно такое место?! Думаете, нам было легко всю ночь сдерживать уттаков?

Маг по-хозяйски оглядел дворцовый парк.

— Вижу, — в голосе Каморры прозвучало торжество. — Я доволен тобой, Госсар.

XXXIII

Путь по Иммарунскому лесу был спокойным и, пожалуй, даже приятным. Тревинер безошибочно выбирал направление и отыскивал ручьи для привалов, издали замечал дичь или съедобную травку, заботясь о своих менее привычных к лесу спутниках с естественным добродушием хлебосольного хозяина, принимающего у себя гостей. Несмотря на то что дневные привалы стали короче, Витри использовал каждый удобный момент, чтобы поучиться у охотника искусству стрельбы из лука.

Через два дня, когда количество попаданий у Витри сравнялось с количеством промахов, охотник, довольный успехами ученика, сказал:

— Завтра выберем цель на десять шагов дальше, чем сегодня. Конечно, ствол дуба не дикая утка, но у тебя все впереди, парень! И я когда-то мазал по козлиной шкуре, которую нам с Вальборном вывешивал на заборе Лаункар. Зато теперь… Витри, помни, что мастерство в своем деле — это свобода! Я и сыт, и одет, и никто мне не указ. До чего ж люблю такую жизнь!

Тревинер весело оскалился в улыбке.

— Разве ты не на службе у правителя Бетлинка? — спросил Витри. — Я думал, это он приказывает, что ты должен делать.

— Может быть, другим и кажется, что он распоряжается мной, — прищурился охотник. — Но мой правитель никогда не прикажет мне того, чего я не захочу выполнить. Я сам себе хозяин, Витри, и думаю, что всю жизнь проживу именно так.

— Всю жизнь? — удивился Витри. — Здесь, в лесу?

— Здесь же замечательно! — Тревинер слегка взмахнул кистью руки, как бы охватывая и солнечную поляну, и вздрагивающие под слабым ветром верхушки деревьев, и кусочек голубого неба. — Когда я в лесу, мне нечего больше желать. Мой лук, Чиана и я — отличная компания!

Витри проникся бесшабашным настроением Тревинера.

— А как же жена, детки? — осторожно спросил он, втайне надеясь, что охотник рассеет и эти затруднения.

— Слово-то какое — жена… — приоткрыл глаз Тревинер. — Когда я выхожу из леса и вижу красавицу — для меня это праздник. А жена? Тесная вонючая изба и она в ней — день и ночь, в любом виде, в любом настроении, с нечесаной головой, с немытой мордой. Что и говорить, праздничек! Поглядел я в свое время и на родителей, и на соседей… детки визжат, дерутся, то у них понос, то сопли. Конечно, не все так думают, но не все и живут, как я. Их право.

— Ну, а как же… — в памяти Витри возникло круглое личико Лайи, капризное и хорошенькое, ее вздернутый носик и светлые кудряшки. — Бывает же, что двое полюбят друг друга и поженятся, чтобы никогда не разлучаться…

— Наверное, бывает, — не стал возражать Тревинер. — Я не из тех чудаков, для которых свет сходится клином на одной паре глазок. Мир большой, красавиц в нем много. Всегда найдутся и те, которые окажут благосклонность бродяге-охотнику.

— Да, но… — Витри сделал жест руками, будто бы противопоставляя их друг другу. — А если, допустим, тебе хотелось бы благосклонности какой-нибудь красавицы, а она тебя не замечает. Замечает другой), а не тебя. Тогда что?

— Пожелаю ей счастья и посмотрю, нет ли у нее хорошенькой подружки или соседки, — подмигнул ему охотник. — Я в таких делах не жадничаю. Вон наш приятель Альмарен — боится, как бы я не приударил за этой маленькой колючкой, с которой он сам не сводит глаз. Объяснил бы я ему, да эти чудаки такие обидчивые! Да и девчонка не в моем вкусе. Красавица должна быть большой, пышной и мягкой, и пусть сколько угодно притворяется умной, лишь бы ей не была. — Взгляд Тревинера внезапно Сделался грустным и сочувствующим. — Я и подхожу-то к ней только посмотреть, правильно ли она птичку щиплет к ужину, а он на меня аспидом глядит. Чудак!

«И я был чудаком», — подумал Витри, вспомнив, как боялся, что его невеста выйдет замуж за Шемму. Тревинер тихим свистом подозвал кобылу, пасшуюся здесь же, и они с Витри вернулись на дневную стоянку, где маги по-прежнему изучали книгу.

— …все считают, что саламандры, как и фениксы, давно вымерли, — услышали они конец фразы Альмарена.

— В этом видении они были живыми, — отвечала Лила. — Они лежали неподвижно в пруду у шара, но я помню их глаза — блестящие, золотистые…

— Хватит, друзья, поболтали — и вперед! — скомандовал Тревинер. — Если поторопимся, завтра к вечеру будем у Ционских скал.

На вечерней стоянке Витри подсел поближе к охотнику, догадываясь, что неистощимый оптимизм Тревинера вплотную связан с его жизненными взглядами. Куча вопросов вертелась на языке у лоанца, он с нетерпением дожидался, пока охотник управится с миской обжигающей каши. Когда ужин был съеден, Витри спросил охотника:

— Послушай, Тревинер, а ты помнишь своих родных, близких? Ты скучаешь по ним?

— Помнить — помню, — отозвался тот, наблюдая, как магиня

укладывает миски и кружки в котелок из-под каши, чтобы идти их мыть на ручей. — Но скучать? Мы разные люди, у нас разные интересы. Я ушел из дома мальчишкой и никогда не жалел об этом. Если я по кому-то и скучаю, то по Вальборну. Как он там без меня, в Келанге, что там опять его дядюшка вытворяет? — Тревинер пошевелил палкой головешки костра. — Я уверен, Витри, и мой правитель меня не забывает. Но еще больше я скучаю по Бетлинку. Мне некуда, вернуться, я не могу въехать в его ворота, взбежать по лестнице… проклятые уттаки!

Охотник замолчал. Витри, не зная, что сказать, сочувственно вздохнул.

— Чайку бы еще выпить, — вспомнил Тревинер. — Кто сегодня солил кашу? Альмарен, я видел, это ты крутился у котла!

— Когда я мешал ее, она была совершенно несоленой, — откликнулся из-за костра Альмарен.

— Рубил бы дрова вместо того, чтобы мешать варить кашу, — посоветовал ему охотник. — Запить твою стряпню и ведра воды не хватит.

Он снял с перекладины котелок с остатками чая, поискал кружку, но вспомнив, что посуду унесли мыть, поднес черный край котелка ко рту.

— Ой! Тьфу! — котелок выпал из рук охотника и покатился по земле. — Жжется-то как! — Тревинер зафыркал, обдувая обожженную губу. — Ладно, там и было-то на донышке. Схожу-ка я за водичкой… — он отыскал на земле котелок и пошел к ручью.

— Я схожу, — заступил ему дорогу Альмарен.

Пожав плечами, Тревинер отдал ему котелок и вернулся на свое место.

— Ну что я тебе говорил, парень! — сказал он Витри, когда маг скрылся за кустами. — Чудак!

Витри рассеянно кивнул.

— Ты живешь такой жизнью, Тревинер, и ты счастлив? — спросил он в продолжение своим мыслям.

— Разве по мне этого не видно? — бодро ответил тот. — Только ты, Витри, не думай, что такое счастье подходит каждому. Я ведь вижу, куда ты клонишь. Не примеряй на себя мою жизнь. Не может быть счастлив тот, кто взял себе чужую судьбу. Пробуй, ищи, и если повезет, ты отыщешь и свою долю.

Витри задумался.

— У нас в селе никто не ищет свою долю, — сказал он после длительного молчания. — Просто живут, и все.

— Если бы каждый знал, что ее нужно искать, мир был бы полон счастливых людей, — ответил охотник. — Большинство живет, оглядываясь на других, перенимая себе чужое, мучая себя

и своих близких.

— Ты ушел из дома, когда понял это?

— Ну конечно, нет. Я был строптивым, скверным мальчишкой, мне не нравилась моя жизнь, и я сбежал. Я понял это потом, когда стал взрослым. Прежде, чем сделать шаг вперед, бывает полезно отойти в сторону. Так виднее.

Витри вновь замолчал, обдумывая слова Тревинера. Тот помешивал палкой в костре, щурясь на огонь, его лицо приобретало лукавое выражение.

— Что-то долго его нет, — Витри вспомнил об Альмарене, ушедшем за водой. — Я сбегаю узнаю, что случилось.

— Сиди! — пальцы охотника неожиданно жестко легли на плечо Витри. — Что нам с тобой эта кружечка чаю? Успеем мы ее выпить.

Витри остался на месте. Когда Альмарен, наконец, появился из-за кустов, котелка с ним не было. Тревинер вгляделся в лицо мага и наклонился к Витри, морщась, будто от зубной боли.

— Не повезло парню на этой прогулке, — шепнул он лоанцу. — Молодой еще, бестолковый, ничего не умеет. Ну зачем он так подставляется? Им и штучка попроще этой могла бы вертеть, как вздумается. Объяснил бы я ему, как надо, да он все равно слушать не станет.

— Альмарен, не глядя вокруг, прошел мимо костра. Оба собеседника молча следили, как он переступил через разбросанные вещи и уселся поодаль, прислонившись к дереву.

— А как надо, Тревинер? — тем же шепотом спросил Витри.

— Что бы ты, парень, не чувствовал, никогда не подавай вида, что ты от нее зависишь, что готов принять любые условия. Как бы дело не обстояло, оно от этого только ухудшится. Понимаешь?

Витри вспомнилось, как Лайя называла его тюфяком, как говорила, что выйдет замуж только за героя.

— Представь себе, Тревинер, еще как понимаю…

Эта бессонная ночь показалась Альмарену бесконечной. Он снова и снова вспоминал подробности разговора у ручья, сотни раз возвращаясь к каждому слову. Какая усталость была в ее глазах, каким печальным был ее голос: «Не говори мне ничего, Альмарен. Какая глупая жизнь, сколько потерь, а теперь еще и это… Прошу тебя, избавь меня от этого груза!» Но он не замолчал, потому что казалось невозможным, невероятным, чтобы ей не было нужно все, что он чувствовал к ней. Ему это и сейчас казалось невероятным, хотя она сказала, что не может забыть человека, которого давно нет в живых.

Она не добавила ни слова, поэтому Альмарен имел полную

свободу гадать, кем или каким был его странный соперник. «Живые должны стремиться к живым, — решил он. — Я не уступил бы ее живому, тем более не уступлю мертвому». Осознав это, он почувствовал, что суета его мыслей улеглась, оставив одну сосредоточенную направленность на выполнение принятого решения. Утром он был спокоен, не забытой за последние дни мальчишеской беззаботностью, а спокойствием человека, знающего свою цель.

В этот день путники пересекли дорогу, ведущую с Оранжевого алтаря в Келангу. Всем было радостно встретить хоть какой-то признак человеческого жилья. Над восточным краем леса показались острые голубоватые верхушки скал Ционского нагорья, а к вечеру путников остановил берег Тиона, текущего на этом участке с запада на восток. С берега было видно, как река достигала нагорья и у самых скал делала поворот на юг.

— Здесь и переночуем, — объявил Тревинер. — А с завтрашнего дня пойдем вдоль берега до самого Босхана.

С Чианы сняли мешки, и каждый взялся за привычную работу. Альмарен ушел за водой, Лила занялась кухней, а Тревинер и Витри разбрелись по лесу в поисках дров.

Витри углубился в лес, чтобы выбрать сушняк потолще, набрал подходящих веток и поволок их к стоянке, но зацепился за встретившийся на пути кустарник. Он разогнул спину, лишь вытащив все ветки на ровное место, и вдруг обмер от неожиданности. За доли мгновения Витри осознал, что к нему приближается человеческая фигура в бесформенном, мерцающем голубоватым светом балахоне.

— Витри, это ты?! — позвала она.

Витри увидел, что существо в балахоне очень похоже на погибшего Шемму.

«Какой ужас! — пронеслось у него в голове. — Привидение!»

— Ты не узнаешь меня, Витри?! — воззвало привидение.

«Он пришел, чтобы взять меня с собой!» — догадался Витри. Вскрикнув от ужаса, он бросился бежать к стоянке.

Привидение с громкими криками «Витри! Постой, Витри! Подожди!» погналось за ним.

Витри бежал по лесу, призывая на помощь, за ним, пыхтя и топая, неслось привидение. Друзья лоанца, всполошенные криками, помчались к нему навстречу, впереди — Тревинер с луком наготове. Витри добежал до них, задыхаясь. Он никак не мог выговорить, что с ним случилось, но они сами увидели светящуюся фигуру, испуганно остановившуюся поодаль.

— Витри, это я, Шемма! — завопила фигура.

— Там… Там… — Витри замахал на нее рукой. —

Привидение…

— Что ему нужно? — спросила Лила.

— Это мой погибший односельчанин — Шемма. Он зовет меня к себе. Мне говорили, что они забирают людей с собой.

— Витри, я живой! Я настоящий! — позвало привидение. — Пощупай меня, если не веришь!

— Нет уж! — с дрожью в голосе ответил Витри, хотя и чувствовал себя увереннее рядом с друзьями. — К тебе подойдешь, а ты и утащишь меня в скалы!

— Не утащу, честное слово, не утащу, — жалобно заныла фигура. — Да ты проверь меня, Витри! Привидения, они ничего не едят, а ты брось мне кусочек хлеба, и вот увидишь, как я его съем!

Альмарен, стоявший сзади Витри, фыркнул от смеха, за ним засмеялись и остальные.

— Пусть подойдет поближе. Что он один нам сделает! — сказала Лила и позвала привидение. — Эй ты, иди сюда!

Фигура опасливо приблизилась. Это был вылитый Шемма, только исхудавший до невозможности.

— Шемма, ты? — спросил Витри.

— Я, конечно. Вот пощупай, живой. — Шемма протянул руку. Витри взялся за нее, ожидая чего угодно, но рука оказалась живой и теплой.

— Шемма! — обрадовался Витри. — А я думал, что ты давно погиб!

Оба лоанца шагнули друг к другу и неожиданно для себя обнялись.

— Шемма!

— Витри!

— Вот это встреча!

— А мне как повезло! Только вылез оттуда — и сразу ты! Я-то как перепугался — если уж ты не признал меня в этом балахоне, то другие и близко не подпустят.

— Вид у тебя, я скажу… будто и впрямь из могилы вылез.

— Ел бы ты целый месяц одни овощи, посмотрел бы я на тебя… А мясца у вас нет?

Последний вопрос табунщика окончательно рассеял сомнения Витри.

— На ужин будет заяц, — сказал он Шемме. — Пойдем с нами.

Все отправились назад на стоянку. Лила, поравнявшись с Шеммой, пощупала край его балахона.

— Такую одежду носят привидения со скал, — заметила она. — Где ты ее взял?

— У них, — ответил табунщик. — Они держали меня в плену, но случилась беда и меня выпустили искать магов.

— Считай, что ты их нашел, — откликнулся Альмарен. — Какая у тебя беда?

— Не у меня, а у этих, подземных, — уточнил Шемма. — У них испортился шар, поэтому им угрожает голод. По мне, нет ничего хуже голода. Вы уж помогите им!

— Какой шар? — не понял Альмарен.

— Оранжевый. Висит в пещере, а вокруг — пруд с саламандрами.

Альмарен и Лила быстро переглянулись.

— Этот шар существует! — воскликнула магиня. — Я чувствовала это, Альмарен, я говорила тебе!

— Как же он мог испортиться? — спросил Шемму маг.

— Никто не знает. В том-то и дело, — ответил табунщик. — У них вся надежда на вас.

— После ужина расскажешь обо всем, а мы подумаем, как им можно помочь, — сказала Лила.

— Да, после ужина! — обрадовался табунщик. — Зайчатинка, говорите, будет?

Путники вернулись к прерванным делам. Пока готовилась еда, Шемма не отходил от котлов, поторапливая кипящее варево. За ужином он подсел к котелку, где оставалось больше половины похлебки, и уписал сразу пол зайца, с сожалением проводив взглядом другую половину, разошедшуюся по чужим мискам.

— Вот это едок! — восхитился Тревинер, глядя, как Шемма обошелся с зайцем.

— С самого праздника Саламандры ни разу в рот мясца не взял, — объяснил табунщик, делая страшные глаза.

— Понимаю, — заулыбался Тревинер. — Ничего, и тебя откормим. Ну, рассказывай, как там, под землей?

Начав рассказ, Шемма закончил его далеко за полночь.

— Тревинер, уттаки захватили Оранжевый алтарь в прошлое новолуние? — спросила Лила.

— Кажется, дня два спустя, — уточнил охотник.

— Все сходится. Каморра, как и на празднике Саламандры, перекрыл силу алтаря прежде, чем напасть на него. Знакомое дело, я сумею с ним справиться. Но пока босханец на алтаре, нет уверенности, что все не повторится.

— Уже неделя, как там нет уттаков, — напомнил Шемма.

— Это скверно, — подал голос Тревинер. — Там была вся армия Каморры, а значит, неделю назад она выступила в Келангу. Если вы, маги, надеетесь разрушить силу Каморры, нам нужно поторопиться в Босхан.

— Мы зайдем вниз и поможем им, это нас не слишком задержит, — ответила Лила.

— А я бы хотел побольше узнать о Белом шаре, о Трех Братьях, — добавил Альмарен. — Там могут сохраниться книги, где есть нужное заклинание.

— Спросим и это, — согласилась магиня. — Завтра вечером, Шемма, отведешь нас на место встречи.

Наутро путники остались на стоянке. После завтрака Тревинер ушел в лес за добычей, а Альмарен, прихватив книгу, уселся поболтать с магиней. Витри вернулся с берега Тиона с вымытой посудой и поставил ее под куст, где лежали вещи. Внезапно он понял, что сегодня — первый день с самого отъезда из родного села, который можно провести беззаботно, ни о чем не думая и никуда не спеша. Лоанец осмотрелся вокруг. И в золотистом утреннем свете, выхватывавшем ответное золото в недавно еще зеленой листве, и в поблекшей, поникшей траве, покрывающей поляну, чувствовалась тишина и усталость. Жаркое к ел адское лето незаметно сменилось осенью.

Витри разыскал Шемму, который забился в тень, пряча от солнца слезящиеся глаза.

— Отвык я от света, Витри, — пожаловался табунщик. — В темноте стал видеть, как сова, а на свету — глаза болят, ничего не вижу.

— Привыкнешь, — утешил его Витри. — Поначалу я поведу тебя, а потом привыкнешь.

— У тебя есть лишняя одежда? В моей только людей пугать, да и зашибить могут ненароком.

— Если только у Тревинера… — задумался Витри. — Мы все трое пошли на Керн налегке.

— Куда пошли? — удивился Шемма.

Витри вспомнил, что его товарищ ничего не знает о путешествии за Красным камнем, и начал рассказывать о своих приключениях.

— Да у тебя все было еще хуже, чем у меня! — ужаснулся табунщик, когда Витри рассказал о василиске.

— Ничего, обошлось. Видишь, я перед тобой, живой.

— Неужто мы в целости вернемся домой? — вздохнул Шемма.

— Вернемся, — заверил его Витри.

— А камень вы достали?

— Достали, — Витри продолжил рассказ.

— Я видел точно такой же, только желтый, — заявил табунщик, когда Витри описал ему Красный камень. — У владычицы в короне.

— Ты уверен?

— Еще бы! Удивительная штука, ни с чем не спутаешь.

— Это нужно немедленно рассказать им! — Витри побежал к магам, встрепенувшимся при его появлении.

— Кто там на тебя напал, Витри? — спросил Альмарен.

— Там, под землей, есть Желтый камень! — выпалил тот. — Шемма видел его у владычицы.

Оба мага вскочили на ноги.

— Где он?!

— У нее в короне.

— Шемма где?

— В кустах, — указал Витри.

Отыскав Шемму, Альмарен присел рядом и вытащил из-за пазухи Красный камень.

— Посмотри, Шемма, ты видел такой же?

— Да, — оживился табунщик. — Если бы не цвет, их и не отличить бы.

— Лила! — Альмарен обернулся к магине. — Мы можем попросить у монтарвов награды за помощь! — он кивнул на камень.

— Камень из короны владычицы — чрезмерная цена за любую услугу, — засомневалась Лила. — Может быть, лучше объяснить им все, как есть, сказать, что камень нужен нам для разрушения магии Каморры? Ведь последствия этой войны настигли и монтарвов.

— Нужно приложить все усилия, чтобы получить камень, тогда мы сможем пойти на Белый алтарь, не заходя в Босхан, — Альмарен был совсем не уверен, что Магистру удалось вернуть Синий камень.

— Пожалуй, ты прав, Альмарен, — согласилась с ним магиня.

Вечером Шемма привел своих новых знакомых туда, где у подножия трех пиков располагался вход в подземное жилище монтарвов. Табунщик улегся спать на указанном Пантуром камне, кое-как приладив бока к его неровностям, остальные устроились под раскидистым дубом на краю поляны. Поначалу никто не спал, ожидая появления подземных жителей. Но время шло, монтарвы не появлялись, и путники один за другим заснули.

Было за полночь, когда голос Шеммы разбудил остальных. Проснувшись, они увидели, что рядом с табунщиком стоит фигура того же роста и сложения. Издали могло показаться, что Шемма раздвоился, но на близком расстоянии стали заметны седые волосы его спутника, а главное, крупные серо-желтые глаза с вертикальными зрачками, каких не было ни у кого на Келаде.

Выйдя навстречу, друзья первыми приветствовали спутника

Шеммы.

— Он не знает языка людей сверху, — ответил за монтарва табунщик. — Я все ему перескажу.

Он заговорил с монтарвом на языке коренных жителей острова. Лила тихонько подтолкнула Витри.

— Ты понимаешь, что он говорит?

— Да, — ответил лоанец. — С трудом, но понимаю. Шемма передает ему наши приветствия.

Когда табунщик закончил говорить, его спутник обвел взглядом компанию и указал на себя.

— Пантур.

Из рассказа Шеммы уже было известно, что так зовут монтарва, искавшего встречи с магами. Все по очереди назвали свои имена. Монтарв спросил что-то на своем языке.

— Он спрашивает, кто из вас маг, — перевел Шемма.

Лила и Альмарен выступили вперед. Пантур долго рассматривал обоих, затем вновь обратился к Шемме.

— Вы понравились ему, — радостно сообщил табунщик. — Он приглашает всех войти.

Пантур жестом подтвердил его слова. Все наспех собрали мешки и потянулись вслед за Пантуром к скалам, туда, где в нагромождении камней скрывался подземный ход. Несмотря на светящуюся одежду Пантура и Шеммы, остальные двигались за ними почти ощупью. Альмарен засветил перстень Феникса, Лила, глядя на него, проделала то же с перстнем Саламандры и передала амулет спотыкавшемуся сзади Витри. В глубине туннеля им встретились стражники в таких же светящихся балахонах. Пантур сказал им несколько слов, они расступились и пропустили пришельцев внутрь.

Дорога до подземного города была долгой. Путники, впервые попав под землю, с любопытством рассматривали гладкие своды туннеля, проложенного в цельном граните, его искрящиеся, без единой трещины, стены. Тревинеру, помнившему бегство из Бетлинка, подумалось, что ходы замка выглядят жалкими лазейками по сравнению с просторным, ухоженным, прямым, как стрела, монтарвским туннелем.

Ученый украдкой разглядывал пришельцев, так не похожих на табунщика, к внешности которого он успел привыкнуть. Он видел людей сверху только издали и не предполагал, что их мужчины бывают такими высокими, как эти двое. Третий, по всей видимости, был соплеменником Шеммы. Женщина, ростом не выше монтарвских, показалась ему неправдоподобно хрупкой. Не верилось, что она может подчинять себе неведомую ему силу магии. Пантур замедлил шаг, поравнялся с магами и начал

расспрашивать их, используя Шемму как переводчика.

— Вы уже знаете, какая у нас беда? — спросил он.

— Да. Шемма рассказал нам все, — ответила женщина.

Ученого удивило, что отвечает она, а не этот высокий парень рядом с ней, тоже назвавшийся магом.

— Вы знаете, как с ней справиться? — задал он следующий, самый важный вопрос.

— Знаем, — ответила магиня. — Но это всего лишь полдела. Такое случалось у вас несколько раз, начиная с весны?

— Да. Это Шемма рассказал вам?

— Он упоминал об этом. Это помогло мне догадаться о причине. Сейчас мы сумеем вам помочь, но чтобы порча шара не повторялась, вы тоже должны помочь нам.

— Я уверен, что владычица сделает для вас все, если шар будет восстановлен, — сказал ей Пантур. — Когда вы исправите его?

— У нас сейчас глубокая ночь, мы в это время отдыхаем, — ответила магиня. — Я должна отдохнуть, потому что восстановление шара потребует всех моих сил.

— Разве шар восстановит не он? — изумился Пантур, переводя взгляд с нее на ее спутника-мага.

— До сих пор это делала я, — ответила она. — Я была черной жрицей храма, пока его не разорили уттаки. Сила шара и сила алтаря — одно и то же, она нужна нам так же, как и вам. Враг с весны пытается лишить нас доступа к этой силе. Если бы мне тогда не удалось снять его магию, алтарь не восстановился бы. Мы с весны не могли бы лечить людей, а у вас не было бы тепла шара.

Туннель влился в другой, идущий в поперечном направлении. Своды этого туннеля были так высоки, что Альмарен, и встав на цыпочки, вряд ли смог бы достать рукой геометрическую резьбу, покрывающую потолок. Вдоль боковых стен тянулись желоба с высаженными в них растениями, свет которых отражался и преломлялся в гранях идеально отполированной поверхности узоров.

— Ух ты! — громко выразил восхищение Тревинер, оглядывая открывшееся великолепие.

— Это Третий кольцевой, — Шемма узнал значки на стенах. — Видели бы вы, как у них в центре города! Мы идем в Первую общину, к владычице, — перевел он слова вмешавшегося в разговор Пантура.

— Прямо ночью? — поинтересовался Альмарен.

— Здесь у них день, — пояснил Шемма и, спросив у Пантура, уточнил: — Послеобеденное время.

Навстречу им все чаще попадались подземные жители. Пантур видел, что, несмотря на известное всему городу решение совета, многие таращились на чужаков с неодобрительным любопытством. Сделав несколько поворотов, путники оказались в Первой общине. Ученый проводил их к себе, где они оставили дорожные мешки, затем вывел в центральный зал и ушел к владычице, оставив их восхищаться висевшими в зале травяными картинами. Вскоре он вернулся и пригласил всех следовать за ним.

Пройдя по короткому, богато отделанному коридору, путники оказались в просторной комнате, застланной мягким ковром, выглядевшим еще роскошнее, чем покрытие центрального зала. В кресле сидела женщина в длинном платье необычного оттенка, переливающегося из желтого в розовый при каждом ее движении.

— Перед вами Хэтоб, владычица Лура, — вполголоса сказал Пантур.

Все вошедшие как можно почтительнее произнесли приветствие, принятое на Келаде при обращении к знатной особе. Хэтоб приветствовала их в ответ. Ее голос, хоть и низкий, был приятен на слух, даже музыкален. Пантур подошел к ней поближе и заговорил о чем-то быстро и тихо. Тревинер скосил глаз на Шемму, тот шепнул:

— Он рассказывает ей все, что узнал о вас. Говорит, что вы — те люди, которые восстановят шар.

Выслушав Пантура, владычица подозвала остальных кивком головы и заговорила.

— Она говорит, что рада видеть вас в своем городе… — начал пересказывать Шемма. — Говорит, что вы можете восстановить шар, когда вам будет удобнее, но лучше это сделать побыстрее, потому что каждый день задержки губителен для подземных растений… Говорит, что вас сейчас устроят отдохнуть… поместят в покоях детей владычицы…

— Скажи, Шемма, что это слишком большая честь! — перебила его Лила. — Мы не можем потеснить детей ее величества!

— Не беспокойтесь, — ответил Пантур, когда Шемма перевел ее слова. — Великая еще не выбрала отца своим детям. Эти комнаты пустуют, а других свободных помещений в нашей общине нет. Мужчин поместят в комнаты для сыновей владычицы, а женщину — в комнату ее дочери, — он с особым почтением произнес упоминание о будущей наследнице лурской власти.

— Скажи великой, что мы благодарим ее за заботу, —

ответила Лила, обращаясь к Шемме. — Скажи, что мы восстановим шар, как только отдохнем с дороги.

— Она хочет посмотреть, как вы это сделаете, — перевел Шемма ответ Хэтоб.

— Пусть Пантур назначит срок, удобный и для нас, и для владычицы, — сказала магиня.

Ученый и Владычица о чем-то посовещались, после чего он сообщил, что беседа закончена. Все поклонились на прощание и вышли в коридор. Пантур вышел следом и указал на боковые ответвления в коридоре.

— Ваши комнаты, — перевел Шемма, повторяя за ученым по мере того, как тот переходил от двери к двери. — Твоя, Тревинер… Альмарен, тебе… Витри, ты будешь здесь… а это комната наследницы.

Пантур повел всех к себе за вещами, затем проводил каждого в свою комнату. Шемму он, как и прежде, оставил у себя.

Оказавшись в комнате, Альмарен осмотрелся. Здесь было чисто и уютно, лежанки — их было две — покрывала добротная, вытканная искусными умельцами ткань. На полу, как и у владычицы, был постлан теплый ковер, на столе стояла ваза с зелено-желтым растением, освещавшим комнату. Два деревянных, обитых тканью кресла стояли у стены.

«Ничего липшего, — подумал Альмарен, — а ведь это комната сына правительницы». Он увидел на полке какие-то фигурки и подошел поближе, чтобы рассмотреть их. Каменные кубики с вырезанными на них частями рисунка, статуэтки монтарвов, грифонов, кошек… «Как здесь много кошек! — вспомнил маг. — Сколько их встречалось и по пути, и здесь, в общине… Это же детские игрушки!» — догадался он.

Альмарен поставил фигурки на место и улегся спать, но сон вновь не шел к нему, хотя наверху, наверное, уже наступал рассвет. Несмотря на обилие впечатлений, он неотвязно думал о маленькой женщине, о трудной задаче, предстоящей ей после отдыха в чужом, непривычном месте. Лила рассказывала ему, как снимала заклинание с алтаря, как после этого целый день не могла взяться за будничные дела. Альмарен вертелся с бока на бок, то забываясь, то вновь оживая, пока голос Витри не вернул его в действительность.

— Альмарен, ты спишь?! Здесь уже утро.

Это означало, что прошло не менее половины суток с тех пор, как он оказался в этой комнате. Здесь, под землей, без привычной смены освещения, путались всякие представления о времени. Альмарен оделся и вышел в коридор, где, кроме Витри, уже был Тревинер, а с ним слуга, присланный владычицей.

Лилу он увидел только за завтраком. Магиня казалась бодрой, но в ее взгляде чувствовалась отстраненность, будто она вслушивалась в далекий, ей одной известный голос.

— Ты хорошо отдохнула? — спросил он.

— Да, я готова встретиться с шаром, — употребила она странное выражение. — Наверное, для меня будет лучше не завтракать.

Лила села вместе с остальными за стол, но не притронулась к еде, переправив ее обрадованному Шемме, а только выпила несколько глотков травяного настоя.

— Когда ты поведешь нас к шару, Пантур? — спросила она.

— Как только владычица закончит завтрак и выйдет в центральный зал. Мы подождем ее там.

В зале собралось немало любопытных монтарвов, преимущественно молодых. Вскоре появилась и владычица в сопровождении своих обычных слуги и служанки. Ученый повел всех собравшихся к шару. У входа он вручил владычице рубиновые очки, другие надел сам и первым вошел в просторную пещеру.

Пещера в точности совпадала с видением Лилы, но магиня не обратила на это внимания. Оранжевый шар был так близко, что она почти ощущала невидимую оболочку, наложенную на него Каморрой. Лила обошла зал, выбирая площадку для танца — она не знала другого способа освободить шар — и остановилась на ровном участке у самого края пруда.

— Вот здесь, — она очертила пространство руками. — Не вставайте сюда.

Шемма перевел слова магини владычице. Та понимающе кивнула и остановилась поодаль. Лила тем временем сняла куртку, оставшись в одной рубашке. Альмарен принял куртку из ее рук.

— Я ведь тоже маг, — шепнул он. — Я могу тебе чем-нибудь помочь, или нет?

— Что? Да, — ответила она совершенно невпопад. Альмарен понял, что магиня не слышит его, и эта рассеянность говорит об ее предельной собранности. Лила стряхнула с ног уродливые крестьянские башмаки и вышла на площадку.

Встав лицом к шару, она постаралась забыть все, воскрешая в памяти одну лишь музыку, под которую танцевала на алтаре. Когда мелодия зазвучала отчетливо, Лила закрыла глаза и задвигалась в танце, представляя себе, что в ней, как в кристалле, концентрируется сила магии. Плавные и быстрые, почти змеиные движения помогали ей сосредоточиться на втягивании силы, проникающей в кончики пальцев, в руки, плечи, тело… Когда

каждая ее жилочка завибрировала от прилива силы, она перевела внимание в голову, в точку между глаз, отыскивая внутренним взором Оранжевый шар в открывшемся перед ней бесконечном колодце. Она ринулась в этот колодец усилием воли, быстрее падения, с бесстрашием человека, которому нечего оставлять сзади, рванулась, будто желая разбиться о встреченную впереди цель.

Цель возникла растущей оранжевой точкой, мгновенно заполнившей все пространство, видимое магиней. Лила не успела остановить мысль и с разгона ворвалась в шар, пролетая сквозь полупрозрачную массу, пронизанную тонкими, ритмичными сетевыми структурами, в которых чудилось что-то знакомое. Игла ее воли пронзала поры между волокнами, интуитивно отыскивая центр. Серое пятно центра увеличивалось, Лила влетела в него и внезапно оказалась в том же зале, где начинала танец.

У пруда перед шаром стояли трое. Двоих из них — ни светловолосого, ни улыбающегося, с рыжей кудрявой шевелюрой — Лила не видела никогда, третий, темноволосый, напомнил ей Альмарена.

— Говори ты, Гелигрен, — обратился он к светловолосому. — Пусть твое слово уйдет в будущее и станет нашим завещанием людям.

— Нет, Лилигрен, все будет не так, — ответил светловолосый. — Мир слишком темен для знания, суеверие скорее достигнет нашей цели.

Он сделал жест руками, и перед Оранжевым шаром появилась фигура женщины из монтарвов, чем-то схожей с Хэтоб. Видение величественно выпрямилось и заговорило:

— Я, Мороб, владычица Лура, сообщаю тебе, что это место обладает могущественной силой. Ты, который нашел его, используй эту силу на благо людям….

Трое стояли и ждали, пока видение не закончит речь.

— Маг, в ком достаточно и силы, и добра, сумеет принять это послание, — заключил светловолосый.

— Пусть будет так, — согласились другие двое.

— Подождите! — насторожился светловолосый. — Мы не одни. Здесь кто-то есть.

Он поднял голову. Серые глаза смотрели прямо на магиню, в них отражалась нездешняя сила и мудрость, и в то же время такая знакомая человечность. Лила вздрогнула и метнулась в никуда. Лишь ощутив себя на прежнем месте, стоящей у пруда, она почувствовала, что оболочка шара разлетелась, и от него идет знакомый, захлестывающий поток оранжевой силы.

Альмарен с тревогой наблюдал за магиней во время ее танца

и вместе с остальными видел, как засветились кончики ее пальцев — нет, не оранжевым, а белым, затем ладони, руки, плечи, и наконец вся она вспыхнула белым факелом, застыв с раскинутыми руками перед шаром. Белый луч вырвался из ее лба, устремляясь к центру шара, и через миг исчез. Лила, шатаясь, опускалась на колени. Он подбежал к ней, поднял, обнял за плечи. Ее била дрожь, не от холода или страха, а от безрассудного перебора энергии, он это знал.

— Сейчас, сейчас… — уговаривал он магиню, одной рукой поддерживая ее за плечи, а другой подхватывая переполнявшую ее белую силу и стряхивая прочь. — Безумная, ты же могла убить себя, как Авенар!

Лила приходила в себя, дикий блеск в ее глазах исчезал.

— Ты бы знал, где я была… — шептала она. — За такое не жалко отдать жизнь.

— Не бросайся жизнью, она у тебя не для этого, — отвечал Альмарен, не торопясь выпускать ее из рук. Но Лила уже твердо стояла на ногах, она отстранилась от него и повернулась к шару.

— Ты освободила шар, — услышала она рядом голос Альмарена.

— Не знаю, как, — услышала она свой голос. — Там было совсем другое.

Монтарвы, кто в рубиновых очках, кто прикрываясь от света шара ладонью, один за другим подходили к пруду. Раздался общий изумленный ропот, и над ним — голос Тревинера:

— Смотрите, смотрите! Эти твари оживают!

Саламандры зашевелились, спокойная до сих пор вода пошла кругами, наполнилась плещущейся в ней жизнью. Хэтоб подошла к магам и заговорила, ее лицо и голос были полны радости.

— Она благодарит вас, — подсказал Витри вместо оказавшегося поодаль Шеммы. — Она предлагает нам быть гостями Лура.

— Скажи ей все, что полагается, Витри, — ответила магиня. — Мне трудно говорить. Скажи, что и нам нужна ее помощь.

Витри, кое-как подбирая лоанские слова, объяснился с Хэтоб.

— Владычица согласна выслушать нас и оказать помощь, — сообщил он магам.

XXXIV

Весь следующий день Каморра занимался вышедшими из повиновения уттаками. Огромное войско превратилось в толпу и мародерствовало в Келанге, растаскивая добро и пожирая трупы горожан. Маг закрылся в кабинете правителя и, сосредотачиваясь на белом диске, отыскивал уттакских вождей и внушал им мысли убраться из города. Диски вождей, как и диски помощников, имели свойство подчинять волю обладателя владельцу этого, единственного диска.

Каморра внушал приказы вождям, те выводили свои племена из города. Уттаки, унося награбленное и трупы, предназначенные для съедения, к полудню покинули Келангу и встали лагерем на берегу Тиона. Каморра приказал подать вороного и побывал в каждом племени, чтобы воодушевить дикарей и подсчитать потери. К его радости, потери оказались ничтожными. План Госсара оправдал себя.

Вечером маг послал за Госсаром. Он дождался своего союзника в зале, где прежде Берсерен принимал советников.

— Хорошие новости, Госсар, — объявил он. — Мы взяли город почти без потерь.

— Зато у меня — плохие, — довольно резко ответил тот. — Треть моих воинов тайком ушла в Босхан. И это все из-за жестокости ваших дикарей, Каморра!

— Сколько их ушло?

— Не менее полутора сотен.

— Только и всего? — пренебрежительно хмыкнул маг. — У меня счет идет на тысячи, а ты дергаешься из-за полутора сотен? Глупо, Госсар.

— Это были не дикари, а хорошо обученные и вооруженные воины. Теперь они выступят на стороне Норрена.

— Если им нравится подохнуть за Норрена, я не могу им запретить. Перевес на нашей стороне, и какой перевес, Госсар! Брось мелочиться, в нашем деле это — помеха. Где бы я был, если бы считал каждого уттака?!

Госсар промолчал. Не мог же он сказать Каморре, что для его собственных планов нужна поддержка людей, а не уттаков. Но тот и не предполагал, что у его союзника могут быть какие-то свои намерения. На Госсаре был белый диск, а Каморра полностью доверял и силе магии Белого алтаря, и своему умению. Имея дело с уттаками и мелким келадским жульем, он не сталкивался вплотную с людьми, способными противостоять чужому влиянию, и не знал, что магия белого диска не может подчинить такую

сильную личность, как Госсар. Поэтому ни раздражительность, ни независимый тон союзника не показались магу подозрительными.

— Твой последний план был хорош, — сказал он Госсару. — Я хочу посоветоваться с тобой насчет того, как воевать дальше. У тебя есть еще планы?

Планы у Госсара были, и момент для их осуществления казался удобным.

— Нужно идти одновременно и в Босхан, и в Оккаду, — начал он. — На Зеленый алтарь ушло войско Вальборна, нам нельзя оставлять его сзади. Хочу обратить ваше внимание, Каморра, что и Вальборн, и Норрен — хорошие военачальники. Будет лучше, если вы передадите все руководство уттаками мне.

— Тебе? — переспросил маг. — Ты с ними не справишься. Да и какая в том нужда? Ты будешь рядом со мной, я отдам приказы по твоему совету.

— Мы уже не в лесу, Каморра. Здесь люди, обжитые места, опасные противники. И передвижения войск, и бои — все имеет свои тонкости, которые трудно передать на словах. Войско у нас большое, но неточные действия могут свести на нет все наше преимущество. Не забывайте, что из нас двоих я лучше разбираюсь в военной тактике.

— Верю, Госсар, но в управлении уттаками тоже есть свои тонкости, которым нелегко обучить другого. Я еще на первой встрече говорил тебе, что маг и воин — это хороший союз. Мы добьемся всего, если каждый из нас сделает свое дело. Ты в магии — то же, что и я в войне, и даже меньше. Не суйся туда, где ты ничего не смыслишь.

Госсар проглотил досаду.

— Хорошо, Каморра, — согласился он, оставив свои намерения до более удобного момента. — А как быть с оккадским войском? Я бы хотел, чтобы поход на Оккаду возглавил мой младший брат Урменар.

— Его возглавит мой человек, Кайдак.

— Уттак?!

— Нет, он из Тимая, хотя его имя похоже на уттакское. Дикари так и зовут его — Большой Кайдак. Он умеет их подчинять. Да ты не хмурься, найдется дело и твоему брату, — добавил маг, заметив, как изменилось лицо Госсара. — Он останется в Келанге наместником. Город нельзя бросать без присмотра.

Взгляд Госсара прояснился.

— Хорошая мысль, — одобрил он. — Это дело как раз для моего брата. Мы выступим завтра, три тысячи — в Оккаду, остальные — на Босхан.

— Дикари не двинутся с места, пока не съедят добычу, — осадил его маг.

— Нельзя, чтобы наши противники имели лишние дни для подготовки обороны.

— Я уже говорил тебе — дикари есть дикари. Чтобы управлять ими, я должен потакать некоторым их слабостям. Да и куда в Оккаду три тысячи? Двух хватит за глаза!

— Мы не сумеем напасть внезапно. Кроме жителей и магов, там еще и Вальборн с тремя сотнями воинов, — напомнил Госсар.

— Три сотни — и три тысячи? Многовато.

— Он отважный правитель, с ним — Лаункар, опытнейший военачальник, и прекрасное войско. С нашей стороны — всего-навсего толпа уттаков с секирами и Большим Кайдаком во главе. Вы, я смотрю, уже забыли свои потери у Бетлинка.

— Двух тысяч хватит, — отрезал Каморра. — Выступаем через неделю, когда дикари оголодают. Сытые, они невозможно ленивы. Ты говоришь мне не то, что я спрашиваю. Я хочу знать, нет ли у тебя плана по взятию Босхана?

— Я со дня на день жду известий от моих людей из армии Норрена, — сухо сказал Госсар. — Когда у меня будут планы босханских укреплений и точные сведения о численности и размещении южных войск, тогда я сумею найти их слабое место. А пока мне нечего добавить к тому, что я уже сказал.

— Когда приедут твои люди?

— Должны уже быть здесь, но задерживаются.

— Когда появятся, пришлешь их ко мне. Я сам хочу выслушать их донесения.

Отпустив Госсара, Каморра вернулся в кабинет и расслабленно раскинулся в широком кресле Берсерена. Теперь, когда город был взят, а насытившимся дикарям не требовался непрерывный контроль, напряжение последних дней отпустило его. Мысли мага текли вяло и путано, скользя по событиям прошлого и будущего. Три рубежа он прошел, и самым крепким оказался первый — Бетлинк. Конечно, если бы не Госсар, и с Келангой пришлось бы повозиться. Оранжевый алтарь достался, как и ожидалось, легко, но тут на голову свалился этот Вальборн…

Маг резко выпрямился в кресле, вспомнив, для чего был захвачен Оранжевый алтарь. За последние две недели он ни разу не подумал о Боварране, посланном за Красным камнем, а ведь тому уже пора было возвращаться. Каморра посчитал дни и прикинул, что полууттак должен быть где-то у Бетлинка. Вцепившись в ручки кресла, маг сосредоточился на диске Боваррана. Он узнавал владельца по диску так же ясно, как если

бы видел в лицо. Не найдя ни за одним из дисков присутствия грубой и напористой натуры полуутака, маг еще раз просмотрел их все и убедился, что Боваррана нет.

«Наверное, негодяй снял диск, — подумал маг. — Зря я оставил его без присмотра». Он сосредоточился на пустых дисках, но не нашел ни одного, кроме тех двух, которые носил с собой на случай срочной надобности. Напрашивалось единственное объяснение — диск Боваррана уничтожен, как и диск Кавенты. Вспомнив, с каким радостным почтением полууттак принимал от него диск, маг сразу отверг мысль, что тот сам разбил свое сокровище. Диск мог разбиться и случайно, но скорее всего, это сделал кто-то другой.

«Где же Красный камень?» — вздрогнул Каморра. Забыв про усталость, он отыскал карту Келады и сконцентрировал внимание на точке у подножия вулкана, где в заброшенном селении стоял одноглазый идол. Ценой отчаянного усилия маг увидел стены котловины, массивные очертания идола и, наконец, его голову. Глазница идола была пуста.

Каморра откинулся на кресло, ощущая вкус крови во рту. Полная потеря сил остановила все его мысли… но что-то еще присутствовало в мозгу. В утихнувшем сознании светилась зовущая точка — Красный камень. Заклятие, произнесенное на Оранжевом алтаре — «тот, кто меня слышит» — подействовало и на Каморру, слышавшего собственное заклинание, поэтому он тоже мог чувствовать направление на камень. Маг остановил внимание на точке, улавливая подробности. Возникало неясное ощущение человека, несущего камень, его амулеты — перстни Грифона и Феникса, очертания местности, похожей на долину Руны в окрестностях Бетлинка. Камнем владел другой, уничтоживший Боваррана и его диск, и этот другой был магом!

Если бы Каморра знал, что грабитель, побывавший в Бетлинке, не унес с собой ничего, кроме жезла Аспида, его подозрения зародились бы гораздо раньше. Но помощники, обнаружившие сломанный шкаф, очистили его от золота и свалили пропажу на недотепу-взломщика. Они изрядно недоумевали, когда поняли, что хозяин в таком бешенстве не из-за пропажи золота, а от исчезновения какой-то каменной штуковины, назначение которой понятно только магам. Тогда Каморра заподозрил двоих, видевших сейф — Скампаду и Кеменера, хотя ни один из них не был магом. Но Кеменер был далеко, а отыскать Скампаду по диску не удалось, поэтому маг был вынужден отложить дознание. Теперь и кража, и загадочное исчезновение дисков, и странная история с Красным камнем сложились в единую картину.

Догадка мага мгновенно переросла в убежденность — о камнях Трех Братьев и их свойствах знает не только он.

Есть люди, которые ищут камни, чтобы с их помощью сломить его магию. Это означало потерю всего. «У них уже есть два камня! — забилось в мозгу Каморры. — Немедленно нужно вернуть хотя бы Красный!»

Каморра провел дурную ночь, гадая, кто может быть его противником. К утру он решил немедленно выехать в погоню за магом, завладевшим Красным камнем, и чуть свет послал за Госсаром, чтобы передать командование уттаками. Как маг ни сомневался, справится ли тот с огромной толпой дикарей, будучи совершенно незнакомым с магией, оставлять Красный камень в руках противников казалось еще опаснее.

Госсар вошел, не скрывая недовольства.

— В чем дело, Каморра? — спросил он. — Разве ваши планы сменились, и мы выступаем сегодня утром?

— Они сменились, — нервно сказал маг. — Мне нужно срочно уехать на несколько дней. Если я не вернусь через неделю, ты один поведешь уттаков на Босхан.

— Я получу руководство всеми уттаками? — Госсар мгновенно забыл о своем недовольстве.

— У меня есть не больше двух дней, чтобы выучить тебя управлять ими. Постарайся освоить это искусство, или они пустят тебя на закуску.

— Не сомневайтесь, Каморра, они не вырвутся из-под моей власти. Я и не таких удерживал.

— Дай мне твой диск. Я наложу на него добавочные заклинания, чтобы он стал пригоден для подчинения уттаков.

Маг выждал, пока Госсар снимал с шеи цепь, и протянул руку за диском.

— Выслушай главное, — сказал он, забирая диск. — Ты можешь повлиять на уттаков лишь в том случае, если твой приказ совпадает с их собственными желаниями. Никакая магия не заставит их ни строить, ни пахать. Они всегда готовы напасть на чужого, тем более — на человека. Я всего-навсего заставляю их делать это одновременно. Я внушил им, что люди отняли у них остров, что они угождают предкам, захватывая города и села. Я внушил им чувство превосходства над людьми, поэтому они не враждуют между собой, объединившись против худшего зла. Я ежедневно внедряю в них — «Вы — цвет острова, вы обижены, оскорблены, выгнаны со своих мест. Все, что есть у людей, принадлежит вам. Я — тот, кто пришел возвысить вас, вернуть вам все, что вам принадлежит по праву». Внушай им эти мысли, и они пойдут за тобой.

— А куда их девать, когда остров будет завоеван? — невольно спросил Госсар.

— Нет ничего проще, — усмехнулся Каморра. — Кто готов ограбить и убить чужого, рано или поздно так же обойдется и со своим. Я подтолкну каждое племя, внушу, что их соседи нахватали добычи не по заслугам, и они перебьют друг друга.

Рассуждения мага помогли Госсару догадаться о причине его успеха у уттаков. Сыну босханского оружейника было куда легче понять дикарей, чем человеку высокого рода.

— Я скоро вернусь. Жди меня здесь, — сказал маг и ушел с диском.

В течение двух дней Каморра не отпускал от себя Госсара, обучая его устанавливать контакт с обладателями дисков и посылать им приказы. Тот с трудом осваивал непривычное искусство, вызывая гнев нетерпеливого и резкого на язык босханца. На исходе второго дня маг выехал с Госсаром за городскую стену и потребовал от того подозвать уттакских вождей. Госсар, покраснев от напряжения, уставился на свой диск, и вскоре вожди появились.

— Слушайте меня! — обратился к ним Каморра, указывая на своего спутника. — Этот человек — великий воин, он поведет вас дальше. Повинуйтесь ему, как повиновались мне, или гнев белого диска обрушится на вас!

Вожди согласно загалдели, взглядывая исподлобья на Госсара. Знакомство с новым вождем вождей состоялось.

— Жаль, что ты не говоришь по-уттакски, — заметил Каморра, когда дикари разошлись. — Помни, что они понимают на нашем языке только самые простые фразы. И каждый день повторяй те приемы, которые я показал. Пока они у тебя идут не гладко.

Наутро он прихватил с собой полсотни уттаков и отправился на север, наперерез магу, захватившему Красный камень.

Третьи сутки Риссарн ехал в одиночестве, повторяя изгибы, спуски и подъемы петляющей по прибрежным лощинам дорога. За прошедшие дни он встретил лишь нескольких всадников и пару проезжих телег, поэтому насторожился, когда заметил впереди вереницу повозок, направляющихся в Оккаду. Приблизившись и увидев наспех набросанный в повозки скарб, невеселые лица людей, Риссарн спросил, что случилось, почти не сомневаясь в ответе. И, действительно, люди бежали из Келанги, спасаясь от подступивших к городу уттаков.

До самой Келанги Риссарн встречал беженцев, сначала на повозках, затем пеших, с узлами, семьями бредущих по дороге, затем одиночек, нередко с ранами и пятнами крови на одежде. От

них он и узнал подробности ужасной ночи. Увидев на горизонте городскую стену, Риссарн свернул на юг и продолжил путь проселками, соединяющими пригородные деревни. Враг пока не побывал здесь, но многие дома уже пустовали — люди бросали дома и пашни, спасаясь бегством.

Риссарн выжимал из коня всю возможную прыть, и тот был выше всяких похвал. На полпути к Босхану он догнал беженцев, отправившихся по южной дороге, и среди них — остатки бывших защитников Келанги. В войске, встретившемся первым, было не меньше полутора сотен людей, вышагивавших по Большому Тионскому тракту вслед за своим военачальником. Риссарн решил узнать о сражении в городе из первых рук.

— Добрый день, — начал он разговор, поравнявшись с военачальником.

— Добрый день, парень, — ответил тот. — Славный у тебя конек.

— Не жалуюсь.

— Куда путь держишь?

— В Босхан, к Норрену.

— Гонец, что ли? — догадался военачальник.

— Я из Оккады, из магов, — уклонился от ответа Риссарн. — Времена суровые, я и подумал, что пригожусь в армии Норрена.

— Мало подумал, парень. В Оккаде ты пригодился бы еще больше. Но раз уж ты сделал такую глупость… когда ты будешь в Босхане?

— Завтра к обеду, наверное, доберусь.

— Да, славный у тебя конек. А нам еще трое суток топать, — военачальник сделал приглашающий жест. — Спустись-ка сюда, я скажу тебе кое-что, а ты передашь Норрену.

Риссарн спешился и пошел рядом с ним.

— Вот что, парень, мы ведь из войск Госсара… ты знаешь Госсара?

— Нет.

— Видно, что ты из Оккады. В Келанге его все знают. Первый военачальник Берсерена, не кто-нибудь, — воин подвинулся поближе к уху Риссарна. — Так вот, это он приказал открыть ворота ночью и впустить уттаков. Если бы не Госсар, эти выродки бы помучились прежде, чем войти в город. Так Норрену и скажи!

Высказав главное, военачальник заговорил быстро и без пауз, будто бы торопясь сбросить лежащий на совести груз.

— Мы ведь были за него, за Госсара. Он говорил нам, что уттаки помогут скинуть Берсерена и уйдут к себе в леса. А эти твари… что они вытворяли в городе! Звери какие-то, и только! Вот мы и пошли к Норрену. Скажи ему, что нам можно верить.

Скажи, что мы будем сражаться против уттаков, как никто не сражался. Так и скажи, парень!

— Так и скажу, — пообещал Риссарн.

— И еще передай — Госсар сам убил Берсерена, в его собственной спальне. Защита города осталась без вождя. А мы-то, мы-то охраняли дворец правителя для этого босханца, любимца уттаков, пока другие погибали на улицах!

— У Госсара осталось много приверженцев?

— Из воинов — человек триста. Многие ушли бы с нами, да боятся. Не верят, что Норрен отобьется.

— А вы?

— Мы посовещались, да решили — лучше уж быть с Норреном, чем у уттаков на побегушках. А там… как получится.

— Понятно…

— Ну, давай, парень, поспешай. Пусть Норрен знает, что уттаками под Босханом будет руководить Госсар, не Каморра. Это, брат, совсем другая песня.

Риссарн вскочил на коня и махнул военачальнику рукой. До поздней ночи он ехал вдоль быстро пустеющих деревень, по тракту, забитому беженцами, обгоняя крестьян, повозки, воинов, уцелевших после битвы в Келанге. Казалось, вся центральная часть острова снялась с места и двигалась на юг.

К следующему полудню он опередил очередную волну беженцев и доехал до окрестностей Босхана по непривычно малолюдной дороге. На другом берегу Тиона запестрели флаги — бело-голубые Норрена, сине-желтые босханские, красные с желтыми эмблемами в виде ключа — войск из Кертенка, издавна называвшегося ключом к острову. Поодаль виднелся желтый флаг со вставшим на дыбы конем — Тимай, отнюдь не славившийся военными традициями, все же прислал конницу для участия в обороне.

Проехав по мосту, Риссарн был остановлен одним из многочисленных патрулей. Он представился как гонец из Оккады и потребовал немедленной встречи с правителем Цитиона. Его повели между расположениями войск до скопления палаток с бело-голубыми эмблемами и дальше, до шатра с гербом Цитиона. Сопровождающий сообщил о гонце страже у входа. Стражник вошел в шатер, и вскоре оттуда появился высокий мужчина с сединой в волосах, спускающихся на плечи.

— Вот он, ваша светлость, — кивнул на Риссарна стражник.

Мужчина подошел к Риссарну.

— Что у вас, юноша? — спросил он.

— Я привез письмо от Суарена.

— Давай сюда.

— Я должен отдать письмо в руки его величеству.

— Ты знаешь его величество в лицо?

— Я слышал, что вас назвали «ваша светлость».

— Ты наблюдателен. Как тебя зовут?

— Риссарн.

Во взгляде мужчины засветился интерес.

— Я слышал о тебе. Твой лучший друг много рассказывал мне…

— Альмарен здесь?! — забыв сдержанность, воскликнул Риссарн.

— Нет. Он далеко. Я вижу, ты действительно от Суарена, — мужчина жестом отпустил патруль. — Иди со мной.

Риссарн последовал за ним в шатер. Там, на кровати, опираясь на подушки, полулежал человек, выглядевший как после долгой, изнурительной болезни.

— Этот юноша из Оккады, Норрен, — сказал ему мужчина. — Он привез письмо от Суарена и намерен передать его тебе, и больше никому. Наверное, это правильно.

— Наверное, — слегка улыбнулся лежащий. — Пусть подойдет.

— Перед тобой правитель Цитиона, Риссарн, — подтолкнул юношу провожатый. — Можешь передать ему пакет.

Риссарн, смутившись, шагнул к кровати. Ему навстречу выросла большая темно-серая тень.

— На место, Вайк! — приказал правитель. Получив пакет, он протянул его мужчине, впустившему Риссарна. — Читай, Ромбар. А вы пока присядьте, молодой человек, — он указал глазами на стул.

Ромбар уселся на другой стул и прочитал письмо магистра.

— Вальборн в Оккаде, и с ним три сотни воинов, — сказал он правителю, закончив чтение. — Я рад, что он сменил гордость на благоразумие. Жрецы храма Саламандры там же. Риссарн! — обратился он к юноше. — Ты знаешь, что написано в письме?

— Я не читал его, но догадываюсь. Письмо писалось при мне.

— Магистр предостерегает нас от Госсара, но без подробностей. Наверное, опасался, что письмо может не попасть по назначению. Ты можешь что-нибудь добавить к его словам?

Риссарн рассказал о подозрениях Вальборна, о белом диске на груди Госсара, обнаруженном Керой.

— В Келанге уттаки, — вспомнил он по ходу рассказа. — Вы это знаете?

— Конечно. Неделю назад было известие о приходе уттаков, а три дня спустя — о падении Келанги. Никто из нас не ожидал, что город будет взят так скоро. Мимо Босхана третьи сутки идут

беженцы. Мы посылаем их дальше, на юг.

— А сколько их еще будет! Я обгонял их сотнями. В пути я говорил с воином, который многое знает о падении города, — Риссарн рассказал о встрече с войском, ушедшим от Госсара, и о предательстве главы рода Лотварна.

— Значит, уттаков возглавит не Каморра, — нарушил Ромбар молчание, повисшее в шатре.

— Скампада еще когда предупреждал нас, брат, — отозвался с кровати Норрен. — Ты не забыл Госсара, его военные навыки, склонности?

— Десять лет прошло, — напомнил Ромбар. — Госсар — хороший стратег и способен на неожиданные решения. Я еще раз продумаю план обороны и расстановку войск. А у тебя какие планы, Риссарн? — спросил он молодого человека. — Ты возвращаешься в Оккаду?

Риссарн понимал, что не успеет вернуться на Зеленый алтарь до начала военных событий.

— Я готов поступить в распоряжение его величества, — взглянул он на правителя Цитиона.

— Я нездоров, юноша, — ответил Норрен. — Обороной руководит мой двоюродный брат Ромбар. Попробуйте поступить в его распоряжение.

Риссарн повернулся и встретил изучающий взгляд Ромбара.

— Я рад быть полезным вам, ваша светлость, — сказал он.

Госсар до изнеможения повторял приемы и заклинания, обучаясь неподатливому искусству магии. Через два дня он решился объехать уттакские племена. Фанатический блеск в глазах приветствующих его дикарей показал, что затраченные усилия не пропали даром. Госсар поверил в свою способность подчинять уттаков и теперь опасался лишь одного — как бы Каморра не вернулся слишком скоро, потому что внушение, в которое он намеревался включить слова, направленные против мага, требовало времени.

Возвратившись во дворец, Госсар обнаружил там человека неопределенного возраста и неприметной внешности, чьего возвращения с нетерпением дожидался уже вторую неделю.

— Кеменер, наконец-то ты вернулся! — не скрыл он радости, увидев приезжего. — Надеюсь, у тебя хорошие новости?

— У меня новости, заслуживающие внимания, хозяин, — ответил тот.

Госсар провел шпиона в кабинет, плотно прикрыл дверь, уселся в кресло.

— Рассказывай, Кеменер. Норрен мертв?

— Жив и, наверное, таким и останется.

— Я рассчитывал на тебя, Кеменер.

— Норрен трое суток был между жизнью и смертью, но жизнь взяла свое. Он и сейчас плох. Обороной руководит его брат, Ромбар.

— Кто?! — Госсар вскочил с кресла. — Я поручил тебе отправить в могилу живого, а ты сообщаешь мне о том, что мертвец встал из могилы?! Разве сын Паландара жив?

— Вполне. До недавнего времени он был магистром ордена Грифона. Мне удалось это узнать.

— Тебе незачем было узнавать о нем! — в раздражении сказал Госсар. — Тебе следовало отправить его туда, куда ты не отправил Норрена!

— Разумеется, я подумал об этом, хозяин, — взглянул на него Кеменер. — Я поручил эту работу вашим людям, но они с ней не справились.

— Нужно было попытаться еще раз.

— Еще раз мне было уже некому поручить ее, — невозмутимо ответил Кеменер. — Это не та работа, которую можно сделать плохо и остаться живым. Вы зря платите своим людям, хозяин.

— Еще поучи меня… — пробормотал Госсар. — А сам ты на что?

— Я никогда не берусь не за свое дело. Моя специальность — факты, а не убийства. — Кеменер вынул из-за пазухи несколько листов желтоватой бумаги и расправил их на столе. — Я принес вам полный план босханских укреплений.

— Хоть что-то ценное… — смягчился Госсар, рассматривая план. — Ладно, оставь те деньги себе. И кстати, скажи, ради какого срочного дела Каморра мог уехать, бросив все дела и оставив на меня уттаков?

Впервые за время разговора невозмутимость Кеменера дрогнула.

— Вы говорите, он передал вам все руководство и уехал? Он сказал вам хоть что-нибудь?

— Сказал, чтобы я выступал через неделю, если он не вернется.

— Мало. У меня нет никаких предположений, ваша светлость, — ответил Кеменер, незаметно для себя не назвавший Госсара хозяином. — Я могу быть свободен?

— Иди, — отпустил его Госсар.

Кеменер неслышно прошел по коридорам, по парку, вышел за ворота и, бросив прощальный взгляд на дворец Берсерена, растворился в улицах Келанги.

Объевшиеся человечиной уттаки едва шевелили ногами. Каморра, подавляя желание галопом пуститься по дороге,

гарцевал вокруг своего отряда и всячески понуждал дикарей двигаться побыстрее, но и упоминание о гневе белого диска помогало ненадолго. На привалах маг настраивался на Красный камень и определял его положение, хотя это было непросто — случайно образовавшаяся связь была слабой и едва ощутимой. Красный камень приближался, перемещаясь вместе с владельцем. По расчету мага, встреча могла состояться где-то у Оранжевого алтаря. На четвертый день пути он удвоил внимание, стараясь первым заметить противника на дороге, ведущей в Келангу.

Доехав до разрушенного поселка, Каморра вновь настроился на Красный камень, и почувствовал, что амулет остался сзади. Казалось неясным, как владелец камня сумел разминуться с идущим навстречу отрядом, но, уточнив направление, маг понял, что тот пошел вдоль Ционских скал, прямиком к Босхану. Еще через сутки, добравшись до Тиона, Каморра установил, что камень опять позади. Это казалось совершенно необъяснимым, но выбора не было. Развернув уттаков, маг повел их в новом направлении.

Отряд вернулся вдоль Тионских скал до Оранжевого алтаря, где маг определил, что камень вновь остался сзади. Подумав, что владелец камня заметил погоню и прячется в скалах, Каморра повел туда отряд на поиски. Уттаки уперлись, но гнев белого диска вынудил углубиться в скалы и самых упрямых. Еще день прошел в бесполезном прочесывании скал. Каморра, в очередной раз пытаясь определить направление на камень, вдруг заметил, что излучение амулета идет откуда-то снизу. Вспомнив о своей находке на Белом алтаре, маг догадался, что нужно делать.

— Эй, вы! — закричал он уттакам, забыв воспользоваться диском. — Не то ищете! Ищите ход, подземный ход, поняли!

Успеха не принес ни этот день, ни следующий. Красный камень оставался под горой, не приближаясь и не удаляясь. Маг выходил из себя, посылая дикарей на самые неприступные скалы, и, наконец, с одной из них раздался крик:

— Нашли, хозяин!

XXXV

На обратном пути Пантур не отходил от магов, расспрашивая их о таинственной силе Оранжевого шара. Альмарен, жалея магиню, выглядевшую усталой и рассеянной, принял на себя обвал вопросов лурского ученого. Для объяснения с Пантуром он все чаще привлекал не Шемму, а Витри, у которого за время совместного путешествия сложились правильные понятия о сущности и применении магии.

За разговорами они незаметно дошли до Первой общины и расселись в небольшой комнате ученого, теснясь по сиденьям и лежанкам. Пантур достал бумагу, чернила, и сел за стол записывать ответы Альмарена. Тот диктовал Витри основные правила магии, вслушиваясь в голос лоанца, переводившего его слова на язык монтарвов, и наблюдал, как ученый выводит палочкой крючки и закорючки. Символы, выходящие из-под руки Пантура, показались магу знакомыми. Альмарен привстал, чтобы разглядеть их получше, и увидел те же самые значки, что и в книге, которую носил с собой.

— Лила, посмотри! — шепнул он магине, закончив диктовать очередную фразу. — Буквы такие же, как и у нас в книге!

— Может быть, Пантур прочитает ее нам? — обрадовалась та. — Где книга?

— В комнате.

— Сходи за ней, а я подиктую Витри.

Когда Альмарен вернулся, Пантур дописывал последнее правило.

— И это все? — ученый недоверчиво посмотрел на пару исписанных листов.

— Это основа. Вся магия держится на этих правилах и на способностях магов, которые их применяют, — пояснила Лила. — Взгляни, Пантур! — она указала на книгу, положенную Альмареном на стол. — В этой книге содержатся заклинания, составленные по этим правилам. Кажется, она написана вашими буквами.

Альмарен отстегнул серебряные пряжки и раскрыл книгу. Пантур склонился над страницами, изучая текст.

— Буквы наши, — согласился он. — Но по смыслу — полная чепуха. Ни одного знакомого слова. Взять хотя бы первую фразу… — Ученый установил палец на начало первой главы и, запинаясь, выговорил вслух.

— За… клина… ния силы… холода…

Несмотря на разницу в произношении, монтарвские звуки

образовывали слова языка пришельцев с моря.

— Да он же читает по-нашему! — подал голос Тревинер, скучавший на лежанке в углу.

— Витри, спроси его, как он это делает! — затормошил лоанца Альмарен.

— Каждой букве соответствует звук, — ответил Витри, переговорив с ученым. — Пантур попросту читает образовавшиеся созвучия.

— Значит, наши слова записаны сходно звучащими буквами монтарвского языка, — догадалась магиня. — Тот, кто знает аба языка, может с легкостью прочитать эту книгу!

— Написать ее таким способом могли только Трое Братьев. Они знали оба языка, — заметил Альмарен. — Наверное, они же и переправили ее наверх. Пантур, в ваших летописях не встречается упоминаний об этой книге?

— Он не встречал ничего подобного, — перевел Витри ответ ученого. — Возможно, книгу передали наверх из Фаура, но те летописи погибли при наводнении.

— Так или иначе, мы задержимся у монтарвов на несколько дней, — сказала Лила. — Пантур поможет нам перевести неясные места в седьмой главе.

— Ты все еще надеешься найти там нужное заклинание? — спросил ее Альмарен.

— И это тоже. У нас есть и главная цель — Желтый камень, — Лила обернулась к лоанцу. — Витри, расскажи Пантуру все, что слышал от нас о камнях Трех Братьев.

Объясни, что Каморра тоже ищет эти камни, что мы должны опередить его. Я бы сама поговорила с Пантуром, но боюсь, что через посредника это не прозвучит так, как нужно.

Витри заговорил с Пантуром, начав рассказ с событий на Оранжевом алтаре. Лоанец понял, что от его слов зависит, будет ли монтарвский ученый их союзником, и постарался изложить события как можно понятнее.

— Пантур хочет взглянуть на Красный камень, — сказал он магам, когда долгий разговор подошел к концу.

Альмарен бережно извлек из нагрудного кармана тряпицу с Красным камнем и развернул на столе. Свет камня смешался с зеленовато-желтым освещением травяной лампады, рубиновым оттенком ложась на стены комнаты и лица людей. Ученый долго рассматривал кристалл, затем, будто не доверяя глазам, провел пальцем по переливающимся граням.

— Вы хотите взять все три камня и пойти на Белый алтарь, чтобы обессилить нашего врага? — обратился он к Витри.

— Да, — подтвердил лоанец.

— Вы знаете, где остальные два камня?

— Синий камень до недавнего времени был у Каморры в Бетлинке, — сказал Витри. — Мы надеемся, что друг Альмарена похитил его из замка. Если это так, камень в Босхане. Туда мы и направлялись, когда встретили Шемму. Желтый камень здесь, в короне владычицы. Шемма видел его и рассказал нам о нем. Получить камень — и есть та помощь, о которой мы хотим попросить великую.

Пантур ответил не сразу.

— Великая не отдаст Желтый камень, — сказал наконец он. — Камень — редкая драгоценность, но не это главное. Он является символом власти правительницы. Скажи своим друзьям, что такая просьба лишь попусту рассердит великую.

Витри перевел слова ученого магам. Те заметно помрачнели.

— Неужели она не поймет, как этот камень необходим для победы над Каморрой! — воскликнул Альмарен. — Этот человек уже принес бедствие Луру!

— Каморра далеко, а вместе с камнем великая лишится и права на власть, — объяснил ученый. — Она недавно сместила советника, вокруг которого собрались все, кому не по нраву ее решение впустить вас в Лур. Они могут воспользоваться утратой камня как предлогом для замены владычицы.

— Этому камню только триста лет, — неожиданно сказала Лила. — А раньте, до камня, что у вас было символом власти? Разве нельзя заменить его прежним символом?

— До камня символом власти считался рог василиска, — ответил Пантур. — Но эти чудовища уже несколько столетий не встречаются у нас в скалах, а кусок рога из короны владычицы был сожжен, когда его заменили Желтым камнем.

— У меня есть кусок рога василиска! — вспомнил Витри. — Может быть, он подойдет?

— Он настоящий? — засомневался Пантур.

— Еще какой настоящий! — Витри рассказал ученому, как ему достался этот кусок. — Я принесу его?

— Неси.

Витри сбегал за куском рога и протянул его Пантуру. Ученый взглянул на полупрозрачный, стекловидный торец рога, где из центра к краям тянулись красные нити, образуя на изломе структуру наподобие звезды.

— Да, это настоящий рог василиска, — подтвердил он. — Знаете, будет лучше, если я сам выскажу вашу просьбу владычице.

— От этого камня многое зависит, Пантур, — напомнила ему Лила. — Кроме того, сейчас, когда Каморра готов на все, чтобы

получить камни, владеть одним из них — небезопасно. Если владычица решит, что война наверху не касается Лура, может быть, ее убедит хотя бы это.

— Как только великая пригласит меня для беседы, я предложу ей поменять Желтый камень на рог василиска, — пообещал Пантур. — А пока поговорим о магии.

Маги вновь вернулись к теме, которой так жадно интересовался ученый. Они взялись читать книгу заклинаний, по просьбе Пантура начав с главы, где содержались заклинания Оранжевого алтаря. Чтение продвигалось быстрее, чем прежде — Пантур читал книгу вслух, Витри, уточняя непонятные места у магов, переводил тексты на язык монтарвов. Ученый заносил слова Витри на бумагу, стопка исписанных листов на столе понемногу росла.

После ужина к Пантуру заглянул слуга владычицы и передал приглашение. Ученый последовал за слугой, остальные разошлись по комнатам. Маги долго не ложились спать, дожидаясь возвращения Пантура, но тот не появился. Лишь наутро, во время завтрака, ученый вошел в обеденный зал и подсел к ним за стол.

— Ничего хорошего, Пантур? — обеспокоенно спросила Лила. — Мы ждали тебя допоздна.

— Владычица долго не отпускала меня, — объяснил ученый. — Я рассказал ей все, что услышал от вас, она интересовалась каждой мелочью. Напоследок я изложил ей вашу просьбу.

— И что?! — насторожились оба мага.

— Конечно, сначала она отказала наотрез. Я давно ее знаю, поэтому не стал спорить. Я заговорил о другом, потом напомнил, что исход войны наверху небезразличен и нам, монтарвам, что в случае победы Каморры неизвестно, что может приключиться с Оранжевым шаром. Напомнил и о том, что враг готов на все, лишь бы завладеть камнями. Она тоже давно меня знает, поэтому сказала, что видит, чего я добиваюсь, и обещала подумать. Это обнадеживает.

— Как долго нам дожидаться ответа?

— Не могу сказать. Владычица не любит поспешных решений. Торопливостью, принуждением можно только навредить, — ученый выглядел спокойным, и его спокойствие передалось обоим магам. — Возможно, она пригласит вас на беседу, будьте готовы к этому. Пока у нас есть занятие — читать книгу, а Шемма и Тревинер пусть погуляют по Луру.

— Прекрасно! — обрадовался охотник, услышав предложение Пантура. — Вчера я все бока отмял на лежанке. Ты не

заблудишься в городе, Шемма?

— Ну что ты, Тревинер! — важно ответил табунщик. — Я и читать умею на стенах.

После завтрака маги и Витри пошли с Пантуром, а Шемма и Тревинер отправились на прогулку.

Выйдя в Лур, Тревинер недолго оставался позади Шеммы. Выучив с его помощью монтарвский счет до десяти и освоившись в системе кольцевых и радиальных туннелей, он помчался по переплетению подземных ходов вдвое быстрее неторопливых монтарвов, предоставив Шемме впритруску поспевать следом.

— Куда ты бежишь, Тревинер? — взмолился запаренный табунщик.

— Кто знает, долго ли мы здесь проторчим, а мне хочется увидеть побольше. Вот это — что за значки?

— Первый кольцевой.

— Я так и подумал. Отсюда, наверное, и центр близко?

— Прямо и вниз по спуску.

— Чудненько. Что-то мало местных нам попадается.

— В это время они не ходят по коридорам, а работают. Каждый на своем месте.

— Да, дисциплинка у них… — Тревинер нырнул в проход, которым начиналась лестница. — Сюда?

— Сюда.

— А вон тот парень, в голубом, почему здесь шляется?

— Это не парень, а женщина. Голубое — значит, работает на кухне. В другую общину за чем-нибудь пошла.

— Женщина? — развеселился охотник. — Боюсь, здесь не сыщешь ни одной красавицы. И деревьев нет — сплошной камень. Я бы предпочел лес. А это центр? Ты знаешь, неплохо выглядит.

Тревинер остановился у выхода, оглядывая переплетение лестниц, колонн, залов и переходов, чередующийся орнамент, травяные картины самых разнообразных оттенков, одновременно и украшавшие, и освещавшие стены и уютные уголки, где можно было, не мешая другим, посидеть в хорошей компании. После прямых и гладких туннелей глаз отдыхал на открывшемся разнообразии линий и света.

Лестница, откуда вышли Тревинер и Шемма, располагалась на уровне средних ярусов центра. Охотник вертел головой, пытаясь запомнить дорогу, но постоянно отвлекался то на каменную морду диковинного зверя, в котором при сильном желании можно было признать василиска, то на крупные, полупрозрачные цветы, распустившиеся на травяных картинах. Он поднес руку к одному из таких цветков, бледно-розовому, невиданной красоты и хрупкости, но так и не решился потрогать

лепестки.

— Они совсем не пахнут, — ограничился он замечанием, поведя носом у цветка.

Пройдя по пустынному центру, Тревинер устремился наугад в один из коридоров на противоположной стороне.

— «Один» и «два», — разглядел он два значка подряд на стене коридора. — Это Двенадцатый радиальный.

Шемма промолчал, он умел распознавать надписи лишь в пределах первого десятка. Не заметив этого, Тревинер продолжил.

— Значит, в том конце — Двенадцатая община. Нам туда не нужно. Найти бы что-нибудь новенькое — выход наверх или еще куда… Шемма, куда идти?

— Если идти по Третьему кольцевому, бывают и добавочные пути.

— Очень хорошо, поглядим добавочные, — Тревинер зашагал по туннелю, выглядывая, когда его пересечет Третий кольцевой. — А вверх, вниз пути есть?

— Если и есть, я их не знаю, — ответил Шемма. — Обед ведь скоро, Тревинер, а мы неизвестно где.

— Какой ты скучный, Шемма! — беззлобно отозвался охотник. — Все одно на уме — лопать да лопать. Ты погляди вокруг, когда еще такое увидишь!

— Натощак-то — и вид не тот, — вздохнул в ответ табунщик.

Тревинер порылся в кармане, извлек оттуда предусмотрительно прихваченную дорожную лепешку и, разломив, отдал половину Шемме.

— На, кормись. А это что за отнорочек?

Охотник свернул в проход. Шемма со вздохом последовал за ним. Коридор был длинным, узким и вел куда-то вниз, где замкнулся на другой, пошире.

— Пятый кольцевой, — прочитал на стене охотник. — Ты о таком слышал?

— Нет.

— Тогда вперед! Смотри, от него отходят ветки… Семнадцатый… что это за буковки, Шемма?

— Боковой, — поскребся в памяти табунщик.

— Вперед! — Тревинер лихо отмеривал шаги по коридору. — Восемнадцатый… Девятнадцатый… А это что? Держу пари на свою голову, здесь написано не «двадцать», — он храбро нырнул в узкий и темный, без травяного освещения, проход. Шагов через тридцать под ногами охотника заскрипела каменная крошка.

— Что-то много здесь грязи, не похоже на монтарвов, — задумался Тревинер. — Ну-ка, Шемма, иди вперед, раз светишься,

а то я ничего не вижу.

Он выпихнул замешкавшегося Шемму вперед. При свете одежды табунщика стало видно, что в нескольких шагах перед ними проход засыпан каменными обломками и крошкой. Подойдя ближе, охотник увидел, что слежавшаяся насыпь образовала отверстие в верхней части. Из отверстия тянуло холодом и плесенью.

— Постой здесь. — Тревинер протиснулся в лаз. Оказавшись один, Шемма совсем загрустил, но не посмел сдвинуться с места. Спустя немного в отверстии показалась голова Тревинера.

— Там темно, хоть глаз коли, — сообщил охотник. — Давай-ка полезай за мной.

Шемма отрицательно замотал головой.

— Тогда раздевайся. — Тревинер вылез, вытряхнул Шемму из светящейся куртки и, захватив ее с собой, вновь исчез в лазе.

Шемма, голый до пояса, остался ждать Тревинера, обхватив себя руками для тепла и от жалости к себе. Время тянулось невыносимо медленно, страхи — что он не дождется Тревинера назад, что в таком виде его найдут монтарвы или, еще хуже, не найдут — были невыносимо убедительны. Но все дурное, как и хорошее, имеет свойство кончаться, и, наконец, Шемма вновь увидел вылезающего из дыры охотника.

— Ну и места, скажу тебе! — впечатленно произнес Тревинер, накидывая куртку на дрожащего табунщика. — Темень, плесень, пустота, а вокруг бегают такие шустрые, без глаз… с полкошки величиной.

— Это всееды, — могильным голосом отозвался Шемма.

— Ну, допустим, меня они не съели. Я прошел далеко, но путь не кончается. Тайны, лурские тайны! Надо бы спросить у Пантура…

— Не надо, — посоветовал Шемма. Он считал недопустимым такой безудержный избыток инициативы и был убежден, что и Пантур придерживается того же мнения.

— Поглядим… — неопределенно сказал охотник. — Идем назад.

Шемма с радостью принял предложение своего спутника. Тот не пошел прежним путем, а отправился дальше по Пятому кольцевому. Спустя немного охотник, повинуясь своему чутью — чутью человека, привыкшего находить нужный путь в незнакомой местности — свернул в один из боковых туннелей. Туннель резко пошел на подъем и закончился выходом на верхние ярусы городского центра. Тревинер задержался у перил, чтобы еще раз полюбоваться открывшимся видом.

— Глянь туда, Шемма, — указал он вниз и наискось. — А ты

говорил, что все монтарвы — на своих местах. Там, в уголке, скопилась немалая компания.

Шемма взглянул по направлению руки охотника. В одной из ниш собралось не меньше двух десятков монтарвов. Судя по одежде, здесь были и рабочие с плантаций, и кормильцы огня в печах, и даже двое глав общин. Они внимательно слушали человека в желтом, стоящего в центре.

— Двое глав общин? — заинтересовался Тревинер. — Давай-ка подойдем поближе, глянем, кого они там слушают.

— В желтом, значит — ученый, — подсказал Шемма.

— И впрямь, одет как Пантур, — вполголоса заметил Тревинер, пробираясь к собравшимся. — Не топочи так, Шемма, да вытаращи уши. Я не понимаю у них ни слова.

Шемма потянул Тревинера за куртку.

— Это Данур, я узнал его. Не ходи туда, с ним лучше не связываться.

— Что за Данур?

— Бывший советник владычицы. Она сместила его из-за нас… то есть, из-за магов.

Тревинер остановился, выглядывая путь, и нехотя признал, что подобраться к монтарвам незамеченными будет непросто. Он сделал знак повернуть обратно и затащил табунщика в ближайший коридор.

— Третий: радиальный, — прочитал он на стене. — Это нам подойдет.

Шемма заспешил за охотником, предвкушая близость дома и кухни. Вскоре они вернулись в Первую общину, в комнату Пантура, где нашли и ученого, и своих друзей, весь день просидевших над книгой.

— Явились, пропащие! — обрадованно приветствовал их Альмарен.

— Шемма, ты же обед пропустил! — в тон ему подхватил Витри.

— Пропустил, — со вздохом ответил Шемма.

— Мы хотели идти искать вас, если не вернетесь к ужину, — сказала Лила. — Вы заблудились в городе?

— Разве я похож на человека, который может заблудиться? — весело оскалился Тревинер. — Треть города мы обошли, это точно. Витри, спроси у Пантура, что это за дыра в Пятом кольцевом, вслед за Девятнадцатым боковым?

— Это один из путей в Фаур, — ответил ученый, выслушав Витри. — Я считал, что они все засыпаны.

Второе сообщение охотника, о собрании монтарвов во главе с Дануром, заставило ученого нахмуриться.

— Данур что-то замышляет, — заключил он. — Я предупрежу владычицу и преданных ей людей. Удивительно, Тревинер, не успел ты выйти в город, а столько заметил!

— Вальборн тоже это ценил, — сверкнул улыбкой охотник.

Два дня спустя владычица позвала на беседу магов, а с ними и Витри как переводчика. Пантур тоже был на беседе — Хэтоб, пока не выбравшая нового советника, приглашала ученого для обсуждения дел. Разговор с магами был долгим и доброжелательным, но Пантур видел, что, несмотря на симпатию к людям сверху, выручившим Лур, Хэтоб не склонна отдать им Желтый камень. Ученый понимал, что она — не только владычица, но и женщина, которой жаль расставаться со своей лучшей драгоценностью, но намекнуть ей на эту причину, не испортив дела, было невозможно. Сам он считал, что камень нужно отдать магам, но как убедить в этом женщину, не привыкшую к уступкам, не терпевшую принуждения? С этой мыслью ученый промучился до вечера, да и ночью, когда все разошлись по комнатам, она мешала ему уснуть куда больше, чем похрапывание Шеммы, развалившегося на соседней лежанке.

Среди ночи он почувствовал, что кто-то трясет его за плечо. Открыв глаза, Пантур вгляделся в склонившегося над ним монтарва и узнал охранника из Седьмой общины.

— Беда, Пантур! — сказал тот, увидев, что ученый проснулся. — В наш туннель рвутся уттаки!

Пантур вскочил с лежанки. Охранник торопливо рассказал ему подробности происшествия.

— Охранники из Восьмой общины говорили нам, что уттаки уже двое суток как шныряют по скалам. Снаружи солнечно, даже рубиновые очки не спасают, поэтому мы сидели в глубине туннеля, когда эти дикари полезли внутрь. Меня послали за подкреплением, а потом — сообщить великой о нападении, но я не смею беспокоить ее во время сна, поэтому пришел сюда.

— Там много уттаков?

— Много, но наши остановили их. Коридор слишком узок для того, чтобы все уттаки напали одновременно. Сейчас туда, наверное, уже подошли мужчины из ближайших общин.

— Обороняйтесь. Эта — нечисть не должна попасть внутрь, — Пантур встал и вышел вместе с охранником в коридор. — Я подниму мужчин на помощь, а ты обойди остальные общины и сообщи о нападении. Пусть подготовятся к обороне города.

Монтарв ушел. Пантур, отправив к месту боя мужчин Первой общины, постучал в комнату служанки владычицы, дождался, пока та разбудит великую, а затем, после короткого разговора с Хэтоб, пошел в Седьмую общину узнать, как развиваются события.

В туннеле было тесно от монтарвов, собравшихся на подмогу охранникам, и неожиданно спокойно. Защитники с кирками в руках сидели вдоль стен, негромко переговариваясь в ожидании новых событий. О недавнем бое напоминали лишь капли крови на гладком каменном полу.

— Что здесь произошло? — спросил Пантур, подойдя. — Где уттаки?

— Мы отбили их, — ответил один из защитников. — Они забрали убитых и отступили. Но мы не уходим — вдруг они опять полезут.

— А у нас… есть убитые?

— Убитых, к счастью, нет. Уттаки не мастера биться в туннелях, да и удар у них слабее. Мы уложили не меньше двух десятков дикарей, а с нашей стороны — лишь несколько раненых.

— Есть опасность, что уттаки прорвутся внутрь?

— Вряд ли, если их там не слишком много. Лицом к лицу с каждой стороны могут встретиться трое-четверо, не больше. Если здесь поставить десятка два охранников, будет не битва, а мастерская по уничтожению уттаков.

— Хорошо, — у Пантура отлегло от сердца. — Здесь, я смотрю, собралось полсотни наших, и никто не уходит.

— Бой был легким, но все встревожены, — объяснил охранник. — Неизвестно, что будет дальше.

Пантур прошел вперед по туннелю, изгибавшемуся у конца для защиты от света, как и все наружные выходы Лура. Вдруг сидевшие впереди монтарвы вскочили и с кирками в руках выстроились поперек туннеля. Выглянув из-за спин защитников, Пантур увидел появившихся на повороте уттаков, а с ними — сухого, остролицего человека, освещавшего путь ослепительно белым шариком, похожим на тот, который показывал Шемма. Немного не дойдя до ощетинившихся кирками монтарвов, он остановился и заговорил на непонятном здесь языке людей сверху.

Догадавшись, что нападающие хотят вступить в переговоры, Пантур раздвинул охранников, вышел вперед и спросил.

— Кто вы такие и что вам нужно?

На лице человека мелькнуло удовлетворение.

— Вы говорите по-уттакски. Хорошо, — перешел он на исковерканный монтарвский язык. — Мне не нужно вашего, мне нужно мое, а оно здесь.

— Вы не ответили, кто вы такой.

— Я — Каморра, если это имя вам что-то говорит, — с усмешкой представился остролицый.

— Говорит, — подтвердил Пантур. — У нас нет ничего

вашего.

— Если вы обо мне слышали, то, конечно, знаете, что я всегда добиваюсь своего.

— Здесь нет ничего вашего, — повторил Пантур. — Я о вас слышал и знаю, что вы добиваетесь, но не своего, а чужого.

— Свое, чужое — пустые слова, — огрызнулся Каморра. — У вас прячется человек с драгоценностью, которая принадлежит мне.

— А если я скажу, что здесь никого нет? — взглянул на него Пантур.

— Я этому не поверю. Я маг и чувствую Красный камень на расстоянии. Он здесь, под землей, поэтому мы и отыскали ваш вход.

— Этот человек может прятаться в неизвестном нам месте.

— Впустите меня внутрь, — потребовал маг. — Дайте мне проводника, и я сам отыщу его.

— В наш город нельзя войти без разрешения владычицы, — сказал ему Пантур. — Я могу передать ей вашу просьбу, но сейчас у нас время сна, великая не станет со мной разговаривать.

— Я не прошу! — перекосилось лицо мага. — Я требую, чтобы мне выдали Красный камень, или я превращу ваши поганые норы в кучу обломков!

— Начинать с угроз — плохой способ добиться согласия, — холодно заметил Пантур. — Мы не так слабы, чтобы не постоять за себя.

— Уж не думаете ли вы устоять передо мной?!

— Если вы все-таки разорите наш город, мы разобьем вашу игрушку, — иронически глянул на него Пантур. — Мы не маги, мы ее не пожалеем.

Пантур сам удивился действию своих слов, потому что маг смешался и продолжил разговор уже без прежней агрессивности.

— Я могу выкупить камень, — предложил он. — Деньгами, вещами… чем угодно. Пусть твоя правительница назначит цену.

— Но камень не наш, — напомнил Пантур.

— Что вам этот человек? — поморщился Каморра. — Выдайте его мне вместе с камнем, и все.

— Такие дела у нас решает владычица. Если вы придете сюда через сутки, я скажу вам, соблаговолила ли она дать ответ, и какой.

— Сутки? Ладно. Но ты объясни ей получше, что мне нужен ответ не какой-нибудь. Если она не понимает, с кем договаривается, пусть расспросит хорошенько у того, кто с вами. Завтра, в это же время, я приду за ответом.

Каморра резко повернулся и пошел к выходу, уттаки

последовали за своим вождем.

— Усильте охрану, — обратился Пантур к защитникам. — Я доложу великой о его притязаниях.

Он пошел к владычице, не дожидаясь начала монтарвского дня. Хэтоб не спала, она заметно обрадовалась приходу ученого.

— Люди сверху втянули нас в неприятности, — сказала она, выслушав рассказ Пантура.

— Они не виноваты, великая. Они хотели помочь нам.

— Я понимаю, поэтому не выдам их Каморре. Они должны немедленно уйти из Лура.

— А Желтый камень?

Хэтоб ответила не сразу. Чувствовалось, что она принуждает себя принять нежелательное, но необходимое решение.

— Они правы, для нас опасно владеть им, — со вздохом сказала она. — Если этот человек видит сквозь землю Красный камень, он может увидеть и Желтый. Пусть лучше камень достанется нашим друзьям, а не врагам.

Она ушла в соседнюю комнату и вскоре вернулась, держа в руках корону с сияющим в ней Желтым камнем.

— Возьми.

Пантур разогнул пальцами зажимы, удерживающие камень, и спрятал его в карман балахона. Отдав корону владычице, он пошел будить магов. Хэтоб даже не заметила его ухода, огорченно вертя в руках ставший невзрачным золотой обруч.

Разбудив людей сверху, Пантур собрал всех пятерых у себя в комнате. Они были спокойны, не понимая чрезвычайности любого несвоевременного события, происходившего в Луре.

— Время подъема еще не наступило, — сообщил им Пантур, для которого эта чрезвычайность была очевидной.

Маги непонимающе переглянулись.

— Разберешь тут, когда у вас сон, а когда подъем! — счел необходимым ответить Тревинер.

— Я разбудил вас потому, что в Лур рвется Каморра с уттаками, — сказал Пантур, не тратя времени на вступление. — Он требует выдать ему Красный камень, а заодно и вас. Владычица была так великодушна, что отказалась выполнить его требование, но вы должны немедленно покинуть город.

Слова Пантура произвели на путников впечатление грома с ясного неба. Шемма широко распахнул глаза и рот, Тревинер изумленно присвистнул.

— Но как он мог узнать, что мы здесь?! — поразился Альмарен.

— Он говорит, что чувствует Красный камень под землей.

— Невероятно! На таком расстоянии! — в голосе мага

прозвучало невольное восхищение. — А что он говорит о Желтом камне?

— Ничего. Но владычица побоялась оставлять этот камень у себя, — Пантур вытащил Желтый камень. — Возьмите его.

Он протянул камень магине, опустил в ее подставленные ладони.

— Я сбегаю за рогом василиска?! — предложил Витри и, не дожидаясь согласия, умчался из комнаты. Альмарен достал хранившийся у него Красный камень и взял в ладони, сложив их точно так же, как и Лила. Остальные обступили их, глядя на два огня, сияющих рядом — желтый и красный.

— Их нужно приложить друг к другу, — вспомнила Лила. — Альмарен, не убирай руки, — сказала она магу, отдавшему ей Красный камень. — Боюсь выронить, мои дрожат…

Видимо, эта дрожь была только в ее мыслях, потому что остальные видели лишь четкое, точное движение, которым она соединила боковые грани обоих камней. Раздался легкий сухой хлопок, и вместо двух огней в ладонях магини запылал один — оранжевый, похожий на большое яблоко с долькой, вырезанной на пробу.

— Здесь должен быть Синий камень. — Альмарен указал на пустое место. — Интересно, каким станет цвет шара, когда мы вложим его сюда?

— Он будет белым, — ответила магиня. — И он соберет силу всех алтарей на Белом. Вся магия острова окажется в руках того, кто придет с этим шаром на Белый алтарь. Ты представляешь, какая это мощь, Альмарен?!

Альмарен молча кивнул. Витри, вернувшись в комнату, отдал Пантуру рог василиска и присоединился к созерцанию диковинного зрелища.

— Возьми оба камня себе, Альмарен, — попросила магиня.

— А их можно разъединить? Этот шар неудобно хранить в кармане, — Альмарен скользящим движением, с усилием расцепил камни, завернул каждый по отдельности и положил в карман оттопырившейся куртки.

— Вот теперь у тебя грудь колесом! — похлопал его спереди Тревинер.

— Собирайтесь в путь, — поторопил их ученый.

— Мы что, пойдем натощак?! — ужаснулся Шемма, вызвав у остальных невольную вспышку смеха.

Несмотря на общее веселье, табунщик был прав. Следовало позаботиться и о еде, и о дорожных припасах.

— В нашем распоряжении еще почти сутки, — вспомнил Пантур. — Позавтракаете, соберетесь, и я провожу вас тем же

путем, которым вы пришли.

За завтраком путники почувствовали, что монтарвы уже знают о случившемся. Обычная в обеденном зале тишина сменилась беспокойным гудением — жители общины обсуждали тревожную новость. Не все взгляды, бросаемые в сторону стола, где Пантур усадил людей сверху, были дружелюбными — преобладали опасливо-холодные, а порой и откровенно враждебные.

— Что-то не видно в них особой приязни, — вполголоса сказал Тревинер, мотнув головой на окружающих.

— Еще бы, после того, что случилось из-за нас! — заметила Лила. — Но как Каморра мог появиться здесь, да еще отыскать нас у монтарвов? Мы думали, он давно в Келанге.

Никто не ответил, хотя чувствовалось, что этот вопрос тревожил каждого. После завтрака Пантур принес из кухни V немного провизии на дорогу и поторопил друзей со сборами. Когда они вышли в путь, в центральном зале их остановил спешивший, почти бегущий навстречу пожилой монтарв.

— Хорошо, что я успел вас застать, — сказал он Пантуру, переводя дух.

— Что случилось, Масур? — спросил его ученый.

— Данур догадался, что владычица не хочет выдавать чужаков этому главарю уттаков, — глава Пятой общины говорил так быстро, что Витри едва успевал переводить его слова. — Ты ведь знаешь, что в городе не все одобряют решение великой впустить сюда людей сверху, поэтому у ее бывшего советника много сторонников. Сейчас они разогнали стражников и перекрыли все наружные выходы, чтобы схватить их, — он кивнул на магов, — но это еще не все. Я узнал, что Данур послал кого-то наверх для переговоров с нападающими. Он хочет заменить владычицу своей дочерью и ищет у них поддержки в обмен на Красный камень.

— Какой предатель! — возмутился Пантур.

— Сюда идут, чтобы схватить вас всех, — закончил сообщение Масур. — Бегите, но окольными путями, чтобы не наскочить на них.

— Но куда, если все выходы перекрыты?!

Масур беспомощно развел руками.

— Если какие-то выходы еще не перекрыты, люди Данура успеют туда первыми. Попробуйте спрятаться в городе.

— Неужели в городе не осталось никого, кто поддерживал бы великую? — спросил его Пантур.

— Есть, и немало, но они разрознены, а у ее противников есть вождь… — Масур было задумался, но тут же встрепенулся. — Я,

кажется, знаю, к кому обратиться — к главе Восьмой общины!

Он ушел так же поспешно, как и появился.

— И я, кажется, знаю, как вам выбраться из города, — сказал ученый путникам. — Есть один выход, тот самый, который отыскал ты, Тревинер, но он ведет не наверх, а в Фаур. Я дам вам планы подземных путей до Фаура, но там вам придется самим отыскать наружный выход.

— Отыщем! — обрадовался Тревинер. — Давай эти планы мне!

Они вернулись к Пантуру, где ученый достал с верхней полки длинный свиток бумаги и развернул на столе. По бумаге вилась сеть переплетающихся линий, ведущих с одного конца листа на другой. Взяв чернила, ученый сделал на листе несколько отметок.

— Здесь Лур, не перепутай, — сказал он Тревинеру. — Вот крестик — это обнаруженный тобой ход. С другой стороны листа — выходы в Фаур. На долгие объяснения у нас нет времени, постарайся разобраться сам, — Пантур вручил охотнику свиток. — До этого входа я вас провожу.

Пантур вновь вывел путников в коридор, но, вместо того, чтобы следовать дальше, сделал предостерегающий жест и прислушался. Из центрального зала доносились крики и шум, будто бы от скопившейся там взбудораженной толпы. Ученый догадался, в чем дело.

— Это за вами, — бросил он путникам и поспешил в другой конец коридора, жестом увлекая их за собой. — Сюда, здесь есть другой путь!

В конце коридора Витри оглянулся и увидел толпу монтарвов, показавшуюся вдали и с криками «Вон они!» устремившуюся за ними.

— Нас увидели, за нами гонятся! — крикнул он Пантуру.

— Бежим скорее! — выдохнул в ответ ученый.

Они помчались по коридорам Лура вслед за Пантуром. Расстояние между ними и погоней увеличивалось, но длинные и прямые туннели не позволяли оторваться от преследователей, несмотря на то, что монтарвы были плохими бегунами. Даже тяжелый на ногу Шемма бегал лучше любого монтарва, поэтому преследуемые были ограничены лишь скоростью бега Пантура.

Путь к выходу в Фаур, выбранный ученым, оказался короче того, которым несколько дней назад проходили Шемма и Тревинер. Вскоре путники вбежали в туннель с многочисленными ответвлениями и свернули в одно из них, ничем не отличающееся от остальных. Но все совпадало — и засыпанный проход, и лаз в его верхней части, образованный слежавшейся породой.

— Туда! — задыхаясь от бега, указал Пантур. — Прощайте!

— До встречи, Пантур! — ответила за всех Лила.

— Снимайте мешки — и за мной! — скомандовал Тревинер и первым протиснулся в узкую дыру, волоча за собой дорожный мешок. За ним полезли и остальные. Когда Альмарен, как обычно, замыкавший группу, скрылся в отверстии, Пантур получил, наконец, возможность отдышаться.

Но не успел ученый воспользоваться этой возможностью, как в тупик вбежали преследователи. Двое крепко вцепились в Пантура, не отпуская его, хотя тот и не думал вырываться.

— Где чужаки?! — налетел на него предводитель.

Пантур молча пожал плечами.

— Туда они ушли, туда! — закричал один из монтарвов, указывая на дыру.

Все, кроме двоих, державших Пантура, кинулись к отверстию, но оно оказалось узким для ширококостных, широкогрудых монтарвов.

— Без кирки здесь не пролезешь, — заключил старший. — Скажем Дануру, пусть сам решает, что делать. А этого — с собой!

Пантура повели обратно, но не в Первую общину, а в Седьмую — родную общину Данура. Ученого довели до двери, где уже стояла стража, впихнули внутрь. Оказавшись посреди комнаты, Пантур увидел сидевшего в ней пленника, или точнее, пленницу. Это была Хэтоб.

Данур командовал своими сторонниками, вполне проявляя те качества, за которые он когда-то был выбран советником. Он беспрепятственно занял наружные выходы и взял под стражу владычицу. Ее сторонники, никогда не знавшие ничего подобного, почти не сопротивлялись. Представив монтарвам допуск чужаков в Лур, как ошибку Хэтоб, повлекшую нападение уттаков, он все-таки затеял переговоры с Каморрой. Нельзя сказать, чтобы хозяин уттаков нравился Дануру больше, чем гостившие в Луре маги — ему были одинаково противны все люди сверху, — но бывший советник надеялся отыскать возможность избавиться и от тех, и от других, а заодно вернуть себе власть и влияние в Луре.

Так как Данур не мог рассчитывать на прежнее положение при Хэтоб, у него естественным образом возникла мысль поставить владычицей другую женщину — свою дочь, и стать при ней советником, то есть фактическим правителем монтарвов. Поэтому он приказал отыскать и доставить корону владычицы. Ему принесли золотой обруч, найденный в стенной нише спальни Хэтоб, но символа власти, Желтого камня, в короне не оказалось.

— Где символ власти? — нахмурился Данур, откладывая в сторону бесполезный обруч.

— Мы не знаем, в короне не было камня.

— Допросите Хэтоб, обыщите ее! Камень должен найтись!

Эта неудача не обескуражила Данура. Он не сомневался, что символ власти спрятан недалеко и вскоре найдется. Но, когда другая группа монтарвов, посланная, чтобы схватить чужаков, сообщила, что тем удалось скрыться в подземных переходах Фаура, Данур занервничал. Близился вечер, время встречи с Каморрой, на которой было договорено выдать чужаков магу.

Каморру, разбуженного среди ночи посланниками Данура, позабавило, какие горячие события были вызваны его появлением в подземном городе. Почуяв собственную выгоду в чужой склоке, он охотно принял сторону Данура и согласился в случае надобности поддержать претендента на местную власть. Он легко договорился о выдаче Красного камня и назначил встречу на стыке людского утра и монтарвского вечера.

Когда Каморра явился на встречу, переворот, должно быть, уже состоялся. Зачинщик переворота дожидался его у входа.

— Это вы посылали гонцов? — уточнил Каморра. — Вы — тот самый Данур?

— Я, — монтарв не торопился начать беседу. Создавалось впечатление, будто он не знает, что сказать.

— Ваши люди уверяли меня, что вы отдадите мне Красный камень, — перешел к делу маг. — В обмен я пообещал свое расположение и помощь. Я пришел, как договаривались, но не чувствую здесь Красного камня. Значит, вы хотите, чтобы сначала я что-то для вас сделал. Что именно?

— Дело в том… — замялся Данур. — Дело в том… они сбежали.

— Если вы мне врете, то знайте, что мне еще никто не врал безнаказанно! — вспылил маг.

— Поверьте, меня это огорчило не меньше. Их выдачей я хотел закрепить наш союз, поэтому приложил все усилия, чтобы схватить их. Я перекрыл все выходы, послал людей, но…

— Куда они сбежали?! В каком направлении?! Я догоню их поверху.

— Они ушли не наверх, а под землю, — признался Данур.

— Так догоните их!

— Туда ведет лаз, слишком узкий для нас, монтарвов. Потребуется двое суток, чтобы раскопать его.

Каморра оценивающе окинул взглядом широкие, кряжистые фигуры подземных людей.

— Вот что, Данур! — сказал он. — Я думаю, мои уттаки пролезут в эту щель. Проводи нас туда, а об остальном я позабочусь сам.

Данур помолчал, взвешивая предложение мага.

— Да, — наконец сказал он. — Мы проведем вас в пещеры Фаура. Но — об остальном вы позаботитесь сами.

— Я же сказал! — с обычной резкостью бросил маг. — Сейчас я буду здесь с уттаками.

Данур остался у входа дожидаться возвращения Каморры. Тот не заставил себя ждать, спеша пуститься в погоню. Данур повел мага по коридорам, за ними следовали два десятка уцелевших после стычки уттаков, наполняя лурские коридоры вонью и приглушенным галдением. Дойдя до полузасыпанного тупика, Данур указал магу на лаз в верхней части насыпи.

— Они ушли в эту дыру.

— Эй вы, все! Живо, туда! — прикрикнул маг на уттаков. — Дикари один за другим полезли в темнеющее отверстие. Каморра бросил взгляд на стоящих неподвижно монтарвов, кивнул Дануру и полез вслед за уттаками.

Данур постоял немного, прислушиваясь к звукам, доносившимся из лаза, затем повернулся к помощникам, сопровождавшим уттаков.

— А теперь — заваливайте проход! — скомандовал он. — За кирки, и заваливайте, чтобы и всеед не пролез!

Хэтоб сидела, облокотившись на стол и оперев голову на подставленные кулаки. При виде Пантура она встала и пошла ему навстречу.

— Пантур, и тебя схватили! Что же это делается, Пантур?!

Голос владычицы дрожал от обиды и возмущения. Пантур смущенно встретил ее ищущий, спрашивающий взгляд.

— Данур предал вас, великая, — сказал он. — Тайком от вас он вступил в переговоры с Каморрой, и все из-за власти. Ради власти он хочет выдать наших гостей Каморре, и ради власти он хочет поставить владычицей свою дочь.

— Так вот для чего они требовали Желтый камень! — возмутилась Хэтоб. — Они обыскивали меня, Пантур, какое оскорбление! Если они найдут символ власти, совет может принять это беззаконное решение.

— Его не найдут, — успокоил ее Пантур. — Я отдал камень магам, а они успели скрыться в пещерах Фаура. Все планы пещер у них, других в городе нет.

— Значит, сторонники Данура не смогут короновать его дочь, — уже спокойнее сказала Хэтоб. — Но как же я!

— Я обменял Желтый камень на рог василиска, как договаривались, — шепнул Пантур, наклонясь к самому ее уху.

— Он у тебя?! — вскинулась Хэтоб.

— Тише, — Пантур с опаской глянул на дверь. Хэтоб

понимающе кивнула.

— Что же теперь будет? — спросила она.

— Подождем. Я надеюсь на Масура, он что-то придумал.

— Разве в Луре еще есть мои сторонники?

— Конечно. Многие верны вам и любят вас, но растерялись от неожиданности.

— Я ведь хотела как лучше, Пантур, я заботилась не о себе, а о городе, — печально сказала Хэтоб. — К шару вернулась сила, плантации будут расти и питать Лур. Что же я сделала не так?

— Все было правильно, великая, — ответил ей Пантур. — Трудное время, трудный выбор. Не все в городе были готовы принять его.

Хэтоб молча присела на лежанку. В коридоре стояла ничем не нарушаемая тишина. Время обеда давно прошло, но никто не появлялся, заставляя обоих думать, что все о них забыли. Пантур подошел к двери и потребовал обед для владычицы. Еду принесли, и вновь потянулось ожидание.

Поздним вечером Пантур уговорил владычицу отдохнуть. Она послушно улеглась на лежанке, но самому ученому не спалось. Он остался сидеть у стола, бесцельно перебирая догадки и возможные варианты происходящих в Луре событий.

Отдаленный звук заставил его встать и прислушаться.

— Что такое, Пантур? — спросила Хэтоб, по-видимому, притворявшаяся спящей.

— Сюда идут, — сказал ученый. — Я слышу голоса, много голосов.

Хэтоб поднялась с лежанки и подошла к Пантуру, слушая вместе с ним приближающиеся звуки. Шум остановился у двери и затих. В комнату вошел монтарв, но не Данур, как ожидали пленники.

— Лангур! — одновременно воскликнули оба.

— Да, великая, — глава Восьмой общины почтительно склонился перед владычицей. — Предатель схвачен, а вы свободны.

— Я боюсь поверить этому, — в голосе Хэтоб слышалась радость и облегчение.

— Не бойтесь, великая. — Лангур ободряюще прикоснулся к ее плечу и в точности повторил недавние слова Пантура. — Вы среди тех, кто верен вам… и любит вас.

XXXVI

Во дворце правителя Цитиона было тихо и пусто с тех пор, как городская армия выступила к Босхану, навстречу нашествию с севера. Просторная площадь перед дворцом казалась пустынной по сравнению с суетливыми предотъездными неделями, когда на ней то и дело толпились то конники, то лучники. Несмотря на полуденную жару, окна дворцового здания были закрыты, лишь в левом крыле второго этажа маячило одинокое окно, распахнутое настежь, а в нем виднелась фигурка девочки-подростка в белом платье. Принцесса Цитиона сидела на подоконнике перед раскрытой книгой о магии, устремляясь отсутствующим взглядом поверх площади, где изредка мелькала служанка с ведром или корзиной, за мраморные столбы дворцовой ограды, за городские постройки, виднеющиеся за оградой.

Фирелла не могла объяснить себе, почему у нее так тяжело на сердце. Нельзя было сказать, что сегодняшний день чем-то отличался от предыдущих. Напротив, он был таким же, как обычно — жарким, душным и томительно длинным. Завтрак накрывали, как и при Норрене, в малой обеденной комнате, но за полтора месяца, прошедшие со дня его отъезда, для всех трех женщин, садившихся за один стол с правителем — его жены Кандеи, самой Фиреллы и ее воспитательницы — стало привычным видеть пустующее кресло во главе стола.

Алитея, воспитательница Фиреллы, была дружна с матерью девочки. Она умела держаться чинно и важно, как почтенная мать семейства, обладала безупречными манерами и одевалась с безукоризненным вкусом, чем и расположила к себе жену правителя, выше всего ставившую умение соответствовать придворному этикету. Кроме того, обеих женщин роднила общая слабость к красивой одежде. Они могли целыми днями перебирать рисунки портных, отыскивая наилучшую модель праздничного платья, и рассуждать о том, какие украшения соответствуют той или иной ткани, покрою или цвету. Алитея разъезжала по модным лавкам, чего не позволяла себе супруга правителя Цитиона, верная во многом ею же выдуманному дворцовому этикету. Вернувшись с покупками и новостями, воспитательница Фиреллы надолго уединялась в комнате с ее матерью, а девочка, предоставленная самой себе, получала возможность провести время по собственному усмотрению.

Вот и сегодня Алитея, поручив принцессе заняться вышиванием, надела свою любимую, бежевую с розовой лентой накидку и укатила в карете прогуляться по цитионским лавкам,

на радость торговцам женскими тряпками и побрякушками. Фирелла послушно села за станок для вышивания, где полгода пылилось полотно с наполовину вышитым пейзажем Тиона, но стоило воспитательнице выехать за дворцовые ворота, как девочка бросила работу и проскользнула в библиотеку.

Фирелла любила библиотеку, так непохожую на другие залы дворца, тихую и длинную, пропитанную ароматами древних знаний. Едва научившись читать, она приходила сюда, чтобы просматривать книги, рассказывающие о жизни и военных подвигах ее доблестных предков. Фирелла листала желтые, слипшиеся от времени страницы, рассматривала картинки, пропускала в тексте непонятные места, зато подолгу, вдумчиво перечитывала другие, доступные ее детскому пониманию. Перечисления заслуг дедов и прадедов заставляли девочку задумываться об отце, которому также было суждено остаться для будущего на страницах летописей, поэтому у нее создалась привычка сравнивать отца с другими наследниками древних родов. Сравнение всегда оказывалось в пользу Норрена, и постепенно у девочки сложилось убеждение, что самый достойный из них — самый мужественный, храбрый, проницательный, мудрый, красивый — ее отец.

Она восхищалась отцом, ловила и хранила в памяти каждое его слово и движение, угадывала его склонности, настроения и желания, чувствовала его отношение к появляющимся около него людям. Отец тоже ее любил, Фирелла это знала, потому что он гладил ее по волосам и целовал в лоб, провожая ко сну, но он почти не разговаривал с ней, разделяя общее убеждение, что воспитание девочки — это забота матери. Оставаясь в одиночестве, она мысленно беседовала с отцом, задавала ему вопросы и придумывала за него ответы, делилась с ним мыслями и наблюдениями, рассказывала о своих поступках и выслушивала его предполагаемое одобрение или порицание.

До недавнего времени девочка не знала другого собеседника. Но летом во дворцовой библиотеке появился маг, тот самый, встреченный в лавке, который подарил ей сонного духа. Подслушав у отца, что маг ищет какие-то важные предметы, принцесса пришла в библиотеку, чтобы предложить помощь, а больше для того, чтобы познакомиться поближе с этими делами взрослых, с этой магией, посылающей ей сказочные сны, и особенно с ним, таким юным и уже настоящим магом, похожим на сказочного волшебника.

Та магия, о которой рассказывал Альмарен, была живой и понятной. Если бы Фирелле вздумалось изучать ее по книгам, девочка, наверное, забросила бы их, устрашенная сложными и

путаными текстами. Объяснения молодого мага помогли ей почувствовать сущность невидимых сил, не искаженную корявыми попытками втиснуть ее в слова. Альмарен дополнял слова взглядом, голосом и жестом, вкладывая в них собственное понимание магии, и они приобретали новый смысл, получали единственную, точную интонацию.

С отъездом Альмарена девочка почувствовала пустоту, которую не мог заполнить воображаемый отец. Она взялась за книги по магии, пытаясь совместить их сухой и систематичный язык с рассказами молодого мага и отыскать за рядами строчек невидимую жизнь невидимых сил, которую он так умел передать одним взмахом руки или движением бровей. При каждой возможности Фирелла приходила в библиотеку, усаживалась с книгой на подоконник, тот, где любил сидеть Альмарен, ставила рядом сонного духа и прилежно вчитывалась в бесконечные ряды строчек.

Когда чтение утомляло Фиреллу, ее мысли переходили с магии на мага, на воспоминания о том, как он сидел здесь, на подоконнике, как поправлял длинные волосы, мешавшие читать, как щурился и улыбался навстречу бьющему в окно солнцу. В ее незабывающей памяти отпечаталась и его мимолетная, рассеянная улыбка, чем-то сходная с рябью на воде, вызванной дыханием случайного ветра, и бессознательная бережность, с которой он брал в руки книгу или переворачивал страницы, и привычка в задумчивости опускать ресницы, а затем вскидывать их, радуясь найденному ответу. Альмарен занял место ее отца, став постоянным собеседником ее мысленных разговоров, но девочка никогда не пыталась сравнивать его ни с кем. Видимо, не всегда нужно, чтобы он был самым-самым, порой достаточно — чтобы просто был.

Сегодня Фирелла не могла заставить себя читать книгу. Она попробовала мысленно поговорить с Альмареном, но ощущение приближающейся угрозы мешало перебирать обыденные события. Поняв, что отогнать тревожное предчувствие не удастся, девочка сосредоточилась на нем, надеясь понять, чем оно вызвано. Ее взгляд задержался на сонном духе, подарке Альмарена.

— Что случилось, маленький? — спросила Фирелла. — Ты что-нибудь знаешь?

Дух молчал. Его свесившаяся набок голова и сложенные на брюшке ручки всегда казались Фирелле многозначительными, будто бы говорящими, что эфилемовое создание знает важные тайны, но не считает нужным выдавать их.

— Молчишь… — упрекнула его девочка. — Видишь, что я беспокоюсь, а молчишь…

Фирелла вспомнила тревожные дни, наступившие после известия о тяжелом ранении отца. Во дворце со страхом ждали следующего гонца, сама она плакала ночами в подушку, моля судьбу сохранить отцу жизнь. Судьба услышала ее — каждая новая весть была благоприятнее предыдущей, а последний гонец сообщил, что Норрен оправился от раны и вскоре вновь примет руководство обороной. Фирелла подумала об отце, прислушалась к ощущениям, но тревога не усилилась. Нет, причина была не в этом.

— Что случилось, Альмарен?! — позвала она. — Я чувствую, что приближается беда.

Альмарен, конечно, тоже не ответил. Девочка представляла его себе так, как привыкла видеть — сидящим напротив на подоконнике и улыбающимся такой удивительной, ласковой улыбкой. На этот раз она не увидела улыбки мага. Лицо Альмарена, возникшее в ее воображении, было серьезным и строгим — Фирелла подумала, что в действительности оно не бывало таким. Тревога, застывшая у нее внутри, всколыхнулась волной, на гребне волны сам собой выплыл вопрос: «Неужели он? Что с ним?»

Со дня внезапного отъезда Альмарена принцесса ничего не слышала о том, куда и зачем он уехал. Отец ни разу не обмолвился ни о маге, ни о его старшем спутнике, а девочка, покорная требованию матери не соваться в дела взрослых, не смела спросить его о своем волшебнике. Сегодня она чувствовала себя способной нарушить строгий запрет, но отец был далеко в Босхане.

На дворцовую площадь въехала карета. Слуга распахнул дверцу и подал руку выходящей оттуда Алитее. Воспитательница направилась к парадной лестнице, за ней — слуга со свертками. Проводив ее взглядом, Фирелла прикрыла окно и поспешила вернуться в свою комнату. Вскоре к ней заглянула Алитея и, убедившись, что воспитанница сидит за вышиванием, ушла к ее матери показывать покупки. Она появилась вновь только перед обедом, чтобы проводить Фиреллу к столу.

Обед прошел в молчании. Мать Фиреллы, считавшая, что при слугах, а значит, почти всегда, нужно вести себя соответственно положению, воплощала собой достоинство — белокурые волосы уложены в искусную прическу, где каждый локон на месте, красивое правильное лицо спокойно, без малейших следов чувств или волнений, холеные руки распоряжаются столовым прибором изящно и несуетливо. Фирелла вспомнила, что при отце за столом не было такой натянутости — он держался проще матери, снисходительно-ласково перенося ее высокородные причуды, и не

позволял ей воспитывать себя, а Кандея была достаточно умна, чтобы не упорствовать в этом.

— У девочки плохой аппетит, — заметила мать Алитее, вставая из-за стола. — Ей следует чаще бывать на воздухе.

Алитея немедленно распорядилась заложить карету, чтобы отвезти принцессу на прогулку. Фирелла надела накидку, вышла с воспитательницей на площадь и села в двухместную прогулочную карету, запряженную парой белых лошадей. Мальчик-конюх захлопнул дверцу, и карета выехала в город.

— Скоро ты будешь взрослой девушкой, Фирелла, — заговорила Алитея, видимо, решив заняться воспитанием. — Для девушки важен цвет лица, а плохое питание портит его. Ты должна запомнить это наизусть.

— Как правила сложения?

— Еще тверже. Кто упрекнет девушку, если она делает ошибки в сложении? А цвет лица… от него зависит твоя судьба.

— Судьба?

— Да. Внимание мужчин, чувства твоего будущего мужа. Ты больше не будешь огорчать мать плохим аппетитом?

Я постараюсь.

Алитея, удовлетворенная ответом воспитанницы, замолчала и отвернулась в окно. Карета проехала по центральным улицам Цитиона, направляясь за город, на берег Тиона. Там Алитея с девочкой вышли из кареты и стали чинно прогуливаться вдоль воды. Фирелла послушно, как кукла, шла рядом с воспитательницей, бдительно следившей за ее осанкой и походкой, и неотвязно думала о том, что за беда могла приключиться с Альмареном. Сегодняшний день был, определенно, длиннее, много длиннее, чем предыдущие.

Лишь после ужина, придя к себе в комнату, Фирелла сняла маску послушной девочки. Горько вздохнув, она поставила перед собой сонного духа, провела пальцем по эфилемовому загривку и зашептала:

— Дух, дух, не нужна мне сегодня сказка, слышишь? Расскажи мне о нем, где он, что с ним, что ему угрожает? Я очень прошу тебя, расскажи, миленький!

Высказанная просьба успокоила девочку. Фирелла торопливо улеглась спать, надеясь увидеть во сне что-нибудь о своем волшебнике.

Сон начался с ощущения глубокой и темной пещеры, окружающей Фиреллу. Тьма внезапно наполнилась желтым блеском, и девочка увидела перед собой сверкающий желтый кристалл, напоминавший треть яблока. Кристалл лежал на тряпице, бережно развернутой чьими-то руками. Те же руки

положили рядом другой сверток и откинули края ткани, на которой засверкал еще один кристалл — красный.

Фирелла узнала руки, которые не раз видела во дворцовой библиотеке перелистывавшими страницы древних книг. Она перевела взгляд выше и увидела лицо Альмарена, похудевшее и посерьезневшее, пухлые по-мальчишески губы сжаты в непривычно строгую линию. Кристаллы лежали перед ним на широком плоском камне, вокруг которого сидели люди. Фирелла вгляделась в их лица, выступавшие из темноты — одно узкое и горбоносое, с озорной искрой в прищуренных глазах, другое белое и неприметное, спокойно-терпеливое, третье круглое и упитанное, жадным взглядом наблюдавшее за чем-то, происходившим на камне, Фирелла проследила направление его взгляда и увидела руки четвертого, разламывавшие лепешки, затем лицо — маленький круглый подбородок, глубокие синие глаза. Оно, несомненно, было лицом женщины.

Закончив делить лепешки, женщина раздала их спутникам. Пальцы Альмарена, протянутые за куском, прикоснулись к ее пальцам. Взгляд девочки мгновенно перескочил на его лицо. Маг смотрел на эту женщину так, что сердце Фиреллы застыло от накатившего холода. Она попыталась вырваться из сна, но видение цепко держало ее, оставляя в пещере, за одним столом с неожиданной компанией.

Все ели молча, запивая ужин водой из стоявшего рядом котелка. Впрочем, это мог быть завтрак или обед — здесь, в темноте пещеры, ничего нельзя было сказать о времени суток. Круглолицый первым дожевал лепешку, затем потыкал пальцем в камень, собирая и слизывая крошки.

— Горяченького бы попить… — завздыхал он.

— Рано жалуешься, Шемма, — сказал ему сосед. — Второй раз едим без горячего, а тебе уже и не терпится.

— Будешь тут жаловаться! — возразил круглолицый. — С тех пор, как уехали из Лоана, и началось — терпи то, терпи это! Только бы домой вернуться, а там меня ни на шаг из села не выманишь. Долго нам еще ходить по этим пещерам?

— Пантур говорил, что до Фаура неделя пути, — отозвался с другого конца камня горбоносый. — Но мы можем проплутать и больше — здесь такая путаница! Да и там, в Фауре, нужно еще отыскать Белый алтарь.

— Там мы быстро найдем его по излучению, — сказал Альмарен. — Покажи план, Тревинер.

Горбоносый вытащил и развернул на камне помятый бумажный свиток. Альмарен поднял повыше желтый кристалл, чтобы осветить поверхность свитка. Все склонились над бумагой.

Фирелла увидела на ней сеть переплетающихся линий, соединяющую бесформенные островки темных пятен.

— Здесь уже попалось кое-что непонятное, — Тревинер ткнул пальцем в темное пятно на краю листа. — Вот этот зал нам не встретился, а на плане он есть. И наоборот — сюда идет лишний ход.

— Ты уверен, что мы проходили именно здесь? — спросила его женщина.

— Тут трудно перепутать. Мы вышли отсюда, а потом — все время прямо. Чего вы хотите — триста лет прошло!

— Нарисуй стрелку, Тревинер, чтобы мы после отдыха не спутали направление, — попросила женщина.

— Чем?

— У меня есть цветной воск. — Альмарен порылся в мешке и подал горбоносому кусок воска. Тот провел на камне жирную розовую черту и увенчал ее острием.

Альмарен завернул оба камня и убрал за пазуху. Фирелла осталась в полной темноте, непроизвольно всматриваясь в пространство перед собой. Ей казалось, что она плывет или, скорее, летит сквозь тьму, хотя ее взгляд не замечал ничего, говорящего о движении. Вдруг впереди возникла цепь белых точек, напоминавшая жемчужное ожерелье, парящее во тьме. Приблизившись, Фирелла увидела, что точки оказались ярко-белыми эфилемовыми шарами, похожими на светлячки Феникса. Светлячки находились в руках у отвратительных существ, скорее зверей, чем людей — уродливых, корявых, низкорослых — цепочкой бредущих по подземному ходу. Первым шел костлявый остролицый человек, подгонявший своих жутких спутников окриками:

— Пошевеливайтесь, лодыри! Они не ушли далеко!

Видение исказилось, свернулось и исчезло. Фирелла проснулась от нестерпимого ужаса, вызванного видом зверских морд и ясным ощущением того, что эти морды гонятся за Альмареном и его друзьями. Сев в кровати, девочка оглянулась вокруг, чтобы убедиться, что она в собственной комнате, а не в пещере со звероподобными человеческими существами.

За окном едва светало. Фирелла, слишком взволнованная, чтобы вновь заснуть после привидевшегося кошмара, встала с кровати и подошла к окну, выглянула на пустынный, призрачный в предутренних сумерках двор. Она чувствовала крепнущую с каждым мгновением убежденность, что увиденное во сне было не сном, а явью. Вспомнив про сонного духа, девочка отыскала игрушку на столике у изголовья.

— Что ты мне показал, маленький? — спросила она духа.

Дух молчал.

— Ему угрожает опасность, да? — спросила она вновь. — За ним гонятся эти ужасные…?

Дух молчал.

— Что я должна делать, маленький? Пойми, я не могу знать про это и ничего не сделать!

Эфилемовая игрушка оставалась бессловесной. Фирелла обхватила голову ладонями, пытаясь догадаться, что ей предпринять, чтобы помочь Альмарену. Нужно было немедленно действовать, немедленно сообщить, позвать на помощь, но кого? Отец далеко, мать и Алитея не прислушаются к ней, а уложат в постель и будут поить лекарствами. Фирелла торопливо перебирала знакомые имена, отбрасывая одно за другим, и уже совсем отчаялась, когда необходимое имя само выплыло в сознании.

— Равенор! — произнесла она вслух.

Имя, названное когда-то Альмареном, запавшее в память как имя великого, ни с кем не сравнимого мага, внушило Фирелле надежду. Конечно, Равенор — тот самый человек, который поверит видению, навеянному магической игрушкой, который сумеет отвести беду. Девочка легла, укрылась одеялом, затем вновь встала к окну, не зная, как скоротать время в ожидании утра. Ее мысли занимало одно — как отыскать Равенора, о котором ей было известно только то, что он живет где-то в Цитионе, и кого расспросить о Равеноре, не вызвав ответного недоумения.

Во время завтрака она старалась хорошо есть, чтобы вновь не привлечь внимания матери и воспитательницы, а затем попросила у Алитеи разрешения погулять во дворцовом парке. Та, довольная действием свежего воздуха на аппетит девочки, не стала возражать и отпустила ее в парк, а сама ушла собираться в свою обычную поездку по городским лавкам.

Фирелла отыскала в безделушках золотую монету, подаренную отцом, спрятала ее в кармашек платья на хранение лежавшему там сонному духу и вышла в парк. Не задерживаясь среди подстриженных деревьев, скамеечек и полинявших цветочных клумб, она дошла до западной дворцовой ограды, у которой размещались конюшни правителя. Здесь было так же пустынно, как и на дворцовой площади — почти все люди и лошади отправились в Босхан с армией. Девочка следила из-за кустов, пока к конюшне не вернулся мальчик-конюх, провожавший Алитею в поездку. Выйдя из укрытия, Фирелла окликнула его.

— Эй, мальчик!

Тот был ровесником Фиреллы и, разумеется, считал себя взрослым.

— Что прикажете, ваше высочество? — ответил он деланным басом.

Принцесса отозвала его за кусты.

— Ты знаешь, кто такой — Равенор?

— Еще бы! Кто его не знает!

— И знаешь, где он живет?

— Недалеко. От главных дворцовых ворот прямо по улице, потом налево.

— Мне нужно попасть к нему. Проводи меня туда.

Мальчишка вытаращился на принцессу.

— Без спроса?! — он мигом растерял всю напускную взрослость. — Эх, и влетит!

— Я никому не скажу.

— А увидят?

— Нужно, чтобы нас не увидели.

— Тебе-то что! — фыркнул мальчишка. — Поругают, да простят. А меня выпорют, да с конюшни выгонят.

Фирелла достала золотую монету.

— Обо мне никто не вспомнит, кроме Алитеи, а она приедет только к обеду. Мы успеем вернуться.

— Тебя стража не выпустит, — мальчишка колебался, скосив глаз на монету.

— Значит, тебе не суметь вывести меня в город? — с пренебрежительной гримаской сказала Фирелла.

— Мне?! — возмутился мальчишка. — Не суметь?!

— А если можешь, тогда веди.

— И поведу. Только… — мальчишка запнулся, оглядывая Фиреллу. — Переодеться бы тебе надо.

— Во что?

— Сейчас сообразим. Есть у меня здесь одежонка, мне мала. Идем со мной.

Мальчишка привел Фиреллу в конюшню, оставил в пустующем стойле и ушел за одеждой. Вскоре он вернулся с охапкой тряпья.

— Вот, возьми. Это моя старая форменная одежда. Куртка, штаны, башмаки, шапка. Волосы спрячь под шапку, свою одежду зарой туда, в сено. Я подожду на дворе.

Когда переодетая Фирелла вышла из конюшни, он натянул поглубже ее шапку, опустил поля, затем взял щепоть пыли и запудрил щеки и шею девочки.

— Я не люблю грязи, — сказала она.

— Потерпишь, — буркнул мальчишка. — Идем, да не

раскрывай рта, понятно?

Он повел Фиреллу к западным воротам дворцовой ограды. Стражник, узнавший в одном из мальчишек помощника конюха, спросил его:

— Куда ты, малец? А с тобой кто?

— Братишка младший, — не растерялся мальчишка. — Бабка занедужила, вот и пришел за мной.

— Как ты вошел, парень? — спросил Фиреллу стражник. — С ночи сижу, тебя здесь не было.

— Через северные ворота, — ответил за нее мальчишка. — Нам к лекарю надо зайти, отсюда ближе.

— А он чего молчит?

— Застенчивый очень, — мальчишка потянул Фиреллу за рукав. — Ну мы пойдем, господин стражник, расхворалась бабка-то…

Он бегом пустился в ближайший переулок, таща Фиреллу за собой. За углом они остановились.

— Видишь, выбрались, — гордо сказал мальчишка. — А говорила — слабо! Давай монету, — он подбросил на руке золотой кругляш, спустил в карман.

Вскоре они уже шли вдоль стены, высокой и белой, тянущейся по левой стороне улицы. Мальчишка на ходу хлопнул по стене ладонью.

— Равенор живет там, за стеной, — пояснил он Фирелле. — Дворец и сад у него еще лучше, чем у правителя.

— Ты видел его дворец?

— Нет. Туда никого не пускают. У Равенора мало слуг, и все как один, молчуны. За деньги, какие он им платит, и я бы молчал.

Они остановились у наглухо закрытых ворот.

— Вход здесь, — мальчишка указал на дверь рядом с воротами. — Нужно стучать в это окошко.

Он протянул руку, но Фирелла остановила его.

— Я сама. Жди меня вон там, в переулке.

Подождав, пока ее провожатый не уйдет, она постучала в смотровое окошко, сначала тихонько, затем громче.

Окошко открылось.

— Кто там скребется? — спросил суровый, длиннолицый слуга, выглядывая на улицу.

— Я.

— Вижу, что ты. Топай дальше, пока я не вышел, да не отвесил тебе пару горячих. Много вас тут, безобразников, шляется!

— Я хочу поговорить с Равенором, — сказала Фирелла.

— С кем?! С его светлостью, сопляк!

— С его светлостью, — подтвердила она.

— Его светлости не о чем разговаривать с уличными мальчишками.

— Это нужно не мне, а другим людям.

— Посыльный, что ли? — догадался слуга. — Говори свое дело и приходи завтра за ответом.

— Но я не смогу прийти завтра… — глаза Фиреллы наполнились слезами.

— Не хнычь, малыш, — вид чумазого, испуганного детского личика поколебал суровость привратника. — Что у тебя стряслось, говори.

— Одному человеку… моему знакомому магу… грозит опасность…

— Только одному? Сейчас вся Келада в опасности. Ладно, я доложу его светлости… да прекрати ты ныть… О ком мне докладывать, как зовут твоего мага?

— Альмарен…

И тут случилось небывалое, несовместимое с правилами, дотошно соблюдаемыми во дворце — дверь отворилась, и слуга пригласил Фиреллу войти. Недавнее распоряжение Равенора — немедленно вести к нему каждого, кто упомянет магистра ордена Грифона или его спутника, Альмарена — помогло девочке добиться встречи со знаменитым магом.

Слуга ввел Фиреллу в просторную комнату, служившую Равенору и кабинетом, и библиотекой. Из-за стола поднялся невысокий и щуплый, уже немолодой человек в черном камзоле с синей и серебряной отделкой. Его выпуклый череп, едва прикрытый жидкими, коротко подрезанными волосами, казалось, нависал над небольшими, остро смотрящими глазами. Фирелла почувствовала, что идущий к ней человек замкнут и сух, даже суров, но не зол, и слезы сами высохли у нее на глазах. Равенор, видимо, уже был извещен о посетителе, потому что обратился к сопровождавшему Фиреллу слуге:

— Значит, этот ребенок знает что-то об Альмарене?

Слуга утвердительно кивнул. Равенор подошел к Фирелле вплотную и снял с ее головы шапку. Длинные белокурые волосы девочки посыпались на плечи.

— Так… — протянул Равенор. — Ты кто такая?

— Фирелла, дочь Норрена.

Слегка прищурив глаз, будто целясь из лука, Равенор окинул ее взглядом и отдал распоряжение слуге.

— Умойте ее.

Фирелла растерянно последовала за слугой. Тот отвел ее умываться, затем вернул в кабинет. Равенор вновь оглядел

девочку и изрек:

— Так лучше. У Норрена красивая дочка. Я догадываюсь, что ты сбежала из дома. Верно?

С Фиреллой от самой дворцовой калитки разговаривали исключительно жестами, поэтому она молча кивнула в ответ.

— Смелая девочка, — в голосе Равенора прозвучала одновременно и похвала, и ирония. — И это потому, что твоему знакомому магу грозит опасность?

Фирелла опять кивнула. Равенор проводил ее к столу, усадил в кресло, сам удобно устроился в соседнем кресле.

— Рассказывай, — разрешил он.

Фирелла рассказала ему весь сон, от начала и до конца, затем высказала уверенность в том, что все виденное происходило в действительности.

— Твоя игрушка с тобой? — спросил ее Равенор. Фирелла вытащила из кармана сонного духа и подала магу.

— Умная девочка, — на этот раз похвала мага прозвучала без намека на иронию. Он взял фигурку и некоторое время изучал ее, полуприкрыв глаза, осторожно поводя пальцами вокруг хитрой эфилемовой головки.

— Это не простая безделушка, — подвел он итог осмотру. — Я чувствую, что здесь использованы сильные заклинания. Ее делал какой-то мастер из Оккады, и не для развлечения.

— Духа сделал друг Альмарена, Риссарн, — вспомнила Фирелла.

— Не слышал. Должно быть, сильный маг. Этот амулет улучшает способность к ясновидению, а она, кажется, у тебя есть.

Равенор не спешил ни со словами, ни с выводами, не обращая внимания на нетерпеливое волнение девочки.

— Ты сказала, что видела два кристалла — красный и желтый. Опиши их подробнее, — выслушав Фиреллу, он заговорил сам с собой, будто размышляя вслух. — Это они. Значит, Альмарену удалось найти два камня. Тот человек с уттаками, который преследует его, похож на Каморру. Но почему в пещере?! Вчера я получил новости из Босхана — во вражеских войсках Каморры нет, а есть Госсар. Это тоже сходится. Что такое Фаур, я не знаю, — Равенор потер ладонью лоб, — но она утверждает, что они идут на Белый алтарь. Значит, они придут туда, я и сам бы так поступил, имея два камня. Каморра негодяй, но не глупец, он тоже понимает, чем это для него кончится. Из этого следует, что помощь нужно посылать на. Белый алтарь. Как это сделать?

Нужно ехать к Норрену. Липших войск у него нет, но для такого дела…

Равенор на мгновение замолчал, затем остановил взгляд на Фирелле.

— Мой слуга доставит тебя домой. Я передам с ним письмо, чтобы тебя не наказывали. Духа оставь мне.

— Я не расстанусь с ним, — отказалась Фирелла. — Это подарок Альмарена.

Равенор слегка нахмурился.

— Лишняя проблема. Амулет может понадобиться.

— Возьмите меня с собой, — попросила его Фирелла. — Я знаю, как разговаривать с духом. Меня он слушается, а вас — может и не послушаться.

— Верно. Я не ясновидящий. Ты умеешь ездить верхом?

— Умею.

— Мы поедем быстро. Выдержишь?

— Я постараюсь.

— Хороший ответ, — Равенор позвонил в колокольчик. В дверях мгновенно появился слуга. Маг поднялся ему навстречу, от его вялости не осталось и следа.

— Двух слуг, четырех лошадей и все для двухнедельной поездки — немедленно! Ей — другую одежду, она едет со мной, — указал он на Фиреллу. — Выполняйте!

Отправив слугу, маг сел писать письмо матери Фиреллы. Когда он поставил последнюю точку, вернувшийся слуга доложил, что все готово к отъезду.

— Прекрасно, — одобрил Равенор, запечатывая письмо фамильным перстнем. — Это отнесете супруге Норрена. Не сейчас. Ближе к обеду.

Затратив на сборы ровно столько времени, сколько потребовалось для переодевания, Равенор и Фирелла спустились к выходу по парадной лестнице. У ее подножия стояли заседланные лошади, вышколенные, как державшие их слуги. Две из них, завьюченные дорожными мешками, предназначались слугам, другие две, в богатой сбруе, ожидали хозяина и его спутницу. Равенор, не прощаясь, вскочил в седло и первым подъехал к воротам, немедленно распахнувшимся перед ним.

Выехав на улицу, Равенор сразу же пустил коня галопом. Поначалу он оглядывался на следовавшую за ним Фиреллу, затем, убедившись, что девочка хорошо держится в седле, перестал обращать на нее внимание. До обеда было далеко, а они уже скакали вверх по Большому Тионскому тракту, навстречу потоку беженцев, идущему с севера.

XXXVII

Узнав, что уттаков возглавит первый военачальник Берсерена, Ромбар тщательно пересмотрел соотношение сил обеих армий. Теперь, когда были точно известны и численность войск подошедшего с юга Донкара, и печальный итог событий в Келанге, однозначно выяснилось, что положение складывается наихудшим образом для защитников Босхана. Если раньше еще можно было надеяться на тактические просчеты Каморры, присутствие Госсара исключало малейшую надежду на ошибки врага в бою. Укрепления, возведенные на подступах к городу, вряд ли могли остановить врага, вчетверо превосходящего по численности объединенную армию южных городов Келады. Это вынудило Ромбара собрать военный совет, куда были приглашены все, кто принимал участие в руководстве войсками.

Вечером к шатру Норрена стали собираться правители и военачальники. Сюда подъехала и Десса с сыном, которого с малых лет приучала к нелегким обязанностям правителя, и Донкар, а с ним его взрослые сыновья, двое из которых командовали отрядами, и предводитель конницы, посланной правителем Тимая. На совет пришел и сам Норрен, которому лекарь на днях разрешил вставать с постели. Правитель Цитиона держался бодро, хотя его бескровное лицо и запавшие щеки свидетельствовали о недавней горячке. Когда все приглашенные собрались и расселись под навесом, установленным у шатра Норрена, Ромбар поднялся с места и в нескольких словах обрисовал положение.

— Мы уже рассматривали осаду Босхана, как возможный вариант развития войны, — подытожил он сообщение. — Обстоятельства указывают, что это — единственно возможный вариант. Я считаю, что в первую очередь нам следует позаботиться об обеспечении нашей жизни в условиях осады.

— Для чего же мы строили укрепления, Ромбар? — проворчал военачальник Дессы. — Чтобы подарить их уттакам?

— Не беспокойтесь, Вастен, они нам пригодятся, — ответил ему Ромбар. — Мы не отступим в город без боя, но отступление нужно организовать так, чтобы наши потери оказались существенно меньше вражеских. Как это сделать, мы решим, когда увидим расстановку сил Каморры.

— Не случится ли так, что Госсар с армией пройдет мимо Босхана на юг, пока мы отсиживаемся за стенами? — поинтересовался Донкар. — Все наши войска здесь, а южные земли остались без защиты.

— Если это случится, мы догоним врага сзади и нанесем ему гораздо больший урон, чем в открытом бою. Но Госсар, к сожалению, никогда не сделает такой глупости, — взгляд Ромбара остановился на сидевшей поблизости правительнице Босхана. — А вы, Десса, что нам скажете о возможности города принять и содержать наши войска?

— Все подготовлено, — ответила Десса. — Горожане извещены о необходимости разместить воинов, запаса провизии и конского корма хватит недели на три… при имеющейся численности войск.

— Хорошо. В войсках есть собственные запасы, да и численность… При бережном расходовании месяца полтора мы продержимся, — вслух прикинул Ромбар. — С завтрашнего дня нужно начать размещение войск в городе, а также переправить туда военные припасы и имущество. Когда разведка известит о приближении уттаков, мы расставим войска по укреплениям.

Никто не оспаривал предложение Ромбара. В последующем обсуждении говорилось только о том, как лучше и быстрее выполнить намеченное. Совет закончился поздно вечером, а наутро весь военный лагерь зашевелился. Ручейки людей и повозок, нагруженных войсковым имуществом, потекли к городским воротам. За один день равнина между Босханом и восточным берегом Тиона опустела, лишь вытоптанная трава напоминала о стоявших здесь войсках. Приняв в себя армию, город закрылся на ночь и уснул, охраняемый стражей у ворот и на стенных башнях.

Спустя два дня в Босхан один за другим стали возвращаться разведчики, высланные навстречу вражеской армии. Из донесений выяснилось, что через сутки первые отряды уттаков появятся у городских стен. Дикари, возглавляемые Госсаром, двигались вдоль восточного берега Тиона, а не западного, как ожидалось, поэтому береговые укрепления оказались ненужными, а северная линия — слишком слабой, чтобы задержать огромное войско. По призыву Дессы горожане с лопатами вышли углублять ров перед насыпью северной линии, а вечером лучники и пешие воины заняли свои позиции вдоль насыпи, где и заночевали, выставив дозорных.

Во второй половине следующего дня стража заметила приближающиеся отряды уттаков. Серая шевелящаяся масса текла вдоль берега, щетинясь каменными секирами, среди которых кое-где поблескивали и бронзовые, захваченные в Келанге. Дикари встали лагерем на расстоянии десяти полетов стрелы от линии укреплений, заполнив долину реки от берега до самых Ционских скал.

Вечером Норрен и Ромбар выехали на укрепления и поднялись на насыпь, чтобы поближе увидеть врага. По всей долине горели костры, затягивая окрестности сизым дымом, торчали сотни шалашей, придававших ей сходство со сжатым, но не убранным полем. На пригорке у самого берега реки возвышался белый шатер с черно-желтым гербом рода Лотварна, окруженный группой походных палаток.

Двое мужчин поначалу стояли молча. Каждый рассматривал открывшуюся картину, обдумывал увиденное, делал прикидки и выводы.

— Их численность втрое больше нашей, Ромбар, — нарушил молчание Норрен.

— Думаю, они стоят и за излучиной, — отозвался тот. — Для нас важно, что расстояние между скалами и берегом не позволит им атаковать одновременно.

— Странно, что они не пошли западным берегом. На этом берегу им нечего есть.

— Госсар предвидел трудности с переправой. С той стороны Тиона мало леса для плотов. Кроме того, я слышал от Вальборна, что голодные уттаки злее дерутся. Наверное, и Госсар это знает.

Норрен вновь перевел взгляд на долину, усеянную уттаками.

— Даже сейчас, когда уттаки здесь, я не могу поверить, что они способны подчиняться чьим-то приказам, выполнять чью-то чужую волю, — сказал он. — Если это магия, как ты утверждаешь, Ромбар, как она действует?

— Как? — переспросил его Ромбар. — Давай вспомним, почему люди бывают рады исполнять чужую волю. Корыстные мотивы отбросим, не все определяется только ими. Представь себе, что уличный нищий надел твою одежду, Норрен.

— Представил, — улыбка, прозвучавшая в голосе Норрена, дополнила его ответ.

— Нам с тобой он смешон, — подтвердил Ромбар. — Но сам он слишком убог, чтобы понять это. Он любуется собой в зеркало и видит, что стал и красив, и велик, почти правитель. Так?

— Может быть.

— А теперь представь себе, как некая личность, слишком мелкая, слабая и невзрачная, чтобы иметь свои цели и свою волю, воодушевляется чужими целями и исполняет чужую волю. Ты, наверное, видел это и сам?

— Видел. Положение такое.

— А для чего ей это нужно? Приняв в себя чужую идею, эта личность кажется себе и незаурядной, и значительной. Бывает, что и время сменилось, и творец забыт, а она все шумит, суетится…

— Но причем тут уттаки, Ромбар?

— Без магии они слишком примитивны даже для того, чтобы воодушевляться чьими-то чужими целями. Зачем им послезавтрашний день, когда есть сегодняшний?! Их головы пусты, но магия Каморры заполняет эту пустоту. Она помогает им подняться до уровня, пригодного для возвеличивания себя путем участия в чужих замыслах, особенно таких, где есть захват и грабеж. Уттаки — это идеальные исполнители, живущие волей своего вождя. В каждом уттаке благодаря магии есть частичка воли Каморры, его жажды власти, неудовлетворенного честолюбия. Они — его меч, его пальцы до тех пор, пока действует магия.

— Ты говорил мне в Цитионе, Ромбар, что эту магию можно уничтожить, — вспомнил Норрен. — Ты знаешь, как это сделать?

— Конкретно — нет. Мы с Альмареном предполагали, что это можно сделать с помощью камней Трех Братьев. Сейчас он ушел на Керн за Красным камнем, а я, как видишь, здесь.

— От него не было никаких известий?

— Нет. Дорого бы я дал, чтобы узнать, как у него дела. — Ромбар нахмурился и устремил взгляд на север, за горизонт, туда, где оставил своего молодого друга. — Знаешь, что меня беспокоит, Норрен — все разведчики утверждают, что Госсар ведет уттаков один, без Каморры. Боюсь, этот босханец всерьез занялся поиском камней.

— Думается мне, что нам не следует слишком уж рассчитывать на твоего приятеля, — высказался Норрен. — Мы с тобой — воины, враг — перед нами. Что мы можем сделать, чтобы получить преимущество? Как предугадать действия врага и помешать ему?

— На месте Госсара я бы не вступил в бой сразу, — подхватил мысль Ромбар. — Я выждал бы несколько дней, пока защитники не устанут сидеть на укреплениях и не ослабят бдительность.

— Ромбар! — неожиданно сказал Норрен. — Разве нам что-нибудь мешает начать бой, когда это нам удобнее?

Ромбар быстро повернулся к нему.

— А ведь ты прав, Норрен. Чего Госсар никак не ожидает, так это того, что мы начнем бой первыми. В этом бою мы не победим, но у нас другая цель. Нам нужно нанести врагу как можно больший урон и отступить в город.

— Когда, по-твоему, лучшее время для нападения?

— Завтра утром. Но вряд ли мы успеем расставить силы.

— Успеем, — твердо заявил Норрен. — Как бы ты спланировал этот бой?

— Сначала нужна вылазка, лучше — внезапная, чтобы

втянуть дикарей в стычку до вмешательства Госсара со своей магией. Разгоряченными уттаками наверняка труднее управлять. Затем передовое войско должно отступить к насыпи и заманить дикарей под стрелы наших лучников. Если это удастся, и дикари полезут на укрепления, их следует сдерживать, пока есть силы. Именно здесь я планировал бы поубавить как можно больше уттаков.

— А дальше?

— Нужно вовремя дать сигнал к отступлению, чтобы предотвратить потери в пеших войсках. Конница и клыканы прикроют их отход и внесут свою долю в убавление уттаков. Затем конница уйдет в город, и можно будет подсчитывать наши достижения и потери.

— На словах это выглядит заманчиво… — с сомнением произнес Норрен. — А на деле?

— Если бой пройдет по плану, соотношение сил выровняется в нашу пользу, а насколько — здесь все зависит от мужества воинов и руководства боем. Но любой приказ, отданный неточно или не вовремя, может привести к разгрому наших войск. Конечно, есть риск потерять все, но и выиграть можно немало.

— При таком соотношении сил риск неизбежен, — нотки сомнения исчезли из голоса правителя Цитиона. — Мы должны использовать момент, другого может не представиться.

— Тогда — за дело, — поддержал его Ромбар. — Нам нужно многое успеть до темноты.

Оба быстрым шагом сошли с насыпи, вскочили на коней и поскакали в город.

Утро перед битвой выдалось ясное и по-осеннему холодное. Риссарн встретил его в небольшой лощине к западу от Босхана, где ночью укрылась конница Ромбара. Воины в боевых доспехах, вооруженные пиками и мечами, расселись по склону в ожидании сигнала, кони в кольчужных сетках, прикрывающих шею и грудь, стояли на дне лощины, привязанные к кустарнику. Кое-кто из воинов спал прямо на траве, наверстывая бессонную ночь, но таких было немного. Прочие сидели небольшими группами и односложно переговаривались, а то и попросту молчали вместе, подчиняясь полуосознанной потребности чувствовать рядом товарищей по оружию.

Риссарн сидел рядом с Ромбаром, при мече, в кольчуге и шлеме, как и остальные донники. С дня его появления в лагере они оба жили в одной палатке, а после переселения в Босхан заняли соседние комнаты во дворце Дессы. Ромбар доброжелательно отнесся к другу Альмарена — снабдил оружием и доспехами, сам показал кое-какие приемы боя. Несмотря на это,

между новыми знакомыми не возникло тесной дружбы — Ромбар был слишком занят военными делами, а Риссарн целыми днями пропадал на тренировочной площадке, стремясь усердными занятиями наверстать нехватку опыта в обращении с мечом.

Приближалось время, когда передовой отряд должен был спуститься с Ционских скал и напасть на уттакский лагерь. Будь здесь Альмарен, он, наверное, давно засыпал бы Ромбара вопросами, но Риссарн молчал, оставляя право начать разговор на усмотрение своего покровителя и военачальника. Тот внезапно поднялся с земли, повернулся к северу и прислушался к доносившимся оттуда звукам.

— Кажется, началось, — бросил он Риссарну.

Ромбар пошел вверх по склону лощины, Риссарн вскочил и присоединился к нему. Теперь и он слышал улюлюкающие крики разбуженных дикарей, доносящиеся из уттакского лагеря. С верхнего края лощины хорошо просматривалась и равнина между городской стеной и Тионом, до самого моста, и крутой скальный массив к востоку от города, и линия укреплений, на которой пока не было заметно никакого движения. Видимо, передовой отряд, бившийся в уттакском лагере, еще не отступил под защиту лучников.

Шум, доносящийся с места боя, усиливался и расширялся по мере пробуждения врагов. Вскоре стало возможным, не прислушиваясь, определить место сражения — у восточного края долины. Там, упираясь в скалы, проходила линия насыпи, за которой укрывались пешие войска — лучники вперемешку с копейщиками, готовыми отразить штурм укреплений.

Люди на насыпи зашевелились, помогая влезть наверх воинам передового отряда, преследуемого уттаками. Замелькали взятые наизготовку луки и копья, форма воинов Цитиона, Босхана, Кертенка смешалась в единую пеструю, клубящуюся массу. До места, где стояла конница Ромбара, не доносилось ни свиста стрел, ни щелчков спускаемой тетивы, ни лязга оружия — ничего, кроме угрожающего воя разбуженной, разозленной уттакской толпы, лезущей на противника, но безостановочные движения лучников, выпускавших стрелу за стрелой, беготня подносчиков стрел, ритмичные движения спин копейщиков выдавали напряжение схватки.

Солнце ползло вверх по небу, а воины на укреплениях стойко держали оборону, сменяя друг друга на передовой линии. В город и обратно потянулись повозки, перевозившие тяжелораненых. Конники Ромбара все как один наблюдали за сражением, и каждый чувствовал, что близится момент вступления в бой.

— Уттаки стали управляемыми, — заметил Риссарну Ромбар,

не упускавший ни единой подробности сражения. — Сначала они кидались на насыпь как попало, а теперь, посмотри, накапливаются в восточном углу долины…

Он скомандовал воинам садиться на коней и первым спустился в лощину к своему Тулану. Выехав наверх, конники увидели, что уттаки сосредоточились на штурме края насыпи, прилегавшего к Ционским скалам. Вскоре дикари заняли восточную часть укреплений, серым языком выплеснувшись в пестрые скопления обороняющихся. Лучники, оставшиеся без прикрытия, побежали по равнине к городским воротам, прочие воины пиками и мечами безуспешно пытались сдержать натиск дикарей. В этот момент с башни городской стены донесся звук серебряного рога Норрена.

Ромбар поднес к губам висевший на груди рог и повторил сигнал, оповещая тимайскую конницу, укрывшуюся под берегом Тиона. Со стороны реки, со стороны скал отозвались рога стоявших в засаде отрядов, давая знать о готовности к атаке. По этой перекличке пешие войска, обороняющие рубеж, разом оставили насыпь и побежали к городу, спеша как можно дальше оторваться от хлынувших следом уттаков. Когда первые из отступавших преодолели половину расстояния до ворот, Ромбар вновь приложит к губам рог, сигналя о начале атаки, затем скомандовал «Вперед!» и пришпорил коня.

Отряд Ромбара единым порывом снялся с места и полетел по равнине, направляясь в центр промежутка между бегущими войсками и преследующими их уттаками. Риссарн, благодаря великолепному коню не отстававший от Ромбара, увидел, как из-под берега реки, будто взметенная ветром, вымахнула легкая тимайская конница и устремилась на врагов с западного края, как из-за Ционских скал вывернулась конница Дессы, преграждая уттакам путь к городу. Одновременно от городской стены отделилось собачье войско — сотня клыканов в блестящих кольчужках, сопровождаемая конными псарями. Боевые псы Кельварна, каждый ростом с теленка, беззвучно понеслись навстречу уттакам и первыми налетели на дикарей, прорвавших защиту у Ционских скал.

Риссарн уже не видел, как вступили в бой тимайцы и конники Дессы — отряд Ромбара столкнулся с уттаками. Мечи остановили дикарей, бегущих первыми, но задние напирали, образуя тесноту и свалку. Жестокое возбуждение битвой охватило мага, придавая силу ударам, заставляя не замечать усталость. Его меч поднимался и опускался, наносил и отбивал удары, вышибал оружие и сносил головы, а враги не убывали. Казалось, за укреплениями, откуда появлялись вражеские силы, бил

неиссякаемый источник, порождающий уттаков. Казалось, время замерло, застряло на битве, лишь краешек сознания шептал, что солнце пошло за полдень, да уголок глаза ухватывал, что там, за шеренгой крепко стоящих конников Ромбара, какая-то суматоха в рядах воинов Дессы, что толпа дикарей, умело направляемая невидимой рукой Госсара, теснит тимайскую конницу к Тиону.

Какой-то звук, похожий на голос серебряного рога Норрена, пробился сквозь шум битвы в уши Риссарну. Маг понял, что ему не померещилось от усталости, лишь когда Ромбар, не переставая махать мечом, другой рукой поднес к губам свой рог. Рог Ромбара захрипел, но затем обрел звук, возвещая отступление. Отряд отходил к городским воротам до тех пор, пока Ромбар не скомандовал стоять до сигнала. И вновь сомкнулись ряды, и вновь заработали мечи, обеспечивая отступление тимайской и босханской конницы.

Эта схватка нелегко далась Риссарну. Меч с каждым мгновением тяжелел, а дикари, расхрабрившиеся при виде отступления противника, лезли напролом. Маг с нетерпением отчаяния ловил сигнал, по которому конница Ромбара должна была уйти в город, и наконец, услышал его, но не с городской башни. Ромбар, не дожидаясь команды Норрена, в третий раз затрубил в рог.

Измученная конница во весь опор поскакала к воротам, опережая бегущих сзади уттаков. Едва городские ворота захлопнулись за всадниками, едва прогрохотала опускаемая решетка, как о ворота ударилась беснующаяся толпа дикарей. Камни и отбросы, посыпавшиеся с городской стены, охладили рвение нападавших.

Отряд Ромбара теснился на площади перед воротами до тех пор, пока со стены не сообщили, что уттаки отходят от города. Нервно всхрапывали кони, поводя боками в клочьях пота и крови, лица всадников, почерневшие от усталости, стали неузнаваемыми, затрудняя выяснение того, кто же остался в живых. Риссарн чувствовал, что весь покрыт синяками от пропущенных ударов — кольчуга спасала от ран, но не от ушибов. Он осмотрел коня и убедился, что тот уцелел, если не считать двух-трех царапин. Ромбар распустил отряд и пошел на смотровую башню, где еще оставался Норрен, следивший с нее за ходом боя.

Поднявшись на башню, Ромбар увидел правителя Цитиона стоящим у ограждения и увлеченно разговаривающим со Скампадой, оказавшимся здесь же. Увидев Ромбара, Норрен обрадованно шагнул к нему навстречу.

— Я ждал тебя, Ромбар, — сказал он. — Я знал, что ты

придешь сюда.

— Сто аспидов, Норрен! — раздраженно высказался Ромбар. — Я ждал сигнала, пока у нас оставалась хоть малейшая возможность сдерживать уттаков, но так и не дождался! Конечно, конницу трудно содержать в условиях осады, но это еще не повод, чтобы избавляться от нее таким способом!

— Не сердись, Ромбар, — остановил его Норрен. — Как твой друг ни уговаривал меня дать сигнал, я был вынужден задержать вас в бою.

— Мой друг?

— Да, Скампада.

— Кто?!

— Скампада. Уттаки окружили тимайскую конницу, и я думал, что пока вы сражаетесь, у них есть надежда выбраться из окружения.

— Тимайцы остались там? — переменился в лице Ромбар.

— К счастью, обошлось. Ваше поспешное отступление отвлекло большую часть уттаков. Тимайцы опрокинули остальных и сумели прорваться к южным воротам.

Ромбар облегченно перевел дух.

— А как другие войска? — спросил он.

— Потери есть везде, но не больше, чем мы предполагали. На укреплениях блестяще сделали свое дело — ров перед насыпью буквально завален уттаками. Вот посмотри… — Норрен указал рукой в направлении вражеского лагеря.

Некоторое время Ромбар разглядывал сверху место битвы — опустевшие, заваленные трупами укрепления, равнину, покрытую телами уттаков вперемешку с людьми и лошадьми.

— Да, их потери значительны, как мы и надеялись, — подтвердил он, завершив осмотр. — Жаль, что мы не можем похоронить своих убитых.

— У нас будет много хлопот и с ранеными, — напомнил ему Норрен. — Когда уттаки угомонятся, я вышлю отряд, чтобы подобрали тех, кто еще жив. Мне показалось, что ранена Десса — когда она вводила конницу в город, ее правая рука висела как неживая.

— Ты послал к ней справиться о здоровье?

— Не успел.

— Скампада! — Ромбар наконец обратил внимание на стоявшего рядом сына первого министра. — Будь добр, узнай, как здоровье ее величества.

Скампада отправился выполнять поручение. У выхода на лестницу его чуть не свалил с ног стражник, торопившийся к Норрену с докладом.

— Я от южных ворот, ваше величество! — доложился стражник.

— Тимайская конница успела войти в город? — спросил его Норрен. — Ворота закрыты?

— Все закрыто, и решетка опущена, — подтвердил стражник. — Вместе с конницей в город въехал какой-то господин, он требует немедленной встречи с вами. Говорит, что позавчера утром выехал из Цитиона.

— Позавчера! — удивился Норрен.

— Он сказал, что ему нужно? — спросил у стражника Ромбар.

— Нет.

— А кто он такой?

— Не знаю. Но сердитый — жуть! С ним двое слуг и мальчонка-паж. Видать, не любит стеснять себя в дороге.

— Придется принять, — взглянул на Ромбара Норрен. — Человек спешил, значит, дело срочное.

— Приведите его сюда, — приказал он стражнику.

Вид места битвы, открывавшийся с башни, позволял оценить потери обеих сторон. Ромбар и Норрен, забыв о приезжем, занялись подсчетами и установили, что на каждого убитого воина приходится по шесть-семь уттаков.

— Соотношение сил выровнялось, как мы и рассчитывали, — в голосе Ромбара слышалась скорее озабоченность, чем радость. — Теперь их не вчетверо, а втрое больше, но все равно их слишком много. На этот раз нам повезло, мы застали Госсара врасплох. Не думаю, что нам удастся перехитрить его еще раз.

— Не говори так, брат, — поморщился Норрен. — Накличешь поражение, чего доброго. Теперь я вижу, что численный перевес уттаков ничего не значил бы, если бы не магия. В начале сражения они были разъяренным сбродом, бестолково бросающимся под копья и стрелы, но к середине битвы этот сброд на моих глазах превратился в организованное, четко действующее войско. Убрать бы влияние Госсара — тогда мы и не заметили бы, что дикарей втрое больше.

— Ваше величество? — голос, раздавшийся сзади, был негромок, но заставлял мгновенно прислушаться. Правитель Цитиона обернулся на звук, отметив про себя, что трудно не подчиниться приказу, произнесенному таким голосом.

Человек в запыленной одежде, появившийся у выхода на лестницу, был немолод, невысок ростом и имел неприятную привычку сверлить собеседника взглядом. Он приветствовал Норрена коротким кивком, который при желаний можно было расценить как оскорбительный, и, не дожидаясь приглашения, пошел навстречу правителю. Лицо приезжего показалось Норрену

знакомым, он недоуменно рассматривал идущего к нему человека, пытаясь вспомнить, где же встречался с ним прежде.

— Равенор?! — восклицание Ромбара напомнило Норрену, что, действительно, этот человек иногда появлялся у него во дворце много лет назад. В последние годы знаменитый маг не покидал своего жилища, поэтому мало кто в Цитионе помнил его в лицо.

— Вы здесь, Магистр, — отметил вслух Равенор. — Мое сообщение впрямую касается и вас. Скажите мне, где сейчас ваш друг?

— У вас есть известие об Альмарене?! — вскинулся Ромбар.

Равенор оставил без внимания встречный вопрос Ромбара.

— Тогда скажите, что ваш друг собирался делать, когда вы виделись с ним в последний раз? — продолжил он.

— Он ушел на Керн за Красным камнем. — Ромбар был слишком заинтересован в затронутой теме, чтобы возмутиться манерой мага вести беседу. — Он сообщил вам что-нибудь?

— Хочу вас обрадовать, Магистр, — сказал тот. — Альмарен нашел Красный камень…

— Нашел?! Где он?!

— …более того, он нашел и Желтый камень. Хорошая новость, хотя одна она не стоила бы того, чтобы я оставил дела и за два дня добрался из Цитиона в Босхан.

Ромбар, поглощенный важной вестью, не вставил ни слова. Маг воспринял молчание собеседника как должное.

— Я приехал сообщить, что дело требует немедленного вмешательства. Полагаю, вы поддержите меня, Магистр, — добавил он.

— Что у вас за дело, Равенор? — поинтересовался Норрен, до сих пор молча слушавший обоих. — Не будете ли вы так любезны посвятить в него и меня?

— Именно вас, — внимание Равенора, а вместе с ним и его острый, впивающийся взгляд переместились на правителя Цитиона. — Именно вы располагаете возможностью повернуть ход событий в нашу пользу. Каморра преследует Альмарена, юноше нужна помощь. Наверное, хватит полусотни человек. Это войско должно как можно скорее прийти на Белый алтарь.

Равенор замолчал, видимо, решив, что высказал все необходимое. Установилась пауза, в течение которой оба его собеседника пытались уяснить, что означают эти скудные сведения.

— Объясните подробнее, Равенор, — произнес наконец Норрен. — Что произошло с Альмареном?

— Я знаю, что у него есть два камня — Красный и Желтый, —

повторил маг. — Я знаю, что с ним трое мужчин и женщина, что все они идут по огромной пещере и этим путем надеются попасть на Белый алтарь. Я знаю, что Каморра в этой же пещере. Он гонится за ними с двумя десятками уттаков. Это все, что я знаю. Этого достаточно, чтобы понять опасность и попытаться выручить и камни, и вашего друга.

— Как вы узнали это?

— От вашей дочери. Ей приснился вещий сон, она пришла и рассказала его мне.

— Это невозможно.

— Почему невозможно? Спросите у нее самой.

Равенор посторонился, пропуская вперед мальчика-пажа, и снял с него шапку. Норрен, не веря своим глазам, увидел собственную дочь.

— Отец?! — умоляюще воскликнула девочка.

— Дочка!

Фирелла, уловив теплое чувство в глазах, в голосе отца, повисла у него на шее. Тот погладил дочь по волосам, как, бывало, гладил, провожая ее ко сну, и строго спросил Равенора:

— Почему она здесь, с вами?

— У вашей дочери есть способности к ясновидению. Она увидела то, что я вам рассказал. Когда я собрался ехать, она попросилась со мной, сказала, что ее способности могут пригодиться. Я счел это разумным и согласился взять ее в поездку.

— Но как ее отпустила мать?

— Этого не потребовалось. Фирелла ушла самостоятельно.

— Тайком, то есть?

— Можно сказать, что так. Она вполне взрослая девочка.

— Взрослая?! Вы потащили двенадцатилетнего ребенка в такую дорогу? У нее мокрые ноги, она может заболеть!

— Мне скоро тринадцать, — жалобно откликнулась Фирелла, но на ее слова не обратили внимания.

— Как им не быть мокрыми, если мы переправлялись через Тион вплавь? — обронил Равенор. — У моста была такая драка, что не проедешь.

— Ко всему прочему, вы чуть не завезли ее в битву… Вы просто безумец, Равенор!!

— Ладно, Норрен. — Ромбар предпринял попытку успокоить разгневанного отца. — Все обошлось, девчушка цела и невредима. А дело и впрямь чрезвычайное…

— И как ее оставлять здесь, в осажденном городе?!

— Я предполагал, что она поедет со мной на Белый алтарь, — заметил в ответ Равенор.

— Можете сразу забыть ваше предположение, — отрезал Норрен.

— Я поеду с ним, отец? — отозвалась Фирелла.

— Не говори глупостей. А вы, Равенор, впредь постарайтесь обходиться без таких помощников. — Немного успокоившись, правитель вспомнил о причине приезда мага. — Ромбар, как ты считаешь, есть смысл последовать совету этого… знатока магии?

— Это необходимо сделать, и как можно быстрее, — с убежденностью ответил Ромбар.

— У нас есть возможность послать войско на Белый алтарь?

— Я поведу туда свою конницу. В осаде от нее мало пользы и много забот. Оборона города не ослабеет без конников.

— Ты покидаешь армию, когда дела в таком положении? — правитель Цитиона не скрыл своего беспокойства. — Мне будет не хватать тебя, Ромбар.

— Видимость не всегда совпадает с подлинным положением дел, — возразил Ромбар. — Есть у меня предчувствие, что главное совершается не здесь, а там.

— С вами можно иметь дело, Магистр. — одобрил Равенор. — Когда мы выезжаем?

— Завтра утром, — ответил ему Ромбар. — Сегодняшняя битва была нелегкой, воинам нужен отдых.

— В нашем распоряжении пять дней, не больше, — напомнил маг. — Они говорили о неделе срока, а это было три дня назад.

— За неделю нельзя доехать до Белого алтаря, — заметил Норрен, не слишком желавший отпускать и войско, и военачальника. — Ваша поездка будет напрасной.

— Должен быть короткий путь, прямо через Ционские скалы, — сказал ему Равенор. — Я с самого начала предполагал, что войско пойдет именно этим путем. Конечно, нужно взять проводника, кого-нибудь из местных.

— Что ж, отправляйтесь, — дал согласие Норрен. — Советовать не буду, Ромбар, я уверен, что ты лучше меня распорядишься и сборами, и отъездом. Приказывай моим именем, если потребуется. Я с надеждой буду ждать твоего возвращения.

— Я немедленно займусь сборами, — сосредоточенный вид Ромбара говорил, что в его голове уже складывается план действий, оформляясь в приказы. — Равенор, вы пойдете со мной.

— А я?! — подала голос притихшая было Фирелла.

— Ума не приложу, что с ней делать, Ромбар, — озабоченно сказал Норрен. — Ты тоже понимаешь, как мало у нас шансов удержать город. Я не хочу, чтобы моя дочь разделила нашу участь.

— Отправь ее назад, в Цитион, — посоветовал тот.

— Но с кем? Я не могу отправить Фиреллу со слугами — дорога стала слишком опасной. Единственно кому я мог бы ее доверить — это тебе.

Внезапная догадка мелькнула во взгляде Ромбара.

— Я знаю человека, который справится с таким поручением, — он подозвал стражника, стоящего у выхода на лестницу.

— Пригласите сюда Скампаду, — потребовал Ромбар.

В Оккаде никогда не бывало плохих урожаев. Даже в нынешнее засушливое лето хлеб уродился и вызрел, ветви яблонь ломились от плодов, а на грядках красовались толстые, как бочонки, тыквы и отборные корнеплоды. Сейчас, ранней осенью, зерно кое-где еще стояло в скирдах, а о заготовке овощей на зиму можно было и не вспоминать. Несмотря на это, Суарен созвал жителей села и предложил немедленно начать сбор урожая.

За каких-нибудь три дня большая часть урожая была снята, но не убрана в погреба и амбары, а сложена в мешки и подготовлена для перевозки. Едва уборка закончилась, как из Келанги, подтверждая опасения магистра, появились первые беженцы. Они приходили в течение нескольких дней, создав массу хлопот местным жителям. Известие о гибели правителя Келанги не нашло сочувствующих, зато несчастье, постигшее крупнейший город на острове, никого не оставило равнодушным. Беженцев приютили и накормили, но всем было ясно, что недалек день, когда и в Оккаде появятся безжалостные толпы дикарей.

Магистр пригласил на совет своих помощников, сельского старосту, а также Вальборна и Лаункара. Посовещавшись, они составили план как обороны, так и отступления, а наутро каждый занялся порученным делом. В горы потянулись вереницы жителей, ведущих в поводу лошадей, нагруженных вещами и провизией. Маги, разделившись по двое, уносили в огромных корзинах, подвешенных на палку, содержимое хранилища магических книг. Вальборн выслал группу воинов в дальнюю разведку по направлению к Келанге, чтобы заранее узнать о приближении врага, и начал формирование военных отрядов из местных жителей и беженцев.

Вечером Вальборн пришел к магистру обсудить итоги истекшего дня. Суарен указал ему на высокое кресло, стоявшее у окна, распорядился принести ужин и переставил на стол подставку со светлячком Феникса. Спокойное, доброжелательное лицо магистра, его плавная, экономная манера двигаться, да и обстановка — мягкие кресла, шкаф из светлого дерева, отделанный неброской резьбой, многоцветная циновка из крашеного исселя, устилающая пол — все вместе взятое

расположило Вальборна к долгой, неторопливой беседе, отодвигая за стены комнаты дневную суету. Суарен опустился в кресло, прикрыл глаза, настраиваясь на общение, затем выжидательно взглянул на гостя.

— Местные жители порадовали меня, — сообщил ему Вальборн. — У каждого есть лук, и каждый владеет им не хуже моих воинов.

— Ваших лучших воинов, — уточнил Суарен. — Изготовление луков — традиционный оккадский промысел, а стрельба из лука — традиционное развлечение.

— Это внушает надежду. К моим трем сотням добавляется еще полторы сотни отличных лучников. Среди беженцев наберется еще сотня боеспособных людей, но я не представляю, чём их можно вооружить, кроме дубинок.

— Я бы посоветовал переделать топоры в секиры, насадив их на длинные топорища, — заметил Суарен. — Завтра я предложу это старосте.

— Замечательно, магистр, — обрадовался Вальборн. — Конечно, лучше уж такие секиры, чем дубинки. Я сомневаюсь, что сюда придет большое войско — вряд ли Каморра считает, что у нас есть силы для сопротивления.

— Вы хотите принять бой? — по лицу магистра было невозможно установить, одобряет ли он это намерение.

— Знаете, о чем я думаю, Суарен? — Вальборн сел на краешек кресла, подвинувшись поближе к магистру. — Если мы разобьем войско, присланное Каморрой в Оккаду, путь на Келангу будет свободен. Я убежден, что основные силы врага уйдут в Босхан, оставив город незащищенным.

— Смелый план, — во взгляде Суарена засветился интерес. — А если враг добьется победы под Босханом?

— Не вижу, чем такое положение хуже того, в котором мы окажемся, отступив сразу.

— Мне нравится ваш план, — сказал магистр после некоторого раздумья. — Я призову людей к сопротивлению, а не к бегству. Уттаки, я полагаю, не застанут нас врасплох?

— Разведка сообщит нам о приближении уттаков за два дня до их появления. Тогда, узнав численность врага, мы примем окончательное решение.

— Женщин и детей я в любом случае отошлю в скалы.

— Там есть какие-то убежища? — спросил Вальборн. — Мне трудно поверить, что знаменитая библиотека Зеленого алтаря оставлена под открытым небом.

— Неподалеку отсюда, на южном склоне Оккадского нагорья, есть заброшенный пещерный город, — ответил ему Суарен. —

Этот город опустел очень давно. Наверное, и при Кельварне он выглядел так же, как и сейчас.

— Кто жил в этом городе?

— Неизвестно. Там не осталось никаких следов прежних жильцов. Город достаточно велик, чтобы вместить наших людей, и достаточно неприступен, чтобы выдержать нападение врага… в разумных пределах, конечно. В прошлом уттаки населяли весь остров, и хозяевам города, по-видимому, постоянно приходилось защищаться от них.

В дверь постучали.

— Войдите! — откликнулся на стук Суарен.

В комнату вошла юная темноволосая девушка с подносом в руках, Вальборн вспомнил, где и когда видел ее прежде. Это была та самая девушка, которая заметила на Госсаре белый диск.

— Кера? — строго спросил Суарен. — Почему ты с ужином?

— Кухарка попросила меня помочь, — взгляд Керы забегал по комнате, прячась от испытывающего внимания магистра, метнулся на пол, на стену, задел окно, остро и быстро скользнул по Вальборну и, наконец, уперся в поднос.

Кера подошла к столу и с подчеркнутой грацией принялась расставлять на нем тарелки, кружки, кувшин с питьем. Суарен замолчал, дожидаясь ее ухода. Вальборн с ленивым удовольствием разглядывал девушку, ее блестящие карие глаза, смуглые щеки, тесную кофточку, обтягивавшую ладную, аппетитную фигурку. Когда Кера ушла, магистр неодобрительно покачал головой.

— Такая вертушка… и слишком уж любопытна, — пожаловался он гостю. — Она еще задаст мне хлопот…

— Но хорошенькая… — добавил Вальборн. — Кто ее родители?

— Никто. Она — подкидыш. Малышкой она воспитывалась в одной из местных семей, затем подросла и перебралась сюда, на алтарь. Я несколько раз отсылал ее к приемным родителям, но безуспешно. Как говорится, гони ее в дверь — войдет в окно.

— С норовом, значит?

— Еще с каким… присаживайтесь к столу, Вальборн.

За ужином, за разговором они забыли о Кере. Но позднее, когда магистр провожал гостя, освещая темный коридор светлячком Феникса на фигурной подставке, из бокового коридора выскочила спешившая куда-то девушка и с разгона налетела на Вальборна.

— Ах!

Совсем близко Вальборн увидел лицо Керы, ее горящие глаза. Руки девушки уперлись в его грудь, он почувствовал тепло ее

тела, ее беспокойное, быстрое дыхание.

— Ах, простите, мне так неловко… — замурлыкала Кера, не сводя с Вальборна взгляда, в котором было что угодно, но только не смущение.

«Могла бы и отодвинуться, а потом уж извиняться, — подумал ошарашенный Вальборн, чувствуя в темноте, как запылало его лицо. — И что это я краснею? Разве это я налетел на нее?»

— Ничего, пустяки… — пробормотал он вслух.

— Так вы не сердитесь на меня? — не отпускала его девушка.

— Нет-нет, за что тут сердиться…

— Я так спешила, что не заметила…

— Кера! — возмущенно одернул ее Суарен.

Девушка, стрельнув глазами в магистра, мгновенно оставила Вальборна и скрылась в коридоре.

— Бесстыдница! — слова Суарена пропали даром — Керы уже не было поблизости. — Я завтра же выгоню ее с алтаря!

— Зачем же так, Суарен, это случайность… — заступился за девушку Вальборн, впрочем, ненастойчиво.

Они спустились по лестнице и высоли на улицу, где поздний вечер стремительно превращался в темную осеннюю ночь.

— Возьмите светлячок, Вальборн, уже темно, — предложил магистр.

— Здесь недалеко, — отказался тот и, попрощавшись, пошел на берег Тиона, туда, где стояло войско.

Вальборн прошел полдороги, когда Оккаду накрыла ночная тьма. Оставшуюся часть пути он добирался почти наощупь, с трудом отыскивая едва заметную тропинку и досадливо встряхивая головой, чтобы отогнать завязший в ушах мурлыкающий голосок.

«Ах, простите, мне так неловко…»

В последующие дни Вальборн побывал в заброшенном городе, где было припрятано имущество и припасы, проехал вверх и вниз по берегу Тиона, но главное внимание он уделил участку дороги в Келангу, примыкавшему к выходу из Оккадской долины. Понимая, что бой состоится на подходе к селу, Вальборн искал место для расстановки войск и никак не мог выбрать удобную позицию. Он приглашал с собой Лаункара, чтобы обсудить очередной сомнительный вариант, но старый воин каждый раз неодобрительно крутил головой — не то.

Проезжая по селу или возвращаясь в военный лагерь, Вальборн неизменно встречал Керу, как бы невзначай оказывавшуюся у него на пути. Кера целыми днями кружила у лагеря, будто молодая щучка, примеривающаяся, с какого края

лучше ухватить крупную, не по зубам, добычу. Она презрительным молчанием отвечала на шуточки и заигрывания воинов, наблюдала и выжидала, наблюдала и выжидала, считая, по-видимому, что упорство — сила, способная повернуть ход судьбы в нужном направлении. Вальборн без труда догадался, что девушка преследует его, и сердито подавлял в себе берущееся неизвестно откуда беспокойство.

Помимо Керы, другие дела беспокойства Вальборну не внушали. Беженцы из Келанги получили топоры на длинных палках, гордо именуемые секирами, и теперь учились сражаться ими под руководством опытных воинов, пещерный город в случае нужды мог служить надежным укрытием от уттаков, не любивших появляться в скалах. Мысли о приближении врага вызывали у правителя Бетлинка не тревогу, а спокойное, расчетливое стремление помериться силами и, конечно же, победить.

Как-то днем, когда в лагере обедали, шум, донесшийся с южного края села, поднял воинов на ноги. Уклон местности позволял видеть прямо из лагеря, что жители села выбегают навстречу какой-то процессии, огибающей западный склон долины. К западу от Оккады засушливая Сеханская равнина вплотную примыкала к нагорью, поэтому те края оставались безлюдными. Вальборн подумал, что группа сельчан возвращается из дальней поездки за рудой или горючим камнем, но все же прицепил к поясу меч, позвал воинов и поспешил на шум.

К селу медленно приближались шесть тяжело нагруженных подвод. Их сопровождали десятка полтора мужчин, обветренных, суровых и молчаливых, чем-то похожих друг на друга. Впереди, вздернув подбородок и радостно поблескивая подвижными, сощуренными от солнца глазами, вышагивал сухонький, седенький старичок. Подойдя к околице, он победно оглядел скопившуюся там толпу и спросил:

— Это Оккада?

— Оккада, Оккада… — ответило сразу несколько голосов.

Старичок жестом остановил подводы и провозгласил, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Ну, что?! Говорил, что доберемся, и ведь добрались. А южным путем? Были бы сейчас у Кертенка, не ближе!

— Кто вы такие? — спросил Вальборн, подойдя к старичку.

Тот был слитком счастлив, чтобы заметить недоверчивую настороженность в голосе Вальборна.

— Мы с Красного алтаря, — с охотой ответил он. — Обоз с оружием. Мы пересекли Сехан напрямик, чтобы поскорее попасть в Келангу. Теперь и недели не пройдет, как мы будем на месте.

Вальборн понял, что перед ним обоз, о котором говорил Магистр.

— Оружие! — обрадовался он. — Мечи Грифона!

— Сто пятьдесят шесть мечей, девяносто два щита, двадцать семь кольчуг, — сообщил старичок, — Сам считал. Лезвия смазаны жиром от сырости, да вот, пока мы шли, не только дождем не капнуло — роса ни разу не выпала, — он окинул взглядом долину. — Хорошая здесь трава, высокая… а там, на равнине все выгорело. Пожалуй, мы остановимся у вас до завтрашнего утра. Где здесь можно встать на ночь?

— Вам незачем ехать в Келангу. — Вальборну было ясно, что приезжие ничего не знают о последних событиях на острове. — В Келанге — Каморра.

— Каморра? — подвижное лицо старичка на мгновение замерло. — Мы все-таки опоздали!

— Я бы так не сказал, — утешил его Вальборн. — Здесь со дня на день появятся уттаки, а у нас не хватает оружия.

— Вы руководите здешним войском? — старичок кинул взгляд на стоявших позади Вальборна воинов.

— Да. Я — Вальборн, правитель Бетлинка.

— Бетлинка? Ах да, понятно… А я Синатта, маг. Видно, пока мы шли по Сехану, жизнь тоже не стояла на месте.

— Да, мы не скучали, — согласился Вальборн. — Нам нужно вооружить беженцев из Келанги. Это будет наилучшим применением вашему грузу.

— Мы это обсудим, но сначала я узнаю все подробности. Кроме того, я хотел бы повидаться с магистром ордена Феникса.

— Разумеется. Обоз можете поставить около нашего лагеря. Идемте, я покажу вам место.

Синатта скомандовал обозу следовать за ним и пошел с Вальборном на берег Тиона, без умолку расспрашивая своего провожатого о последних военных событиях.

— Давно вы выехали из Тира? — спросил в свою очередь Вальборн.

— Месяц назад, — ответил Синатта и тут же уточнил: — Месяц и три дня. Мы отправились, как обычно, через перевал, оттуда — до Каяна и затем вдоль Ризы, а там свернули в Оккаду, не доезжая до Тимая. Две недели мы пересекали Сехан, и вчера, наконец, увидели горы. Ну, думаем, дошли, а ведь нелегко приходилось…

Синатта замолчал, припоминая трудности пройденного пути.

— Как вы находили воду в Сехане? — не мог не поинтересоваться Вальборн. — В этом году даже в наших краях невозможная сушь.

— Раза два нам, и впрямь, попадались источники. Но мы не дошли бы, если бы не этот жезл. Десять ведер воды на каждой стоянке, и, кроме того, нить жезла указывала направление на Зеленый алтарь. — Синатта достал из-за пазухи светло-зеленый жезл Феникса и продемонстрировал Вальборну. — Теперь я, пожалуй, заслуживаю посвящения в маги ордена Феникса, — весело добавил он.

Разместив обоз, Вальборн и Синатта пошли к магистру. Под вечер, когда они возвращались в лагерь, старичок сообщил свое решение, впрочем, очевидное правителю Бетлинка — отдать оружие оккадскому войску. В обозе он указал своим спутникам на Вальборна, как на того, кто будет распоряжаться раздачей оружия.

— Где у вас мечи? — спросил Вальборн.

Возница, уже немолодой, поджарый мужчина, отбросил с подводы кожаную накидку, полностью прикрывавшую груз. На подводе лежала груда мечей, тускло поблескивающих голубизной сплава, секрет которого был известен только в тирских кузницах. Пока Вальборн любовался лучшим на Келаде оружием, возница молча вытащил один из мечей и так же молча сделал несколько боевых выпадов, показывая оружие в деле. Глядя, как тирский маг управляется с мечом, казалось, превратившимся в продолжение его руки, Вальборн понял, что оккадская защита получила не только оружие, но и полтора десятка великолепных воинов.

— Взгляните-ка сюда, ваша светлость! — отвлек его Синатта. — Как вам понравится этот меч?

Вальборну хватило короткого взгляда на отливающее голубизной лезвие, на зеленоватую эфилемовую рукоять с выемками для пальцев, заканчивающуюся серебряной головой грифона, чтобы догадаться, что перед ним един из тех мечей, которые Магистр называл достойными руки правителя.

— Мастерская работа, — одобрил он, не сводя глаз с меча.

— А лезвие какое! — Синатта провел пальцами по мечу. — Разве только камень не рубит! Прошлой осенью делали, не на войну, на продажу. Возьмите его, ваша светлость.

Вальборн принял из рук Синатты меч, осмотрел лезвие, затем отступил в сторону и размахнулся будто желая снести голову невидимому врагу. Меч с легким жужжанием рассек воздух.

— Спасибо, Синатта, — поблагодарил Вальборн. — Что я за него должен?

— Сто уттакских голов, не меньше.

— Что ж, постараюсь. Думаю, не пройдет и недели, как я отдам долг, — без улыбки ответил Вальборн. — Оружие раздадим сегодня же. Пусть воины привыкнут к нему до битвы.

До позднего вечера у тирских подвод толпились воины, выбирая мечи и щиты. А на следующий день в лагерь вернулись разведчики с сообщением, что две тысячи уттаков вышли из Келанги в Оккаду. Вальборн позвал своего военачальника, чтобы обсудить новость.

— Сюда идут только две тысячи уттаков, — сообщил он Лаункару, сдерживая радостное возбуждение. — На каждого из наших воинов придется по три уттака, и вооружены мы лучше. Что ты об этом скажешь?

— Я скажу, что это либо ошибка врагов, либо ловушка, — как всегда, сдержанно ответил Лаункар. — Если верно первое, нам повезло. Но если… — он не докончил фразы.

— Мы должны учитывать и второе, — согласился с ним Вальборн. — На ловушку можно ответить ловушкой. Как ты смотришь на то, чтобы выйти с войском навстречу уттакам? Мы выберем место для засады и нападем на них внезапно.

Полководец долго не отвечал, обдумывая слова своего правителя.

— Что ты молчишь, Лаункар? — нетерпеливо спросил тот.

— Я вспоминаю дорогу из Келанги в Оккаду. В полудне пути отсюда есть хорошее место для засады. Там дорога идет через широкую открытую лощину, а затем поднимается на холм, покрытый лесом. В этом-то лесу мы и могли бы подождать уттаков. Если войско выступит немедленно, к вечеру оно будет на месте.

— Хорошо, — Вальборн с полуслова понял военачальника. — Да, еще вот что — уттаков ведет человек, у которого на груди, на цепочке, есть амулет — белый диск.

Амулет заставляет уттаков подчиняться своему вождю и действовать совместно. Если в битве не я, а ты встретишься с этим человеком и убьешь его, позаботься, чтобы диск не попал к уттакам. Возьми этот амулет для меня, я попробую применить его позже… что ты молчишь, Лаункар?

— Диск не попадет к уттакам, — ответил военачальник.

— Хорошо, — повторил Вальборн. — Объявляй выступление.

Глядя на воинов, споро и весело собирающихся в поход, можно было сказать, что боевой дух войска — не пустое понятие. Все знали, что силы врага невелики, и каждый, от опытного воина до юнца из Келанги, предчувствовал возможность пусть временной, но победы. Воины выстроились на дороге, ведущей в Келангу, Вальборн отделил половину конников Лаункару и поставил в конец войска, а сам возглавил колонну.

Вечером войско остановилось на ночлег на берегу Тиона, немного не дойдя до выбранной военачальником лощины.

Вальборн и Лаункар выехали на предполагаемое место боя и определили расстановку войск. Позиция, действительно, была удобной для внезапного нападения. Враг, спустившись с противоположной стороны лощины, оказывался на открытом месте, тогда как засаду до последнего момента скрывали лесные заросли, да и уклон лощины давал преимущество оккадскому войску.

Обычно уттакская армия двигалась медленно из-за непривычки к совместным переходам, но ожидаемое войско было небольшим и могло подойти раньше, чем предполагалось, поэтому Вальборн с утра расставил засаду. Вдоль всей опушки он расположил цепь лучников, в центре атаки поставил воинов, проверенных еще в битве за Оранжевый алтарь, а по краям, рядом с конниками — ополченцев из Келанги. Несколько человек выехали дозором навстречу уттакам, чтобы своевременно сообщить о приближении врага. Потянулось ожидание.

Время шло к вечеру, когда дозорные сообщили о приближении уттаков. Войско Вальборна, разморенное долгим бездельем, насторожилось и приготовилось к бою. Вскоре на дальнем склоне лощины показались дикари, бредущие прямо по траве, без дороги. Всадник, следовавший в гуще уттакской толпы, по всей видимости, был вожаком.

Дикари пересекли лощину и стали подниматься вверх по склону, навстречу ожидавшему в засаде войску. Когда они оказались в двух десятках шагов от опушки леса, из кустов свистнули стрелы. Передовые уттаки попадали, остальные бестолково засуетились. Лучники успели сделать несколько выстрелов, уложив первые ряды врагов до того, как вожак приказал дикарям атаковать. Уттаки, подхваченные неслышной командой белого диска, единой массой устремились в лес, невзирая на сыплющиеся оттуда стрелы.

У самой опушки их встретили мечи воинов Вальборна, мечи Грифона, с одинаковой легкостью срубавшие древки секир и сносившие уттакские головы. С краев дикарей окружили ополченцы, сзади с двух сторон налетели конники, возглавляемые Вальборном и Лаункаром, замыкая врагов в кольцо. Даже безумная храбрость подстрекаемых диском дикарей не превозмогала невыгодное положение, в котором они оказались. Вражеское войско таяло на глазах. Каждый удар меча Вальборна уносил уттака, правитель пробивался к вражескому вожаку, помня слова Ромбара о том, что без подчинения диску дикари становятся беспорядочной, неуправляемой толпой. Однако, Лаункар, оказавшийся ближе, первым схватился с вожаком и без долгих усилий свалил его с коня.

С гибелью вожака дикари утратили боевую настырность и заметались в поисках пути к бегству. Битва превратилась в избиение и вскоре закончилась, так как в живых не осталось ни одного уттака. Воины радостными криками встретили окончание боя, из леса выбежали лучники и присоединились к ним. Все войско, по старой традиции, приветствовало своего правителя, вскинув оружие. Вальборн вскинул в ответ меч и поздравил воинов с победой.

— Мы победили, Лаункар! — обернулся он к полководцу.

— Да, ваша светлость, — в глазах Лаункара отгорал азарт недавней битвы. — Каморра недооценил нас. Сейчас мне верится, что эта победа не последняя. Посмотрите — и им тоже!

Он указал на воинов, радостно хлопающих друг друга по плечам.

— Завтрашний день мы проведем в Оккаде, — мысли Вальборна устремились к будущему. — Нужно пристроить раненых и собраться для похода на Келангу. Ты снял с вожака белый диск?

— Да.

— Давай его мне.

— Я разбил его.

— Как ты небрежен! — упрекнул военачальника Вальборн. — Мог бы и поосторожнее…

— Я нарочно разбил его, — в голосе Лаункара прозвучал вызов, указывавший, что возражения бесполезны. — Именно из осторожности. Я — старый воин и на опыте знаю, что оружие врага всегда подводит в решающий момент. Оно вам ни к чему, ваша светлость.

Вальборн нахмурился, затем задумался.

— Что ж, может быть, ты и прав, — неохотно согласился он.

Лаункар промолчал, видимо, считая дело не стоящим обсуждения, и тронул коня.

Остаток дня прошел в заботах о раненых и оказании последних почестей убитым. Жертв было немного, и даже похороны товарищей лишь ненадолго омрачили общее настроение. Следующим утром войско снялось со стоянки, а к полудню вернулось в Оккаду, обрадовав жителей известием о легкой победе. Все население Зеленого алтаря с восторгом приветствовало Вальборна — героя, защитника, победителя — и его доблестное войско. Теперь можно было не прятаться в скалах, оставив дома и земли на разграбление врагу, и хотелось надеяться, что это надолго, или даже навсегда.

Сельский староста, узнав намерения Вальборна, распорядился обеспечить войско всем необходимым для похода в

Келангу. О праздничном пире он распорядился еще раньше, едва услышав о победе, поэтому сборы завершились всеобщей гулянкой на берегу Тиона. Вальборн и Лаункар подсели за стол к магам Зеленого алтаря, среди которых пристроились и молчаливые маги ордена Грифона во главе с разговорчивым Синаттой. Еда была вкусной, вино — крепким и сладким, вечер — изумительным, компания — веселой, и, наверное, поэтому победа казалась полной и окончательной, а враг — далеким и нереальным. Среди магов Красного алтаря не было потерь, поэтому ничто не омрачало говорливую радость Синатты, с жаром повествовавшего о прошедшей битве.

— Сидим мы, значит, на опушке… кустики там такие… — Синатта помогал себе в разговоре руками, глазами, бровями, всем своим щуплым, подвижным телом. — А они идут! — последовал энергичный жест. — Ничего не чуют, родимые! Чего уж их там жалеть, противная с виду тварь! — маг отмел рукой воображаемую жалость. — А мы договорились все делать молча, без команды. Как будут вот здесь, так стрелять, а дойдут вот досюда, так рубиться. — Синатта показал «здесь» и «досюда». — И вот, оказались они здесь, стрелы и посыпались… — он убедительно изобразил и лук, и стрелы, и уттаков. — Растерялись, родимые, а потом как попрут! И стрелы им нипочем! Так вот, дошли они досюда, а мы — за мечи! Эх, и повеселились!!

— Да, Синатта, сражались вы, что надо, — поспешил сказать Вальборн, побоявшийся, что старичок прямо за столом изобразит всю битву в лицах. — У меня таких воинов — по пальцам сосчитать можно.

— Чего уж там, умеем… — засмущался Синатта. — Чего там, в Тире, делать, как не мечом махать — скуешь, да и помашешь, попробуешь! Я, правда, сам не кую, но помахать люблю.

Маг прицелился показать, как он любит помахать мечом, но Вальборн остановил его вопросом:

— Вы как, в Тир вернетесь, или со мной, в Келангу?

— Конечно, в Келангу! — подскочил Синатта и обвел взглядом свою молчаливую компанию. — Верно, удальцы?!

Удальцы согласно закивали головами. Синатта без помех продолжил затянувшийся на весь вечер рассказ, развлекая остальных и умудряясь не наскучить. Маги ели, пили и слушали Синатту, с лица Суарена не сходила безмятежная, умиленная полуулыбка, а Вальборн понемногу перестал бояться за целостность просторных кружек, пузатых бутылок и узкогорлых кувшинов, потому что старичок, двигавшийся с грациозностью дикой кошки, не только не уронил, но и ни разу не задел их.

Пир закончился поздно вечером. Вальборн возвращался к

себе в палатку в прекрасном настроении. Выпитое вино горячило его, заставляя не замечать по-осеннему обжигающую ночную свежесть, но он был не пьян, а скорее весел, даже счастлив. Идти было легко, хотелось напевать, что он и сделал бы, наверное, если бы мог взять правильно хоть одну ноту. У самой палатки его неожиданно остановил возглас:

— Ах, ваша светлость!

Вальборн мгновенно узнал, кто его зовет, по жару, обдавшему его с головы до ног, еще до того, как различил голос. В следующий момент он увидел Керу, отделившуюся от кустов, где она скрывалась, дожидаясь его возвращения. Он молча и сердито уставился на девчонку, не дававшую ему прохода с первых дней пребывания в Оккаде.

— Ваша светлость, я ждала вас, — промурлыкала Кера, не услышав встречного вопроса.

— Я заметил, — голос Вальборна прозвучал неестественно резко. — Иди домой, Кера.

— У меня к вам просьба, ваша светлость… — умоляюще прошептала девушка.

— Сейчас не время и не место, — оборвал ее Вальборн, побаиваясь продолжения. Он сердился на Керу, а еще больше на себя, потому что девушка очень нравилась ему, как он ни отказывался признаться себе в этом. Но чувство опасности, возникавшее у него в ее присутствии, было сильнее.

— Вы завтра уйдете, и, может быть, мы никогда уже не встретимся, — горячо заговорила Кера. — Я прошу вас, возьмите меня с собой!

— Нет! — непроизвольно вырвалось у Вальборна. Спохватившись, он добавил более сдержанно: — Я не могу этого сделать. Подумай сама, Кера.

— Я понимаю, я вам не ровня, — покорно сказала девушка. — Возьмите меня служанкой. Я умею готовить, стирать одежду, чистить обувь. Если что-то и не получится сразу, я обязательно выучусь. Я все для вас сделаю, только увезите меня отсюда.

— Нет, Кера, — уже спокойнее сказал Вальборн. — В моем войске нет женщин. Что подумают мои воины, если я возьму себе… служанку?

— Они подумают, что служить вам — большая честь. Вы же — герой, благородный человек, великий воин…

— Мне не нужна служанка, — безудержный поток восхвалений помог Вальборну обрести твердость.

— Но я не могу оставаться здесь, в Оккаде! — задрожала Кера. — Я не хочу возиться с огородом, со скотиной, не хочу быть женой деревенского чурбана! Я не хочу стать такой же, как они

все! Я не знаю своих родителей, но я чувствую, что во мне течет благородная кровь! Мне здесь все чужое, чужое! Не так я хочу жить!

Хотя девушка говорила вполголоса, ее слова звучали с силой отчаянного крика. Она безотрывно глядела в лицо Вальборну и с каждым словом подступала все ближе, вынуждая его пятиться назад. Вальборну стало не по себе при виде этой вспышки, этих горящих, приказывающих глаз. Сигнал опасности заглушил в нем все другие чувства, включая и влечение к девушке, заставил ощетиниться для защиты.

— Прекрати, Кера! — выкрикнул он. — Пропусти меня!

Не дожидаясь, да и не надеясь, что девушка отступит в сторону, он оттолкнул ее с пути и скрылся в палатке. Кера яростно уставилась в запахнувшуюся дверь.

— Ты… ты… — задохнулась она. — Ты пожалеешь об этом…

Теперь она ненавидела его, человека, посмевшего обмануть ее ожидания. Юная, неопытная щучка не додумалась применить способ, который сегодня мог бы подействовать безотказно. Она ушла, не подозревая, как близка была к цели в начале разговора.

Пять дней спустя войско Вальборна подошло к Келанге и укрылось в лесу невдалеке от города. С оккадскими лучниками и ополченцами в нем было более шестисот человек — немалое для острова войско, поэтому правитель надеялся отбить у Каморры город, если не силой, то хитростью. Поставив войско, он выбрал несколько человек из числа бывших жителей Келанги и послал в город с наказом разузнать все о численности и размещении врага.

Вернувшись, посыльные доложили Вальборну о том, что удалось узнать. Город оставался полупустым, так как зажиточные люди, составлявшие немалую часть населения, подались на юг, а остались лишь те, кому некуда было уходить. Уттаков в городе не было — Госсар повел их к Босхану, оставив наместником своего младшего брата с тремя сотнями воинов.

— Я так и предполагал, — сказал Вальборн Лаункару, дослушав посыльных. — Каморра не предусмотрел поражения под Оккадой.

— Странно, что и Госсар не подумал об этом, — добавил военачальник.

— Легкая победа вскружила им голову, — с усмешкой заметил Вальборн.

— Как бы и с нами не случилось того же. Город — не лес, там и десять человек могут сдержать сотню.

— Конечно, мы можем снова применить хитрость. Можно заслать в город ополченцев или воинов, переодетых в городскую одежду, чтобы они смешались с горожанами и захватили

дворцовое войско врасплох. — Вальборн огорченно вздохнул. — Но, по правде говоря, мне противно даже и думать о том, что люди будут убивать друг друга из-за чьих-то честолюбивых замыслов. Уттаки — наши давние враги, но здесь…

— Ваша светлость! — вмешался в разговор один из посыльных, ожидавших разрешения удалиться. — Мой родственник служит у Госсара, я виделся с ним. Он говорит — как нагляделись все на уттаков, так никто и не рад новой власти. Треть воинов, говорит, сбежали к Норрену, остальные боятся. Вот и мы — возвращались, а сами думали — как биться-то? У кого там родня, у кого приятели, соседи… рука не подымется.

— Не подымется, — согласился Вальборн. — Не лучше ли нам договориться, а не затевать драку?

— Хорошо бы, ваша светлость, — поддакнул посыльный.

— Попробуем. Вернитесь в город и передайте тамошним воинам, что я, Вальборн из рода Кельварна, законный наследник Берсерена, а следовательно, и законный правитель Келанги, предлагаю им схватить наместника с его приверженцами и присоединиться ко мне. Я обещаю всем полное прощение, мою благодарность и службу во дворцовых войсках. Ступайте и возвращайтесь с ответом.

В течение двух дней ни друзья, ни враги не давали о себе знать. На третий день посыльные возвратились, приведя с собой двоих воинов в форме с черно-желтым гербом рода Лотварна. Стражники отвели их к палатке правителя. Воины из Келанги встретили вышедшего к ним Вальборна приветствием, употребляемым в войсках только по отношению к своему военачальнику. Это подсказало правителю, что переговоры были успешными.

— Рассказывайте, с чем пришли, — разрешил он.

— Ваше величество! — выступил старший из воинов. — Дворцовое войско с готовностью признает власть законного правителя Келанги.

— Я рад, что кровопролития не будет, — одобрил Вальборн. — Как вы поступили с наместником?

— Мы сговорились захватить его ночью, в спальне, — начал рассказывать воин. — Вчера собрались, кто покрепче, дождались темноты и пошли. Наружная охрана была наша, во дворец нас впустили, а внутри, в комнатах, у него на страже были верные люди. Он с ними не расстается ни днем, ни ночью. Начали мы рубиться — кого побили, кого схватили, а наместник ушел. Крепко рубился, аспид, пятерых наших уложил.

— Его преследовали? Известно, где он скрылся?

— Откуда? На улицах, в темноте, разве уследишь!

— В городе знают, что наместник бежал?

— С утра мы объехали Келангу и объявили, что город перешел во власть законного правителя. Объявили, что каждый, кто видел наместника, должен сообщить об этом во дворец.

— Как горожане приняли эту новость?

— Люди ликуют, ваше величество. Вам готовят торжественную встречу. Все с нетерпением ждут, когда вы примете правление городом.

— Ты видишь, Лаункар? — обернулся Вальборн к своему полководцу. — Оказывается, не все на войне решается только битвой.

— Славен правитель отважный, мудрый славен вдвое, — напомнил ему Лаункар. — Благодаря вам с нами Келанга и еще три сотни воинов. А теперь — снимаем лагерь. Город ждет вас, ваша свет… ваше величество.

XXXIX

Длинный и тесный лаз выходил в туннель, размерами и отделкой напоминавший подземный путь к Оранжевому шару. Царившая здесь тьма нехотя расступалась вокруг светящейся монтарвской одежды Шеммы. Путники столпились вокруг табунщика, привыкая к темноте и постепенно различая потолок с барельефами, изображающими грифонов, клочья слабо мерцающей плесени, кое-где покрывавшей стены подземного хода, каменную крошку на полу, нанесенную потоками воды. Воздух, в отличие от лурского, был сырым и тяжелым, каменные своды изъедены влагой и плесенью, в течение трехсот лет выполнявшими свою разрушительную работу.

— Погоня не достанет нас здесь, — отметил бдительный Тревинер. — Монтарвы — крепкие ребята, в эту дыру им нипочем не пролезть. Разве копать надумают, но на это нужно время.

— Да, время, — опомнилась Лила. — Не будем его терять. Посмотри на карте, Тревинер, куда нам идти.

— Путь пока один — прямо, — охотник махнул рукой в глубь коридора. — Шемма, давай-ка топай первым, а то света маловато.

— Вот еще… — заупрямился табунщик.

Альмарен засветил перстень Феникса и передал Тревинеру. Охотник принял желтовато-зеленый огонек и, как обычно, возглавил группу. Остальные пошли вслед за ним в темноту проема, невольно пригибаясь и стараясь ступать потише.

Путь недолго оставался прямым — после первого ровного отрезка начались подъемы, спуски и повороты. Влага, висящая в воздухе, оседала на коже и затрудняла дыхание на подъемах. Сумрак, сырость, огромные тени, шевелящиеся на стенах — все вокруг заставляло вспоминать о толще горной породы над головой, да и всееды, с пронзительным писком разбегавшиеся со света, не улучшали настроения путников. Даже Тревинер, и тот сбросил с лица обычный веселый оскал, сосредоточенно глядя то в карту, то по направлению туннеля.

— Кто ее нарисовал, хотел бы я знать… — ворчал он, хрустя картой. — Здесь прямая линия, а коридор виляет, как пьяный.

— И наверху дороги не вдут прямо, — напомнила ему Лила.

— Там понятно, почему. Кусты, овраги, лужи — а здесь-то что? Кто мешал им вырыть прямой путь?

— И под землей то же самое, — предположила магиня. — Мягкая порода, подземные воды, ущелья в Ционских горах… ведь монтарвские туннели не могут пересекать их.

— Лучше бы пересекали, — от души пожелал Тревинер. —

Тогда мы смогли бы выйти наверх. Местечко здесь не для хилых…

Охотник не остановился на встретившейся вскоре развилке, а уверенно свернул налево. Дорога начиналась вырубленной в камне лестницей с полуразрушенными ступенями, круто уходящей вниз. Путники спускались с осторожностью, потому что каждый неверный шаг грозил падением по лестнице, которой, казалось, не было конца. Воздух становился гуще и тяжелее, приобретая явственный запах гнили.

— Нам сюда, Тревинер? — заволновалась магиня.

— Отстань, женщина, — отмахнулся охотник. — Дальше оба пути сходятся вместе, но левый путь по карте выглядит короче.

Наконец лестница потеряла крутизну. Сделав еще несколько шагов, Тревинер с возгласом отвращения остановился. Его ноги по щиколотку погрузились в вязкую массу, забулькавшую пузырями. Гнилостный запах резко усилился. Все увидели, что ступени лестницы уходят в грязевое болото, покрытое мохнатым ковром серой плесени.

— Пришли, — мрачно высказался Шемма.

Тревинер пренебрег замечанием табунщика. Он пригляделся и обнаружил, что болото тянется не более, чем на полтора десятка шагов, а дальше виднеется лестница, ведущая вверх.

— Здесь недалеко, — обратился он к остальным. — Попробуем перейти эту лужу вброд.

— А она глубокая? — забеспокоился табунщик.

— Сейчас проверим. — Тревинер подобрал несколько камешков и один за другим побросал в середину лужи. Камни исчезали в ней с густым чмоканьем, освобождая из-под ковра плесени пузыри, усиливавшие и без того невозможную вонь.

— Нельзя судить о глубине лужи, не вступив в нее, — подытожил Альмарен.

— Какая удача, что есть еще и длинный путь, — заметила Лила.

— Мы что, пойдем назад? — воззрился на нее Тревинер.

— Не полезем же мы в эту гадость! Еще неизвестно, что там, на дне, да и как мы будем пахнуть, когда вылезем оттуда? Нам даже не во что переодеться.

Тревинер попытался возражать, но его никто не поддержал. Все пошли назад, вверх по лестнице, и наконец, едва держась на ногах от усталости, выбрались на развилку.

— Отдохнуть бы… — намекнул Шемма.

— На Белом алтаре отдохнешь, — обнадежил его Тревинер.

Никто, кроме охотника, не обратил внимания на намек табунщика. Путники отправились длинным путем, который описал горизонтальную дугу и привел к лестнице, выводящей из

болота.

— Покажи карту, Тревинер, — потребовал Альмарен. — Где мы сейчас?

Охотник развернул карту и при свете перстня Феникса показал развилку.

— Здесь.

Альмарен вгляделся в карту. Света было недостаточно, линии на рисунке дрожали и расплывались.

— Как тебе удавалось ее видеть? — не выдержал маг. Он извлек из нагрудного кармана Желтый камень и осветил карту. Теперь сетка линий виделась четко и ясно.

— Смотри, Тревинер, — Альмарен указал на короткий путь, оказавшийся непроходимым. — Эта линия толще, чем обходная. Наверное, толстыми линиями здесь отмечены лестницы, а тонкими — горизонтальные ходы.

— Тогда и здесь, и здесь тоже лестницы, — Тревинер ткнул пальцем в чертеж. — Учтем на будущее. Как ты думаешь, а что могут обозначать вот эти кружочки с хвостиками?

— Не знаю. Скоро мы дойдем до ближайшего, он у нас на пути.

Тревинер свернул карту и повел группу дальше. Вскоре туннель расширился, образуя небольшой округлый зал, явно искусственного происхождения. У боковой стены зала располагался овальный стол, окруженный кольцеобразной скамейкой. Все было вырезано из цельного камня. По желобу, пробитому вдоль противоположной стены, протекал ручей, выходя из отверстия в стене и скрываясь в нижележащем отверстии на другом конце желоба.

— Это монтарвская стоянка, — догадался охотник, — а хвостиком отмечен источник. Следующий кружок без хвостика — там, наверное, нет воды. Давайте устроим привал здесь.

Достав котелок, охотник подошел к источнику. Там он долго и придирчиво пробовал воду, но все же признал ее пригодной для питья. Лила тем временем развернула на столе тряпку, в которой хранились дорожные лепешки. Они не заплесневели благодаря заклинанию, наложенному ею на тряпку, но отсырели, став тяжелыми, скользкими и неаппетитными на вид. Все расселись вокруг стола и принялись за еду, запивая сырые и холодные лепешки сырой и холодной водой.

— Чайку бы сюда… — размечтался Шемма.

— У меня найдется травка для чая, — сообщил ему охотник. — Ты, случайно, не захватил с собой дров?

Шемма тяжело вздохнул в ответ. После короткого отдыха путники пошли вперед по бесконечно тянущемуся коридору.

Упорное выражение прочно утвердилось на лице шедшего первым Тревинера, за охотником терпеливо следовал Витри, от самого Лура не произнесший ни слова, за ними, спотыкаясь, брел Шемма. Бодрее всех выглядел Альмарен — мысль о том, что маленькой женщине может понадобиться поддержка и помощь, придавала ему силы.

Следующая стоянка встретилась не скоро. Усевшись на скамейку у стола, Шемма объявил, что шагу не сделает дальше, пока не поспит.

— Нутром чую, что наверху сейчас ночь, — убежденно заявил он.

На этот раз заявление табунщика было принято без возражений. Путники поужинали и огляделись в поисках ровного места для отдыха. Подходящая площадка нашлась рядом, ее край, возвышавшийся над уровнем пола, наводил на мысль, что монтарвы тоже использовали ее для ночлега.

— Нежаркая нам предстоит ночка, — поежился Тревинер, разгребая с площадки мелкие камешки. — Ничего, уляжемся поплотнее, да накроемся моим плащом… зря, что ли, я его с собой таскаю.

Он достал из мешка теплый зимний плащ, длинный и широкий, пропахший дымом и смолой. Будучи расправленным, плащ вполне мог укрыть если не пятерых, то троих-четверых. Оставив мешки на столе, все начали устраиваться на ночлег. Тревинер набросил сверху плащ и снял с руки перстень Феникса.

Оказавшись в темноте, усталые путники сразу же провалились в забытье. Не спалось одному Альмарену, выбравшему место рядом с магиней. Почувствовав, что Лила уснула, он осторожно придвинулся к ней, прикрыл ее рукой, чтобы защитить от холода, и долго лежал, боясь пошевелиться, слушая то ее легкое, сонное дыхание, то стук собственного сердца, частившего, как при беге в гору.

Вдруг какая-то возня и постукивание заставили его насторожиться. Альмарен поднял голову и прислушался. Странные звуки исходили со стола, где были оставлены мешки. Осторожно, чтобы не потревожить спящую магиню, он достал перстень Грифона, и прошептал заклинание. Перстень загорелся тусклым красноватым светом, едва позволявшим разглядеть площадку и окружающее пространство.

Увидев, что творится на столе, маг мгновенно вскочил с места. Вещи покрывал слой всеедов, с упоением грызущих кожу и лямки мешков. Альмарен подбежал к столу и замахал руками на всеедов, отгоняя их прочь, но зверье не намеревалось расставаться с даровой пищей. Ближние грызуны кинулись на

мага, вцепились в башмаки, повисли на штанинах, тот отшвыривал их пинками, пытаясь дотянуться до рукояти меча, выглядывавшей из-под вещей.

— Альмарен, они боятся света! — крикнул ему проснувшийся от шума Тревинер. — Вытащи Желтый камень!

Альмарен последовал совету охотника. Грызуны с визгом бросились врассыпную, прочь от света, обжигающего их слепые, белые глаза. Альмарен склонился к вещам посмотреть, велик ли ущерб, к нему тут же подошел Тревинер, а за ним — Лила и Витри, которых тоже разбудил шум. Охотник первым делом отыскал свой лук Феникса, боясь за целость тетивы, но оружие, полностью прикрытое вещами, осталось нетронутым. Хуже пришлось мешкам — всееды, учуяв пищу, прогрызли в них множество дыр. К счастью, большая часть содержимого уцелела.

— Нам нужно оставлять освещение, — сказал, наконец, охотник. — В темноте здесь ночевать опасно.

— При свете тоже опасно, — возразила ему Лила. — Если за нами послали погоню, она заметит нас издали.

— Если погоня отправится этим путем, мимо нас она в любом случае не пройдет. Самое лучшее — дежурить по очереди, хотя бы поначалу.

— Давайте, я буду первой, — предложила магиня. — Мешки все равно нужно зашивать.

— И я тоже, — вызвался Альмарен.

И Витри, и Тревинер, казалось, не замечали отношение Альмарена к магине, как, не сговариваясь, не замечают чужого увечья. Они, как по команде, повернулись и пошли на площадку, откуда доносился могучий храп привольно раскинувшегося под плащом Шеммы. Лила занялась починкой мешков, Альмарен уселся поблизости и понемногу втянул ее в легкую, беспечную болтовню, где не было места ни погоне, ни всеедам. Когда все дыры были зашиты, он разбудил охотника, заступившего на стражу следующим.

Остаток ночлега прошел спокойно. Тревинер, заскучавший от ожидания, решил, что пора объявлять утро, и поднял остальных в дорогу. Наскоро поев, они продолжили путь в Фаур.

Помня, что до Фаура неделя пути, охотник придумал измерять сутки расстоянием на карте. Он разделил весь путь на семь отрезков и предложил устраивать ночлег после того, как будет пройдена седьмая часть пути. Но планы охотника не сбылись — дорога ухудшалась с каждым переходом, все чаще встречались труднопроходимые промоины и завалы, замедлявшие передвижение. Условные сутки становились все короче, поэтому седьмая ночевка прошла в пещере; а до Фаура еще оставалось не

меньше двух суточных переходов.

Путники, поглощенные преодолением трудностей пути, уже не думали о возможной погоне. Альмарен вспомнил про эфилемовую гальку, подобранную на Руне, и изготовил из нее несколько светлячков Феникса. Светлячки хорошо освещали и путь, и карту, с которой постоянно сверялся охотник, а во время ночевок, разложенные вокруг стоянки, надежно защищали от всеедов. Дежурства были отменены, но сон в холодном и сыром воздухе пещеры по-прежнему плохо восстанавливал силы. Кроме того, всех, а особенно Шемму, беспокоило, что не хватает провизии, часть которой пропала во время нашествия всеедов.

— На последнем переходе мы пойдем натощак, — объявил Тревинер за завтраком. — Зато — налегке!

— По мне, и груз на плечах не страшен, если нагрузишь желудок, — глубокомысленно заметил табунщик. — Я бы и десять окороков снес, если бы девять — на спину, а один — внутрь.

— Денек голодовки тебе не повредит, ты у нас еще в теле.

— Я — в теле?! Где в теле? — возмутился Шемма, сочувственно оглядывая свой живот и плечи. — Разве ж это — тело?! Это ты, Тревинер, как связка жердей, тебе что ешь, что не ешь — не в коня корм! А я вчера свой ремень уже на четвертую дырку переставил. Как я в Лоане-то таким покажусь?

— Бусы-то у тебя с собой? — напомнил ему Витри.

— Бусы? С собой, — страдальческое выражение лица табунщика сменилось мечтательным. — Может, мы еще отъедимся в дороге, пока идем до Лоана? А, Витри?

— Отъедимся, — откликнулся вместо Витри охотник. — Только бы наверх, в лес выйти, да подождать, пока у моего лука тетива просохнет. И будет тебе зайчатинка, сколько душа просит.

— Зайчатинка… — эхом отозвался Шемма.

— А пока — вперед! — Тревинер вскочил на ноги и накинул мешок на плечи. Шемма, как завороженный, последовал его примеру.

Поначалу путь шел по наклонному коридору, своды которого, источенные водой, казалось, давно забыли о своем искусственном происхождении. Размытое дно коридора напоминало пересохшее русло ручья, в стенах зияли огромные ниши, кое-где с провалами, уходящими в глубь породы — путями подземных потоков, бушевавших здесь триста лет назад. Потолок местами обвалился, создав на пути труднопроходимые насыпи высотой в один-два человеческих роста. Ничто не могло яснее передать всю грандиозность давней катастрофы, чем картина разрушения, шаг за шагом открывавшаяся путникам.

Коридор закончился развилкой из двух лестниц, одна из которых вела вверх, а другая — вниз. Заглянув в карту, Тревинер выбрал путь по лестнице, ведущей вверх. Три десятка ступеней привели в очередной туннель, перегороженный у самого входа обвалом. Путники вскарабкались на насыпь и в растерянности остановились, увидев перед собой спокойную черную воду. Дно туннеля было озером, тянущимся вдаль, насколько позволяло видеть освещение.

— Ты не ошибся на развилке, Тревинер? — Альмарен заглянул через плечо охотника в карту.

— Здесь только один путь, — ответил тот. — Другой, если верить карте, кончается тупиком.

— Покажи, — рассмотрев указанный кусок карты, Альмарен признал правоту охотника. — Но, если это единственный путь, то лурские монтарвы как-то сумели пробраться по нему в Фаур, а жители Фаура — переселиться в Лур. Значит, здесь должен быть проход.

— Не обязательно, — вмешалась в разговор Лила. — Порода могла обвалиться и позже, когда Фаур опустел.

— Как же ним быть? — с досадой сказал Альмарен. — Давайте посмотрим, нет ли тропы вдоль стен туннеля.

Путники осмотрели края насыпи, но тропы там не было. Подмытые стены пещеры нависали над водой. Высота насыпи, превосходившая два человеческих роста, исключала даже и мысль о преодолении озера вброд.

— Может быть, раскопаем насыпь и спустим воду? — предложил маг.

— Здесь работы — на неделю, — охладил его Тревинер. — А у нас еды осталось на три раза. Для начала я бы проверил тупиковый путь.

Путники вернулись на развилку и спустились по другой лестнице. От основания лестницы отходил, горизонтальный коридор, идущий в том же направлении, что и верхний.

— Что я говорил?! — обрадовался охотник. — Так и доберемся до места.

— Но почему этого пути нет на карте? — спросил его Витри.

— Видишь? — Тревинер указал на промытую линию, идущую по стене туннеля. — На этом уровне здесь стояла вода. Когда монтарвы пришли сюда, туннель был затоплен, поэтому, они не нанесли его на карту. Но с тех пор, не забывай, триста лет прошло. Вода постепенно ушла, и путь освободился.

Вдруг сверху раздался подозрительный шорох, посыпалась пыль и мелкие камешки.

— За мной! — выкрикнул охотник и мгновенно отскочил в

глубь туннеля. Все кинулись за ним, не спрашивая, в чем дело. На место, где только что стояли путники, рухнула груда камней, едва не сбив с ног зазевавшегося табунщика.

— Здесь все еле держится, нужно идти поосторожнее, — предупредил Тревинер, отряхивая с себя пыль. — Это тебя касается, Шемма. Топаешь, как стадо коров.

— Путь назад отрезан, — первым догадался Альмарен, осмотрев образовавшуюся насыпь.

— Куча не так велика, чтобы, не прокопать обратный путь, — прикинул на глазок Тревинер. — Но там пока нечего делать. Вперед!

Туннель расширился в огромную, бесконечно длинную пещеру, сотворенную похозяйничавшей здесь водой. В конце пещеры вновь обнаружилась развилка, где каждый из двух путей начинался изуродованной каменной лестницей, ведущей вниз. Охотник остановился, разглядывая обе лестницы.

— Куда идти дальше? — спросил его Альмарен.

— Если бы я знал… — пожал плечами охотник. — Карты-то на этот участок — нет. Вела бы одна лестница вверх, а другая вниз, я бы сразу выбрал верхнюю. А они, сам видишь, одинаковые, как две пуговицы.

— Давайте пойдем сюда, — указал на одну из лестниц Шемма.

— А почему сюда? — заспорил с ним Витри. — Вот эта выглядит лучше.

— Не спорьте, парни, — остановил их Тревинер. — Нужно разведать оба пути, а не соваться куда попало. Ты, Шемма, посидишь с вещами, а мы разделимся надвое и проверим, куда ведут эти лестницы.

— Как?! — встрепенулся табунщик. — Я останусь здесь один?!

— Что тут такого? Завернись в мой плащ и поспи, пока нас нет. А чтобы крепче спалось, возьми себе добавочную лепешку.

— Подойдет, — расплылся в улыбке Шемма.

Вещи перенесли в одну из ниш, показавшуюся удобной. Альмарен совместил Желтый и Красный камни в оранжевое яблоко с вырезанной долькой, затем завернул в тряпку и спрятал в стенном углублении, прикрыв обломком породы. Четверо путников взяли по лепешке в дорогу и, оставив Шемму с вещами, подошли к развилке.

— Мы с Витри пойдем сюда, а вы — сюда, — предложил Альмарену охотник. — Смотри, на карте есть встречный тупик в полусутках пути от первого. Нужно найти это место, запомни его получше.

Внимательно изучив карту, Альмарен вернул ее охотнику. Тревинер сделал знак Витри и углубился в ближайший проход. Альмарен и Лила пошли по другому пути.

Каморра не как и Красный камень, и его владелец будут у него в руках. Перебравшись на другую сторону лаза, маг обнаружил, что Красный камень впереди и не близко. Он прикрикнул на уттаков, чтобы следовали за ним, и пошел первым, освещая путь светлячком Василиска.

Маг шагал так быстро, как только позволяла дорога и спертый, сырой воздух, дикари не отставали, боясь потеряться в недрах ненавистных уттакскому племени скал. Первая же встреченная развилка заставила Каморру задуматься о выборе пути, впрочем, ненадолго. Определив направление на Красный камень, он выбрал левый коридор, спустился по длинной, полуразрушенной каменной лестнице и оказался у вонючего болота. Там он увидел следы беглеца, уходившие в болото и кое-где еще сохранившиеся на покрытой плесенью поверхности. Каморра, не колеблясь, шагнул вперед и по пояс погрузился в вязкую вонючую жижу, нехотя расступившуюся перед ним. Низкорослые уттаки, последовавшие за магом в болото, провалились по грудь.

Отряд кое-как переправился на другую сторону и начал подниматься по лестнице, источая грязь и вонь, непосильную даже уттакам. Самые храбрые дикари отважились на робкое: «Великий вождь, дойдем назад…», но Каморра, напомнив им о гневе белого диска, упрямо пошел вслед за Красным камнем. По следам, оставленным в пыли коридоров, он узнал, что с камнем идет не один, а четыре или пять человек. Это не смутило мага — двух десятков уттаков, оставшихся от отряда, было достаточно, чтобы справиться с пятерыми беглецами.

Длинный, виляющий в горной породе туннель привел в округлый зал с ручейком у стены и каменным столом. Маг первым напился и отмылся от грязи, затем подпустил к источнику уттаков, а сам осмотрел зал. Следы на пыльном полу указывали, что беглецы останавливались здесь на привал.

Надеясь выиграть время, Каморра пренебрег отдыхом. Ему казалось, что еще немного — и беглецы будут схвачены, но туннель нескончаемо тянулся, непривычные к подземной жизни уттаки валились с ног, а Красный камень все так же издевательски маячил впереди, то ближе, то дальше, но оставаясь за пределами досягаемости. Маг объявил привал, так и не достигнув цели.

Потянулись переходы и привалы, и вновь переходы и привалы, неотличимые от предыдущих. Пока не иссякли припасы,

взятые на трое суток, маг еще мог определить, как долго он остается под землей, затем его понятия о времени смешались. Чтобы прокормиться, уттаки начали Добывать всеедов, которых ловко подбивали камнями. Поначалу Каморра не мог заставить себя есть сырое вонючее мясо подземной крысы, но вскоре голод пересилил отвращение.

Путь ухудшался с каждым переходом, воздух становился сырее и холоднее, с потолка сыпались камни, то пугая, то ушибая зазевавшихся дикарей. Уттаки с каждым днем становились беспокойнее и непослушнее, их маленькие черные глазки смотрели злобно и неприязненно. Каморра, не обращавший внимания на странности поведения дикарей, наконец, заинтересовался их разговорами и использовал заклинание усиления слуха, чтобы узнать, о чем они шепчутся. Первые же услышанные слова заставили его подскочить на месте.

—…Плохой вождь — тот, кто не чтит заветы предков.

— …Плохой… заветы предков не велят нам ходить в — скалы.

— Тот, другой вождь вождей, чтит заветы предков. Он никогда не пошлет нас в скалы.

— Он говорит, что наш вождь — плохой вождь.

— А гнев белого диска?

— Не будет диска — не будет и гнева. Надо разбить этот диск. Так говорит тот, другой вождь вождей. Он хороший вождь.

Каморра схватился за белый диск, висевший на груди. Трудности пути обессилили мага, поэтому он давно не обращался к диску, но сейчас необходимость была налицо. Маг прикрыл глаза и сосредоточился на амулете, чтобы послать внушение обнаглевшим дикарям, затем расслабился, подбирая слова, и в этот момент уловил тихий шепот, исходящий от диска.

«…Друзья мои, храбрые уттакские воины… Вы повинуетесь человеку без рода, без племени, одинаково чужому и людям, и уттакам. Зачем вам этот безродный, который не уважает вождей и не чтит заветы предков? Вам нужен тот, кто умеет чтить величие древних родов, вам нужен вождь высокого рода, благородной крови. Разбейте диск этого выскочки, тогда вы легко расправитесь с ним…»

— Госсар!!! — взвился Каморра. — Этот негодяй слишком хорошо усвоил мои уроки! Вообразил себя магом, подонок! Да я сейчас такое внушу, что дикари тут же разорвут его на части!

Яростная мысль мага, разящая Госсара, устремилась в амулет, готовая распространиться по подчиненным дискам и войти в уттакские головы. Напрягшись, чтобы вложить в послание необходимую силу, Каморра внезапно почувствовал

головокружение, разъединившее его с амулетом. Голод и усталость сделали свое — сил мага не хватало для оживления заклинания. Отдышавшись, Каморра вскочил на ноги и подошел к уттакам.

— Эй, вы, грязные твари! — крикнул он по-уттакски. — Я вас насквозь вижу! Думаете, я не знаю, что вы хотите убить меня? Подумайте лучше о том, как вы выберетесь отсюда без меня, болваны! Вы что, хотите остаться здесь и всю жизнь жрать крыс? Или все-таки хотите в лес, на солнце?!.

Уттаки притихли. Маг стоял, грозно и хмуро оглядывая дикарей в ожидании ответа.

— Мы повинуемся тебе, вождь вождей, — откликнулся одинокий голос.

— Ваше счастье… — проворчал Каморра и вернулся на место. Маг не обольщался покорностью, прозвучавшей в ответе. Выбравшись из-под земли, дикари вновь станут опасными, до тех пор, пока он не сможет пользоваться диском.

— Хватит рассиживаться, пошли дальше! — поднял он уттаков.

Красный камень по-прежнему маячил впереди, помогая выбирать направление на встречающихся изредка развилках. Среди промоин и завалов длинного наклонного коридора маг не раз со злорадством вспоминал, что и тем, впереди, приходится ничуть не лучше. Когда коридор закончился развилкой из двух лестниц, Каморра, как обычно, поискал направление на Красный камень. Хотя амулет был недалеко, в стенной нише нижней пещеры, прикрытый обломком скалы, соединение с Желтым камнем изменило его энергетику, сделав неузнаваемой, поэтому Каморре не удалось отыскать знакомую нить.

Подумав, что все дело в переутомлении, маг решил возобновить поиск нити камня после отдыха, а пока выбрал путь по верхней лестнице. Там его встретило спокойное черное озеро. На влажной кромке насыпи, преграждавшей путь водам озера, отпечатались свежие следы беглецов. Каморра вернул уттаков назад и спустился по нижней лестнице. Нижний путь уперся в тупик, образованный обвалившейся породой.

Маг вернулся к озеру, еще раз осмотрел следы на насыпи. Единственный путь, которым, видимо, и воспользовались беглецы — вплавь через озеро — был неприемлем для уттаков, не умеющих держаться на воде. Бросать дикарей Каморра пока не хотел, не из жалости, а потому, что не надеялся в одиночку справиться с пятерыми. Впрочем, подумал маг, что невозможно для нескольких человек, вполне посильно для двух десятков уттаков.

— Раскапывайте насыпь, — приказал он уттакам. — Да пошевеливайтесь, если хотите выбраться отсюда.

Уттаки бросились растаскивать камни, разгребать слежавшуюся глину. Тонкий ручеек, устремившийся в прокопанную дикарями канаву, превратился в ручей, а затем — в речку. Вода хлынула вниз по лестнице, стремительно довершая работу по сносу насыпи, едва не смывая вцепившихся в стены дикарей. Озеро иссякало на глазах. Вскоре обнажились мокрые скользкие стены, а затем и покрытое вязкой грязью дно. Когда вся вода стекла, Каморра пошел вперед по открывшемуся пути, увлекая за собой мокрых, облепленных глиной уттаков.

Лестница, по которой спустились Витри и Тревинер, незаметно перешла в наклонный туннель, круто уходящий вниз. Путь был непривычно гладким и ровным — ни промоин, ни обвалов, постоянно встречавшихся путникам на предыдущих переходах. Тревинер освещал путь светлячком Феникса, Витри шел рядом с охотником, насторожённо осматривая новые места.

— Как здесь чисто, Тревинер, — поделился он впечатлениями. — Почти как в Луре.

— Когда-то здесь стояла вода, — вспомнил охотник. — Видимо, поблизости образовался водосток. Уклон здесь крутой, поэтому вода прихватила с собой все лишнее.

— Я вижу водосток! — оживился Витри. — Вон там, над полом, дыра в стене!

— Где? Вижу. Глазастый ты парень. А дальше, случайно, не тупик?

— Нет, подъем.

— Все, как я и предполагал. Вода просочилась в породу, а затем прорвала отверстие и освободила нижний туннель. Если повезет, мы найдем здесь выход.

— А что это шумит там, сзади? — вдруг насторожился Витри.

— Сзади? — охотник встревоженно обернулся. Там было пусто, но в следующее мгновение в дальнем конце туннеля показался стремительно приближающийся поток воды. — Откуда здесь вода? Бежим, Витри!

Они понеслись вниз по коридору, но не успели опередить летящую следом водяную лавину. Поток захлестнул их в двух десятках шагов от водостока, обогнал и, достигнув нижней точки туннеля, с ревом обрушился в зияющее чернотой отверстие. Несмотря на то, что вода в потоке едва доходила до колен, из-за бурного течения оба с трудом устояли на ногах.

— Держись, Витри! — прокричал Тревинер лоанцу. — Там, впереди — подъем!

Охотник, осторожно переставляя ноги, шаг за шагом начал

приближаться к краю потока. Витри последовал его примеру и благополучно сделал, несколько шагов, как вдруг большой камень, катящийся в потоке, налетел на лоанца и сбил его с ног. Витри вскрикнул и забарахтался в воде, пытаясь встать на ноги, но не справился с течением, неудержимо влекущим его вниз, к черному отверстию. Не успел он опомниться, как его ноги затянуло в дыру.

Витри вцепился в край отверстия и повис, болтаясь в потоке, его руки медленно сползали по скользкому, гладкому камню. Еще миг — и он сорвался бы и полетел в недра, земли, но в этот момент рука охотника схватила его за шиворот, удерживая на весу. Тревинер потянул лоанца из водостока, Витри отчаянно заскреб руками по камню, помогая охотнику. Совместных усилий, казалось, хватало лишь на то, чтобы удержаться в бешеном потоке, но Тревинер, собравшись с силами, рванул к себе лоанца и выдернул из дыры. Оба повалились на каменный пол рядом с потоком.

Сначала Витри лежал, приходя в себя, не веря, что оказался на твердой земле, затем поднял голову и встретил взгляд охотника — глаза, черные из-за расширенных зрачков.

— Уф-ф-ф… — потряс головой Тревинер. — Думал — все, потеряю тебя, дружище Витри…

— Ты спас меня, Тревинер. — Витри взглянул на отверстие, с грохотом поглощавшее воду. — Ты и сам мог свалиться туда вместе со мной…

— Не свалился, как видишь…

Оба сели на камни и уставились на поток.

— Откуда здесь взялась эта аспидова лужа? — задумался вслух охотник. — Верхнее озеро прорвало, что ли? Может быть, те камни, которые чуть не упали нам на головы…

— Шемма! — вскрикнул Витри. — Там остался Шемма! Нам нужно вернуться!

— Куда? — Тревинер мотнул головой на поток. — Тебе одного купания мало? Посидим, подождем — кажется, воды стало меньше.

Время шло, поток успокаивался, утихал, а затем иссяк так же внезапно, как и появился. Тревинер и Витри пошли назад по мокрому, отмытому до блеска туннелю.

— Потерпи до стоянки, — уговаривал Тревинер дрожащего от холода лоанца. — Как придем на место, я дам тебе свою запасную одежонку… если ее не смыло.

Они поднялись по лестнице и выбрались в пещеру, где оставили Шемму. Все вещи были в сохранности — вода не попала в нишу, расположенную в возвышении над полом. Рядом с

вещами, уютно завернувшись в плащ Тревинера, похрапывал табунщик. Сна Шеммы не потревожил даже поток, пронесшийся в трех шагах от его головы.

Тревинер и Витри переглянулись и рассмеялись. Табунщик завозился, перевернулся на другой бок, но так и не проснулся. Достав из своего мешка рубашку, куртку, штаны, охотник отдал их лоанцу.

— Пойдем-ка на разведку не в эту сторону, а в ту, откуда пришли, — предложил он, когда тот переоделся. — Что-то мне любопытно стало, как там наше озеро поживает.

Витри подвернул штанины, чтобы не мешали при ходьбе, и последовал за охотником. Пол пещеры стал сырым и скользким, остатки воды испарялись, делая насыщенно влажным и без того тяжелый воздух, кое-где поблескивали оставшиеся от потока лужи. Каменное нагромождение у подножия лестницы было сметено дочиста, одна лишь выемка на потолке напоминала о недавнем обвале.

— Нет, поток появился не отсюда, — обратил на нее внимание Тревинер. — Вода сбегала по лестнице — видишь, во что превратились ступени?

Он начал карабкаться вверх по тому, во что превратились ступени, Витри полез следом. Вскоре они поднялись к верхнему туннелю, туда, где видели подземное озеро.

Озера не было. От насыпи, удерживавшей воду, уцелели жалкие остатки у стен туннеля. Перед Тревинером и Витри простиралось ровное илистое дно.

— Отрадно, — отметил охотник. — Теперь можно не искать другой путь. Подожди-ка, а что это там, на дне?

Он поднял повыше светлячок Феникса и присвистнул, выражая удивление.

— Следы ног, Витри, да сколько! Похоже, тут прошла целая армия!

— Неужели монтарвы все-таки послали погоню? — испугался Витри.

Тревинер нагнулся к ближайшим отпечаткам ног.

— Это уттакские следы — мягкая подошва, квадратный носок. Такую обувь носят только уттаки.

— Откуда они взялись? И что они тут делают?

— Именно это мы с тобой и постараемся разведать. — Тревинер выпрямился, в его голосе зазвенел охотничий азарт. — Мы выследим их, Витри!

Он бодро зашлепал по вязкому, илистому дну. Витри отправился за ним, стараясь ступать след в след. Туннель постепенно пошел на подъем и вскоре вывел их к

противоположному концу озера. Хотя илистое дно осталось позади, следы мокрых и грязных уттакских ног хорошо виднелись на пыльном полу. На развилке охотник вытащил карту и углубился в изучение переплетения линий.

— Что ты там ищешь, Тревинер? — спросил Витри.

— Ищу, куда они пошли.

— Они пошли сюда, — подсказал ему Витри, указывая на следы.

— Я ищу здесь, на карте, — объяснил охотник. — Если идти к центру Фаура, то другой путь короче. Они ошиблись, выбирая дорогу. Дальше они пойдут этим туннелем — куда же им еще деваться, развилок-то больше нет — и придут сюда, в этот зал. Здесь они устроят стоянку, потому что больше негде. Это означает, Витри, что здесь мы их и догоним.

Они вновь пошли по уттакским следам. Туннель расширялся, становился выше, чище и ровнее.

— Смотри! — охотник указал Витри на выбитую в камне надпись, едва заметную на стене. — Одиннадцатый Радиальный — город близко. Мы почти у цели!

— А уттаки?

— Тоже близко. Нам пора быть поосторожнее.

Он зажал светлячок Феникса в кулак, оставив тонкий лучик. Пройдя еще немного, Витри увидел белый свет, озаряющий потолок туннеля.

— Белый свет — это светлячки Василиска. — Тревинер перешел на шепот. — Там, в конце подъема — стоянка. Уттаки на ней. Я уверен, что с ними Каморра. Без него они ни за что в подземелье не полезут. Давай тихонько, по стеночке, подойдем поближе..

Тревинер убрал светлячок в карман и прокрался вдоль стены по направлению к свету. Добравшись до выхода в зал, он осторожно выглянул из-за угла и увидел десятка два уттаков, устроившихся на ночевку. Поодаль, положив голову на мешок, дремал тощий, костлявый человек, в котором охотник узнал Каморру.

Дикари о чем-то переговаривались. Тревинер напряг слух, но не понял ни слова — он не знал уттакского языка. Оглянувшись на Витри, охотник жестом показал на уши и на язык. Лоанец кивнул, показывая, что все понял. Некоторое время он прислушивался к галдящим, гнусавым звукам, затем потянул Тревинера за рукав. Оба осторожно удалились.

— О чем они болтали? — спросил Тревинер, отойдя на достаточное расстояние.

— Они ищут нас. Один сказал, что великий вождь выпустит

их на солнце, когда пятеро будут пойманы. Но они не знают, где мы сейчас. Они говорят, что следов нет, а великий вождь молчит.

— Значит, они потеряли наш след. Прекрасно. Мы проберемся в Фаур другим путем, а там отыщем выход наверх, чтобы не нарваться на них под землей.

— А сейчас — возвращаемся?

— Да, и поскорее. Порадуем наших.

Обратный путь оказался изнурительно долгим. Преодолевая вязкое дно озера, оба едва тащили ноги, одна лишь мысль о скором возвращении на стоянку придавала им силы. В дальнем конце хорошо знакомой пещеры Тревинер и Витри увидели светящееся пятно — Шемма проснулся и сидел на краю ниши, высматривая своих друзей.

— Наконец-то пришли! — кинулся он им навстречу. — Ну как?!

— Чудненько, приятель, — оскалился Тревинер. — Выход найден, город найден. Еще немного — и мы с тобой посидим на травке, поедим зайчатины. Дай-ка присяду, а то ноги не держат. А где наши маги?

— Не знаю, — вздохнул Шемма. — Наверное, скоро придут.

— Они не возвращались? — забеспокоился Тревинер. — Неужели они еще где-то бродят?

— Как видишь… — развел руками табунщик.

— Что же делать? — в голосе охотника прозвучала откровенная тревога. Он посидел немного, затем, поморщившись, поднялся на ноги. — Я пойду искать их. Ждите меня здесь.

— И я с тобой, — вызвался Витри.

— Ты еще можешь ходить? Идем, вдвоем веселее.

Тревинер и Витри побрели к лестнице, начинавшей путь, разведка которого досталась магам.

Альмарен шел на полшага позади Лилы. Так он мог видеть ее лицо в профиль — безмятежно-спокойное, ресницы полуопущены, как крылья отдыхающей бабочки. Если маленькая женщина и чувствовала на себе взгляд мага, это никак не отражалось на ее лице. Альмарену было хорошо знакомо это упрямое безразличие, невидимым барьером вставшее между ними после злополучного разговора у ручья.

— Дорога опять идет вниз, — не оборачиваясь, обронила она. — Две ночевки прошли, а мы все куда-то спускаемся.

— Мы у северного края Ционского нагорья, — вспомнил карту Альмарен. — Фаур расположен под землей ниже Лура.

— Я не понимаю, почему лурские монтарвы так боялись этого наводнения. Вода не достигла и половины пути между городами.

— Мне показалось, что они привыкли бояться всего, что

может вторгнуться в их жизнь, сбить их существование с привычного ритма. Их давние предки не оказали сопротивления уттакам, а предпочли уйти под землю — и это тоже выдает наклонности монтарвского народа.

— Я не хотела бы… я не смогла бы жить под землей. Бедняги, они никогда не видят неба. Я рада, что наш путь подходит к концу.

Интонация последней фразы выдала Альмарену усталость магини, никогда не позволявшей себе даже намека на жалобу.

— Город близко, его окраинные туннели начинаются сразу же за озером, — ободряюще напомнил он. — Может быть, по этому туннелю до него еще ближе.

— Там, у озера, я чувствовала впереди Белый шар, — сказала в ответ магиня. — Вот что меня беспокоит, Альмарен — когда мы подойдем к шару, наши камни усилят его магию, хотим мы этого или нет. Они усилят амулеты Каморры, понимаешь? Получается, что мы не должны приближаться к Белому шару, пока не найдем способ разрушить магию ордена Василиска.

Альмарен задумался над неожиданной задачей. Не услышав ответа, Лила замедлила шаг и оглянулась.

— Сейчас, — встретил он ее взгляд. — Сейчас что-нибудь придумаем…

Вдруг ее лицо изменилось, глаза встревоженно распахнулись, как при виде неотвратимой опасности. Поняв, что Лила смотрит за его спину, Альмарен резко обернулся. Сзади стремительно приближался водяной поток, в его кипящих струях угрожающе перекатывались каменные валуны.

— Бежим! — Альмарен схватил ее за руку и потащил вниз по коридору, который спускался все круче, перейдя, наконец, в лестницу. Они мчались по ней, прыгая через ступени, сзади бурлила, настигала вода. В конце лестницы оказался ровный участок пути, несколько шагов спустя сменившийся ступенями, ведущими вверх.

Короткий подъем ушел из-под ног так внезапно, что Альмарен, споткнувшись, выронил светлячок Феникса. Золотисто-зеленый шарик мелькнул в воздухе и ударился о ступени, разлетевшись на десятки сверкающих осколков. Лила подхватила осколок, Альмарен остановился на мгновение, дожидаясь магиню, и вновь потянул ее за собой. Впереди открылся короткий горизонтальный туннель, в конце которого виднелся свет.

— Здесь выход! — обрадовался Альмарен и тут же осекся. Туннель обрывался в глубокий отвесный колодец. Маг едва успел остановиться на краю, удерживая свою спутницу.

— Здесь тупик, — поправила его Лила. — Это

вентиляционная шахта монтарвов.

Свет, с непривычки казавшийся ярким, просачивался в узкую щель на верхнем конце шахты. Отвесные стены колодца уходили высоко вверх, к вентиляционному отверстию, и сужались там, защищая шахту от проникновения солнечных лучей и непрошеных посетителей… Несмотря на это, дно колодца было усеяно скелетами мелких животных, поверх которых бегали ящерицы, свалившиеся в шахту со скал.

— Тупик… — повторил вслед за магиней Альмарен, обшарив взглядом дно и стены шахты. Он оглянулся назад и увидел, что прибывающая вода уже залила верхние ступени подъема и устремилась к шахте.

Альмарен вскочил на выступ у стены, служивший когда-то скамьей приходившим к шахте монтарвам, и втащил за собой Лилу. Поток, волочивший куски плесени, а иногда и барахтающихся в воде всеедов, понесся мимо скамьи, заливая колодец. Маг не отрывал взгляда от быстро поднимающейся воды, прижимая к себе маленькую женщину, будто бы это могло спасти ее, и никак не мог решить, что хуже — захлебнуться первым и оставить ее погибать в одиночестве, или быть беспомощным свидетелем ее гибели.

Вода перестала прибывать, когда колодец заполнился почти до краев. Поток ослабел и истощился, а затем, нехотя отступил, оставляя мокрый след на дне туннеля. Убедившись, что опасность миновала, оба спустились со скамьи, подошли к выходу и увидели, что вода залила нижний туннель, превратив его в озеро, на дне которого, словно звезды, мерцали осколки светлячка Феникса.

«Это только отсрочка, — подумал Альмарен. — Обратный путь перекрыт». Вслух он не сказал ничего, чтобы не тревожить Лилу.

— Нам рано отчаиваться, — сказала она, будто бы прочитав его мысли. — Первая ступенька уже показалась из воды, значит, в стенах туннеля есть трещины, и вода просачивается в них. Подождем, пока она стечет.

Судя по скорости отступления воды, им предстояло долгое ожидание. Они вернулись к краю колодца и уселись на скамью. Альмарен взглянул на магиню — она выглядела одинокой и усталой, нуждающейся в утешении. Здесь, в безвыходном положении, лицом к лицу со смертельной опасностью, ему показалось бессмысленным сдерживаться или притворяться. Он придвинулся поближе, обнял Лилу за плечи, и она не отстранилась. В ее ответном взгляде светилось нежное чувство — не то, которое он так надеялся, так мечтал когда-нибудь увидеть,

а другое — соучастие, понимание общей судьбы. Альмарен уткнулся лицом в ее волосы, и время остановилось для него.

Наверху темнело. Свет, пробивавшийся в верхнее отверстие шахты, мало-помалу тускнел, выдавая наступление вечерних сумерек. Поверхность воды в колодце, кишевшая всеедами и ящерицами, успокаивалась — бедные твари одна за другой прекращали борьбу за жизнь и шли на дно. Вода убывала слишком медленно, чтобы подавать надежду на освобождение. Лила и Альмарен съели лепешки, сделали по глотку воды и вновь уселись в ожидании, прижавшись друг к другу, как в лютую стужу. Когда наверху наступила ночь, магиня достала осколок светлячка и подошла к краю воды.

— Вода перестала убывать, — сообщила она Альмарену. — Она стоит на той же отметке, что и в прошлый раз.

Альмарен подошел к магине и осмотрел ступени. Вода освободила половину лестницы, но верхний край туннеля, ведущего к выходу, по-прежнему оставался под водой. Лила проследила взгляд мага и внезапно спросила:

— Ты хорошо плаваешь?

— Да.

— А ныряешь?

Альмарен догадался, о чем она думает.

— Я не оставлю тебя здесь, — ответил он.

— Мы поплывем вместе.

— А ты — умеешь плавать?

— Не слишком. Но я умею подолгу задерживать дыхание — это одно из упражнений жрецов Саламандры для развития способностей к магии.

— А вдруг ты не доплывешь?

— Мы не можем больше ждать, — решительно сказала Лила. — Оставаясь здесь, мы ослабеем и тогда уж точно не выберемся отсюда. Я поплыву первой, а ты подожди немного и ныряй следом.

— Хорошо, — согласился Альмарен.

Лила спустилась по ступеням в воду. Зайдя по грудь, она ободряюще кивнула Альмарену, несколько раз глубоко вдохнула и скрылась под водой. Круги разошлись и успокоились, эфилемовые осколки звездным небом проступили со дна водяной преграды.

Тревога за Лилу помешала Альмарену определить, как долго он стоит в ожидании. Маг в оцепенении смотрел на сияющие осколки, пока внезапная мысль о том, что она не доплыла, захлебнулась, что ее нужно немедленно спасать, подбросила его на месте. Альмарен вбежал в воду, сделал торопливый вдох и

нырнул в черное отверстие туннеля.

Плыть в одежде было нелегко — вздувшаяся пузырем куртка и тянущие к дну башмаки сковывали движения. Туннель, который они бегом преодолели за несколько шагов, вытянулся в целую вечность. Чувствуя, что ему не хватает воздуха, Альмарен пробовал всплыть, но каждый раз натыкался головой на потолок туннеля. Его сознание помутилось от удушья, он непроизвольно хлебнул воды, еще и еще раз, беспорядочно забил руками и зацепился за что-то, потянувшее его наверх.

Лила вытащила его наполовину захлебнувшимся, уложила лицом вниз на каменный пол туннеля, где он еще долго лежал, откашливая попавшую в легкие воду. Сознание возвращалось к Альмарену между приступами кашля, сообщая, что магиня зовет его, что она поддерживает его за грудь, за плечи, пытаясь помочь. Хотя неразумная поспешность превратила его из спасателя в спасаемого, Альмарен чувствовал не смущение, а радость, оттого что Лила была здесь, что в ее голосе звучала тревога и забота.

Наконец Альмарен приподнялся на локтях и сел. Совсем близко он увидел лицо Лилы — мокрые волосы, огромные, в пол-лица глаза, полные испуга и сострадания.

— Как ты себя чувствуешь, Аль?. — допытывалась она.

«Аль!» — руки Альмарена сами протянулись к магине.

— Что ты делаешь?! — встрепенулась Лила. — Нашел время…

Но Альмарен был другого мнения. Невидимая преграда, разделявшая их, исчезла, и он спешил закрепить возникшую близость, вложив в поцелуй все, — что передумал и перечувствовал в последнее время. Ее губы, поначалу холодные и безответные, отогрелись и ожили, возвращая ласку.

— Нам пора идти, — шепнула, наконец, она. — Наши, наверное, давно вернулись, беспокоятся.

Они поднялись на ноги, собираясь возвращаться на стоянку. Оба были насквозь мокрыми после купания в ледяной воде. Альмарен не чувствовал холода — ему никогда не было холодно рядом с Лилой, — но маленькая женщина вся закоченела и тщетно пыталась удержать бившую ее дрожь.

— Давай отожмем одежду, — предложил ей Альмарен.

Она присыпала осколок светлячка щепотью глины, оставив тонкий лучик, направленный в стену. При его тусклом, исчезающем свете они поочередно разделись и вместе выкрутили одежду, держась за ее концы. Альмарен подобрал осколок, взял магиню за руку и повел вверх по лестнице. Выйдя в туннель, они увидели зеленоватую точку светлячка Феникса, двигающуюся навстречу.

— Это наши! — обрадовалась Лила.

Точка приближалась. Вскоре Лила и Альмарен различили знакомые фигуры Тревинера и Витри, а затем и радостный оскал охотника, помахавшего им светлячком.

— Вот вы где, — облегченно сказал Тревинер, подходя к ним. — Мы с Витри загулялись, но не так, как вы.

— Там тупик, — ответил Альмарен. — Мы едва выбрались оттуда.

— Вижу, — подтвердил охотник. — Вид у вас, я вам скажу, как у утопленников. Но оба целехоньки — я боялся, что хуже будет.

— Если и вы не нашли выход, то мало в этом радости, — попытался пошутить Альмарен.

— Как это — не нашли?! Такие бравые парни, как мы с Витри? — развеселился Тревинер. — У нас куча новостей, приятель. Чего мы только не видели — и Фаур, и уттаки, и Каморра…

— Каморра здесь?

— Это не так плохо, как кажется. Он со своими уттаками любезно прокопал нам выход. Правда, нам пришлось искупаться, но нельзя же слишком уж привередничать.

— Значит, эта вода — из верхнего озера? — догадался Альмарен.

— Оттуда. Теперь путь свободен, отдохнем — да и в Фаур.

Обмениваясь впечатлениями, они дошли до стоянки, где были встречены сияющим Шеммой.

— Наконец-то все в сборе, самое время перекусить, — намекнул табунщик. — Я тут и водички принес.

Шемма вполне обжился на стоянке. Он разыскал поблизости большой плоский камень для стола, подтащил к нему камни поменьше, чтобы было удобнее сидеть, а в центр выставил котелок с водой. Тревинер окинул взглядом труды табунщика и распорядился выдать на ужин по целой лепешке, сославшись на то, что сегодня все нагуляли аппетит.

Усевшись за стол, все взяли по влажной, осклизлой лепешке.

— Горяченького бы… — по обычаю вздохнул Шемма.

Тревинер, как правило, посылавший табунщика на Белый алтарь, на этот раз промолчал. Почуяв необычное, Альмарен обвел взглядом друзей, будто заново замечая осунувшееся лицо охотника, а за ним и бескровные щеки Витри, исхудалую физиономию Шеммы, застывшие губы Лилы, которая никак не могла согреться после вынужденного купания.

— Подождите! — воскликнул он и протянул руки к котелку.

Собрав в ладонях огненную силу, Альмарен охватил котелок

с боков и сосредоточил поток энергии в центре между ладонями. От воды пошел пар, и вскоре она закипела, будто бы котелок стоял на сильном огне.

— Это — дело! — блеснул зубами охотник.

Он достал из мешка несколько сушеных кисточек цисмы и бросил в котелок. Цветы расправились в кипятке, от воды пошел тонкий медовый запах, напоминающий о солнце, лесе, травах, речных заводях, где по вечерам распускались белые, душистые кисти цисмы. Горячий травяной настой подействовал магически — глаза путников заблестели, на лица вернулась краска. Физиономия Шеммы залоснилась от тепла и удовольствия, волосы магини высохли и распушились.

— Теперь и жить можно, после горяченького. А, Шемма? — окликнул табунщика Тревинер. Шемма не ответил — он был слишком занят сцеживанием остатков чая к себе в кружку.

— А как быть с вами, утопленники? — охотник озабоченно взглянул на Лилу и Альмарена. — Возьмите-ка мой плащ, один на двоих. Это у нас все, что пока еще не намокло.

— Альмарен! — оглянулась она.

Альмарен немедленно подошел к ней.

— Я не могу допустить, чтобы ты лег спать в мокрой одежде, — неуверенно сказала магиня.

— Ты хочешь, чтобы я пошел с тобой? — Альмарен не сводил пристального взгляда с ее глаз, отыскивая ответ.

— А почему бы нет? — почти беззвучно произнесла она. — Кто знает, сколько нам еще осталось…

Не договорив последнего, угаданного Альмареном слова — «жить», она повернулась и пошла в темноту. Альмарен шагнул за ней.

XL

На исходе ночи конница Ромбара собралась у восточных ворот Босхана. Вскоре подъехал и сам Ромбар в сопровождении Равенора, решившего, должно быть, что спасение камней Трех Братьев не может обойтись без его присутствия. Кроме знаменитого мага, здесь был и Скампада в своем щегольском светло-сером плаще, с объемистыми дорожными мешками, притороченными у седла, а с ним Фирелла в одежде пажа, глядящая на ночной город круглыми спросонья глазами. Сын первого министра имел важное поручение от Норрена — доставить его дочь и его письмо в цитионский дворец.

Убедившись, что все в сборе, Ромбар дал команду открыть ворота. Стража завертела рычаги, натягивая толстые цепи, поднимающие решетку, отодвинула засовы створок ворот.

— Люди знают о цели нашей поездки, Магистр? — Равенор, хотя и узнал подлинное имя магистра ордена Грифона, упорно называл его Магистром, видимо, не считая нужным переучиваться.

— Никто, кроме нас с вами, — ответил вполголоса Ромбар. — Проводнику известно, что нам нужно пересечь Ционское нагорье, но не известно, зачем.

— Он надежный человек?

— Здесь, в Босхане, я ни в ком не уверен. Нувелан представил его как одного из охотников покойного правителя.

— Он из босханской грифоньей охоты?

— По-видимому, да. По словам Нувелана, он знает Ционские скалы лучше босханских улиц.

— Он сказал, сколько дней займет путь через скалы?

— Я еще не спрашивал. — Ромбар взглянул на проводника, невысокого, уже немолодого человека, сидящего верхом на коротконогой гнедой лошаденке. — Нужно предупредить его, что мы спешим.

Ворота распахнулись, открывая взгляду светлеющий кусок неба над Ционским нагорьем. По жесту Ромбара конница тронулась с места и выехала из города. Скампада, которому было не по пути с отрядом, вежливо попрощался с Ромбаром и поехал вдоль городской стены вместе с Фиреллой и одним из Равеноровых слуг. Отряд последовал за проводником, направившим свою лошаденку в лощину между скалами.

Ромбар пришпорил коня и поравнялся с проводником.

— У меня есть карта Келады, — сказал он. — Возьми ее, если понадобится.

— Я запомнил, куда я должен привести вас, — ответил проводник.

— Нам нужно прибыть туда как можно скорее. Сколько дней займет наш путь?

— Мы будем на месте к полудню четвертого дня пути, если поедем с рассвета до заката, не останавливаясь подолгу.

— Три с половиной дня… — повторил за ним Ромбар. — Быстрее не получится?

— Я веду вас кратчайшим путем, — голос проводника не выражал ни досады, ни готовности услужить.

— Но наша цель лежит на северо-востоке, а мы движемся на восток, — не прекращал допытываться Ромбар.

— В скалах прямой путь не всегда самый быстрый, — пояснил проводник. — Здесь есть прямые тропы, но они пешие, да и не каждому под силу. Конных троп, пригодных для такого отряда, как ваш, в Ционских скалах немного. Я знаю путь в Лоан, путь на восточный берег Келады, да две тропы, ведущие к северному краю нагорья. Мы пойдем той тропой, которая выходит из скал вблизи от указанного вами места.

Ромбар с недоверчивым вниманием окинул проводника взглядом. Не найдя ничего примечательного ни в загорелой физиономии, обычной для охотника, ни в неопределенного цвета волосах, где поседевших, где выгоревших на солнце, ни в потертой куртке простого покроя, ни в завалящей лошаденке, он пожалел, что здесь нет Альмарена, который мог чувствовать амулеты Каморры, или хотя бы такого хитреца, как Скампад, от которого не укрылась бы ни малейшая подозрительная черточка.

— Как тебя зовут? — поинтересовался он у проводника.

— Торанга.

— Местный?

— Да, я урожденный босханец.

— Стало быть, с детства в скалах?

— С пяти лет ходил туда с приятелями. Они, как подросли, стали кто кем, а я — охотником.

— Ты был на службе у покойного правителя?

— Я и сейчас во дворцовой охоте, — на лице проводника мелькнуло чувство, похожее на удовольствие. — .После гибели правителя ее величество сохранила охоту для наследника. Боевой растет парень — вылитый отец! Сейчас она не разрешает ему выезжать в скалы, но пройдет четыре года, и он станет законным правителем Босхана. При нем грифонья охота не будет бездельничать.

— Прежний правитель погиб как раз на грифоньей охоте, — напомнил Ромбар.

— Наших не в чем упрекнуть, — понял намек проводник. — Правитель, как это нередко бывает с сильными воинами, вообразил, что он еще сильнее, чем на самом деле.

— Вот как!? — с сомнением заметил Ромбар.

— Я был на той охоте и сам видел, как это случилось, — голос проводника был тверд и спокоен — голос человека, уверенного в своей правоте. — В тот день мы отыскали крупного грифона и окружили его на небольшой высокогорной площадке. Правитель приказал нам разойтись по краям площадки и следить, чтобы зверь не спрыгнул вниз, а сам пошел на него один на один. Любил он это дело — брать грифона в одиночку. Но зверь старый попался — сильный и хитрый. Не успели мы подбежать, как все было кончено.

— Разве охотники не видели, что зверь опасен? Почему никто не предостерег правителя?

— Вы, наверное, не были знакомы с покойным правителем.

— Не был, — признал Ромбар.

— Среди наших нет таких смельчаков, кто рискнул бы указывать ему, как вести себя на охоте. Лучше уж самому идти на грифона в одиночку — и спокойнее, и безопаснее.

Ромбар был наслышан о нраве бывшего правителя Босхана, поэтому удовлетворился полученным ответом. Помня о белых дисках, он в меру своих способностей проверил проводника на наличие магии и неприятно удивился, когда почувствовал сильное излучение, идущее с его груди, с того места, где мог бы находиться висячий амулет.

Он придержал коня, пока не оказался рядом с Равенором. Знаменитый маг сидел в седле безукоризненно, как на военном смотре, натянув уздечку ровно настолько, чтобы конь чувствовал повод, и казался погруженным в размышления, далекие от действительности. Ромбар набрался решимости задать вопрос, не приличествующий магистру ордена Грифона.

— Послушайте, Равенор, — с нарочитой небрежностью обратился он к магу. — Не взяли бы вы на себя труд посмотреть, нет ли у этого проводника подозрительных амулетов?

Равенор очнулся от раздумий, вслушиваясь в вопрос.

— У него не та магия, о которой вы подумали, Магистр, — вопреки опасениям Ромбара, он не стал высказывать свое мнение о том, что тот не может различать разновидности магического излучения… — Обыкновенней лечебный амулет, хотя и сильный, изготовлен на Оранжевом алтаре. Наверное, грифоний хвост. Я слышал, что босханские охотники очень ценят амулеты из грифоньего хвоста.

— Вы уверены? — переспросил Ромбар мага, хотя догадался,

что тот еще у ворот проверил всех и каждого на наличие амулетов.

— Спросите у него, — кивнул на проводника Равенор. — В чем я уверен, так это в том, что он расскажет вам кучу историй о силе этого амулета. Любопытно, кто из черных жрецов накладывает такие заклинания…

— Думается мне, Равенор, что вы успели проверить не только нашего проводника, но и весь отряд, — сообщил свою догадку Ромбар.

— Вы правы, — согласился маг.

— Вам удалось найти что-нибудь подозрительное?

— Я нашел кое-что интересное, но не назвал бы это подозрительным.

— Скампада?!

— У него нет амулетов Каморры. Я бы предупредил вас — ведь он везет в Цитион эту славную девчушку, дочку Норрена. Мне показалось, что у него вообще нет привычки полагаться на магию.

— Что же вы нашли?

— Многие едут без амулетов, у некоторых есть лечебные амулеты, или просто приносящие удачу.

— Это хорошо, побольше бы нам таких, — одобрил Ромбар.

— Вон тот молодой человек, который ведет с собой светло-рыжего тимайского скакуна, судя по амулетам, маг Феникса.

— Да, он с Зеленого алтаря, — подтвердил Ромбар. — Это Риссарн, друг Альмарена, я поручил ему вести Наля, его коня.

— Риссарн? — заинтересовался Равенор. — Значит, это он создает необычные магические поделки… Тогда понятно, что за странная штуковина у него в сумке. Это, вероятно, одна из таких вещиц.

— Каких вещиц?

— Та игрушка, благодаря которой Фирелла увидела свой сон — его изделие.

— Он создает амулеты, способные показывать события, происходящие на Келаде? — оживился Ромбар.

— Такими амулетами непросто пользоваться, — охладил его Равенор. — Они не всегда подчиняются даже своему создателю. Нужен талант ясновидения, который есть далеко не у каждого мага. — Он внимательно взглянул туда, где ехал Риссарн. — А пожалуй, мне найдется о чем поговорить с этим юношей.

— Сейчас я сам поговорю с ним. Это вся магия, которую вы обнаружили в отряде?

— Вся, — ответил маг, затем добавил, приглушив и без того негромкий голос. — Конечно, я заметил и тот удивительный

амулет, который вы везете с собой.

— Что же в них удивительного? — спросил Ромбар. — У меня есть перстень, жезл и камея Грифона. Который из них вы считаете удивительным?

— Не прикидывайтесь, Магистр, — поморщился Равенор. — Вам давно следовало бы понять, что от меня не укроется никакая магия. Я говорю не о ваших личных амулетах, а о том, который у вас в мешке.

— Обыкновенный жезл Аспида… — недоуменно пробормотал Ромбар.

— Да, там есть и жезл Каянского алтаря, — согласился маг. — Но я имею в виду не его, а то, что лежит рядом с ним.

— Но там нет других амулетов!

— Ладно, я сам скажу, что там лежит, и тогда вы, наконец, прекратите упрямиться, — по-прежнему едва слышно сказал Равенор. — Я чувствую, что у вас в мешке, амулет, от которого идут четыре нити, проводящие энергию холода. Они идут к четырем алтарям, способным использовать эту энергию. По моей теории, это должен быть один из камней Трех Братьев, а именно — Синий.

— Я был бы очень рад, если бы оказалось так, — ответил Ромбар. — Но я вынужден огорчить вас — Синий камень у Каморры! Я пытался вернуть его, но неудачно.

— Я не ожидал, что вы до такой степени не доверяете мне, Магистр, — с холодной язвительностью сказал Равенор.

— Сейчас неподходящее время для ссор, — в голосе Ромбара прозвучала плохо скрываемая неприязнь. — Я не буду останавливать отряд, чтобы доказать вам обратное, но на привале вы можете перерыть все мои мешки и лично убедиться в том, что я от вас ничего не прячу.

— Вы, наверное, надеетесь, что я не воспользуюсь вашим предложением? — иронически заметил маг. — Я не стал бы ловить вас на слове, если бы вы, с вашим умением разбираться в магии, не возомнили, что меня можно обмануть в деле, касающемся амулетов. Я, конечно, не полезу в ваши мешки, но укажу, откуда и что вы достанете. А там посмотрим, кто из нас прав.

— Что ж, посмотрим. — Ромбар резко натянул поводья, чуть не поставив Тулана на дыбы. Он был возмущен Равенором, его феноменальной способностью выводить собеседника из себя, и с удовольствием вообразил, каким станет лицо мага, когда тот удостоверится, что в мешке нет никаких амулетов, кроме жезла Аспида. Было ясно, что знаменитый маг непостижимым образом ошибся, утверждая, что в мешке лежит Синий камень, хотя и не

пожелал принимать никаких возражений. Ромбар вспомнил об амулете проводника и подумал, что следует проверить высказывание мага, поначалу безоговорочно принятое на веру. Он вновь догнал проводника и спросил:

— Я слышал, Торанга, у тебя есть редкостный лечебный амулет?.

— Рассказывают, значит… — лицо проводника просияло гордостью. — Да, такого амулета во всем Босхане не сыщешь. У того, кто им владеет, любые раны заживают в трехдневный срок и никогда не воспаляются. Он изготовлен из хвоста двенадцатилетнего грифона, который принимает магию даже лучше, чем эфилем.

Проводник достал из-за пазухи цепочку, на которой висел амулет. Это действительно оказался грифоний хвост, а вернее, листовидная роговая пластинка, растущая на кончике хвоста грифона. Основание пластинки было зажато скобкой с ушком, в которое была продета цепочка.

— Можете посчитать, ваша светлость, ровно двенадцать колец. — Торанга указал на концентрические линии, окружающие основание пластинки, по которым охотники определяли возраст грифона. — Восемь лет прошло, как я добыл этого зверя и сам побывал на Оранжевом алтаре, чтобы заказать амулет. Там я отдал два грифоньих хвоста их лучшему магу, тому, который умер два года назад, чтобы он наложил мне заклинание на третий. С тех пор амулет защищает меня от ран и приносит удачу на охоте. Все знают, что я не возвращаюсь без добычи.

— Сильный амулет, — понимающе кивнул Ромбар. — Но ты, хоть и удачлив, не выглядишь богатым. У тебя большая семья?

— У меня нет семьи, — ответил Торанга. — Я содержу родителей и семью сестры. Сестра была замужем за охотником, она овдовела несколько лет назад. Себе я ничего не оставляю — они привыкли к достатку, а мне много не нужно.

— Понятно. — Ромбар оставил проводника, отметив про себя, что относительно этого амулета Равенор не ошибся. Он оглянулся, отыскивая Риссарна, но юноша ехал в хвосте отряда, вытянувшегося на горной тропе, которая сузилась так, что стало невозможным ни обогнать, ни пропустить всадника вперед. Ромбар отложил намеченный разговор и поехал вслед за лошадью проводника, ловко пробиравшейся вверх по каменистому дну лощины.

Лучи солнца добрались до дна лощины и упали на лицо Ромбара. Он на мгновение зажмурился, затем отвернулся, защищая глаза от света. Сбоку на расстоянии вытянутой руки возвышалась горная стена, неровными уступами уходящая в небо.

Золотые искры, играющие на жемчужно-сером граните, напомнили Ромбару тирские окрестности — не по сходству, а по несопоставимому различию. Если красно-бурые, проеденные ветром скалы Тироканского хребта выявляли свою усталую, печальную красоту на закате солнца, то Ционское нагорье будто бы смеялось от радости, встречая его первые утренние лучи.

Ромбар глубоко вздохнул, прогоняя застрявшую внутри досаду. Вопрос о том, как Равенор посмел позволить себе подобные высказывания, сменился другим — в чем причина ошибки знаменитого мага, по-видимому, искренне полагавшего, что Синий камень лежит в мешке рядом с жезлом Аспида. Сосредоточив внимание на мешке, где лежал жезл Аспида, Ромбар попытался внимательнее изучить амулет.

Размер источника излучения соответствовал одному амулету. Энергетических нитей, сколько бы их там ни было, Ромбар, как обычно, не обнаружил — такое умение было за пределами его способностей. Он припомнил непонятную тщательность Каморры, хранившего амулет в потайном шкафу, а затем и странные намеки Скампады, и подумал, что жезл, вероятно, использовался для работы с Синим камнем, поэтому его энергетика была изменена связывающими заклинаниями. В этом случае Равенор вполне мог принять амулет за Синий камень, о котором знал только понаслышке.

Разумное объяснение ошибке Равенора было найдено. Ромбар вспомнил о других делах, требующих внимания. Он еще не решил, можно ли доверять проводнику, поэтому перебрал в уме сведения, которые тот сообщил о себе. Они указывали, что вряд ли человеку, довольному своим положением при правительнице и рассчитывавшему на улучшение, было бы выгодным предательство. Ромбар еще раз напомнил себе, что нужно бы поговорить с Риссарном, спросить, не может ли он выяснить с помощью магии, как дела у Альмарена, затем его мысли сосредоточились на Альмарене, которому удалось отыскать два камня, и незаметно перешли на женщину, сопровождавшую мага под землей.

Тропа перевалила через южный отрог, спустилась в просторную лощину, поросшую приземистым лесом, и повела отряд границей леса и камня. По дну лощины тек ручей, вдоль каменного ложа ручья поблескивали широкие, темно-зеленые Лопушки к рабьего корня, щетинились тонкие иглы исселя, вызывающе торчали лентовидные, остроконечные листья рукореза. Слева тянулась сверкающая изломами круча с одиночными деревцами кинии, прочно вцепившимися в камень, справа мелькала корявая поросль, неспешно произраставшая на

каменной осыпи, едва прикрытой жидкой травой.

К полудню, когда отряд достиг изгиба хребта, лощина расщепилась надвое. После короткой дневной стоянки у крохотного озерца, образовавшегося в углублении на развилке лощины, проводник выбрал путь по северо-восточному ответвлению. Уклон сменился едва заметным подъемом, деревья почти исчезли, трава поредела, сохранившись в виде узкой каймы вдоль русла ручья.

— Где мы будем пасти коней? — спросил проводника Ромбар.

— На закате солнца мы перевалим через хребет и выйдем в долину. Там будет и озеро, и хороший луг, — ответив, проводник добавил: — Объявите вашим людям, что на перевале надо быть повнимательнее. Там водится много горных коз и, соответственно, грифонов. Самые грифоньи места.

— Грифоны могут напасть на отряд? — встревожился Ромбар.

— Вряд ли, зверь осторожный. Вот если кто отстанет, по нужде или еще зачем, пусть держится на открытом месте, подальше от отвесных скал. Грифоны выслеживают добычу, сидя на скалах. Цели жертва не под самой скалой, они не могут ее достать, потому что не летают, а только планируют. Крылья помогают им не разбиться при прыжках с огромной высоты.

— Нам следует опасаться грифонов в течение всего пути? — спросил Ромбар.

— Нет. На этом перевале, да еще кое-где. Я буду предупреждать, когда поедем по таким местам.

Ромбар остановил коня и пропустил отряд вперед, отдавая приказ не отставать. Дождавшись Риссарна, он поехал рядом с ним. Молодой человек догадался, что появление Ромбара не случайно.

— Чем могу служить вам, ваша светлость? — спросил он.

— Тебя интересует, куда и зачем мы едем?

— Сражаться, наверное. На войне войско идет за своим вождем, не спрашивая, куда и зачем.

— Верно. Не всегда хорошо, когда многие знают о цели поездки, но тебе это знание не помешает. Твой друг в опасности, мы едем выручать его.

— Альмарен в опасности?! — воскликнул Риссарн.

— Я очень хотел бы узнать, не опаздываем ли мы. Равенор рассказал мне, что ты занимаешься магией ясновидения. Попробуй увидеть, где сейчас Альмарен, кто с ним, кто его преследует. Ты сможешь, это сделать?

— Я попробую. Этим вечером, на привале. После захода солнца легче достигнуть нужной сосредоточенности.

— У тебя есть амулет для ясновидения? — вспомнил слова

Равенора Ромбар.

— Я взял с собой хрустальный шар, в который можно наблюдать события. — Риссарн указал на походную сумку, которую носил через плечо под курткой.

— Отыщи меня вечером, после того, как посмотришь в шар, — сказал ему Ромбар. — Я не лягу спать, пока не узнаю, что ты в нем увидел.

Договорившись с Риссарном, он вернулся в голову отряда и поехал вслед за проводником. Отряд поднялся по лощине на гребень скалистого хребта, тянущегося через Ционское нагорье с востока на запад и продуваемого насквозь всеми ветрами Келады. Тропа незаметно растворилась в нагромождениях скал. До самого вечера проводник вел отряд по гребню, а незадолго до заката свернул в лощину на северной стороне хребта. После короткого крутого спуска лощина резко расширилась, образуя просторную, окруженную скалами луговину с озером в центре. Проводник спешился у озера и объявил ночную стоянку.

Воины расставили палатки, развели костры из сухих ветвей приозерного кустарника, готовя ужин и ночлег. К коням, выпущенным на луг, была назначена охрана на случай нападения грифонов. Поужинав, Ромбар ушел к себе в палатку дожидаться Риссарна. Вскоре послышался шорох — кто-то скребся у полога.

— Это ты, Риссарн? — окликнул Ромбар.

— Нет, Магистр.

— Что вам нужно, Равенор? — недовольно спросил Ромбар.

— Мне всегда было любопытна взглянуть на один из камней Трех Братьев, — заявил маг, откидывая дверной полог. — А вы, кажется, обещали мне показать его.

— Я же сказал — у меня нет Синего камня. Но если вам непременно хочется убедиться в этом, входите.

Равенор пригнулся и вошел в палатку.

— Здесь темно, — сообщил Ромбар.

— Вижу, — в тон ему ответил маг. — Если вам нетрудно, засветите какой-нибудь из своих амулетов. А если трудно, дайте амулет мне, я засвечу его сам. Впрочем, я и без освещения знаю, что Синий камень вон там, в углу палатки.

Ромбар засветил жезл Грифона и подтянул к себе мешок, брошенный в угол палатки. Порывшись в мешке, он отыскал сверток и показал магу.

— Здесь?

— Да.

— Смотрите. — Ромбар вынул из свертка жезл Аспида, положил его на мешок и с интересом уставился на лицо Равенора, недоверчиво рассматривавшего амулет. Взгляд мага сделался

сосредоточенно-отсутствующим, будто бы тот напряженно вслушивался в ночную тишину, но вскоре ожил и устремился на жезл, а затем на Ромбара.

— Я вас извиняю, Магистр, — высказался Равенор, нисколько не утратив ни своей обычной резкости, ни надменности. — С этой задачей не справился бы и маг посильнее, чем вы.

— Но вы-то, конечно, с ней справились? — не без ехидства спросил Ромбар.

— Разумеется. — Равенор взял амулет в руку, повернув его головкой вверх. Свободной рукой он сделал несколько вращательных движений над головкой жезла и взялся пальцами за ее верхнюю часть, легко отделившуюся обоснования. Внутри головки оказалось углубление, заполненное чем-то округлым, завернутым в мягкую тряпку.

Ромбар, не отрываясь, следил за действиями мага, пока тот неторопливо вытаскивал содержимое жезла и разворачивал тряпку. Из-под рук Равенора вырвалось синее сияние, затмевающее слабый огонек жезла Грифона, а затем показался и знакомый Ромбару кристалл, похожий на треть яблока. Маг осторожно провел пальцами по гладким боковым сторонам камня, уложил его на мешок, так, что третья, переливающаяся тысячами граней сторона оказалась сверху, и загляделся на синее, живое мерцание, идущее из глубины кристалла.

— Лилигрен, Младший Брат… — произнес он.

Ромбар не поверил ушам — так умиленно-нежен был голос этого черствого, бездушного человека — и выдал свое изумление нечаянным резким движением, привлекшим внимание мага.

— Я должен поблагодарить вас, Магистр, — голос Равенора восстановил обычное звучание. — Видеть этот камень — редкое удовольствие. Подумать только, такое чудо валялось, будто какая-нибудь винная фляжка, в мешке у человека, не способного отличить камень Трех Братьев от рядового амулета! Действительно, судьба сама хранит свои сокровища.

— Я тоже должен поблагодарить вас, Равенор, — сказал Ромбар, преодолевая острое желание поучить мага хорошим манерам. — Я ходил за Синим камнем в Бетлинк и думал, что вернулся ни с чем. Без вас я не обнаружил бы его.

— Вы взяли жезл в Бетлинке?

— Да. Мне показалось странным, что обычный амулет хранится в потайном шкафу.

— Я и прежде обращал внимание, что у вас есть другие достоинства, хоть вы и не сильны в магии, — снисходительно заметил Равенор. — Что вы намеревались делать с жезлом?

— Отдать Альмарену. Парень остался без своего жезла

Феникса.

— Он несет с собой остальные два камня, — вспомнил маг. — Когда мы встретимся, все три камня соберутся вместе, впервые со времен Трех Братьев. Великое событие для любого мага, я рад, что буду в нем участвовать.

— Это великое событие не наступит, если Каморра встретится с Альмареном раньше нас, — напомнил ему Ромбар.

— Была бы здесь дочка Норрена, она могла бы спросить свою игрушку, и тогда бы мы точно знали, куда вести войско, — проворчал в ответ Равенор. — Этому Норрену совершенно безразлична судьба уникальных амулетов.

— Зато ему небезразлична судьба единственной дочери, — возразил Ромбар. — Я разговаривал с Риссарном, он сегодня же попробует силы в ясновидении и расскажет мне о результатах.

— Он должен прийти сюда? — догадался маг. — Я, пожалуй, дождусь его.

Ромбар не стал возражать, хотя и подумал, что знаменитому магу следовало бы поинтересоваться согласием хозяина палатки.

— Вы можете положить камень обратно в жезл? — предложил он Равенору.

Маг тщательно завернул камень в тряпицу, уложил в углубление жезла, прикрыл крышкой и замкнул ее с помощью распространенного заклинания для магических ларцов. Повертев жезл в руках и удостоверившись, что тот внешне ничем не отличается от других, он протянул амулет Ромбару.

— Нам еще предстоит отыскивать Белый алтарь, — сказал ему Ромбар, укладывая жезл в мешок. — Карта тех мест слишком неточна, чтобы полагаться на нее.

— Пустяки, — пренебрежительно отмахнулся маг. — Я взял с собой камею Василиска, ту самую, помните?

Энергетическая нить камеи указывает прямо на Белый алтарь.

Ромбар мысленно похвалил себя за сдержанность. Теперь он был готов простить Равенору его несносный нрав. В этот момент маг настороженно взглянул на дверь, откуда послышался шорох, а затем — скребущие звуки, заменявшие в палатках стук.

— Риссарн, ты? — спросил Ромбар.

— Я, ваша светлость.

— Входи.

Молодой человек откинул полог и вошел в палатку.

— Присаживайся, — сказал ему Ромбар, отодвигаясь подальше. — Чем ты порадуешь нас? Есть новости?

— Да, — ответил Риссарн, усаживаясь у входа. — Сегодняшний вечер был удачным.

— Рассказывай.

Риссарн покосился на знаменитого мага и, чуть помедлив, заговорил.

— Я видел Альмарена, — начал он рассказ. — С ним еще четверо. Одного я встречал и раньше, он приезжал к нам на алтарь за бетлинкским войском.

— Тревинер, — догадался Ромбар. — Он должен был встретить Альмарена.

— Другие двое похожи на жителей Лоана. Я не уверен в этом, потому что никогда не видел лоанцев, а представляю их только по описанию. Один крупный, кудрявый, другой поменьше, выглядит подростком.

— Это те двое, которые приходили ко мне, — сообщил Равенор. — Далеко забрались.

— Там еще женщина, из высших магов…

— Чепуха! — возмутился Равенор. — Женщина, и из высших магов — с чего ты взял?!

— Я это чувствую. Глядя на человека, я могу определить уровень и качество его способностей в магии. Собственно, с этого я и начал заниматься ясновидением. Кстати, ваша светлость, вы сильный маг, но не из высших. Придет время — и старость накроет вас, как обычного келадского жителя.

— Об этом нетрудно догадаться, я уже старюсь, — пробурчал Равенор. — Ладно, там посмотрим. Продолжай.

Ромбар молча злорадствовал. Прямота высказывания юноши не уступала прямоте знаменитого мага, который, по-видимому, впервые столкнулся с подобным обращением.

— Они под землей, идут по длинной пещере, — продолжил Риссарн. Мне не удалось проследить, куда они идут — там слишком темно.

— А Каморра? — нетерпеливо спросил Ромбар.

— Он в той же пещере, а с ним два десятка уттаков. Жуткое зрелище… — на лице Риссарна промелькнуло брезгливое выражение. — Их и Альмарена разделяет не более, чем четверть суток пути.

— Они догонят его?

— Не знаю. Шар не показывает ни прошлого, ни будущего — только настоящее. Не похоже, чтобы враги скоро догнали Альмарена, они едва передвигают ноги. Разве если произойдет что-то непредвиденное…

Риссарн замолчал.

— Это все? — спросил его Ромбар.

— Про Альмарена — пока все, — ответил юноша. — Но я наблюдал и другие события. В Босхане день прошел спокойно,

стычек не было. А вот в Келанге… я очень удивился и проверял несколько раз — там сегодня праздник освобождения от власти Каморры. В Келанге сейчас Вальборн с войском, и он признан законным правителем города.

Я видел его в шаре как раз в тот момент, когда он отдавал приказы ночной страже дворца.

— Великолепно! — рассмеялся от радости Ромбар. — Это лучшая новость из тех, которые я слышал за последние полгода. Вальборн, вместо того чтобы быть битым в Оккаде, сам разгромил войско Госсара, а затем занял город! Он превзошел все мои ожидания. Теперь я начинаю верить, что победа будет наша.

Она непременно будет наша, — откликнулся Равенор, — но только в том случае, если мы одолеем магию Каморры. До завтра, Магистр!

Увидев и услышав все, что хотел, знаменитый маг выбрался из палатки. Риссарн попрощался и вылез вслед за ним. Завязывая дверные веревки, Ромбар уловил обрывок, фразы мага, обращавшегося к юноше.

— …так для каких свойств шара ты выполняешь начальную связку заклинаниями?

На четвертый день пути отряд Ромбара перевалил через северный хребет Ционского нагорья. К северу от хребта, сколько мог видеть глаз, простирались обширные леса с редкими проплешинами полян. Лесные массивы покрывали пространство от подножия скал до берега Иммы, извилистой линией прорезавшей северные земли, и тянулись дальше, за реку, скрываясь за горизонтом. Проводник остановил отряд сразу же за перевалом и подъехал к Ромбару.

— Вот северный край нагорья, а там — Иммарунские леса, — сказал он, указывая вниз по склону. — От меня потребуется еще что-нибудь?

— Тебе приходилось бывать в Иммарунских лесах? — спросил его Ромбар.

— Давно не случалось. Был помоложе, так захаживал, а теперь опасно стало. Дурные места, уттак на уттаке, особенно здесь… — проводник опять кивнул вниз. — Неудивительно, что вы идете сюда отрядом.

— Здесь, поблизости, есть людское поселение?

— Мне рассказывали, что в этих местах есть не то, чтобы поселок, а так — три дома, не больше. И народ там живет дурной, хуже уттаков. Наверное, поэтому уттаки их и не трогают.

— Как их найти, ты не знаешь?

— Говорили, дома стоят там, где излучина Иммы подходит к скалам, — проводник прикрылся рукой от солнца и вгляделся

вдаль. — Вон та, наверное… или та?

Ромбар понял, что без помощи Равенора здесь не обойтись. Он огляделся, отыскивая знаменитого мага, и нашел его там, где привык видеть за последние два дня — рядом с Риссарном, рассказывавшим о чем-то юноше. С первой стоянки оба мага ехали бок о бок везде, где позволяла тропа, и были неразлучными на привалах. Поначалу Ромбар удивлялся этой странной дружбе, так как успел заметить, молодой человек не из тех, кто угождает знати, но позже догадался, что, может быть, Равенору и был нужен именно такой собеседник — молчаливый, вдумчивый, с независимым суждением.

Когда он подъехал к Равенору, тот не повернул головы, увлекшись рассуждениями о теории магии. Ромбар подождал немного в надежде, что маг, наконец, заметит его присутствие, затем вмешался в разговор.

— Ваша теория чрезвычайно интересна, — перебил он Равенора, воспользовавшись короткой паузой. — Не могли бы вы применить ее на практике?

Маг недовольно глянул на Ромбара.

— Как применить? — спросил он.

— Определить направление на Белый алтарь.

— Когда?

— Прямо сейчас.

— Вон там. — Равенор махнул рукой на северо-восток и отвернулся к своему собеседнику.

— Этого недостаточно, — остановил его Ромбар. — Нам нужна точка, где расположен алтарь. Она должна быть видна отсюда, сверху. Укажите ее.

Равенор выехал на край обрыва и сосредоточенно уставился на расстилавшуюся внизу местность.

— Видите реку? — он повел рукой по воздуху, повторяя изгибы русла. — Вторая излучина, а к ней спускается каменный мыс? Середина мыса — и есть та самая точка, Магистр.

Не дожидаясь ни благодарностей, ни просто ответа, он вернулся на прежнее место. Ромбар подъехал к проводнику и указал точку, названную Равенором.

— Там нет жилья, — с уверенностью сказал проводник. — Неудобное место — неровное и вода далеко.

— Наверное, постройки стоят внизу, у воды, — предположил Ромбар. — Там виднеется что-то вроде поляны.

— Может быть, — согласился проводник.

Уточнив местонахождение Белого алтаря, Ромбар дал команду продолжать путь. Отряд спустился вслед за проводником со скал Ционского нагорья и углубился в лес, по-осеннему

прозрачный, пахнущий лежалой листвой и грибами. Путь вдоль подножия скал был непригоден для лошадей, чьи копыта то скользили по прикрытым листвой валунам, то проваливались в густой зеленый мох между камнями, поэтому Торанга повел отряд напрямик через лес, поодаль от каменного обрыва, по влажным низинам, по прогалинам, заросшим полуосыпавшимся малинником. Когда впереди, между верхушками деревьев, замаячил просвет, он придержал коня, дожидаясь отставших.

— Мы у цели, — сообщил он подъехавшему Ромбару. — Та линия, где лес переходит в кустарник — это излучина Иммы, а просвет между деревьями — поляна, которую вы указывали сверху. Если там кто-то живет, отряду не подойти ближе незамеченным.

— Ты поедешь со мной на разведку, — решил Ромбар. — Остальные подождут здесь.

Они оставили отряд и с осторожностью, скрываясь за деревьями, подобрались к опушке леса. Открытый участок на берегу реки оказался не поляной, а большой вырубкой, где находилось селение, упомянутое проводником. На берегу реки, на возвышении, живописно разместился двухэтажный бревенчатый особнячок, украшенный деревянной головой василиска, чуть поодаль виднелись два низких и длинных строения, напоминавших конюшни или дешевые босханские гостиницы. Выше по склону располагались сарай и хозяйственные постройки, а за ними — вырубленное, но не расчищенное пространство, торчащее желтоватыми кругами пней и грудами ветвей, оставшимися от очистки бревен.

Особнячок, казалось, пустовал, зато на площадке между другими двумя строениями собралось несколько человек неопрятной наружности и, судя по возгласам, играли в фишку. На берегу, на мостике, с которого брали воду, еще один человек наполнял ведра. Поблизости, на густой прибрежной траве, паслось несколько лошадей. Понаблюдав за поселением, Ромбар пришел к выводу, что там живет не более двух десятков человек. Уттаков в поселении не было — видимо, Каморра был уверен в полной безопасности места и не оставил здесь войск для защиты.

Закончив разведку, Ромбар вернулся к отряду. Там он сообщил об увиденном, а затем разделил воинов на группы, по одной на каждый дом, и дал приказ атаковать. Конники галопом, пролетели через лес и выскочили на вырубку, истребляя захваченных врасплох обитателей. Ромбар остановил коня посреди поселения, следя за ходом атаки, пока остальные окружали жилье и, спешившись, врывались внутрь. После недолгого отсутствия воины один за другим появились в дверях

атакованных помещений. По их неторопливым движениям было понятно, что схватка закончена. Ромбар приказал осмотреть всю территорию алтарного поселка, а сам спешился у крыльца жилища Каморры, где столкнулся с выходящим оттуда Равенором.

— Азартное дело — сражение! Не так ли, Магистр? — взгляд мага сверкал боевым огнем. — Бели бы я не был магом, я, пожалуй, стал бы воином.

— Это не сражение, а так — игрушки… — ответил Ромбар. — Бились бы вы под Босханом, тогда сказали бы, что сражение — дело тяжелое, опасное и неприятное. Что вы нашли в доме?

— Жилье Каморры. Нижний этаж — для слуг, на верхнем — комнаты, столовая, кабинет. В кабинете я нашел заготовки амулетов, записи, запас белого эфилема изумительного качества. Записи я взял себе.

— Хорошо бы, если бы в них нашлись указания на то, как уничтожить магию Василиска, — высказал пожелание Ромбар. — Нам предстоит жить здесь до окончания войны, так что выбирайте любую комнату, но одну, не больше.

Расставшись с магом, он обошел особняк изнутри, побывал в комнатах и кладовых. В одном из чуланов отыскался сундук с книгами по магии, вероятно, принадлежащими Каморре. Ромбар распорядился отнести сундук Равенору и вышел на крыльцо, где собрались воины, посланные осматривать захваченное.

— Пленные есть? — спросил он.

— Нет, — ответил один из воинов. — Чего вы хотите, ваша светлость — парни не забыли босханскую потасовку, а у кого еще и раны не зажили… Человека два-три, может быть, и убежали в лес — и все.

— Выставьте охрану. Если попадутся на глаза — ловите и ведите ко мне. Что вы отыскали по хозяйству?

— Конюшню мест на двадцать. Поймали здешних лошадей — пять или шесть, кажется, — начал перечислять воин. — Кухню под навесом, а рядом — дрова и амбар с припасами.

— Какие припасы? — заинтересовался Ромбар. — И много?

— Выбор небольшой — мука, соль и вино — зато всего вдоволь. На зиму, видать, запаслись.

— Хорошо. А жилые помещения?

— В тех двух домах разместится человек сорок-пятьдесят. Но грязь там — невозможная.

— Вычищайте и размещайтесь, — приказал Ромбар. — Отряд останется здесь.

XLI

Последний день пути, как и обещал Тревинер, предстояло пройти натощак. Несколько обломков лепешки, поделенные на пятерых, составили более чем скудный завтрак. Несмотря на это, путники бодро вышли в дорогу — надежды на скорое завершение изнурительного путешествия под землей расшевелили даже тяжелого на ногу Шемму. Тревинер повел своих друзей разведанным накануне путем — по дну озера, а затем по туннелю, где на полу еще виднелись подсохшие отпечатки грязных уттакских ног. Дойдя до развилки, охотник свернул в коридор, в пыли которого, наверное, триста лет, как не оставалось человеческих следов.

Все шли молча, тишину отгонял только топот ног да шумное дыхание табунщика. Огромные расплывчатые тени на стенах качались и вздрагивали в такт шагам Тревинера, освещавшего путь светлячком Феникса. Охотник шел первым, за ним в привычном порядке следовали Витри, Шемма и оба мага. Альмарен, как всегда, замыкал цепочку. Сегодня он не чувствовал ни голода, ни усталости, ни липнущей к телу одежды, которая за ночь не стала суше. Истекший день, где жизнь со смертью шли рука об руку, словно закадычные подруги, притягивал его мысли, создавая ощущение отстраненности, нереальности настоящего.

В памяти Альмарена плыли неправдоподобно четкие картины вчерашних событий — камни, перекатывающиеся в настигающем потоке, колодец вентиляционной шахты с барахтающимся, тонущим зверьем, подводное звездное небо из эфилемовых осколков и провал сознания, вызванный удушьем. И последнее, пронзительное воспоминание, в котором запах дыма и смолы, идущий от плаща Тревинера, смешивался с запахом ее волос… События чередовались в ускоряющемся ритме, вызывая напряженное, болезненное восхищение, способное, казалось, разорвать сердце, и вдруг разом исчезли, сменившись абсолютным покоем.

Оглушенный внезапной тишиной, Альмарен, словно просыпаясь, огляделся вокруг. Все, на чем останавливался его взгляд, казалось, спешило рассказать о себе — о силах, заключенных внутри и создающих видимое, о росте и распаде, о стойкости и хрупкости, о незримой, упорной борьбе за сохранение обретенной индивидуальности.

«Сила жизни… — подумал он. — Теперь я знаю, как велика она, сила жизни — старшая сила, способная преодолеть силу воды, силу огня. Даже здесь, под землей, нет ничего неживого.

Она и в камне, и в плесени, покрывающей камень, и в белоглазых тварях цвета плесени. И сам я — частица жизни, дитя жизни, отец жизни… А ты, моя дорогая искорка, как ты прекрасна… Как было бы темно без тебя здесь, в пещерах Фаура!»

Альмарен чувствовал, что у него открылось второе зрение, позволявшее видеть глубинную суть мировых проявлений, и одновременно осознавал необратимость случившегося. Он шел и вслушивался в безмолвное бормотание окружающего мира, а тот без жалобы, равно как и без гордости, повествовал о скудной подземной жизни, отвоевавшей у небытия пространство из тьмы и камня, об ее стойкой самодостаточности, а сам расступался перед светом эфилемового амулета, нехотя пропуская через себя чужаков.

— «Я никогда уже не стану прежним, — сказал себе Альмарен, затрудняясь определить вызванное этим признанием ощущение — страх или восторг. — Мне никогда уже не ослепнуть. Хочу я или не хочу — теперь я буду видеть все именно так».

Однако внезапное прозрение не лишило Альмарена юношеской жизнерадостности, поэтому его мысли нет-нет, да и сбивались совсем на другое, и он улыбался, представляя, что скажет, или нет — подумает его отец, когда он приведет с собой коротковолосую черную жрицу в мальчишеской одежде. И вновь его внимание возвращалось к реальности, в которой он отчетливо видел присутствие и взаимодействие трех сил, известных магам. Альмарен сознавал, что получил ключ к власти над силами магии, но как использовать этот ключ, он пока не знал.

Коридор, по которому шли путники, привел к дорожному залу, построенному, как принято у монтарвов. — округлые своды, овальный стол, окруженный кольцом скамейки, спальная площадка и источник у противоположной стены. Тревинер вышел в центр зала и остановился.

— Предлагаю всем напиться и набрать фляги, — посоветовал он.

— Не припомню, чтобы в пути нам не хватало воды, — пробурчал Шемма, которому не хотелось тащить лишнюю тяжесть. — Да и идем мы в Фаур, а он затоплен.

— Ну, если тебе больше нравится пить из болота… — пожал плечами Тревинер. — Это последний источник с чистой водой, отмеченный на карте. Карта кончается здесь, в этом зале.

— Покажи! — заинтересовался Альмарен. — Неужели мы пришли?

— Смотри, — Тревинер указал ему на хвостатый кружок на карте, отмечавший зал и родник. От кружка отходила прямая

линия и упиралась в край листа. — Этот коридор, нужно полагать, ведет прямо в Фаур.

— А уттаки где?

— Они вот здесь, пониже. — Тревинер повел пальцем от развилки и задержался на путанице ходов вокруг другого кружка. — Они еще набегаются в этих коридорах, пока не выберутся на верный путь. Однако скоро и мы окажемся в таком же положении, ведь карты Фаура у нас нет.

— Как же мы отыщем выход? — встревожился молчавший до сих пор Витри.

— Когда мы с Шеммой ходили по Луру, я кое-что понял в устройстве подземного города, — ответил ему охотник. — Думаю, что и Фаур построен сходным образом.

— Пантур говорил мне, что Фаур гораздо больше Лура, — подал голос Шемма.

— Не беда. Наверняка и в нем соблюдается любимая монтарвами симметрия.

— Это верно для внутреннего устройства подземного города, — заметила Лила. — А ходы наверх, скорее всего, располагаются случайно. Их положение должно зависеть от местности наверху, которой монтарвы не распоряжаются.

— Правильно, — подтвердил охотник. — Я и собираюсь проверять все несимметричные ходы верхнего яруса Фаура. Если даже мы и наткнемся на пару-тройку вентиляционных шахт, отыщется, наконец, и выход.

— Хорошо бы дойти до Белого шара, а оттуда начать поиски выхода, — сказала ему Лила. — Тогда мы сможем вернуться к шару, как только это потребуется.

— Согласен, — ответил Тревинер. — Но должен сразу сообщить — искатель магических шаров из меня не получится.

— Я чувствую Белый шар отсюда, он вон там, — Лила указала вверх в направлении Фаура. — Давай, я буду показывать тебе направление, а ты выбирай путь.

— Попробуем, — охотник зорко глянул в глубь открывающегося перед ним коридора. — Выбор пока невелик — сюда.

Туннель, выше и просторнее предыдущих, от пола до потолка был покрыт резным орнаментом, местами едва заметным под густым слоем плесени, пышно растущей в спертом от влаги воздухе. И все же, вопреки царившей здесь разрухе, в отделке и пропорциях подземного проспекта ощущалось присутствие неуловимого качества, отличающего гениальное творение от заурядного. Ритм полуколонн, смыкавшихся на потолке арками, и резьбы в проемах между ними, напоминавшей разводы инея на

осенней траве, навевал величественное, почти торжественное настроение, словно приветствуя входящих в Фаур путников.

Тревинер остановился на первой развилке, где туннель пересекался другим, таким же просторным и украшенным каменными узорами. Вдоль стен поперечного туннеля, как и в Луре, тянулись желоба со светящимися растениями, но голубовато-сияющие ряды были неровными — где с чернеющими разрывами, а где разросшиеся далеко за пределы своих вместилищ и языками голубого пламени сползающие на пол. Туннель плавно изгибался, образуя часть гигантской окружности, поэтому охотнику, расчистившему часть надписи на стене, не понадобилось продолжать свое занятие.

— Седьмой кольцевой, — объявил он. — Добро пожаловать в Фаур!

— Как здесь светло! — восторженно отозвался Витри.

— Да, немало здесь монтарвской травки, — охотник убрал в карман светлячок Феникса… — По крайней мере, без света мы в Фауре не останемся.

— Стены не давят здесь, — Альмарен вытянул руку над головой и подпрыгнул, пытаясь достать потолок ладонью. — И дышится как-то легче.

— Это тебе показалось, — не согласился с ним охотник. — Сыро, как в бане. Мой лук давно съела бы плесень, если бы он не был луком Феникса.

— Да, у нас на них накладывают заклинания от сырости, — подтвердил Альмарен. — Как по-твоему, в какую сторону нам идти?

— Прямо, конечно. Радиальные туннели ведут к центру, а шар где-то в том же направлений. Ведь так? — Тревинер обернулся к магине.

— Да. Он чуть выше и левее центра, — ответила ему Лила.

Альмарен направил внимание туда, куда указывала она, и обнаружил вдали источник излучения, сходного с тем, которое чувствовалось у Оранжевого шара. Но, кроме сил огня и жизни, здесь присутствовала и третья — сила холода, вносившая завораживающую гармонию в идущий от источника луч.

«Как он мощен — Белый алтарь, — подумал Альмарен, умевший определять качество носителей магии по составу излучения. — Как славно было бы поработать на нем… здесь есть любая энергия — бери, сколько нужно, создавай любые заклинания, какие только можно представить!»

Пока он размышлял о нелепости случая, предоставившего этот замечательный источник магии для совершения зла, Тревинер выбрал путь по радиальному туннелю, который также

освещался растениями в боковых желобах. Охотник пошел прямо, не отвлекаясь, на встречаемые по пути кольцевые туннели и мелкие боковые ответвления.

Наконец туннель привел путников к обширному пространству, состоявшему из многоярусного переплетения лестниц, колонн и мостов — центральной части Фаура. Огромные цельнокаменные столбы, обвитые спиральными лестницами, придавали прочность всей конструкции центра, казалось, повисшей в воздухе, с колонн скалились морды грифонов и василисков, рисунок балконных перил повторял переплетения подземных растений, за триста лет заполонивших каждый уступ и каждую щелочку, пригодную для опоры.

Путники остановились, привыкая к яркому свету, даваемому изобилием одичавших светящихся растений. Тревинер подошел к перилам и оглядел открывшийся вид.

— Красиво-то как! — поделился с ним вставший рядом Витри.

— Мы сейчас на уровне средних ярусов города, — ответил Тревинер, которого волновали не столько красоты Фаура, сколько поиски дальнейшего пути. — Смотри, а ведь там озеро!

Он указал вниз, на ровную поверхность, покрытую светящимся ковром.

— Это пол. — Витри перегнулся через перила, заглядывая вниз. — Он весь покрыт растениями.

— Нет, они растут на поверхности воды. — Тревинер отыскал обломок гранита, размахнулся и швырнул его подальше. Камень упал в заросли с булькающим, звуком, голубовато-зеленая светящаяся масса всколыхнулась и успокоилась.

— Осторожнее, Тревинер, — подошла к нему Лила. — Сотрясение может вызвать обвал, как там, в туннеле.

— Здесь твердая порода, я с трудом нашел камешек, чтобы бросить в воду, — ответил охотник. — Зато теперь видно, что вниз лучше не спускаться. В обход идти далеко, поэтому нужно искать прямой путь на ту сторону центра.

Тревинер постоял у перил, прослеживая взглядом сплетение лестниц, затем сделал приглашающий знак остальным и пошел вдоль балкона налево. Там он свернул на ближайший висячий мостик.

— А ну, как рухнет?! — забеспокоился Шемма, вступая на мостик.

— Радуйся, что ты мало ел, приятель! Теперь тебя и соломинка выдержит, — ответил ему охотник. Однако он тут же обратился к остальным. — А вы, на всякий случай, не толпитесь, переходите по одному.

Путники, растянувшись в цепочку, пошли за Тревинером сквозь путаницу мостов, арок и лестниц, сквозь островки светящихся зарослей, покрытых прозрачно-розовыми непахнущими цветами. Охотник то быстрым шагом преодолевал лестничные и мостовые пролеты, то останавливался на площадках и разветвлениях, выбирая путь. Наконец Тревинер вывел своих друзей на верхний ярус противоположного края центра, откуда начинались радиальные туннели. Там он попросил Лилу указать направление на Белый алтарь, затем отыскал подходящий туннель и углубился внутрь.

Расстояние до Белого шара постепенно сокращалось.

Теперь Альмарен, не напрягаясь, мог чувствовать излучение, идущее от источника магии. Тревинер на каждой развилке спрашивал направление на шар и, в зависимости от ответа, выбирал кольцевой или радиальный туннель. Когда он остановился на очередном разветвлении, Лила указала точно по ходу радиального туннеля.

— Белый шар совсем рядом, — добавила она. — Видимо, этот туннель ведет прямо к нему.

— Тогда — вперед! — скомандовал Тревинер.

— Подожди, — остановила его Лила. — Мы не можем приблизиться к Белому шару, имея с собой камни Трех Братьев.

— Это еще почему?

— Сила Белого алтаря возрастет в десятки раз, а вместе с ней и сила амулетов Каморры.

— Значит, камни нужно оставить где-нибудь здесь, — догадался охотник.

— Мне не хочется расставаться с ними, — сказала магиня. — Нужно прикрыть их от контакта с алтарем. Для этого нужно создать вокруг них защитную оболочку.

— Это сложно? — начал допытываться Тревинер, не меньше Шеммы соскучившийся по бегающей наверху зайчатине. — И долго?

— Спроси об этом попозже, — Лила оглянулась на Альмарена. — Камни у тебя? Давай их сюда.

— Вот они. — Альмарен достал из-за пазухи завёрнутый в тряпицу шар величиной с крупное яблоко. — Я торопился утром, поэтому не расцепил их. — Он не стал распространяться о том, как утром чуть не забыл камни в расщелине и вынул их оттуда в последний момент, когда все уже уходили.

— Так даже лучше, — Лила развернула тряпицу и взяла в ладони оранжевое яблоко с вырезанной долькой. — Хорошо, что Белый алтарь так близко, это поможет мне.

Магиня молча смотрела на камни, которые хоть и не

тускнели, но, казалось, теряли излучение под ее взглядом, приподнимаясь над ладонями. Если она и произносила какие-то заклинания, то делала это мысленно, даже не шевеля губами.

— Все, — перевела она дух. — Теперь камни защищены. Возьми их, Альмарен.

Маг принял у нее оранжевое яблоко и обнаружил, что не может прикоснуться к его поверхности, отделенной от рук невидимой, упругой оболочкой. Он попробовал вложить пальцы в пустующую дольку, но невидимая преграда не пропустила его руку глубже поверхности воображаемого шара.

— Эта оболочка такая же, какие создавал Каморра, — сказала Лила, наблюдая за его стараниями. — Она имеет форму шара, ей безразлично, что защищать — камни или пустоту.

— Но энергетические нити камней свободно проходят через нее! — воскликнул Альмарен, проверив излучение амулетов.

— Конечно, проходят. Обрыв энергетических нитей приведет к непоправимой порче камней, — ответила Лила. — Каморра тоже оставлял нити нетронутыми, поэтому амулеты Оранжевого алтаря не теряли силы. Судя по тому, что мы знаем о действии камней Трех Братьев, достаточно, чтобы их излучение не соприкасалось с излучением Белого шара.

Альмарен уложил амулеты на прежнее место — в нагрудный карман куртки. Оранжевое яблоко, ставшее в новой кожуре теплым и упругим, вздрагивало от каждого движения, будто за пазухой покоилось что-то живое.

— Все готово? — нетерпеливо спросил Тревинер. — Идем!.

Путники углубились в туннель и вскоре увидели впереди белое свечение. Туннель привел их в круглый зал с высоким куполом, схожим с опрокинутой чашей. Посреди зала, в центре кольцеобразного пруда, сиял Белый шар.

Воздух в зале, как и на всем верхнем ярусе Фаура, был суше, чем в глубинных помещениях подземного города. Здесь не было ни плесени, ни следов водяной эрозии — один лишь толстый слой пыли на полу свидетельствовал о заброшенности места. Кроме радиального, в зал вели, два боковых туннеля. Арки, окаймлявшие их отверстия, располагались на концах воображаемой линии, проходящей через Белый шар и разделявшей надвое пространство зала. Округлые барельефы в форме полуколонн тянулись по стене между радиальным и боковыми туннелями, чередуясь с нишами, в которых стояли граненые каменные сосуды с полусгнившими, слабо мерцающими стеблями растений.

За шаром располагалось изваяние гигантского грифона, казалось, улегшегося отдохнуть, погреться у белого подземного

солнца. Полуприкрытые глаза зверя, его тяжелые лапы, мягко сложенные крылья излучали покой и умиротворенность. На стене позади грифона виднелись три картины, на каждой из которых была изображена человеческая фигура. Бьющий в глаза белый свет едва позволял рассмотреть и каменного зверя, и фигуры на картинах.

Тревинер, быстрее других осваивавшийся в новых местах, пошел вдоль окружности зала, осматривая нишу за нишей, пока не остановился перед одной из картин.

— Смотрите-ка! — воскликнул он. — Я думал, они увековечили на картинах своих владычиц, а здесь изображены люди, не монтарвы!

— Люди?! — остальные подошли на возглас, чтобы разглядеть картину, удивившую охотника.

Цветная мозаика изображала молодого человека в старомодной одежде келадского жителя среднего достатка. Его рыжие, не подчиняющиеся ни гребню, ни силе тяжести волосы густым ореолом окружали голову, в глазах искрилось проказливое выражение, умело схваченное монтарвским художником.

— Это Оригрен, — неожиданна сказал Витри. — Я узнал его.

— Как ты мог узнать его, дружище? — выразил недоумение охотник. — Ты же никогда не встречался с ним.

— Это он, — повторил Витри, не зная, как объяснить свою убежденность.

— Это Оригрен, он напоминает того, в видении у Оранжевого шара, — повторила вслед за лоанцем Лила, рассматривая портрет. — Лицо молодое, а глаза — без возраста. Конечно, это высший маг. Пантур говорил, что гробницы Трех Братьев расположены где-то в Фауре.

— Монтарвы сжигают своих мертвых, — напомнил ей Альмарен.

— Видимо, он имел в виду памятные изображения Трех Братьев. Разместить их у Белого шара — это так естественно…

— А вон и другие двое, — Тревинер указал на картины. — Вон тот, светловолосый — Гелигрен, а дальше — Лилигрен.

— Да, это они, — согласилась Лила. — Однако, на этих картинах есть в их облике что-то монтарвское.

— Стойте! — внезапно скомандовал Тревинер, заставив остальных замереть на месте. — Не подходите к следующей картине. Я вижу там следы на полу.

— Следы чего? — переспросил Шемма.

— Ног, конечно, чего же еще! — с жалостью посмотрел на него охотник. — Здесь кто-то побывал до нас.

Вдоль стены тянулась едва заметная тропинка, оставленная в пыли чьими-то башмаками. Следы вели от ниши к нише, от картины к картине. Перед каждой картиной виднелись вытоптанные участки, позволявшие догадаться, что посетитель останавливался здесь, рассматривая изображения.

Тревинер отыскал след получше и поставил около него отпечаток своей ноги, затем присел, чтобы сравнить оба отпечатка.

— Край следа осыпался и потерял четкость, — сообщил он свои наблюдения. — Это старые следы, они появились здесь несколько месяцев назад. Такую подошву делают в Келанге, следовательно, пришелец или, по крайней мере, его башмаки оттуда. Судя по размеру обуви и ширине шага, он невысок и с тонкой костью.

— Такой, как Каморра? — подсказала Лила.

— Я видел его только издали, когда защищал Бетлинк. На силача он не потянет, это точно. — Тревинер подошел к картине с изображением Гелигрена. — Интересно… — он нагнулся, присматриваясь к полу. — Видите, перед картиной недавно стоял какой-то ящик или сундучок. Здесь остался отпечаток по форме его дна, почти без пыли. Очень возможно, что этот человек унес ящик.

— Там было что-то важное! — высказал догадку Альмарен.

— Сокровища, наверное, — добавил Шемма.

— Откуда там сокровища? — толкнул его Витри. — Там наверняка лежало что-то, связанное с магией.

— Теперь этим владеет человек, который побывал здесь, — как бы сама себе, сказала Лила. — Тревинер, можем мы по его следам отыскать выход из Фаура?

— Хорошая мысль, — одобрил охотник.

Следы ушли под левую арку и запетляли по разветвлениям подземных переходов. Видимо, человек, побывавший у Белого шара, пришел к нему не самым коротким путем. Центральные коридоры сменились окраинными, без травяного освещения, где вновь понадобились светлячки Феникса. Наконец путники прошли по длинному неуютному туннелю, в конце которого обнаружился выход наверх, неплотно заваленный камнями и ветвями деревьев. В щели между камнями пробивался свет.

— А вот и выход! — оглянулся на остальных Тревинер.

— Но он завален, — подошел к нему Витри.

— Конечно, тот, кто прошел этим путем, позаботился, чтобы здесь не разгуливали другие, — сказал охотник. — Давайте-ка, друзья, расчистим эту дыру.

Он достал из мешка топор и стал рубить ветви,

удерживавшие каменную насыпь. Остальные начали растаскивать камни и обломки ветвей. Вскоре в верхней части насыпи образовалось отверстие, достаточное, чтобы выбраться наружу.

Тревинер пролез в отверстие и, оказавшись на воле, зажмурился от яркого дневною света. Выждав немного, он огляделся и — увидел, что туннель выходит в укромную расщелину, расположенную на северном склоне Ционского нагорья. Судя по короткой тени, отбрасываемой скалами, солнце стояло высоко, хотя и не заглядывало в расщелину. Внизу виднелся необъятный лесной массив, сквозь который пролегало русло речки, текущей вдоль нагорья на восток. Охотник осмотрел дно расщелины, узкое и неудобное, но пригодное для спуска.

— Вылезайте, здесь безопасно, — позвал он остальных.

Путники один за другим выкарабкались из отверстия и остановились рядом с охотником.

— Деревья-то — пожелтели! — ахнул Шемма. — Сколько ж мы пробыли под землей?

— Дней десять, — отозвался Тревинер. — Здесь, на севере, осень приходит раньше, чем у вас в Лоане.

— И ночи, наверное, холоднее?

— Холоднее, приятель. Сегодня же и убедишься. А сейчас, пока светло, хорошо бы и о зайчатине побеспокоиться.

Предупредив своих спутников, чтобы двигались тише, охотник первым спустился по расщелине. У подножия скал он снял с плеча лук, наложил на тетиву стрелу, чтобы не упустить подвернувшуюся дичь, и повел остальных через лес к реке. На пути им не встретилось никакой живности, поэтому Тревинер, сославшись на то, что осенний лес слишком прозрачен, чтобы охотиться в большой компании, оставил друзей у реки и ушел искать добычу в одиночку.

— Надо бы развести костер и просушить одежду, — предложил Альмарен.

— Котлы, котлы надо на огонь поставить! — догадался Шемма и первым пошел за дровами.

Когда Тревинер вернулся с добытым зайцем, котлы давно кипели, а одежда, развешанная на рогатках, наполовину просохла. Охотник сам освежевал и разделал тушку, запустил куски в воду, а затем расшвырял носком башмака дрова, чтобы убавить огонь.

— Стой! — страдающим голосом вскричал Шемма. — Так дольше будет вариться, неужто не соображаешь?!

— Сам не соображаешь, — отмахнулся от него Тревинер. — Если похлебка закипит ключом, весь смак выплеснется через край и уйдет в огонь. Понял?!

Впечатленный Жутким сообщением Тревинера, Шемма угрюмо уселся на чурбачок и до окончания варки не спускал с котелка глаз, чтобы в случае чего грудью стать на пути уходящего смака. Но тот, благодаря предосторожности охотника, вел себя смирно, и, наконец, покрытая жиром похлебка была снята с костра и разлита по мискам.

— Хлебца бы сюда… — пожелал табунщик между двумя большими глотками.

— Да на тебя не угодишь, приятель! — Тревинер даже забыл про еду. — То тебе горяченького, то хлебца! Интересно, чего тебе захочется, если я изловчусь подстрелить в лесу пару буханок?!

— Уж и помечтать нельзя… — буркнул в ложку Шемма. — Нет, такая жизнь не для меня, да и я — не для нее. Мое место — в Лоане, и все тут.

Все промолчали, хотя чувствовалось, что каждый согласен с высказыванием мечтателя. В памяти Витри всплыло последнее утро в селе — два ряда небольших аккуратных домиков, толпа сельчан на дороге и они с Шеммой верхом на конях, отправляющиеся в неведомую даль. Вспомнилась и причина отъезда, и Витри порадовался, что магия Синего алтаря восстановлена — ведь так сказал Альмарен, а такому магу можно доверять. Он скосил взгляд на Альмарена и подумал, что очень скоро наступит время возвращаться домой, в Лоан, но эта мысль принесла с собой не радость, а ощущение потери чего-то важного.

Обед закончился, но никто не спешил собираться в путь — так хорошо было сидеть на поляне под осенним солнцем и слушать журчание воды в Имме.

— Что будем делать дальше, маги? — наконец нарушил молчание Тревинер. — На Белый алтарь мы пришли, зайца съели. Надо бы поспешить разделаться с магией Каморры, пока он нас не догнал.

— Для Этого нужно вернуться к Белому шару, — сказал Альмарен и обернулся к магине, сидевшей поблизости, на прибрежном уступе. — Лила, ты окончательно решила, каким должно быть заклинание?

— Да, — ответила она, — но, помнишь, для него важно равновесие всех трех сил, а у нас нет Синего камня.

— Я заменю Синий камень, — взглянул на нее Альмарен. — Я привлеку на алтарь силу холода и буду удерживать ее, пока ты создаешь заклинание.

— Это смертельно опасно! — встревожилась магиня: — Только маг, равный по силе Лилигрену, может выполнить такое.

Альмарен не знал, как объяснить ей, что Он уже не тот, каким был сутки назад. Зато он — был уверен, что теперь, когда

внутреннее зрение позволяло ему видеть природу и взаимоотношения магических сил, концентрация одной из них на алтаре не будет для него опасной задачей.

— Я сделаю это. — Альмарен ответил ей буднично, словно речь шла о мытье котлов после обеда, и увидел, как тревога исчезла с ее лица.

«Она узнала, что я способен это сделать, — догадался Альмарен. — Не поверила, а узнала, но как?»

Взгляд магини казался внимательным и в то же время сосредоточенно-отрешенным, уходящим в неведомую даль. Альмарен вдруг понял, что и она видит мир не только глазами, но и тем особым внутренним зрением, которое он сам едва, успел почувствовать в себе. Где, когда, как пришло к ней это зрение, наверное, не следовало спрашивать, потому что он и по себе мог оценить, как трудно отвечать на такие вопросы. Лила улыбнулась ему, как давнему другу, и так же буднично, словно, принимая его согласие помыть котлы, сказала:

— Что ж, попробуем, — и поднялась на ноги, выражая готовность возвращаться в пещеры Фаура.

Путники вскинули мешки на плечи и пошли назад к расщелине, но не успели сделать и нескольких шагов, как громкий, приближающийся треск сучьев заставил их остановиться.

— Быстро, все под берег, прячьтесь! — скомандовал друзьям Тревинер, но было уже поздно. Из леса выехал конный отряд, пробиравшийся вдоль берега, и направился прямо к ним.

— Влипли, — пробормотал сквозь зубы охотник, стаскивая с плеча лук.

— Не стреляй, — вполголоса сказала Лила; — На них форма войск Цитиона.

— В этих краях? — иронически спросил Тревинер.

Командующий отрядом, рослый, белокурый молодой человек, сделал знак рукой, приказывая воинам остановиться, а сам поехал к путникам. Лила ухватилась за локоть Тревинера, чтобы удержать его руку, готовую наложить стрелу на лук.

— Мы не враги, — сказал воин, заметив и намерение охотника, и движение удерживавшей его женщины. Переведя взгляд на Альмарена, он воскликнул. — Ты не узнаешь меня, Аль?!

— Риссарн, ты?! — вспыхнул радостью Альмарен и сделал движение, чтобы броситься навстречу другу, но тут же остановился. — Что ты здесь делаешь?

— Ну и недоверчив ты стал, однако! — Риссарн соскочил с коня и подошел к Альмарену. — Если бы мы хотели захватить вас

в плен, мы не Стали бы с этим тянуть.

— Но как ты здесь оказался?

— Это длинная история. — Риссарн во все глаза рассматривал друга, которого не видел почта четыре года. — Скажу пока главное — я приехал сюда в отряде, который послан правителем Цитиона, чтобы захватить Белый алтарь. И позаботиться о твоей безопасности, между прочим.

— О моей безопасности? Откуда Норрену известно, что я иду на Белый алтарь?

— Ладно, расскажу подробнее, — улыбнулся Риссарн. — Начну с того, что я привез в Босхан письмо от нашего магистра и остался в войсках Норрена. Неделю назад, как раз в тот день, когда мы дали сражение уттакам, подошедшим к Босхану, к правителю явился Равенор — ты еще не забыл его?

— Как же, помню, — . подтвердил Альмарен.

— Он сообщил правителю, что у тебя есть два камня Трех Братьев — Красный и Желтый, что ты идешь с ними на Белый алтарь, а за тобой гонится Каморра с отрядом уттаков. Затем он потребовал послать войско, чтобы защитить камни, а заодно и тебя.

— Мило, — заметил Альмарен. — Как он все это узнал?

— Потом расскажу. Короче, с Равенором была послана конница, которая прошла напрямик через Ционское нагорье и захватила Белый алтарь. Это произошло вчера, а сегодня его светлость выслал два отряда по десять человек для патрулирования окрестностей… Так вот, мы здесь выслеживаем тех, кому вчера удалось от нас уйти, а также разыскиваем вас и Каморру, который тоже где-то поблизости. Его светлость, чтобы не случилось недоразумения, назначил меня в отряд, потому что ты знаешь меня в лицо. Его ты тоже знаешь, поэтому он возглавил второй отряд, который патрулирует западнее Белого алтаря.

— Его светлость — это Равенор? — уточнил Альмарен.

— Нет, Равенор сейчас сидит в комнате Каморры и листает его книги по магии. Его светлость. — военачальник и близкий родственник Норрена, командующий цитионской конницей. Ты знал его как магистра ордена Грифона.

— Магистр здесь?! — восхитился Альмарен.

— Да. Он будет рад встретиться с тобой, — взгляд Риссарна, наконец, оторвался от лица друга и поочередно обошел его спутников. — Мы проводим вас в поселок при алтаре — там сейчас самое безопасное место.

— И поесть дадут? — встрепенулся Шемма.

— Конечно, — обнадежил его Риссарн. — И поесть дадут, и жилье найдется.

Альмарен обернулся к своим спутникам.

— Ну как, пойдем мы с ним в поселок?

— Твой друг прав, там сейчас безопаснее, чем в пещерах Фаура, где остался Каморра с уттаками, — высказалась Лила.

Тревинер вместо ответа убрал стрелу и повесил лук на плечо. Риссарн вскочил на коня и поехал первым, указывая дорогу, остальные воины последовали за путниками. Вскоре впереди показалась вырубка, а на ней поселок — бывшее пристанище Каморры.

Войско, оставшееся на Белом алтаре, обживало новое место. Баня топилась, за кухней на вырубке горел большой костер, куда сносили мусор со всего поселка. Но, видимо, разгребание грязи на вражеской территории не считалось мирным делом, потому что воины были при мечах, а лошади, пасшиеся у берега, под седлами.

— Таков приказ его светлости, — ответил Риссарн на вопрос охотника. — Это на случай, если в окрестностях бродят уттаки.

— Так бы и нас, чего доброго, прикончили, если бы мы подошли поближе, — мрачно сказал Шемма.

— О вас объявлено, — успокоил его Риссарн.

Действительно, встречавшиеся по пути воины не удивлялись их появлению в поселке. Риссарн привел путников к двухэтажному особнячку на берегу реки и предложил подождать, а сам спешился и вошел внутрь. Вскоре он вернулся с невысоким и щуплым, уже немолодым человеком, в котором Альмарен узнал Равенора.

— А, это наконец-то вы, — сказал ему Равенор, опуская приветствие. — Вижу, при вас и камни Трех Братьев, значит, все в порядке. Входите.

Путники вошли в дом вслед за знаменитым магом. Риссарн, оставшись на крыльце, ободряюще кивнул другу.

— Мы должны вернуться в лес, — объяснил он. — До вечера!

— Пока, — Альмарен вместе со всеми поднялся по лестнице на второй этаж. Короткий коридор закончился небольшим залом, половину которого занимал длинный обеденный стол со скамьями по обе стороны и жесткими креслами у торцов.

— Комнат в доме меньше, чем людей, — Равенор начал без предисловий, как человек, привыкший, что любое его слово бывает услышано. — Мужчин поселят по двое, женщину отдельно. Когда устроитесь, сообщите моему слуге и ждите меня здесь.

Он отыскал взглядом появившегося неизвестна откуда слугу и негромким, почти беззвучным голосом отдал приказы о еде и бане для новых жильцов, после чего, словно забыв об их

существовании, прошел мимо и скрылся за ближайшей дверью.

— Куда это он? — оторопел Шемма, выражая общее впечатление.

— Его светлость очень занят, — веско сказал слуга. — Идите со мной.

Указав им комнаты, слуга отправился выполнять остальные распоряжения хозяина, и, нужно заметить, выполнил с большим проворством. Короткий осенний день едва пошел на убыль, а путники уже вновь собрались в зале для встречи с Равенором и — сели на скамье у стола, перекидываясь замечаниями в ожидании, знаменитого мага.

— Долго нам здесь жить? — первым делом поинтересовался табунщик.

— Тебе же сказали — до конца войны! — напомнил ему Витри.

— А когда она закончится? — не успокаивался Шемма.

— Завтра мы попробуем уничтожить магию ордена Василиска, — ответила ему Лила. — После того, как заклинание сработает, остальное будет зависеть не от нас.

— А если не сработает?

Магиня молча пожала плечами.

— Такого не случится, — Ответил за нее Альмарен.

— Но вдруг? — продолжал допытываться табунщик.

— Без веры в свои силы невозможно быть магом, — объяснил ему Альмарен. — Мы решили прийти сюда, и мы пришли сюда — значит, оно должно сработать.

— Ловко же у вас получается… — озадаченно протянул Шемма. — По-вашему выводит, что захотеть сделать и сделать — одно и то же?

— Стремления притягивают события. Это один из основных законов магии. Поэтому, когда нужно выполнить заклинание, у нас, магов, нет никаких «если».

— Приятно слышать, — блеснул зубами Тревинер. — Теперь мне вдвойне интересно, как дела в босханской армии.

— Узнаем у Равенора. — Альмарен облокотился на стол и взглянул на дверь. Охотник проследил его взгляд и ворчливо сказал.

— Еще не известно, соблаговолит ли он повидаться с нами. Нужно ему, гордецу такому, помнить о нас, бродягах!

— Он слишком убежден в своем превосходстве, чтобы быть гордым, — заметила Лила. — Впрочем, каким бы он ни был, это он привел войско нам на помощь.

Магиня оборвала фразу на полуслове, потому что в зал вошел тот, о ком они говорили. Равенор с неторопливой уверенностью

уселся в деревянное кресло у торца стола и остановил взгляд на Альмарене. Остальных он проигнорировал, видимо, считая их приложением к Альмарену в той же степени, как и его самого — к камням Трех Братьев. Но разговор он начал, как ни странно, не с расспросов и требований, а с короткого и точного изложения причин своего отъезда из Цитиона. Упоминание о маленькой принцессе отозвалось в Альмарене эхом симпатии, мгновенно вспыхнувшим и исчезнувшим под впечатлениями от дальнейших слов мага, рассказывавшего о босханских событиях, обнаружении Синего камня в жезле, об успехах Риссарна в ясновидении.

— Я сообщил вам все, заслуживающее внимания, — голос Равенора звучал отчуждающе-вежливо, и казалось неясным, обращался он ко всем или к одному Альмарену. — Где находился Красный камень, я знаю от Магистра. Интересно, где вы отыскали Желтый?

Альмарен, в свою очередь, рассказал знаменитому магу о пути на Керн и встрече с Тревинером, о лурских событиях и подземном путешествии. Узнав о Белом шаре и изображениях Трех Братьев, Равенор так и загорелся воодушевлением.

— Я завтра же побываю там, — категорически заявил он. — Вы отведете меня к Белому шару.

— Мы будем к вашим услугам после того, как магия амулетов ордена Василиска будет разрушена, — ответила ему Лила. — Для этого нам потребуются все три камня Трех Братьев.

— Одно другому не помешает. — Равенор уставился на женщину, которую Риссарн причислял к высшим магам. — Мы возьмем камни и спустимся под землю. Разве не достойно будет выполнить такое дело перед лицами Трех Братьев? Как мне известно, это их единственные изображения, сохранившиеся на Келаде. Подземные люди оказались благодарнее наземных…

Их разговор был прерван стуком копыт, донесшимся с улицы. Равенор выглянул в распахнутое окно, но сгустившиеся сумерки мешали рассмотреть приехавших.

— Кажется, это отряд Магистра, — наконец сообщил он. — Я чувствую там Синий камень. Магистр никогда не расстается с ним.

— Магистр приехал! — Альмарен первым подбежал к окошку, выглядывая мелькающих в темноте всадников, и увидел высокую фигуру Магистра, спешивающегося у крыльца. — Он идет сюда!

Все едва успели отойти от окон, как входная дверь резко распахнулась. Магистр ордена Грифона сделал несколько шагов по залу и остановился, отыскав взглядом маленькую женщину. Альмарен, стоявший рядом с ней, почувствовал, как она вздрогнула и покачнулась от этого взгляда. Он поддержал Лилу

за локоть, но в следующий миг она уже бежала навстречу вошедшему, в его сомкнувшиеся за ее спиной руки. Она прижалась щекой к его груди, ее ресницы взмахнули и опустились, словно крылья бабочки, присевшей на скалу.

Наступила мгновенная, пугающая тишина. Затем, будто вспомнив про неотложные дела, все поспешили прочь из зала. Один Альмарен стоял, не имея сил отвести глаза от обнявшейся пары.

— Думается мне, они давно знакомы, — раздался над его ухом голос Тревинера. Жесткие пальцы охотника ухватили его за руку повыше локтя и потащили к выходу. — Пойдем отсюда, парень, мы здесь лишние.

XLII

Звуки ударов по крышке кухонного котла разнеслись на рассвете по Белому алтарю и возвестили завтрак. Обитатели алтаря потянулись к кухне, рассаживаясь за длинным столом, вкопанным в землю. Здесь же появился и слуга Равенора, длиннолицый и чопорный, выглядевший представительнее многих господ. Нагрузив поднос тарелками и кружками, он проследовал в комнату хозяина с привычной важностью, как если бы подавал завтрак в цитионском дворце. Шемма, усевшийся за стол первым, с тайным трепетом проводил его взглядом.

— Смотри-ка ты, Витри! — подтолкнул он односельчанина и мотнул головой сначала на Ромбара, сидевшего вместе со всеми, а затем на слугу. — И господа, оказывается, бывают разные. Тот-то, который — маг, еще важнее этого! А ведь этот, говорят, родственник самому Норрену… — Шемма сделал большие глаза и наклонился к уху Витри. — Вот будет шуму-то в селе, когда мы расскажем, что нам помогал самый важный господин на Келаде! Мельник, точно тебе говорю, не откажет…

Шемма запнулся от избытка чувств и пощупал ожерелье за пазухой.

— И твоя вертихвостка по-другому запоет, — победоносно сообщил он товарищу. — Вот увидишь!

— Кто? — переспросил Витри. — Ах, да… не знаю.

— Да что тут знать-то, все ясно. Чует мое сердце, еще немного — и вернемся мы домой. Эх и заживем тогда — первыми людьми на селе будем!

Шемма на радостях выскреб миску и пошел за добавкой. Витри остался сидеть за столом, дожидаясь успокоения неуемного аппетита табунщика и машинально отмечая, как один за другим расходятся воины, как Лила и Ромбар о чем-то разговаривают с охотником. Тревинер заметил взгляд лоанца и подошел к нему.

— Мы собираемся в Фаур, к Белому шару, — сказал он. — Ты как. — идешь или остаешься?

— Конечно, иду! — обрадовался Витри. — А Альмарен?

— И он пойдет.

— А я не пойду, — сказал Шемма, вернувшийся к столу с полной миской. — Надоели мне все эти путешествия.

— Отдыхай. — Тревинер кивком увлек за собой Витри. — Набирай тело.

Шемма, промычав что-то одобрительное, углубился в миску. Он последним вылез из-за стола и едва не столкнулся с идущим

навстречу Альмареном.

«Смотреть надо! — мысленно возмутился табунщик. — Так и с ног свалить недолго».

Вслух он ничего не сказал, разумно решив не связываться с этими магами, и отправился прямиком к себе на койку, отдохнуть после сытной еды.

Альмарен прошел мимо табунщика на кухню. Дежурный воин со словами, что некоторые приходят завтракать, когда обед не за горами, поскреб по дну котла и наполнил миску. Заставив себя проглотить еду, Альмарен пошел обратно в комнату, где его дожидался охотник, поклявшийся, что с места не сойдет, пока его товарищ не поест. До крыльца оставалось немного, когда он замедлил шаг, а затем и вовсе остановился, потому что на улицу вышел Ромбар и направился к нему.

— Где ты пропадаешь, Альмарен? — спросил его Ромбар. — Я ищу тебя.

— Я был на кухне.

— Вот мы и увиделись, парень. — Ромбар, улыбаясь, подошел вплотную к Альмарену и сделал движение, будто намеревался положить руки ему на плечи, но в последний момент передумал. — Как ты повзрослел!

Альмарен не сделал попытки улыбнуться в ответ, оценив всю ее безнадежность. Он молча смотрел на старшего друга, которого еще не видел таким молодым и счастливым.

— Ты неважно выглядишь, — в голосе Ромбара прозвучало искреннее сочувствие. — Понимаю, это путешествие нелегко далось тебе.

— Нелегко, — подтвердил Альмарен.

— Ничего, все обойдется, самое трудное уже позади, — утешающе сказал Ромбар. — Зато теперь ты можешь гордиться собой. Судьба поставила тебя перед тяжелейшим испытанием, и ты с честью вышел из него, не так ли?

— Пока — не знаю.

— Преимущество за нами, парень. — Ромбар перестал улыбаться, на его лицо вернулось суровое, сосредоточенное выражение человека, облеченного властью. — Все три камня Трех Братьев здесь. Лила говорит, что это обеспечит успех заклинания. Если Госсар лишится власти над уттаками, Норрен разобьет их в считанные дни. Я знаю возможности босханской армии.

Альмарен кивнул в ответ, показывая, что внимательна слушает.

— Мы готовы идти в Фаур, ждем одного тебя. — Ромбар сделал приглашающий жест, предлагая войти в дом. — Вчера мы так и не повидались, не до этого было…

Сознание Альмарена переключилось на собственные переживания. Он поднимался по лестнице, когда обрывок фразы «…два десятка уттаков» вернул его внимание к словам Ромбара, который, как оказалось, рассказывал о вчерашнем патрулировании.

— …Мы наткнулись на них там, где излучина реки отворачивает от скал. Должен сказать, это совсем недалеко. Они доедали человеческие останки, наверное, одного из тех, кто убежал от нас при захвате поселения. Когда мы очистили от них стоянку и обыскали ее, там был найден разбитый в крошки белый диск.

— Я не ожидал, что они способны не подчиняться этому амулету, — проявил интерес Альмарен.

— Наверное, у Каморры собрались такие горе-маги, которые не умеют даже выругаться по-уттакски, — предположил Ромбар. — Это происшествие задержало нас, поэтому мы не успели вернуться засветло. Я думал, что все уттаки под Босханом, но, по-видимому, в лесах еще немало этой дряни.

Они вошли в зал, где уже собрались четверо. Равенор разговаривал с Риссарном, Лила и Витри сидели молча, занятые каждый своими мыслями.

— А где Тревинер? — спросил Ромбар, оглядев собравшихся.

— Я схожу за ним. — Альмарен пошел в свою комнату звать охотника.

Прямой путь до расщелины, где брал начало ход, ведущий в Фаур, оказался на удивление коротким. Это признал даже Равенор, долго не соглашавшийся идти пешком, несмотря на все усилия охотника объяснить ему, что незачем выдавать расположение хода тому, кого придется взять для присмотра за лошадьми. Лишь когда Ромбар довольно резко заявил, что не видит ничего зазорного в пешем способе передвижения, а тех, кто думает иначе, просит не утруждать себя прогулкой, знаменитый маг с недовольным видом согласился на предлагаемые условия.

Спустившись в подземный ход, Тревинер предупредил остальных, чтоб никто не отставал от группы, и пошел по вчерашним следам, добросовестно повторяя все зигзаги и повороты пути, проделанного сутки назад. Наконец следы привели в короткий туннель, залитый ослепительно-белым светом, и дальше, в зал с картинами, изображающими Трех Братьев, с каменным грифоном, отдыхающим перед картинами, в зал, посреди которого, ни на что не опираясь, висел Белый шар.

Те, кто уже побывал у шара, все-таки, войдя в зал, невольно остановились, чтобы полюбоваться совершенным творением монтарвского искусства. Риссарн в восхищении замер на месте,

более практичный Ромбар, мимоходом оглядев стройные ряды полуколонн, формирующих нижнюю часть купола, обратил внимание на грифона, гладкая спина которого, по-видимому, служила подставкой при нанесении заклинаний на амулеты. Равенор, чуть помедлив, пересек зал и благоговейно остановился перед изображениями Трех Братьев. Когда, наглядевшись, знаменитый маг обернулся к остальным, его лицо светилось умиротворенным счастьем, словно от исполнения заветнейшего желания. Впрочем, в следующее мгновение на лице мага восстановилось обычное, замкнуто-сухое выражение.

— Я чувствую здесь избыток силы холода, — объявил Равенор. — Синий камень не прикрыт защитной оболочкой, Магистр? — обратился он к Ромбару.

— Не прикрыт, — ответил Ромбар, вытаскивая жезл Аспида. — Сейчас это уже неважно. Амулеты Белого алтаря получат небывалую силу, но ненадолго.

Равенор взял у него жезл и, отомкнув крышку, извлек Синий камень.

— Давайте сюда остальные два камня, Альмарен, — потребовал он.

Альмарен осторожно достал оранжевое яблоко с вырезанной долькой, все еще заключенное в невидимую оболочку, и на сложенных ладонях протянул знаменитому магу. Тот прицелился поместить Синий камень на пустующее место.

— Подождите, нужно убрать защиту, — остановил его Альмарен и сосредоточенно уставился в ладони. Мгновение спустя оранжевый огонек в его руках засветился ярче, поверхность шара соприкоснулась с руками мага. — Вот теперь — кладите.

Равенор вложил Синий камень в выемку на шаре, лежащем на ладонях Альмарена. Кристалл с легким хлопком встал на место и слился с братьями. Шар, образованный тремя камнями, засиял ослепительно-белым светом, таким же, как и его огромный двойник, висевший в центре зала, узор его граней ожил и заискрился, складываясь в безмолвную световую мелодию. Мощный поток магической силы хлынул из Белого шара, захлестывая, сбивая дыхание у стоящих в зале магов. Даже Витри и Тревинера, нечувствительных к магическим энергиям, забил озноб.

Альмарен почувствовал жжение в ладонях и огляделся, отыскивая место, куда можно положить шар. Охотник, с самого утра исподтишка наблюдавший за своим приятелем, догадался о его намерении и, свернув плащ в подушку, поместил ее между передними лапами грифона и прихлопнул сверху рукой, чтобы

получилась ямка.

— Клади сюда, — окликнул он Альмарена.

Альмарен освободился от шара и подошел к Лиле.

— Все готово, — сказал он, тщетно пытаясь перебороть растущее ощущение собственной ненужности. Теперь, когда Синий камень был здесь, магине не требовался помощник.

Лила ответила ему неожиданно теплым, сочувствующим взглядом и вышла к шару, готовясь начать заклинание.

— Лила! — властный голос Ромбара заставил вздрогнуть окружающих. — Разве заклинание выполнишь ты?!

— Конечно, — обернулась к нему Лила.

— Я не допущу этого, — тон Ромбара, действительно, не допускал никаких возражений. — Я знаком с магией, и знаю, чем это может для тебя кончиться. Здесь достаточно сильных магов — мужчин. Я полагаю, они не будут отсиживаться за спиной слабой женщины, предоставив ей рисковать жизнью?

На слове «слабой» прежние спутники, как по команде, взглянули на магиню, гадая, чем она ответит на подобное, до смешного не подходящее к ней определение. Но та промолчала, видимо, признавая право Ромбара распоряжаться ее жизнью.

— Так что?! — продолжил Ромбар, оглядывая магов. — Риссарн? Альмарен? Вы, Равенор?

— Это не простая магия, Ромбар, — подошла к нему Лила. — Никто не справится с ней лучше, чем я. Зачем кому-то рисковать собой понапрасну?

Уговоры маленькой женщины не переубедили Ромбара, но заставили задуматься.

— Помнится мне, Риссарн, ты утверждал, что можешь определять магические способности каждого, — обратился он к юноше. — Скажи, кто здесь способен разрушить магию ордена Василиска?.

— Альмарен, — ответил Риссарн. — Только он, если не считать… — он взглянул на магиню.

— Не считать, — проследил его взгляд Ромбар.

Альмарен слышал их разговор, но пропустил смысл сказанного, потому что был занят вопросом, смог ли бы он вот так, как Ромбар, сказать ей «нет», даже если бы дело касалось ее жизни? И послушалась ли бы она, проявила ли бы такую необычную кротость, если бы все-таки…

Словно просыпаясь, он поднял взгляд на стоявшего перед ним Ромбара.

— …никого, кроме тебя, — говорил тот. — Ты готов выполнить это заклинание?

Альмарен восстановил в памяти содержание разговора.

— Да, Магистр.

Он повернулся к Белому шару и глубоко вздохнул, расслабляя грудь, чтобы освободить путь силе. Альмарен смотрел в центр сияющего круга и чувствовал, как повседневные мелочи и заботы, прошлое и будущее, радость вчерашнего дня и боль сегодняшнего отлетают прочь, осыпаются, как ненужная шелуха, оставляя одно — он маг, и есть дело, которое нужно совершить. Когда в его сознании не осталось ничего, кроме Белого шара, он открылся навстречу бьющему оттуда потоку энергии. Сила семи алтарей вошла в него, закипела в груди, заклокотала в горле, ослепительным сиянием запылала в мозгу' Чувствуя, как его тело исчезает, превращаясь в сгусток энергии, он протянул вперед лучи силы, недавно бывшие руками, и соединился с шаром.

Внутренним зрением он увидел энергетическую сеть, являющуюся скелетом шара, а затем — сердцевину шара, ощутил поток силы, идущий оттуда подобно жару огромной, раскаленной добела топки. Цветные нити остальных алтарей подходили к шару извне и углублялись в сердцевину. Как и предсказывал Равенор, здесь была и желтая нить, связывающая Белый алтарь с Желтым, который еще предстояло отыскать. Энергия алтарей текла по нитям, словно по каналам, и вливалась в шар, преобразуясь в излучение.

Альмарен отыскал тонкие белые нити, прицепленные к внутренней сети и ведущие прочь от шара. Догадавшись, что это и есть энергетические нити амулетов, он создал мысленный приказ и вложил в него всю силу, заставляя их вернуться в алтарь. Заклинание истощило мага, он потерял связь с шаром, но, срываясь во тьму, успел заметить, как исчезли, втянулись в шар нити амулетов Белого алтаря.

Альмарен покачнулся, но устоял на ногах. Значит, у него еще были ноги, руки и все прочее. Мыслей не было, внутри царила бесконечная, всепоглощающая пустота. Он бесцельно повел взглядом по смутно различимому полу, по плывущим стенам, механически отмечая, что все, попадающееся на глаза, выглядит темным и тесным. Одна из неясных фигур, стоящих поблизости, зашевелилась, приблизилась к нему. Альмарен вглядывался в нее, с усилием возвращаясь ко внешнему зрению, пока четкость видения не улучшилась настолько, чтобы стало возможным узнать Равенора.

— Полный успех, Альмарен! — знаменитый маг протягивал ему камею Василиска. — Смотри, это больше не амулет, это обычный кусок эфилема!

— Я знаю, — охрипшим голосом ответил Альмарен. Голос, как и зрение, пока еще плохо слушался его.

— Скажи, как ты сделал это? — взволнованно спросил Равенор. — Как подчинить себе такую силу?

— Обыкновенно, — слова приходили к Альмарену ниоткуда, минуя мысли. — Нужно одновременно и владеть собой, и отдавать себя.

— Это же азы магии! — с досадой сказал Равенор. — Ничего нового!.

— Конечно, ничего, — согласился с ним Альмарен. — Все дело в количестве. Когда берешь все, то и отдавать нужно — все. Иначе равновесие нарушается, ну и тогда…

— Смерть, — закончил за него Равенор. — И ты — не боялся смерти?

— Я не думал о ней, — хрипота понемногу исчезала из голоса Альмарена. — Когда отдаешь все, то бояться — уже нечем.

Альмарен почувствовал, что его зрение восстановилось, и взглянул вдаль, поверх головы Равенора, чтобы удостовериться в этом. Там была стена с изображениями Трех Братьев. Он всмотрелся в их лица, с необыкновенной ясностью ощущая спокойную силу Гелигрена, кипучую жизнерадостность Оригрена, всевидящую чуткость Лилигрена, а они, казалось, тоже, тепло и внимательно, по-братски, смотрели на него.

Вечером Риссарн уединился у себя в комнате, чтобы понаблюдать события, происходящие в Босхане, а наутро рассказал Ромбару, что вражеский лагерь под Босханом охвачен резней — племена уттаков, забыв о войне с людьми, восстали друг на друга.

— Все случилось, как мы и ожидали, — сообщил после завтрака Ромбар, собрав остальных в зале. — Межплеменные распри сделали врага небоеспособным. Я уверен, что до нашей победы остались считанные дни, поэтому нам нужно позаботиться о будущем — о мирном будущем. Нам нельзя бросать на произвол судьбы такой мощный источник магии, как Белый алтарь. Его необходимо защищать и как можно скорее обживать, чтобы впредь он не оказался орудием в руках желающих дорваться до власти. Места здесь небезопасные, поэтому войско останется в поселении и сегодня же приступит к постройке защитной стены. Вам, магам… — Ромбар в упор глянул на Равенора, — …я предлагаю создать новый орден — здесь, на Белом алтаре. Когда исход войны будет решен, я уеду в Келангу и там договорюсь о присылке провизии, строителей, гарнизонных войск, а также магов, которые пожелают стать членами нового ордена. А вы, Равенор, подумайте о том, кто будет магистром — обряд посвящения должен состояться до моего отъезда.

Все разошлись, оживленно обсуждая новость. Витри, Шемма

и Тревинер остановились на крыльце.

— Скоро домой! — сиял табунщик. — Жалко, что пешком, без лошадок. Помнишь, Витри, какие у нас были кони?! Твой-то был, сдается мне, точь-в-точь как у Риссарна. А мой-то, мой… — и он мечтательно вздохнул.

— Будут вам лошадки, — успокоил его Тревинер. — Я узнавал, здесь есть трофейные. И мне тоже, пока не отыщу свою Чедну.

— Разве ее найдешь? — изумился Шемма. — Кто знает, где она теперь бродит!

— Я знаю. Она никуда не уйдет с того места, где я ее оставил. Так уж приучена.

— Куда тебе две лошади, Тревинер? — сообразил табунщик. — А мне бы пригодились…

— Подожди! — рассмеялся охотник. — Мы еще не в Келанге.

Хотя Тревинер не сказал ничего определенного, интонация его слов обнадежила Шемму. Табунщик, довольный, пошел на кухню проведать, не осталось ли чего от завтрака.

— А ты, Витри? — Тревинер взглянул на оставшегося с ним лоанца. — Что ты намерен делать дальше?

— Не знаю, — выдохнул Витри. — Тоже, наверное, домой поеду. Послушай, Тревинер, неужели все кончилось?

— Пожалуй, да, — подтвердил охотник. — И главное, хорошо кончилось. Скоро и я буду дома. Пока мы бегали по лесам да по горам, я понял, что у меня есть дом. Это Бетлинк.

Дни, наполненные всеобщим радостным ожиданием, полетели быстро и незаметно. Шемма ел за пятерых, каждые два-три дня расставляя застежку ремня еще на одну дырку, пока не вернул свою внушительную комплекцию. С этого дня он, видимо, вспомнил об умеренности и стал есть только за троих. Витри и Тревинер держались вместе, то практикуясь в стрельбе из лука, то помогая воинам строить стену вокруг поселения. Альмарен, как и Равенор, пристрастился жить замкнуто, почти не появляясь на людях. Он целые дни проводил у себя в комнате за чтением магических книг, найденных у Каморры, и даже военные новости предпочитал узнавать у охотника, делившего с ним комнату. Ромбар и Риссарн, каждый с несколькими воинами, патрулировали окрестности и заодно составляли точную карту близлежащих, малоизученных мест, а вечерами, склоняясь над общей картой севера Келады, вносили туда изменения. Они не обнаружили ни уттаков, ни Каморры, и в конце концов пришли к выводу, что те два десятка дикарей, встретившиеся Ромбару, и были уттаками из пещер Фаура, непостижимым образом решившимися съесть своего вождя.

Риссарн перед сном заглядывал в свой хрустальный шар, а по утрам приходил в зал и рассказывал собравшимся о том, как босханская армия гонит уттаков по восточному берегу Циона, по лесам вдоль Ционского нагорья, мимо опустевшего Оранжевого алтаря. В то утро, когда он сообщил, что воины Норрена заняли Бетлинк, Ромбар объявил о скором отъезде и предложил магам остаться с ним в зале.

— Я больше не могу откладывать назначение магистра нового ордена, — сказал он напрямик, когда все, кроме магов, вышли из зала. — Я имею в виду вас, Равенор. Как бы вы не относились к моим магическим способностям, я — магистр ордена Грифона, и только я здесь обладаю властью произнести слова посвящения. — Ромбар напомнил древнее правило магов, до сих пор только трижды примененное на Келаде и гласившее, что посвящение в магистры нового ордена имеет силу лишь в том случае, если обряд выполнит магистр одного из существующих орденов.

— Разве я изъявил согласие стать магистром нового ордена? — сухо поинтересовался Равенор.

— У нас с вами нет выбора, — нахмурился Ромбар. — Это необходимость, и вы ее понимаете не хуже, чем я. Я узнал вас как человека, сознающего свою ответственность за судьбу всей Келады, ответственность сильного, и потому не сомневаюсь в вашем согласии, как бы оно ни было неприятно вам лично.

— Спасибо, Магистр, — на лице знаменитого мага мелькнуло кривое подобие улыбки. — Я слишком привык к одиночеству, чтобы стать тем главой, который нужен новому ордену. Здесь есть маг, более подходящий для этого.

— Кто он?

— Альмарен.

— Альмарен?! — удивился Ромбар. — Он слишком молод.

— Вы так думаете? — глянул на него Равенор. — А я так не думаю. Он заметно прибавил в магии с тех пор, как мы виделись в Цитионе.

Ромбар замолчал, взвешивая слова знаменитого мага.

— А ты что скажешь? — обратился он, наконец, к Риссарну. — Ты ведь давно знаешь своего друга.

— Прежде мне казалось, что я взрослее Альмарена, — медленно ответил Риссарн. — Но здесь я встретил его сильно переменившимся. У меня нет причин не согласиться с его светлостью.

— Лила, если и ты так считаешь…

— Мне кажется, будет правильным, если орден Белого алтаря возглавит маг такого уровня, — тихо ответила магиня. —

Конечно, если он согласится остаться здесь, в глуши…

— Где он?! — вскинулся Ромбар.

— У себя, наверное, за книгами Трех Братьев, — ответил Равенор. — Должен заметить, мне нравится, что он не тратит времени на пустяки.

— Зовите его сюда.

Риссарн вышел и вскоре вернулся с Альмареном. Тот подошел к столу, у которого сидели маги, и остановился напротив Ромбара.

— Вы хотели видеть меня, Магистр?

— Да, — отметив новое выражение лица Альмарена, спокойное и неулыбчивое, Ромбар подумал, что его молодой друг, действительно, очень повзрослел за последние два месяца. — Белому алтарю нужен орден магов. А ордену — магистр.

Альмарен молча глядел на Ромбара, ожидая продолжения.

— Мы оказались единодушны в том, что ты справишься с обязанностями магистра лучше любого другого из присутствующих здесь магов, — вновь заговорил Ромбар, тщательно подбирая слова: — Поэтому я предлагаю тебе стать магистром ордена Белого алтаря.

— Вы уверены, что сделали лучший выбор, Магистр? — в вопросе Альмарена слышался скрытый отказ.

— Магия Белого алтаря могущественна, и она должна служить добрым целям, — сказал в ответ Ромбар. — Мы верим, что ты — тот человек, который сумеет найти ей правильное применение.

— Мне кажется, я не заслуживаю такой чести. — Альмарен натолкнулся на прямой, настойчивый взгляд Ромбара, но не отвел глаз.

— Это не честь, — жестко сказал Ромбар. — Это — труд, и нелегкий труд. Это — обязанность, и нелегкая обязанность. Вот что я тебе предлагаю, а вовсе не честь. Так что ты ответишь на мое предложение?

— Я согласен.

— Рад, что мы поняли друг друга. — Ромбар откинулся на спинку деревянного кресла. — Что же ты стоишь, присаживайся! У нас найдется, что обсудить.

Альмарен сел за стол, положил перед собой сцепленные в пальцах руки. Остальные задвигались, словно принимая его в круг.

— Камни Трех Братьев пока у тебя? — полуутвердительно спросил Ромбар. — Пусть они остаются на Белом алтаре. Подыщи им укромное место, чтобы были в безопасности.

Альмарен наклонил голову в знак согласия.

— Теперь о моей коннице… — продолжил Ромбар. — Несколько человек отправятся со мной, прочие останутся здесь до тех пор, пока из Келанги не придет гарнизонное войско. Я передам их под твое начало сразу же после обряда посвящения.

Альмарен вновь наклонил голову, показывая, что принимает решение Ромбара.

— Не увлекайся одной магией, обращай внимание на борьбу с уттаками. Гарнизонное войско должно патрулировать окрестности и по мере необходимости очищать их от дикарей, как в Бетлинке. — Ромбар дождался очередного кивка Альмарена и продолжил. — С уставом и амулетами можно не торопиться, но символ ордена должен быть известен до начала посвящения, потому что его название используется в обряде. Каким будет символ твоего ордена, первый магистр?

Альмарен на мгновение растерялся, вопрос застал его врасплох.

— Символ ордена? — переспросил он.

— Да, — подтвердил Ромбар и, видя, что молодой маг не отвечает, добавил с усмешкой. — Каморра, например, использовал василиска.

— Мало нам ордена Аспида… — саркастически заметил Равенор. — Не хватает еще, чтобы главный алтарь острова имел своим символом уттакскую Вонючку!

— Вонючка — это невозможно! — поддержала его Лила. — Но есть же и приличные звери. Давайте вспомним… дорфирон, например.

— Он слишком уродлив, — возразил Риссарн. — Не будет смотреться на амулетах. Лучше уж пантера.

— Мелковата, — не согласился Равенор. — Шныряет по чащам, никто ее не видит. То ли дело — сеханский кондор!

Ромбар не ввязывался в обсуждение, а только наблюдал, как трое магов спорят о символе ордена.

— А ты, Альмарен, почему молчишь? — обратился он к магу, заметив, что тот не предложил ни одного названия. — Последнее слово за тобой, выбирай!

— Мне кажется, что нет зверя, который соответствует символу ордена Белого алтаря, — объяснил Альмарен.

— Это — традиция, — напомнил ему Ромбар.

— Меняются обстоятельства, меняются и традиции, — медленно произнес маг. — Пусть новый орден будет орденом Солнца.

Все головы повернулись к Альмарену. Наконец Равенор нарушил наступившее молчание.

— Что я говорил, Магистр! — голос знаменитого мага звучал торжествующе. — Хороший выбор!

— Что ж, не будем откладывать обряд, раз символ ордена выбран, — сказал Ромбар, вставая из-за стола. — После сборов встречаемся на крыльце. Риссарн, отыщи охотника, пусть он проводит нас к Белому шару.

Вернувшись в комнату, Альмарен подошел к небольшому, встроенному в стену шкафчику, провел рукой по створкам и потянул за ручку. В шкафчике лежал белый шар величиной с крупное яблоко, переливающийся тысячами граней. Альмарен прикоснулся к теплой, пружинящей под пальцами невидимой оболочке, затем снял с рук перстни Грифона и Феникса и положил рядом. Закрыв шкафчик, он приложил пальцы к створкам и мысленно произнес мощное запирающее заклинание, не позволявшее не только отворять, но и взламывать защищаемые им двери, а затем накинул куртку и спустился по лестнице.

На крыльце никого не было. Альмарен остановился, оглядывая место, которое должно было стать его домом — два длинных, низких строения, где жили воины, кухню и амбар под навесом, наполовину выстроенную стену, замусоренную вырубку. «Нужно бы расчистить ее, некрасиво…» — подумал он. Лес, окружавший вырубку, был прозрачен и гол, жалкие остатки желтых листьев подрагивали на ветру. Еще несколько дней — и они присоединятся к своим собратьям, толстым ковром покрывающим землю. Поздняя осень…

Из-за спины Альмарена возник Равенор в теплой и легкой куртке на безумно дорогом меху с грифоньих крыльев. Жидкие волосы на непокрытой голове мага отлетали назад, подчеркивая высокий, выпуклый лоб, небольшие, глубоко посаженные глаза смотрели бодро и зорко. Знаменитый маг, не говоря ни слова, остановился рядом и, казалось, тоже увлекся созерцанием окружающих мест. Альмарен почувствовал, что благодарен ему за молчание.

На тропинке, ведущей от мостков, показались Риссарн и Тревинер, а с ними Витри, не разлучавшийся с охотником. Позади хлопнула входная дверь. Альмарен спиной почувствовал, кто там вышел на крыльцо, и не оглянулся. Лила и Ромбар спустились с крыльца навстречу подходившим.

— Все в сборе, — объявил Ромбар. — В путь!

Осеннее солнце не грело, хоть и стояло высоко, поэтому Тревинер сразу задал стремительный темп, чтобы согреться на ходу. Все перевели дыхание, лишь оказавшись в теплом и влажном воздухе пещер Фаура. Витри, оттерев озябший нос, вновь упрятал руки в карманы. Равенор, напротив, распахнул, а

затем и вовсе снял свою грифонью куртку, бывшую значительно теплее летних курток его спутников. Попетляв за охотником по коридорам подземного города, участники обряда вышли, наконец, к Белому шару.

— Величественное место! — Равенор остановился у входа, любуясь залом. — Для обряда посвящения трудно придумать более подходящее.

— Да, — подтвердил Ромбар. — Напомните мне порядок проведения обряда, Равенор. Я не хотел бы ошибиться.

— Сначала вы представляетесь алтарю… вам напомнить слова представления?

— Нет, слова я помню.

— Затем создаете камею для нового магистра, представляете его алтарю и вручаете камею. Ваши помощники надевают ему знаки отличия — цепь с изображением символа ордена, плащ и обруч. Новый магистр приносит клятву, после чего обряд считается завершенным.

— Что касается знаков отличия — это внешняя сторона обряда, без нее можно обойтись, — задумался вслух Ромбар. — А камея нужна…

— Я захватил с собой несколько кусков эфилема. — Равенор пошарил в куртке и выложил на пол необработанные эфилемовые обломки, а с ними — камею с изображением василиска. — Там не было ничего лучшего. В конце концов, форма амулета не имеет значения, главное — качество его связи с алтарем.

Ромбар пересмотрел каждый кусок и разочарованно отложил их все.

— Альмарен, выбери сам, — позвал он молодого мага.

— Позвольте, я посмотрю, — Риссарн присел на корточки радом с Ромбаром и, порывшись в кусках, вытащил камею с василиском. — Она, пожалуй, подойдет.

— Но ведь там… — Ромбар, поморщившись, не договорил фразу.

— Это легко исправить. — Риссарн достал свой жезл Феникса и начал водить головкой жезла перед мордой василиска, нашептывая заклинания. С камеи посыпались белые крошки.

Наконец он убрал жезл и показал камею Ромбару. Оскаленную рогатую морду ящера заменил ясноглазый солнечный лик с лучами, подобными языкам пламени.

— Так лучше?

— Гораздо лучше. — Ромбар взял камею. — Пора начинать обряд.

Он обошел каменного грифона и встал у его спины, лицом к Белому шару. Его осанка изменилась, плечи расправились, будто

под тяжестью красного плаща магистра. Каждый почувствовал, что перед ним магистр ордена Грифона, готовый начать посвящение.

Ромбар положил свою камею на спину грифона, простер над ней руки и проговорил слова представления. Стены зала на мгновение осветились ответной вспышкой Белого шара. Чуть помедлив, словно собираясь с силами, Ромбар заменил свою камею на другую, с изображением солнечного лика, и произнес заклинание создания амулета третьего посвящения. Все, не шевелясь, ждали продолжения, но Ромбар медлил взять камею в руки.

— У вас получилось, Магистр! — раздался голос Равенора. — Связь установлена!

Ромбар ничем не показал, что услышал знаменитого мага. Подняв камею, он вручил ее Альмарену и проговорил слова посвящения в магистры, а затем взглядом указал на Белый шар. Альмарен понял знак. Он повернулся лицом к шару и, держа перед собой камею, произнес клятву магистра. Белый шар ответил вспышкой, более яркой, чем первая.

Обряд закончился. Все обступили Альмарена, посыпались поздравления. Отвечая Ромбару, Альмарен увидел его лицо, серое и постаревшее, и вспомнил, что Магистр никогда не был выдающимся магом. Тот с чувством поздравил своего молодого друга, а затем добавил:

— Завтра я уезжаю, парень. Не знаю, скоро ли увидимся. Удачи теге.

— И вам удачи, — повторил за ним Альмарен.

Дождавшись окончания поздравлений, Ромбар объявил, что пора возвращаться. Все потянулись за охотником к выходу. Альмарен отыскал Риссарна и пошел рядом.

— Что ты собираешься делать дальше? — спросил он друга детства.

— Я пока еще на службе у его светлости… — неопределенным тоном ответил Риссарн.

— Оставайся здесь, со мной, — тихо сказал Альмарен. — Мне будет трудно одному.

— Конечно! — Риссарн, казалось, ждал этого предложения. — Война закончилась, его светлость не будет меня удерживать. Ты будешь первым магистром, а я — первым магом твоего ордена, — он весело подтолкнул Альмарена. — Мы с тобой и уттаков разгоним, и заклинаний насочиняем. А каких я амулетов наделаю! Представляешь?!

Новое утро началось предотъездной суетой. Сразу же после завтрака Тревинер сходил в конский загон, наспех сколоченный

на вырубке, и привел оттуда трех лошадей. Оставив их у коновязи, он позвал с собой лоанцев и отправился к воинам за седлами. Ромбар вызвал отъезжающих с ним воинов и, взяв в помощники Риссарна, занялся распределением дорожных припасов. Слуга Равенора сбился с ног, седлая лошадей и упаковывая объемистый хозяйский багаж. Сам Равенор, похоже, не собирался покидать комнату до отъезда.

Вся эта суета не имела отношения к Альмарену, остававшемуся в поселении. Он сидел у себя в комнате перед раскрытой книгой, даже не пытаясь читать мелкий и разборчивый текст, написанный когда-то, наверное, Лилигреном. Картины недавнего путешествия подступали к нему и, словно издеваясь, непрошеными врывались в его сознание, а он отодвигал, отодвигал их, напоминая себе, что должен выйти для прощания и быть спокойным, когда наступит момент отъезда.

«Я должен быть спокоен, — говорил он себе. — Я уже спокоен, разве не так?»

Стук в дверь заставил его подскочить на стуле, доказав, что это не так. Альмарен встал, чтобы открыть дверь, но вспомнил, что она не заперта.

— Войдите! — крикнул он.

В комнату вошла Лила. Несколько мгновений, показавшиеся Альмарену бесконечными, они смотрели друг на друга.

— Ты?! — наконец выговорил он.

— Мы почти не видимся в последнее время… — начала она.

— Ты понимаешь, почему.

— Понимаю. Я не подала бы тебе надежды, если бы знала, что он жив.

— Хорошо, что ты этого не знала.

— Мне было бы тяжело уехать, не попрощавшись с тобой, — ее голос дрогнул. — Прости меня…

— Я благодарю тебя. — Альмарен видел ее боль и потому не чувствовал своей.

— За что?

— Ты создала меня заново. Страшно подумать, что я мог никогда бы не встретиться с тобой.

— Но я причинила тебе боль…

— Что делать… новый человек рождается в муках, — он ласково улыбнулся ей. — Не думай обо мне, будь счастлива.

— Я не хочу, чтобы ты был несчастлив! — порывисто произнесла она. — На свете есть много других женщин. Забудь меня!

— Это не в моей власти. Не думай, что я несчастлив.

Лила заглянула ему в глаза, отыскивая подтверждение

словам.

— Мне пора идти, — прошептала она. — Я должна идти.

— Понимаю.

Внезапно она шагнула к нему и, положив руки на его плечи, легко и быстро поцеловала в губы, затем повернулась и выбежала прочь. Альмарен приложил пальцы к губам, словно пытаясь удержать прикосновение ее губ, и в оцепенении уставился на полуотворенную дверь. Очнувшись, он медленно подошел к раскрытому окну и долго смотрел в прозрачное, пронзительно-синее, холодное осеннее небо.

Внезапная мысль сорвала его с места. Альмарен схватил куртку и, на бегу засовывая руки в рукава, помчался на вырубку, к конскому загону.

На дворе поселения заканчивались последние приготовления, к отъезду. Воины держали оседланных и завьюченных коней, дожидаясь, пока отъезжающие простятся с оставшимися. На крыльцо бывшего особняка Каморры вышел Равенор и вскочил на поданного слугой коня. Шемма давно уже сидел в седле, словно боясь опять оказаться на своих двоих. Витри и Тревинер обменивались прощальными словами с Риссарном.

— Зачем ты, Тревинер, уезжаешь? — говорил тот. — Кому здесь и оставаться, как не тебе!

— Как же я брошу Бетлинк?! — восклицал охотник. — Куда они там без меня! Вот поправим замок, разгоним уттаков — порядок, в общем, наведем, тогда и загляну к вам проездом.

— А где Альмарен? — спросил у Риссарна Витри.

— Действительно, где? — вспомнил Риссарн и огляделся. — Да вон он, и коня с собой тащит. Что это он надумал?!

Альмарен спешил к ним с вырубки, ведя за собой оседланного Наля. Пробравшись сквозь толпу воинов, он подошел к Лиле, державшей своего коня, а вместе с ним и Тулана.

— Возьми Наля, — он протянул магине поводья. — Здесь такой конь ни к чему, а вам еще ехать да ехать.

— Но как же ты? — растерялась Лила.

— Не отказывайся, прошу тебя, — Альмарен схватил ее руку, сжал пальцы вокруг уздечки. — Это такая малость!

Чуть помедлив, Лила приняла уздечку.

— Я буду любить его, — она погладила Наля по шее.

Подошедший вскоре Ромбар не удивился подарку, видимо, сочтя такую любезность естественной. Двое воинов по его знаку переложили мешки с прежнего коня Лилы на Наля.

— Пора выезжать, — объявил он, вскакивая в седло. Отъезжающие воины расселись по коням, провожающие отошли и остановились поодаль. Витри и Тревинер вместе с Риссарном

подбежали к Альмарену.

— Счастливо оставаться, дружище! Весной жди меня в гости! — весело оскалившись, охотник встряхнул Альмарена за плечи. — А ты, Риссарн, не давай ему заскучать. Нет хуже, когда человек скучать начнет.

— Он не заскучает, — ответил Риссарн. — Да и когда скучать, дел тут — по горло.

Попрощавшись, Тревинер и Витри вскочили на коней и поскакали вслед за уходящим отрядом. Альмарен провожал взглядом удаляющихся всадников и, замечая мелькающий среди деревьев серый в яблоках бок Тулана, а рядом — золотые искры на шкуре Наля, думал о своем старшем друге и о маленькой женщине с глазами, глядящими в вечность. Ему казалось, что часть его жизни, и может быть, лучшая, уходила от него, уходила с ними сквозь прозрачный осенний лес.

Всадники исчезли за деревьями. Риссарн, стоявший рядом, подтолкнул друга.

— Невесело глядишь, Аль! Что с тобой?

— Заботы, Рис. Зима скоро.

XLIII

Подъехав к мосту, ведущему в Келангу, Ромбар увидел на северном берегу Тиона длинные ряды воинских палаток, а среди них — бело-голубой шатер правителя Цитиона. Дальше по берегу, под сине-желтым босханским флагом, виднелось еще одно скопление палаток. Ромбар свернул вдоль берега и вскоре оказался в цитионском лагере. Сторожевой патруль, узнав наместника правителя, приветствовал его как военачальника и без расспросов пропустил дальше. Оставив свой отряд на берегу, Ромбар распорядился ставить палатки, а сам поехал через лагерь к шатру Норрена.

Он увидел Норрена издали, сидящим за столом у шатра. Правитель занимался подсчетом военных расходов и был так погружен в вычисления, что заметил Ромбара лишь тогда, когда тот, спешившись, подошел вплотную.

— Ромбар! — забыв про расчеты, Норрен поднялся навстречу брату. — Ты уже вернулся!

— Вернулся, — глаза Ромбара улыбались, он был рад встрече.

— Мы не ждали тебя так скоро. — Норрен собрал бумаги со стола и пригласил Ромбара в шатер. — Мы думали, что ты будешь дожидаться вестей об исходе войны. Два дня назад, когда войска пришли под Келангу, я послал на Белый алтарь гонца.

— Я встретил его на полпути к Оранжевому алтарю, — сказал Ромбар, усаживаясь в одно из кресел, стоявших в шатре. — А с Белого алтаря я выехал на другой день после того, как ты вышиб уттаков из Бетлинка.

— Как ты узнал об этом? — удивился Норрен.

— Это нетрудно, когда находишься в компании лучших магов острова. — Ромбар дождался, пока правитель положит бумаги в шкаф, и спросил: — Теперь, наверное, и ты убедился, что исход войны решался там, на Белом алтаре?

— Да. — Норрен закрыл шкаф и повернул свое кресло так, чтобы видеть собеседника. — Когда дозорные сообщили, что в уттакском лагере резня, я понял, что ваша с Равенором затея удалась, и орден Василиска прекратил существование. Горожане целый день не слезали со стены — еще бы, такое зрелище! Я тем временем подготовил наступление и, когда резня поутихла, ударил на уттаков. On были обессилены и не сопротивлялись. Кто успел, те пустились в бегство, а мы за ними. Так и прошли по восточному берегу до поворота, и дальше, до самого Бетлинка.

— Мы ежедневно следили за ходом войны и знали о всех ваших передвижениях, — сказал Ромбар. — Правда, уехав с

алтаря, я потерял эту возможность, поэтому о последних событиях слышал только от гонца.

— Ничего интересного, — заверил его Норрен. — День-другой после взятия Бетлинка мы шарили по окрестностям, затем ушли в Келангу. О том, что Келанга занята Вальборном, мы знали еще в осаде, от гонца, но было неизвестно, остались ли уттаки на западном берегу Тиона. Посовещавшись, мы решили, что Донкар и тимайцы отправятся домой и по пути очистят западный берег, а я и Десса подождем твоего возвращения. Если окажется, что в районе Белого алтаря много уттаков, придется продолжать войну, хотя она становится разорительной…

— Там нет уттаков, — сообщил Ромбар. — Все силы врага были собраны под Босханом. Если вам удалось уничтожить большую часть уттаков, они не скоро восстановят численность.

— Значит, война окончена, — подытожил сообщение Норрен. — Можно распускать армию и возвращаться к мирным делам.

— А что вы сделали с Госсаром? — вспомнил Ромбар.

— Мы не нашли его. Судя по тому, что творилось в уттакском лагере, он не ушел оттуда живым.

— Возможно, — согласился Ромбар. — А как поживает Вальборн?

— Теперь он — правитель Келанги, — в голосе Норрена промелькнуло что-то вроде восхищения успехами бывшего правителя Бетлинка. — Пока он оставался в Оккаде, туда пришел тирский обоз с оружием. Вальборн вооружил ополченцев и сумел разбить уттакское войско, посланное Каморрой для захвата Зеленого алтаря, после чего пошел на Келангу. Войско келангского наместника, узнав о разгроме уттаков под Оккадой, без боя перешло на сторону Вальборна и провозгласило его правителем. Это естественно, ведь он наследует Берсерену.

— Он изменился?

— Я не знал его близко. Позавчера мы были у него во дворце и обсуждали итоги войны. Вальборн производит хорошее впечатление — не то, что Берсерен. Теперь, когда ты вернулся, неплохо было бы встретиться с ним. Бетлинк и Белый алтарь, да и Оранжевый тоже, потребуют средств, а Келанга, несмотря на вторжение — богатый город. Многое будет зависеть от позиции Вальборна.

Норрен встал и вынул из шкафа чистый лист бумаги.

— Я напишу ему, что ты здесь и что нам есть о чем поговорить.

— Добавь, что со мной будет Равенор. Бели речь пойдет об алтарях, нам не помешает присутствие мага.

Норрен написал письмо и отослал с гонцом, а затем продолжил разговор, который, казалось, мог тянуться до поздней ночи. Они с Ромбаром не рассказали друг другу и половины новостей, когда гонец возвратился с ответом от Вальборна. Норрен, остановившись у входа в шатер, распечатал письмо и пробежал глазами строки.

— Вальборн прислал приглашение на ужин, — сообщил он Ромбару. — Мне, тебе и Равенору. Будет также и Десса, он отправил к ней гонца.

— Он приглашает ее с советником?

— Нет. Видимо, не хочет присутствия посторонних. — Норрен прищурился, словно вспомнив что-то забавное. — Кстати, как тебе показался Равенор?

— Своеобразная личность, но можно привыкнуть, — невозмутимо ответил Ромбар. — Доверять ему тоже можно. На ужине он не будет посторонним.

Договорившись съехаться у моста, они расстались. Ромбар вернулся на стоянку своего отряда, где отыскал знаменитого мага и передал приглашение. Тот собрался без промедления и вслед за Ромбаром выехал к мосту, а вскоре там появился и Норрен в сопровождении шестерых воинов. Миновав мост, они проехали сквозь северные ворота и поскакали по улицам города ко дворцу правителя Келанги.

Их ждали. Ворота дворца гостеприимно распахнулись, слуги приняли коней и проводили свиту Норрена в комнаты для дворцовой стражи. Новый правитель Келанги сам вышел навстречу и, дружески приветствовав всех троих, повел в гостиную. Ромбар шел по знакомым залам, где мало что изменилось за десять лет, и думал о том, что Вальборн, кажется, предпочитает не вспоминать об их отнюдь не дружеском расставании на Оранжевом алтаре, а следовательно, способен ставить деловые отношения выше личных счетов, как и подобает правителю. Вальборн усадил гостей в расставленные для беседы кресла и завел разговор о поездке на Белый алтарь.

Ромбар заканчивал рассказ, когда слуга объявил о приезде правительницы Босхана. Вальборн оставил гостей и вскоре вернулся в сопровождении Дессы. Она была одета по-мужски, но выглядела удивительно женственной благодаря то ли пышным, чуть вьющимся рыжим волосам, уложенным в высокую прическу, то ли гибкой и стройной фигуре, подчеркнутой широким, расшитым золотом поясом. После того, как Десса ответила на приветствия, куда более любезные, чем требовал этикет, Вальборн пригласил гостей ужинать.

Стол был накрыт в небольшой столовой, не

предназначавшейся для многолюдных сборищ. Вальборн занял кресло правителя во главе стола, предложив места справа Норрену и Ромбару, а слева — Дессе и Равенору. После подачи первой смены блюд он жестом удалил слуг.

— Итак, война закончена, — взгляд Вальборна обошел присутствующих и остановился на правителе Цитиона. — Если вы находите время и место удобными, мы можем поговорить об ее итогах и, соответственно, о будущем.

— Да, случай удобный, — подтвердил Норрен. — Мы редко встречались в прошлом, да и впредь не будем видеться чаще. Поэтому мне хотелось бы сегодня договориться о делах, касающихся всего острова. В первую очередь я имею в виду укрепление севера Келады. Вы, Вальборн, наверное, лучше других понимаете, как это важно.

— Безусловно, — согласился с ним Вальборн. — Все средства, которыми я располагаю, будут пущены на укрепление северных земель. Но сначала я хотел бы исправить давнюю несправедливость…

Он повернулся к столику справа от кресла, где рядом с блюдом для мытья рук стоял заранее приготовленный ларец. Открыв крышку ларца, Вальборн вынул тяжелую старинную цепь с гербом Бетлинка — отличительный знак его правителей.

— Пусть этот герб, а вместе с ним и право владения Бетлинком вернутся к законному наследнику замка, — он протянул цепь Ромбару. — Я призываю всех присутствующих быть свидетелями восстановления прав сына Паландара.

— Вы хорошо начинаете правление, Вальборн. — Норрен взял цепь и надел на шею Ромбару. — Мы подтверждаем законность передачи Бетлинка и обязуемся защищать права владельца замка всеми средствами, в том числе и оружием…

— …Если возникнет такая необходимость, — закончила Десса.

— …Если возникнет такая необходимость, — повторил за ней Равенор.

По келадским законам это утверждение являлось клятвой и означало, что любой претендент на владение замком, кроме Ромбара и его объявленных наследников, рискует оказаться в войне с правителями Цитиона и Босхана, а также подвергнуться преследованию такого богатого и влиятельного человека, как Равенор.

— На восстановление замка потребуются деньги, — напомнил Вальборн. — Мне представляется разумным, если каждый из нас внесет треть необходимой суммы, — он обращался к Норрену и Дессе, как к правителям. — Я могу полностью

обеспечить гарнизон замка, а также послать сотню воинов на Белый алтарь. Еще я могу взять на себя отправку провизии этим подземным жителям, о которых вы упоминали, Ромбар.

— Они поддержали нас в войне и, кроме того, отдали нам Желтый камень, который обеспечил победу, — пояснил Ромбар.

— Поэтому я и не хочу задерживаться с благодарностью. — Вальборн задумался. — Наверное, это все, чем я могу помочь. Город разорен уттаками.

— Цитионская казна почти пуста и не наполнится до следующего урожая. В Босхане, как мне известно, дела не лучше, — прикинул вслух Норрен. — Слишком много потрачено на войну. Бетлинк мы еще можем поддержать, но остаются алтари — Белый и Оранжевый…

— Я дам денег на укрепление Белого алтаря, — объявил Равенор. — Но при условии, что мне не понадобится возиться с хозяйственными делами.

— Предоставьте это мне, — предложил ему Норрен. — Белый алтарь очень важен, я сам им займусь. Оранжевый может и подождать. Возможно, в Тимае и Кертенке найдутся средства. Я отправлю туда гонцов.

— Мы совсем забыли об ужине, — напомнил Вальборн, почувствовавший, что основные дела решены. — Угощайтесь!

За столом установилась тишина, нарушаемая лишь звоном вилок, ножей и бокалов. Каждый обдумывал принятые договоренности и прикидывал возможности их выполнения. Когда с закусками было покончено, Вальборн позвонил в колокольчик, чтобы несли горячее.

— А где сейчас жрецы Оранжевого алтаря? — обратился к нему Ромбар.

— Их приютили в Оккаде, — ответил ему Вальборн. — Там они останутся до весны, а в начале лета вернутся в храм великой Саламандры. Кстати, тирские маги, доставившие оружие, пришли со мной в Келангу и живут здесь, во дворце. Должен заметить, что все они — прекрасные воины.

— Я обращал внимание на их воинскую подготовку, — одобрительно отозвался Ромбар. — Хорошо, что они здесь — я объявлю, что ордену Грифона потребуется новый магистр. Думаю, Синатта справится с обязанностями магистра.

— Да, большие перемены вызвала война, — заметил Норрен в ответ на его слова. — Сменился правитель Келанги и двое магистров, появился новый орден магов, а ты, Ромбар, возвращаешься в свой родовой замок. Помимо укрепления Бетлинка, не мешало бы тебе подумать и о продолжении рода Кельварна. Если хочешь, могу посодействовать тебе в поисках

будущей супруги.

— Я уже нашел ее, — сообщил Ромбар, к удивлению большинства сидящих за столом. — Это черная жрица храма Мороб.

Поздравив Ромбара, все продолжили ужин, а с ним и обсуждение совместных дел. Близилась полночь, когда гости закончили разговор и собрались уходить.

— У вас хороший повар, Вальборн, — сказал правитель Цитиона, вставая из-за стола. — Надеюсь, в будущем я смогу отблагодарить вас ответным приглашением.

— Это бывший повар Берсерена, — ответил Вальборн. — Я был бы счастлив присутствовать на ужине в честь совершеннолетия вашей дочери.

— Вы будете первым из приглашенных, — .заверил его Норрен.

Три дня спустя в Келангу приехал Тревинер на своей Чиане, которую разыскал в лесу неподалеку от места последней стоянки перед путешествием по лурским подземельям. Увидев военный лагерь на северном берегу Тиона, он свернул туда и узнал, что основная армия уже ушла на юг, а здесь остались только те, кто назначен в гарнизонные войска Бетлинка и Белого алтаря. Про Ромбара ему сообщили, что тот поселился во дворце Вальборна, нового правителя Келанги, и занимается подготовкой обозов, предназначенных для отправки с войсками. Охотник не стал задерживаться в лагере, а поехал в город, повидаться со своим правителем.

Жители Келанги понемногу возвращались в оставленный город. Улицы были расчищены от грязи и мусора, набросанного уттаками, пятна крови на камнях смыты осенними дождями. Однако, кое-где еще виднелись высаженные окна, да двери, изуродованные ударами секир, напоминали о недавнем нашествии. Лавки были открыты, на рынке толпились покупатели, улицы заполнились людьми, пешими и конными, спешившими по своим обычным, ежедневным делам. Тревинер остановился у главных дворцовых ворот и потребовал, чтобы о нем доложили его величеству.

Его впустили без доклада и поселили в западном крыле дворца, где на втором этаже, над жилыми помещениями прислуги, размещались комнаты для гостей. Оставив вещи, охотник вышел познакомиться с окрестностями дворца, где оказался впервые, и вскоре обнаружил у себя в соседях обоих лоанцев. И Витри, и Шемма, которому не терпелось поделиться хоть с кем-нибудь впечатлениями о дворцовой жизни, обрадовались охотнику. Тот уговорил их погулять по парку и

заодно рассказать новости, накопившиеся за дни расставания. Выйдя в парк, все трое пошли по присыпанным гранитной щебенкой дорожкам, мимо скамеечек, беседок, невысоких декоративных изгородей.

— Вот эта жизнь — по мне, не то, что в лесу, — сразу же объявил Шемма. — А еда-то здесь какая, Тревинер! Против нее даже и тот паштет из дичи… так я его и не попробовал… голову даю, не потянет.

— Мы собирались возвращаться в село, но его величество попросил нас об услуге, — возбужденно сообщил Витри, радуясь новому приключению. — Он посылает к монтарвам обоз с провизией, а с ним предложение о дружбе и взаимной помощи, и хочет, чтобы мы были посредниками в переговорах.

— Никто, кроме нас с Витри, не знает языка монтарвов, — важно сказал Шемма. — Да и Пантур не вступит в переговоры ни с кем, кроме меня. Ну как тут откажешь его величеству!

— Да ты, я смотрю, большим человеком стал, Шемма! — восхитился охотник. — Не каждому выпадает честь оказать услугу правителю Келанги!

— Ни к чему мне такая честь, суеты много, — вздохнул в ответ табунщик. — Как вернемся от монтарвов, поедем домой. У нас и там дела найдутся. Верно, Витри?

Витри не ответил. Заглядевшись на охотника, на его загорелое лицо, встрепанные ветром волосы, привычно-жизнерадостную улыбку, он думал, что скоро тот вернется в свои леса и будет разъезжать там на своей Чиане, радуясь солнцу, деревьям, зверью, выслеживая и пугая уттаков, и будет счастлив своим единственным, не известным обыкновенному келадскому жителю счастьем.

Их догнал стражник, ходивший к правителю с докладом о приезде охотника.

— Эй ты, длинный! — крикнул он Тревинеру, казавшемуся еще выше рядом с лоанцами. — Его величество хочет видеть тебя, и немедленно!

— Мой правитель соскучился по мне, — объяснил Тревинер лоанцам. — Пока, друзья!

Он пошел вслед за стражником в восточное крыло дворца, вертя по сторонам головой и замечая все — ухоженные деревья и клумбы, постройки, гармонично вписывающиеся в парковые пейзажи, богатое и добротное убранство дворца, его картины и скульптуры, гроздья светлячков Феникса на серебряных и золотых подставках, двустворчатые двери залов, украшенные орнаментом из древесины различных сортов. Стражник остановился у кабинета правителя и растворил перед охотником двери. Войдя,

Тревинер увидел Вальборна, сидящего за огромным письменным столом, заваленным бумагами.

— Мое почтение, ваше величество! — охотник, остановившись напротив Вальборна, отвесил шутовской поклон.

— Садись, Тревинер, — Вальборн махнул рукой на глубокое мягкое кресло у противоположной стены. — Давно я тебя не видел.

Тревинер плюхнулся в кресло и, развалясь, вытянул длинные ноги.

— Удобно, — сообщил он Вальборну. — Вы неплохо устроились, мой правитель! Я уже успел заметить.

— Ты всегда все успеваешь заметить, — сдерживая улыбку, ответил Вальборн. — Ромбар хвалил тебя, хотя какая в том нужда? Я тебя и так знаю. Ты выполнил важное поручение и заслуживаешь награды. Говори, чего ты хочешь?

— Чего я хочу? — Тревинер задумался, у ставя глаза в потолок. — Да вроде бы все у меня есть. Одежонку разве новую… я свою старую Шемме отдал — парень ни в чем, можно сказать, из-под земли вылез.

— Будет тебе одежонка, — пообещал Вальборн. — А теперь выбирай службу — хоть начальником стражи, хоть старшим над лучниками или дворцовой охотой. Я не сомневаюсь, что ты справишься с любой из них.

— Позвольте мне, мой правитель, остаться на прежней службе — свободным охотником у правителя Бетлинка, — ответил ему Тревинер, на мгновение расставшись с зубоскальством. — Я давно отвык от городской жизни и не хочу заново привыкать к ней.

— Жаль. — Вальборн заметно огорчился, но не стал уговаривать охотника. — Впрочем, я предвидел твой выбор. Что ж, поезжай с Ромба ром, он будет рад такому помощнику. Но мне бы хотелось, чтобы напоследок ты выполнил бы еще одно поручение.

— Какое, мой правитель?

— Нужно отвести к монтарвам обоз с провизией.

— Тот с которым поедут лоанцы?

— Ты уже и это знаешь… — покачал головой Вальборн. — Хоть война и закончилась, мне будет спокойнее, если их будет сопровождать такой парень, как ты. Когда доставите обоз на место, можешь ехать оттуда в Бетлинк.

— Все будет сделано, мой правитель, — сверкнул улыбкой Тревинер.

— Ладно, иди. Обоз отправляется послезавтра, — глядя на закрывшуюся за охотником дверь, Вальборн задумчиво

добавил. — Мне будет не хватать тебя, мой милый Тревинер…

Весь следующий день прошел в дорожных сборах. К вечеру в военном лагере собрались три десятка подвод, нагруженных мешками, бочонками и ящиками, предназначавшимися для отправки с войсками. Шемма и Витри, получив дорожное снаряжение и теплую зимнюю одежду, приехали на место сбора, где им предстояла первая ночевка под открытым небом, и познакомились со старшим обозным, распоряжавшимся остальными возницами и отрядом, приставленным к обозу для охраны. Вскоре к ним подъехал и Тревинер, казавшийся вооруженным до зубов с двумя луками и колчанами за спиной. Вместо ответа на расспросы лоанцев, в чем причина такой усиленной военной экипировки, он снял с плеча один из луков, а за ним колчан, и протянул Витри.

— Держи, — оскалился в улыбке охотник. — Это — тебе, как обещано.

— Мне?! — ахнул от восторга Витри. — Настоящий лук Феникса?! Но откуда он у тебя?

— Вальборн дал. Бери, не робей.

Витри бережно взял лук. На другой день, когда обоз отправился в путь, он поехал рядом с охотником, чувствуя себя таким же бывалым лучником, как и тот.

Обоз медленно двигался по бездорожью вдоль северного берега Тиона, прокладывая путь то по полянам, покрытым хрустящим инеем, то по промерзшим песчаным наносам.

Порой, когда береговой путь становился непроходимым из-за разросшегося кустарника, подводы сворачивали в лес и петляли среди деревьев, придерживаясь восточного направления, а то и останавливались, дожидаясь, пока воины расчистят проезд или отыщут брод через встреченную на пути старицу. Неделю спустя обоз остановился на повороте реки, откуда хорошо виднелась примета Пантура — тройной пик, возвышающийся неподалеку от входа в подземный город.

На первую встречу Шемма пошел в одиночку. Завернувшись в пару теплых одеял, он улегся спать на широком камне посреди поляны. Ночью к камню пришел Пантур, которому сообщили, что в назначенном месте спит какой-то человек, и с трудом добудился табунщика.

— Что случилось, Шемма? — начал он расспросы. — Ты пришел с новостями?

— Пантур? — Шемма сладко потянулся и, увидев перед собой желтую светящуюся одежду, протер глаза, чтобы получше разглядеть ученого. — У меня хорошая новость — война кончилась.

— А этот ваш Каморра?

— Уттаки, говорят, съели, — табунщик уселся на камне и натянул одеяло на голову, чтобы защититься от ночного холода. — Я подарки привез от правителя — муку, из которой хлеб делают, и кое-что еще. Хороший мужик этот Вальборн, он предлагает вам дружбу и торговлю.

— Желтый камень помог вам?

— Еще как помог. Говорят, без него все пропало бы, поэтому Вальборн и расщедрился. А как у вас дела?

— Были и у нас неприятности, но теперь все уладилось. — Пантур присел на камень рядом с лоанцем. — С тех пор, как ваша женщина восстановила Оранжевый шар, он больше не остывал. Мы заново засадили плантации и скоро снимем с них первый урожай. Великая рада этому и вспоминает вас с благодарностью. Теперь она не будет против сотрудничества с людьми сверху.

— А как у вас с едой?

— Пока трудновато. Все надеются, что это ненадолго.

— Значит, наш обоз пригодится, — обрадовался Шемма.

— Пригодится. — Пантур повернул голову к табунщику, его серо-желтые глаза, как и одежда, светились в темноте. — Жаль, что вы не приехали на два дня пораньше. В это новолуние у нас был двойной праздник. Великая наконец выбрала отца для своей дочери.

— Да ну! — воскликнул Шемма. — И кто же он?

— Вряд ли ты его помнишь. Это Лангур, глава Восьмой общины.

— Угу, — отозвался Шемма, смутно припоминая монтарва, поддержавшего владычицу на совете. Он окончательно проснулся и позвал Пантура на стоянку.

Остаток ночи прошел в переноске грузов, прибывших с обозом. Воины подтаскивали к камню мешки с мукой и бочонки с медом и салом, оставляя их монтарвам, которые уносили подарки Вальборна под землю. Наутро обоз отправился в обратный путь, а лоанцы, распрощавшись с Тревинером, поехавшим на север вдогонку Ромбару, задержались у монтарвов на пару дней, чтобы выучить подземных жителей печь хлеб.

Вернувшись в Келангу, они пришли к Вальборну с докладом о выполнении поручения. Правитель не пожалел времени, чтобы выслушать все подробности поездки.

— Значит, мы можем рассчитывать на дружбу монтарвов, — подытожил он сообщение лоанцев.

— Да, они согласны поддерживать добрые отношения, — подтвердил Витри. — Условия встречи те же — у камня на той поляне.

— Но как меж люди будут разговаривать с ними? — забеспокоился Вальборн. — Никто, кроме вас, не знает их языка.

— Ваш обозный выучил у нас кое-какие слова, — сказал ему Витри. — Для начала этого достаточно, чтобы объясняться с монтарвами.

— Может быть, вы все-таки останетесь у меня на службе? — предложил лоанцам правитель. — Ты, Витри, стал бы моим гонцом — мне нужны надежные люди. А ты, Шемма, мог бы стать моим посредником в отношениях с монтарвами.

— Спасибо, ваше величество, но мы поедем домой, — поторопился сказать Шемма. — Дома-то оно лучше.

— Ладно, поезжайте, — согласился Вальборн. — Если передумаете, возвращайтесь. Я с радостью приму вас на службу. А вот вам плата за прежние заслуги, — он дал каждому мешочек с деньгами. — Если еще что нужно, говорите.

— Нам ничего не… — начал Витри, но запнулся, получив от Шеммы тычок в бок.

— Как это — ничего?! — громким шепотом ругнул его табунщик. — Ваше величество, кони наши — не чета теперешним, около Бетлинка остались… вот если бы их вернуть… и кобыла мельникова потерялась, а нам отдавать ее надо…

— Понятно, — улыбнулся Вальборн. — Знаю я этих коней — и впрямь красавцы. Один у меня в конюшнях, вы можете его забрать, а второго я отдал. Возьмите вместо него другого, и кобылу подберите, какая понравится.

Вальборн вызвал старшего конюха и, передав ему просьбу лоанцев, приказал выдать желаемое. Тот пошел с ними в конюшни правителя и вывел оттуда коня, в котором Шемма признал своего Урагана, а потом предложил им выбрать второго коня и кобылу. Витри шел за конюхом мимо стойл, где красовались кони один лучше другого, пока не остановился, не в силах оторвать глаз от небольшого, но великолепно сложенного темно-серого жеребца.

— Этот, что ли? — спросил конюх. — Хороших кровей, и резвость отменная. Для правителя он мелковат, а тебе в самый раз будет.

— Этот, — поспешно согласился Витри, побаиваясь отказа. — Как его зовут?

— Чара, — конюх надел на жеребца седло и уздечку, висевшие в стойле, и отдал поводок Витри. Когда они вышли из конюшни, Шемма, сияющий, уже стоял на дворе, держа своего коня и ширококостную рыжую кобылу.

— Слышишь, Витри, жеребая она, — шепнул он товарищу, уходя из конюшни. — Вот повезло-то! Эх, явлюсь я к мельнику…

День спустя Шемма и Витри выехали из Келанги домой. Падал первый снег, падал и превращался в грязную кашицу, знаменуя начало короткой и сырой келадской зимы. Шемма восседал на великолепном Урагане, ведя за собой кобылу и коней, на которых лоанцы возвратились с Белого алтаря, и покровительственно оглядывался на едущего сзади Витри. То ли полугодовые скитания не прошли для табунщика бесследно, то, ли приятные надежды, связанные с возвращением в Лоан, заставляли его поторапливать коня, то ли погода не располагала ко сну — так или иначе, Шемма расстался с привычкой спать в седле и на дневных привалах. Лоанцы ехали с рассвета до заката, обедая в придорожных трактирах и ночуя на постоялых дворах, и недели через полторы увидели стены Цитиона, жемчужины Келады.

Они отыскали гостиницу Тоссена, узнавшего и благосклонно приветствовавшего прежних постояльцев, и остались там до базарного дня, чтобы накупить подарков родным, провизии и овса в дорогу. Шемма наконец попробовал паштет из дичи, а Витри, зашедший в лавку Тифена, был приглашен в гости и до позднего вечера просидел у купца за рассказами о его младшем сыне, первом магистре ордена Солнца. Когда, наконец, все покупки были сделаны, Шемма и Витри навьючили коней и проследовали цитионскими улицами по направлению к Лоанскому мосту, от которого брала начало тропа, ведущая в долину.

Тропа тянулась по северному берегу Лоана, едва различимая под тонким слоем свежего снега, прикрывшего луга и песчаный берег. По-осеннему прозрачная вода струилась в нескольких шагах от тропы, облизывая ледяную корочку, приросшую к берегу, и, казалось, спешила пополнить полноструйный Тион. Лоанцы спешили ей навстречу, чувствуя близость дома. Шемма был празднично-весел и погонял коней, Витри заразился его радостью и тоже с нетерпением представлял, как еще немного — и за очередным поворотом реки откроется вид на родное село.

Они беспокоились, не окажется ли опасным зимний путь через ущелье, но, подъехав, увидели, что тревоги были напрасными. Тропа, пролегавшая по солнечному склону ущелья, оказалась чистой от снега и сухой, поэтому день пешего пути вдоль обрыва прошел без происшествий. Миновав ущелье, Шемма и Витри спустились в Лоанскую долину — родные края, так внезапно оставленные ими в начале лета. Витри казалось, что он уехал оттуда давным-давно, несколько лет или даже десятилетий назад. Много событий улеглось в эти месяцы, и наверное, их хватило бы не на одну лоанскую жизнь, но все же при мысли о том, что странствия закончились, Витри испытывал странное

ощущение, похожее на необходимость вспомнить нечто важное. Оно сидело глубоко внутри, беспокоя лоанца, и отравляло радость возвращения домой.

Наступил день, когда тропа вывела Шемму и Витри на пригорок, откуда открывался с детства знакомый вид на скопление глиняных домиков с коническими, крытыми соломой крышами, объединенное несколькими кривыми улочками. Село, в котором во времена Кельварна проживало не более двух десятков семей, разрослось до полутора сотен разбросанных по холмам домиков, но оставалось единственным на всю долину, так как среди лоанцев, привыкших держаться вместе, не находилось любителей обживать новые места.

Первыми их заметили вездесущие сельские мальчишки. Увидев нескольких завьюченных коней и двоих всадников в городской одежде, они с криками «Едут! Едут!» помчались в село. Раз в год сюда, случалось, заезжали торговцы, поэтому взрослые побросали дела и выбежали поглядеть на кусочек другого мира, явившегося в Лоан. Когда путешественники подъехали к околице, их встречала добрая половина села.

— Да это же наши! — выкрикнул кто-то из толпы. — Шемма! Витри!

Лоанцы соскочили с коней прямо в объятия встречающих. Каждый норовил протиснуться к ним поближе, поприветствовать, хлопнуть по плечу, потрогать, спросить что-нибудь вроде: «Неужто вернулись?! Ну как?!» — то есть, собственными глазами удостовериться, что перед ним — его пропавшие односельчане. Полсела Шемма и Витри прошли вместе, в центре огромной толпы, затем их пути разошлись. Они взяли своих коней, а Шемма — еще и кобылу, так как договорился с Витри, что сам вернет ее мельнику, и в сопровождении многочисленных родных и знакомых отправились по домам.

Витри пошел не в новый дом, еще не ставший родным, а к родителям, с которыми уже успел обняться и расцеловаться. Он смотрел на прыгающих рядом братишек и сестренок, на сияющие лица друзей и соседей, и радовался, что не пожалел в Цитионе времени и денег на покупку подарков. Когда вся процессия остановилась во дворе родительского дома, в дорожных мешках лоанца нашлись игрушки и сладости для детей, платки, бусы и заколки для женщин, ножи с клеймом ордена Грифона, заговоренные от ржавчины, и прекрасные рыболовные крючки для мужчин, и многое другое, что понравилось каждому — пояса с чеканными пряжками, дорожные фляжки, зеленые и оранжевые огоньки светлячков Феникса и Саламандры. Витри, словно добрый волшебник, раздавал их, пока мешки не опустели, а затем

долго отвечал на расспросы односельчан.

Родители Витри устроили праздничный ужин, затянувшийся за полночь. Весь вечер их маленький домик был переполнен людьми и разговорами. Ложась в постель, Витри, взволнованный встречей, подумал, что не сомкнет глаз до утра, но, не успев закончить эту мысль, забылся сном.

Не прошло и двух дней, а Витри уже устал от внимания односельчан. Он безвылазно сидел в отцовском доме, но его находили и там, приходя под каким-нибудь пустяковым предлогом, и в десятый раз расспрашивали о дорожных событиях и о келадской жизни. Чтобы избавиться от назойливости гостей, Витри ушел жить в свой новый домик, стоящий на окраине села. Все внимание лоанцев обратилось на Шемму, который чувствовал себя на месте, красочно описывая свои приключения, с каждым повторением обрастающие новыми, леденящими кровь подробностями. Табунщик, вернувшийся в село богачом и героем, с большим удовольствием принимал всеобщий восторг и не жалел языка, чтобы поддерживать свое особое положение. Он отвел кобылу к мельнику, где был принят как желанный гость, и вышел оттуда сияющим, а на другой день по селу разошлась весть о скорой свадьбе героя Шеммы и мельниковой дочки.

Дом Витри стоял заброшенным и неухоженным, нетоптаная тропинка выдавала отсутствие жильцов. Дверь в сарай покосилась и заросла бурьяном, на крыльце лежал подтаявший снег. Витри поставил Чару в сарай и взялся за дела — поправил дверь, вытер полугодовой слой пыли, скопившийся в комнате, вымыл пол и посуду, расчистил тропинку, расставил и разложил по полкам дорожный багаж.

Когда чистота и порядок были восстановлены, он пошел на озеро, проведать оставленную на берегу лодку. Долбленка, затопленная, лежала в воде у берега — видимо, сельские мальчишки стащили ее в воду, чтобы поиграть в Кельварна. Витри пробрался к ней сквозь побуревшие от холода, прихваченные прибрежным ледком заросли исселя, толкнул отсыревшее дерево ногой. Лодку следовало вытащить и просушить, но лоанец медлил взяться за осклизлые борта. Он остановился над ней в раздумье, поправил на плече лук Феникса, с которым не расставался по заимствованной у Тревинера привычке.

Заметив стайку диких уток, плавающих у берега, он вскинул лук и выстрелил, а затем длинной палкой выгреб добычу из воды.

«Повезло», — подумал Витри, никогда не принимавший всерьез слова охотника о верном глазе, и захлюпал промокшими башмаками прочь от озера. У околицы бегали мальчишки,

игравшие, судя по диким воплям, в Шемму и уттаков. Витри задержался посмотреть, но, так и не поняв, кто же из них — Шемма, отвернулся и пошел домой.

Дома он переоделся и развел огонь, чтобы просушить башмаки и сварить утку, а затем улегся на кровать и долго вспоминал недавнее путешествие по Келаде. В его памяти проплывали города и дороги, голоса и лица — сверкающая улыбка Тревинера, аскетический, отчужденный взгляд невообразимо богатого и знатного Равенора, выражение глаз Альмарена, сидящего у вечернего костра и в задумчивости накручивающего на палец длинные, темные волосы. Незаметно наступила ночь, а Витри все лежал с открытыми глазами и спрашивал себя — много ли в нем осталось от того паренька, полгода назад уехавшего из села на толстопузой мельниковой кобыле? Под утро он заснул, но вскоре был разбужен стуком в дверь и, заранее досадуя, пошел открывать.

К его облегчению, там оказался не кто-то из любознательных сельчан, а младший брат Шеммы, передавший приглашение на свадьбу. Витри поискал по полкам что-нибудь подходящее для свадебного подарка, но вспомнил, что все уже раздал. Да и чем можно было удивить табунщика, распорядившегося полученными в пути благами гораздо лучше своего товарища! Витри взял лук и пошел на озеро, чтобы добыть дичь к свадебному столу. Настреляв уток, он понес их к Шемме.

У Шеммы вовсю готовились к свадьбе. Вкусные запахи наполняли улицу, люди суетились, бегали с посудой, тряпками и котлами, тащили во двор столы и стулья, взятые взаймы у соседей. Виновник торжества вышел из кухни, где снимал пробы с угощений и давал советы стряпухам, и радостно встретил Витри, а еще радостнее дичь — лакомство, редкое для лоанцев, среди которых не было охотников. Витри поздравил его и пошел домой, довольный, что сумел угодить товарищу.

Кипучая суета, царящая у Шеммы, распространялась лишь до ближайшего поворота, а там сменялась неспешной жизнью лоанского поселка. Витри шел по тихим, словно погрузившимся в вечный сон улицам, раскланиваясь с сельчанами и ловко избегая попыток продолжить беседу. Внезапно он увидел девушку, вывернувшуюся из боковой улицы, и споткнулся, мгновенно узнав эту быструю походку, эти светлые кудряшки, окружающие хорошенькое круглое личико с аккуратным, чуть вздернутым носиком. Лайя тоже заметила его и пошла навстречу, пышная юбочка так и порхала вокруг ее ног.

— Привет, Витри! — прощебетала она, подойдя. На улыбающемся личике девушки не было ни малейшего намека на

прежнюю размолвку.

— Здравствуй, Лайя, — Витри остановился, понимая, что разговора не избежать.

— Что-то ты не заходишь в гости, — кокетливо пропела Лайя, подходя к нему гораздо ближе, чем требовал разговор. — Или загордился?

— Чем тут гордиться? — пробормотал Витри, отводя глаза. — Дела, понимаешь…

— Неужели ты все еще сердишься? — спросила его Лайя, не принимая отговорки.

— Разве? — переспросил Витри, скорее себя, чем ее. — Я и тогда не сердился. Это ты сердилась. Тебе не нравилось, что я не герой.

— Ну нельзя же все принимать всерьез! — Лайя пренебрежительно повела плечиком. — Ты на целых полгода оставил меня одну! Если я и прощу тебя, то только потому, что ты сделал это из-за меня.

— Из-за тебя, — согласился Витри.

Смысл ответа польстил бы девушке, если бы в интонации не проскользнуло нечто, заставившее ее насторожиться.

— Теперь ты — герой, — она обеспокоенно заглянула в лицо прежнему другу. — Я же сказала тебе тогда, что выйду замуж за героя.

— Какой из меня герой, Лайя? — Витри вспомнил, что и до отъезда замечал все ее претензии на исключительность, все эти мелочные ужимки признанной сельской красавицы, и удивился тому, что они казались ему забавными и трогательными. — Я делал то, что нужно, только и всего. Это вон Шемма — герой.

— Вечно ты скромничаешь! — в голосе Лайи послышались раздраженные, требовательные нотки. — Между прочим, Поти, сын сапожника Ваппы, уже два раза звал меня замуж. Так что стоит мне захотеть… понял?

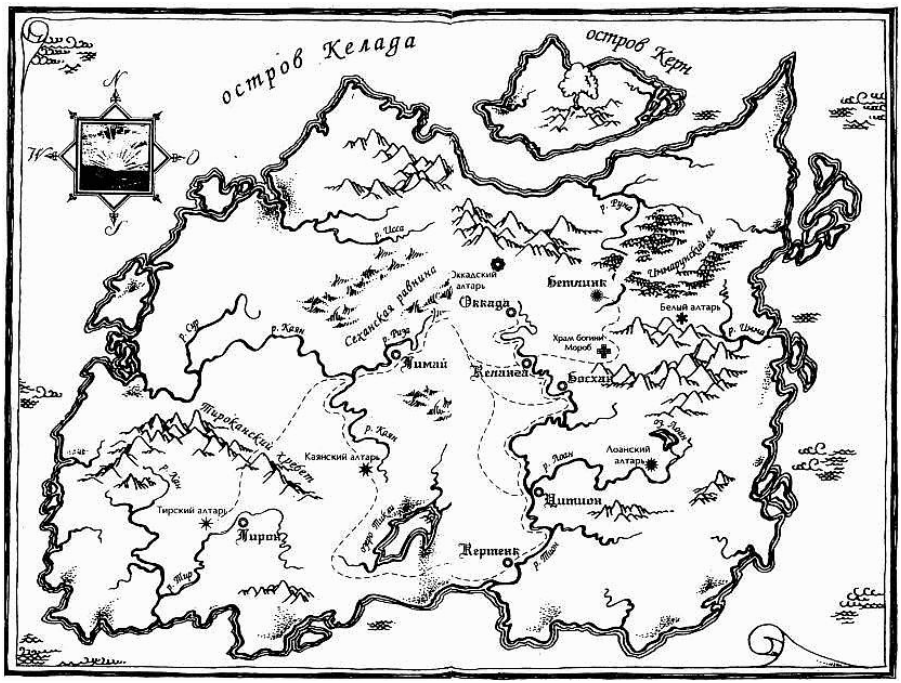
— Понял, — сказал Витри. — Я от души желаю счастья вам обоим — тебе и Поти.

— Но… — изумилась Лайя.

— До свидания.

Витри зашагал прочь, оставив ее стоять посреди улицы. С каждым шагом в нем росло чувство свободы и облегчения, сменяющее неловкость разговора. Он вбежал на крыльцо своего домика, первого от околицы, рывком распахнул дверь и полез шарить по полкам и ящикам. Его руки сами знали, что делать — встряхивали дорожные мешки, разыскивали миску, ложку, котелок, походное одеяло, смену одежды и прочие нужные в дороге мелочи.

Свадьба Шеммы удалась на славу, говорили, что не припомнить такого же пышного праздника. Все село гуляло до поздней ночи, и проснулось за полдень. Утро осветило нетронутый ночной снег, припорошивший лоанские улицы, и только на тропе, ведущей из села, отпечатались одинокие следы конских копыт.



В. Черных
Вадим Арчер: честь безумцу

Это, если помните, из школьной программы: «Господа! Если к правде святой мир дорогу найти не сумеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой…» — ну, и так далее. Во все времена, а уж в последние десятилетия XX века особенно, дорог к «правде святой» открывалось великое множество. Но дороги дорогами, а конечная станция все так же далека и, похоже, недостижима. А посему в желающих «сны золотые навевать» недостатка нет. В любом виде искусства, включая литературную фантастику. Вопрос в качестве.

В современной литературе фэнтези сложился определенный канон, выработанный еще праматерью жанра — волшебной сказкой, и свято соблюдаемый кинематографистами: отважные герои борются против мерзких чудовищ. Женщины здесь неизменно прекрасны, а опасности головокружительны. Часто встречаются злые маги, посягающие на мировое господство, или, на худой конец — на королевскую корону. И почти непременно присутствуют обладающие волшебной силой драгоценности, на поиски которых, как правило, уходит большая часть сюжета.

Последователями этой традиции порой бывают авторы очень большой культуры. Вряд ли кто-нибудь упрекнет в литературной наивности Майкла Муркока, чья бесконечная эпопея о Вечном Воителе во многом является чередой вариаций указанного канона (правда, больше магических камней Муркоку нравятся магические мечи — тоже едва ли не обязательная принадлежность бутафории жанра). И все же это встречалось в литературе столько раз, что того, кто рискнет вновь пойти по давно проложенной дороге, впору и впрямь назвать безумцем.

Вадим Арчер рискует — и выигрывает. В его романе о борьбе городов-государств острова К ел ада с властолюбивым магом Каморрой, стоящим во главе орд кровожадных дикарей, есть все вышеперечисленное — и сверх того. Драконов, правда, нет — зато в изобилии грифоны и василиски. Нет волшебного меча — есть магический кинжал. Уттаки заменят привычных гоблинов и троллей, монтарвы — гномов, а лоанцы… ну, скажем, хоббитов. Разлученных влюбленных, которые по злой воле судьбы и произволу автора не могут воссоединиться вплоть до последней страницы романа, вы тоже встречали неоднократно. И все равно — читаешь, и невозможно оторваться. И не только потому, что В. Арчеру удалось найти оригинальный ход в собственно

фантастической части романа — магия в его книге подчинена физическим законам, а конкретно — законам оптики, и потому традиционное деление на «черную» и «белую» к ней неприменимо. Но прежде всего — в силу увлекательности повествования. Роман В. Арчера — он в отличие от популярных ныне «саг» и «хроник», вполне самодостаточен, хотя и не исключает возможности продолжения — произведение приключенческое и развлекательное. Такое заявление до недавнего времени могло быть расценено как злостный выпад в адрес автора. Еще худшим (вплоть до статьи УК) было бы определение «эскапистский», то бишь уводящий от действительности. Хотя у всех народов помимо бардов и скальдов, творивших для узкого круга собратьев-посвященных и более-менее щедрых покровителей, существовали сказители, story-tellers, которых слушали все. Так что обвинять В. Арчера в том, что его роман не отличается социальной остротой, психологизмом, и вообще грешит политической некорректно лью, поскольку его герои сражаются против притесняемого коренного населения Келады (уттаков, то есть), было бы столь же нелепо, как разбирать «Трех мушкетеров» по критериям, заданным «Братьями Карамазовыми». Вадим Арчер и есть такой сказитель в кругу усталых, злых и издерганных слушателей. В подобной ситуации волшебная сказка, помноженная на приключенческий роман, служит прекрасным подспорьем.

Но — сказитель обязан точно угадать, чего от него хочет публика — иначе его просто не станут слушать. Хочется верить, что стрела, выпущенная Вадимом Арчером (ведь «арчер» по-английски «лучник»), попадет в цель.

Арчер В.
Алтари Келады: Роман. — Н. Новгород: НПП "Параллель" совместно с издательством "Нижегородская ярмарка", 1996. — 640 с.: ил.

ISBN 5-86067-041-9

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ
ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР